

**Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Департамент образования и кадровой политики
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Красноярский государственный аграрный университет»**

НАУКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Материалы Международной научно-практической конференции
(16–17 апреля 2026 г.)

SCIENCE: EXPERIENCE, PROBLEMS, DEVELOPMENT PROSPECTS

Materials of the International Scientific and Practical Conference
(April 16–17, 2026)

ЧАСТЬ 2 / PART 2

Электронное издание

Красноярск 2026

ББК 74.48я431
УДК 338.43
Н 34

Ответственные за выпуск:

А.В. Коломейцев, М.В. Горелов, Д.Д. Харебин

Редакционная коллегия:

Д.Д. Харебин – ведущий специалист Управления науки и инноваций ФГБОУ ВО
Красноярский ГАУ

В.С. Литвинова – канд. с.-х. наук, ведущий специалист Управления науки и инноваций
ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ

Н 34 Наука: опыт, проблемы, перспективы развития [Электронный ресурс]: материалы международной научно-практической конференции (16–17 апреля 2026 года). Часть 2 / Красноярский государственный аграрный университет. – Красноярск, 2026. – 410 с.

Во второй части сборника представлены научные работы в области ветеринарии и биотехнологии, социологии, экономики, философии, истории, юриспруденции, информационных технологий и физической культуры, затрагивающие в себе вопросы развития и совершенствования сферы АПК.

Предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов сельскохозяйственных образовательных учреждений, специалистов сельского хозяйства.

Science: experience, problems, prospects of development [Electronic resource]: International materials. Scientific and Practical Conference (April 16–17, 2026). Part 2 / Krasnoyarsk State Agrarian University. – Krasnoyarsk, 2026. – 410 p.

The second part of the collection presents scientific papers in the fields of veterinary medicine and biotechnology, sociology, economics, philosophy, history, law, information technology and physical education, which address issues of development and improvement of the agricultural sector.

It is intended for researchers, teachers, graduate students and students of agricultural educational institutions, agricultural specialists.

ББК 74.48я431
УДК 338.43

Информация об опубликованных статьях размещена на платформе
научной электронной библиотеки eLIBRARY.ru.

Статьи публикуются в авторской редакции, авторы несут полную ответственность за содержание и изложение информации: достоверность приведенных сведений, использование данных, не подлежащих публикации, использованные источники и качество перевода. Издательство не несет ответственности за опубликованные материалы. Все материалы отображают персональную позицию авторов. Мнение издательства может не совпадать с мнением авторов.

© ФГБОУ ВО «Красноярский государственный
аграрный университет», 2026
© Авторы статей, 2026

СЕКЦИЯ 6. ИННОВАЦИИ В ВЕТЕРИНАРНОЙ МЕДИЦИНЕ И БИОТЕХНОЛОГИИ

УДК 619:616-091:616.6 (636.5)

ПОСТМОРТАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА ПРИЧИН СМЕРТИ КУР, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ЧАСТНЫХ ХОЗЯЙСТВАХ

Вахрушева Татьяна Ивановна, кандидат ветеринарных наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
vlad_77.07@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты постмортальной диагностики причин смерти кур, содержащихся в частных хозяйствах, расположенных на территории Красноярского края, с установлением основного заболевания, его осложнений, в том числе смертельного, выявлением причинно-следственных связей между ними, а также основных этиологических факторов.

Ключевые слова: куры, патоморфология, нарушение обмена веществ, ветеринарно-санитарные нормы, диагностика, патологоанатомический диагноз, дифференциальная диагностика

POSTMORTAL DIAGNOSIS OF THE CAUSES OF DEATH OF CHICKENS KEPT IN PRIVATE FARMS

Vakhrusheva Tatyana Ivanovna, Candidate of Veterinary Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
vlad_77.07@mail.ru

Abstract. The article presents the results of postmortem diagnostics of the causes of death of chickens kept in private farms located in the Krasnoyarsk Territory, with the establishment of the underlying disease, its complications, including fatal ones, the identification of cause-and-effect relationships between them, as well as the main etiological factors.

Keywords: chickens, pathomorphology, metabolic disorders, veterinary and sanitary standards, diagnostics, pathological diagnosis, differential diagnostics

Погрешности в содержании и кормлении животных и птиц приводят к нарушению обменных процессов и гомеостаза, что в свою очередь часто становится причиной развития патологических состояний, характеризующихся нарушением функции иммунной и других систем организма и при отсутствии своевременного устранения патогенного фактора, может привести к смерти животного [1, 2, 3, 4].

Наиболее часто нарушения ветеринарно-санитарных норм содержания и несбалансированность рационов выявляется в промышленном скотоводстве и птицеводстве, что усугубляется также воздействием на организм обилия различных стресс-факторов, в том числе скученном содержании, несвоевременной диагностикой и лечением, а также неполноценной профилактикой вследствие значительного количества поголовья. Вместе с тем, при содержании животных в частных хозяйствах, несмотря на отсутствие вышеперечисленных негативных условий, также возможно развитие различных патологических состояний, связанных с несоблюдением основных базовых правил [1, 2, 3, 4].

Цель исследования: установление причин смерти птиц, содержащихся в частных хозяйствах, с выявлением основного и фонового заболевания, а также этиологии их развития

и причинно-следственных взаимосвязей.

Материалы и методы: Объектом исследования явились трупы павших кур, содержащиеся в двух частных хозяйствах – 4 головы (n=4), по 2 головы из каждого. Возраст всех птиц – от 1 до 2 лет. Патологоанатомическое вскрытие проводилось в прозектории кафедры анатомии, патологической анатомии и хирургии, при дневном свете. Вскрытие трупов кур осуществлялось методом полной эвисцерации. Специфическая инфекция исключалась путём патологоанатомической дифференциальной диагностики.

Результаты исследований. Всех павших птиц разделили на 2 группы: из хозяйства № 1 – группа 1 и хозяйства № 2 – группа 2. При изучении анамнеза павшей птицы установлено, что профилактические мероприятия – вакцинация, противопаразитарные обработки в частных хозяйствах не проводились. Содержание птицы осуществлялось в специальном помещении: зимой – в «стайке», летом – также выгул во дворе. Кормление птицы производилось преимущественно пшеницей в виде зерна и «дроблёнки», с добавлением варёных овощей, в одном из хозяйств в рацион птице также добавляли измельченную ракушку и сушеную крапиву, иная витаминно-минеральная или белковая подкормка – отсутствовала, на основании чего можно сделать вывод, что рацион птиц не был сбалансирован по белковому и витаминно-минеральному составу. В помещениях для содержания птиц не осуществлялись мероприятия по дезинфекции, дератизации и дезинсекции, что так же указывает на нарушение санитарно-гигиенических норм. Клинические признаки павшей птицы характеризовались владельцами следующим образом: «...пропал аппетит, «села на ноги», утром нашли павшей или смерть наступила через неделю». Хозяева трактовали смертельный исход, как «подмёрзла» и «старость».

При проведении патологоанатомического вскрытия всех трупов обнаруживалась следующая картина патологоанатомических изменений: при наружном осмотре выявлялись признаки, указывающие на глубокое нарушение обмена веществ и функции сердечно-сосудистой системы (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты наружного осмотра трупов павшей птицы

Вид исследованных тканей / органов	Патологоанатомические изменения	
	<i>Группа 1</i>	<i>Группа 2</i>
Кожные покровы	Цианоз, застойная гиперемия, маллофагоз	Цианоз, застойная гиперемия, маллофагоз
Производные кожи в области головы	Цианоз, умеренный гиперкератоз	Выраженный цианоз, выраженный гиперкератоз
Перьевой покров	Обширные участки алопеций, Загрязнения в области клоаки помётом	Загрязнения в области клоаки помётом
Роговые образования: когти	Умеренный очаговый гиперкератоз, язвенный дерматит, малафагоз	Выраженный гиперкератоз
Подкожная клетчатка	Застойная гиперемия сосудов	Вариант нормы
Кости, костный мозг	Кости – ломкие; Гиперемия, серозный отек красного костного мозга	Кости – вариант нормы; Гиперемия, серозный отек красного костного мозга
Скелетная мускулатура	Умеренная атрофия, анемия	Вариант нормы
Естественные отверстия	Отверстие клоаки зияет	Отверстие клоаки зияет
Видимые слизистые	Острый катаральный клоацит	Острый катаральный клоацит

На основании проведённого наружного осмотра можно заключить, что у птиц у кур из хозяйства №1 выявлялись выраженные признаки кахексии, маллофагоз, осложнённый алопециями, язвенным дерматитом и умеренным гиперкератозом кожных покровов в области конечностей у кур из хозяйства № 2 выявлялись выраженные признаки гиперкератоза кожных покровов в области конечностей и производных кожи в области головы. У всех птиц обнаруживались признаки цианоза кожных покровов и острого катарального клоацита. Было установлено, что возраст всех птиц составлял от 1 года до двух лет.

При осмотре грудобрюшной полости у птиц группы №1 выявлялось отсутствие жира в жировых депо. У трупов всех четырех птиц изменения органов репродуктивной системы в виде острого или подострого серозного овариита и острого катарального сальпингита, также сочетающегося с картиной острого катарального клоацита и в двух случаях, и группы №2 с острым локальным серозно-фибринозным перитонитом.

Изменения селезёнки соответствовали картине острой застойной гиперемии во всех четырех случаях вскрытия, у птиц группы № 1 в одном случае сочетающейся с умеренной гиперплазией. В органах желудочно-кишечного тракта у 100% птиц, обнаруживалась картина острого катарального энтерита и энтероколита, и острого серозного панкреатита, у двух птиц группы № 1 так же в полости тонкого кишечника выявлялись круглые гельминты – нематодами *Ascaridia galli*. У всех птиц обнаруживались изменения головного мозга и лёгких в виде острого застойного отёк.

В тканях печени, почках и сердечной мышцы выявлялась белково-жировая дистрофия в сочетании с острой пассивной гиперемией, также в печени у одной птицы группы №1 обнаруживались фокусы коагуляционного некроза, у двух птиц – признаки острого серозно-катарального холецистита. В сердце наблюдалась картина строго расширения правых или одновременно правых и левых полостей со значительным заполнением их жидкой плохо свернувшейся кровью. Результаты внутреннего осмотра трупов птиц представлены в таблице 2.

Дифференциальную диагностику от болезней, вызываемых специфической микрофлорой проводили путём оценки морфологии иммунокомпетентных органов, по отсутствию признаков реактивного воспаления.

Таблица 2 – Результаты внутреннего осмотра трупов павшей птицы

<i>Вид исследованных тканей / органов</i>	<i>Патологоанатомические изменения</i>	
	<i>Группа 1</i>	<i>Группа 2</i>
Желудочно-кишечный тракт	Острый катаральный энтероколит, острый локальный серозно-фибринозный перитонит, аскаридоз, острый серозный панкреатит, острый катаральный клоацит	Острый катаральный энтероколит, острый локальный серозно-фибринозный перитонит, острый серозный панкреатит, Острый катаральный клоацит
Грудобрюшная полость	Застойная гиперемия серозных покровов, водянка, отсутствие жира в жировых депо	Застойная гиперемия серозных покровов
Печень, желчный пузырь	Застойная гиперемия, белковая дистрофия, некротические фокусы, острый серозно-катаральный холецистит	Застойная гиперемия, белково-жировая дистрофия
Почки	Застойная гиперемия, белковая дистрофия	Застойная гиперемия, белковая дистрофия
Органы дыхания	Застойная гиперемия, отёк лёгких	Застойная гиперемия, отёк лёгких
Сердце	Белковая дистрофия, острая дилатация правых сердечных полостей	Белковая дистрофия, острая дилатация правых сердечных полостей
Селезёнка	Умеренная гиперплазия, острая застойная гиперемия	Острая застойная гиперемия
Репродуктивная система	Острый / подострый серозный овариит, острый серозно-катаральный овариосальпингит	Острый / подострый серозный овариит, острый серозно-катаральный овариосальпингит
Головной мозг	Пассивная гиперемия, отёк	Пассивная гиперемия, отёк

Обсуждение полученных результатов: анализ патологоанатомических изменений показал, что у всех птиц наблюдались тяжелые дистрофические изменения органов и тканей, указывающие на глубокие нарушения обмена веществ, на фоне выраженной белковой и

витамино-минеральной недостаточности: характеризующиеся белковой и белково-жировой дистрофией паренхиматозных органов и миокарда, а также гиперкератозом кожи, у птиц группы №1 общая интоксикация усугублялась в результате развития паразитарных заболеваний – аскаридоза в сочетании с маллофагозом, осложнённых кахексией, общей анемией и язвенным дерматитом. Общая хроническая интоксикация осложнялась снижением иммунного статуса и резистентности к секундарной микрофлоре, что способствовало развитию острых воспалительных процессов в репродуктивной системе, в том числе на фоне нарушения моторной функции яйцевода, регулирующейся гормонами яичника, и в желудочно-кишечном тракте. Глубокие нарушения метаболизма обусловили развитие полиорганной недостаточности и летальный исход на фоне отёка головного мозга и острой застойной гиперемии лёгких, приведшей к асфиксии.

Заключение. Этиологическими факторами, приведшими к развитию комплекса заразных и незаразных патологий и гибели кур, являлись грубые нарушения условий ветеринарно-санитарных норм содержания и ухода, несбалансированность рационов и отсутствие профилактических мероприятий, в том числе, противопаразитарных обработок.

Список литературы

1. Вахрушева Т.И. Особенности патоморфологических изменений органов и тканей у кур-несушек при патологии репродуктивной системы / Т.И. Вахрушева // Вестник КрасГАУ. – Красноярск. – 2015. – № 11. – С. 198-207.
2. Вахрушева, Т. И. Сальпинго-перитонит гусей: патоморфологические аспекты / Т. И. Вахрушева // Достижения и перспективы реализации национальных проектов развития АПК: Сборник научных трудов по итогам VIII Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РФ и КБР, профессора Б.Х. Жерукова, Нальчик, 19–21 ноября 2020 года. Том Часть I. – Нальчик: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет имени В.М. Кокова», 2020. – С. 139-144. – EDN OMRVSA.
3. Вахрушева, Т. И. Патоморфологическая диагностика орнитобактериоза у декоративных голубей / Т. И. Вахрушева // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. – 2021. – Т. 248, № 4. – С. 35-41. – DOI 10.31588/2413-4201-1883-248-4-35-34. – EDN TUPCDQ.
4. Вахрушева, Т. И. Инфекционный синусит птиц: патоморфологическая диагностика у кур / Т. И. Вахрушева // Проблемы современной аграрной науки Материалы международной научной конференции, Красноярск, 15 октября 2021 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021. – С. 102-104. – EDN PAVCGZ.

УДК 637.07

ГИСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МЯСНОГО ПРОДУКТА КАТЕГОРИИ А «КОЛБАСА ДОКТОРСКАЯ» С ПРИМЕНЕНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОГО АНАЛИЗА ЦИФРОВЫХ ФОТОГРАФИЙ

Донков Сергей Александрович, кандидат биологических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
donkov5@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты гистологического исследования мясного продукта категории А «Колбаса варёная Докторская». С гистологических препаратов были сделанные цифровые фотографии. По результату компьютерной системе анализа было определено количественное содержание мышечной ткани и жира в исследуемом объекте. Исследования показали, что в колбасе «Докторская» содержание мышечной ткани составило 58,2 %, в то время как согласно ГОСТу 33673-2015 варёное колбасное изделие категории А должно содержать мышечную ткань более 60 %. Исследуемая колбаса «Докторская» по содержанию в ней мышечной ткани не соответствует продукту категории А, указанному на этикетке.

Ключевые слова: колбаса «Докторская», категория, определение состава, мышечная ткань

HISTOLOGICAL STUDY OF THE A-CATEGORY MEAT PRODUCT "DOCTOR'S SAUSAGE" USING COMPUTER ANALYSIS OF DIGITAL PHOTOGRAPHS

Donkov Sergey Aleksandrovich, Candidate of Biological Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
donkov5@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a histological study of the A-category meat product "Boiled Doctor's Sausage." Digital photographs were taken from the histological specimens. The computer analysis system was used to determine the quantitative content of muscle tissue and fat in the studied object. Research has shown that the content of muscle tissue in Doctor's sausage was 58.2%, while according to GOST 33673-2015, a cooked sausage product of category A should contain more than 60% muscle tissue. The Doctor's sausage under study does not meet the requirements of category A, as indicated on the label.

Keywords. Doctor's sausage, category, composition definition, muscle tissue

Введение. Методы контроля качества варёных колбасных изделий предусматривают их органолептическую оценку, проведение физико-химического, микробиологического, радиологического контроля, а также определение содержания в них токсичных элементов. Существующая ветеринарно-санитарная оценка качества мясных продуктов направлена в первую очередь на определение их безопасности и не затрагивает изучение количественного состава содержащихся в продукте ингредиентов [1].

Как указывает доктор технических наук Хвилья С.И. [2] лидером в этом направлении является ГНУ ВНИИМП им. В.М. Горбатова Россельхозакадемии. К настоящему времени сотрудниками данного института на основании накопленных знаний разработан ряд ГОСТов, определяющих порядок и методику проведения гистологического исследования мяса и мясных продуктов с целью определения их состава.

Применяя гистологический метод, исследователь может сделать заключение о соответствии состава изучаемого мясного продукта составу, указанному на этикетке или в других регламентирующих документах, т.е. выявить фальсифицированные мясные

продукты.

В гистологии наиболее распространённым, хорошо изученным и широко применяемым является метод морфометрии. При данном методе используют окуляр-микрометр и объектив-микрометр. С их помощью можно измерить размеры изучаемого объекта в двух измерениях – в высоту (Y) и в ширину (X), а также вычислить площадь объекта (S) в гистологическом препарате и, тем самым, рассчитать площадь ингредиента в гистологическом препарате, и соответственно рассчитать процент содержания ингредиента в продукте.

К количественной морфометрии относятся также планиметрия и стереология. При использовании этих методов возникает необходимость в специальных измерительных инструментах и программном обеспечении. Планиметрия основана на измерении линейных размеров и подсчёте структур в двумерной плоскости среза ткани. Стереологические измерения производят в объёме, что даёт количественную характеристику структуры и элементов в целом объекте, а не в отдельной его части, как в случае планиметрии [3].

Результатом морфометрического анализа мясных продуктов является определение процента площади, занимаемого данным компонентом в гистологическом препарате, содержания ингредиента в продукте в процентах, а при экстраполяции на продукт делается заключение об объёмном проценте (об. %) содержания в исследуемом образце.

В настоящее время существуют компьютерные программы, позволяющие провести морфометрические измерения структур объектов на гистологических препаратах с большой точностью, что позволяет уменьшить трудозатраты и дать доказательное заключение о количественном составе изучаемого продукта.

Допускают наряду с использованием окулярного микрометра проводить морфометрические измерения при помощи системы анализа изображений.

Современные программы позволяют проводить «выбор» анализируемых структур в автоматическом режиме, проводить многофакторный анализ и представлять результаты исследований в виде таблиц и графиков распечатанными на бумаге.

Система анализа изображений даёт возможность получить детальную количественную информацию по следующим параметрам измерений: площадь (в том числе внутренняя площадь и периметр), размеры (средняя хорда, длина, ширина, средний размер, минимальный, максимальный и средний диаметр Фере, размеры по X и Y), размеры по формам (фактор круга/эллипса, округлость, удлиненность), размеры по моделям, цветовые и оптические и др., при этом специалист-гистолог должен точно установить границы измеряемых объектов.

Так, данный метод применила в своих исследованиях В.А. Пчёлкина [4]. С помощью компьютерной системы анализа изображений AxioVision 4.7.1.0, разработанной для гистологических исследований, ею были определены минимальные, максимальные и средние размеры костных частиц, а также их количество в продуктах для детского питания. Программа рассчитала размер и количество частиц, которые превысили нормируемый размер. Автор, также при помощи этой компьютерной программы подсчитала размер дисперсности частиц в мясных продуктах, предназначенных для детского питания.

Группа исследователей [5] сообщает, что, проведя стереометрический гистологический анализ ассортимента из 8 видов варёных колбас при помощи окулярной измерительной сетки установили, что содержание мышечной ткани в колбасе «Докторская» не соответствовало заявленной категории А продукта и что содержание мышечной ткани в колбасе составило 51,4 %.

В России для борьбы с фальсифицированными пищевыми продуктами принят закон ФЗ № 29 «О качестве и безопасности пищевых продуктов». В статье 1 «Основные понятия» данного закона даётся определение фальсификации: «Фальсифицированные пищевые продукты, материалы и изделия - пищевые продукты, материалы и изделия, умышленно изменённые (поддельные) и (или) имеющие скрытые свойства и качество, информация о

которых является заведомо неполной или недостоверной» (6).

Целью наших исследований являлось изучение содержания мышечной ткани в продукте «Колбаса варёная Докторская» категории А.

В связи с обозначенной целью нами были поставлены следующие **задачи**:

1. Изготовить гистологические препараты из колбасы «Докторская»
2. Получить цифровые фотографии с гистологических препаратов
3. Изучить количественное содержание мышечной ткани и жира в колбасе «Докторская» методом компьютерного анализа цифровых фотографий.

Материал и методы исследований. Материалом для исследования послужила проба мясного продукта категории А - «Колбаса варёная Докторская».

Гистологические препараты изготавливали в гистологической лаборатории кафедры анатомии, патологической анатомии и хирургии Института биотехнологии и ветеринарной медицины Красноярского ГАУ.

Для этого из разных мест продукта нами были взяты 10 образцов, которые были зафиксированы в 10 %-ном растворе формалина и в дальнейшем из них изготовили гистологические препараты.

Срезы изготавливали на полуавтоматическом ротационном микротоме Cut 5062. Срезы окрашивали краской гематоксилин-эозином. При этом мышечная ткань окрашивалась в красно-розовый цвет различных оттенков. При изготовлении гистологических препаратов мы использовали органические растворители - ксилол и спирт, которые экстрагируют жир, поэтому на гистологических препаратах в тех местах, где ранее присутствовал жир остаются неокрашенные пустоты.

Микроскопию гистологических препаратов и фиксацию наблюдаемых объектов в виде цифровых фотографий проводили на микроскопе Levenhuk D870T оснащённого цифровой камерой на 8 мегапикселей и сопровождаемого программным обеспечением Levenhuk для компьютера. Всего нами было изготовлено 30 гистологических препаратов. Далее в случайном порядке мы отобрали 10 гистологических препаратов, с которых были сделаны 10 цифровых фотографий.

Определение количества мышечной ткани и жира в срезах колбасы проводили методом анализа цифровых фотографий, полученных с гистологических препаратов при помощи компьютерной программы Pixel Color Counter представленной на онлайн-сервисе [7]. Данная программа подсчитывает в фотографии количество пикселей различных цветов.

Среднее значение количества пикселей определённого цвета с десяти фотографий подсчитали, используя электронные таблицы Ms. Excel.

Результаты исследования. Батон варёной колбасы «Докторская» представлен на рисунке 1.

Цифровая фотография гистологического препарата колбасы «Докторская» в чёрно-белом формате представлена на рисунке 2.

Чёрно-серые пиксели отражали мышечную ткань, а на месте жира остались неокрашенные пустоты.

Все 10 фотографий имели одинаковые размеры в пикселях (px): ширина – 1.600 px и высота – 1.600 px.

Рисунок 1 – Колбаса варёная «Докторская». На этикетке указана категория А мясного продукта

Количество пикселей в каждой фотографии составляло по 2.560.000 рх.

В 10 фотографиях программа подсчитала среднее арифметическое значение (М) черно-серых пикселей и (М) светло-серых пикселей.

Оказалось, что среднее значение тёмных пикселей было равно 1.489.920 рх, что составило 58,2 % от общего количества пикселей, а среднее количество светлых пикселей было равно 1.070.080 рх, что составило 41,8 % от общего количества пикселей. Тёмные пиксели отображали мышечную ткань, а светлые - жировую ткань.

Таким образом, среднее значение количества мышечной ткани в колбасе составило 58,2 %, а количество жира составило 41,8 %.

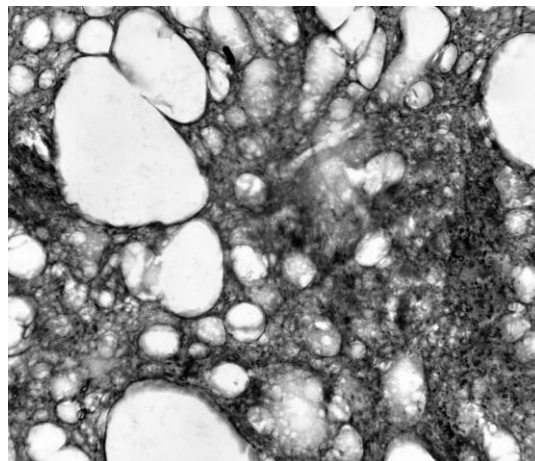

Рисунок 2 – Цифровая фотография, сделанная с гистологического препарата колбасы «Докторская» в чёрно-белом формате

Обсуждение результатов исследования. Колбасные изделия, предусмотренные настоящим стандартом, относятся к группе «мясные продукты» («мясные колбасные изделия») и подразделяются на категории А и Б. Колбаса «Докторская», изготовленная по данному стандарту, относится к категории А. Колбасные изделия отнесённые к категории А должны содержать в своём составе мышечной ткани более 60 % [8].

Колбаса «Докторская» имеет следующий состав: свинина, говядина, вода питьевая, яйца куриные, молоко коровье цельное, сахар, специи (мускатный орех), нитратная соль (соль поваренная пищевая, нитрит натрия (фиксатор окраски)), антиокислитель: аскорбиновая кислота, стабилизатор: пирофосфат натрия, усилитель вкуса и аромата: глутамат натрия.

При этом ни на этикетке, ни в ГОСТе ни процентное, ни количественное содержание ингредиентов в составе продукта не указывается.

Также, на изготовленных нами гистологических препаратах мы не нашли жировую ткань, вместо не неё присутствовали жировые пустоты, что говорит о введении в состав продукта свиного шпика, который не указан на этикетке.

Выводы. Колбаса варёная «Докторская» по содержанию в ней мышечной ткани не соответствует заявленной на этикетке категории А мясного продукта. При подсчёте тёмных и светлых пикселей на электронных фотографиях было вычислено среднее значение (М) тёмных и светлых пикселей. Было установлено, что тёмные пиксели составляли 58,2 % (мышечная ткань), а светлые 41,8 % (жир).

По содержанию в колбасе мышечной ткани -58,2 % исследуемый мясной продукт колбаса «Докторская» не соответствует заявленной на этикетке категории А. Исследуемую колбасу «Докторская» следует отнести к мясному продукту категории Б с более низкой пищевой и энергетической ценностью, при этом данный продукт можно трактовать как фальсификат.

Список литературы

1. Хвыля, С.И. Мониторинг отечественных мясных продуктов и полуфабрикатов за 2009 г. / С.И. Хвыля, С.С. Бурлакова, В.А. Пчёлкина // Пищевая промышленность. -2010. - №3. - С. 12-13.
2. Хвыля, С.И. От «А» и далее в гистологии мясных продуктов / С.И. Хвыля // Всё о мясе. – 2010. - №10. – С. 32-33.
3. Гущин, Я.А. Применение методов морфометрии для оценки гистопатологии в

доклинических исследованиях / Я.А. Гущин // Лабораторные животные для научных исследований. – 2024. – Т.7. - №1. - С. 32 – 41.

4. Пчёлкина, В.А. Возможности применения системы анализа изображения при исследовании мясного сырья и продуктов / В.А.Пчёлкина // Техника и технология пищевых производств. – 2016. – Т. 43. - № 4. – С. 70-75.

5. Нехайчук, Е.В. Гистологический анализ варёных колбас / Е.В. Нехайчук, С.Е. Лысенко, Е.Ю. Зяблицкая, Т.П. Макалиш // Актуальные вопросы ветеринарной биологии. - 2024. - №1 (61). - С. 49-54.

6. ФЗ №29 от 02 января 2000 года «О качестве и безопасности пищевых продуктов» (в ред. Федерального закона от 01.03.2020 N 47-ФЗ) URL: https://shkolagordino-r43.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/47/2859/4_Federalnyj_zakon_ot_02.01.2000_N_29_zorapnostipishhevyxproduktov.pdf (дата обращения 05.11.2025 г.).

7. Pixel Color Counter /URL: <https://townsean.github.io/canvas-pixel-color-counter/> (дата обращения 03.06.2025 г.).

8. ГОСТ 33673-2015 «Изделия колбасные варёные. Общие технические условия». - М.: Стандартиформ. – 2019. – 14 с.

УДК 637/340.6

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОХОТНИЧЬЕ-ПРОМЫСЛОВЫХ ПТИЦ

Донкова Наталья Владимировна, доктор ветеринарных наук, профессор
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
dnv-23@mail.ru

Аннотация. В статье представлены сведения о судебно-экспертном исследовании охотничье-промысловых птиц, на примере сибирского таёжного гуменника (*Anser fabalis middendorffii*). Данный подвид гуся внесен в Красную книгу Красноярского края, установлен запрет на его добычу. Однако, встречаются случаи незаконной охоты. Правоохранительные органы назначают судебно-экспертное исследование, где перед экспертом ставятся вопросы о видовой принадлежности, изъятой на месте происшествия, птицы и причине ее смерти. В ходе проведения судебно-экспертного исследования с использованием биологических, анатомо-топографических и морфометрических методов, установлено, что исследуемая птица, относится к подвиду восточный (сибирский) таежный гуменник. Масса тела птицы с оперением составила 3 кг, 215 гр., размах крыльев – 160 см. Окрас пера - буровато-серый на спине, на шее и голове - более темный, лапы (стопы) - оранжевые, длина клюва 7 см, клюв черный с оранжевой поперечной полосой, перья на крыльях с контрастным светлым окаймлением. При патологоанатомическом вскрытии птицы обнаружены многочисленные повреждения на коже, в мышцах и внутренних органах, характерные для воздействия снарядами стрелкового оружия. В следствии чего у птицы развилось кровотечение, которое привело к параличу сердца и послужило причиной смерти.

Ключевые слова: судебная экспертиза, охотничьи-промысловые птицы, огнестрельные ранения, патологоанатомическое вскрытие

FORENSIC-EXPERT RESEARCH OF HUNTING AND TRAPPING BIRDS

Donkova Natalia Vladimirovna, Doctor of Veterinary Sciences, Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
dnv-23@mail.ru

Abstract. The article provides information about forensic examination of hunting birds, using the Siberian taiga gander (*Anser fabalis middendorffii*) as an example. This subspecies of goose is listed in the Red Book of the Krasnoyarsk Territory, and its hunting is prohibited. However, there are cases of illegal hunting. Law enforcement agencies conduct forensic examinations, where the expert is asked to determine the species of the bird found at the scene and the cause of its death. During the forensic examination using biological, anatomical-topographic, and morphometric methods, it was established that the bird under study belongs to the Eastern (Siberian) taiga grouse subspecies. The bird's body weight with feathers was 3 kg, 215 g, and its wingspan was 160 cm. The feather color is brownish-gray on the back, darker on the neck and head, the legs (feet) are orange, the beak is 7 cm long, the beak is black with an orange transverse stripe, and the wing feathers have a contrasting light color. During the postmortem examination of the bird, numerous skin, muscle, and internal organ injuries were found, which were characteristic of gunshot wounds. As a result, the bird developed a hemorrhage, which led to cardiac paralysis and caused its death.

Keywords: forensic examination, hunting birds, gunshot wounds, pathological autopsy

На территории Красноярского края обитают разные виды диких водоплавающих птиц: гуси, утки, лебеди и гагары. Многие из них занесены в Красную книгу Красноярского края, в частности сибирский таёжный гуменник (*Anser fabalis middendorffii*). Данный подвид

относится к отряду гусеобразные (Anseriformes), семейству утиные (Anatidae). Ему присвоен статус: уязвимый подвид с сокращающейся численностью. Подвид занесён в Красную книгу РФ. Выделяют ряд субпопуляций: Мойеро-котуйскую, Эвенкийскую, Ангаро-тунгусская и Саянскую [1, С.83].

Сибирский таёжный гуменник является наиболее крупным подвидом гуменника. Масса его тела достигает четырех-пяти кг, размах крыльев 138-180 см. Окраска оперения тёмно-бурый со светлыми ободками перьев на спине и на крыльях. Клюв удлинённый и достигает 71-91 мм. Нижняя челюсть относительно слабоизогнутая. Клюв окрашен в чёрный цвет с жёлтой или оранжевой предвершинной перевязью, а лапы - жёлто-оранжевые. Радужная оболочка глаза - бурая. Молодые птицы отличаются по форме опахал контурного оперения, образующих чешуйчатый рисунок на груди и боках, и размытой «грязной» окраской клюва [1, С.83].

Распространен данный подвид гуменника широко, он населяет таёжную зону Сибири, наиболее частым ареалом его обитания является подзона северной тайги, в частности территория восточнее реки Енисея, а именно в Эвенкии. Южная граница проходит там по водоразделам рек Ангары, Большого Пита и Подкаменной Тунгуски. Условная граница проходит по Енисейскому кряжу, Западно-Тунгусскому плато, западным и северным склонам Путоранского и Анабарского плато. Кроме того, обособленная субпопуляция сохранилась в Саянской горной системе. Область её распространения имеет характер изолированных поселений и сильно разобщённых отдельных гнездовых. Одно из наиболее важных мест расположено в бассейнах рек Амыла, Шадата и Тюхтета, включая Тюхтетское и Шадатское болота. Спорадично птица гнездится в бассейнах Кизира и Казыра, Шинды, Нички, Тумны и Кинзелюка. Гуси Ангаро-тунгусской субпопуляции обитают чаще всего на приустьевых заболоченных участках и на обширных болотах водоразделов; Эвенкийской и Мойеро-котуйской – по рекам полугорного типа.

В Красноярском крае численность сибирского таёжного гуменника не превышает 17-20 тыс. особей. Размер Саянской субпопуляции оценивается в 1,5-2 тыс. (в пределах края обитает 250-350 особей), Ангаро-тунгусской – в 2 тыс. особей. Численность Эвенкийской и Мойеро-котуйской субпопуляций составляет 3,5 и 10,5 тыс. особей и заметно уменьшается [1, 2, 3].

Основными лимитирующими факторами являются: прямое истребление в результате браконьерской охоты, негативное воздействие оказывают также факторы беспокойства, трансформация среды обитания, в том числе при разработке россыпных месторождений золота.

На сегодняшний день добыча данного подвида гуся запрещена не только на территории Красноярского края, но и в республиках Хакасия, Тыва, Саха (Якутия), Бурятия, а также в Иркутской области. В данных субъектах РФ сибирский таёжный гуменник занесён в Красные книги регионов. [1, 2, 3].

Однако, случаи незаконной добычи этого редкого вида водоплавающей птицы на территории их обитания сохраняются. Браконьеры, осознавая общественную опасность и противоправный характер своих действий, предвидя наступление общественно-опасных последствий в виде нарушения экологической безопасности животного мира и причинения вреда охотничьим ресурсам, и желая этого, достоверно зная о том, что охота на дикую птицу – гуся вида сибирский таёжный гуменник запрещена, используя огнестрельное оружие, добывают ее. При задержании нарушителя, правоохранные органы, регистрируют факт незаконной охоты, изымают убитую птицу в качестве вещественного доказательства и назначают судебное экспертное исследование [4, 5, 6, 7].

Цель работы: провести судебно-экспертное исследование дикой промысловой птицы, с установлением ее вида, пола и определением причины смерти.

Объектом исследования явилась водоплавающая птица, изъятая правоохранными органами на месте происшествия. Основными методами исследования

явились: биологические, анатомо-топографические и морфометрические.

Установлено, что исследуемая птица покрыта оперением, перо хорошо удерживается. Окрас пера со стороны брюшных стенок тушки серо-белый, здесь перо частично загрязнено кровью. Перо на спине буровато-серого цвета с серыми вкраплениями, голова и шея - темно-серого цвета. Лапы (стопы) покрыты кожей оранжевого цвета без оперения. На боках и крыльях перья имеют светлые, контрастные ободки. Масса птицы составила 3кг 215 гр. Линейные размеры птицы: длина головы вместе с клювом – 13,5 см, длина клюва – 7,0 см. Клюв черного цвета, в передней трети клюва имеется поперечная полоса красно-оранжевого цвета шириной до 1,5 см. Поверхность спинки клюва ровная гладкая, без бугров. Длина шеи составила 18,0 см, длина туловища с хвостом – 65,0 см, размах крыла – 160 см.

При наружном осмотре трупа птицы установлено, что глаза полуоткрыты, глазные яблоки впавшие, радужка бурая. Из левого угла клюва вытекает небольшое количество крови.

На грудной кости в проекции сердца перьевой покров испачкан, вытекающей из раневого отверстия, кровью. После удаления пера в этой области обнаружено округлое сквозное отверстие с неровными пропитанными кровью краями размером 0,4×0,4 см. Окружающее рану перо, испачкано кровью. После снятия кожи с пером с внутренней стороны на подкожной клетчатке с левой стороны на уровне грудной клетки на расстоянии 3,5 см от белой линии обнаружены несколько сквозных отверстий, диаметром 0,4×0,5 см, с обожженными краями, что характерно для повреждений от снарядов стрелкового оружия. В проекции рукоятки грудной кости с левой стороны на 1 см от белой линии сквозное отверстие диаметром 0,5 см., пух вбит внутрь отверстия, что характерно для входного отверстия. С правой стороны в области рукоятки грудной кости 3 сквозных отверстия.

Определяется полный оскольчатый перелом правой голени с размозжением окружающей мышечной ткани и пропитыванием ее кровью черного цвета. При препарировании из мышц правого бедра извлечены металлические предметы неправильной формы светло-серого цвета диаметром до 3 мм. Справа в области лопатко-плечевого сустава в мышцах имеется раневой канал диаметром до 4 мм, близлежащие ткани отечны, пропитаны кровью. Определяется оскольчатый перелом левой плечевой кости, близлежащие ткани пропитаны черной кровью, отечны. В области левого плеча в мышцах обнаружен еще один металлический предмет с неровной поверхностью светло-серого цвета, диаметром до 2 мм. В целом, на коже со стороны подкожной клетчатки имеются 9 сквозных отверстий, характерных для повреждений от снарядов стрелкового оружия.

На внутренних органах извлеченного органокомплекса имеется ряд повреждений: на желудке сгустки черной крови. В грудобрюшной полости в области расположения легких и сердца сгустки крови черного цвета. Гематома в селезенке. Соотношение стенок правого и левого желудочка сердца 1:5.

На основании проведенного экспертного исследования, можно сделать следующие выводы:

1. По биологическим, анатомо-топографическим, морфологическим, морфометрическим характеристикам, представленный на экспертизу дикий гусь, относится к подвиду восточный (сибирский) таежный гуменник (*Anser fabalis middendorffii*).

2. На коже, в мышцах и внутренних органах птицы обнаружены многочисленные ранения, характерные для повреждений от снарядов стрелкового оружия. При вскрытии птицы обнаружены металлические предметы серо-белого цвета неправильной формы диаметром до 3 мм, переданные правоохранительным органам, назначившим экспертизу.

3. Причиной смерти исследуемой птицы явились многочисленные ранения от снарядов стрелкового оружия, что вызвало сочетанную травму в виде переломов костей, гематом, полостных кровотечений, что привело к параличу сердца и смерти.

Список литературы

1. Красная книга Красноярского края: В 2 т. Т. 1. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных / Гл. ред. А.П. Савченко (общая редакция), отв. редакторы разделов: А.А. Баранов (классы птицы, амфибии, рептилии); В.А. Заделёнов (класс костные рыбы); Ю.Н. Литвинов (класс млекопитающие); О.В. Тарасова (класс насекомые); 4-е изд., перераб. и доп.; СФУ. – Красноярск, 2022. – 251 с.: 222 ил.
2. Емельянов, В.И. Редкие и малочисленные животные Эвенкии. Проект «Красная книга» / В.И. Емельянов, А.П. Савченко, И.К. Гаврилов [и др.]; науч. ред. А.П. Савченко; СФУ. – Красноярск, 2020. – 144 с.
3. Солоха, А.В. Сведения по охотничьему использованию ресурсов водоплавающих птиц в Якутии / Солоха А.В., Блохин Ю.Ю. // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. 2023. Т. 28. № 3. С. 464-476.
4. Алимова, У.З. К вопросам охраны и рационального использования охотничье-промысловых птиц / У.З. Алимова // Форум молодых ученых. 2024. № 5 (93). С. 3-5.
5. Донкова, Н.В. Судебная ветеринарная экспертиза /Н.В. Донкова, Т.И. Вахрушева. – Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т., 2014. – 64 с.
6. Вахрушева, Т.И. Судебная ветеринарная экспертиза / Т.И. Вахрушева, Н.В. Донкова. – Москва: ИНФРА - М, 2024. – 187 с.
7. Донкова, Н.В. Значение микроструктурного анализа скелетных мышц промысловых животных в судебной экспертизе /Н.В. Донкова, И.Э. Менчикова // Вестник Омского государственного аграрного университета. 2025. № 3 (59). С. 46-53.

УДК 619:616.9-036.22(571.16)

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ЗАРАЗНЫХ БОЛЕЗНЕЙ ЖИВОТНЫХ В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Егоров Иван Владимирович¹, аспирант

Мельцов Иван Владимирович², кандидат ветеринарных наук, доцент

¹ Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкого, Кемерово, Россия

² Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского, Иркутск, Россия

¹ eiv@gsvt.tomsk.ru ² ivanmeltsov@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты ретроспективного эпизоотологического анализа заболеваемости животных заразными болезнями в Томской области в период с 2021 по 2025 гг. Целью исследования являлось определение структуры заболеваемости по видам животных и этиологическим группам, а также оценка динамики по ключевым нозологиям. Установлено, что в структуре заболеваемости доминирует крупный рогатый скот (48,3 %), а по этиологии преобладают гельминтозы (61,4 %). За анализируемый период достигнуто полное оздоровление региона по лейкозу крупного рогатого скота, однако сохраняются хронические очаги инфекционной анемии лошадей и зарегистрировано резкое ухудшение ситуации по бруцеллёзу. Полученные результаты обосновывают необходимость корректировки региональных программ противоэпизоотических мероприятий.

Ключевые слова: эпизоотологический анализ, структура заболеваемости, крупный рогатый скот, Томская область

STRUCTURAL ANALYSIS OF CONTAGIOUS ANIMAL DISEASES IN THE TOMSK REGION

Egorov Ivan Vladimirovich¹, Postgraduate Student

Meltsov Ivan Vladimirovich², Candidate of Veterinary Sciences, Associate Professor

¹ Kuzbass State Agricultural University named after V.N. Poletskov, Kemerovo, Russia

² Irkutsk State Agricultural University named after A.A. Ezhevsky, Irkutsk, Russia

¹ eiv@gsvt.tomsk.ru ² ivanmeltsov@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a retrospective epizootiological analysis of animal morbidity with contagious diseases in the Tomsk region from 2021 to 2025. The aim of the study was to determine the structure of morbidity by animal species and etiological groups, as well as to assess the dynamics of key nosologies. It was found that cattle dominate the morbidity structure (48.3%), and helminthiasis predominate in etiology (61.4%). During the analyzed period, complete recovery of the region from bovine leukemia was achieved; however, chronic foci of equine infectious anemia persist, and a sharp deterioration in the brucellosis situation was recorded. The obtained results substantiate the need to adjust regional programs of anti-epizootic measures.

Keywords: epizootiological analysis, morbidity structure, cattle, Tomsk region

Форма федерального статистического наблюдения № 1-вет «Сведения о заразных болезнях животных» является единственным официальным источником, позволяющим в динамике оценить распространение инфекционных и инвазионных болезней на территории субъектов Российской Федерации [1]. Систематический анализ этих данных даёт возможность не только констатировать текущую эпизоотическую ситуацию, но и выявлять многолетние тенденции, оценивать эффективность реализуемых мероприятий, своевременно корректировать региональные программы оздоровления [2].

Томская область относится к регионам Западной Сибири с развитым

агропромышленным комплексом. поголовье крупного рогатого скота составляет свыше 70 тыс. голов, свиней около 50 тыс., мелкого рогатого скота более 20 тыс. голов, лошадей около 5 тыс. голов. Значительная доля поголовья (до 60 %) сосредоточена в личных подсобных хозяйствах [3], что создаёт объективные трудности для проведения диагностических исследований, вакцинации и ликвидационных мероприятий. Ранее в регионе проводился анализ по отдельным нозологиям [4, 5, 6], однако комплексный структурный анализ заболеваемости по видам животных и группам болезней за пятилетний период не выполнялся, что определяет актуальность настоящего исследования.

Цель исследования - провести структурный анализ заразных болезней животных в Томской области за 2021-2025 гг. с акцентом на распределение заболеваемости по видам животных и этиологическим группам болезней.

Материалы и методы исследований. Материалом для исследования послужили официальные отчёты Департамента ветеринарии Томской области по форме 1-вет «Сведения о заразных болезнях животных» за 2021-2025 годы. Учитываемые показатели: количество заболевших животных по видам, количество вновь выявленных неблагополучных пунктов и очагов, количество оздоровлённых пунктов. Используются методы ретроспективного эпизоотологического анализа и описательной статистики [7]. Обработка и визуализация данных проводились с помощью программ Microsoft Excel.

Результаты исследований и их обсуждение. Анализ суммарных данных за 2021-2025 гг. позволил установить распределение зарегистрированных случаев заразных болезней по видам животных в таблице 1.

Таблица 1 - Структура заболеваемости животных по видам, 2021-2025 гг.

Вид животных	Доля, %	Среднегодовое число заболевших, голов
Крупный рогатый скот	48,3	982
Свиньи	18,7	380
Мелкий рогатый скот	14,2	289
Лошади	8,1	165
Птица	6,5	132
Плотоядные (кошки, собаки)	3,9	79
Пчёлы (пчелосемьи)	0,3	6

Крупный рогатый скот (КРС) является основным видом, на долю которого приходится почти половина всех регистрируемых случаев. Это обусловлено как высокой численностью поголовья, так и широким спектром поражающих нозологий (лейкоз, гельминтозы, протозоозы, бактериальные инфекции). Второе место занимают свиньи (18,7 %) - преимущественно за счёт нематодозов и бруцеллёза. Обращает на себя внимание значительная доля мелкого рогатого скота (14,2 %) и лошадей (8,1 %), что связано с высоким уровнем паразитарных болезней у этих видов.

Распределение зарегистрированных случаев по этиологии представлено на рисунке 1. Паразитарные болезни (гельминтозы + протозоозы + инвазии пчёл) составляют 79,9 % всей зарегистрированной патологии, что свидетельствует о широком распространении и недостатках в проведении профилактических обработок, особенно в личных подсобных хозяйствах.

Доля вирусных инфекций (12,8 %) в значительной степени определялась лейкозом КРС в 2021–2023 гг. После оздоровления региона от лейкоза (2025 г.) этот показатель существенно снизится. Бактериальные инфекции (7,3 %) приобретают всё большее значение в связи с появлением бруцеллёза.

За анализируемый период достигнуто полное оздоровление региона по лейкозу крупного рогатого скота. Динамика оздоровления представлена в таблице 2. На конец 2025 г. действующие очаги отсутствуют, новые неблагополучные пункты (НП) не регистрируются.

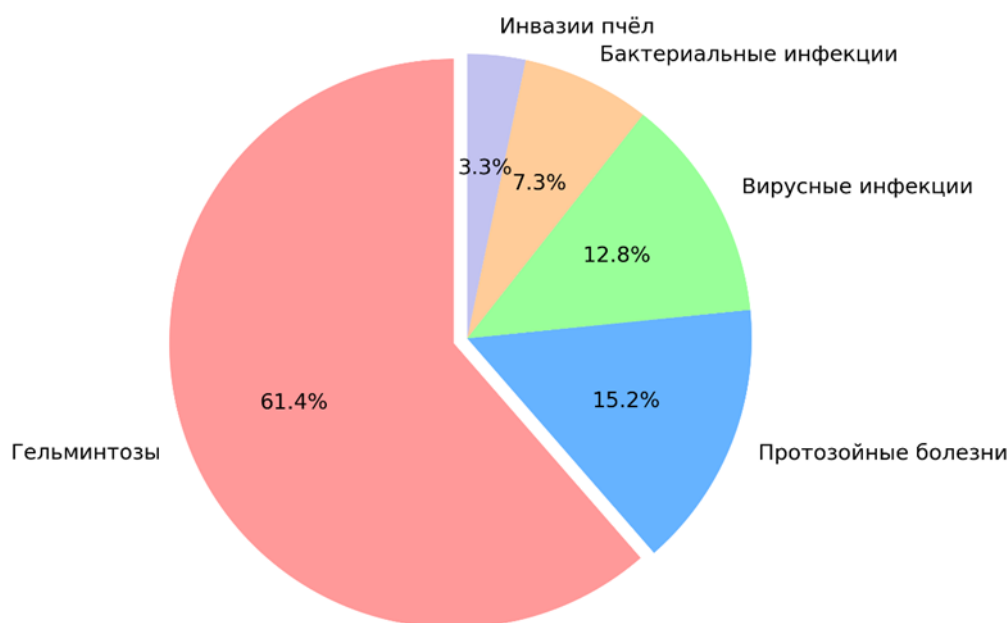

Рисунок 1 - Структура заразных болезней по этиологическим группам

Таблица 2 - Результаты оздоровительных мероприятий по лейкозу КРС

Год	НП на начало	Вновь выявлено	Оздоровлено НП	НП на конец
2021	0	10	0	10
2022	10	11	8	9
2023	9	3	10	3
2024	3	1	4	1
2025	1	0	1	0

В отношении инфекционной анемии лошадей отмечается позитивная динамика, оздоровлено 24 очага. Проблемой остаются 5 хронических очагов в Парабельском, Молчановском и Кривошеинском районах с 11 больными животными, что требует принятия мер.

Тревожная ситуация складывается по бруцеллёзу, после 30-летнего благополучия в 2024 г. и в 2025 г. отмечен неблагополучный пункт среди мелкого рогатого скота, свиней и собак. Чаинский район является хронически неблагополучным по варроатозу пчёл.

Выводы. 1) В структуре заболеваемости доминирует крупный рогатый скот (48,3 %), далее следуют свиньи (18,7 %), мелкий рогатый скот (14,2 %), лошади (8,1 %), птица (6,5 %), плотоядные (3,9 %), пчёлы (0,3 %). При планировании противоэпизоотических мероприятий приоритет должен отдаваться указанным видам.

2) По этиологической структуре преобладают гельминтозы (61,4 %), протозойные болезни (15,2 %), вирусные инфекции (12,8 %), бактериальные инфекции (7,3 %), инвазии пчёл (3,3 %). Паразитарные болезни составляют 79,9 % всей патологии, что требует пересмотра системы профилактических обработок.

3) Достигнуто полное оздоровление Томской области по лейкозу крупного рогатого скота. За 2021–2025 гг. ликвидировано 28 неблагополучных пунктов (32 очага). На конец 2025 г. действующие очаги отсутствуют, новые случаи не регистрируются.

4) Сохраняются хронические очаги инфекционной анемии лошадей (5 очагов, 11 больных животных) в Парабельском, Молчановском и Кривошеинском районах. Требуется реализация мер, включая полную замену поголовья.

5) Зарегистрировано ухудшение ситуации по бруцеллёзу (1 неблагополучный пункт в

2024–2025 гг.).

Проведенный анализ позволяет сделать заключение о необходимости смещения акцентов противоэпизоотической работы в сторону паразитарных болезней. Достигнутый успех в ликвидации лейкоза КРС демонстрирует эффективность системного подхода, который должен быть применен к борьбе с бруцеллёзом и хроническими очагами ИНАН. Требуется дифференцированный подход к планированию мероприятий с учётом выявленных зон риска и усиление контроля за личными подсобными хозяйствами.

Список литературы

1. Российская Федерация. Министерство сельского хозяйства. Об утверждении Порядка представления информации в Федеральную государственную информационную систему в области ветеринарии и получения информации из нее: приказ Минсельхоза России от 30.06.2017 № 318. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221048/ (дата обращения: 18.03.2026).
2. Пашкина Ю. В. Методологический подход к осуществлению эпизоотологического надзора / Ю. В. Пашкина, А. В. Чвала, А. В. Пашкин, Т. Н. Демидова // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. – 2011. – Т. 208. – С. 76-81. – EDN OILPYH.
3. Гаг А. В. Современное состояние развития агропромышленного комплекса Томской области / А. В. Гаг, В. В. Рождественская // Инновации и продовольственная безопасность. – 2018. – № 4(22). – С. 11-16. – EDN VOGGXU.
4. Коняев С. В. Фауна гельминтов охотничье-промысловых животных Томской области / С. В. Коняев, А. В. Малкина, Н. В. Иванова, Е. С. Клепцына // Ветеринария Кубани. – 2022. – № 3. – С. 32-34. – DOI 10.33861/2071-8020-2022-3-32-34. – EDN OJQTUJ.
5. Егоров И. В. Анализ эпизоотической ситуации и совершенствование мероприятий по профилактике бешенства на территории Томской области / И. В. Егоров, И. В. Мельцов // Основные тенденции развития АПК в современной России: Материалы VIII всероссийской (национальной) научно-практической конференции. В 2-х томах, Персиановский, 24 декабря 2025 года. – Персиановский: Донской государственный аграрный университет, 2025. – С. 78-83. – EDN WQFVBZ.
6. Разумовская В. В. Инфекция лейкоза крупного рогатого скота у молодняка в регионах Сибири / В. В. Разумовская, А. А. Щуцкая // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2019. – № 6(176). – С. 98-103. – EDN DVMSYB.
7. Аблов А.М. Применение статистических методов при анализе эпизоотической ситуации по инфекционным болезням животных и птиц: Методические рекомендации / А.М. Аблов, А.С. Батомункуев, Е.В. Анганова, И.В. Мельцов; ФГБУ "Иркутская межобластная ветеринарная лаборатория", ФГБОУ ВПО "Иркутская государственная сельскохозяйственная академия", ГБОУ ДПО "Иркутская государственная медицинская академия последипломного образования", Служба ветеринарии Иркутской области. - Иркутск: Иркутская государственная сельскохозяйственная академия, 2014. - 26 с. EDN BVZASM.

УДК 616.98:579.8

АНАЛИЗ МОНИТОРИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОВЯДИНЫ, СВИНИНЫ И МЯСА ПТИЦ

Ковальчук Наталья Михайловна, доктор ветеринарных наук, профессор
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
natalkoval55@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ результатов мониторинговых исследований, проведенных в лаборатории референтный центр Россельхознадзора г. Красноярск с 01.04.2024 г. по 30.09.2025 г., по факторам, определяющим микробиологические риски безопасности в мясе крупного рогатого скота, свиней и птицы. Установлено, что в образцах сырого мяса животных, выявлены бактерии группы кишечной палочки (БГКП), *Escherichia coli* и некоторые патогенные микроорганизмы (*Listeria monocytogenes*), в мясе птицы зафиксированы единичные случаи выделения *Salmonell* spp.

Ключевые слова: биологическая безопасность, мясо животных и птицы, общее микробное число, БГКП, сальмонеллы, листерии

ANALYSIS OF MONITORING RESEARCHES OF BIOLOGICAL SAFETY OF BOVINE, PORK AND BIRDS

Kovalchuk Natalia Mikhailovna, Doctor of Veterinary Sciences, Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
natalkoval55@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of the results of monitoring studies conducted at the reference center of the Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance in Krasnoyarsk from 01.04.2024 to 30.09.2025, focusing on the factors that determine microbiological safety risks in cattle, pig, and poultry meat. It was found that in samples of raw animal meat, bacteria of the *E. coli* group (*Escherichia coli*), *Escherichia coli* and some pathogenic microorganisms *Listeria monocytogenes* were detected, isolated cases of *Salmonell* spp were recorded in poultry meat.

Keywords: biological safety, animal and poultry meat, total microbial number, BCG, *Salmonella*, *Listeria*

В современных условиях обеспечение биологической безопасности мяса различных видов животных и птицы приобретает особо актуальное значение. Это связано с ростом мирового потребления продукции, усложнением цепочек поставок и ужесточением требований потребителей к качеству продуктов. Основные риски связаны с возможной контаминацией (загрязнением) продукции на всех этапах – от заготовки до прилавка. При этом ключевыми факторами, определяющими важность темы, являются: прежде всего микробиологические риски. Сырое мясо, и в том числе мясо птицы, может быть контаминировано патогенными микроорганизмами, такими как бактерии группы кишечной палочки (БГКП), *Escherichia coli*, *Salmonella*, *Listeria monocytogenes*, *Campylobacter*, *Staphylococcus*, а также микроскопическими грибами [2, 3, 5, 7].

Мясо служит сырьем для промышленного производства различных мясных продуктов, подразделяемых на полуфабрикаты, солено-копченые и колбасные изделия, консервы. Мясные полуфабрикаты и колбасные изделия могут содержать также пищевые добавки. Солено-копченые изделия характеризуются повышенным содержанием соли (7-12%). При этом, необходимо учитывать, что мясо является очень благоприятной питательной

средой для размножения микробов. Поэтому на всех этапах пути переработки мясопродуктов к потребителю должны строго соблюдаться ветеринарно-санитарные и гигиенические требования [8, 9, 10].

Целью нашей работы является анализ мониторинговых исследований различных образцов мяса животных и птицы по показателям биологической безопасности, поступивших в испытательную лабораторию Россельхознадзора.

Задачи исследования:

- 1). Установить количественные показатели мезофильно-аэробных и факультативно-анаэробных микроорганизмов (КМАФАнМ) в исследуемой продукции;
- 2). Определить наличие бактерий группы кишечной палочки (БГКП);
- 3)/ Выявить некоторые группы патогенных микроорганизмов в испытуемых образцах и провести анализ по результатам исследования.

Материалы и методы исследования. В настоящее время Государственный контроль за безопасностью мяса осуществляется в рамках мониторинга микробиологической безопасности на территории РФ, а также ведомственного надзора (Россельхознадзор, Роспотребнадзор) [1]. Данные этих исследований за 2025 год свидетельствуют о сохранении ряда системных проблем. В нашем исследовании представлен анализ полученных результатов микробиологического обследования мяса продуктивных животных и птицы, проведенных в лаборатории Россельхознадзора г. Красноярск в период с 01.04.2024 г. по 30.09.2025 г. [1].

Все поступающие образцы мяса животных и мяса птицы были исследованы на соответствие требованиям нормативной документации (ТР ТС 034/2013 Технический регламент Таможенного союза «О безопасности мяса и мясной продукции», ТР ТС 021/2011 Технический регламент Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции», ТР ЕАЭС 051/2021 Технический регламент Евразийского экономического союза «О безопасности мяса птицы и продукции его переработки».) [2,3,4].

В соответствии с требованиями нормативных документов были проведены микробиологические и бактериологические исследования мяса животных и мяса птицы на присутствие условно-патогенных и патогенных микроорганизмов. Для этого были использованы общепринятые методы [1, 4, 12]. Действующим основным стандартом для микробиологического анализа мяса и мясных продуктов является ГОСТ Р 54354-2011 «Мясо и мясные продукты. Общие требования и методы микробиологического анализа». Для подготовки проб используется ГОСТ Р 51448-99 «Мясо и мясные продукты. Методы подготовки проб для микробиологических исследований», а также специализированные ГОСТы для замороженного мяса (ГОСТ 31799-2012).

Объектами исследования были образцы мяса крупного рогатого скота, свинины и птицы, поступившие на исследование (все пробы были зашифрованы). Всего было подвергнуто санитарно-микробиологическому исследованию и проанализировано 90 образцов, в том числе: говядина – 25 образцов; свинина – 30 образцов; мясо птицы – 35 образцов. Предметом исследования явились количественные и качественные характеристики микроорганизмов по показателям КМАФАнМ, бактерий группы кишечной палочки и по некоторым патогенным.

Результаты исследования. Результаты исследования. В соответствии с нормативными требованиями, в мясе крупного рогатого скота, свиней и птицы общее микробное число (КМАФАнМ) не должно превышать КОЕ/г 1×10^4 . Превышение численности КМАФАнМ является следствием нарушения гигиенических правил и технологических режимов заготовки, сроков и температурных режимов хранения, транспортирования мясной продукции.

В результате проведенных бактериологических исследований по общему количеству микроорганизмов в образцах мяса животных и птицы в 8 образцах установлено превышение нормативных показателей. Так, установлено, в 3 образцах мяса крупного рогатого скота

общее микробное число превышало нормативные показатели, что составило 12% от общего количества. В 30 образцах свинины, подвергнутых санитарно-микробиологическому исследованию, в одном образце было превышение общего микробного числа, что составило 3,33 %. Из 35 образцов мяса птицы, в 4-х из них также количество мезофильно-аэробных и факультативно-анаэробных микроорганизмов превышен нормативный показатель, что составило 11,4%. Из представленного анализа видно, что не все образцы мяса животных и мяса птицы соответствовали требованиям нормативной документации. Превышение количества мезофильных аэробных и факультативно-анаэробных микроорганизмов были установлены в 8 образцах (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты исследования количества мезофильных аэробных и факультативно-анаэробных микроорганизмов (КМАФАнМ)

<i>Категория мясной продукции</i>	<i>Количество исследуемых образцов</i>	<i>Количество некачественных образцов</i>	
		<i>всего</i>	<i>%</i>
Говядина	25	3	12,0
Свинина	30	1	3,3
Птица	35	4	11,4
Всего	90	8	8,8

При анализе санитарно-микробиологического исследования мяса по показателю БГКП было установлено, что в 12 образцах из 90 исследуемых образцов мяса были выделены бактерии группы кишечной палочки. Не отвечали требованиям нормативной документации по наличию бактерий группы кишечной палочки 13,3% (таблица 2).

Таблица 2 – Результаты обнаружения бактерий группы кишечной палочки (БГКП)

<i>Категория мясной продукции</i>	<i>Количество исследуемых образцов</i>	<i>Количество некачественных образцов</i>	
		<i>всего</i>	<i>%</i>
Говядина	25	4	16,6
Свинина	30	2	6,6
Птица	35	6	17,4
Всего	90	12	13,3

По содержанию БГКП судят о степени загрязнения продуктов санитарно-показательными микроорганизмами, выделяемыми теплокровными организмами, это индикатор фекального загрязнения, который свидетельствует о нарушении санитарных правил убой и разделки туш. Наличие БГКП нормируется для всех мясных продуктах, в том числе в мясе птицы, субпродуктах и полуфабрикатах из него, в обязательном порядке, согласуется со стандартами безопасности (ТР ЕАЭС 051/2021, ГОСТ Р 54374-2011).

Учитывая многочисленные сведения, мясная продукция является одним из основных путей передачи зоонозных инфекций. Поэтому в ходе лабораторного исследования говядины, свинины и мяса птицы, в соответствии с нормативно-правовыми требованиями, определяли наличие патогенных микроорганизмов, таких родов как *Staphylococcus*, *Salmonella* и *Listeria* [5,6,7]

Обнаружение патогенных микроорганизмов *Salmonella* свидетельствует о нарушениях технологических процессов, либо мясо было получено от больных животных; а обнаружение *Listeria monocytogenes* – о наличии инфекционных листериозных маститов и септических явлений у крупного рогатого скота.

Анализируя полученные результаты, установлено, 4 образца мяса из 90 исследуемых не отвечали требованиям нормативной документации по наличию патогенных микроорганизмов рода *Salmonella* и *Listeria*. При этом, в мясе птицы этот показатель составил 10,3%. Не соответствовали требованиям нормативных документов 11 образцов по патогенным микроорганизмам рода *Listeria* (таблица 3).

В последние десятилетия большинство крупных эпидемических вспышек листериоза

с высоким процентом летальных исходов обусловлены потреблением пищевых продуктов. Человек заражается листериозом через продукты животного происхождения, в том числе птицепродукты [10,12]. Учитывая полученные результаты, необходимо усилить ветеринарно-санитарный контроль на этапах заготовки, транспортировки и переработки мясного сырья.

Таблица 3 – Определение количества патогенных микроорганизмов

Категория мясной продукции	Salmonella			Listeria monocytogenes		
	количество исследуемых образцов	количество некачественных образцов		количество исследуемых образцов	количество некачественных образцов	
		всего	%		всего	%
Говядина	25	0	0	25	10	33,3
Свинина	30	1	3,3	30	1	3,3
Птица	35	3	10,3	35	0	0
Всего	90	4	4,4	90	11	12

Таким образом, анализируя мониторинговые лабораторные исследования, проведенные в испытательной лаборатории Референтного центра Россельхознадзора, установлено, что 34 образца мяса животных и мяса птицы, представленных к испытаниям, не отвечали требованиям нормативных документов по микробиологическим показателям.

Наибольшее количество несоответствий по микробиологическим показателям было выявлено в говядине и мясе птиц. При этом обнаружено превышение количества мезофильных аэробных и факультативно-анаэробных микроорганизмов (КМАФАнМ), которое возможно свидетельствует об уровне санитарно-гигиенических условий на производстве, нарушении режимов хранения и транспортировки продуктов. В мясе птицы были обнаружены бактерии группы кишечной палочки (БГКП) (17,4 %), в 10 образцах говядины обнаружены *Listeria monocytogenes*. Обеспечение лабораторного контроля над соблюдением требований технических регламентов по микробиологическим показателям играет ключевую роль в обеспечении санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Список литературы

1. ГОСТ Р 54354-2011. «Мясо и мясные продукты. Общие требования и методы микробиологического анализа». – М.: 2017.
2. ТР ЕАЭС 051/2021 Технический регламент Евразийского экономического союза «О безопасности мяса птицы и продукции его переработки». – М.: 2021.
3. ТР ТС 021/2011 Технический регламент Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции». – М.: 2011.
4. ТР ТС 034-2013. «О безопасности мяса и мясной продукции. Совет Евразийской экономической комиссии». – М.: 2013.
5. Артемьева, С. А. Микробиологический контроль мяса животных, птицы, яиц и продуктов их переработки: Справочник / С. А. Артемьева, А. И. Дмитриев, В. В. Дорутина. – М.: КолосС, 2003. – 288с.
6. Галлямова М. Ю. Ветеринарно-санитарная оценка мяса кроликов на фоне применения радиозащитного средства // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. – 2024. – Т. 260, № 4. – С. 83-87.
7. Гармаев, Д. Ц. Мясное скотоводство Бурятии: прошлое, настоящее и будущее: Монография / Д. Ц. Гармаев, Г. П. Легошин: ФГБОУ ВПО «БГСХА им. В.Р. Филиппова». – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2013. – 272 с.
8. Глотова, И. А. Инновационные направления в использовании вторичного коллагенсодержащего сырья / И. А. Глотова // Мясные технологии, 2010. – №7. – С. 56-59.
9. Гунькова, П. И. Микробиологическая безопасность пищевого сырья и готовой

продукции: учебное пособие / П. И. Гунькова, Л. В. Красникова. – М.: Колос, 2014. – 132 с.

10. Качество мясной продукции в зависимости от предубойного содержания / Е.А. Ажмулдинов, М.А. Кизаев, А.В. Харламов, М.Г. Титов // Ветеринарный врач. – 2022. – № 1. – С. 4-7.

11. Ковальчук А.Н., Ковальчук Н.М., Ковальчук Ю.А. Комплексная безопасность технологических процессов переработки отходов в АПК // научный потенциал – 2026: сборник статей Международной научно-практической конференции (2 марта 2026 г.). – Петрозаводск: МЦНП «НОВАЯ НАУКА», 2026. – С.238-242.

12. Ковальчук, Н. М. Экологическая безопасность сырья и пищевых продуктов – основа качества жизни / Н. М. Ковальчук / II Врос. научн.-практ. конф. с межд. участием «Региональные рынки потребительских товаров: качество, экологичность, ответственность бизнеса» (24-26 января 2019 г.). – Красноярск: СФУ, 2019. – С.37- 41.

13. Лисицын, А. Б. Перспективы развития пищевой биотехнологии // Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК – Продукты здорового питания, 2013. – №1. – С.13-17.

УДК 637.765

ДИНАМИКА МАССЫ ТЕЛА ЩЕНКОВ ПОРОДЫ БИШОН-ФРИЗЕ В ПОДСОСНЫЙ ПЕРИОД

Козина Елена Александровна: кандидат биологических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
kozina.e.a@mail.ru

Аннотация. В статье представлена история возникновения породы собак бишон-фризе, ее основные характеристики, особенности кормления и содержания щенков в подсосный период в течение 43 дней, а также результаты проведения научно-практического исследования по изучению динамики массы тела щенков. Щенки росли и развивались в соответствии со стандартом породы, среднесуточные приросты были выше у щенков-кобелей на 26,59-36,34%, по сравнению с их сестрой. Масса тела в возрасте 1 месяца соответствовала стандартам породы (0,6-1 кг) и составила 734-865 г, а высота в холке – 8-10 см (по стандарту 7,7-10,5 см).

Ключевые слова: порода, бишон-фризе, щенок, корм, кормление, содержание, масса тела

DYNAMICS OF BODY WEIGHT OF BICHON FRISE PUPPIES IN THE SUCKLING PERIOD

Kozina Elena Aleksandrovna: Candidate of Biological Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
kozina.e.a@mail.ru

Abstract. The article presents the history of the Bichon Frise dog breed, its main characteristics, features of feeding and keeping puppies during the suckling period for 43 days, as well as the results of a scientific and practical study on the dynamics of puppy body weight. The puppies grew and developed in accordance with the breed standard, the average daily gains were higher in male puppies by 26.59-36.34%, compared with their sister. Body weight at the age of 1 month corresponded to the breed standards (0.6-1 kg) and amounted to 734-865 g, and height at the withers was 8-10 cm (according to the standard 7.7-10.5 cm).

Keywords: breed, bichon frise, puppy, food, feeding, maintenance, body weight

Порода собак бишон-фризе является маленькой крепкой белой собачкой. Порода утверждена 11 октября 1988 года [1]. Специалисты утверждают, что далекими предками бишонов фризе были небольшие белые собачки, являвшиеся потомками водяных барбетов. Кучерявые, пушистые собаки населяли побережье и острова Средиземного моря. Первое название породы звучало как «бар-бишон». «Бар», сокращенное от «барбет», и «бишон» в переводе с французского означают «бархатная подушечка». Со временем род разросся, в результате чего от него образовались такие ветви, как болоньез (итальянская болонка), мальтезе (мальтийская болонка) и tenerifский бишон, который дал начало современной породе французских болонок.

К XIII веку бишоны приобрели статус элемента роскоши. После Французской революции интерес к бишонам плавно сошел на нет. Официальное название «бишон фризе» породе дала Международная кинологическая ассоциация в 1933 году. В переводе с французского название породы переводится как курчавая болонка (*bichon* — болонка, *poil* — шерсть, *frisé* — вьющийся, кучерявый). Год спустя были сформулированы и общие стандарты внешности французских болонок [2]. В Племенную книгу Французского кинологического общества порода бишон-фризе занесена 18 октября 1934 года. После

Второй мировой войны порода была привезена в Новый свет, а оттуда получила широкое распространение во всём мире [3]. В США порода появилась в 50-х годах прошлого столетия, а в Англии бишонов стали разводить только в середине 70-х [2].

Высота в холке у собак 24-29 см, косая длина туловища на $\frac{1}{4}$ больше, чем высота собаки в холке. Собака компактная, примерно 3-6 кг, костяк крепкий, не грубый и не легкий [1]. Продолжительность жизни 14-19 лет. Шерсть у собак довольно длинная, до 10 см, вьющаяся, мягкая и шелковистая. Окрас строго установлен стандартом, он может быть только белым, у щенков допускаются бежевые (ржавые) пятна, которые пропадают с возрастом, в то время как кожа у таких собак пигментированная (пятнистая). Мочка носа должна быть чёрной, обязательна тёмная обводка вокруг чёрных глаз. У французской болонки рождается от 1 до 10 щенков.

Бишон-фризе по своей природе весел, игрив, очень активен, смел, но не агрессивен. Характер у таких собак довольно сложный, но они легко находят общий язык со своими хозяевами и поддаются любой дрессировке. Они прекрасно подходят для жизни в городе и приучаются к лотку, однако всё же нуждаются в регулярных прогулках, так как свежий воздух и активные движения им нужны для хорошего самочувствия [3].

Цель работы заключается в изучении динамики массы тела щенков породы бишон-фризе в подсосный период.

Для достижения цели поставлены следующие задачи: изучить динамику массы тела щенков; содержание и кормление щенков.

Для проведения научно-практического опыта было получено три щенка от суки породы бишон-фризе в возрасте 4 лет и 9 месяцев по кличке Пиона. Пиона была повязана 11 и 12 ноября. Беременность протекала хорошо. Щенки родились 8 января, то есть на 57-58 день беременности. Роды протекали хорошо, ночью в течение 5 часов. Родилось 3 щенка, два – мужского пола и один – женского. Щенки были облизаны матерью, которая самостоятельно отгрызла пуповину. У щенков был хороший сосательный рефлекс, они очень часто сосали молозиво из вымени матери, а затем молоко. Вел себя спокойно, скулили редко, что являлось хорошим признаком того, что им тепло и они не голодные. Материнский инстинкт проявлялся у Пионы отлично. Она заботилась о своих детках, они были всегда чистые.

Щенки родились слепые и глухие. Глазки у них открылись на 10-18 день, примерно в возрасте трех недель щенки начали хорошо реагировать на звуки, меньше спать, проявлять интерес к окружающей обстановке.

Содержались щенки в коробке с невысокими бортиками, чтобы кормящая мать могла иметь к ним доступ. Пиона сама к ним подходила, ложилась. Щенки очень активно сосали молоко. На дно коробки стелили мягкие пеленки из ткани, а сверху – супервпитывающие одноразовые пеленки, которые ежедневно менялись. По мере роста щенки начали выбираться из коробки. Поэтому их поместили в просторный вольер 100×70×35 см, пол в вольере застилали также, как в коробке.

Подкормку щенков начали в возрасте 21 дня. Для этого использовали корм высшей категории качества Holistic AlpaPet с ягнёнком и индейкой для щенков, беременных и кормящих собак мелких пород.

В используемом корме для кормления Пионы и щенков содержится 80% мясного белка, 30% свежего мяса. Баланс кальция, фосфора и витамина D обеспечивает правильное формирования скелета, а высокий уровень белка необходим для нормального развития мышечной массы. Содержит натуральные ингредиенты пригодные в пищу человеку уровня Human Grade, корм без ГМО, искусственных красителей и ароматизаторов. При его приготовлении применяется бережная технология, сохраняющая вкусовые и питательные свойства свежего мяса, а также незаменимая Омега-3 жирная кислота (ДКГ), содержащая в рыбьем жире и льняном семени для поддержания здоровья мозга и зрения.

Рисунок 1 – Корм AlphaPet

В состав корма входит свежее мясо ягненка и индейки 30 %, дегидратированное мясо домашней птицы 22%, животный жир, рис 8 %, ячмень, чечевица, яблоко, гидролизованная куриная печень, желтый горошек, картофель, витаминно-минеральная смесь, сушеная мякоть сахарной свеклы, морковь, пивные дрожжи, комплекс AlphaPetBIO, рыбий жир, DL-метионин, антиоксидант.

Комплекс AlphaPetBIO по мнению производителя обеспечивает оптимальный обмен веществ, профилактирует моче-каменную болезнь, улучшает пищеварение, укрепляет иммунитет, обеспечивает здоровье опорно-двигательной системы, улучшает состояние кожи и шерсти, укрепляет сердечно-сосудистую систему. Это комплекс экстрактов и трав:

- томат укрепляет сердечно-сосудистую систему, так как содержит ликопин и минеральные вещества;
- цикорий улучшает пищеварение, содержит пребиотики;
- Юкка Шидигера обеспечивает правильное пищеварение;
- льняное семя улучшает состояние кожи и шерсти, за счет того, что в его состав входят омега 3 и 6;
- розмарин является источником антиоксидантов, укрепляет иммунитет;
- зеленогубый моллюск поддерживает суставы, так как является источником хондопротекторов [4].

Содержание питательных веществ в 1 кг корма AlphaPet для щенков, беременных и кормящих собак мелких пород представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Содержание питательных веществ в 1 кг корма AlphaPet для щенков, беременных и кормящих собак мелких пород

Показатель	Количество	Показатель	Количество	Показатель	Количество
Влажность, %	8	Магний, %	0,08	Витамины:	
Сырой протеин, %	30	Медь, мг	10,4	А, МЕ	10000
Сырой жир, %	20	Железо, мг	88	Д, МЕ	1200
Сырая клетчатка, %	2,7	Марганец, мг	5,6	Е, МЕ	80
Зола, %	7,5	Цинк, мг	140	В ₁ , мг	4
				В ₂ , мг	6

Кальций, %	1,2%	Йод, мг	1,52	В ₆ , мг	1,8
Фосфор, %	1	Селен, мкг	400	ниацин, мг	20
Омега-3, %	0,3	Биотин, мкг	180	пантотеновая кислота, мг	12
Омега-6, %	3	DL-метионин+цистин, г	7	холин, мг	1700
				фолиевая кислота, мкг	216
				Хондроитин, мкг	125440
				Глюкозамин, мкг	35840

Для щенков сухой корм размачивали в теплой воде, протирали через сито и в виде жидкой кашицы предлагали поесть из блюдца с низкими краями. Для привлечения их внимания мазали им смесью нос, чтобы малыши слизывали и попробовали новую пищу. Щенята сначала нюхали, пробовали и отходили, а затем постепенно поедали с каждым кормлением большие порции. Примерно в 30 дневном возрасте подкормка кормом в сутки увеличилась до 4-х раз. Дело в том, что у щенков в 20-дневном возрасте начинают расти зубы, растут они быстро и матери становится больно их кормить молоком. Пиона все реже позволяла щенкам сосать, старалась как можно быстрее от них убежать.

При подкармливании щенков кормами, периодически возникали запоры. При этом мягким ватным тампоном промачивали задний проход, а затем очень аккуратно очищали пробку из кала или засохшие фекалии.

Щенки быстро росли, динамика массы тела представлена в таблице 2.

Таблица 2 – Динамика массы тела щенков породы бишон-фризе в подсосный период

Дата (2026 г.)	Масса тела, г		
	♂	♀	♂
11.01	192	190	154
14.01	250	250	220
16.01	298	298	258
19.01	376	367	318
23.01	461	447	403
27.01	582	550	481
07.02	865	757	734
10.02	911	742	789
23.02	1231	952	1112
Среднесуточный прирост	24,16	17,72	22,28
Абсолютный прирост	1039	762	958
Относительный прирост, %	146,30	133,45	151,34

Анализируя таблицу, можно сделать вывод, что на третий день после рождения масса тела у второго щенка-мальчика была ниже, чем у двух других – на 38-40 г (18,9-19,8 %). Но именно у самого мелкого щенка наблюдался наиболее интенсивный рост, по сравнению с другими, его относительный прирост массы тела выше на 5,04 и 17,89 %, чем у других щенков. Более крупный щенок-мальчик стабильно рос и на 43 день исследования продолжал лидировать, его масса тела была выше на 279 г, по сравнению с сестрой и на 119 г по сравнению с братом. По стандарту масса тела щенков должна быть в пределах 0,6-1 кг в возрасте 1 месяца. Опытные щенки соответствуют требованиям по этому показателю. У щенка-девочки в течение первого месяца жизни постоянно равномерно увеличивалась масса тела, но в более старшем возрасте у нее были самые низкие среднесуточные приросты, так как кобельки сосали молоко из высокомолочных сосков матери, отталкивая свою сестру, у которой относительный прирост за период выращивания был ниже, чем у братьев на 12,85-17,89 %. Но, несмотря на это, щенок-девочка была очень активная, шустрая, любознательная, начала как по лестнице выбираться из вольера и гулять по квартире. При подкармливании сначала кормили сестру, а потом более крупных братьев.

Высота в холке у щенков в возрасте 30 дней соответствовала стандартам и составила

8-10 см.

Щенки хорошо адаптировались к условиям проживания, пытались выбраться из вольера, хорошо реагировали на людей и мать. Все чаще их выпускали из вольера, они с удовольствием бегали на конечностях, которые с каждым днем становились крепче, играли друг с другом, с удовольствием отдыхали в лежанке матери.

Таким образом, можно сделать вывод, что в подсосный период щенки породы бишон-фризе во время получили молозиво, им хватало для своего развития молока матери, в трехнедельном возрасте начали потреблять корм, что положительно отразилось на динамике массы тела, так как абсолютный прирост на 43 день научно-практического исследования составил 762-1039 г, что соответствует стандарту породы.

Список литературы

1. Полный каталог пород собак. – Москва: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 1999. – С. 511-512.
2. Бишон-фризе // Lapkins/ - URL: <https://lapkins.ru/dog/bishon-frize/> (дата обращения: 16.03.2026).
3. Бишонфризе//Википедия.URL:<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B8%D1%88%D0%BE%D0%BD-%D1%84%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%B5> (дата обращения: 14.03.2026).
4. Собакам. Рекомендации по кормлению // AlpaPet профессиональные рационы. – URL: <https://alphapet.ru/mix-feed/> (дата обращения: 14.03.2026).

УДК 617.5

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ЛАЗЕРОТЕРАПИИ ПРИ ЛЕЧЕНИИ ЗАБОЛЕВАНИЙ СУХОЖИЛЬНО-СВЯЗОЧНОГО АППАРАТА У ЛОШАДЕЙ

Колосова Ольга Валериевна, кандидат ветеринарных наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
simkinamama@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены патогенез, основные клинические проявления и вопросы лечения заболеваний сухожильно-связочного аппарата у лошадей, а в частности острого и хронического течения тендинитов и тендовагинитов. Проведен сравнительный анализ классических методов лечения и лазеротерапии при данных заболеваниях.

Ключевые слова: лошади, воспаление сухожильно-связочного аппарата, тендиниты, тендовагиниты, лазеротерапия

THE EFFECTIVENESS OF LASER THERAPY IN THE TREATMENT OF TENDON- LIGAMENT DISEASES IN HORSES

Kolosova Olga Valerievna, Candidate of Veterinary Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
simkinamama@mail.ru

Abstract. his article examines the pathogenesis, main clinical manifestations, and treatment of tendon-ligament disorders in horses, particularly acute and chronic tendinitis and tenosynovitis. A comparative analysis of conventional treatment methods and laser therapy for these conditions is provided.

Keywords: horses, tendon-ligament inflammation, tendinitis, tendosynovitis, laser therapy

Функционирование опорно-двигательного аппарата животных обусловлено его морфологическим строением и управляющими воздействиями со стороны центральной нервной системы. Примечательно, что эта нейронная регуляция двигательной активности сохраняется как в здоровом состоянии, так и при наличии патологий.

В патологии конечностей у лошадей наиболее часто встречаются воспаления сухожилий сгибателей пальца и межкостного среднего сухожильного мускула. Тендениты грудных конечностей у верховых и рысистых лошадей диагностируются чаще, чем тендиниты тазовых конечностей.

Спортивный травматизм, как одна из форм эксплуатационных повреждений, выступает значимым этиологическим фактором патологий конечностей у лошадей. Большая часть заболеваний конечностей приходится на воспалительные процессы сухожилий (тендиниты) и сухожильных влагалищ (тендовагиниты)[1].

Лошади, занимающиеся любыми видами деятельности – от спорта и туризма до обычных прогулок – подвержены риску заболеваний сухожильно-связочного аппарата. Данное явление обусловлено тем, что значительные нагрузки в процессе тренировок или работы вызывают микроповреждения в сухожильных тканях, которые зачастую остаются не диагностированными до момента возникновения более серьезной травмы.

Во время выполнения тяжелой работы, особенно по неровному, твердому грунту, взятия препятствий у животных возникают растяжения и разрывы сухожилий и сухожильных влагалищ. К развитию заболеваний сухожильно-связочного аппарата в mnogой степени предрасполагают неправильная постановка конечностей, не своевременная и неправильная расчистка и обрезка копыт, а также переход воспаления на сухожилия и

сухожильные влагалища с окружающих их тканей, особенно при развитии гнойных процессов.

При повреждении сухожилия оно становится влажно-отечным и увеличенным в объеме, воспалительный процесс сопровождается пролиферативными явлениями. В участках поврежденного сухожилия разрастается рубцовая ткань, сухожилие укорачивается и теряет свою эластичность, может срастаться с сухожильным влагалищем, что в конечном результате может закончиться развитием тендогенной контрактуры [2,3].

При остром течение тендинитов у животных отмечается выраженный болевой синдром, отёчностью воспалённого участка. В случае возникновения тендовагинитов помимо классических признаков воспаления при пальпации пораженного сухожилия выявляют продолговатую флюктуирующую припухлость. Оба эти заболевания сопровождаются нарушением функции поврежденной конечности в среднем на 7-10 дней, что делает невозможным продолжение тренировочного процесса и участие животного в состязаниях. Переход заболеваний в хроническое течение влечет за собой дегенеративные изменения соединительной ткани эластичных волокон сухожилий, формирование контрактур и, как следствие, выбраковку животного).

Успешное лечение тендинитов и тендовагинитов требует значительных временных и трудовых затрат, систематического и тщательного проведения лечебных мероприятий. Проводимый комплекс лечебных мероприятий направлен на снижение воспалительных процессов в поврежденном сухожилии и сухожильном влагалище, и заключается в местном применении холода и умеренно давящих повязок в первые 1-3 дня после травмы, затем тепло в виде спиртовых компрессов, а также необходимо назначать нестероидные противовоспалительные средства [1,4].

Однако монотерапия медикаментозными препаратами не всегда приводит к полному выздоровлению при заболеваниях сухожильно-связочного аппарата. В связи с этим, в современной ветеринарной практике наблюдается возрастающий интерес к использованию различных физиотерапевтических методов лечения при данных заболеваниях, которые позволяют снизить воспалительную реакцию, уменьшают боль в поврежденных тканях сухожилия и сухожильного влагалища, ускоряющие восстановление микроструктуры и функции пораженных органов и тканей. К основным методам физиотерапии используемой в ветеринарной практике относится электролечение, диатермия, ионтофорез йода, магнитотерапию и лазерную терапию.

Цель работы определить эффективность лазерного аппарата «Орион» при лечении заболеваний сухожильно-связочного аппарата и сравнить ее с традиционными методами лечения.

Работа была проведена на базе УСК «Коневодство» Красноярского ГАУ, при клиническом осмотре было выявлено 7 лошадей с заболеваниями сухожильно-связочного аппарата грудных конечностей. У пяти лошадей отмечается болезненность при пальпации поверхностного пальцевого сгибателя грудных конечностей, местная гипертермия, воспалительный отёк окружающих тканей, а также утолщение по ходу сухожилия, при функциональном обследовании – хромота опирающейся конечности, в покое животные выставляют больную конечность вперёд. По результатам обследования этим лошадям был поставлен диагноз острый тендинит.

У двух лошадей при пальпации поверхностного пальцевого сгибателя установили малоболезненное, малоподвижное, брюшкообразное утолщение и уплотнение сухожилия и сухожильного влагалища. Этим животным был поставлен диагноз – хронический тендовагинит.

Все лошади с подтвержденными диагнозами воспаления сухожилий и сухожильных влагалищ были освобождены от интенсивных нагрузок.

Для лечения острого тендинита трем лошадям с острым течением процесса на пораженную область 2 раза в день накладывали спиртосогревающий компресс, после чего

втирали «Кетонал гель 2,5%» с одновременным массажем больной конечности, помимо этого животным назначали дозированные движения. Двум лошадям кроме указанного лечения проводили облучение аппаратом «Орион» по 5-10 мин ежедневно в течение 10 дней. В результате при лечении с использованием традиционных методов выздоровление животных наступало через 14-16 дней, при лечении с использованием лазерного аппарата «Орион» – через 8-10 дней.

При хроническом тендовагините обеим лошадям по ходу поверхностного пальцевого сгибателя втирали «йодистый линимент» (смесь камфорного спирта, йода и 40% спирт) 2 раза в день по 10 мин и накладывали согревающую повязку; и одной из двух дополнительно применяли облучение «Орионом» по 10-15 мин ежедневно в течение 21 дня. Заметное улучшение при классическом лечении наблюдалось на 23 день, а применение лазерного аппарата на фоне лечения хронического тендовагинита привело к улучшению на 18 день.

Таким образом, использование лазерного аппарата «Орион» сокращает сроки лечения заболеваний сухожильно-связочного аппарата у животных. Простота и безопасность в обращении делает его применение весьма перспективным в ветеринарной практике при лечении различных воспалительных процессов опорно-двигательного аппарата.

Список литературы

1. Колосова О.В. Вопросы лечения тендинита у лошадей / О.В. Колосова // В сборнике: Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции. Красноярск, 2021. С. 58-60.
2. [Электронный ресурс] // Заболевание сухожилий у лошади URL: <http://horsesclub.ucoz.ru/forum/44-61-1>
3. Ползунова, А.М. Лечение лошади. Выпуск 1. Заболевания конечностей у рысистых и верховых лошадей. / А.М. Ползунова. М.: ГорКа Говорун, 2007. - 40 с.
4. Колосова, О.В. Опыт лечения асептических артритов у лошадей / О.В. Колосова // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. - 2017. – Вып. 1. – С. 55 - 59.

УДК 661.728.7

МИКРОКРИСТАЛЛИЧЕСКАЯ ЦЕЛЛЮЛОЗА – МОДЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ФИЗИОЛОГИЧЕСКИ ИНЕРТНОЙ ДОБАВКИ ИЗ БИОПОЛИМЕРОВ РАСТЕНИЙ

Коновалов Константин Леонидович, аспирант

Кузбасский государственный аграрный университет им. В.Н. Полецкова, Кемерово, Россия
biona@inbox.ru

Аннотация. Микрокристаллическая целлюлоза разрешена к использованию в качестве пищевой добавки в широком спектре пищевых продуктов, причем ее применение сопоставимо с применением в качестве кормовой добавки. Эффект, наблюдаемый при использовании в пищевых продуктах, можно ожидать и при использовании микрокристаллической целлюлозы в качестве добавки к кормам. Целлюлоза является природным компонентом растений и в больших количествах встречается в окружающей среде. Микробная деградация целлюлозы в окружающей среде является ожидаемой. Поэтому использование микрокристаллической целлюлозы в качестве кормовой добавки считается безопасным для окружающей среды. Считается, что эта добавка эффективна при кормлении всех видов животных.

Ключевые слова: микрокристаллическая целлюлоза, МКЦ, Е 460(i), целлюлоза, биополимер, растительное сырье

MICROCRYSTALLINE CELLULOSE – MODEL SYSTEM PHYSIOLOGICALLY INERT ADDITIVE FROM PLANT BIOPOLYMERS

Konovalov Konstantin Leonidovich, Postgraduate Student

Kuzbass State Agrarian University named after V.N. Poletskov, Kemerovo, Russia
biona@inbox.ru

Abstract. Microcrystalline cellulose is authorized for use as a food additive in a wide variety of food categories with uses comparable to those requested for its use as a feed additive. The effect seen when used in food could be expected also when microcrystalline cellulose is used as an additive in feed. Cellulose is a natural component of plants and occur abundantly in the environment. The microbial degradation of cellulose in the environment is expected. Therefore, the use of microcrystalline cellulose as a feed additive is considered safe for environment. The additive is considered to be efficacious in feedingstuffs for all animal species.

Keywords: microcrystalline cellulose, MCC, E 460(i), cellulose, biopolymer, vegetable raw materials

Микрокристаллическая целлюлоза (МКЦ) является важным ингредиентом в различных отраслях промышленности, в качестве которого обладает уникальными свойствами химической инертности и гигроскопичности. Кроме того, отсутствие токсичности и высокая сорбционная способность позволили МКЦ найти применение в пищевой, косметической, фармацевтической и других отраслях промышленности (в качестве связующих). Микрокристаллическую целлюлозу можно использовать в качестве армирующего материала для полимеров. Экологичные биокompозиты могут стать новыми продуктами XXI века и частично решить ряд экологических проблем. Биокompозиты на основе микрокристаллической целлюлозы становятся реальной альтернативой другим полимерным композитам. Одним из наиболее распространенных видов целлюлозного армирующего материала является микрокристаллическая целлюлоза. Использование МКЦ в составах полимерных биокompозитов по сравнению с обычными микрокомпозитами на

основе синтетических небiodeградируемых материалов все еще ограничено. Ограничения, связанные с использованием лигноцеллюлозы, заключаются в трудностях достижения приемлемого уровня дисперсности наполнителя в полимерной матрице. Микрокристаллическая целлюлоза была открыта в 1955 году Баттистой и Смитом и выпущена на рынок под торговой маркой Avicel1.

Микрокристаллическая целлюлоза (Е 460) имеет единый номер в базе данных Chemical Abstracts Service (CAS) – 9004-34-6 и номер в Европейском реестре существующих химических веществ (EINECS) – 232-674-9. Она производится из древесной целлюлозы и других сырьевых источников, которая измельчается до мелких частиц, а затем частично деполимеризуется в процессе гидролиза с использованием нагрева и минеральной кислоты. Затем продукт промывают водой для удаления гидроксидов, оксидов и сульфатов, фильтруют и сушат распылением. Поскольку целлюлоза представляет собой высокомолекулярный линейный полисахарид с неопределенной массой, ее нельзя охарактеризовать с точки зрения массы и структуры (рис.1).

Микрокристаллическая целлюлоза, получаемая из различных видов целлюлозосодержащих материалов путем гидролиза в растворах неорганических кислот и предназначенная для использования в качестве пищевой добавки, должна соответствовать определенным органолептическим и физико-химическим показателям, установленным СанПиН 2.3.2.

1078-01 п.п. 1.10.4; 1.10.4.1, гигиеническим нормативам радиационной безопасности и содержания химических загрязнителей, микробиологической безопасности [1, 2].

При Пермской государственной медицинской академии была выполнена научная работа «Медико-биологическая оценка пищевой целлюлозы и обогащенных ею продуктов питания», ведущее учреждение институт Питания РАМН. Важным практическим выводом исследований явилось обоснование принципиальной возможности использования в пищевых целях, нетрадиционного сырья, что позволит повысить квоту пищевых волокон профилактической направленности [3].

Целлюлоза – наиболее распространенный в природе полисахарид, состоящий из (от нескольких сотен до десяти тысяч) молекул глюкозы, связанных между собой β -гликозидными связями. Целлюлоза основной компонент клеточных стенок растений и растительных волокон. В основном она содержится в сочетании с гемицеллюлозами и лигнином. Поэтому она является распространенным компонентом растительных кормов для всех сельскохозяйственных животных и домашних питомцев. Однако эти животные не способны переваривать целлюлозу ферментативным путем из-за отсутствия целлюлаз. Мономерный элемент целлюлозы, глюкоза, не высвобождается из целлюлозы. Однако целлюлозу может расщеплять микробиота желудочно-кишечного тракта, и основными продуктами ее расщепления являются короткоцепочечные жирные кислоты. Если говорить упрощенно, то животные, не относящиеся к жвачным, не могут переваривать целлюлозу, и лишь небольшое ее количество расщепляется микроорганизмами в толстом кишечнике. Небольшое количество целлюлозы может всасываться в таком виде путем параклеточного транспорта (проходя через межклеточное пространство) или транскитоza (трансклеточный транспорт макромолекул, захваченных в везикулах). Животные с большими ферментно-бродильными камерами в желудочно-кишечном тракте, такие как жвачные, лошади и кролики, используют большое количество целлюлозы в качестве источника энергии. В задней кишке кролика происходит ферментация с преобладанием *Bacteroides*, которые не способствуют длительному перевариванию клетчатки. Согласно имеющимся экспериментальным данным, микрокристаллическая и модифицированная целлюлоза не

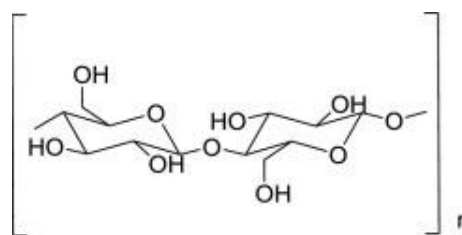

Рисунок 1 – Структура целлюлозы [1]

вызывает опасений с точки зрения генотоксичности. Большинство доступных исследований проводились на крысах, и лишь немногие на кроликах и собаках.

Наиболее значимые исследования проводились на крысах, при этом значения NOAEL (по observed adverse effect level – отсутствия наблюдаемого уровня побочных эффектов) варьировались от 4500 до 9000 мг исследуемого вещества на 1 кг массы тела в день (максимально испытанная доза). В ходе этих исследований были выявлены некоторые эффекты (увеличение слепой и толстой кишки, гиперплазия уротелия, нефрокальциноз, диффузная эпителиальная гиперплазия в мочевом пузыре), однако они не рассматривались как представляющие токсикологическую опасность: изменения в желудочно-кишечном тракте считались следствием накопления плохо всасываемых водорастворимых веществ, а изменения в почках и мочевом пузыре – следствием того, что в тестируемой диете концентрация натрия была в четыре раза выше, чем в базовой. В ходе исследования с использованием микрокристаллической целлюлозы (Е 460(i)) крысы ежедневно получали (через зонд) дозы эквивалентные 0, 500, 2500 или 5000 мг/кг массы тела в сутки. У животных получавших более 2500 мг/кг массы тела в сутки, фекалии были мягкими и бледными, что было связано с наличием исследуемого вещества и не имело токсикологического значения. При отсутствии каких-либо других побочных эффектов в рамках данного исследования была определена максимально допустимая суточная доза – 5000 мг/кг массы тела.

Модельная система возможности направлений применения в кормах МКЦ заложена в научно-исследовательскую деятельность по изучению практического использования побочных модифицированных целлюлозосодержащих продуктов сельскохозяйственной, пищевой и перерабатывающей промышленности в качестве кормовой базы для сельскохозяйственных животных, птицы, пушных зверей и кроликов. Эта целлюлозная биоконкомпозитная агрегированная добавка - приготовленная на основе биополимеров растений эффективна при кормлении всех видов животных. Микрокристаллическая целлюлоза инертный носитель для витаминов и антибиотиков, транзисторный сорбент для масел и жиров, блокатор микробных и химических интоксикаций – в том числе лекарственных, интенсификатор переваримости и повышения коэффициента эффективности белка – в связи со структурно-морфологическими особенностями ее частиц [4, 5].

Степень переваривания целлюлозы зависит от скорости гидролиза и времени пребывания корма в желудке, которое определяется размером частиц корма. Собственная усвояемость целлюлозы зависит от происхождения и обработки корма. Поскольку в естественных кормах целлюлоза связана с лигнином, гемицеллюлозами и кутином, усвояемость может варьироваться в широких пределах (3—90%). Кристаллическая структура целлюлозы снижает скорость, но не степень усвояемости, которая может достигать 80%. Таким образом, целлюлоза является естественным компонентом корма и играет физиологическую роль в питании животных.

Микрокристаллическая целлюлоза (Е 460 (i)) предназначена для использования в качестве технологической добавки (функциональные группы - стабилизаторы: эмульгатор, стабилизатор, загуститель, гелеобразователь и связующее вещество) в премиксе и кормах без ограничения по минимальному и максимальному содержанию. Данная оценка основана на данных представленных в материале в виде технического досье - в поддержку организации научно-исследовательских работ для использования микрокристаллической целлюлозы в качестве кормовой добавки. Утверждается и заявляется производителями, что срок хранения микрокристаллической целлюлозы составляет несколько лет. Физико-химические, структурные, биологические и кинетические сходства между модифицированными целлюлозами позволяют применять комплексный подход к различным видам целлюлозы. Актуальна тематика разработки комплекса функциональных кормовых добавок для рациона сельскохозяйственных животных в агрегировании группировки с фитогенными добавками. Использование микрокристаллической целлюлозы в качестве кормовой добавки считается

безопасным для окружающей среды и не представляет угрозы для безопасности потребителей.

Список литературы

1. Коновалов, К.Л. Микроклетчатка – функциональная добавка для мясных фаршевых систем / К.Л. Коновалов, А.Г. Семериков, А.Я. Перевалов, Н.Н. Потипаева. // Мясные технологии. – 2005. - №3. - С. 24-26.
 2. Коновалов, К.Л. Микроклетчатка – функциональный пищевой ингредиент / К.Л. Коновалов // Пищевые ингредиенты, сырье и добавки. – 2005. - №1. - С. 18-20.
 3. Мошенцова, Л.П. Медико-биологическая оценка пищевой целлюлозы и обогащенных ею продуктов питания : автореф. дис. . . . канд. мед. наук : 14.00.07 / Мошенцова Людмила Павловна ; Пермь, 1995. – 19 с.
 4. Юртаева Л.В. Получение микрокристаллической целлюлозы из однолетних растений с предгидролизным размолотом волокнистой массы / Л.В. Юртаева // Лесной вестник. - 2025. - Т. 29. № 2. - С. 120-134.
- Аутлов С.А. Микрокристаллическая целлюлоза: структура, свойства и области применения / С.А. Аутлов, Н.Г. Базарнова, Е.Ю. Кушнир // Химия растительного сырья. - 2013. - №3. - С. 33-41.

УДК 636.084.52

ВКЛЮЧЕНИЕ В РАЦИОН КОРМЛЕНИЯ КРОЛИКОВ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ФИТОГЕННОЙ ЦЕЛЛЮЛОЗНОЙ АГРЕГИРОВАННОЙ ДОБАВКИ

Коновалов Константин Леонидович¹, аспирант

Смолин Сергей Григорьевич², доктор биологических наук, профессор

¹ Кузбасский государственный аграрный университет им. В.Н. Полецкого, Кемерово, Россия

² Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

¹ biona@inbox.ru ² physiology_smolin@mail.ru

Аннотация. Неконтролируемое использование противомикробных препаратов во всем мире способствует развитию устойчивости к антибиотикам и представляет значительные риски для здоровья животных и человека. Например, мультирезистентный штамм *Salmonella typhimurium*, выявленный у домашнего скота, является основной причиной сальмонеллеза у людей. Необходимы альтернативы для снижения зависимости от противомикробных препаратов, и исследования сосредоточены на разработке заменителей антибиотиков, таких как фитогенные вещества, которые обладают рядом преимуществ в питании животных.

Ключевые слова: фитогенные кормовые добавки, кролики, целлюлозная добавка, антибиотики, резистентность

INCLUSION OF A FUNCTIONAL PHYTOGENIC CELLULOSE AGGREGATE SUPPLEMENT IN THE DIET OF RABBITS

Konovalov Konstantin Leonidovich¹, Postgraduate Student

Smolin Sergey Grigorievich², Doctor of Biological Sciences, Professor

¹ Kuzbass State Agrarian University named after V.N. Poletskov, Kemerovo, Russia

² Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

¹ biona@inbox.ru ² physiology_smolin@mail.ru

Abstract. Worldwide uncontrolled antimicrobial use contributes to antimicrobial resistance and poses significant risks to animal and human health. For example, the multidrug-resistant strain *Salmonella typhimurium*, identified in livestock, is the primary cause of Salmonellosis in humans. Alternatives are needed to reduce antimicrobial reliance, and research has focused, such as phytogenic substances, which offer several advantages in animals nutrition.

Keywords: phytogenic feed additives, rabbits, cellulose additive, antibiotics, resistance

Фитогенные кормовые добавки – это фармакологические компоненты растений, обладающие различными преимуществами для животных и животноводства, включая улучшение показателей роста, здоровья, репродуктивной функции и качества продукции, а также снижение выбросов и токсичности. В нашем актуализированном случае – надземная масса зеленых растений из трав, древесная зелень и веточные корма произрастающих на территории Кемеровской области и/или Красноярского края. А также другие растительные недревесные пищевые и лекарственные возобновляемые биоресурсы - травянистые части растений, листья и цветы. Древесная зелень – единственный натуральный продукт, который можно использовать в течение всего года на корм животным и для получения биологически активных веществ – стимуляторов нормальной жизнедеятельности человека и животных. Хвоя и листья очень богаты каротином, хлорофиллом, витаминами, в них содержатся антимикробные вещества, фитонциды, эфирные масла, протеин, полисахариды, жиры, смолистые вещества, макро- и микроэлементы и много других полезных веществ.

Фитогенные растения также обладают иммуномодулирующим действием, таким как

усиление пролиферации иммунных клеток, повышение экспрессии цитокинов и улучшение титров антител. Потенциальное использование фитогеников зависит от их свойств, знания их вторичных компонентов, механизма действия и безопасности применения для животных и людей. Поэтому для получения согласованного результата необходимо стандартизировать все влияющие факторы. Исследования показали, что фитогенные вещества могут улучшать здоровье кишечника, вкусовые качества корма, а также способствовать развитию и функционированию кишечника за счет использования биоактивных соединений, таких как полифенолы. Эти соединения обладают противомикробными, противовирусными, антиоксидантными, противовоспалительными и иммуномодулирующими свойствами.

Негативные последствия нерационального использования антибиотиков в животноводстве, заключающиеся в распространении устойчивости патогенов к их действию, они обуславливают актуальность поиска и внедрения в кормовую отрасль альтернативных стабилизаторов кишечной микробиоты животных. Введение в состав комбикорма для кроликов натурального природного сырья - веточные корма и другие растительные недревесные пищевые возобновляемые биоресурсы, получаемые из порубочных остатков, возникающих при лесозаготовках и специально создаваемых плантациях, может существенно снизить затраты на их кормление. Использование таких кормов в кролиководстве оптимизирует физиологическое состояние животных, их продуктивность и производство крольчатины высокого качества [1]. Кролиководство – одна из перспективных отраслей, кроме того, это самые скороспелые и плодовитые сельскохозяйственные животные. Необходимо отметить, что возраст наступления зрелости у самцов и самок кроликов колеблется от 4 до 9 месяцев. Длительность деятельности половых органов составляет до 4-х лет. Продолжительность эмбрионального периода у кролика составляет в среднем 30 дней с колебаниями от 28 до 32 дней.

Фитогенные растения или фитохимические вещества, вырабатываемые растениями в процессе их роста, могут не иметь питательной ценности. Это вторичные метаболиты могут использоваться в кормах в качестве добавок для повышения продуктивности здоровья животных. Фитогенные вещества, также называемые ботаническими добавками, обладают антиоксидантными, противовоспалительными, противомикробными и иммуномодулирующими свойствами. Фитогенная классификация включает в себя травянистые части растений, листья и цветы (недревесные), а также пряные или нелистовые части (семена, плоды, кора и корни). Основным биоактивным компонентом фитогенных кормовых добавок являются полифенолы, состав и концентрация которых различаются в зависимости от растения и его частей (травы и пряности), географического района, стадии сбора урожая, факторов окружающей среды и методов обработки. Добавление в рацион муки из листьев лекарственных растений рекомендуется в качестве коммерческой замены антибиотиков из-за схожего воздействия на продуктивность, качество тушки и характеристики внутренних органов с антибиотиками, используемыми в кролиководстве.

Использование фитогеников практикуется в кормлении различных моногастричных животных (кроликов, лошадей), но в большей степени – в свиноводстве и птицеводстве, поскольку эти отрасли характеризуются как наиболее интенсивные направления животноводства, имеющие промышленные масштабы, а объемы производимой и потребляемой продукции этих отраслей преобладают на рынке продуктов животного происхождения [2]. Фитогенные вещества взаимодействуют с иммунной системой, регулируя выработку цитокинов, активируя иммунные клетки и усиливая антиоксидантную и противовоспалительную активность. Они могут влиять на выработку провоспалительных и противовоспалительных цитокинов, улучшать способность иммунной системы бороться с инфекциями и снижать риск воспалительных заболеваний. Фитогенные вещества, богатые антиоксидантными и противовоспалительными свойствами, усиливают выработку антител, фагоцитарную активность и производство иммунных клеток в рационах кроликов, тем самым снижая заболеваемость. Основная функция фитогенных кормовых добавок

заключается в контроле потенциальных патогенов и благоприятной модуляции кишечной микробиоты. Фитогенные вещества обладают значительным иммуномодулирующим эффектом, улучшая общее состояние здоровья животных за счет регулирования функционирования иммунной системы. Фитогенные кормовые добавки, полученные из растительных соединений, обладают множеством полезных свойств, включая противомикробное, антиоксидантное, противовоспалительное, и иммуномодулирующее действие. Более того, они потенциально позволяют производить высококачественную органическую кролиководческую продукцию, снижая при этом вероятность развития микробной резистентности.

Проблема бактериальной резистентности к антибиотикам является актуальной во всем мире. Широко распространено мнение, что использование антибиотиков в качестве стимулятора роста способствует эволюции и/или отбору антибиотикоустойчивых штаммов на животноводческих фермах [3]. Нормальная микробиота организма может быть негативно затронута антибиотиками, добавляемыми в корм. Это явление, называемое дисбиозом, может способствовать чрезмерному размножению некоторых уже существующих вредных микроорганизмов во флоре, снижению выработки короткоцепочечных жирных кислот и других полезных соединений нормальной флорой, а также повышению восприимчивости скота к инфекциям.

Во всем мире принимающие решения политики сталкиваются с проблемой разработки рекомендаций по добавлению антибиотиков в корма для животных. Введение полного запрета (подход, основанный на принципе предосторожности, принятом ЕС) на использование антибиотиков на животноводческих фермах в глобальном масштабе может быть невозможным. Также очевидно, что нельзя исключить возможность появления бактериальных штаммов, устойчивых к терапевтически полезным для человека антибиотикам, заменив антибиотики их аналогами в кормах животных. Число сельскохозяйственных животных значительно превышает число людей. Таким образом, использование антибиотиков на животноводческих фермах сопряжено с риском создания большого резервуара генов резистентности, далеко идущие последствия которого трудно переоценить. Концентрация используемых антибиотиков в разных странах различается. До 2020 года Китай был крупнейшим в мире производителем и потребителем антибиотиков в животноводстве. Однако в 2018 году Россия, а в 2020 году Китай издали постановления, ограничивающие использование некоторых ветеринарных антибиотиков в животноводстве. Это включает запрет на использование некоторых критически важных антибиотиков, таких как фторхинолоны и колистин [4]. Это постановление может сократить использование антибиотиков в России и Китае в будущих стратегиях. Согласно имеющимся отчетам, Россия, Бразилия, Китай, Индия и Южная Африка – страны BRICS, были основными (58%) производителями и потребителями противомикробных препаратов в мире в 2020 году и, как ожидается, останутся на вершине списка и увеличат их использование вдвое к 2030 году.

Растущий спрос на продукты кролиководства привел к риску развития устойчивых к антибиотикам микробов в развивающихся странах. Из-за развития устойчивости к антибиотикам у патогенов человека использование антимикробных препаратов было запрещено в течение десятилетий в различных странах мира. Комитет Сванна в Соединенном Королевстве в 1960 году ограничил или запретил использование окситетрациклина в качестве антимикробных добавок, поскольку сообщалось о передаче устойчивости к этому препарату от животных к микроорганизмам у людей. Аналогичным образом Европейский союз в 2006 году отменил использование антимикробных добавок в животноводстве. Это снизило фактическое воздействие антибиотиков. Компании пищевой промышленности, такие как McDonalds и Tyson Foods, разработали стратегии по закупке мяса на предприятиях и фермах, где не используются антимикробные препараты. В Дании было задокументировано, наряду с 30%-ным сокращением количества устойчивых к антимикробным препаратам штаммов у сельскохозяйственных животных – впоследствии

использование антибиотиков в терапевтических целях ветеринарными врачами на клиническом уровне увеличилось на 33%. В связи с ростом потребления мяса и увеличением населения планеты на 11%, стало крайне важно разработать подходящие и доступные альтернативы антибиотикам без ущерба для продуктивности и благополучия сельскохозяйственных животных. Было обнаружено, что антибиотики взаимодействуют с иммунными клетками хозяина и снижают воспалительную реакцию, что приводит к снижению уровня провоспалительных цитокинов, которые уменьшают аппетит и увеличивают катаболизм мышц. Учитывая механизм действия - antibiotic as feed additives (AFAs) в концепции антибиотики как кормовые добавки. Основными характеристиками альтернатив AFAs являются их взаимодействие на участки, отличные от антибиотиков, в виде антимикробной активности с различными механизмами действия, что предотвращает появление устойчивых к лекарствам штаммов. «Ориентированный на хозяина» механизм действия целенаправленных альтернатив AFAs снижает риск развития микробной резистентности. Использование антибиотиков в кормах для животных остается предметом активных дискуссий, требующим повышения осведомленности среди населения. Поиск профилактических мер (например, вакцин) для предотвращения заболеваний также имеет решающее значение. Также было показано, что антибиотики в кормах для животных могут способствовать опосредованному фагами переносу генов, тем самым способствуя распространению устойчивости к антибиотикам.

Научную основу современной стратегии производства пищи составляют изыскание новых ресурсов незаменимых компонентов пищи, использование нетрадиционных видов сырья, создание новых прогрессивных технологий, позволяющих повысить пищевую и биологическую ценность продукта, придать ему заданные свойства, увеличить срок хранения. В области развития агропромышленного комплекса поставлены следующие цели: устойчивое развитие сельских территорий, создание условий для повышения конкурентоспособности продукции; воспроизводство имеющихся природных ресурсов [5]. Изучение возможности использования побочных продуктов пищевой и перерабатывающей промышленности в качестве кормовой базы для сельскохозяйственных и охотничьих животных, птицы, пушных зверей и кроликов с учетом возрастных особенностей и сезонов года – актуально для исследований и научно-практических задач по разработке моделей устойчивого и неистощимого использования сельскохозяйственных и других видов животных. Этими факторами обеспечивается профилактика возникновения болезней животных, балансовые, респираторные, научно-хозяйственные и другие опыты эффективности биологически активных препаратов, кормовых добавок и их сочетаний при откорме кроликов. А также потребность различных видов сельскохозяйственных и охотничьих животных, птицы, пушных зверей и кроликов в разные физиологические периоды в питательных веществах, энергии, биологически активных веществах, витаминах.

Необходимы альтернативы для снижения зависимости от противомикробных препаратов, и исследования сосредоточены на разработке заменителей антибиотиков, таких как фитогенные вещества, которые обладают рядом преимуществ в питании кроликов и других сельскохозяйственных животных. В некоторых странах запрет на использование антимикробных препаратов в качестве кормовых добавок привел к увеличению производственных затрат и ухудшению благополучия животных, и, как следствие, было отмечено увеличение использования антибиотиков в ветеринарных терапевтических целях. Стало крайне важно разработать подходящие и доступные альтернативы антибиотикам без ущерба для продуктивности и благополучия кроликов и других животных и сельскохозяйственных птиц. Поэтому важно понять механизм действия, который может предотвратить развитие антимикробной резистентности. Фитогенные вещества – это биоактивные соединения с противовоспалительными, противовирусными, антиоксидантными, противомикробными свойствами и функцией благоприятной модуляции кишечной микробиоты со значительным иммуномодулирующим эффектом. Их действие в

первую очередь направленно на экологизацию кормов и строгое соблюдение гигиенических норм в условиях стойлового высокопродуктивного «зелёного животноводства». В нашем случае рассматривается откорм молодых кроликов в разные сезонные периоды при клеточном содержании, а также интенсивной системе вольерного содержания на свободном выгуле и в групповых передвижных загонах с участками пастбища на открытом воздухе. Фитогенная добавка – натуральная кормовая добавка растительного происхождения она стимулируют иммунитет, пищеварение, усвоение кормов и обладают антимикробным эффектом. Фитогеники - являются основным, дешевым источником питания в летний период с богатым содержанием витаминов (каротин, С, В, Е), белков и легкой усвояемостью. Показано, что фитогенные кормовые добавки улучшают эффективность корма и продуктивность скота, вызывая морфологические изменения в кишечнике, которые увеличивают размер ворсинок и крипт, что приводит к увеличению секреции слизистой оболочки кишечника, слюны и желчных кислот. Также установлено, что включение фитогенных веществ в качестве кормовых добавок в рационы кроликов приводит к получению высококачественной, не содержащей лекарственных препаратов и - органической продукции кролиководства, безопасной для потребления человеком.

Список литературы

1. Чугреев, М.К. Функциональный комбикорм для кроликов с бифидогенным, антиоксидантным и иммуностимулирующим действием: состав, технология приготовления, апробация / М.К. Чугреев, М.А. Сенченко, Л.Э. Мельникова, Ю.А. Михайлова // Вестник АПК Поволжья. Ветеринария и зоотехния. – 2023. - №4. – С. 52-63.
2. Трухачев, В.И. Использование фитобиотиков в кормлении моногастричных животных / В.И. Трухачев, М.И. Селионова, А.Ю. Загарин // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. – 2023. - №4. – С. 126-143.
3. Madhab K. Chattopadhyay. Use of antibiotics as feed additives: a burning question. *Frontiers in Microbiology*. 2014 Jul 2;5:334. doi:10.3389/fmicb.2014.00334
4. Ху Ю.Дж., Коулинг Б.Дж. Сокращение использования антибиотиков в животноводстве, Китай. Бюллетень Всемирной организации здравоохранения. Hu Y.J, Cowling B.J. Reducing antibiotic use in livestock, China. *Bull. World Health Organ*.2020;98(5):360-361. doi:10.2471/BLT.19.243501
5. Коновалов, К.Л. Экология сельского хозяйства в аспекте конкурентоспособности и безопасности пищевой продукции / К.Л. Коновалов, Н.Ф. Полуэктова, М.Т. Шулбаева, А.С. Шебукова, О.Н. Мусина // Пищевая промышленность. – 2011. - №1. - С. 37-39.

УДК 638.145

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ХОЗЯЙСТВЕННО - ПОЛЕЗНЫХ КАЧЕСТВ ПЧЁЛ КАРПАТСКОЙ И СРЕДНЕРУССКОЙ ПОРОД В УСЛОВИЯХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Лефлер Тамара Фёдоровна¹, доктор сельскохозяйственных наук, профессор
Шадрыгин Даниил Александрович², аспирант

^{1,2} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

¹ leflertam@yandex.ru ² WLiliya@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования - сравнить продуктивно-биологические показатели карпатской и среднерусской пород пчёл и оценить их адаптационный потенциал в условиях Красноярского края. Исследовано 30 пчелосемей (по 15 каждой породы). Карпатские пчёлы превосходили по массе (113,9 мг; +4%) и медопродуктивности (124,9 кг против 98,3 кг; $P \geq 0,99$). Среднерусские пчёлы имели большую ёмкость зобика (+9,7%; $P \geq 0,999$), что характеризует их приспособленность к кратковременному взятку. Рекомендовано сочетанное разведение пород.

Ключевые слова: пчеловодство, порода пчёл, карпатская, среднерусская, продуктивно-биологические показатели, зимостойкость, медопродуктивность

COMPARATIVE EVALUATION OF THE ECONOMIC AND USEFUL QUALITIES OF CARPATHIAN AND CENTRAL RUSSIAN BEES IN THE KRASNOYARSK TERRITORY

Lefler Tamara Fedorovna¹, Doctor of Agricultural Sciences, Professor

^{1,2} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

Shadrygin Daniil Aleksandrovich², Postgraduate Student

¹ leflertam@yandex.ru ² WLiliya@yandex.ru

Abstract. The aim of the study was to compare the productive and biological characteristics of the Carpathian and Central Russian bee breeds and to assess their adaptive potential in the Krasnoyarsk region. A total of 30 bee colonies (15 of each breed) were studied. The Carpathian bees had a higher mass (113.9 mg; +4%) and honey production (124.9 kg vs. 98.3 kg; $P \geq 0.99$). The Central Russian bees had a larger crop capacity (+9.7%; $P \geq 0.999$). Differences in egg production and family strength are unreliable. Mixed breeding of breeds is recommended.

Keywords: beekeeping, honey bee breed, Carpathian, Central Russian, productive and biological traits, winter hardiness, honey productivity

Введение. Современное пчеловодство рассматривается не только как отрасль производства мёда, но и как важный элемент агроэкосистем, обеспечивающий опыление культур. Биологический потенциал пчелы определяется генетическими особенностями породы, её адаптацией и способностью реализовывать продуктивные качества в конкретных условиях. В связи с этим проблема рационального подбора пород приобретает хозяйственное и научное значение. Актуальность обусловлена климатической нестабильностью и сокращённым медосбором, что делает выбор породы ключевым фактором устойчивости пасек и продуктивности. Распространение завозных пород без достаточной оценки их адаптации повышает риск снижения зимостойкости и медопродуктивности.

Новизна работы заключается в том, что впервые в условиях Красноярского края, где длительная зимовка (6-7 мес.) и короткий медосбор (20-30 суток) изучены показатели зимостойкости и темпы развития семей пчёл разных пород [1]. Продуктивность определяется морфофизиологическими особенностями рабочих пчёл, яйценоскостью маток, развитием

семьи и способностью использовать медоносную базу.

Традиционно в Сибири районирована среднерусская порода, отличающаяся зимостойкостью и приспособленностью к краткому медосбору. Вместе с тем активно завозится карпатская порода, характеризующаяся миролюбивостью, высокой яйценоскостью и быстрым весенним развитием, однако её адаптация требует оценки. Естественное спаривание маток приводит к формированию генетически неоднородных популяций, что может снижать хозяйственно полезные качества [2-3].

Несмотря на наличие данных о породах, комплексные исследования для северных регионов Сибири ограничены. Оценка включает массу суточных пчёл, ёмкость медового зобика, яйценоскость, расплод и силу семей, а итоговым показателем служит медопродуктивность. Сравнительное изучение пород позволяет оценить их адаптационный потенциал и хозяйственную эффективность.

Цель исследования - провести сравнительную оценку продуктивно-биологических показателей карпатской и среднерусской пород пчёл, определить их адаптационный и хозяйственный потенциал в условиях резко континентального климата Красноярского края.

Объекты и методы. Эксперимент выполнен летом 2025 г. на пасеке ИП Главы КФХ Шадрыгина А.В. (Назаровский район Красноярского края, с. Подсосное), в лесостепной зоне с резко континентальным климатом. Для этого региона характерны длительная зима, безоблётный период 160-180 суток, короткий медосбор (июль). Медоносная база разнотравье (донник, ива, осот) и сельскохозяйственные культуры. Объект исследования - пчелосемьи карпатской и среднерусской пород (*Apis mellifera* L.). В эксперименте участвовало 30 пчелосемей (по 15 каждой породы), сформированных по принципу аналогов: по 10 зимовальных и 5 пакетных. Пчёлы содержались в ульях типа «Дадан» (на 12 рамок с магазинами) при одинаковой технологии, исключающей влияние внешних факторов. Зимовка проходила в омшанике при 0...+4°C.

Оценивали продуктивно-биологические показатели: массу суточных пчёл ($n=100$), ёмкость медового зобика ($n=50$), яйценоскость маток, количество расплода, силу семей и медопродуктивность. Массу и ёмкость определяли взвешиванием, яйценоскость по площади расплода, силу - по массе пчёл, медопродуктивность - по разности массы рамок до и после выкачки. Данные обработаны методом вариационной статистики (Плохинский, 1972): рассчитывали $\bar{X}$, $\pm Sx$, Cv ; достоверность - по критерию Стьюдента [4]. Все измерения проводились в одинаковые сроки.

Результаты и их обсуждение. Одним из основных показателей, характеризующих уровень развития рабочих особей, является живая масса суточных пчёл. Полученные результаты приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Живая масса суточных пчёл, мг

Порода	n	lim	Масса, мг ($\bar{X} \pm Sx$)	Cv , %	В % к среднерусской
Среднерусская	100	85,1–126,0	109,5 $\pm$ 1,1	10,5	100,0
Карпатская	100	87,0–131,0	113,9 $\pm$ 1,2 **	10,6	104,0

Здесь и далее: достоверность разницы между породами обозначена надстрочными знаками:
* - $P \geq 0,95$; ** - $P \geq 0,99$; *** - $P \geq 0,999$

Как видно из данных табл. 1, живая масса суточных рабочих пчёл карпатской породы составила 113,9 мг при коэффициенте вариации 10,6%, тогда как у среднерусской породы этот показатель равнялся 109,5 мг при коэффициенте вариации 10,5%. Разница составила 4,4 мг, или 4,0% в пользу карпатской породы; различия статистически достоверны ($P \geq 0,99$). Значения находились в пределах породных нормативов, что подтверждает соответствие стандартам. Более высокая масса отражает интенсивность питания и особенности развития. Увеличение массы тела положительно коррелирует с временем лёта [5], что обеспечивает

более эффективное использование медоносной базы.

Важным показателем работоспособности пчёл является ёмкость медового зобика, результаты определения которой представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Ёмкость медового зобика, мг

Порода	n	lim	Масса, мг ($\bar{X} \pm S_x$)	Cv, %	B % к среднерусской
Среднерусская	100	44,0–54,4	49,0 $\pm$ 0,4	5,96	100,0
Карпатская	100	35,4–50,2	44,3 $\pm$ 0,5 ***	8,18	90,3

Согласно данным табл. 2, средняя вместимость медового зобика у среднерусской породы достигала 49,0 мг, тогда как у карпатской - 44,3 мг. Превосходство среднерусской породы составило 3,84 мг, или 9,7 %. Различия статистически имеют высокий уровень достоверности, при $P \geq 0,999$. Коэффициент вариации не превышал 8,0%, что свидетельствует об однородности выборки. Показатель связан с объёмом переносимого нектара: при коротком медосборе увеличение вместимости зобика повышает эффективность и снижает энергозатраты. Морфологические различия отражают адаптационные стратегии: у карпатской - быстрое развитие, у среднерусской - транспортировка корма.

Параметры, характеризующие рост и развитие пчелиных семей к периоду главного медосбора, приведены в табл. 3, где среднесуточная яйценоскость маток карпатской породы составила 1272 яйца, у среднерусской – 1193 яиц. Разница достигала 79 яиц в сутки, что соответствует увеличению показателя на 6,6%.

Таблица 3 – Параметры, характеризующие рост пчелиной семьи ($\bar{X} \pm S_x$)

Порода	Среднесуточная яйценоскость маток, шт.	Количество печатного расплода, до гл. медосбора, тыс. шт.	Сила пчелиной семьи перед гл. медосбором, кг
Карпатская	1272 $\pm$ 42	72,04 $\pm$ 3,42	4,88 $\pm$ 0,500
Среднерусская	1193 $\pm$ 48	68,52 $\pm$ 3,58	4,13 $\pm$ 0,375

Количество печатного расплода перед главным медосбором составляло 72,04 тыс. особей у карпатской породы и 68,52 тыс. - у среднерусской породы пчёл. Более высокий объём расплода способствовал большей силе пчелосемей: 4,88 кг у карпатской и 4,13 кг у среднерусской (превосходство 18,0%), что отражает более интенсивное развитие. Это важно при коротком сезоне, когда максимум пчёл должен совпадать с медосбором. Достоверных различий не установлено ($P < 0,95$).

Таблица 4 – Мёдопродуктивность пчёл разных пород, кг ($\bar{X} \pm S_x$)

Порода	Количество пчелосемей, шт.	Сила пчелиной семьи перед главным медосбором, ул.	Мёдопродуктивность, кг
Карпатская	5	19,5 $\pm$ 2,00	64,74 $\pm$ 2,15 **
Карпатская (зимовальные)	10	28,0 $\pm$ 1,0	124,94 $\pm$ 3,59 **
Среднерусская	5	16,5 $\pm$ 1,5	47,68 $\pm$ 2,73
Среднерусская (зимовальные)	10	24,5 $\pm$ 1,5	98,32 $\pm$ 4,54

Как следует из табл. 4, мёдопродуктивность пакетных пчелосемей карпатской породы составила 64,74 кг, у среднерусской - 47,68 кг. Разница достигала 17,06 кг (35,8%) и является статистически достоверной, ($P \geq 0,99$). Зимовальные пчелосемьи продемонстрировали более высокие значения. У карпатской породы продуктивность составила 124,94 кг, у среднерусской - 98,32 кг. Превосходство карпатской породы составило 26,62 кг или 27,1 %, при $P \geq 0,99$. Мёдопродуктивность отражает суммарное воздействие морфологических и физиологических факторов. По данным табл. 4, карпатская порода показала статистически

достоверно более высокие показатели как у пакетных, так и у зимовальных пчелосемей. Данные согласуются с результатами О.В. Зелениной [5].

Обобщённые данные по медопродуктивности пчелосемей сравниваемых пород подтверждают устойчивую тенденцию к более высокому выходу товарного мёда у карпатской породы пчёл вне зависимости от типа семьи.

Таким образом, в результате сравнительного опыта установлено: карпатская порода в целом показала более высокий хозяйственно - полезный потенциал. Живая масса суточных пчёл оказалась больше на 4,0%, яйценоскость маток выше на 6,6%, сила пчелосемей — на 0,75 кг. По медопродуктивности карпатская порода превосходила среднерусскую, как в пакетных так и в зимовальных семьях на 17,06 и 26,62 к, соответственно. У среднерусской породы пчёл выявлено преимущество по ёмкости медового зобика (+9,7%), что отражает её приспособленность к кратковременному взятку.

Список литературы

1. Табаков, Н. А. Хроника становления сибирского пчеловодства / Н. А. Табаков. // Россия и Сибирь: история и культура: материалы X Международного Сибирского исторического форума, Красноярск, 2023 г. - Москва: Перо, 2023. - С. 287-289.
2. Лебедев, В. И. Биология медоносной пчелы и пчелиной семьи : учебник для среднего профессионального образования / В. И. Лебедев, Н. Г. Биляш. - Москва :Юрайт, 2024. - 253 с.
3. Ковалев, А. Е. Продуктивная пасека: долгоживущие пчелы по методу Ковалева: много меда / А. Е. Ковалев. - Москва: АСТ, 2024. - 122 с.
4. Кривцов, Н. И. Пчеловодство: учебник для вузов / Н. И. Кривцов, В. И. Лебедев, Г. М. Туников - 6-е изд. - Санкт-Петербург: Лань, 2022. - 388 с.
5. Зеленина, О. В. Медопродуктивность пчел карпатской породы с учетом погодных условий, возраста и происхождения маток / О. В. Зеленина. // Вестник КрасГАУ. - 2022. - № 3. - С. 101-106.

УДК 619:618.19-002:636.234.1

ЛЕЧЕНИЕ МАСТИТОВ КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА ГОЛШТИНСКОЙ ПОРОДЫ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Мантатова Наталья Викторовна¹, доктор ветеринарных наук, профессор

Бадмаев Цырен-Дугар Мунхожабович², студент

^{1,2} Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова, Улан-Удэ, Россия

¹ mannat75@yandex.ru ² tsiren8326@gmail.com

Аннотация. В данной работе представлены результаты исследования эффективности комплексных терапевтических мероприятий при маститах крупного рогатого скота голштинской породы различной этиологии. Исследованы распространенность и формы маститов, проявляющихся в молочных стадах, проведено исследование эффективности схем лечения с применением антибиотиков и НПВС. Полученные данные в ходе опыта, можно использовать для корректировки или оптимизации труда ветеринарных служб сопровождающих молочное скотоводство.

Ключевые слова. Мастит, крупный рогатый скот, антибиотики, голштинская порода, молоко, терапия

TREATMENT OF MASTITIS IN GOLSHTIN CATTLE IN AN ECONOMIC ENVIRONMENT

Mantatova Natalya Viktorovna¹, Doctor of Veterinary Sciences, Professor

Badmaev Tsyren-Dugar Munkhozhobovich², Student

^{1,2} Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov, Ulan-Ude, Russia

¹ mannat75@yandex.ru ² tsiren8326@gmail.com

Abstract. This paper presents the results of a study on the effectiveness of complex therapeutic measures for mastitis in Holstein cattle of various etiologies. The prevalence and forms of mastitis in dairy herds were investigated, and the effectiveness of treatment regimens using antibiotics and non-steroidal anti-inflammatory drugs was studied. The data obtained during the experiment can be used to adjust or optimize veterinary services in dairy farming.

Keywords. Mastitis, cattle, antibiotics, Holstein breed, milk, therapy

Актуальность. В молочном скотоводстве болезни акушерско-гинекологического направления всегда были на первом месте по распространенности. Связано это с необходимостью всегда поддерживать животное в состоянии молочной продуктивности. Маститы одна из самых распространенных болезней на молочных фермах, причинами их возникновения могут быть нарушения технологии машинного доения, травмы и контаминации вымени, обморожения, ожоги и др. По Н.И. Полянцеву маститы являются реакцией организма на травматизацию химическую, механическую, термическую, биологическую [1,2]. Из разных источников выясняется, что распространенность маститов в стадах голштинской породы достигает 20-40%. В настоящее время разработано достаточно много клинических рекомендаций. Экономический ущерб складывается из снижения удоев, выбраковки молока из пораженных долей и во время выдержки после введения лекарственных препаратов, затрат на лечение и выбраковки животных, потерявших продуктивность. Своевременное проведение профилактических и лечебных мероприятий, ранняя диагностика маститов, значительно снижают экономический ущерб [1,2,3]

Цели исследования. Оценка эффективности терапии мастита у коров голштинской породы.

Задачи: 1. Провести анализ распространенности маститов в стаде.

2. Сравнить схемы лечения с дальнейшим анализом их эффективности и экономических затрат.

Объект исследований. Коровы голштинской породы, в возрасте от 3 до 6 лет, средней живой массой 550 кг, находящиеся в периоды раздоя.

Материалы и методы исследования. Исследование проведено в условия хозяйства NN, в период с 18 февраля по 24 марта 2026 года. Молочное стало включает в себя 317 голов. Диагностика маститов была проведена на основании анамнеза, клинического осмотра, органолептической оценки молока и проведения пробы на определение количества соматических клеток в молоке с помощью экспресс-теста «SOMATEST», отрицательная проба (количество соматических клеток менее 100 000/мл) при следующих характеристиках смеси молока и реактива – равномерная оранжевая окраска, без включений, с сохранением вязкости молока, любые другие результаты считаются как положительная проба. За время проведения исследования зафиксировано 31 случай мастита, из них 8 серозных, 17 катаральных, 2 фибринозных, 2 гнойно-катаральных, 1 геморрагический. В рисунке 1 приведены данные распространения маститов в хозяйстве.

Рисунок 1 – Выявленные маститы

Во время клинического осмотра при серозном и катаральном маститах фиксировались угнетение, вялость жвачки, понижение аппетита, субфебрильная температура или незначительное ее повышение от 38.9°C до 39.7°C, частота дыхательных движений от физиологической нормы 12-20 повышалась до средних 26-30, тип дыхания при этом грудобрюшной, изменений в количестве сердечных сокращений выходящих за пределы физиологических норм не наблюдались, пораженные четверти вымени увеличены в объеме, наблюдалась ассиметрия молочных желез, при пальпации отмечалась ярко выраженная болезненность, диффузные или очаговые уплотнения в различных участках молочной желез, изменения секрета (рис.2). Данных клинических признаков достаточно для постановки диагноза о мастите [1].

Основываясь на том, что микробный профиль может состоять более чем 1-2 видов микроорганизмов, проведено лабораторное исследование проб молока для установления микробного профиля в пораженных долях вымени и выбора наиболее эффективного антимикробного препарата [1,3]. Бактериологическое исследование проб проведено на основе диско-диффузного метода в лаборатории, результаты приведены в таблице 1.

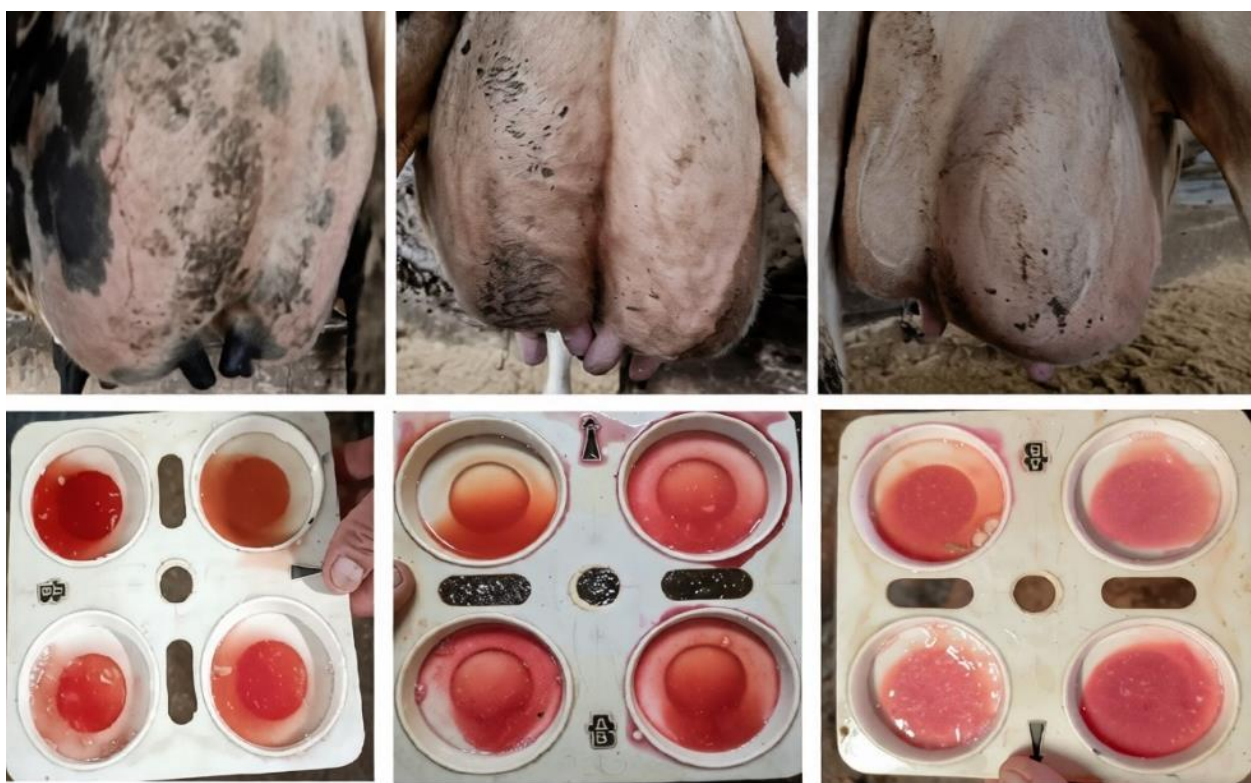

Рисунок 2 – Диагностика маститов

Таблица 1 – Лабораторное исследование молока на антибиотикорезистентность

Проба № E124322			
Микроорганизм	КОЕ/г, мл	Микроорганизм	КОЕ/г, мл
<i>S. aureus</i>	10^6	Бактерии рода <i>Proteus</i>	10^6
Чувствительность			
Пенициллин	R [0.0 мм]	Пенициллин	R [0.0 мм]
Гентамицин	S [17 мм]	Гентамицин	S [17 мм]
Ципрофлоксацин	S [16 мм]	Ципрофлоксацин	S [16 мм]
Энрофлоксацин	S [16 мм]	Энрофлоксацин	S [16 мм]
Амоксициллин/ клавуланат	S [23 мм]	Амоксициллин/ клавуланат	S [23 мм]
Проба № E124189 (9483)			
Микроорганизм	КОЕ/г, мл	Микроорганизм	КОЕ/г, мл
<i>St. agalactiae</i>	10^6	Бактерии рода <i>Proteus</i>	10^6
Чувствительность			
Гентамицин	S [17 мм]	Гентамицин	S [17 мм]

Животные на время лечения были изолированы от здоровых животных. Стоило подвергалось дезинфекции после утреннего и вечернего сдаивания, для этого использовался препарат «Чистобел». Также во время периода лечения, животные на дневной выпас не выпускались, во избежание холода как одного из стресс-факторов, усугубляющих воспалительный процесс в молочной железе. Количество влаги в рационе было уменьшено, для уменьшения процесса секреции молока. Из рациона исключен силос, доступ к поилке был ограничен.

Выбор в исследовании проб молока на антибиотикорезистентность был в пользу амоксициллина/клавуланата, гентамицина, энрофлоксацина и ципрофлоксацина исходя из данных микробиологических исследований в результате которых была выделена данная культура бактерий, расчета типичных паттернов развития устойчивости бактерий к данным препаратам и ее предотвращения. Препараты пенициллинового ряда, такие как амоксициллин и его комбинации с другими биологически активными веществами, например

гентамицин или клавуланат традиционно входят во многие клинические рекомендации по лечению как маститов различных этиологий, так и других патологий, в виду своей повсеместной доступности, богатого клинического опыта и эффективности.

Амоксициллин в настоящее время все еще является высокоэффективным лекарственным препаратом при лечении заболеваний вызванных бактериями. Механизм действия основан на ингибировании пептидогликанов клеточной стенки, вследствие чего происходит лизис и гибель бактерий. В интересующий нас спектр действия амоксициллина входят *Staphylococcus spp*, *Streptococcus spp*, *Bacillus spp*, *Proteus spp*, являющиеся типичными и актуальными на момент исследования возбудителями мастита.

В результате исследования проб молока, микробный профиль в основном состоял из бактерий рода *Proteus*, *Bacillus*, реже из стрептококков и стафилококков. Максимальная чувствительность бактерий проявилась в отношении амоксициллина и гентамицина. Для лечения были выбраны антимикробные препараты Амоксициллин 150 (50 мл/гол, в/м, 2-хкратно с интервалом 48 ч.) и Гентам (50 мл/гол, в/м, 3-5 дней), гели в шприцах Мастомицин (1 шт, и/ц, каждые 12 часов, 3 дня), НПВС Флунал (20 мл/гол, в/м, 3-4 дня). Флунал, действующим веществом которого является флуниксина меглумин, является ненаркотическим НПВС, обладающий анальгезирующим, жаропонижающим, противовоспалительным, антитоксическим действием против эндогенных токсинов бактерий. Время максимальной терапевтической концентрации в среднем 25-35 минут.

На фоне лечения препаратами амоксициллина, процессе лечения в большинстве случаев на 3-4 дни наступало улучшение, органолептические свойства молока стабилизировались в пределы физиологической нормы. Вязкость молока, цвет, наличие хлопьев казеина стремительно стабилизировались к физиологическим показателям, при пальпации молочных желез по сравнению с исходными данными, признаки воспаления постепенно исчезали, брус размягчался (брус – термин используемый операторами машинного доения, обозначающий наличие уплотнений секреторной ткани в пораженной доле молочной железы), консистенция с каменной, плотной стабилизировалась.

Фибринозный мастит лечению не поддавался, как в начале курса лечения, так и после, секрет молочных желез был водянистый с неприятным запахом, с крупными глыбками фибрина грязно-желтого цвета, сгустками казеина, иногда проявлялась примесь крови. За период лечения одной из коров страдающей фибринозным маститом молочная продуктивность значительно падала с 10 литров за доение до 10-18 мл, воспалительный процесс распространялся на здоровые четверти, данная корова была подвержена выбраковке. Молочная продуктивность второй коровы была восстановлена, после неудачного курса лечения длительностью в 9 дней, было принято решение об запуске больной четверти, на основании отсутствия распространения воспалительного процесса на здоровые доли.

Заключение. На фоне комплексных схем лечения, включающих в себя этиотропную, патогенетическую, симптоматическую терапию, эффективность лечения составила 93.55% (29). У 3.25% (1) наблюдается понижение молочной продуктивности, 3.25% (1) подвержено выбраковке вследствие необратимой потери продуктивности. Из полученных данных, можно сделать вывод, что для успешного лечения фибринозного и геморрагического мастита, используемых мер недостаточно, к использованному комплексу мероприятий необходимо добавление физических методов терапии, таких как, озокеритотерапия, парафинотерапия, так и новокаиновой терапии как патогенетическую терапию [1].

Исходя из этого, наиболее эффективными средствами лечения серозного, катарального, гнойного мастита являются антибиотикотерапия в комплексе с НПВС. Обязательное изолирование больных животных от основного стада, с обязательной дезинфекцией стойла как текущей, так и заключительной, тем самым, не допуская самоперезаражения животных.

Рисунок 3 – После лечения

Список литературы

1. Студенцов А. П., Шипилов В. С., Никитин В. Я. Акушерство, гинекология и биотехника репродукции животных. А. П. Студенцов, 14-е изд., стер. - Санкт-Петербург: Лань, 2025. - 548 с.
2. Полянцев Н. И. Ветеринарное акушерство, гинекология и биотехника размножения / Н. И. Полянцев - Санкт-Петербург: Лань, 2022. 480 с.
3. Акназаров Б. К., Матиев А. А., Абдыманап У. Н. Микробная обсемененность молочной железы у коров, больных маститом / Б. К. Акназаров - Бишкек: Киргизский национальный аграрный университет им. К.И. Скрябина, 2023. 84-91 с.

УДК 664.9:658.562

ВНЕДРЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ХАССП ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ РЫБНЫХ ПРЕСЕРВОВ

Пашченко Ольга Алексеевна¹, кандидат ветеринарных наук, доцент
Бордюгова Светлана Сергеевна², кандидат ветеринарных наук, доцент
Коновалова Ольга Владимировна³, кандидат ветеринарных наук, доцент
Зайцева Ада Анатольевна⁴, кандидат ветеринарных наук, доцент
Белянская Елена Витальевна⁵, кандидат ветеринарных наук, доцент
^{1,2,3,4,5} Луганский государственный аграрный университет, Луганск, Россия
¹ Lug.ol.pash@mail.ru ² bordugova.lana@mail.ru ³ olgakon2605@gmail.com
⁴ zayceva_doc37@mail.ru ⁵ ellenkkaa@yandex.com

Аннотация. В статье проведен анализ рисков и критических контрольных точек при производстве рыбных пресервов. С целью выявления возможных небезопасных факторов тщательно изучен технологический процесс производства рыбных пресервов, составлено описание продукта согласно требованиям нормативных документов. Анализ рисков включал идентификацию риска, оценку степени вероятности его возникновения и тяжесть последствий при его реализации. По результатам исследований установлены 7 критических контрольных точек, разработаны системы мониторинга, корректирующие действия, критические пределы.

Ключевые слова. Критические точки контроля, небезопасные факторы, технологический процесс, анализ рисков, пресервы, рыба

IMPLEMENTATION OF HACCP PRINCIPLES IN THE PRODUCTION OF FISH PRESERVES

Pashchenko Olga Alekseevna¹, Candidate of Veterinary Sciences, Associate Professor
Bordugova Svetlana Sergeevna², Candidate of Veterinary Sciences, Associate Professor
Konovalova Olga Vladimirovna³, Candidate of Veterinary Sciences, Associate Professor
Zaitseva Ada Anatolyevna⁴, Candidate of Veterinary Sciences, Associate Professor
Belyanskaya Elena Vitalievna⁵, Candidate of Veterinary Sciences, Associate Professor
^{1,2,3,4,5} Lugansk State Agrarian University, Lugansk, LNR, Russia
¹ Lug.ol.pash@mail.ru ² bordugova.lana@mail.ru ³ olgakon2605@gmail.com
⁴ zayceva_doc37@mail.ru ⁵ ellenkkaa@yandex.com

Abstract. The article analyzes the risks and critical control points in the production of fish preserves. In order to identify possible unsafe factors, the technological process of fish preserves production was thoroughly studied, and a product description was compiled in accordance with the requirements of regulatory documents. The risk analysis included the identification of risks, the assessment of the likelihood of their occurrence, and the severity of the consequences in case of their implementation. Based on the results of the research, seven critical control points were identified, and monitoring systems, corrective actions, and critical limits were developed.

Keywords. Critical control points, unsafe factors, technological process, risk analysis, canned fish

Вопросы продовольственной безопасности и обеспечения населения безопасными продуктами, в том числе и рыбными, является актуальной в условиях ЛНР.

Использование и внедрение принципов системы ХАССП и на перерабатывающих предприятиях пищевой промышленности является обязательным согласно действующего ТР ТС «О безопасности пищевой продукции» 021/2011.

Система ХАССП фокусируется на превентивном выявлении и устранении потенциальных угроз безопасности продукции на каждом этапе - от производственных

операций до логистики и реализации [1-3,6]. Для предприятий ЛНР с целью повышения конкурентоспособности продукции, расширения рынков сбыта и выпуска безопасной продукции использование системы ХАССП является необходимым.

Целью нашей работы было внедрение принципов ХАССП при производстве рыбной продукции на рыбоперерабатывающем предприятии ЛНР. В качестве объектов исследования были выбраны рыбные пресервы («Сельдь атлантическая филе – кусочки в масле»). Разработка этапов внедрения системы ХАССП осуществлялась согласно действующих стандартов [2].

Важным залогом успешно работающей системы ХАССП на предприятии являются Программы предварительных мероприятий, которые были тщательно проанализированы перед разработкой плана -ХАССП:

- Программа контроля качества поступающего сырья.
- Программа санитарии и гигиены (мойка, дезинфекция, борьба с вредителями).
- Программа технического обслуживания оборудования.
- Программа обучения персонала.

Далее было разработано описание продукта, которое включало: наименование и вид продукта (пресервы из сельди), состав и ингредиенты, физико-химические характеристики, микробиологические и токсикологические нормы, условия хранения и срок годности, способы употребления.

Следующим этапом был анализ диаграммы последовательности технологических операций при производстве пресервов "Сельдь атлантическая филе – кусочки в масле" (рис.1).

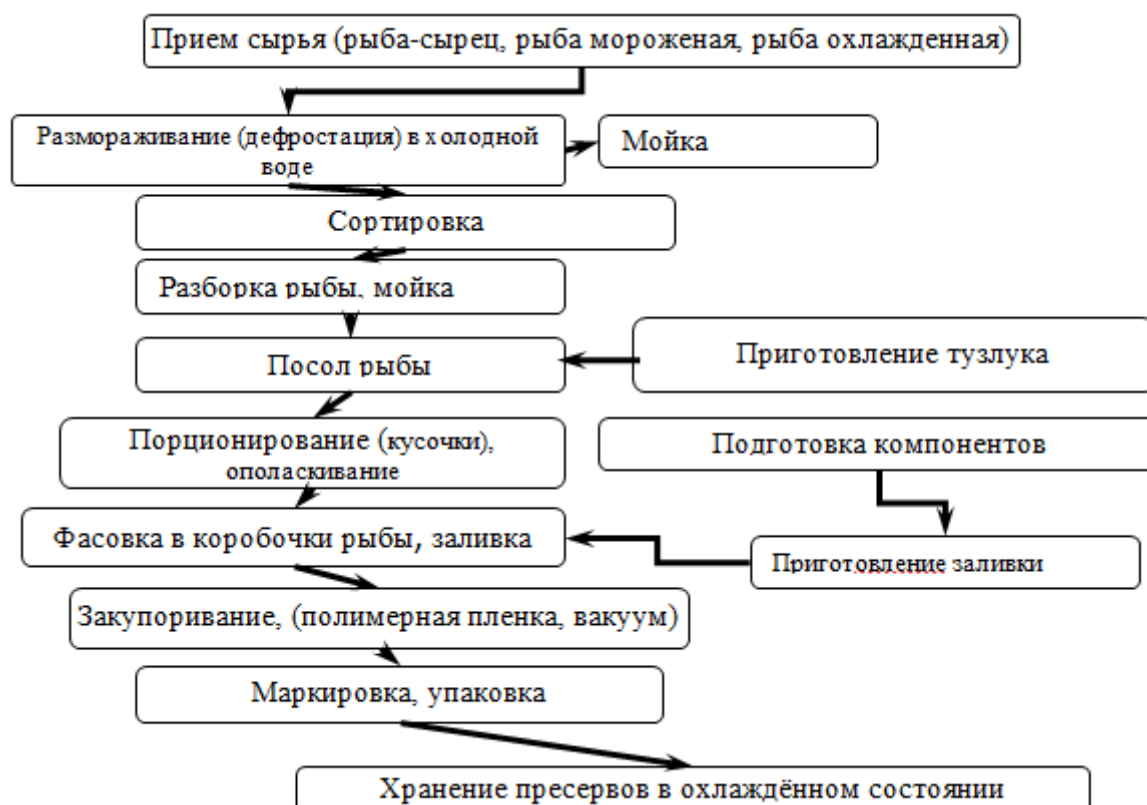

Рисунок 1- Диаграмма технологического процесса при производстве пресервов «Сельдь атлантическая филе – кусочки в масле»

Идентификацию небезопасных факторов, оценку вероятности возникновения (ВВ) каждого риска и определение уровня опасности осуществляли согласно требованиям действующих нормативных документов [1-4].

Вероятность возникновения фактора опасности и уровень его опасности оценивали в баллах в соответствии с критериями, приведенными в таблице 1.

Таблица 1 – Параметры оценки вероятности возникновения риска

Оценка	Определение
1 балл	Риск не возникал в течение 5 лет
2 балла	Риск может возникать от 1 раза в 5 лет до 1 раза в год
3 балла	Риск может возникать от 1 раза в месяц до 11 раз в год
4 балла	Риск может возникать от 1 раза в неделю до 3 раз в месяц

Оценивали тяжесть последствий от реализации опасного фактора в баллах согласно критериям, представленным в таблице 2.

Таблица 2 -Тяжесть последствий при возникновении риска

Уровень оценивания	Параметры уровня опасности
1	Слабый уровень опасности (действие опасного фактора не приводит к потере работоспособности)
2	Средний уровень опасности (потеря работоспособности в течение нескольких дней, но последствия не будут проявляться)
3	Тяжелый уровень опасности (длительная потеря трудоспособности, получение инвалидности 3-й группы)
4	Предельный уровень риска (получение инвалидности 1-й или 2-й группы, летальный исход)

Далее, согласно графика устанавливали вероятную возможность возникновения рисков с учетом уровня опасности и тяжести последствий (рисунок.2).

Установлены пределы допустимого риска согласно диаграммы (рисунок 2), где учитывали вероятность реализации опасного фактора и тяжесть последствий. Если точка в баллах находилась ниже условной линии, риск не учитывали, если выше – рассматривали далее.

Учитывая изложенную методику, при производстве пресервов из рыбы идентифицированы все виды рисков (биологические, химические и физические).

Биологические риски:

- патогенные микроорганизмы: *Listeria monocytogenes*, *Clostridium botulinum*, *Staphylococcus aureus*, сальмонеллы, паразиты (нематоды, цестоды).
- микроорганизмы, которые могут развиваться при хранении с несоблюдением ветеринарно-санитарных норм: дрожжи, плесени, молочнокислые бактерии.

Химические небезопасные факторы:

- токсичные элементы: тяжелые металлы (ртуть, свинец, кадмий);
- гистамин (при нарушении температурного режима);
- остатки моющих и дезинфицирующих средств;
- несанкционированные добавки.

Физические опасности (риски): кости, чешуя, части оборудования (металлическая стружка, пластик).

Результаты идентификации небезопасных факторов представлены в таблице 3.

Рисунок 2 - График анализа рисков

Таблица 3 - Идентификация рисков при производстве пресервов " Сельдь атлантическая филе - кусочки в масле"

Технологический этап	Небезопасные риски	ВВриска	Основание	Критическая точка контроля
Прием сырья (рыба-сырец, рыба мороженная, рыба охлажденная)	Биологический	Да	При нарушении режима хранения рыбы возможно обсеменение патогенными микроорганизмами. Поражение паразитами (гельминты и их личинки).	КТК 1
	Химический	Да	Содержание пестицидов, токсичных элементов, гистамина, N-нитрозаминов.	
	Физический	Да	Механические повреждения на этапе приемки сырья.	
Размораживание (дефростация) рыбного сырья в холодной воде	Биологический	Да	Нарушение режима размораживания, задержка сырья на этапе размораживания. Нарушение санитарно-гигиенического состояния оборудования.	КТК2
	Физический Химический	Нет Нет		
Мытье рыбного сырья (сырая рыба, охлажденная рыба)	Биологический Физический Химический	Нет Нет Нет		Нет
Сортировка рыбы	Биологический Физический Химический	Нет Нет Нет		Нет
Приготовление тузлука, соление и созревание рыбного сырья	Биологический Физический Химический	Да Да Да	При нарушении дозировки компонентов для приготовления тузлука, повышении температуры рабочего раствора, изменении соотношения раствора для посола к массе рыбы, недостаточном просаливании и созревании рыбы, нарушении температурного режима производственных помещений, несоблюдении санитарно-гигиенических требований возможен рост <i>Cl. botulinum</i> , образование токсина в конечном продукте. Наличие посторонних предметов в тузлуке.	КТК3
Филетирование рыбы	Биологический	Да	При несоблюдении санитарно-гигиенических требований возможно обнаружение в смывах с оборудования, инвентаря патогенных микроорганизмов.	КТК 4
	Физический Химический	Нет Нет		
Подготовка компонентов. Приготовление заливки	Биологический Химический Физический	Да Да Да	При несоблюдении температуры прокаливания масла возможно обсеменение заливки патогенными микроорганизмами. Нарушение санитарно-гигиенического состояния оборудования, инвентаря, производственных помещений Повышенное содержание консерванта (натрия бензоат). Наличие посторонних предметов, смазочных материалов.	КТК5
Фасовка рыбы в емкость, заливка	Биологический	Да	Нарушение санитарно-гигиенического состояния оборудования, инвентаря, производственных помещений.	КТК5a
	Физический	Да	Нарушение температурного режима производственных помещений Наличие посторонних предметов, смазочных материалов	
	Химический	Нет		

Вакуумная упаковка	Биологический	Да	нарушения процессов вакуумирования, нарушении температурного -влажностного режима помещения.	КТК6
	Физический	Да	Наличие посторонних предметов. Нарушение маркировки.	
	Химический	Нет		
Созревание пресервов в охлажденном виде	Биологический	Да	При несоблюдении температуры хранения готовой продукции можно быстро увеличить количество патогенных микроорганизмов.	КТК7
	Физический	Нет		
	Химический	Нет		

На основании проведенных исследований была осуществлена идентификация рисков и разработан НАССР-план для производства рыбных пресервов (“Сельдь атлантическая филе – кусочки в масле”).

На этапе приемки сырья (КТК1) важен контроль ветеринарных документов, оценка органолептических показателей, температура доставки. Критическими границами будут установленные максимально допустимые отклонения согласно действующим нормативным документам по органолептическим и физико-химическим показателям на рыбу-сырец, мороженную и охлажденную ГОСТ 814-2019, ГОСТ 1168-86, ГОСТ 814-96, по требованиям безопасности ТР ТС 021/2011 [4,5].

На КТК2 контролируется режим размораживания рыбы, контроль санитарно-гигиенического состояния оборудования и инвентаря.

На этапе КТК3 и КТК4 необходим контроль параметров технологического процесса тузлукования: режима смены и очистки тузлуков. Также осуществляется микробиологический и химический контроль тузлука. Дезинфекция солевых емкостей, столов для разборки рыбы (филетирования), ножей после каждой смены.

Контролируемые параметры КТК 5 при мониторинге - концентрация соли (NaCl) в рассоле, уровень pH, время выдержки, а также тщательный контроль содержания консерванта (натрия бензоата).

При нарушении технологического процесса вакуумирования, нарушении температурного режима производственного помещения возможно возникновение биологических рисков и установлена КТК6.

На этапе КТК 7 обслуживающий персонал должен проверять температуру холодильных камер, в которых хранится готовая продукция каждые 2 часа. Все результаты должны быть зарегистрированы, датированы и подписаны.

На всех этапах контрольных точек устанавливаются ответственные лица, которые документируют результаты процессов мониторинга в протоколах.

Таким образом, внедрение системы ХАССП на производстве рыбных пресервов — это система управления рисками, которая:

- гарантирует безопасность продукта для потребителя;
- защищает предприятие от рекламаций, отзывов продукции и судебных исков;
- повышает дисциплину и культуру производства;
- является обязательным требованием для выхода на рынок и успешного прохождения проверок.

Выводы.

1. проведен анализ нормативной документации, регламентирующей этапы внедрения системы ХАССП на предприятиях
2. составлена и проанализирована диаграмма последовательности технологических операций при производстве пресервов из сельди
3. установлены вероятность возникновения биологических, физических, химических рисков и их пределы допустимости
4. идентифицированы критические контрольные точки
5. разработаны системы мониторинга и корректирующие действия.

Список литературы

1. ТР ТС 021/2011. Технический регламент Таможенного союза «О безопасности пищевых продуктов»: утв. Решением Комиссии Таможенного союза от 9 дек. 2011 г.
2. ГОСТ Р ИСО 22000-2007. Системы менеджмента безопасности пищевой продукции. Требования к организациям, участвующим в цепи создания пищевой продукции: утверждён и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 17 апреля 2007 г. N 66-ст: Дата введения 2008-01-01 М.: Стандартиформ, 2012. – 36 с.
3. ГОСТ Р 51705.1-2001. Системы качества. Управление качеством пищевых продуктов на основе принципов ХАССП. Общие требования: принят постановлением Госстандарта РФ от 23 января 2001 г. N 31-ст.: дата введения 2001-06-01. – М.: Стандартиформ, 2009. – 12 с.
4. ГОСТ 814-2019. Рыба охлажденная. Технические условия: принят межгосударственным советом по стандартизации, метрологии и сертификации (протокол от 30.07.2019 №120-П – Москва: Стандартиформ, 2019. – 15 с.
5. ГОСТ 1168-86 Рыба мороженая. Технические условия: утвержден и введен в действие Постановлением Государственного комитета СССР по стандартам от 27.11.86 N 35823: межгосударственный стандарт: дата введения 1988-01-01. – Москва: Стандартиформ, 2009. – 15с.
6. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30 янв. 2010 г. № 120 // Российская газета. – 2010. – 3 февр.

УДК 618

МАССАЖ КАК МЕТОД ОТДЕЛЕНИЯ ПОСЛЕДА

Саражакова Ирина Михайловна¹, кандидат биологических наук, доцент
Сулайманова Гульнара Владимировна², кандидат ветеринарных наук, доцент
^{1,2} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
¹ irinasarazhakova@yandex.ru ² culaimanova5@yandex.ru

Аннотация. Цель работы - изучить возможность отделения последа путём массажа матки через прямую кишку. Продолжительность массажа матки, до полного отделения последа, составила от 35 до 60 минут. Это довольно трудоёмкий процесс. Но при этом достигнуто качественное отделение плодных оболочек, что позволяет рассматривать приём массажа матки через прямую кишку в качестве альтернативы оперативному отделению последа.

Ключевые слова: коровы, задержание последа, массаж, плодные оболочки, воспроизводство

Исследования выполнены в ходе реализации тематического плана-задания по заказу Минсельхоза РФ в 2026 году № 311 «Усовершенствование методов профилактики и лечения незаразных болезней молодняка, заболеваний обмена веществ, лакто-генитального комплекса у крупного рогатого скота в условиях Красноярского края».

MASSAGE AS A METHOD OF SEPARATION

¹**Sarazakova Irina Mikhailovna**, Candidate of Biological Sciences, Associate Professor
²**Sulaimanova Gulnara Vladimirovna**, Candidate of Veterinary Sciences, Associate Professor
^{1,2} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
¹ irinasarazhakova@yandex.ru ² culaimanova5@yandex.ru

Abstract. The purpose of the work is to study the possibility of separating the afterbirth by massaging the uterus through the rectum. The duration of uterine massage, until the complete separation of the afterbirth, was from 35 to 60 minutes. This is a rather laborious process. But at the same time, a qualitative separation of the fetal membranes was achieved, which allows us to consider the reception of uterine massage through the rectum as an alternative to operative separation of the afterbirth.

Keywords: Cows, retained placenta, massage, amniotic membranes, reproduction

The research was carried out as part of the implementation of the thematic plan-task commissioned by the Ministry of Agriculture of the Russian Federation in 2026 No. 311 "Improving the methods of prevention and treatment of non-contagious diseases of young animals, metabolic diseases, and the lacto-genital complex in cattle in the Krasnoyarsk Territory".

Осложнения родового процесса приводят к развитию воспалительных заболеваний в родовых путях, что негативно сказывается на последующей воспроизводительной способности самки. Одним из таких осложнений является задержание последа.

Часто, выведение плодных оболочек задерживается по причине гипотонии матки и как следствие слабости послеродовых схваток. Алиментарная гипотония матки возникает на фоне недостатка в рационе коров солей кальция и сахаров. Также гипотония матки может быть обусловлена её перерастяжением в результате крупноплодия.

Физиологически обоснованными сроками отхождения последа у крупного рогатого скота является промежуток времени от 2-3 до 6-8 часов после рождения плода.

Для профилактики задержания последа и возникновения послеродовых эндометритов

в настоящее время применяют такие приёмы, как выпаивание коровам энергетиков сразу же после родов, введение препаратов обладающих сокращающим действием, например «Утеротон». Утеротон это препарат, обладающий окситоциноподобным действием. Его преимуществом перед окситоцином является то, что препарат вводится один раз в сутки. Однако положительный эффект достигается не всегда. Поэтому ветеринарным специалистам приходится применять препараты простагландинового ряда и другие лекарственные вещества, а также приём оперативного отделения последа. [1,2]

Оперативное отделение последа способствует проникновению условно-патогенной микрофлоры в матку, поэтому, для профилактики возникновения воспалительных заболеваний требуется применение антимикробных препаратов.

«В настоящее время встречаются данные о низкой эффективности оперативного отделения последа, т.к. полностью удалить все частички последа не удаётся, это приводит к возникновению воспалительного процесса и животное все равно необходимо лечить». [3]

Одним из приёмов повышения сократимости матки после родов является массаж матки через прямую кишку.

Целью данной работы явилось изучение возможности отделения последа путём массажа матки через прямую кишку.

Материалы и методы. Материалом исследований служили коровы голштинской породы черно-пестрой масти, в возрасте 3,5-6 лет, принадлежащие АО «Емельяновское». Исследования проведены на трёх коровах.

На момент родов все коровы находились в родильном отделении хозяйства. Процесс родов протекал под наблюдением ветеринарного специалиста. Помощь по извлечению плодов не оказывали. Факт задержания последа устанавливали путём наблюдений за родильницами при утреннем обходе, промежуток времени прошедший с момента родов выясняли путем сбора анамнестических данных у обслуживающего персонала.

У коров опытной группы наличие плодных оболочек в родовых путях отмечалось через 12-15 часов после родов. Всем коровам уже был введён препарат «Утеротон» в дозе 10 мл на животное, внутримышечно, однако положительной динамики в отхождении последа не отмечалось.

При исследовании были установлены следующие клинические признаки.

Корова №1 (возраст 3,5 года) – осмотром выявлено, что послед смешивается из вульвы примерно на 50 см. При потягивании за вышедшие плодные оболочки послед крепко удерживается в полости матки. В результате был поставлен диагноз - частичное задержание последа.

Корова №2 (возраст 5 лет) – у животного наблюдались натуживания, кровянистые выделения из вульвы, плодных оболочек при визуальном осмотре не выявлено. При введении руки в родовые пути был обнаружен послед, который полностью находился в полости матки. Диагноз – полное задержание последа.

Корова №3 (возраст 6 лет) – из вульвы свисали плодные оболочки серо-красного цвета. Диагноз - частичное задержание последа.

В качестве помощи всем коровам проводили массаж матки через прямую кишку. Для этого руку в перчатке вводили в прямую кишку, матку обнаруживали за лонными костями, в брюшной полости. Затем производили поглаживающие массажные движения от краниального отдела матки кзади. Надавливая на матку с умеренной силой, чтобы не допустить травмирования слизистой оболочки прямой кишки и самой матки. При этом массажные движения производили не только вдоль срединной линии туловища, но и периодически руку смещали то вправо, то влево. Захватывая, при этом боковые поверхности матки и как следствие, воздействию подвергались мышцы матки на более обширной поверхности.

При возможности производили захват краниального отдела матки рукой и старались подтянуть матку к тазовой полости, при этом из вульвы наблюдалось выделение жидкой

слизи красного цвета. Так как у всех коров наблюдалась атония матки, то потребовалось длительное время, чтобы мышцы матки начали проявлять сокращения под действием массажных движений.

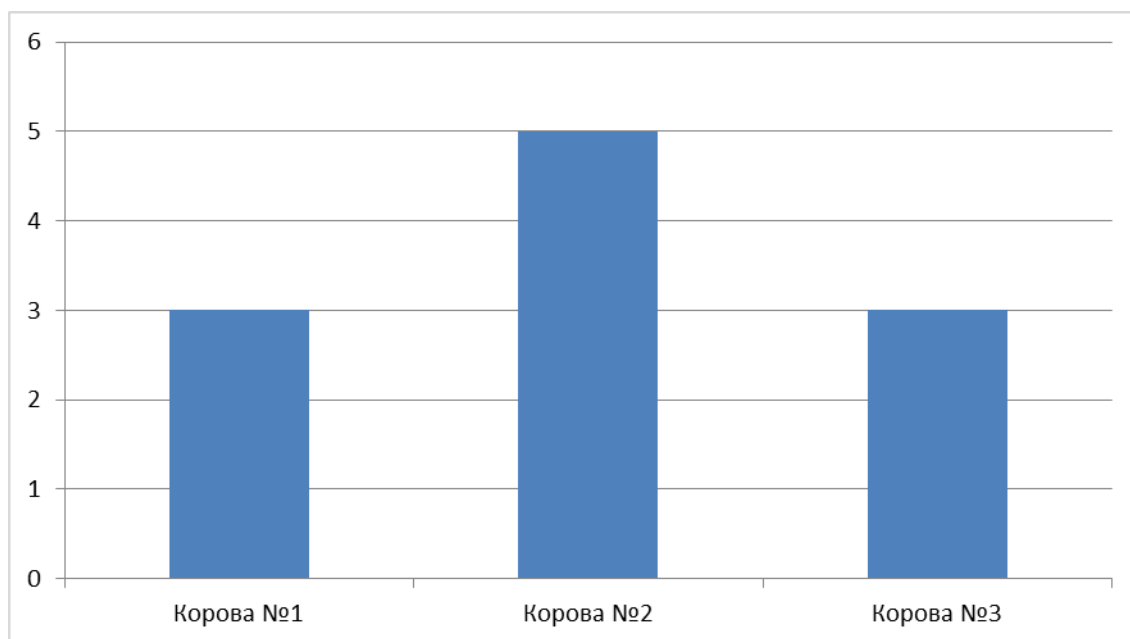

Рисунок 1 - Время реакции матки на массаж при ее атонии, минут

У коровы №1 (частичное задержание последа) после начала массажа матка начала реагировать сокращениями через три минуты, что отразилось на продвижении плодных оболочек. Матка коровы №2 (полное задержание последа) стала реагировать сокращениями на массаж только через 5 минут. У коровы №3 (частичное задержание последа) сокращения матки были отмечены через три минуты после начала массажа (рисунок 1). Таким образом можно заключить, что при атонии матки её сокращения восстанавливаются через 3-5 минут после начала массажа.

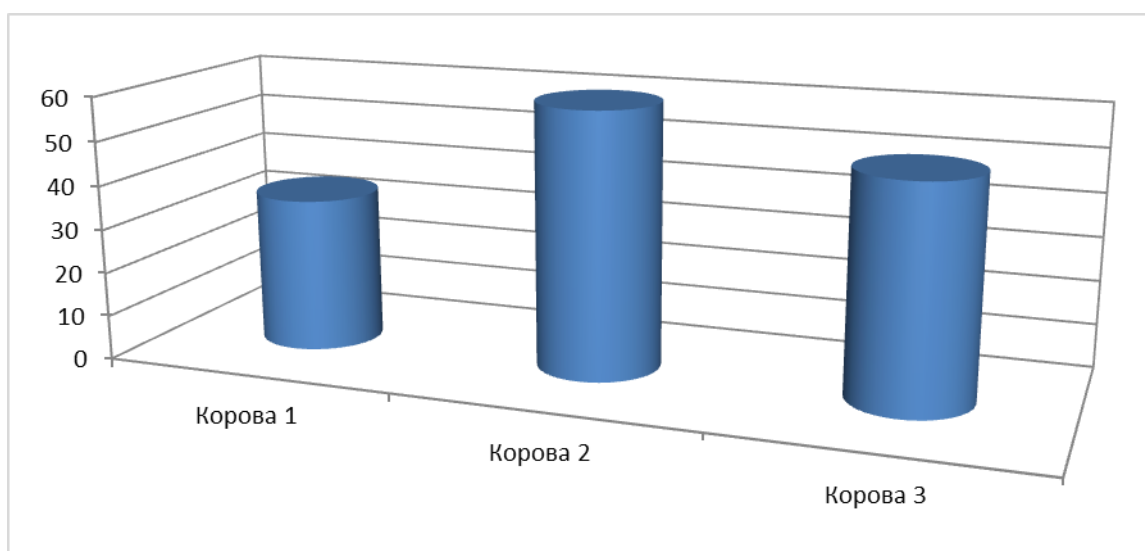

Рисунок 2 - Время до полного отделения последа, минут

Выведение плодных оболочек из родовых путей происходило неравномерно. В начале, после одного-двух массажных движений плодные оболочки выходили из вульвы примерно на 3 см. Однако, после отделения более половины последа, когда он свешивался до скакательных суставов и ниже, выходение плодных оболочек шло более интенсивно. В

процессе массажа обрыв вышедших плодных оболочек мы не производили.

В связи с значительным напряжением мышц руки и усталостью, примерно через десять минут от начала массажа, мы делали перерыв а работе. Во время перерыва отхождение плодных оболочек шло менее интенсивно, и даже почти прекращалось.

Для полного отделения последа продолжительность массажа составила у коровы №1 35 минут, у коровы №2 – 60 минут и у коровы №3 – 50 минут (рисунок 2). У всех животных последа отделились одним конгломератом. После отделения последа осматривали, обращая внимание на котиленоны. При визуальном исследовании в области котиленонов повреждений и отрыва части ворсинок не обнаружили, что указывает на полное и качественное отделение последа.

Таким образом, продолжительность массажа матки, до полного отделения последа, составила от 35 до 60 минут. Это довольно трудоёмкий и затратный по времени процесс. Но при этом достигнуто качественное отделение ворсин хориона от карункулов на всей поверхности плодных оболочек, что позволяет рассматривать приём массажа матки через прямую кишку в качестве альтернативы оперативному отделению последа.

Список литературы

1. Медведев Г.Ф. Задержание последа у коров: консервативный способ лечения / Г.Ф. Медведев, Н.И. Гавриченко, В.С. Бегунов, И.А. Долин. – Текст электронный //URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaderzhanie-posleda-u-korov-konservativnyy-sposob-lecheniya>
2. Медведев Г.Ф. Задержание последа у коров: этиология и патогенез. / Г.Ф. Медведев, Н.И. Гавриченко, В.С. Бегунов. – Текст электронный //URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaderzhanie-posleda-u-korov-etiologya-i-patogenez>
3. Саражакова, И.М., Эффективность применения ихглюковита-вет при задержании последа у коров / И.М. Саражакова, Э.А. Петрова, О.В. Колосова //Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Ч II. Наука: опыт,проблемы, перспективы развития / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2017. – С.208-212.

УДК 636.5.087

МИКРОБНЫЙ ПЕЙЗАЖ СЛЕПОЙ КИШКИ ЦЫПЛЯТ-БРОЙЛЕРОВ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Хибатуллин Данил Шамсутдинович¹, аспирант

Дерхо Марина Аркадьевна², доктор биологических наук, профессор

^{1,2} Южно-Уральский государственный аграрный университет

^{1,2}kaf.himec@sursau.ru

Аннотация. Исследован микробный пейзаж слепой кишки цыплят-бройлеров кросса «Смена 9» в конце периода выращивания. Установлено, что микробиоценоз обладает иерархической структурой, которая определяется востребованностью ферментов в процессах пищеварения; обеспечивает стабильность микробиома и резистентность к патогенам при сохранении физиологического равновесия.

Ключевые слова: бройлеры, кросс «Смена 9», слепая кишка, микрофлора

MICROBIAL LANDSCAPE OF THE CECUM OF BROILER CHICKENS AND ITS FEATURES

Hibatullin Danil Shamsutdinovich¹, Postgraduate Student

Scientific supervisor: Derkho Marina Arkadyevna², Doctor of Biological Sciences, Professor

^{1,2} South Ural State Agrarian University, Troitsk, Chelyabinsk region, Russia

^{1,2}kaf.himec@sursau.ru

Abstract. The microbial landscape of the cecum of broiler chickens of the «Smena 9» cross was studied at the end of the rearing period. It has been established that microbiocenosis has a hierarchical structure, which is determined by the demand for enzymes in the digestive processes; it ensures the stability of the microbiome and resistance to pathogens while maintaining physiological balance.

Keywords: broilers, cross "Smena 9", cecum, microflora

Бактериальные сообщества кишечного тракта цыплят-бройлеров играют важную роль в обеспечении организма питательными веществами, формировании функциональной активности органов и тканей, регулировании иммунного и метаболического гомеостаза [1, с. 1006].

Желудочно-кишечный тракт млекопитающих, в том числе и сельскохозяйственных птиц, представляет собой огромное микробное сообщество, которое находится в динамическом равновесии. Оно обладает сложными полигенными признаками, коэволюционирующих в соответствии с генетическими факторами хозяина и факторами окружающей среды [2, с. 1967]. Установлено, что микробиота кишечника играет важную роль не только в процессах пищеварения, но и иммунитета, так как ограничивает его колонизацию патогенами [3, с. 260]. Поэтому микробиоту рассматривают как фактор, играющий важную роль в процессах роста и развития, эффективности переваривания питательных веществ и формирования общего состояния здоровья птиц [4, с. 3672]. Соответственно, для того, чтобы регулировать продуктивные качества бройлеров необходимо знать различия в микробиоте кур разных пород и кроссов, а также с учетом региональной специфики кормления. Например, куры, обитающие в высокогорных районах и на равнинных территориях, обладают разным микробным пейзажем кишечника. Разные паттерны микробиоты кишечника специфичны и для разных пород бройлеров и кур-несушке [5, с. 753].

Целью настоящего исследования было исследование микробного пейзажа слепой кишки цыплят-бройлеров кросса «Смена 9» в конце периода выращивания.

Материалы и методы. Работа выполнена на птицеводческом комплексе, управляемом группой компаний ООО «Урал-Ситно». В конце периода выращивания были отобраны клинически здоровые цыплята-бройлеры кросса «Смена 9» в возрасте 36-суток, после эвтаназии и обескровливания которых были взяты образцы содержимого слепых отростков.

Для определения основных представителей микрофлоры слепой кишки цыплят использовали микробиологический метод, предусматривающий посев серийных разведений проб на селективные и дифференциально-диагностические питательные среды с последующей идентификацией выделенных культур по морфологическим, тинкториальным и биохимическим свойствам с использованием автоматического анализатора VITEK 2 Compact.

Статистическую обработку данных проводили с использованием пакета прикладной программы Excel.

Результаты исследований. В организме цыплят-бройлеров слепая кишка представляет собой парный орган, играющий важную роль в процессах пищеварения. Во-первых, микробиом слепой кишки специализируется на расщеплении целлюлозы и других некрахмалистых полисахаридов, что служит дополнительным источником энергии для ростовых процессов. Во-вторых, путем микробной ферментации синтезируются короткоцепочные жирные кислоты, витамины, аминокислоты и пептиды, которые частично абсорбируются стенками слепой кишки. В-третьих, орган служит резервуаром «полезной» микрофлоры, обеспечивая поддержание баланса с патогенами; она также стимулирует развитие лимфоидной ткани кишечника [6, с. 818].

При анализе микробного пейзажа слепого отростка цыплят-бройлеров было выявлено присутствие следующих бактериальных сообществ (рис. 1).

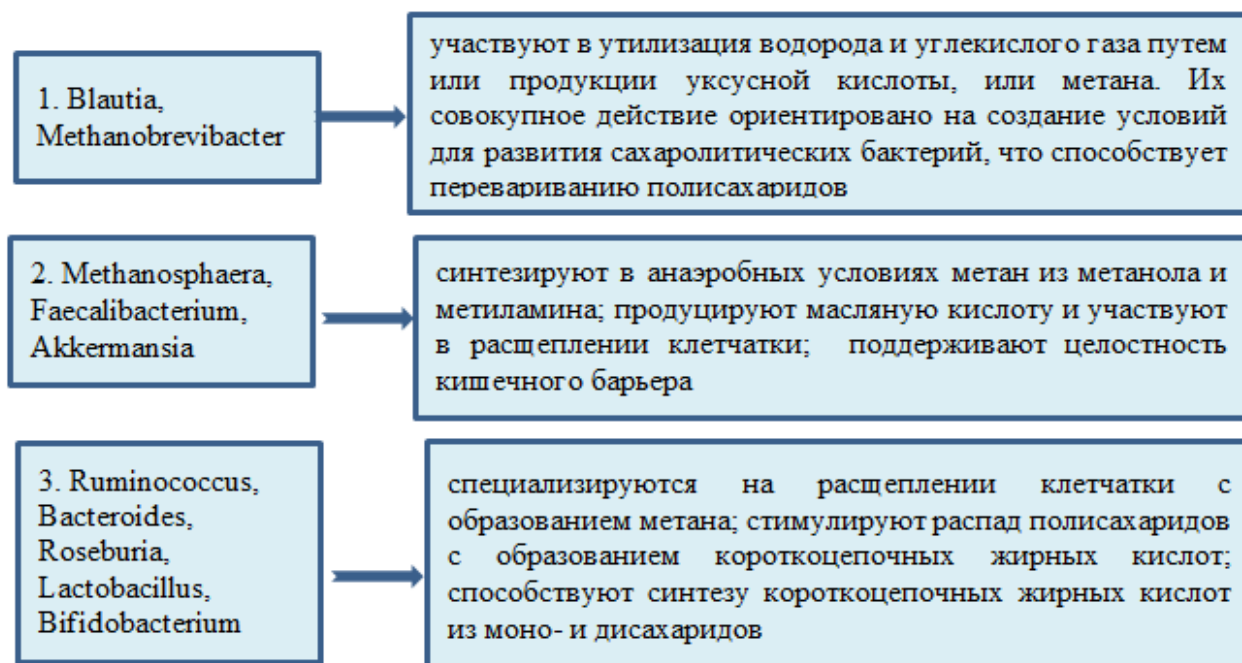

Рисунок 1 – Нормофлора слепого отростка цыплят-бройлеров

В нормофлоре по количественной представительности выделено три бактериальных сообщества. Наибольшая доля приходится на анаэробные бактерии *Blautia* и археобактерии рода *Methanobrevibacter*, которые, утилизируя водород и углекислый газ, создают для развития бактерий, синтезирующих ферменты для переваривания полисахаридов. Второй по

численности популяцией является совокупность микроорганизмов, состоящих из архей Methanospaera и бактерии рода Faecalibacterium и Akkermansia, обеспечивающих синтез метана, масляной кислоты и целостность кишечного барьера. Третьим по численности бактериальным сообществом в составе нормофлоры являются бактерий рода Ruminococcus, Bacteroides, Roseburia, Lactobacillus и Bifidobacterium, биологические свойства которых ориентированы на процессы пищеварения полисахаридов. Данная совокупность микроорганизмов обеспечивала поддержание баланса с условно-патогенной микрофлорой.

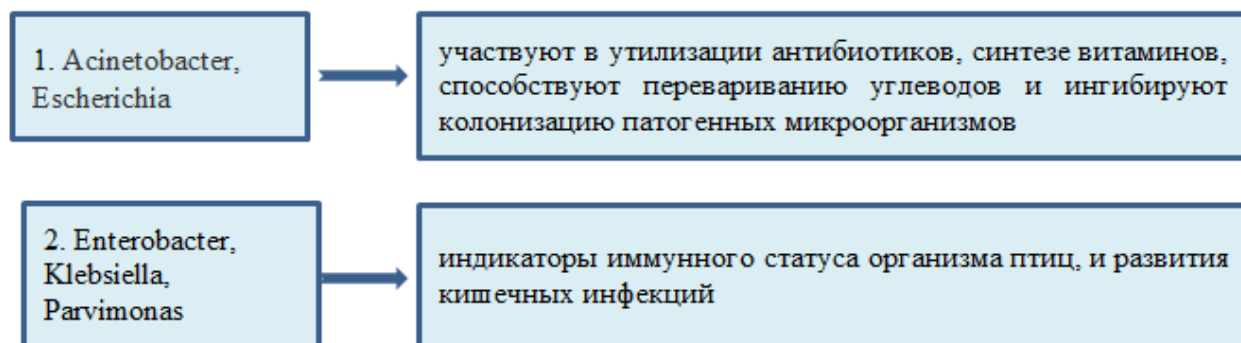

Рисунок 2 – Условно-патогенная микрофлора слепого отростка цыплят-бройлеров

Среди условно-патогенной микрофлоры слепой кишки цыплят-бройлеров преобладали бактерии рода Acinetobacter и Escherichia, которые обладают рядом «полезных свойств» (рис. 2). Их количество в бактериальном сообществе является маркером дисбаланса в физиологических процессах в организме птиц. В незначительном количестве присутствуют бактерии рода Enterobacter, Klebsiella и Parvimonas, что характеризует контролируемость развития возбудителей кишечных инфекций.

Из патогенной микрофлоры в содержимом слепой кишки цыплят-бройлеров установлено только наличие грибов рода Candida.

Выводы. Таким образом, микробиоценоз слепой кишки обладает иерархической структурой, которая определяется востребованностью ферментов в процессах пищеварения; обеспечивает стабильность микробиома и резистентность к патогенам при сохранении физиологического равновесия.

Список литературы

1. Clavijo, V. The gastrointestinal microbiome and its association with the control of pathogens in broiler chicken production: A review / V. Clavijo, M. J. V. Flyrez // Poultry science. – 2018. – Vol. 97(3). – P. 1006-1021.
2. Ding, J. Inheritance and Establishment of Gut Microbiota in Chickens / J. Ding, R. Dai, L. Yang [et al.] // Front Microbiol. – 2017. – Vol. 8. – P. 1967. doi: 10.3389/fmicb.2017.01967.
3. Kostic, A.D. The dynamics of the human infant gut microbiome in development and in progression toward type 1 diabetes / A.D. Kostic, D. Gevers, H. Siljander [et al.] // Cell Host Microbe. – 2015. – Vol. 17(2). – P. 260-273. doi: 10.1016/j.chom.2015.01.001.
4. Chen, L. Gut Microbial Diversity Analysis of Different Native Chickens and Screening of Chicken-Derived Probiotics / L. Chen, X. Bai, T. Wang [et al.] // Animals (Basel). – 2023. – Vol. 13(23). – P. 3672. doi: 10.3390/ani13233672.
5. Zhou, X. Cecal microbiota of Tibetan Chickens from five geographic regions were determined by 16S rRNA sequencing / X. Zhou, X. Jiang, C. Yang [et al.] // Microbiologyopen. – 2016. – Vol. 5(5). – P. 753-762. doi: 10.1002/mbo3.367.
6. Ильина, Л.А. Таксономическое разнообразие микробиома слепых отростков кишечника у цыплят-бройлеров и его изменение под влиянием комбикормов с подсолнечным шротом и сниженной обменной энергией / Л.А. Ильина, Е.А. Ёылдырым, И.Н. Никонов // Сельскохозяйственная биология. – 2015. – Т. 50(6). – С. 817-824. doi: 10.15389/agrobiology.2015.6.817rus

СЕКЦИЯ 7. ЭКОНОМИКА, МЕНЕДЖМЕНТ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ АПК

УДК 338.43:636.2.34

ТЕНДЕНЦИИ ПРОИЗВОДСТВА МОЛОКА В МИРЕ

Аникиенко Николай Николаевич¹, кандидат экономических наук, доцент

Савченко Инна Анатольевна², кандидат экономических наук, доцент

^{1,2} Иркутский государственный аграрный университет имени А.А. Ежевского, Молодежный, Россия

¹ anikienkonikolai@mail.ru ² innasava2016@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен зарубежный опыт производства молока. Выявлено, что основная доля молока в мире производится в Индии, США, странах ЕС. В 2024 г. производство молока в мире увеличилось на 35,3% и составило 976 млн. т против 721,9 млн. т в 2010 г. Наибольший объем экспорта приходится на Новую Зеландию, Республику Беларусь, страны ЕС. Наибольший удельный вес молочной продукции реализуется через крупные фирмы. Продуктивность скота по странам возрастает, однако остается низкой в Индии и Бразилии. Рост продуктивности молочного скота осуществляется на основе улучшения кормления и породного состава.

Ключевые слова: молочное скотоводство, производство молока, экспорт молока, население, страны мира

TRENDS IN GLOBAL MILK PRODUCTION

Anikienko Nikolay Nikolaevich¹, Candidate of Economics Science, Associate Professor

Savchenko Inna Anatolyevna², Candidate of Economics Science, Associate Professor

^{1,2} Irkutsk State Agrarian University named after A.A. Ezhevsky, Molodezhny, Russia

¹ anikienkonikolai@mail.ru ² innasava2016@mail.ru

Abstract. This article examines international milk production practices. It reveals that the majority of milk worldwide is produced in India, the United States, and the EU. In 2024, global milk production increased by 35.3%, reaching 976 million tons, compared to 721.9 million tons in 2010. The largest export volumes go to New Zealand, the Republic of Belarus, and the EU. The largest share of dairy products is sold through large companies. Cattle productivity is increasing across countries, but remains low in India and Brazil. Improved feed management and breed composition are driving the increase in dairy cattle productivity.

Keywords: dairy farming, milk production, milk exports, population, countries

Актуальность. Производством молока занимаются большинство стран мира. Молоко является наиболее важным продуктом питания населения в мире. Растет производство и потребление молока в азиатских странах, таких, как Китай. Ведущие страны по производству молока в мире продолжают наращивать его производство, значительно превышая собственные потребности в молоке. Молочная отрасль является экспортно-ориентированной отраслью для многих стран.

Цель исследования – выявить тенденции производства молока в мире.

Задачи исследования: рассмотреть зарубежный опыт производства молока, проанализировать производство молока в мире.

Материалы и методы исследования. Материалами исследования послужили труды

отечественных авторов по теме исследования, а также статистическая информация по производству молока и численности населения в мире. В данной работе использовались общенаучные методы исследования.

Результаты исследования. Зарубежный опыт производства молока широко освещен в трудах отечественных ученых-экономистов. По мнению авторов, «по абсолютному производству молока лидируют Индия, США, Китай, Бразилия, Германия. Россия в этом виде продукта не имеет пока высоких показателей, особенно по душевому производству молока и молокопродуктов». Они отмечают, что «на основе сопоставления объемов среднедушевого производства пищевых продуктов с рациональными нормами их потребления, отвечающими современным требованиям здорового питания, определяется одноименный индекс, характеризующий уровень самообеспеченности продовольствием». Так, на начало 2020 г. в России при среднедушевом производстве молока 220 кг индекс обеспеченности основными продуктами питания составил по молоку 0,68 [1].

Опыт США характеризуется тем, что государство регулирует доходы производителей молока и доступность этого продукта для потребителей. В США создаются благоприятные маркетинговые условия для фермеров и потребителей молока. Для переработчиков ежемесячно с помощью формул устанавливаются минимальные закупочные цены. С целью поддержки конкурентоспособности молочной отрасли является покрытие молочной маржи, т.е. «добровольная программа, которая предлагает защиту производителям молока, когда разница между средней ценой на молоко в США и средней стоимостью кормов по стране (рассчитанной по формуле) становится ниже определенной суммы в долларах. Эта мера государственной поддержки расширяет возможности защиты прибыли» [2].

В Республике Беларусь производство молока значительно превышает потребности населения в этом продукте. Авторы подчеркивают, что на рынке молочной продукции работает 51 компания. Республика Беларусь занимает лидирующие позиции по производству молока на душу населения среди стран ЕАЭС. В 2024 году произведено 968 кг молочной продукции на 1 человека [3].

Примечателен опыт производства молока в Индии. Исследователи выделяют, что «самая низкая себестоимость производства молока в Индии. Молочные фермы состоят из 1-3 коров, что является полным противопоставлением ситуации в Европе, США и других странах-лидерах. Индия не обладает огромными научными и технологическими ресурсами, но заставляет обратить внимание на следующие аспекты: тенденцию создания и развития технологических парков, инвестирование информационных и инновационных отраслей, применение новых технологий в пищевой промышленности, населения необходимыми продуктами» [4].

В Китае в 2024 г. производство молока составило 45443 тыс. т, причем идет постоянный рост. Так, «начиная с 1970-х годов, благодаря экономическим реформам в Китае снята государственная монополия на разведение молочного скота. Для привлечения частных инвестиций государство ввело субсидии на молоко, в результате в Китае одна из самых высоких цен на молоко. Выделялись средства для поддержки молочной отрасли и на уровне регионов, был создан специальный фонд поддержки отрасли. Правительством также оказывалась поддержка пригородным домохозяйствам, занимающимся содержанием молочного скота. Оказана помощь со стороны Всемирной продовольственной программы и Европейского экономического сообщества. В результате был обеспечен внутренний спрос на молоко и молочную продукцию» [5].

Рассматривая производство молока по странам, большинство ученых отмечают, что «традиционно в мировом производстве коровьего молока наибольшую долю занимает Европа (32,77%), на втором месте – Азия (30,21%), далее идут Северная Америка (15,66%) и Южная Америка (9,10%)». В десятке стран-лидеров по производству молока являются США (14,47%) и Индия (12,38%) в 2017 г. Молочное скотоводство США отличается большой долей инноваций и применением новейших технологий. В Индии в отрасли применяется

интенсивный путь ведения хозяйства, а продуктивность не превышает 1000 кг при самом высоком в мире поголовье коров [6].

Рассмотрим страны с наибольшим производством молока в мире (табл. 1).

Таблица 1 – Производство молока в некоторых странах мира за 2010-2024 гг., тыс. т

Показатели	Годы							2024 г. к 2010 г., %
	2010	2015	2020	2021	2022	2023	2024	
Индия	121857	155491	209967	222077	230585	239307	247844	203,4
США	87521	94645	101318	102646	102727	102679	102477	117,1
Пакистан	43584	51952	58702	60598	62558	64581	66671	153,0
Китай	35435	36089	38885	41439	44062	46780	45443	128,2
Бразилия	31667	35675	36407	36270	35623	36339	36850	116,4
Германия	29646	32708	33189	32531	32423	34036	33801	114,0
Россия	31841	30791	32219	32333	32978	33805	33039	103,8
Франция	24207	25935	26289	25829	25682	25051	25245	104,3
Турция	13544	18655	23504	23200	21563	21482	22488	166,0
Новая Зеландия	17010	21939	21871	21886	21051	21245	21531	126,6
Польша	12298	13253	14831	14890	15218	15492	16050	130,5
Великобритания	14071	15324	15686	15891	15757	15760	15939	113,3
Бангладеш	2370	6970	10680	11985	13074	14068	15044	634,8
Нидерланды	11805	13551	14932	14608	14984	15117	14816	125,5
Мексика	11164	11900	13109	13411	13674	13910	14136	126,6
Италия	11135	11785	13510	13998	13972	13842	13973	125,5
Узбекистан	6173	9027	10930	11243	11599	11944	12422	201,2
Аргентина	10617	12423	11447	11900	11904	11665	10908	102,7
Канада	7911	8430	9641	9807	9743	9887	9960	125,9
Беларусь	6625	7047	7765	7829	7886	8347	8767	132,3
Всего, млн. т	721,29	813,80	919,49	942,51	953,23	971,13	975,99	135,3

Источник: рассчитано авторами на основе данных [7].

Как видно по данным табл. 1, в 2024 г. по сравнению с 2010 г. в мире наибольшее количество молока производится в Индии, США, Пакистане, Китае, Бразилии, Германии, России. Первое место среди производителей молока принадлежит Индии с производством 247844 тыс. т, при этом в Индии наблюдается за анализируемый период наибольший рост производства молока – 203,4%. В Пакистане рост составил 153%, в Китае – 128,2%, в России – 103,8%.

Таблица 2 – Производство молока в расчете на 1 человека в странах мира за 2010-2024 гг., кг

Показатели	Годы							2024 г. к 2010 г., %
	2010	2015	2020	2021	2022	2023	2024	
Новая Зеландия	3912,5	4754,8	4313,9	4285,0	4102,1	4107,0	4129,5	105,5
Ирландия	1168,4	1400,3	1718,3	1797,8	1782,4	1680,1	1661,4	142,2
Республика Беларусь	698,0	742,8	830,4	846,1	859,6	915,7	968,0	138,7
Дания	884,9	942,4	971,6	963,7	959,5	956,1	947,9	107,1
Нидерланды	703,9	792,1	846,6	823,9	836,9	835,5	812,8	115,5
Люксембург	586,3	613,3	714,5	697,6	692,5	709,0	721,8	123,1
Эстония	507,7	595,7	638,5	630,3	628,5	654,4	700,0	137,9
Уругвай	548,6	667,3	668,2	689,5	674,4	642,7	669,9	122,1
Литва	560,6	598,3	533,5	528,5	540,3	516,1	534,6	95,4
Латвия	397,8	494,5	520,8	526,2	518,5	511,9	513,4	129,1
Австрия	392,8	412,9	431,8	431,3	439,1	407,1	445,0	113,3
Швейцария	524,7	491,3	440,9	441,0	425,5	424,7	418,1	79,7

Польша	322,8	346,3	388,5	391,4	396,5	399,7	416,5	129,0
Исландия	387,3	441,3	424,1	411,4	400,7	402,5	402,0	103,8
Германия	366,8	398,5	396,9	388,7	385,6	402,6	399,8	109,0
Бельгия	281,2	355,4	390,1	387,3	396,7	399,9	396,5	141,0
Финляндия	435,6	444,5	435,2	417,8	405,6	399,7	393,3	90,3
Франция	381,7	399,5	398,9	390,9	387,5	377,0	379,3	99,4
Туркменистан	376,1	338,8	354,5	350,4	345,6	354,3	355,5	94,5
Узбекистан	217,5	293,5	325,4	328,3	332,0	335,0	341,6	157,1
В среднем, кг	145,1	156,8	158,7	158,8	156,1	155,9	148,1	102,1

Источник: рассчитано авторами на основании данных [8, 9].

Производство молока на 1 человека в странах мира растет, за последние годы данный показатель представлен в табл. 2.

Как видно по данным табл. 2, в 2024 г. по сравнению с 2010 г. производство молока в расчете на одного жителя в мире по странам возрастает. Наибольшее количество молока производится на жителя Новой Зеландии – 4129,5 кг, Ирландии – 1661,4 кг, Республике Беларусь – 968 кг. Среди них наибольшее увеличение показателя произошло в Ирландии – на 42,2%, в Республике Беларусь – на 38,7%. Значительно возросло производство молока на жителя страны в Бельгии и Узбекистане – на 41% и на 57,1% соответственно.

Выводы. Таким образом, производство молока в мире растет. В 2024 г. по сравнению с 2010 г. производство молока увеличилось на 35,3% и составило 976 млн. т против 721,9 млн. т. Страны с наибольшим производством молока в мире молочную продукцию экспортируют. Они обладают значительным экспортным потенциалом. При внутреннем потреблении на душу населения 320-350 кг молока и молочных продуктов эти страны излишки могут экспортировать. К ним относятся Новая Зеландия, Республика Беларусь, страны ЕС. Наибольший удельный вес молочной продукции реализуется через крупные фирмы. Продуктивность скота по странам возрастает, однако остается низкой в Индии и Бразилии. Основное значение при повышении продуктивности в странах отводится кормлению и улучшению породного состава.

Список литературы

1. Колесняк, А. А. Оценка продовольственной самообеспеченности в странах мира / А. А. Колесняк, Н. М. Полянская // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2022. – № 2(24). – С. 132-144. – DOI 10.36718/2500-1825-2022-2-132-144. – EDN OPZUGH.
2. Колесников, А. В. Зарубежный опыт государственной поддержки молочного скотоводства / А. В. Колесников, И. А. Зигаева // Modern Economy Success. – 2020. – № 6. – С. 178-188. – EDN MJBMZW.
3. Анализ динамики и перспектив развития рынка молока и молочных продуктов Республики Беларусь / С. В. Основин, Л. Г. Основина, В. Н. Основин, П. В. Клавсуть // Экономика и банки. – 2022. – № 2. – С. 50-58. – EDN NEFKHN.
4. Зайдуллина, А. А. Зарубежный опыт ведения эффективного молочного скотоводства / А. А. Зайдуллина // Аграрный вестник Верхневолжья. – 2018. – № 1(22). – С. 85-91. – EDN YVGVPL.
5. Рыбалова, Т. И. Китайский молочный рынок. Взгляд из России / Т. И. Рыбалова // Молочная промышленность. – 2019. – № 7. – С. 44-47. – EDN ZCLMKT.
6. Поспелова, И. Н. Территориальное размещение производства молока / И. Н. Поспелова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 5-3. – С. 139-142. – DOI 10.24411/2500-1000-2019-10989. – EDN BRUZCJ.
7. Производство молока. – Текст : электронный // Statbase : [сайт]. – URL: <https://statbase.ru/datasets/agriculture/milk-production/?year=2024&frmreq=0&sproc=sum&filter=&sort=> (дата обращения: 20.03.2026).
8. Производство молока на 100 тыс. жителей. – Текст : электронный // Statbase : [сайт]. – URL: <https://statbase.ru/datasets/agriculture/milk-production/?year=2024&frmreq=291719&sproc=sum&filter=&sort=> (дата обращения: 20.03.2026).
9. Численность населения. – Текст : электронный // Statbase : [сайт]. – URL: <https://statbase.ru/datasets/demographics/population/> (дата обращения: 20.03.2026).

УДК 338.43

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Арзуманян Мисак Спартакович, кандидат экономических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
misak-arz@mail.ru

Аннотация. В статье представлен обзор научной литературы в области приоритетной задачи сельского хозяйства – обеспечение национальной продовольственной безопасности. Рассмотрены уровень и состояние развития агропромышленного комплекса России и ряда зарубежных стран, среди которых есть как высоко агоразвитые, так и агоразвивающиеся. Элементом новизны исследования является подход к определению продовольственной безопасности, основанный не только на самообеспечении государства продовольствием за счет развитой сферы АПК, но и на способности государства, не имеющего высокоразвитого сельского хозяйства, за счет имеющихся у него финансовых ресурсов обеспечить свое население в необходимом объеме продуктами питания.

Ключевые слова: национальная продовольственная безопасность, экономическая безопасность, ФАО, рациональное землепользование, инновационное развитие, производственные ресурсы, государственная поддержка

ENSURING FOOD SECURITY IN RUSSIA AND ABROAD

Arzumanyan Misak Spartakovich, Candidate of Economic Sciences, Associate professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
misak-arz@mail.ru

Abstract. The article provides an overview of the scientific literature in the field of the priority task of agriculture – ensuring national food security. The level and state of development of the agro-industrial complex of Russia and a number of foreign countries are considered, among which there are both highly agro-developed and agro-developing ones. An element of the novelty of the study is the approach to determining food security, based not only on the self-sufficiency of the state with food due to the developed agricultural sector, but also on the ability of the state, which does not have a highly developed agriculture, to provide its population with the necessary amount of food due to its available financial resources.

Keywords: national food security, economic security, FAO, rational land use, innovative development, productive resources, government support

Уровень государственной поддержки сельскому хозяйству в России не соответствует его реальной высокой роли в обеспечении устойчивого геополитического статуса. Сельское хозяйство в силу объективных причин, в частности, низкой инвестиционной привлекательности не может стабильно демонстрировать высокую конкурентоспособность на фоне других отраслей экономики, обладающих значительными преимуществами [1, с. 124]. Постоянно возникает необходимость разработки, финансирования и внедрения результатов научно-технологической политики, прорывных технологий для повышения уровня жизни сельского населения.

На мировом уровне вопросами обеспечения человечества продовольствием, и как следствие, повышение его благосостояния занимается организация ФАО. Государства, традиционно относящиеся к развивающимся, в частности, африканские страны, по численности населения составляя 30 % от общемирового показателя, имеют долю

потребления продовольствия порядка 10 % от общемировой величины, в то время как в развитых странах проживает 15 % населения планеты, но потребление продовольствия составляет более половины от общемирового. На протяжении истории существования человечества на планете Земля несовершенство продовольственной политики приводило к утрате человеческих (трудовых) ресурсов. Причиной этому являлись: военные конфликты (в т.ч. гражданские войны), принудительное изъятие у населения т.н. «излишков» продовольствия силами, пришедшими к власти в ходе революций в XX в. (в России эта политика называлась «продразверсткой» и «военным коммунизмом»), засуха, голод и вынужденная миграция населения [2, с. 62-63].

Согласно труду исследователей из Республики Украина [3, с. 2-5], агропромышленному предприятию европейских стран отведена доминирующая функция, имеющая общегосударственное значение – производство продовольственной продукции и доведения ее до потребителей. Элементы системы, реализующей эту функцию должны быть согласованы для достижения экономической безопасности. Агропромышленные предприятия Европы в своей деятельности сталкиваются с множеством рисков, препятствующих реализации стратегических приоритетов. Важнейшими пунктами сельскохозяйственной повестки являются: повышение выработки продукции и снижение ее трудоемкости, создание удобств и соответствующей инфраструктуры для сельских жителей, контроль над ценами, обеспечение транспортной доступности к продукции в течение всего года. Особое внимание в сельском хозяйстве уделяется молодым работникам, напр., в Румынии фермеры определенной возрастной категории имеют право на экономические преференции. В Европе в сфере АПК активно используются цифровые технологии и иные инновации, что значительно повышает уровень стабильности и жизнеспособности этой системы, приводит к рационализации процессов, повышению конкурентоспособности сферы. Для каждой страны ЕС важно в таких объемах производить продукцию сельского хозяйства, чтобы достигнуть самообеспеченность продовольствием. Для стран Европы, входящих в состав ВТО необходимо поддержание баланса в объемах производства различных видов сельскохозяйственной продукции. Для стран ЕС, особенно для тех, что расположены в северной части Европы актуальна проблема глобального изменения климата. Страны с развитой экономикой формируют собственную стратегию развития сектора АПК, определяя ее роль как приоритетную, что отражается в объемах финансирования и долей расходов на сельское хозяйство в бюджете государства. В Дании активно используется технология органического земледелия. Среди стран Европейского союза сформировались три группы, характеризующиеся схожими особенностями формирования и реализации сельскохозяйственной политики и особенностями аграрного сектора: группа стран, лидирующих по объемам государственного финансирования в сферу АПК (страны с континентальной моделью управления – Франция, Германия, Испания, Италия); группа стран, характеризующихся внедрением инноваций в АПК и активным вовлечением молодого поколения в предпринимательскую деятельность (Греция, Польша, Румыния); группа стран, в которых сельскому хозяйству не отводится государством должного внимания и соответствующего финансирования (скандинавские и балтийские страны, Австрия, Венгрия, Чехия, Словакия, Португалия, Болгария). В сельском хозяйстве указанных европейских стран преобладают: выращивание зерновых культур, овощеводство, садоводство, свиноводство и скотоводство. Обеспечение экономической безопасности государств определяется наличием потенциала развития аграрного сектора.

Защита земельных ресурсов Китая является одним из важнейших вопросов в его государственной повестке. Собственное производство зерна в Китае обеспечивает три четверти от необходимого уровня его потребления населением и 80 % его экспорта в другие страны. Создание научно обоснованного и разумного механизма защиты сельскохозяйственных земель является элементом рациональной политики Китая в обеспечении продовольственной безопасности. Строгая система защиты

сельскохозяйственных земель играет незаменимую фундаментальную роль в гарантировании продовольственной безопасности китайского народа. Создание системы поддержки сельскохозяйственных технологий, строительство основных зон производства зерновых культур и разработка стратегии экологического земледелия являются неотложными мерами для защиты сельскохозяйственных земель и обеспечения продовольственной безопасности. Наблюдается неоднородность основных зернопроизводящих районов Китая. Северная и южная части Китая экономически существенно отличаются друг от друга. В плане производства зерна «Север» Китая превращается в очаг зернопроизводства и «распределительный» центр зернопотоков. Несмотря на локально «очаговую» высокую урожайность, в Северо-Восточном Китае и Внутренней Монголии среди факторов, негативно влияющих на развитие сельского хозяйства выделяют: дефицит влаги в почве, нехватка солнечного света и тепла. На севере Китая размещены посевы зерновых культур (кукуруза и пшеница), не требующих применения интенсивных технологий. Однако применение нанотехнологий при вспашке, посеве и уборке урожая способно обеспечить высокие урожаи зерна и бесперебойно снабжать потребителей. Справедливо заключаем, что обеспечение продовольственной безопасности ограничено развитием сельскохозяйственных технологий [4, с. 7-9].

В труде [5, с. 40-41] представлена система управления продовольственной безопасностью Павлодарской области Республики Казахстан. Продовольственный потенциал Павлодарского региона включает в себя три компонента: развитие сельского хозяйства, развитие пищевой промышленности и развитие индустрии общественного питания. Принимаются следующие управленческие решения по вопросам продовольственной безопасности на уровне руководства страны: увеличение площадей, используемых для выращивания сельскохозяйственных культур, цифровизация сельскохозяйственной инфраструктуры, производство сельскохозяйственной техники, увеличение занятости в сельскохозяйственном секторе экономики, разработка мер по снижению цен на продукты питания, в т.ч. реализация продуктов питания социально предпринимательскими корпорациями по социальным ценам для обеспечения экономической доступности продукты питания для малоимущего населения. На региональном уровне вопросы управления продовольственной безопасностью отнесены к компетенции следующих органов управления: Департамент сельского хозяйства и Департамент предпринимательства и промышленно-инновационного развития. В деятельности Департамента сельского хозяйства вопросы продовольственной безопасности координируются следующими департаментами: департамент развития переработки сельскохозяйственной продукции и кооперации, департамент аналитики и привлечения инвестиций. Все эти меры направлены на обеспечение достижения глобальной цели в политике любого социального государства – создание достойных условий для жизни и развития людей, повышения их благосостояния.

Эффективное использование плодородных земель в Республике Азербайджан и высокий уровень сельскохозяйственной культуры показывают, что своевременные и качественные полевые работы, борьба с сорняками, защита от вредителей и болезней могут быть достигнуты, если придерживаться научно обоснованных рекомендаций по чередованию культур на посевных площадях. Это является экономически рациональным агротехническим решением, позволяющим увеличить урожайность культур за счет более высокого плодородия почвы. Одной из актуальных проблем также является низкий уровень кадрового потенциала, что создает дополнительные угрозы в обеспечении продовольственной безопасности, использовании пахотных земель, обслуживании агрометеорологической базы данных, системы защиты от непогоды и града. Необходимо проводить исследования по сокращению выбросов углерода в растениеводстве и животноводстве, применению безотходных технологий производства в сфере сельскохозяйственной переработки и минимизации других вредных воздействий сельскохозяйственного производства на окружающую среду [6, с. 79-80].

Необходимость достижения продовольственной безопасности является актуальной даже в странах Персидского залива (в т.ч. в т.н. странах, входящих в «ССАГПЗ»), обладающих значительными резервами разведанных запасов нефти и газа, и как следствие, возможностью обеспечения населения продовольствием посредством международной торговли. В этих странах эффективному и долгосрочно стабильному ведению сельского хозяйства противостоят экологические проблемы, нехватка пресной воды, опустынивание. Однако при наличии востребованных во всем мире минеральных ресурсов, данные государства смогли обеспечить продовольственную безопасность при фактическом отсутствии продовольственного самообеспечения. Здесь, на примере стран ССАГПЗ наблюдается экономический феномен: уровень продовольственной безопасности (в частности, обеспеченность населения зернопродуктами), и как следствие, высокий уровень потребления продовольствия на душу населения больше зависит не от объемов производства сельскохозяйственного сектора, а от колебаний цен на рынке нефти и газа [7, с. 127-129].

Продовольственная безопасность является одним из главных приоритетов развития. Одной из важных причин продовольственной нестабильности является перенаселение. Страны с прогнозируемым снижением темпов роста населения имели более высокий уровень продовольственной безопасности, в то время как страны с прогнозируемым быстрым ростом населения, как правило, испытывали наихудшие последствия для продовольственной безопасности. Система мер, принимаемая для решения проблемы продовольственной безопасности не всегда оказывается результативной в силу непредсказуемости многих факторов, что не позволяет достоверно утверждать об эффективности той или иной утвержденной Концепции. Однако населению всегда будет необходимо качественное продовольствие, удовлетворяющее его потребности в питании в любое время, для нормального функционирования организма и для его общего развития. Комитет по всемирной продовольственной безопасности определил концепцию продовольственной безопасности как «доступность для всех людей в любое время с целью получения, как физически, так и экономически, достаточного, безопасного и питательного продовольствия». В 2019 году правительство ОАЭ одобрило создание «Эмиратского совета по продовольственной безопасности» с целью укрепления системы управления вопросом продовольственной безопасности между различными органами власти в стране и достижения целей национальной стратегии в области продовольственной безопасности, качества, экспорта и импорта. ОАЭ играют важную роль в качественном внедрении современных законов, регулирующих интеграцию передовых технологий в жизненно важные сектора, с целью улучшения предоставляемых услуг, повышения уровня счастья людей и благополучия общества, а также создания благоприятной среды для оптимального использования современных технологий в достижении целей в рамках продовольственной безопасности [8, с. 2-5].

Заключение. В статье был представлен обзор научной литературы в области приоритетной задачи сельского хозяйства – обеспечение национальной продовольственной безопасности. Изучив уровень и состояние развития агропромышленного комплекса России и ряда зарубежных стран, среди которых были как высоко агроразвитые, так и агроразвивающиеся, автор констатирует, что продовольственная безопасность является одним из главных приоритетов развития государства. В качестве элемента новизны исследования рассматривался подход к определению продовольственной безопасности, основанный не только на продовольственном самообеспечении государства за счет развитой сферы АПК, но и на способности государства, не имеющего высокоразвитого сельского хозяйства, за счет имеющихся у него финансовых ресурсов, полученных от международной торговли –обеспечить в стране высокий уровень потребления продовольствия на душу населения.

Список литературы

1. Алтухов, А. И. Упущенные возможности обеспечения продовольственной безопасности России в условиях усиления санкционного давления / А. И. Алтухов // Вестник аграрной науки. – 2023. – № 3(102). – С. 120-132. – DOI 10.17238/issn2587-666X.2023.3.120.
2. Зубарев, Ю. Н. Продовольствие и земельные ресурсы – основа суверенизации аграрного сектора / Ю. Н. Зубарев // Экономика сельского хозяйства России. – 2022. – № 10. – С. 62-65. – DOI 10.32651/2210-62.
3. Brazhnyk, L. Harmonization of Agricultural Policy and Economic Security of the EU States / L. Brazhnyk, V. Ivanyuta, T. Kravchenko [et al.] // WSEAS Transactions on Environment and Development. – 2022. – Vol. 19. – P. 1-10. – DOI 10.37394/232015.2023.19.1.
4. Zhang, Zh. Protection of Cultivated Land Resources and Grain Supply Security in Main Grain-Producing Areas of China / Zh. Zhang, X. Meng, E. Elahi // Sustainability. – 2022. – Vol. 14, No. 5. – P. 2808. – DOI 10.3390/su14052808.
5. Dyrka, S. food security management system of Pavlodar region / S. Dyrka // Вестник Торайгыров университета. Экономическая серия. – 2023. – No. 3. – P. 38-49. – DOI 10.48081/TXJR7246.
6. Azizova, K. V. Mechanisms of reduction of factors negatively affecting agricultural development / K. V. Azizova // Scientific News. Series for Social and Humanitarian Studies. – 2021. – Vol. 17, No. 3. – P. 78-81.
7. Коджакова, З. Р. Продовольственная безопасность в ССАГПЗ: специфические особенности и пути ее решения / З. Р. Коджакова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2021. – Т. 29, № 1. – С. 126-136. – DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-1-126-136.
8. Al-Qodsi, E. M. The place of UAE's food security in the national legislation and its role in supporting global food security / E. M. Al-Qodsi, I. M. Jadalhaq, M. El. H. El-Maknouzi // Cogent Social Sciences. – 2024. – Vol. 10, No. 1. – DOI 10.1080/23311886.2024.2319379.

УДК 004.9: 378

ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИРКУТСКОМ ГАУ

Бендик Надежда Владимировна¹, кандидат технических наук, доцент

Полковская Марина Николаевна², кандидат технических наук, доцент

^{1,2} Иркутский государственный аграрный университет имени А.А. Ежевского, Иркутск, Россия

¹ bendik_nv@irsau.ru ² polk_mn@mail.ru

Аннотация. В работе описаны результаты внедрения цифровых технологий в образовательную деятельность Иркутского ГАУ. В вузе деятельность, связанная с цифровой трансформацией, регламентируется утвержденными стратегическими документами в области цифровой трансформации образования РФ, а также программой развития университета до 2030 года. Цифровой контент Иркутского ГАУ включает: электронную информационно-образовательную среду; систему «1С:Университет ПРОФ»; платформу онлайн-курсов, электронную библиотечную систему и др. Приведены перспективные направления применения цифровых технологий в Иркутском ГАУ.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровая трансформация, образование, университет, цифровой контент

EXPERIENCE AND PROSPECTS OF APPLYING DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE IRKUTSK STATE AGRICULTURAL UNIVERSITY

Bendik Nadezhda Vladimirovna¹, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor

Polkovskaya Marina Nikolaevna², Candidate of Technical Sciences, Associate Professor

^{1,2} Irkutsk State Agricultural University named after A.A. Ezhevsky, Irkutsk, Russia

¹ bendik_nv@irsau.ru ² polk_mn@mail.ru

Abstract. This paper describes the results of implementing digital technologies in the educational activities of Irkutsk State Agrarian University. The university utilizes approved strategic documents on the digital transformation of education in the Russian Federation, as well as the university development program until 2030. Irkutsk State Agrarian University's digital content includes an electronic information and educational environment; the «1C:University PROF» system; an online course platform; an electronic library system; and other relevant areas. Promising areas for the application of digital technologies at Irkutsk State Agrarian University are also discussed.

Keywords: digital technologies, digital transformation, education, university, digital content

Высшее образование является одним из приоритетных направлений, по которому осуществляется мониторинг цифровой трансформации образовательной деятельности [1,2,3]. Распоряжениями от 2.12.2021 № 3427-р и от 21.12.2021 г. № 3759-р Правительство Российской Федерации утвердило стратегические направления в области цифровой трансформации образования, в том числе и высшего образования.

В качестве основного документа по содействию цифровой трансформации в Иркутском ГАУ используется «Программа развития на период до 2030 года федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный аграрный университет имени А.А. Ежевского»» [4]. В таблице представлены показатели оценки уровня цифровой трансформации университета в соответствии с программой развития вуза до 2030 года.

Таблица 1 - Показатели оценки уровня цифровой трансформации Иркутского ГАУ

Наименование целевого показателя	Ед. изм.	2024	2025	2030
8. Интегральный показатель ЦТ	балл	81,3	85,0	100,0
Доля сотрудников, обладающих цифровыми компетенциями	%	90	90	90
Доля ДПОП, реализуемых с применением ЭО и дистанционных образовательных технологий	%	60	60	60
Доля объема НИОКР, реализуемых в сфере цифровых технологий	%	15	18	30
Доля НПР, зарегистрированных на ЦПИ	%	90	90	90
Доля научных работников организации, которые используют сервисы домена «Наука и инновации»	%	30	40	80
Уровень интеграции ИС университета с ГИС СЦОС	%	100	100	100
Доля учащихся по ОПВО, для которых обеспечена корректная загрузка сведений (без отображения цифровых студенческих билетов в ГИС)	%	100	100	100
Доля учащихся по ОПВО, для которых обеспечена корректная загрузка сведений (без отображения цифровых зачетных книжек в ГИС СЦОС)	%	100	100	100
Доля ППС образовательной организации, по которым осуществлена выгрузка сведений в ГИС СЦОС в соответствии с АРІ ГИС СЦОС	%	100	100	100
Доля аспирантов, по которым осуществлена выгрузка сведений в ГИС СЦОС в соответствии с АРІ ГИС СЦОС	%	100	100	100
Доля онлайн-курсов образовательной организации высшего образования, размещенных в ГИС СЦОС	%	100	100	100
Доля ДПОП университета, размещенных в ГИС СЦОС	%	100	100	100

Цифровизация образования сегодня невозможна без компьютеров и периферийных устройств, так как они составляют техническую основу, на которой строится современный образовательный процесс. Поэтому необходимо поддерживать материально-техническое обеспечение на должном уровне. Ежегодно вуз обеспечивает видеонаблюдение, обслуживание сети интернет, закупку и модернизацию технических средств, сопровождение программного обеспечения, проверку работ в системе «Антиплагиат» и др.

Особый интерес представляет цифровой контент университета, который содержит достаточное количество современных средств. К компонентам цифрового контента Иркутского ГАУ относятся следующие: электронная информационно-образовательная среда (ЭИОС); цифровая образовательная экосистема, система «1С:Университет ПРОФ»; платформа онлайн-курсов, электронная библиотечная система университета, модули для интеграции с государственными информационными системами и сервисами и др. (рис.) [5].

Рисунок 1 – Цифровой контент Иркутского ГАУ

В университете функционирует собственная ЭИОС, где реализованы личные кабинеты обучающихся и преподавателей [6]. Систематически осуществляется выгрузка данных в ФИС ГИА и приема, работа с Суперсервисом «Поступление в вуз онлайн», поддержка портала вуза при подаче заявлений через официальный сайт, выгрузка данных в ФИС ФРДО, ГИС СЦОС и ГИР ВУ.

Применительно к такому аспекту, как внедрение цифровых технологий в университете, активно проводятся работы по модернизации системы «1С: Университет ПРОФ»: доработка, тестирование и ввод в эксплуатацию модулей «Расчет и распределение учебной нагрузки», «Кампус», «Расписание» и создание печатных форм отчета преподавателя и годового отчета кафедры.

Кроме того, инициирован проект по внедрению системы «1С: Документооборот государственного учреждения 8» для автоматизации документооборота в Иркутском ГАУ.

Помимо этого, осуществляется переход на российский многофункциональный сервис обмена информацией «Цифровая платформа МАХ» в целях обеспечения комфортной и безопасной среды при использовании цифровых инновационных технологий, обеспечения конфиденциальности передаваемой и получаемой информации в университете.

Вместе с тем, в университете существуют проблемы при внедрении цифровых технологий в университете.

1. Одной из главных проблем является недостаточная цифровая инфраструктура. Иркутский ГАУ, как и многие университеты, сталкивается с нехваткой мощных серверов, облачных решений и инструментов для обработки больших данных. ИТ-инфраструктура университета требует дальнейшей модернизации как в части серверной инфраструктуры, так и пользовательского оборудования. Кроме того, важной задачей остается обеспечение информационной безопасности и защиты персональных данных.

2. Цифровая трансформация требует перестройки всех бизнес-процессов университета, начиная от учебных планов и заканчивая системой взаимодействия между студентами, преподавателями и администрацией. Препятствием часто становится сопротивление изменениям со стороны профессорско-преподавательского состава, привыкшего к традиционным методам работы. Без системной работы с преподавателями цифровизация образования рискует остаться поверхностной: интерактивные доски будут использоваться как обычные меловые, а мощные обучающие платформы — лишь как файлообменники.

3. Внедрение цифровых сервисов в образовательную деятельность вуза требует значительных инвестиций. Особенно это касается образовательных учреждений, которые являются государственными. Без достаточных финансовых вложений цифровизация высшего образования рискует остаться лишь поверхностной имитацией, не приносящей реальной пользы.

С учетом выявленных недостатков приведем наиболее перспективные направления применения цифровых технологий в Иркутском ГАУ: персонализированное обучение и адаптивные образовательные траектории; аналитика образовательной деятельности; облачные и гибридные системы управления обучением; виртуальная и дополненная реальность в образовательном процессе; умные аудитории, электронная система оценки и дистанционная аттестация; цифровая грамотность; системы поддержки студентов; безопасность данных и киберзащита в образовательной среде и др.

Таким образом, переход к цифровым технологиям в университете открывает большие возможности. Интеграция передовых решений позволяет не только значительно расширить доступ к образованию, сделав его более гибким и персонализированным, но и выйти на качественно новый уровень преподавания и научных исследований.

Важную роль играет и необходимость адаптации образовательных программ и методик. Простое копирование существующих курсов в онлайн-формат неэффективно. Требуется переосмысление учебного процесса, разработка интерактивных заданий,

вовлечение студентов в активное взаимодействие и использование инструментов для оценки их прогресса в электронно-образовательной среде. Кроме того, вопросы информационной безопасности и защиты персональных данных студентов и сотрудников становятся первостепенными при переходе на цифровые платформы. Преодоление этих трудностей требует комплексного подхода и слаженной работы всех участников образовательного процесса университета.

Список литературы

1. Яицкая Е.А. Цифровизация образования: проблемы и перспективы / Е.А. Яицкая, А.Х. Теуважуков // Журнал прикладных исследований. 2023. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obrazovaniya-problemy-i-perspektivy-1> (дата обращения: 28.03.2026).
2. Бодякина Т. В. О цифровизации образования в вузе / Т. В. Бодякина, Е. В. Елтошкина // Прикладные аспекты математики и естественных наук в образовании, технике и экономике : Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию кафедры математики, Иркутск, 23–24 мая 2024 года. – п. Молодежный: Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского, 2024. – С. 226-231. – EDN OLPSWW.
3. Полковская М. Н. О развитии цифровых платформ в России / М. Н. Полковская, Н. И. Федурин // Формализация как основа цифровой экономики : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященная 75-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности Заслуженного экономиста Российской Федерации, доктора экономических наук, профессора Ованесяна Сергея Суменовича, Иркутск, 12 декабря 2018 года. – Иркутск: Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского, 2018. – С. 9-15. – EDN YXXJYT.
4. Программа и стратегия развития ФГБОУ ВО Иркутский ГАУ – Текст: электронный // URL: <https://irsau.ru/structure/devel/> (дата обращения: 14.03.2026).
5. Асалханов П. Г. Формирование цифрового образовательного контента Иркутского ГАУ / П. Г. Асалханов, Н. В. Бендик, Н. И. Федурин // Информационные и математические технологии в науке и управлении : тезисы XXVIII Байкальской Всероссийской конференции с международным участием, Иркутск, 29 июня – 08 2023 года / Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН. – Иркутск, 2023. – С. 14. – EDN YQQIZY.
6. Баймаков А. А. Электронная информационно-образовательная среда университета: возможности и перспективы развития / А. А. Баймаков, Я. М. Иванько // Научные исследования и разработки к внедрению в АПК : Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых, п. Молодежный, 16–17 марта 2023 года. – п. Молодежный: Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского, 2023. – С. 486-491. – EDN KFKYTF.

УДК 004.75

РАЗРАБОТКА ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ПРИЗНАКОВОЙ КОЛЛЕКЦИИ ОБРАЗЦОВ КАРТОФЕЛЯ

Брит Анна Александровна¹, кандидат физико-математических наук, доцент

Павлов Кирилл Витальевич², студент

Голубцов Георгий Валентинович³, студент

^{1,2,3} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

¹ anna.a.brit@gmail.com ² kofak31@mail.ru ³ goshagol41@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье рассматривается специализированное программное обеспечение. Оно позволяет автоматизировать учет и анализ данных селекции картофеля с помощью создания клиентского приложения и базы данных. Разработанный инструмент предназначен для обеспечения деятельности специалистов агропромышленного комплекса, научных сотрудников и обучающихся в рамках селекционных исследований, оптимизации производственных процессов и формирования научной отчетности.

Ключевые слова: Информационная система, база данных, картофель, сорт, выборка

DEVELOPMENT OF AN INFORMATION SYSTEM FOR A COLLECTION OF POTATO SAMPLES

Brit Anna Aleksandrovna¹, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor

Pavlov Kirill Vitalevich², student

Golubtsov Georgiy Valentinovich³, student

^{1,2,3} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

¹ anna.a.brit@gmail.com ² kofak31@mail.ru ³ goshagol41@gmail.com

Abstract. This article discusses specialized software. It allows you to automate the recording and analysis of potato breeding data by creating a client application and database. The developed toolkit is designed to support the activities of agricultural specialists, researchers, and students in breeding research, optimizing production processes, and generating scientific reports.

Keywords: Information system, database, potato, variety, sample

В условиях цифровой трансформации АПК перед отраслью стоит задача не только о наращивании объемов производства, но и о защите генетического суверенитета. Преодоление уязвимости и разрозненности данных селекционных разработок, а также предотвращение потерь уникальных генетических материалов становятся возможными с помощью внедрения единых цифровых платформ и различных систем управления ресурсами.

Создание специализированных баз данных и информационных систем в сельском хозяйстве обусловлено комплексной цифровизацией отрасли [2–10]. Цифровая трансформация сельскохозяйственного сектора позволяет преодолеть ключевую проблему разрозненности стратегически значимых данных. Информационная система обеспечивает формирование единого защищенного пространства для хранения всего массива агрономических, морфологических и кулинарных характеристик сортов, что минимизирует риск утраты уникальных селекционных разработок.

Автоматизация процессов обработки данных существенно расширяет аналитические возможности. Специалисты получают инструмент для оперативного сопоставления множества параметров различных сортов. Возможность формирования запросов и автоматической генерации отчетов создает научно обоснованную базу для принятия

управленческих решений – от выбора перспективных сортов для репродуцирования до оптимизации ресурсного планирования.

Формируемая база данных выступает в качестве цифрового наследия, аккумулирующего многолетний опыт селекционеров. Такой подход обеспечивает преемственность знаний и предотвращает утрату критически важной информации. Внедрение информационных систем в сельском хозяйстве представляет собой как технологическое усовершенствование, так и стратегическую инвестицию в устойчивое развитие отрасли.

Анализ доступных информационных ресурсов показал отсутствие профильных баз данных по картофелю при наличии лишь отдельных справочных порталов [1]. В связи с этим разработано клиентское приложение, реализованное на языке C++, интегрированное с системой управления базами данных SQLite3. Указанное решение обеспечивает консолидацию агрономических, морфологических и кулинарных характеристик сортов в едином хранилище. Предусмотренный функционал охватывает основные операции обработки данных – ввод, корректировку, поиск, а также формирование гибких запросов для сравнительного анализа и отбора перспективных образцов, что способствует интенсификации селекционного процесса и повышению результативности работы специалистов агропромышленного комплекса.

Разработанное программное обеспечение ориентировано на замену традиционных учетных механизмов (бумажные носители, неструктурированные файлы). Использование реляционной базы данных SQLite позволяет избежать дублирования и утраты информации, гарантируя целостность и непротиворечивость накапливаемых сведений.

Основное назначение продукта — обеспечение селекционных и научно-исследовательских задач. Инструмент адресован селекционерам, агрономам и исследователям, предоставляя возможности для систематизации данных о коллекционных и селекционных образцах. Значимым функциональным элементом выступает идентификация перспективного материала на основе фильтрации по заданным признакам, например, урожайность, форма клубней, вкусовые качества и т.д., что позволяет оперативно отбирать образцы для включения в селекционные программы. Помимо этого, система упрощает подготовку научных публикаций, учебных и отчетных материалов за счет удобных механизмов выборки и анализа данных.

Программный комплекс охватывает полный жизненный цикл управления селекционной информацией: добавление новых образцов с фиксацией сортовых и агрономических характеристик, просмотр накопленных данных в структурированном табличном виде, оперативное обновление сведений и удаление устаревших записей для поддержания релевантности базы.

В базе данных присутствуют данные описывающие виды картофеля по морфологическим и кулинарным характеристикам, а также общие показатели, объединенные в отдельную группу (рисунок 1). В приложении пользователь может просматривать объединённую таблицу, в которой присутствуют все данные по видам картофеля или открыть каждую таблицу с характеристиками по отдельности.

Пользователю доступны сценарии аналитической работы, такие как детальное сопоставление нескольких выбранных сортов по широкому спектру характеристик в единой таблице. Также нахождение всех сортов, соответствующих заданным критериям, с поддержкой логического условия «ИЛИ», что позволяет расширять область поиска и учитывать альтернативные варианты. Результаты выполнения запросов автоматически формируются в виде структурированных таблиц, готовых к использованию для составления отчётности и обоснования управленческих решений.

Для обеспечения единообразия в оценках данных предусмотрен справочный блок. Он устанавливает соответствие между числовыми значениями и стандартизированными словесными описаниями, что помогает разным специалистам интерпретировать информацию

одинаково и исключает разночтения.

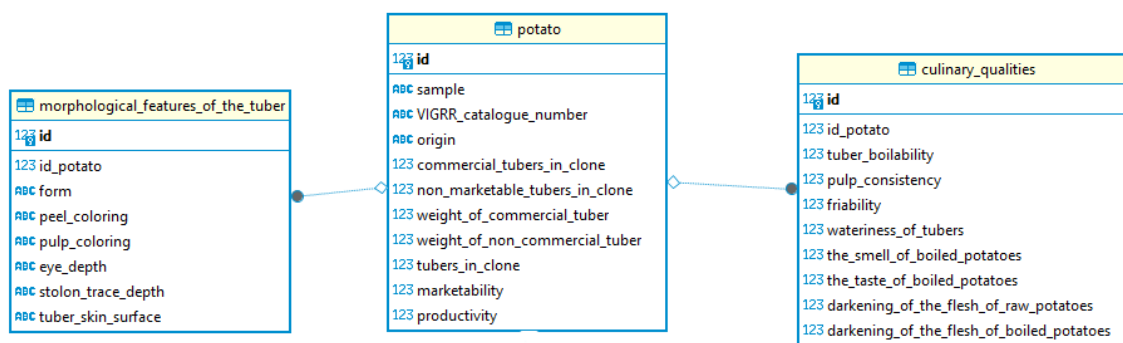

Рисунок 1 – Схема базы данных

Автоматизация рутинных операций по учёту и систематизации данных существенно сокращает временные затраты специалистов, позволяя сосредоточиться на проведении аналитики и решении прикладных задач. Быстрый доступ к точной и структурированной информации даёт возможность оптимизировать подбор сортов для конкретных целей производства.

Целевая аудитория программы включает специалистов агропромышленного комплекса: селекционеров, агрономов, технологов; научных сотрудников исследовательских институтов, а также студентов и преподавателей аграрных вузов для проведения учебной и научной работы.

Внедрение данной системы способствует повышению эффективности научно-исследовательской и производственной деятельности в АПК. Перспективы дальнейшего развития видятся в расширении функционала за счет внедрения модулей прогнозной аналитики, интеграции с системами дистанционного мониторинга и создания веб-интерфейса для обеспечения удаленного доступа к базе данных.

Список литературы

1. Афонников, Д. А. Информационные ресурсы по коллекциям картофеля / Д. А. Афонников, И. В. Тощий, З. Сташевски // Вавиловский журнал генетики и селекции. – 2018. – Т. 22, № 1. – С. 115-121. – DOI 10.18699/VJ18.330. – EDN YPNTYI.
2. Брит, А.А. Автоматизация бизнес-процессов составления коммерческого предложения / А.А. Брит, Н.Н. Чаплыгина // Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623294, 08.08.2025. Заявка № 2025622854 от 30.06.2025.
3. Брит, А.А. Аналитическая группировка как средство оценки эффективности отрасли молочного скотоводства Красноярского края / А.А. Брит, Г.В. Голубцов, К.В. Павлов, Л.А. Овсянко // Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623580, 02.09.2025. Заявка № 2025623077 от 10.07.2025.
4. Брит, А.А. Информационная система мониторинга и анализа данных фитосанитарной экспертизы / А.А. Брит, В.В. Калитина, И.В. Ковалев, А.В. Бобровский, Н.С. Козулина // Системы управления и информационные технологии. 2024. № 3 (97). С. 59-63.
5. Брит, А.А. Комплексная оценка технологических характеристик фитосанитарной экспертизы различных сортов пшеницы / А.А. Брит, В.В. Калитина, А.Г. Липшин, А.В. Василенко // Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022623603, 22.12.2022. Заявка № 2022623631 от 12.12.2022.
6. Брит, А.А. Цифровизация аграрного сектора: создание расчётно-вычислительных систем на основе баз данных / А.А. Брит, В.В. Калитина, И.И. Болдарук, И.В. Миндалев, Л.Н. Шевцова // В сборнике: Современные тенденции развития системы подготовки обучающихся: региональная практика. Материалы международной научной конференции. Красноярск, 2025. С. 209-212.

7. Брит, А.А. Построение аналитических группировок для оценки эффективности молочной отрасли с применением информационных технологий / А.А. Брит, Л.А. Овсянко // В сборнике: Научно-практические аспекты развития АПК. Материалы Всероссийской (Национальной) научной конференции. Красноярск, 2024. С. 233-236.

8. Брит, А.А. Система мониторинга и оценки показателей развития отрасли молочного скотоводства Красноярского края / А.А. Брит, Л.А. Овсянко, Г.В. Голубцов // Продовольственная политика и безопасность. 2025. Т. 12. № 3. С. 641-654.

9. Калитина, В.В. Информационная система оценки развития отрасли молочного скотоводства / В.В. Калитина, А.А. Брит, Л.А. Овсянко // В сборнике: Устойчивое развитие села, цифровизация и экономика АПК. Материалы всероссийской (национальной) научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава (к 120-летию ФГБОУ ВО СПбГАУ). Санкт-Петербург, 2024. С. 63-66.

10. Ковалев, И.В. Моделирование автоматизированного процесса составления коммерческого предложения для принятия решений / И.В. Ковалев, А.А. Брит, Н.Н. Чаплыгина // Современные инновации, системы и технологии. 2024. Т. 4. № 1. С. 312-319.

УДК 004.94

АВТОМАТИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ МОДЕЛЕЙ ОТДЕЛЬНЫХ БЛОКОВ В МОДЕЛЬ ИССЛЕДУЕМОГО ОБЪЕКТА В СИСТЕМЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ДИНАМИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

Бронов Сергей Александрович¹, доктор технических наук, профессор

Вайман Максим Алексеевич², ассистент

Никонов Дмитрий Анатольевич³, аспирант

Зазнобина Антонина Владимировна⁴, магистрант

^{1,2,3} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

⁴ Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

¹ sa_bronov@mail.ru ² maxsonix@yandex.com ³ nikonov.dima@mail.ru ⁴ zaz@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности построения системы моделирования динамических объектов, т.е. объектов, математические модели которых содержат обыкновенные дифференциальные уравнения. Система моделирования строится с использованием блочно-модульного принципа, в соответствии с которым единая математическая модель объекта представляется в виде комплекса взаимосвязанных моделей отдельных блоков и модулей. Предложено использовать два режима работы — режим инициализации и режим расчёта. В режиме инициализации обеспечивается автоматическое определение взаимосвязей между блоками, а в режиме расчёта выполняются вычисления в соответствии с результатами инициализации. Это даёт возможность собирать модель объекта из моделей блоков, заменять отдельные блоки, менять их структуру без изменения кода программы.

Ключевые слова: моделирование, система моделирования, блочно-модульный принцип, динамический объект

A STAND FOR ANALYZING AND MONITORING IP TELEPHONY TRAFFIC USING CONTAINER VIRTUALIZATION DOCKER

Bronov Sergey Aleksandrovich¹, Doctor of Technical Sciences, Professor

Vayman Maksim Alekseevich², Assistant Professor

Nikonov Dmitriy Anatol'evich³, Postgraduate

Zaznobina Antonina Vladimirovna⁴, Master's Degree student

^{1,2,3} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

⁴ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

¹ sa_bronov@mail.ru ² maxsonix@yandex.com ³ nikonov.dima@mail.ru ⁴ zaz@mail.ru

Abstract. The features of constructing a system for modeling dynamic objects, i.e. objects whose mathematical models contain ordinary differential equations, are considered. The modeling system is built using the block-modular principle, according to which a single mathematical model of an object is represented as a complex of interconnected models of individual blocks and modules. It is proposed to use two operating modes — initialization mode and calculation mode. In initialization mode, the relationships between blocks are automatically determined, and in calculation mode, calculations are performed in accordance with the initialization results. This makes it possible to assemble an object model from block models, replace individual blocks, and change their structure without changing the program code.

Keywords: modeling, modeling system, block-modular principle, dynamic object

Общие принципы построения систем моделирования. В настоящее время создание новой техники, в том числе в области агропромышленного комплекса, осуществляется с обязательным применением систем автоматизированного проектирования [1, 2]. Основой

систем автоматизированного проектирования являются системы моделирования. На кафедре информационных технологий и математического обеспечения информационных систем ведутся исследования по разработке систем моделирования динамических объектов с улучшенными характеристиками.

Научное значение этих разработок связано с применением самонастраивающихся систем моделирования, в соответствии с которым в процессе моделирования структура моделей объекта может меняться и в соответствии с этим меняются структура и параметры системы моделирования. В конечном счёте это позволит моделировать объекты, структура которых меняется по различным причинам.

Эта работа имеет значение для также учебного процесса, так как предполагается проводить обучение студентов бакалавриата и магистратуры программированию на примере разработки функционально-законченных программ, в частности, систем моделирования. Для этого рассматриваемый программный продукт выполняется с открытым кодом, а в последующем будет снабжен соответствующими методическими пояснениями и рекомендациями.

В рамках существующей блочно-модульной парадигмы разработки программного обеспечения моделируемый объект может быть представлен в виде отдельных программных моделей блоков, объединённых в систему. Соответственно этому возникает задача установления взаимосвязей между отдельными блоками, когда выходы одних блоков соединяются со входами других блоков (выходные данные моделей предыдущих блоков переписываются во входные данные моделей последующих блоков).

Это соединение можно устанавливать вручную в процессе формирования моделируемого объекта из отдельных заранее созданных программных моделей блоков, как из отдельных кирпичиков. Но в ряде случаев число таких соединений оказывается весьма большим (сотни соединений), что затрудняет процесс соединения и создаёт возможность ошибок. В то же время зачатую некоторые блоки могут соединяться между собой выходами и входами вполне определённым однозначным образом. Тогда появляется задача автоматизировать процесс соединения блоков для таких случаев. Для этого предложено использовать режим инициализации, в котором устанавливаются связи.

Режим инициализации для установления связей между входами и выходами программных моделей блоков. Для реализации режима инициализации разработана унифицированная форма программной модели, имеющая две части. В первой части задаются названия переменных для математической модели — входных, выходных и внутренних (переменных состояния). Имена задаются с помощью символьных (текстовых) переменных. При этом одни и те же переменные могут быть выходными в одних моделях и входными в других. Например, напряжение питания является выходным в модели источника питания и входным в модели двигателя. Такие переменные обязательно обозначаются одинаковыми символьными метками. После последовательного опроса программных моделей формируются массивы имён переменных одного типа — входных, выходных, внутренних. На следующем этапе выполняется сравнение массивов имён выходных переменных с массивом имён входных переменных и выявляются совпадения. Это означает, что в режиме расчёта нужно будет значения соответствующих переменных из выходных данных программных моделей переписывать во входные данные других программных моделей. Эти пути перехода фиксируются в соответствующих таблицах и запоминаются. На рис. 1 приведена структура унифицированной программной модели на примере двухфазного источника напряжения переменного тока.

```

ModSIN2w(t,x,u,Par,ini) :=
  NamMod ← "ModSIN2w"
  "Режим инициализации"
  if ini = 0
    "Имена и количество входных переменных"
    uNam ← (NamMod "" 0)
    nu ← 0
    "Имена и количество переменных состояния"
    xNam ← (NamMod "TetaU" "rad" 1)
    nx ← 1
    "Имена и количество выходных переменных"
    yNam ← (
      NamMod "Ua" "V" 1
      NamMod "Ub" "V" 2
      NamMod "Um" "V" 3
      NamMod "w0" "rad/s" 4
    )
    ny ← rows(yNam)
    "Выходные данные в режиме инициализации"
    return (
      0 NamMod
      nu uNam
      nx xNam
      ny yNam
    )

  "Режим расчёта"
  if ini = 1
    "Параметры модели"
    (
      TipPar
      U_m1
      U_m2
      t_u
      f_1
      f_2
      t_w
    ) ← Par
    "Входные переменные"
    U_m ← if (t < t_u, U_m1, U_m2)
    f_0 ← if (t < t_w, f_1, f_2)
    "Переменные состояния"
    θ_u ← x_1
    "Производные переменных состояния"
    dx_1 ← 2·π·f_0
    "Количество переменных состояния и их производных"
    nx ← 1
    "Выходные величины"
    y ← (
      U_m·cos(θ_u)
      U_m·sin(θ_u)
      U_m
      2·π·f_0
    )
    "Количество выходных величин"
    ny ← rows(y)
    "Выходные данные в режиме расчёта"
    return (
      dx nx
      y ny
    )

```

Рисунок 1 — Структура унифицированной программной модели на примере модели двухфазного источника переменного тока

Программная модель выполнена с использованием программы MathCAD, которая позволяет разрабатывать алгоритмы программ различного типа и проверять их работоспособность.

Программа на рис. 1 разделена на две части — для режима инициализации и для режима расчёта. Режим работы программы задаётся флажком ini. В первой части, предназначенной для режима инициализации, формируются три массива:

uNam — массив имён и единиц измерения входных переменных для данной модели;

xNam — массив имён и единиц измерения внутренних переменных состояния для данной модели;

yNam — массив имён и единиц измерения выходных переменных для данной модели.

Здесь же определяется число этих переменных. Все эти данные выводятся с помощью оператора MathCAD return.

Во второй части программной модели записаны математические выражения, содержащие функции для двухфазного напряжения питания переменного тока, а также вспомогательные вычисления.

Такого рода модели разрабатываются для всех блоков и модулей, на которые разбивается исследуемый объект.

В режиме инициализации задаётся ini=0 и опрашиваются все программные модели. После вызова очередной модели заполняются три массива имён переменных (см. рис. 2):

uList — общий массив имён и единиц измерения входных переменных;

xList — общий массив имён и единиц измерения внутренних переменных состояния;

yList — общий массив имён и единиц измерения выходных переменных.

uList =	"	ModIDDP2"	"	u1a"	"	1	}	xList =	"	ModIDDP2"	"	u1b"	"	2	}	yList =	"	ModIDDP2"	"	u2a"	"	3	}	"	ModIDDP2"	"	u2b"	"	4	}	"	ModIDDP2"	"	Tetar"	"	5	}	"	ModNAGR1"	"	M"	"	1	}	"	ModNAGR1"	"	Ms"	"	2	}	"	ModTSYS"	"	Tsys"	"	s"	"	1	}	"	Mod2SIN2w"	"	TetaUa"	"	rad"	1	}	"	Mod2SIN2w"	"	TetaUb"	"	rad"	2	}	"	ModIDDP2"	"	Psi1a"	"	Vb"	"	1	}	"	ModIDDP2"	"	Psi1b"	"	Vb"	"	2	}	"	ModIDDP2"	"	Psi2a"	"	Vb"	"	3	}	"	ModIDDP2"	"	Psi2b"	"	Vb"	"	4	}	"	ModNAGR1"	"	wr"	"	rad/s"	1	}	"	ModNAGR1"	"	Tetar"	"	rad"	2	}	"	Mod2SIN2w"	"	w1"	"	rad/s"	7	}	"	Mod2SIN2w"	"	w2"	"	rad/s"	8	}	"	Mod2SIN2w"	"	eps1"	"	rad"	9	}	"	Mod2SIN2w"	"	eps2"	"	rad"	10	}	"	ModIDDP2"	"	i1a"	"	A"	1	}	"	ModIDDP2"	"	i1b"	"	A"	2	}	"	ModIDDP2"	"	i2a"	"	A"	3	}	"	ModIDDP2"	"	i2b"	"	A"	4	}	"	ModIDDP2"	"	M"	"	N.m"	5	}	"	ModNAGR1"	"	wr"	"	rad/s"	1	}	"	ModNAGR1"	"	Tetar"	"	rad"	2	}

Рисунок 2 — Общие массивы имён входных, внутренних и выходных переменных всех моделей

С помощью специальной программы сравниваются массивы yList и uList и выявляются одинаковые имена переменных. В крайнем правом столбце этих массивов указан порядковый номер соответствующей переменной в массиве выходных данных yList и в массиве входных данных uList. В режиме расчёта будет вызываться каждая новая модель и будут формироваться массивы вычисленных значений соответствующих переменных. Специальная подпрограмма будет переписывать значения переменных из выходных данных в массив значений переменных входных данных в соответствии с этими указаниями.

В случае моделирования системы с переменной структурой в определённые моменты времени некоторые модели могут исчезать, а некоторые — появляться. Тогда расчёты прерываются, вызывается режим инициализации, и устанавливаются новые связи между блоками.

Заключение. Предложенный способ автоматизации установления связей между блоками исследуемого объекта позволяет решать много различных задач в автоматическом режиме. Его можно использовать, когда исследуемый объект сам меняет свою структуру, что находит отражение в математических и программных моделях. Возможна также ситуация, когда объект не меняет структуру, но возникает необходимость менять используемые модели — вместо более простых использовать более сложные или наоборот. Это может повышать точность или уменьшать время вычислений.

Список литературы

1. Норенков, И. П. Основы автоматизированного проектирования : учебник для вузов / И. П. Норенков. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2006. — 448 с. — ISBN 5-7038-2892-9. — Текст : непосредственный.
2. Амбросенко, Н. Д. Использование современных цифровых технологий в электронной информационно-образовательной среде университета / Н.Д. Амбросенко, А.А. Брит, Н.В. Титовская // Актуальные вопросы теоретической и прикладной экономики : сб. статей научной конференции, 24–25.04.2020 г. — Новосибирск : Новосибирский государственный аграрный университет, 2020. — С. 230–234. — Текст : непосредственный.

УДК 004.057.7

СТЕНД ДЛЯ АНАЛИЗА И МОНИТОРИНГА ТРАФИКА IP-ТЕЛЕФОНИИ С ПРИМЕНЕНИЕМ КОНТЕЙНЕРНОЙ ВИРТУАЛИЗАЦИИ DOCKER

Бронов Сергей Александрович¹, доктор технических наук, профессор

Фролов Дмитрий Михайлович², аспирант

^{1,2} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

¹ sa_bronov@mail.ru ² frolov-dm-krsk@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены общие принципы разработки стенда для анализа и мониторинга трафика IP-телефонии с применением контейнерной виртуализации Docker. Показано преимущество использования контейнерной виртуализации Docker перед традиционными средствами виртуализации при построении систем анализа и мониторинга трафика IP-телефонии. Рассмотрены ключевые архитектурные различия, произведена оценка эффективности использования ресурсов и проанализированы аспекты масштабируемости, позволяющие рекомендовать Docker как предпочтительную платформу для развертывания современных аналитических комплексов.

Ключевые слова: IP-телефония, контейнерная виртуализация, Docker, моделирование, информационные технологии

A STAND FOR ANALYZING AND MONITORING IP TELEPHONY TRAFFIC USING CONTAINER VIRTUALIZATION DOCKER

Bronov Sergey Aleksandrovich¹, Doctor of Technical Sciences, Professor

Frolov Dmitriy Mikhaylovich², Postgraduate Student

^{1,2} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

¹ sa_bronov@mail.ru ² frolov-dm-krsk@yandex.ru

Abstract. The general principles of developing a stand for analyzing and monitoring IP telephony traffic using Docker container virtualization are considered. The advantage of using Docker container virtualization over traditional virtualization tools in building systems for analyzing and monitoring IP telephony traffic is shown. Key architectural differences are considered, resource efficiency is assessed, and scalability aspects are analyzed, which make it possible to recommend Docker as the preferred platform for deploying modern analytical systems.

Keywords: IP telephony, container virtualization, Docker, modeling, information technology

Проблематика обеспечения качественной телефонной связи на основе IP-телефонии. Традиционная телефония (ранее — аналоговая, в настоящее время — цифровая) основана на передаче голосового сигнала по проводным или беспроводным каналам связи. Повсеместное распространение высокоскоростного интернета привело к появлению и массовому внедрению IP-телефонии (VoIP — Voice over IP «голос поверх IP»). IP телефония массово вытесняет традиционную телефонию. Это обусловлено тем, что сеть Интернет является сейчас неременным повсеместно распространённым техническим средством, и развертывание дополнительных телефонных сетей становится экономически неоправданным [1, 2, 3]. Особенно это актуально в сельских населённых пунктах, где, как правило, имеется сеть Интернет, но отсутствуют операторы телефонной связи.

Возможны различные принципы построения телефонии на основе сети Интернет. Традиционные подходы к развертыванию аналитических платформ, основанные на использовании физических серверов или виртуальных машин (ВМ), зачастую характеризуются низкой эффективностью использования ресурсов, сложностью

масштабирования и длительным временем развертывания.

Но использование сети Интернет создаёт дополнительные сложности, связанные с обеспечением требуемого качества голосовых сообщений. В данном случае голос преобразуется с помощью аналого-цифровых преобразователей в код, который передаётся как обычное цифровое сообщение. При этом возможны задержки в звучании, замедление или ускорение сигнала, появление дополнительных помех. Это связано с особенностями работы отдельных узлов аппаратуры, их загрузкой и пропускной способностью. При этом существует несколько возможных путей передачи сообщений, которые могут иметь различные характеристики и по-разному влиять на качество голосового сигнала. Появляется задача формирования траекторий передачи оцифрованного голосового сигнала для минимизации его искажений.

Передача сигнала возможна различными техническими способами. В последнее время всё большее распространение получает контейнерная виртуализация, в частности, платформа Docker, что предполагает принципиально иную парадигму. Вместо виртуализации аппаратного обеспечения с полноценной гостевой операционной системой для каждого экземпляра, контейнеры обеспечивают изоляцию на уровне процессов, используя общее ядро хостовой операционной системы. Это позволяет говорить о «легковесной» виртуализации, которая минимизирует накладные расходы.

В рамках данного исследования решается задача поиска оптимальной среды для развертывания инструментов анализа IP-телефонии, таких как системы захвата и обработки сигнального трафика (например, tcpdump, Wireshark) или программные комплексы для нагрузочного тестирования. Классические виртуальные машины, несмотря на высокий уровень изоляции и безопасности, часто избыточны с точки зрения потребления оперативной памяти и дискового пространства. Как показывают сравнительные исследования, использование IP-АТС на базе контейнера Docker позволяет снизить потребление оперативной памяти в десятки раз по сравнению с виртуальной машиной при сопоставимой нагрузке на центральный процессор. Кроме того, контейнеризация обеспечивает более быстрое развертывание и упрощает управление зависимостями, что критически важно при создании распределенных систем мониторинга.

Теоретические исследования в данной области требуют также практического подтверждения. Для этого предлагается использовать разработанный стенд, обеспечивающий возможность исследовать различные алгоритмы управления трафиком.

Общие принципы построения виртуального лабораторного стенда. Начальным этапом построения виртуального лабораторного стенда является разработка логической схемы соединений и плана IP-адресации. На рисунке 1 представлена схема организации телефонной связи. Исходя из схемы сети в Docker, будут использоваться два оконечных устройства (АТС-1 и АТС-2) и 5 маршрутизаторов (Маршрутизатор-1, Маршрутизатор-2, Маршрутизатор-3, Маршрутизатор-4, Маршрутизатор-5). В Docker невозможно запустить «чистый» маршрутизатор (например, Cisco), но мы можем установить обычные контейнеры с Linux и включить на них маршрутизацию (IP forwarding). Для обеспечения отказоустойчивости и возможности тестирования протоколов динамической маршрутизации (например, OSPF) была выбрана кольцевая топология соединения маршрутизаторов с подключением абонентских сегментов к двум из них.

Кольцевая структура (Маршрутизатор R1 – Маршрутизатор R2 – Маршрутизатор R3 – Маршрутизатор R4 – Маршрутизатор R5 – Маршрутизатор R1) позволяет эмулировать наличие резервных каналов связи. Выход из строя одного из транзитных соединений не приведет к полной потере связности между АТС-1 и АТС-2, так как трафик может быть перенаправлен по альтернативному пути через оставшуюся часть кольца. АТС-1 подключена к Маршрутизатору R1, а АТС-2 — к Маршрутизатору R4, что создает путь, проходящий через несколько транзитных узлов (см. рис. 1).

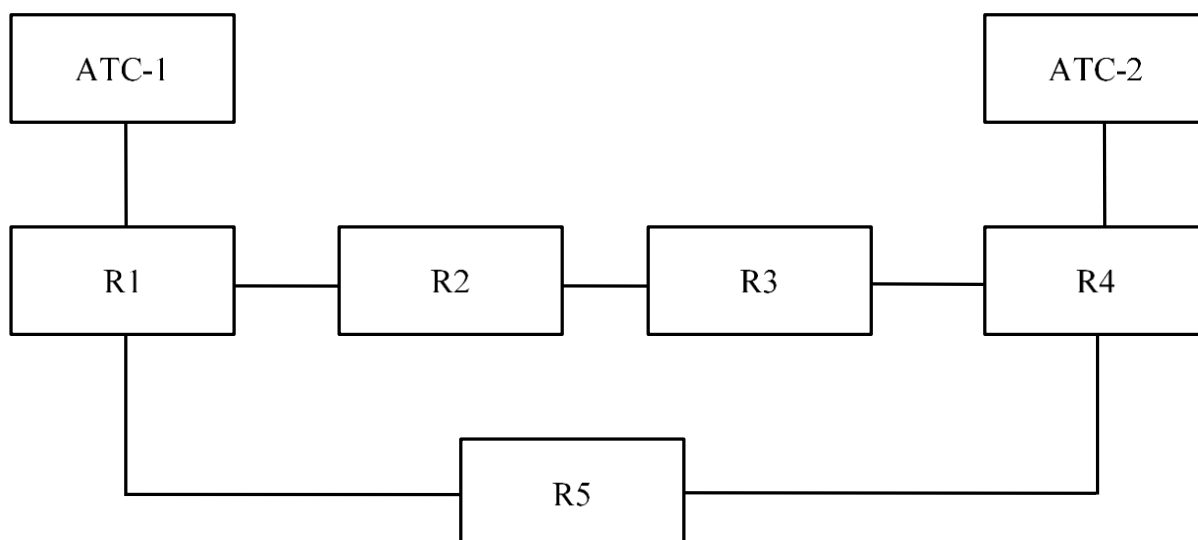

Рисунок 1 — Схема организации телефонной связи

Для корректной работы сети необходима уникальная адресация каждого интерфейса. С целью экономии адресного пространства и чёткого разделения каналов «точка-точка» были использованы маски подсети /30. Для абонентских сетей, к которым подключены АТС, применены маски /24, что потенциально позволяет подключить до 254 абонентов в каждом сегменте. Для этого разработан соответствующий план IP-адресации лабораторного стенда.

Для обеспечения связности между абонентскими сетями (192.168.1.0/24 и 192.168.2.0/24) на маршрутизаторах необходимо настроить статические маршруты. Динамическая маршрутизация на данном этапе не используется, чтобы минимизировать факторы, влияющие на первичную проверку связности.

Маршрутизатор R1: для достижения сети 192.168.2.0/24 должен направлять трафик на R2 (интерфейс 10.0.12.2).

Маршрутизатор R4: для достижения сети 192.168.1.0/24 должен направлять трафик на R3 (интерфейс 10.0.34.1).

Маршрутизаторы R2, R3, R5: выступают в роли транзитных узлов и должны иметь маршруты по умолчанию или явные маршруты к обоим абонентским сетям.

Для реализации спроектированной топологии используется платформа контейнеризации Docker. Выбор Docker обусловлен его легкостью, скоростью развертывания и возможностью тонкой настройки сетевой изоляции. Каждый сетевой узел (маршрутизатор и АТС) запускается в отдельном контейнере на базе образа Alpine Linux.

Поскольку стандартные образы Linux не предназначены для выполнения функций маршрутизатора «из коробки», был разработан собственный Dockerfile, который представляет собой этап сборки Docker-образа, предназначенного для создания изолированного, но функционально полного сетевого узла. Цель данного этапа — подготовка программной среды, способной выполнять функции маршрутизации, диагностики сетевых соединений и обработки трафика в контролируемых условиях.

Поскольку каждый контейнер имеет уникальную конфигурацию сетевых интерфейсов, был разработан параметризуемый скрипт setup.sh. Он выполняется при старте каждого контейнера и настраивает интерфейсы на основе переменных окружения, переданных из docker-compose.yml.

Скрипт выполняет динамическую конфигурацию сетевых интерфейсов (eth1, eth2, eth3) на основе переменных окружения (IFACE*_IP), передаваемых оркестратором. Ключевой особенностью является реализация механизма ожидания готовности интерфейсов, что позволяет синхронизировать процесс настройки с жизненным циклом контейнера, создаваемого Docker. Дополнительно скрипт активирует IP-форвардинг и обрабатывает добавление статических маршрутов через переменную STATIC_ROUTE. Данный подход

обеспечивает гибкость и воспроизводимость сетевых конфигураций при проведении экспериментов в контейнерной среде.

Ключевой особенностью реализации является создание отдельной сети Docker для каждого логического канала связи. Это обеспечивает изоляцию на уровне L2 и позволяет эмулировать физические соединения.

Конфигурация виртуальной сетевой инфраструктуры реализована с использованием изолированных мостов (bridge), разделенных на две логические категории. Транзитная сеть построена по принципу «точка-точка» с префиксом /30 (5 сетей: 10.0.12.0/30, 10.0.23.0/30, ...), что обеспечивает адресацию для прямых соединений маршрутизаторов без использования широковещательного трафика. Абонентские сегменты представлены сетями с маской /24 (192.168.1.0/24 и 192.168.2.0/24) для подключения клиентского оборудования. В каждой подсети задан технический адрес шлюза (gateway), который зарезервирован, но не назначается напрямую маршрутизаторам, что позволяет эмулировать наличие внешнего сетевого оборудования или вышестоящего провайдера.

Для исследования работы протоколов сигнализации и медиатрафика в распределенной среде были использованы стандартные инструменты диагностики Linux и Asterisk.

В результате выполнения данной работы был успешно разработан, развернут и протестирован виртуальный лабораторный стенд, моделирующий сеть связи, состоящую из пяти маршрутизаторов и двух учрежденческих АТС на базе Asterisk.

Заключение. Разработанный виртуальный лабораторный стенд даёт возможность практической проверки алгоритмов оптимальной передачи трафика для IP-телефонии. Он является основой дальнейших теоретических исследований. Разработанный виртуальный стенд содержит модели реальных устройств и узлов сети, а поэтому в состоянии адекватно отражать процессы передачи информации. В перспективе это позволит приступить к решению задачи поиска оптимальных маршрутов трафика на реальном оборудовании и в реальном времени.

Список литературы

1. Балакшина, Ю.А. Автоматизация подбора оптимальной дисциплины обслуживания при передаче VoIP-трафика / Ю.А. Балакшина, В.В. Соснин // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2016. – Т. 16, №6. – С. 1084–1090.
2. Глушак, Е.В. Применение технологии QoS для приоритизации VoIP трафика / Е.В. Глушак, К. С. Какабьян. – Научный аспект. – 2024. – Т. 47, №6. – С. 6003–6015.
3. Шелухин, О.И. Экспериментальные исследования речевых потоков в VoIP-сетях / О.И. Шелухин, Г.А. Урьев, А.В. Осин // Электротехнические и информационные комплексы и системы. – 2006. – Т. 2, №2. – С. 54–58.

УДК 630.432

СТРУКТУРИРОВАНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ИНСТРУМЕНТОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ТОВАРОДВИЖЕНИЯ В АРХИТЕКТУРЕ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ РЕГИОНА

Ван Чжаосян¹, аспирант

Лукиных Валерий Федорович², доктор экономических наук, профессор

^{1,2} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

¹ Wang@kraschina.ru ² lukinih_vf@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена теоретико-методическому обоснованию структурирования логистических технологий как инструмента формирования процессов товародвижения в архитектуре региональных логистических систем. Уточняется содержание категорий «логистическая технология», «процессы товародвижения», «архитектура логистической системы региона» и «региональная логистическая система», раскрывается их взаимосвязь в контексте управления материальными, информационными и финансовыми потоками. На основе системного и институционального подходов обобщены научные представления о логистических технологиях, показана их операционализирующая роль по отношению к процессам товародвижения, прежде всего в условиях цифровизации (использование ИИ, интернета вещей, робототехники, цифровых платформ). Предложен методический подход к оценке эффективности региональных логистических систем, основанный на сочетании стоимостных, производственных и сервисных критериев и использовании GAP-анализа для выявления стратегических разрывов в архитектуре логистики региона. Выполнено концептуальное сопоставление логистических систем Красноярского края и провинции Хэйлунцзян, охватывающее транспортную, терминальную, информационно-цифровую и институциональную подсистемы. Показано, как различия в пространственной конфигурации, профиле грузопотоков и уровне цифровой зрелости влияют на приоритеты структурирования логистических технологий и направления развития процессов товародвижения в приграничных ресурсно ориентированных регионах.

Ключевые слова: логистические технологии, процессы товародвижения, архитектура логистической системы региона, региональная логистическая система, структурирование технологий, цифровизация логистики, оценка эффективности логистических систем, GAP-анализ, Красноярский край, провинция Хэйлунцзян

STRUCTURING LOGISTICS TECHNOLOGIES AS TOOLS FOR FORMING GOODS DISTRIBUTION PROCESSES IN THE ARCHITECTURE OF LOGISTICS SYSTEMS OF THE REGION

Wang Zhaoxiang¹, Postgraduate Student

Lukinykh Valery Fedorovich², Doctor of Economic Sciences, Professor

^{1,2} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

¹ Wang@kraschina.ru ² lukinih_vf@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the theoretical and methodological substantiation of the structuring of logistics technologies as a tool for the formation of product distribution processes in the architecture of regional logistics systems. The content of the categories «logistics technology», «product distribution processes», «architecture of the regional logistics system» and «regional logistics system» is clarified, and their relationship is revealed in the context of managing material, information and financial flows. Based on systemic and institutional approaches, scientific ideas about logistics technologies are generalized, their operationalizing role is shown in relation to the processes of product distribution, primarily in the context of digitalization (the use of AI, the Internet of things, robotics, digital platforms). A methodological approach to assessing the effectiveness of regional logistics systems is proposed, based on a combination of cost, production and service criteria and the use of GAP analysis to identify strategic gaps in the region's logistics architecture. A conceptual comparison of the logistics systems of the Krasnoyarsk Territory and Heilongjiang Province was carried out, covering transport, terminal, information, digital and institutional subsystems. It is shown how differences in spatial configuration, cargo flow profile and level of digital maturity affect the priorities for structuring logistics technologies and the direction of development of goods distribution processes in cross-border resource-oriented regions.

Keywords: logistics technologies, product distribution processes, architecture of the regional logistics system, regional logistics system, structuring of technologies, digitalization of logistics, assessment of the effectiveness of logistics systems, GAP analysis, Krasnoyarsk Territory, Heilongjiang Province

Ускорение глобальных цепей поставок, цифровизация экономики и усиление межрегиональной конкуренции радикально повышают требования к организации логистики на территориальном уровне. Для ресурсно ориентированных и приграничных регионов, к которым относятся Красноярский край и провинция Хэйлунцзян, логистика выступает не только обслуживающей функцией, но и одним из ключевых факторов экономического роста, пространственного развития и интеграции в международные рынки. Это обуславливает необходимость научного анализа того, как структурирование логистических технологий влияет на формирование процессов товародвижения и на конфигурацию архитектуры региональных логистических систем. Актуальность исследования обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, рост объёмов внутрирегионального и трансграничного товарообмена требует повышения согласованности между участниками логистических цепей, транспортной инфраструктурой и информационными системами. Во-вторых, наблюдается расширение спектра логистических технологий, прежде всего цифровых, однако их внедрение часто носит фрагментарный характер, не встраиваясь в целостную архитектуру региональной логистической системы. В-третьих, в научной и практической плоскости сохраняются терминологические и методические расхождения при описании логистических систем региона, процессов товародвижения и принципов структурирования логистических решений. Цель статьи - теоретически и методически обосновать подход к структурированию логистических технологий как инструментов формирования процессов товародвижения в архитектуре региональных логистических систем и продемонстрировать возможности такого подхода на примере сопоставления Красноярского края и провинции Хэйлунцзян.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: уточнить понятийно-категориальный аппарат исследования (логистическая технология, процессы товародвижения, архитектура логистической системы региона, региональная логистическая система); обобщить научные представления о структурировании логистических технологий и принципах организации потоковых процессов; выделить ключевые компоненты архитектуры логистической системы региона, значимые для процессов товародвижения; предложить методический подход к оценке эффективности функционирования региональных логистических систем на основе комбинации стоимостных, производственных и сервисных критериев, включая использование GAP-анализа; концептуально сравнить особенности логистической архитектуры и потенциала структурирования логистических технологий в Красноярском крае и провинции Хэйлунцзян. Объект исследования - региональные логистические системы. Предмет исследования - структурирование логистических технологий как фактора формирования процессов товародвижения в архитектуре этих систем.

Методологическую базу составляют системный и институциональный подходы, концепция интегрированной логистики, а также методы сравнительного и структурно-функционального анализа. Информационной основой работы служат научные публикации отечественных и зарубежных авторов, материалы электронных библиотек и научных журналов.

В современной логистической науке под логистической технологией понимают совокупность инструментов и алгоритмов управления материальными, информационными и сопутствующими потоками, обеспечивающих их согласованное движение при минимальных совокупных издержках. Такой подход предполагает наличие стандартизированных процедур исполнений логистических функций (закупка, транспортирование, складская обработка, распределение) и их поддерживающих информационных систем. Структурирование логистических технологий можно трактовать как упорядочение и оптимизацию набора технологических решений, используемых в цепях поставок. По сути, речь идёт о формировании такой конфигурации процессов и инструментов, при которой потоки материальных, информационных и финансовых ресурсов организованы таким образом,

чтобы достигать целевых ориентиров при минимальных расходах и приемлемом уровне логистического сервиса. При рассмотрении логистической системы как среды, в которой осуществляется структурирование технологий, выявляются два основных подхода. В рамках первого логистическая система описывается как адаптивное образование с разветвлённой системой обратных связей, включающее несколько взаимосвязанных подсистем и взаимодействующее с внешней средой через развитую сеть контактов. В рамках второго подхода акцент делается на её организационной завершённости и экономическом содержании: система представляется как комплекс взаимосвязанных звеньев, объединённых единым процессом управления потоками. Важной проблемой, выявленной в научных публикациях, остаётся неоднозначность терминологического аппарата логистики и отсутствие единообразного толкования ключевых категорий. Это затрудняет сопоставление результатов исследований и разработку унифицированных методик проектирования региональных логистических систем, что дополнительно повышает значимость систематизации подходов к структурированию технологий в рамках региональной архитектуры.

Процессы товародвижения в экономической литературе чаще всего описываются как совокупность функций по планированию, организации и контролю физического перемещения товарных ресурсов от мест их возникновения к местам потребления, ориентированную на обеспечение доступности товара для конечного пользователя. Различные авторы подчеркивают те или иные аспекты этой категории: комплексность операций, охватывающих всё пространственно-временное перемещение; материально-вещественный характер движения готовой продукции; связь с переходом прав собственности; фокус на организации хранения, складирования и транспортирования. Так, Э.А. Арустамов рассматривает товародвижение как комплексную деятельность, включающую весь спектр операций физического переноса товаров от изготовителя до потребителя с учётом пространства и времени [2, 56]. А.А. Зиннатуллин акцентирует внимание на материально-вещественной сущности перемещения готовых продуктов труда [4, 46]. Л.В. Осипова добавляет к физическому движению аспект передачи права собственности [6, 46], а Б.Ф. Егоров связывает товародвижение с доведением продукции от предприятий-изготовителей до розничной сети и внерыночных потребителей [3, 156]. И.Д. Афанасенко и В.В. Борисова увязывают его с организацией хранения, транспортирования и складирования готовых изделий [1, 58]. Логистические технологии по отношению к процессам товародвижения выступают в роли операционализирующего инструментария: они переводят стратегические цели и организационные решения в набор стандартных действий и процедур, обеспечивающих фактическое перемещение и распределение товаров. В современных условиях эти технологии в значительной мере опираются на цифровые решения - системы искусственного интеллекта, интернет вещей, машинное обучение, нейросетевые алгоритмы, блокчейн, робототехнические комплексы, беспилотные транспортные средства, цифровые двойники. Исследователи фиксируют, что технологические инновации повышают устойчивость логистических процессов, производительность труда, прозрачность операций и конкурентоспособность транспортно-логистических компаний. Отдельное направление обсуждения связано с влиянием технологий на экономическую безопасность транспортных систем и необходимостью формирования культуры безопасного использования цифровых решений на всех уровнях управления потоками. Таким образом, процессы товародвижения могут рассматриваться как прикладное поле реализации структурированных логистических технологий. Степень согласованности, стандартизации и цифровой поддержанности этих технологий определяет масштаб и качество эффекта от рационализации товародвижения в региональной экономике.

Региональная логистическая система в трудах отечественных и зарубежных авторов описывается как пространственно и временно упорядоченная целостность субъектов и

объектов логистической деятельности, функционирующих на ограниченной территории и взаимодействующих между собой и с внешней средой. В состав такой системы включают также совокупность социальных, техногенных и природно-климатических факторов, определяющих условия формирования и использования логистического потенциала региона. М. Афанасьев и Л. Мясникова характеризуют региональную логистическую систему как крупную, сложную, адаптивную, стохастическую структуру, отличающуюся большим количеством элементов, сложным взаимодействием между ними, многовариантностью и многоассортиментностью потоков, а также наличием многочисленных логистических операций, выполняемых посредниками и другими участниками [1, 99]. Т.А. Прокофьева выделяет транспортно-распределительную систему региона как совокупность интегрированных элементов товаропроводящей сети, включающей транспортные узлы, оптовую и розничную торговую сеть, что даёт возможность согласовывать цели системы с социально-экономическими и экологическими задачами региона. Архитектура логистической системы региона отражает устойчивую конфигурацию её структурных, пространственных и функциональных характеристик. В структурном плане речь идёт о составе элементов (транспортная инфраструктура, терминальные объекты, складские комплексы, логистические провайдеры, информационные платформы) и устойчивых связей между ними. Топологический аспект фиксирует пространственное размещение логистических объектов и узлов в пределах территории, а функциональный - распределение ролей, задач и компетенций между участниками цепей поставок. Лю Дан, исследуя проект «Новый Шёлковый путь», предлагает рассматривать архитектуру логистической системы как относительную устойчивую структурно-топологическую и функциональную конфигурацию, обеспечивающую выполнение целей системы [7, 72]. При этом структурная конфигурация соотносится с набором элементов и связей, топологическая - с пространственным расположением объектов, функциональная - с их назначением в управлении потоками. В условиях цифровизации усиливается роль инфраструктуры цифровой логистической системы региона, которая трактуется как территориальный инфраструктурный комплекс, объединяющий объекты логистического управления региональных хозяйствующих субъектов на основе единой информационно-коммуникационной платформы. Такая платформа создаёт основу для интеграции логистических технологий и согласования решений по управлению потоками на уровне всей региональной системы. К ключевым элементам архитектуры, обеспечивающим процессы товародвижения, относятся:

- региональная транспортная система перевозок, включая сети автомобильных, железнодорожных, внутренних водных и, при наличии, морских путей; особое значение приобретают интермодальные схемы, где системообразующим элементом служит унифицированная грузовая единица;
- логистические терминальные системы - совокупность складских и распределительных комплексов, транспортных терминалов, оптовых центров, которые могут формироваться в виде локальных, отраслевых и интегрированных региональных сетей;
- логистические цепи - упорядоченные последовательности юридических и физических лиц, выполняющих операции закупки сырья и материалов, хранения, производства, распределения и доставки товаров конечным потребителям.

Именно в рамках такой архитектуры реализуются процессы структурирования логистических технологий: выбор конфигурации транспортных и терминальных элементов, стандартов взаимодействия участников цепей, структуры информационного обмена и механизмов координации [9, 35].

При проектировании и трансформации логистической архитектуры региона важную роль играют принципы, определяющие логику структурирования технологического инструментария. В литературе выделяются следующие ориентиры:

- синергичность: согласование действий во взаимосвязанных процессах и структурных элементах, обеспечивающее совокупный эффект, превышающий сумму

частных результатов;

- динамичность: признание того, что логистические процессы развиваются во времени, требуют постоянной адаптации и реагирования на изменения спроса, инфраструктуры, внешней среды;

- комплектность: построение логистического процесса как целостного комплекса взаимосвязанных и взаимодополняющих элементов, предполагающего необходимость системной координации;

- инициативность: способность системы активно реагировать на события и изменения внутри и вне процесса, формируя условия для своевременной корректировки действий;

- целесообразность: ориентация выбора логистических операций и технологий на экономическую и организационную выгоду для системы в целом.

Исходя из этих принципов, стратегия формирования архитектуры логистической системы региона должна включать:

- долгосрочное планирование развития инфраструктуры и цепей поставок с учётом изменений во внешней и внутренней среде системы;

- учёт региональных факторов - конфигурации связей с поставщиками и потребителями (напрямую, через оптовые базы внутри и вне региона), наличия специализированных перевозчиков, особенностей транспортно-географического положения;

- реорганизацию устоявшихся схем организации товародвижения, если они не соответствуют новым целевым ориентирам и возможностям технологий;

- формирование проектно-ориентированных логистических кластеров, особенно в цепях поставок агропродукции и других чувствительных товаров, где эффект масштаба и кооперации даёт ощутимое снижение логистических издержек.

В стратегическом измерении структурирование логистических технологий означает перевод указанных принципов и направлений в конкретные решения: выбор типов транспортных схем, форм организации терминальных сетей, стандартов информационного обмена, уровней централизации управления, механизмов интеграции участников цепи.

Для обоснования управленческих решений по структурированию логистических технологий требуется оценивать эффективность действующей архитектуры логистической системы региона. В качестве ключевых критериев используются:

- экономичность - соотношение затраченных ресурсов и достигнутых результатов;

- результативность - степень достижения плановых экономических и логистических показателей

- оптимальность - качество выбора альтернатив использования ресурсов и технологий для достижения целевых ориентиров [8, 80].

Практика анализа региональных логистических систем показывает целесообразность комбинации нескольких методов оценки:

- 1) Расходный метод предполагает установление стоимостного критерия для каждой функции логистики (транспорт, складирование, запасы, информационное обеспечение) и сопоставление затрат по отдельным направлениям и в совокупности. Такой подход позволяет выявлять наиболее затратные виды деятельности и обосновывать решения по их реорганизации.

- 2) Метод продуктивности фокусируется на физических показателях: объёмах отгруженной продукции (в тоннах, кубических метрах и т. п.), количестве обработанных заказов, складских операциях. Сопоставление этих показателей с ресурсными затратами даёт оценку производительности логистической системы.

- 3) Метод сервиса оценивает качество логистических услуг по временным параметрам (длительность доставки, обработки заказов), точности (соблюдение сроков, отсутствие потерь и повреждений) и последовательности (устойчивость выполнения технологических графиков).

Для выявления стратегических разрывов применяется GAP-анализ, ориентированный на сопоставление желаемого состояния логистической системы (целевых показателей, проектной архитектуры) с фактическим. Такой подход позволяет локализовать узкие места: перегруженные транспортные коридоры, диспропорции в развитии терминальной сети, недостаточную цифровизацию отдельных звеньев цепи, неэффективную координацию участников. В контексте структурирования логистических технологий GAP-анализ используется для определения тех аспектов логистической деятельности, которые в наибольшей степени нуждаются в совершенствовании, и для направления последующего развития региональных распределительных систем, задействованных в товарообмене.

Красноярский край и провинция Хэйлунцзян представляют собой крупные территории с выраженной ресурсной специализацией и значительными расстояниями перевозок. Оба региона являются важными участниками российско-китайского экономического сотрудничества, что предопределяет высокую роль трансграничных логистических связей и совместного развития инфраструктуры.

С точки зрения архитектуры логистической системы можно выделить несколько сопоставимых блоков:

1) Транспортная подсистема. Красноярский край опирается на развитую сеть железнодорожных коммуникаций (включая Транссиб), речной транспорт (Енисей), автомобильные магистрали, а также воздушные перевозки. Территориальная протяжённость и суровые климатические условия усложняют обеспечение равномерной транспортной доступности, особенно в северных районах. Провинция Хэйлунцзян имеет развитую сеть железных дорог и автомобильных трасс, а также речные порты на границе с Россией. Здесь более высокая плотность населения и экономической активности создаёт иную структуру спроса на логистические услуги и более плотную сеть транспортных коридоров.

2) Терминальная и складская инфраструктура. В Красноярском крае концентрируются крупные промышленные и логистические узлы вокруг главных городов и промышленных агломераций; существенная часть территории остаётся слабо обеспеченной складскими и распределительными мощностями, что требует проектирования опорной сети терминалов и логистических центров с учётом экстремальных климатических условий и сезонных ограничений. В провинции Хэйлунцзян терминальная сеть формируется в привязке к многочисленным промышленным и аграрным центрам, а также к пограничным пунктам пропуска. Более высокая плотность экономической активности способствует развитию локальных и региональных распределительных центров с насыщенной инфраструктурой.

3) Информационно-цифровая инфраструктура. Обе территории активно вовлечены в процессы цифровизации, однако уровни и приоритеты могут различаться. Для Красноярского края ключевыми задачами являются выравнивание цифровой доступности между ядром и периферией, внедрение цифровых платформ для управления потоками сырьевых и промышленных грузов, а также выстраивание сквозной информационной поддержки транссибирских и северных коридоров. В провинции Хэйлунцзян внимание может быть более сфокусировано на интеграции локальных цифровых логистических платформ в национальные и международные системы управления цепями поставок, на применении технологий интернета вещей и искусственного интеллекта в управлении складами и транспортом.

4) Институциональная среда и логистические кластеры. В Красноярском крае перспективным направлением видится развитие логистических проектно-ориентированных кластеров на базе горнодобывающих, металлургических, лесопромышленных и аграрных производств, а также формирование специализированных транспортно-логистических сервисов, обеспечивающих глубокую переработку сырья и его экспортно-ориентированное товародвижение. В Хэйлунцзяне логистические кластеры могут быть более тесно связаны с перерабатывающими отраслями, агробизнесом и трансграничной электронной торговлей, что определяет иную конфигурацию спроса на логистические технологии и более высокий

акцент на сервисной составляющей.

С точки зрения структурирования логистических технологий различия между регионами могут быть сгруппированы по следующим линиям:

- Пространственная конфигурация. В Красноярском крае требуются решения, компенсирующие низкую плотность сети и большие расстояния (развитие интермодальных схем, создание опорных терминалов, применение технологий мониторинга и прогнозирования в условиях сложной географии). В Хэйлунцзяне - технологии управления высокой плотностью потоков, оптимизации городских и пригородных перевозок, интеграции складской сети в региональные и национальные цепи поставок.

- Профиль потоков. Российский регион характеризуется значительной долей сырьевых и полупродуктовых потоков, что предопределяет важность крупных транспортно-складских комплексов, специализированного подвижного состава и технологий управления массовыми грузами. В китайской провинции заметна большая доля готовой продукции и продуктов питания, что повышает значение технологий управления качеством, холодильной логистики, мелкооптового распределения.

- Цифровая зрелость и приоритеты. Для Красноярского края приоритетом становится поэтапное внедрение цифровых решений, начиная с базовых систем отслеживания, диспетчеризации и управления запасами в ключевых узлах. В Хэйлунцзяне целесообразно дальнейшее развитие сложных цифровых платформ, интегрирующих транспорт, склады, таможенную логистику и электронную коммерцию.

Использование GAP-анализа в обоих регионах позволяет детализировать разрывы между существующим состоянием архитектуры логистических систем и желаемой моделью, основанной на интегрированных, цифрово поддержанных процессах товародвижения. Для Красноярского края такие разрывы, вероятнее всего, будут связаны с территориальной неоднородностью инфраструктуры и уровнем цифровизации, для Хэйлунцзяна - с задачами дальнейшей интеграции в международные логистические коридоры и повышением устойчивости быстрорастущих потоков.

Проведённое исследование позволяет сделать несколько обобщающих выводов. Во-первых, структурирование логистических технологий следует рассматривать не как локальную оптимизацию отдельных операций, а как системный процесс формирования согласованного набора технологических решений, встраиваемых в архитектуру региональной логистической системы. Такой подход предполагает тесную взаимосвязь между выбором технологий, особенностями процессов товародвижения и конфигурацией транспортно-терминальной и цифровой инфраструктуры региона. Во-вторых, архитектура логистической системы региона представляет собой устойчивую, но эволюционирующую структурно-топологическую и функциональную конфигурацию, в пределах которой реализуются процессы товародвижения. Ключевыми элементами этой архитектуры выступают транспортная подсистема, терминальная сеть, цепи взаимодействия участников и информационно-цифровая платформа. Степень их согласованности и интеграции во многом определяет возможности для рационализации потоков. В-третьих, принципы синергичности, динамичности, комплектности, инициативности и целесообразности создают методологический каркас для выстраивания стратегии структурирования логистических технологий. На практике это выражается в долгосрочном планировании развития инфраструктуры, учёте региональных особенностей, реорганизации устаревших схем товародвижения и формировании логистических кластеров. В-четвёртых, оценка эффективности функционирования логистических систем региона требует сочетания стоимостных, производственных и сервисных показателей, а также применения GAP-анализа для выявления разрывов между целевым и фактическим состоянием системы. Это позволяет не только диагностировать проблемные зоны, но и ориентировать процессы структурирования технологий на приоритетные участки. В-пятых, сравнительный анализ Красноярского края и провинции Хэйлунцзян показывает, что, несмотря на общие черты

(ресурсная специализация, значительные расстояния, участие в трансграничных цепях), предпосылки и приоритеты структурирования логистических технологий различаются. Для российского региона актуальнее задачи преодоления пространственной разобщённости инфраструктуры и выравнивания цифровой доступности, для китайской провинции – дальнейшая интеграция в национальные и международные логистические платформы, управление высокой плотностью и диверсификацией потоков.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой количественных моделей оценки эффектов от структурирования логистических технологий в конкретных региональных условиях, а также с более детальной эмпирической проработкой сравнительного анализа Красноярского края и провинции Хэйлунцзян на основе статистических данных о потоках, инфраструктуре и уровнях цифровой зрелости логистических процессов.

Список литературы

1. Афанасенко, И. Д., Борисова, В. В. Экономическая логистика / И. Д. Афанасенко, В. В. Борисова. – СПб.: Питер, 2013. – 432 с.
2. Арустамов, Э. А. Организация предпринимательства / Э. А. Арустамов. – М.: ЮНИТИ, 1996. – 280 с.
3. Егоров, В. Ф. Организация торговли / В. Ф. Егоров. – СПб.: Питер, 2006. – 352 с.
4. Зиннатуллин, А. А. Организация товародвижения на региональном рынке продовольственных товаров: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / А. А. Зиннатуллин. – Ижевск, 2005. – 202 с.
5. Кузнецова, Н. П. Логистический потенциал как фактор инновационной активности региона / Н. П. Кузнецова // Вестник ОрелГИЭТ. – 2012. – № 1 (19). – С. 73–80.
6. Осипова, Л. А. Основы коммерческой деятельности / Л. А. Осипова. – М.: Инфра-М, 1997. – 256 с.
7. Рожко, О. Н. Оценка логистического потенциала региона / О. Н. Рожко // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 3. – С. 72–75.
8. Сорокина, Н. Ю. Сущность социально-экономического потенциала региона / Н. Ю. Сорокина // Экономические и юридические науки. – 2010. – № 2. – С. 75–83.

УДК 331.1

БЛАГОПОЛУЧИЕ ПЕРСОНАЛА КАК ИНДИКАТОР ВНУТРЕННЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Вяткина Галина Ярославна¹, кандидат биологических наук

Фомина Людмила Владимировна², кандидат сельскохозяйственных наук, доцент

Литвинова Валентина Сергеевна³, кандидат сельскохозяйственных наук

^{1,2,3} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

¹ vip.slavna@mail.ru ² lyfomina@yandex.ru ³ tina.litvinova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается концепция благополучия персонала как ключевой характеристики реализации внутренней социальной политики организации. Обоснована взаимосвязь корпоративной социальной политики и благополучия персонала, выделены его основные компоненты. Представлен процесс оценки и управления благополучием в компании.

Ключевые слова: корпоративная социальная политика, благополучие персонала, управление благополучием, индекс благополучия

PERSONNEL WELL-BEING AS AN INDICATOR OF THE INTERNAL SOCIAL POLICY OF A MODERN ORGANIZATION

Vyatkina Galina Yaroslavna¹, Candidate of Biological Sciences

Fomina Lyudmila Vladimirovna², Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor

Litvinova Valentina Sergeevna³, Candidate of Agricultural Sciences

^{1,2,3} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

¹ vip.slavna@mail.ru ² lyfomina@yandex.ru ³ tina.litvinova@mail.ru

Abstract. The article discusses the concept of staff well-being as a key characteristic of the implementation of an organization's internal social policy. The relationship between corporate social policy and staff well-being is substantiated, and its main components are identified. The process of assessing and managing well-being in a company is presented.

Keywords: corporate social policy, employee well-being, well-being management, and well-being index

В современных условиях высокого уровня неопределенности и существующих вызовов и трансформации моделей управления происходит смещение акцентов в организационных стратегиях с исключительно экономических показателей на цели, которые обеспечивают компаниям социальную устойчивость. В фокус внимания корпоративного управления все активнее включаются вопросы благополучия работников организации как ресурс, оказывающий влияние на инновационность и производительность. Основной причиной такого сдвига является дефицит кадров, обусловленный комплексом политических и экономических факторов, а также выходом на рынок труда сотрудников нового поколения, для которых приоритетными ценностями являются гармония между работой и личной жизнью, возможности для личностного роста, забота о своем физическом и ментальном здоровье, осмысленность деятельности [1, 2, 3]. Неотъемлемой частью социальной стратегии современной организации становится забота о благополучии работников, как основных стейкхолдеров. Под системой обязательств компании, которая включает безопасность и комфортные условия труда, развитие, защиту прав и социальные гарантии и льготы, понимают корпоративную социальную политику (далее КСП). Объектом внутренней КСП являются ключевые стейкхолдеры – сотрудники организации. Программы, которые

разрабатываются и реализуются в рамках КСП, ориентированы на повышение благополучия персонала. В научной литературе благополучие персонала трактуется как комплексная характеристика состояния работника, включающая все аспекты его жизни: физические, психические, социальные и финансовые, которые находятся под влиянием условий труда и организационной культуры [4, 5, 6]. Очевидно, что благополучие выходит за рамки простого отсутствия проблем со здоровьем или профессионального выгорания и включает такие составляющие как удовлетворенность работой, ощущения смысла и принадлежности к организации. В современных моделях выделяют несколько взаимосвязанных компонент благополучия:

- ментальное благополучие – данная компонента связана с уровнем стресса, тревожности и выгорания, а также с возможностью получения своевременной психологической поддержки;

- физическое благополучие – отражает влияние условий труда, режима труда и отдыха, а также существующих в организации программ здоровья, на работоспособность сотрудника;

- социальное благополучие – описывает качество межличностных отношений, степень вовлеченности, ощущения справедливости и уважения в коллективе;

- финансовое благополучие – предполагает ощущение стабильности дохода, справедливости вознаграждения и поддержку сотрудников в виде льгот и бонусов [7, 8].

Таким образом, благополучие персонала является многомерной категорией, требующей комплексного подхода со стороны организации, и включения соответствующих мер в ее внутреннюю корпоративную социальную политику. Благополучие персонала является тем структурным ядром, которое обеспечивает устойчивую связку: «работник-организация», а управление благополучием трансформируется из инструмента мотивации в неотъемлемую часть социальной стратегии современного предприятия, тесно связанную с принципами человекоцентричного управления [9, 10].

Формирование и развитие КСП определяет необходимость оценки ключевого индикатора, в качестве которого, по нашему мнению, может выступать уровень благополучия персонала. Основу для его оценки составляют результаты опросов сотрудников компании, HR-метрики и данные служб охраны труда, которые могут быть представлены в виде интегрального индекса благополучия, как взвешенное среднее:

$$I_{\text{инт.}} = w_{\text{ф}} I_{\text{физ}} + w_{\text{п}} I_{\text{псих}} + w_{\text{с}} I_{\text{соц}} + w_{\text{з}} I_{\text{фин}},$$

где $w_{\text{ф}}$, $w_{\text{п}}$, $w_{\text{с}}$, $w_{\text{з}}$ - соответствующие взвешивающие коэффициенты ($w_{\text{ф}} + w_{\text{п}} + w_{\text{с}} + w_{\text{з}} = 1$);

$I_{\text{физ}}$ – индекс физического благополучия;

$I_{\text{псих}}$ – индекс ментального благополучия;

$I_{\text{соц}}$ - индекс социального благополучия;

$I_{\text{фин}}$ - индекс финансового благополучия.

Каждый из представленных индексов, формирующих интегральный индекс благополучия, рассчитывается как среднее нормированное значение всех параметров, характеризующих соответствующую компоненту благополучия. Перечень параметров, которые учитываются при расчете соответствующего индекса, представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Индексы благополучия сотрудников организации

Индекс	Параметры
Индекс физического благополучия	Общее состояние здоровья
	Частота заболеваний
	Производственные травмы
	Физическая активность

	Вредные привычки Режим дня Характер питания Условия труда
Индекс ментального благополучия	Эмоциональное состояние Когнитивные навыки Удовлетворенность жизнью и работой Осмысленность труда Психологическая устойчивость Баланс «работа-личная жизнь»
Индекс социального благополучия	Место и роль в коллективе Отношения с коллегами Доступность руководителя Справедливость и доверие Социальная поддержка
Индекс финансового благополучия	Обеспечение базовых потребностей Управление личными финансами

Анализ данных параметров позволяет оценить существующий уровень благополучия и создать такие социальные условия, при которых работники могут реализовать свой потенциал, а организация достичь целей своего развития, укрепляя социальный капитал и конкурентное преимущество. Основными инструментами внутренней корпоративной социальной политики, способствующими росту уровня благополучия персонала, является, прежде всего, обеспечение безопасных и здоровых условий труда, наряду со справедливой системой оплаты труда, программами здоровья и развития персонала, а также поддерживающей корпоративной культурой.

Современные технологии управления благополучием включают аналитические инструменты, позволяющие системно и оперативно отслеживать информацию по всем параметрам, и формировать процесс оценки его уровня (см. рис. 1).

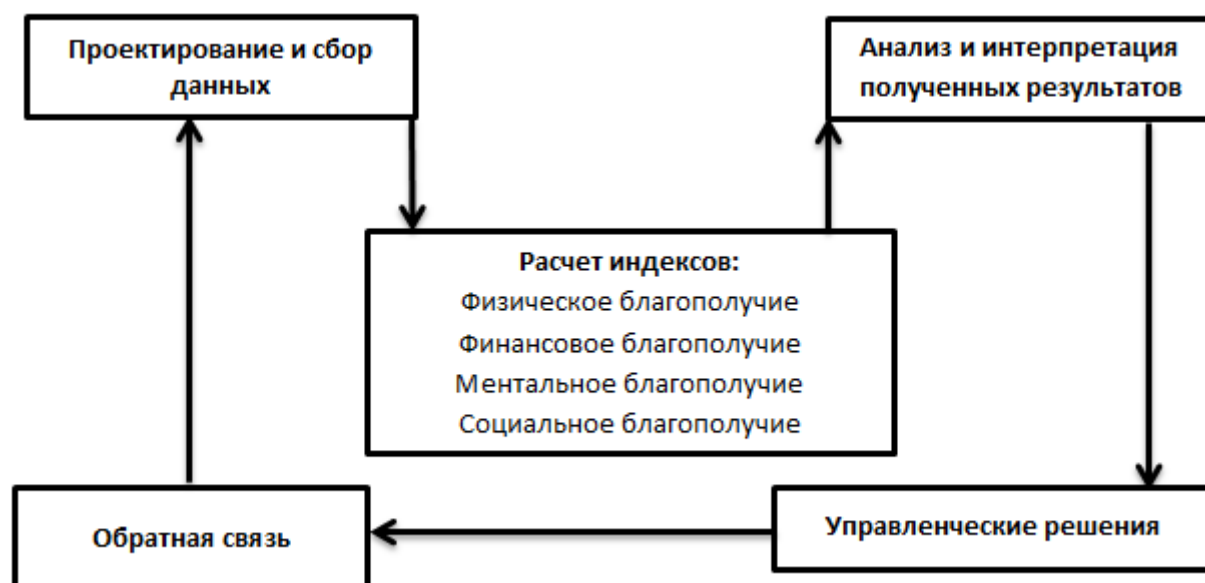

Рисунок 1 – Процесс оценки уровня благополучия персонала

Данный процесс включает проектирование оценки и сбор данных, которые необходимы для ее проведения. Анализ и интерпретация, полученных в ходе оценки, результатов предполагает сравнение их значений с целевыми показателями и предыдущими периодами, что дает необходимую для принятия управленческих решений информацию. Важным элементом в описываемом процессе является обратная связь – информирование сотрудников о результатах. Циклический характер процесса обеспечивает ему режим

«постоянного улучшения», а по результатам анализа, предполагает корректировку условий труда, развитие необходимых практик и организационной среды, как ключевых факторов, влияющих на благополучие персонала.

Таким образом, благополучие персонала, по нашему мнению, следует относить к ключевой характеристике внутренней корпоративной социальной политике. Оценка его уровня должна носить системный характер и обеспечивать положительные изменения, способствующие его повышению, благодаря регулярному мониторингу всех компонент.

Список литературы

1. Вяткина, Г. Я. Обеспеченность квалифицированными кадрами как фактор развития АПК / Г. Я. Вяткина // Парадигма устойчивого развития агропромышленного комплекса в условиях современных реалий : Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию создания ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ, Красноярск, 24–26 мая 2022 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2022. – С. 103-105.
2. Вяткина, Г. Я. Об особенностях обучения студентов «поколения Z» / Г. Я. Вяткина // Современные тенденции развития системы подготовки обучающихся: региональная практика : Материалы международной научной конференции, Красноярск, 03 декабря 2024 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2025. – С. 32-34.
3. Вяткина, Г. Я. Формирование трудового потенциала региона: условия и факторы / Г. Я. Вяткина, О. Я. Фролова // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2024. – № 1(31). – С. 115-126.
4. Вяткина, Г. Я. Благополучие персонала организации: факторы и оценка / Г. Я. Вяткина, Л. В. Фомина, В. С. Литвинова // Наука: опыт, проблемы, перспективы развития : Материалы международной научно-практической конференции, Красноярск, 09–11 апреля 2025 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2025. – С. 88-91.
5. Вяткина, Г. Я. Социально-психологический климат как фактор вовлеченности персонала / Г. Я. Вяткина, Л. В. Фомина // Актуальные психолого-педагогические, философские, экономические и юридические проблемы современного российского общества. – Ульяновск : ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство "Зебра"), 2025. – С. 85-125.
6. Лисовская, А. Ю. Основные подходы к пониманию благополучия сотрудника: от теории к практике / А. Ю. Лисовская, С. В. Кошелева, Д. Н. Соколов, А. Ф. Денисов // Организационная психология. – 2021. – Т. 11, № 1. – С. 93-112.
7. Коропец, О.А. Управление благополучием работников в социальной политике современных организаций / О.А. Коропец, А.С. Мельникова // Human Progress. - 2021. - Т.7. №3.
8. Цыбова, В. С. Социально ответственное управление человеческими ресурсами, благополучие сотрудников и инновационное рабочее поведение: концептуальная модель / В. С. Цыбова, Д. Г. Кучеров, А. Ю. Лисовская // Российский журнал менеджмента. - 2023. - Т. 21, № 4. - С. 514–533.
9. Литвинова, В. С. Государственная кадровая политика в сфере занятости / В. С. Литвинова, Л. В. Фомина, Г. Я. Вяткина // Наука: опыт, проблемы, перспективы развития : Материалы международной научно-практической конференции, Красноярск, 09–11 апреля 2025 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2025. – С. 99-103.
10. Факторы благополучия работников эпохи цифровизации: эмпирические исследования: монография / коллектив авторов; под редакцией А. Э. Федоровой, З. Дворжаковой, О. А. Коропец - [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/106549/1/978-80-88327-11-0_2021.pdf

УДК 338.5

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАВИСИМОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕН НА ЗЕРНО ОТ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ (НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

Габараев Дмитрий Дмитриевич¹, аспирант

Озерова Мария Георгиевна², доктор экономических наук, профессор

^{1,2} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

¹ gabaraev_dmitry@mail.ru ² ozerova_m71@mail.ru

Аннотация. В статье проведен корреляционный анализ влияния внешних и внутренних факторов на цены зерна в Красноярском крае. Выявлена сильная связь с общероссийскими ценами, умеренная – с мировыми фьючерсами. Определены ключевые внутренние детерминанты ценообразования.

Ключевые слова: цены на зерно, корреляционный анализ, Красноярский край, факторы ценообразования, лаговые зависимости

STATISTICAL ANALYSIS OF THE DEPENDENCE OF REGIONAL GRAIN PRICES ON EXTERNAL FACTORS (BASED ON THE MATERIALS OF THE KRASNOYARSK REGION)

Gabaraev Dmitry Dmitrievich¹, Postgraduate Student

Ozerova M. G.², Doctor of Economic Sciences, Professor

^{1,2} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

¹ gabaraev_dmitry@mail.ru ² ozerova_m71@mail.ru

Abstract. The article provides a correlation analysis of the influence of external and internal factors on grain prices in the Krasnoyarsk Territory. A strong correlation with national prices and a moderate correlation with global futures have been identified. The key internal determinants of pricing have been determined.

Keywords: grain prices, correlation analysis, Krasnoyarsk Region, pricing factors, lag dependencies

Введение. Зерновой подкомплекс занимает важное место в сельском хозяйстве Красноярского края [1, 2]. Цена на зерновом рынке выполняет фундаментальную роль основного координатора и информационного сигнала [3], уравнивая спрос и предложение в условиях их постоянной динамики [4]. Ключевыми стоимостными факторами, определяющими долгосрочное предложение и формирующими нижний ценовой порог, выступают: стоимость ресурсов производства [5], принятые технологии производства и нормы расхода ресурсов [6], эффективность инфраструктуры зернового рынка [7], транзакционные издержки [8]. Несмотря на значительное количество исследований общероссийского уровня, региональная специфика ценообразования на зерно, особенно в восточных регионах страны, остается недостаточно изученной. Данная статья направлена на выявление количественных закономерностей влияния внешних (общероссийские и мировые биржевые цены) и внутренних (ресурсы, запасы, урожайность, издержки) факторов на цены производителей зерна в Красноярском крае.

Методы и материалы исследования. В работе использован метод корреляционного анализа по шкале Чеддока для оценки тесноты связи между динамикой региональных цен и различными факторами: внешние цены, посевные площади, переходящие запасы и ресурсы зерна. Проверялись нулевые гипотезы об отсутствии связи с лагами от 0 до 3 месяцев. Для анализа применялись данные Росстата (ЕМИСС) за 2017-2024 гг. (помесячные и годовые

ряды). Обработка данных выполнена в табличном процессоре.

Результаты. Для оценки степени связи ценовой динамики на внутреннем рынке зерна с различными факторами ценообразования использовался корреляционный анализ. Ниже представлены результаты проверки гипотез, получивших эмпирическое подтверждение.

Гипотеза 1. Наличие связи между изменением внебиржевых цен на зерно в РФ и ежемесячных цен от производителей в Красноярском крае.

Корреляционная матрица представлена в табл. 1.

Таблица 1 – Парные коэффициенты корреляции между региональными ценами с различной длиной лага и российской внебиржевой ценой (2019-2024 гг.)

Цена в регионе: зависимая переменная	Цена в РФ: независимая переменная (2019-2024)
Цена в регионе (лаг=0)	0,74
Цена в регионе (лаг=1 месяц)	0,75
Цена в регионе (лаг=2 месяца)	0,72
Цена в регионе (лаг=3 месяца)	0,64

Источник: рассчитано автором по данным ЕМИСС

По массиву данных 2019-2024 гг. корреляция между ценами в Красноярском крае и РФ высокая (выше 0,7) и сохраняется на несколько периодов. Наиболее сильная связь – с лагом в один месяц (0,75). Нулевая гипотеза отвергается: влияние внебиржевых цен РФ следует считать одним из основных факторов регионального ценообразования.

Гипотеза 2. Наличие связи между изменением мировых биржевых цен на зерно (фьючерсы ЧТБ) и ценами в Красноярском крае.

Таблица 2 – Парные коэффициенты корреляции с фьючерсными ценами ЧТБ (2020-2024 гг.)

Цена в регионе	Коэффициент корреляции
лаг=0	0,51
лаг=1 месяц	0,44
лаг=2 месяца	0,38
лаг=3 месяца	0,28

Источник: рассчитано автором по данным ЕМИСС

Выявлена умеренная корреляция, наиболее заметная в 2020-2021 гг. (до 0,88 с лагом 3 месяца). Нулевая гипотеза отвергается: влияние мировых биржевых цен следует учитывать как дополнительный фактор.

Гипотеза 3. Влияние биржевых цен НТБ признано незначительным (корреляция заметна только в отдельные годы, например 2022 г. – 0,84 с лагом 3 месяца), поэтому данный фактор рекомендуется использовать опосредованно.

Гипотеза 4. Зависимость цены на зерно от совокупных ресурсов зерна в регионе.

Таблица 3 – Ресурсы зерна и средние цены (2017-2023 гг.)

Год	Ресурсы, тыс. т	Цена на зерновые, руб./т	Цена на пшеницу
2017	4039,4	7891	8202
2018	4051,9	7196	7353
2019	4087,8	8782	9088
2020	4619,7	10709	11300
2021	4537,4	12684	12963
2022	4943,5	13395	13596
2023	4775,8	9699	10175

Парный коэффициент корреляции между ресурсами и ценами на зерновые составил 0,825 (с пшеницей – 0,841). Связь прямая: рост ресурсов сопровождается ростом цен, что

объясняется внешним спросом на зерно Красноярского края.

Гипотеза 5. Зависимость цены от запасов зерна. Заметная прямая связь прослеживается с запасами на конец года для ячменя и овса (коэффициенты 0,58–0,59). Запасы влияют на цену опосредованно.

Гипотеза 6. Влияние урожайности и валовых сборов на цены в 4-м и 1-м кварталах. Связь между урожайностью пшеницы и ценой в 4-м квартале -0,89, в 1-м квартале следующего года – 0,91. Валовой сбор коррелирует слабее (0,64-0,69). Урожайность является сильным предиктором цены.

Гипотеза 7. Влияние посевных площадей. Связь обратная, умеренная (коэффициенты от -0,38 до -0,48), сильнее проявляется в летние месяцы.

Гипотеза 8. Корреляция с индексами цен на промышленную продукцию. Выявлена очень сильная связь (0,-0,95) с ценами на услуги по защите растений, тракторы, плуги, зерноуборочные комбайны, строительные материалы. С дизельным топливом корреляция отрицательная, что требует дополнительного изучения.

Заключение. Проведенный статистический анализ подтвердил значимое влияние как внешних (общероссийские внебиржевые цены, мировые фьючерсы), так и внутренних (ресурсы, урожайность, технологические издержки) факторов на цены зерна в Красноярском крае. Региональный ценовой механизм сильно интегрирован в общероссийский рынок, но имеет собственную специфику, выражающуюся в прямом влиянии ресурсов зерна и урожайности при высокой доле затрат в структуре цены (свыше 90%). Статья предназначена для специалистов региональных органов управления АПК, аналитиков зернового рынка и исследователей аграрной экономики.

Список литературы

1. Озерова М. Г., Пыжикова Н. И., Шорохов Л. Н. Формирование приоритетных направлений государственной поддержки АПК Красноярского края // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2023. – №. 4. – С. 134-140.
2. Паршуков Д. В. Состояние, тенденции и перспективы развития внутреннего рынка зерна в Красноярском крае // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2023. – №. 2 (28). – С. 3-15.
3. Карашук О. С., Больдясов А. И. Исследование взаимосвязи внутренних и мировых цен на пшеницу в странах ЕС и в России // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – №. 6 (488). – С. 157-171.
4. Жидков С. А., Кузичева Н. Ю. Методологические основы устойчивого развития рынка зерна // Совет научных редакторов. – 2021. – Т. 3. – №. 66. – С. 2021149.
5. Паршуков Д. В. Анализ влияния динамики цены дизельного топлива на себестоимость сельскохозяйственной продукции (на материалах Красноярского края) // Управленческий учет. – 2023. – №. 12. – С. 206-213.
6. Зюкин Д. А. и др. Снижение технической оснащенности как угроза роста потерь и снижения эффективности в зерновом подкомплексе АПК // Вестник НГИЭИ. – 2024. – №. 8 (159). – С. 84-95.
7. Смирнов В. В., Шамров К. Н. Конкурентные преимущества транспортной логистики регионального зернового рынка // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – №. 110. – С. 801-813.
8. Быков А. А. Методика оценки транзакционных издержек в зерновом подкомплексе // Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. – 2017. – Т. 47. – №. 1. – С. 103-108.

УДК 37.014

РАЗВИТИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ФОРМЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Елистратова Полина Николаевна¹, студент

Печенкина Вера Викторовна², доктор экономических наук, доцент, профессор

^{1,2} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

¹ dou16@mailkrsk.ru ² pechenkina_v@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к развитию стратегического партнерства в системе образования. Обосновывается, что устойчивое развитие образовательных организаций требует долгосрочных связей с работодателями, научными организациями, органами власти и институтами развития. Стратегическое партнерство становится ключевым механизмом повышения качества образования, обновления содержания программ и обеспечения практико-ориентированной подготовки. Проанализированы основные формы партнерства: сетевая форма реализации образовательных программ, практическая подготовка, целевое обучение, образовательно-производственные кластеры, консорциумы университетов, передовые инженерные школы, государственно-частное партнерство. Выявлены проблемы (формализация, несогласованность интересов, дефицит механизмов совместного управления) и предложены направления совершенствования партнерских моделей.

Ключевые слова: стратегическое партнерство, система образования, сетевое взаимодействие, работодатели, образовательные кластеры, целевое обучение, практическая подготовка, консорциумы, передовые инженерные школы, государственно-частное партнерство

DEVELOPMENT OF STRATEGIC PARTNERSHIP IN THE EDUCATION SYSTEM: FORMS, PROBLEMS, PROSPECTS

Elistratova Polina Nikolaevna¹, student

Pechenkina Vera Viktorovna², Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor

^{1,2} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

¹ dou16@mailkrsk.ru ² pechenkina_v@mail.ru

Abstract. The article examines modern approaches to the development of strategic partnership in the education system. It is substantiated that in the context of accelerating technological, economic and social changes, the sustainable development of educational organizations can no longer be ensured only by internal resources, but requires long-term ties with employers, scientific organizations, public authorities, development institutions and public associations. It is shown that strategic partnership is becoming a key mechanism for improving the quality of education, updating the content of programs, ensuring practice-oriented training of students, developing human resources and strengthening the connection between education and the needs of the state, regions and employers. The main forms of strategic partnership that have developed in the Russian educational system are analyzed: the network form of educational programs implementation, practical training and targeted training, educational and educational-industrial clusters, university consortia, advanced engineering schools, public-private partnership in educational infrastructure, as well as inter-level and intersectoral interaction. Special attention is paid to identifying the problems hindering the development of partnership models: formalization of cooperation, inconsistency of interests of participants, lack of sustainable mechanisms for joint management, personnel and organizational constraints. Based on the analysis, directions for improving strategic partnership in the education system are proposed, focused on the transition from one-time agreements to long-term models of cooperation with distribution of responsibility, resources and results.

Keywords: strategic partnership, education system, network interaction, employers, educational clusters, targeted training, practical training, consortia, advanced engineering schools, public-private partnership

Современное развитие стратегического партнерства опирается на сформированную нормативную базу. Федеральный закон № 273-ФЗ [1] закрепляет сетевую форму реализации образовательных программ, порядок которой регулируется приказом № 882/391 [2]. Практическая подготовка обучающихся установлена приказом № 885/390 [3], что превращает участие работодателей в образовательном процессе в нормативно закреплённый элемент. Целевое обучение (ст. 56 № 273-ФЗ) дополнено постановлением Правительства РФ № 555 [4] и цифровой платформой «Работа России» [5], что обеспечивает прозрачность формирования квот и согласование заявок.

На уровне государственных инициатив программа «Приоритет» ориентирована на вклад университетов в развитие регионов: запущено 1600 сетевых программ, создано более 420 консорциумов, заключено свыше 6 тыс. договоров с промышленными партнерами [6]. В среднем профессиональном образовании проект «Профессионалитет» объединяет колледжи и работодателей: на начало 2026 года функционируют 506 кластеров в 86 субъектах [7]. Проект передовых инженерных школ предполагает создание к 2030 году 100 школ в партнерстве с высокотехнологичными компаниями; в 2025 году они привлекли более 51 млрд руб. [8]. Развитие партнерства возможно также через механизмы ГЧП (Федеральный закон № 224-ФЗ [9]), что особенно важно для модернизации инфраструктуры.

Наряду с содержательными формами сотрудничества важную роль играет инфраструктурное партнерство. Образовательная организация не может обеспечивать современное качество подготовки без развитой материально-технической базы: лабораторий, мастерских, кампусов, цифровой среды, инженерных площадок, центров коллективного пользования. Поэтому стратегическое партнерство в образовании должно охватывать не только содержание программ, но и инфраструктуру. Правовую основу для подобных проектов создает Федеральный закон № 224-ФЗ о государственно-частном и муниципально-частном партнерстве [10], целью которого является создание правовых условий для привлечения инвестиций. Для образования это открывает возможности реализации проектов по строительству и модернизации объектов, созданию цифровых платформ, лабораторных комплексов, общежитий, технопарков, центров дополнительного образования и иных объектов, необходимых для современной подготовки кадров. Развитие инфраструктурного партнерства особенно важно для регионов, где бюджетные ресурсы ограничены, а потребность в модернизации образовательной среды высока. В этом случае частный партнер может выступать не только инвестором, но и носителем компетенций в проектировании, эксплуатации, цифровизации и технологическом обновлении образовательной инфраструктуры.

Среди конкретных форм стратегического партнерства особое место занимает сетевая форма реализации образовательных программ, позволяющая использовать ресурсы нескольких организаций для достижения более высокого качества подготовки. Она открывает возможности для совместной реализации дисциплин, практик и проектных заданий, формируя новую управленческую логику, где образовательный результат становится общим продуктом участников. Практическая подготовка обучающихся, в свою очередь, превращает работодателя из внешнего наблюдателя в участника образовательного процесса: наиболее зрелые формы предполагают участие в проектировании компетентностной модели выпускника, наставничестве, оценке качества. В проекте «Профессионалитет» работодатели вовлечены в управление колледжами и разработку программ.

Целевое обучение представляет собой устойчивую форму партнерства, построенную на долгосрочных обязательствах сторон. Цифровая платформа «Работа России» обеспечивает прозрачность формирования квот и согласования заявок, что усиливает связь подготовки кадров с потребностями отраслей и территорий. Кластерная модель (проект «Профессионалитет») создает единое пространство подготовки кадров, объединяя колледжи, работодателей и органы власти; она позволяет быстрее обновлять программы,

концентрировать оборудование и становится частью региональной кадровой политики.

В высшем образовании консорциумы университетов, научных организаций и промышленных партнеров (программа «Приоритет») объединяют различные компетенции для совместных исследовательских и образовательных проектов. Консорциумы позволяют выходить за рамки организационных границ, создавать исследовательские центры и развивать междисциплинарные программы. Передовые инженерные школы соединяют образование, науку и высокотехнологичный бизнес, выступая примером наиболее продвинутой партнерской модели, ориентированной на формирование будущих технологий и кадров. Инфраструктурное партнерство на основе ГЧП позволяет привлекать инвестиции в создание лабораторий, кампусов и цифровой среды, что особенно важно для регионов с ограниченными бюджетными ресурсами.

Несмотря на заметный прогресс, развитие стратегического партнерства сталкивается с рядом проблем. Первая – формализация сотрудничества, когда соглашения не влияют на содержание подготовки. Вторая – различие интересов участников: образовательные организации ориентированы на долгосрочное развитие, работодатели – на быстрые прикладные результаты, органы власти – на программные показатели. Третья – недостаточная зрелость механизмов совместного управления: партнерство часто держится на личных договоренностях. Четвертая – кадровые ограничения: недостаток специалистов, способных работать на стыке образования, управления проектами и взаимодействия с внешними контрагентами. Пятая – слабая система оценки результатов, что превращает партнерство в формальность. Существует и системная проблема: необходим переход от расширения числа участников к повышению качества партнерских отношений.

На основе систематизации данных аргументов разработана матрица рисков проекта «Развитие форм стратегического партнерства в системе образования» (таблица 1). Матрица позволяет визуализировать вероятные угрозы и степень их влияния на успешность реализации партнерских моделей в региональном контексте (на примере Красноярского края).

Таблица 1 – Матрица рисков проекта «Развитие форм стратегического партнерства в системе образования Красноярского края

	Крайне небольшое	Небольшое	Умеренное	Значительное	Существенное
Очень вероятно	Рассогласовани е в сроках утверждения совместных планов	Недостаточная коммуникация между координаторами от разных партнёров	Формальный характер участия некоторых партнёров без реальной вовлечённости	Отсутствие единой нормативной базы для взаимодействия	Смена руководства в ключевых организациях- партнёрах
Вероятно	Дублирование функций между партнёрами	Неравномерная активность партнёров в муниципалитет ах	Конфликт интересов между бизнесом и образовательным и организациями	Неготовность работодателей участвовать в разработке образовательных программ	Невыполнение показателей эффективности партнёрства (KPI)
Возможно	Изменение порядка бюджетного финансировани я на региональном уровне	Рост бюрократическ ой нагрузки на участников из-за межведомствен ной отчётности	Снижение мотивации педагогов к участию в совместных проектах	Отток квалифицированн ых кадров из системы образования края	Отказ ключевого инвестора (крупного предприятия) от долгосрочных обязательств

Маловероятно	Сезонные ограничения для выездных мероприятий в северные территории	Кадровые перестановки в министерстве образования Красноярского края	Судебные споры по договорам о совместной деятельности	Снижение престижа рабочих профессий в регионе	Утрата инфраструктуры для практической подготовки (базовых кафедр, полигонов)
Крайне маловероятно	Изменчивость общественного мнения в отдельных школах	Временные технические сбои в единой цифровой платформе партнёрства	Несанкционированное использование бренда партнёрства	Выход из партнёрства всех крупных промышленных предприятий одновременно	Техногенная катастрофа, блокирующая деятельность нескольких ключевых партнёров

Развитие стратегического партнерства должно идти по нескольким ключевым направлениям. Прежде всего необходим переход от модели разовых соглашений к устойчивым партнерским экосистемам, где сотрудничество выстраивается вокруг долгосрочной повестки (подготовка кадров, технологическое развитие, решение социальных задач). Следующее направление – углубление совместного проектирования образовательных программ с участием работодателей на ранних стадиях (определение компетенций, модульная структура, практические задачи). Также важно развитие многоуровневого партнерства по вертикали «школа – колледж – вуз – предприятие – научная организация – органы власти», позволяющее выстраивать непрерывные образовательные маршруты.

Необходимо развивать цифровую инфраструктуру партнерства (мониторинг проектов, учет потребностей работодателей, анализ трудоустройства) по аналогии с платформой «Работа России». Требуется формирование кадровых компетенций внутри образовательных организаций – подготовка руководителей программ, проектных менеджеров, способных работать в логике кооперации. Важно закреплять партнерство через совместные показатели эффективности: для колледжей – доля студентов на современных площадках, трудоустройство выпускников; для вузов – количество сетевых программ, объем совместных НИОКР. Наконец, развитие партнерства должно быть территориально чувствительным, учитывая особенности аграрных, промышленных и удаленных регионов.

В ближайшие годы наиболее перспективной станет экосистемная модель стратегического партнерства, где образовательная организация становится частью более широкой системы: школа обеспечивает профориентацию, колледж/вуз – профессиональные компетенции, работодатели – площадки и наставников, наука – инновации, органы власти – условия и координацию. Такая модель позволяет соединить образование, занятость, науку и территориальное развитие в единую систему, что уже реализуется в проектах «Профессионалитет», «Приоритет» и передовых инженерных школах. Экосистема требует проектирования: необходим общий стратегический документ, согласованные интересы участников, проектный офис, устойчивое финансирование и регулярная обратная связь.

Таким образом, стратегическое партнерство выступает ключевым условием качественного обновления образования. В российской системе сформирован институциональный фундамент: законодательство, федеральные проекты, кластеры и консорциумы. Однако сохраняются проблемы формализации, несогласованности интересов и дефицита механизмов совместного управления. Дальнейшее развитие должно быть направлено на повышение качества кооперации и реальной результативности. Наибольшую эффективность будут иметь экосистемные модели, обеспечивающие переход к устойчивому совместному развитию образования, науки, экономики и общества.

Список литературы

1. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 08.03.2026). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 30.03.2026).
 2. Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ: приказ Минобрнауки России и Минпросвещения России от 05.08.2020 № 882/391 (ред. от 22.02.2023). – URL: <https://docs.cntd.ru/document/565696194> (дата обращения 30.03.2026).
 3. О практической подготовке обучающихся: приказ Минобрнауки России и Минпросвещения России от 05.08.2020 № 885/390 (ред. от 19.11.2020). – URL: <https://docs.cntd.ru/document/565697405> (дата обращения 30.03.2026).
 4. О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования: постановление Правительства РФ от 27.04.2024 № 55 (ред. от 07.04.2025). – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1305814207>.
 5. Целевая кадровая потребность // Работа России. – URL: <https://trudvsem.ru/information-pages/target-education-demand> (дата обращения 30.03.2026).
 6. С упором на практику: как «Профессионалитет» развивается в новых регионах / Национальные проекты России. – URL: <https://национальныепроекты.рф/news/s-uporom-na-praktiku-kak-professionalitet-razvivaetsya-v-novykh-regionakh/> (дата обращения 30.03.2026).
 7. Институт развития профессионального образования (ФИРПО). – URL: <https://firpo.ru/> (дата обращения 30.03.2026).
 8. Приоритет — курс на технологическое лидерство. Официальный портал. – URL: <https://priority2030.ru/> (дата обращения 30.03.2026).
 9. Передовые инженерные школы в 2025 году привлекли свыше 51 млрд рублей на поддержку программ развития и разработки в интересах бизнеса // Минобрнауки России. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/99425/> (дата обращения 30.03.2026).
- О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ (ред. от 28.12.2025). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (дата обращения 30.03.2026).

УДК 332.1:316.42(470.61)

СЦЕНАРНЫЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Еремеев Сергей Дмитриевич¹, аспирант

Шевченко Мария Николаевна², доктор экономических наук, профессор

^{1,2} Луганский государственный аграрный университет им. К.Е. Ворошилова, Луганск, Россия

¹ eremeev_96@mail.ru ² mmshevchenko3@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается влияние жилищной политики на закрепление человеческого капитала на сельских территориях ЛНР. На основе анализа программ комплексного развития выявлены ключевые механизмы поддержки: социальные выплаты и наем жилья с выкупом. Установлено, что пилообразная структура финансирования (рост в 2026–2027 гг. и спад с 2028 г.) создает риски незавершенных проектов. Методом сценарного моделирования построены прогнозы изменения человеческого капитала. Обосновано, что при текущей структуре финансирования достижение целевого показателя доли сельского населения к 2031 году маловероятно. Предложены рекомендации по минимизации рисков.

Ключевые слова: человеческий капитал, сельские территории, жилищная политика, социальные выплаты, наймное жилье, сценарное моделирование, Луганская Народная Республика, синдром 2028 года, демографические риски, проектное управление

SCENARIO ANALYSIS OF THE IMPACT OF HOUSING POLICY ON HUMAN CAPITAL IN RURAL AREAS (CASE STUDY OF THE LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC)

Eremeev Sergey Dmitrievich¹, Postgraduate Student

Shevchenko Maria Nikolaevna², Doctor of Economic Sciences, Professor

^{1,2} Lugansk State Agrarian University named after K.E. Voroshilov, Lugansk, Russia

¹ eremeev_96@mail.ru ² mmshevchenko3@gmail.com

Abstract. The article examines the impact of housing policy on the retention of human capital in rural areas of the Lugansk People's Republic. Based on an analysis of comprehensive rural development programs, key support mechanisms are identified: social benefits for housing purchase and rental housing with subsequent buyout. It is established that the sawtooth pattern of funding (increase in 2026–2027 and decline from 2028) creates risks of unfinished projects. Using scenario modeling, forecasts of changes in human capital are constructed. It is substantiated that, under the current funding structure, achieving the target share of rural population by 2031 is unlikely. Recommendations for risk minimization are proposed.

Keywords: human capital, rural areas, housing policy, social benefits, rental housing, scenario modeling, Lugansk People's Republic, 2028 syndrome, demographic risks, project management

Введение. Сохранение и развитие человеческого капитала на сельских территориях является одной из приоритетных национальных целей Российской Федерации, закрепленных в Указе Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 [1]. Для Луганской Народной Республики (ЛНР), вошедшей в состав Российской Федерации в 2022 году, эта задача приобретает особую остроту. Согласно оперативным данным, численность сельского населения региона составляет 489,15 тыс. человек (30,6% от общей численности), при этом наблюдается устойчивая тенденция к депопуляции, старению населения и миграционному оттоку трудоспособных граждан в города [2].

Основным инструментом государственной политики в данной сфере выступает государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий», утвержденная постановлением Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696 [3], а также ее региональная адаптация – государственная программа ЛНР «Комплексное развитие сельских территорий Луганской Народной Республики» [4; 5]. Ключевым механизмом закрепления квалифицированных специалистов (медиков, педагогов, аграриев) на селе являются инструменты жилищной поддержки: социальные выплаты на строительство (приобретение) жилья и предоставление жилья по договору найма с правом последующего выкупа.

Однако анализ структуры финансирования региональной программы выявляет существенную проблему: объемы бюджетных ассигнований имеют ярко выраженный «пилообразный» характер – высокие значения в 2026–2027 гг. (свыше 510 млн. руб. ежегодно) и резкое сокращение с 2028 г. (до 117 млн. руб.) [5]. В научный оборот вводится понятие «синдром 2028 года», обозначающее совокупность рисков, связанных с временным разрывом между пиком финансирования и фактическим вводом объектов, а также с отсутствием ресурсов для новых проектов в среднесрочной перспективе.

Цель настоящего исследования – оценить потенциальное влияние инструментов жилищной политики на закрепление человеческого капитала на сельских территориях ЛНР с учетом временной структуры финансирования и разработать прогнозные сценарии демографической динамики.

Методы и материалы. Исследование базируется на системном анализе нормативно-правовых документов: постановления Правительства РФ № 696 (в актуальной редакции с изменениями до 25.11.2025) [3], постановлений Правительства ЛНР № 212/25 от 14.10.2025 [4] и № 16/26 от 02.02.2026 [5], а также приложений к ним, регламентирующих механизмы предоставления субсидий. В работе использованы методы формально-юридического анализа, сравнительного анализа, сценарного моделирования и прогнозирования.

Основой для построения сценариев послужили данные о финансовом обеспечении жилищных мероприятий, содержащиеся в паспорте регионального проекта «Развитие отдельных территорий (Луганская Народная Республика)» [5], а также целевые показатели доли сельского населения (базовое значение 30,6% в 2024 г., плановое – 34,5% к 2031 г.) [4].

Результаты исследования. Федеральная программа предусматривает два основных механизма жилищной поддержки специалистов на селе. Социальные выплаты (приложение № 1 к правилам предоставления субсидий) представляют собой безвозмездные субсидии на строительство или приобретение жилья. Условиями предоставления являются: работа в сфере агропромышленного комплекса или социальной сфере не менее 1 года, признание нуждающимся в улучшении жилищных условий, наличие собственных или заемных средств в размере не менее 30% расчетной стоимости жилья. Получатель обязуется отработать на сельской территории не менее 5 лет после получения выплаты [3].

Наймное жилье с правом выкупа (приложение № 2) реализуется через строительство или приобретение жилых помещений за счет консолидированных средств федерального, регионального, местного бюджетов и обязательного вклада работодателя (не менее 20–30% в зависимости от типа проекта). Жилье предоставляется гражданам по договору найма на срок от 5 до 10 лет, после чего они вправе выкупить его по цене, не превышающей 10% расчетной стоимости (по истечении 10 лет – 1%) [3].

Сравнительная характеристика инструментов представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика инструментов жилищной политики на сельских территориях

Критерий	Социальные выплаты	Наймное жилье с правом выкупа
Форма поддержки	Единовременная безвозмездная выплата	Предоставление жилья с отсроченным выкупом

Обязательства получателя	Отработать 5 лет	Отработать 5–10 лет, затем выкупить
Доля собственных/заемных средств	Не менее 30% расчетной стоимости	Не требуется (взнос работодателя 20–30%)
Риски для бюджета	Высокий разовый расход	Распределенный во времени расход
Социальная направленность	Универсальная (все категории)	Приоритет для специалистов, привлекаемых работодателем

Источник: составлено автором по данным [3]

Анализируя данные таблицы 1, можно отметить, что два рассматриваемых инструмента имеют принципиально различную структуру обязательств как для получателя, так и для бюджета. Социальные выплаты характеризуются единовременным характером поддержки, что создает высокий разовый расход бюджетных средств, однако требуют от получателя наличия собственных или заемных средств в размере не менее 30% расчетной стоимости жилья. В свою очередь, механизм наймного жилья с правом выкупа не требует от гражданина первоначального капитала, поскольку обязательный взнос в размере 20–30% обеспечивается работодателем, что существенно снижает входной барьер для специалистов. При этом бюджетная нагрузка при использовании наймного жилья распределена во времени, что снижает риски кассовых разрывов. С точки зрения социальной направленности социальные выплаты носят универсальный характер и доступны широкому кругу граждан, тогда как наймное жилье ориентировано преимущественно на специалистов, привлекаемых конкретными работодателями, что позволяет более адресно решать кадровые проблемы.

Анализ финансового обеспечения региональной программы ЛНР выявил существенную неравномерность распределения бюджетных средств (таблица 2).

Таблица 2 – Финансовое обеспечение регионального проекта «Развитие отдельных территорий (Луганская Народная Республика)», тыс. руб.

Год	Всего	Федеральный бюджет	Региональный бюджет	Местный бюджет	Внебюджетные источники
2026	510 152,07	500 000,00	5 050,53	5 101,55	0,00
2027	510 152,03	500 000,00	5 050,51	5 101,52	0,00
2028	510 152,03	500 000,00	5 050,51	5 101,52	0,00
2029	117 187,32	111 510,00	1 126,36	1 137,74	3 413,22
2030	117 187,32	111 510,00	1 126,36	1 137,74	3 413,22
Итого	1 764 830,77	1 723 020,00	17 404,26	17 580,07	6 826,44

Источник: составлено автором по данным [4]

Из представленной таблицы 2 можно сделать ряд важных наблюдений. Во-первых, общий объем финансирования в 2026–2028 годах составляет более 510 млн. рублей ежегодно, что в четыре раза превышает показатели 2029–2030 годов, где запланировано лишь 117 млн. рублей в год. Таким образом, после 2028 года происходит резкое четырехкратное сокращение общего объема средств. Во-вторых, основным источником финансирования выступает федеральный бюджет, доля которого в общем объеме составляет 97,6% (1 723,02 млн. руб. из 1 764,83 млн. руб.). В-третьих, внебюджетные источники появляются только в 2029–2030 годах и составляют незначительную долю – всего 3,4 млн. рублей в год, что не может компенсировать сокращение бюджетного финансирования. В-четвертых, финансирование строительства жилых объектов (например, малоэтажных жилых комплексов в Старобельском и Свердловском округах, запланированное на 2026–2027 годы) требует длительного цикла реализации – от 2 до 3 лет. Это означает, что объекты, начатые в 2026–2027 годах, будут вводиться в эксплуатацию в 2029–2030 годах, когда финансирование новых проектов уже отсутствует.

Временная структура финансирования порождает следующие риски:

1. Риск незавершенных проектов: при задержках строительства объекты могут остаться недостроенными.

2. Риск «выпадения» новых проектов: отсутствие финансирования после 2028 г. делает невозможным начало новых жилищных проектов, даже если потребность в специалистах сохранится.

3. Риск невыполнения обязательств перед получателями: незавершенное строительство приводит к оттоку специалистов, привлеченных под обещание предоставления жилья.

4. Риск недостижения демографических целей: целевой показатель доли сельского населения (34,5%) планируется достичь к 2031 г., однако основной эффект от жилищных проектов проявится лишь после их ввода, а новых проектов не предусмотрено.

На основании анализа структуры финансирования и планируемых жилищных проектов построены три сценария развития человеческого капитала на сельских территориях ЛНР.

Оптимистичный сценарий. Условия: все запланированные жилищные проекты 2026–2028 гг. реализованы в полном объеме и в срок; объекты введены в эксплуатацию до конца 2028 г.; специалисты, получившие жилье, отрабатывают положенные 5–10 лет; в 2029–2030 гг. удастся привлечь дополнительные внебюджетные средства или использовать механизмы инфраструктурных бюджетных кредитов для продолжения жилищного строительства. Результат для человеческого капитала: закрепление 25–30 семей специалистов на сельских территориях; мультипликативный эффект в виде создания новых рабочих мест; достижение целевого показателя доли сельского населения (34,5%) к 2031 г.; формирование устойчивых «точек притяжения» в опорных населенных пунктах.

Реалистичный сценарий. Условия: жилищные проекты 2026–2028 гг. реализованы, но с задержками (ввод в 2029–2030 гг.); после 2028 г. новое строительство жилья не осуществляется из-за отсутствия федерального финансирования; часть специалистов, привлеченных под жилье, уезжает из-за задержек ввода объектов. Результат для человеческого капитала: закрепление 10–15 семей (часть уехала); достижение целевого показателя 34,5% под вопросом – рост доли сельского населения может быть обеспечен только за счет естественного прироста или снижения смертности; сохранение дефицита кадров в социальной сфере; формирование «инфраструктурного разрыва» – построены сети, но жилье для специалистов отсутствует.

Пессимистичный сценарий. Условия: жилищные проекты 2026–2028 гг. не реализованы (срыв сроков, невыполнение контрактов, проблемы с земельными участками, отсутствие внебюджетного софинансирования); после 2028 г. финансирование отсутствует; специалисты, привлеченные под обещание жилья, уезжают. Результат для человеческого капитала: усиление оттока квалифицированных кадров; доля сельского населения снижается или остается на уровне 30,6% (без роста); утрата доверия к программным механизмам; закрепление негативного имиджа сельских территорий.

Обсуждение. Проведенный анализ выявляет ряд системных противоречий между декларируемыми целями программных документов и фактическими механизмами их реализации.

Во-первых, наблюдается разрыв между сроками ввода жилья и сроками закрепления специалистов. Даже при успешной реализации проектов в 2026–2028 гг., ввод жилья произойдет в 2028–2030 гг., а обязательная отработка (5 лет) завершится в 2033–2035 гг. – за пределами планового периода программы. Это ставит под сомнение возможность оценки эффективности вложений в рамках текущего программного цикла.

Во-вторых, имеет место временной лаг между «пиком» финансирования и фактическим получением жилья специалистами. Пик финансирования жилищных проектов приходится на 2026–2028 гг., однако строительство объектов требует 2–3 лет, поэтому специалисты смогут получить жилье не ранее 2028–2030 гг. Таким образом, результат от бюджетных вложений будет достигнут со значительным отставанием от сроков освоения средств, что снижает оперативность решения кадровых проблем на селе.

В-третьих, жилищный фактор является необходимым, но недостаточным условием закрепления человеческого капитала. Предоставление жилья специалисту не гарантирует его

долгосрочного закрепления, если в населенном пункте отсутствуют рабочие места для членов семьи, нет перспектив карьерного роста или уровень заработной платы остается низким [6; 7].

В-четвертых, выявляется разрыв между федеральными требованиями к внебюджетному софинансированию и региональными возможностями. Требование привлечения внебюджетных средств в размере 20–30% для проектов наймного жилья в ЛНР, где частный бизнес на селе развит слабо, может оказаться непреодолимым барьером.

Выводы и рекомендации. Инструменты жилищной политики (социальные выплаты и наймное жилье с правом выкупа) являются важнейшими механизмами закрепления человеческого капитала на сельских территориях. Их эффективность определяется не только объемом финансирования, но и временной структурой его распределения. Выявленный «синдром 2028 года» – резкое сокращение финансирования после 2028 года – создает риски незавершенных проектов, не позволяет начать новые жилищные проекты и ставит под сомнение достижение целевого показателя доли сельского населения в 34,5% к 2031 году. Сценарное моделирование показывает, что при реалистичном сценарии достижение целевого показателя представляется маловероятным без дополнительных мер поддержки. При пессимистичном сценарии возможна консервация негативных демографических тенденций.

На основе проведенного исследования предложены следующие рекомендации. Для органов государственной власти ЛНР: разработать механизм замещения выпадающего федерального финансирования после 2028 года за счет регионального бюджета, инфраструктурных бюджетных кредитов или механизмов государственно-частного партнерства; включить в региональную программу поэтапные планы ввода жилых объектов, увязанные с обязательствами перед специалистами; создать информационную базу потребности в специалистах по муниципальным образованиям для адресного планирования жилищных проектов. Для федеральных органов власти: рассмотреть возможность пролонгации финансирования жилищных проектов для новых регионов на период до 2030 года с учетом длительного цикла строительства; предусмотреть специальные условия по внебюджетному софинансированию для новых регионов (снижение доли обязательного привлечения внебюджетных средств с 20–30% до 10–15% на переходный период).

Список литературы

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 28.03.2026).
2. Об утверждении государственной программы Луганской Народной Республики «Комплексное развитие сельских территорий Луганской Народной Республики» : постановление Правительства ЛНР от 14.10.2025 № 212/25. – Луганск, 2025. – 49 с.
3. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 31.05.2019 № 696 (ред. от 25.11.2025). – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.03.2026).
4. О внесении изменений в постановление Правительства Луганской Народной Республики от 14.10.2025 № 212/25 : постановление Правительства ЛНР от 02.02.2026 № 16/26. – Луганск, 2026. – 26 с.
5. Об утверждении Порядка предоставления и распределения субсидий из бюджета Луганской Народной Республики бюджетам муниципальных образований Луганской Народной Республики на реализацию мероприятий по инфраструктурному обустройству сельских территорий : постановление Правительства ЛНР от 11.02.2025 № 16/25. – Луганск, 2025. – 15 с.
6. Бондаренко, Л. В. Состояние сельских территорий и законодательное обеспечение их развития / Л. В. Бондаренко. – DOI 10.33938/235-175. – Текст : непосредственный // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2023. – № 5. – (Экономика труда в АПК). – С. 175-195.
7. Ушачев, И. Г. Основные направления комплексного развития сельских территорий России / И. Г. Ушачев, Л. В. Бондаренко, В. С. Чекалин // Вестник Российской академии наук. – 2021. – Т. 91, № 4. – С. 316-325. – DOI 10.31857/S0869587321040113. – EDN UXXXUK.

УДК 338.43

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНУТРИХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЕРТИКАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В МОЛОЧНОМ СКОТОВОДСТВЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Ермакова Ирина Николаевна¹, кандидат экономических наук, доцент

Гаврилова Ольга Юрьевна², кандидат экономических наук

Шаропатова Анастасия Викторовна³, кандидат экономических наук, доцент

^{1,2,3} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

¹ irina2879@mail.ru ² gavriloла_.olga@mail.ru ³ sharopatova@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен анализ основных показателей экономической эффективности молочного скотоводства в сельскохозяйственных организациях Красноярского края, занимающихся собственной переработкой молока. Сделан вывод о более низком уровне их финансовой результативности по сравнению с предприятиями, не имеющими перерабатывающих цехов. Выявлены основные проблемы, связанные с реализацией региональными производителями стратегии внутрихозяйственной вертикальной интеграции. Предложены ключевые направления повышения экономической эффективности переработки молока в сельскохозяйственных организациях края.

Ключевые слова: эффективность, молочное скотоводство, внутрихозяйственная переработка молока, вертикальная интеграция, сельскохозяйственные организации

ANALYSIS OF THE EFFECTIVENESS OF INTRA-FARM VERTICAL INTEGRATION IN DAIRY CATTLE-FARMING IN THE KRASNOYARSK REGION

Yermakova Irina Nikolaevna¹, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Gavrilova Olga Yurievna², Candidate of Economic Sciences

Sharopatova Anastasia Viktorovna³, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

^{1,2,3} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

¹ irina2879@mail.ru ² gavriloла_.olga@mail.ru ³ sharopatova@yandex.ru

Abstract. This article presents an analysis of the key economic performance indicators of dairy farming at agricultural organizations in Krasnoyarsk Region engaged in their own milk processing. It concludes that their financial performance is lower than that of enterprises without processing facilities. The key challenges associated with the implementation of intra-farm vertical integration strategies by regional producers are identified. Key areas for improving the economic efficiency of milk processing at agricultural organizations in the region are proposed.

Keywords: efficiency, dairy farming, on-farm milk processing, vertical integration, agricultural organizations

Молочное скотоводство является одной из основных отраслей аграрного сектора Красноярского края. По данным Министерства сельского хозяйства региона в 2024г производством молока занимались 50 сельскохозяйственных организаций и 89 крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей, общий валовой надой молока в которых составил 534,9 тыс. тонн, в личных подсобных хозяйствах населения было произведено 67,1 тыс. тонн, что в совокупности позволило региону занять 21 место по производству молока в России среди всех регионов [1, 2]. Однако, молочный бизнес в последние несколько лет сталкивается с серьезными трудностями, связанными с прогрессивным ростом производственных издержек при высокой волатильности закупочных цен на молоко, что в свою очередь снижает общую рентабельность отрасли (рис.1) и вынуждает многих производителей отказываться от молочного скотоводства как

стратегической единицы хозяйствования [3].

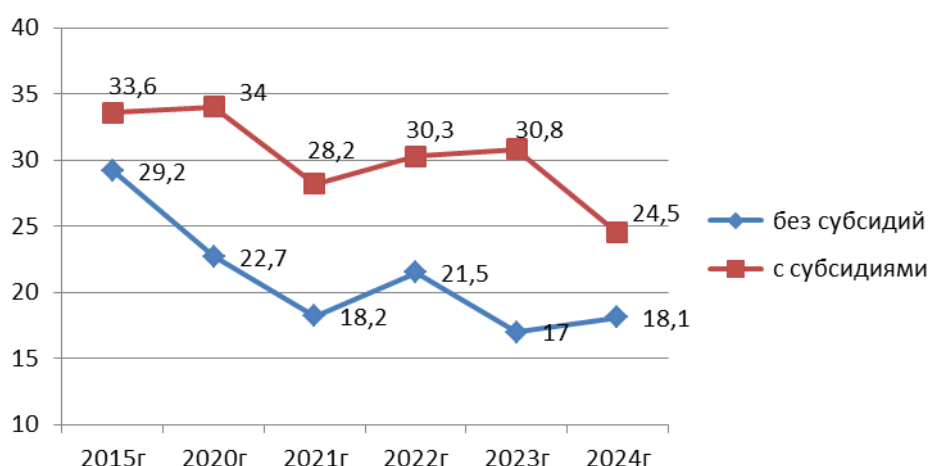

Рисунок 1 – Рентабельность реализации молока в сельскохозяйственных организациях Красноярского края, % [составлено авторами на основе данных Министерства сельского хозяйства Красноярского края]

Конъюнктурные проблемы молочного рынка затронули и сельскохозяйственные организации, осуществляющие собственную переработку молока. Столкнувшись с падением спроса на традиционные молочные продукты еще во время COVID-19, агропромышленные предприятия вынуждены конкурировать с крупными молочными заводами и федеральными компаниями, неся существенные издержки на логистику и продвижение своей продукции. За последние пять лет число вертикально интегрированных предприятий в молочном бизнесе региона сократилось с 12 до 9 единиц, общий объем молока, перерабатываемого в сельскохозяйственных организациях, снизился практически на треть (с 77,9 до 48 тыс. тонн).

Стратегия внутрихозяйственной вертикальной интеграции, позволявшая снижать зависимость от ценовой монополии переработчиков и приносившая дополнительную прибыль в 2000-е и первой половине 2010-х годов, сегодня не является фактором развития молочного скотоводства в сельскохозяйственных организациях. Анализ таблицы 1, рассчитанной на основе консолидированных данных годовой финансовой отчетности сельскохозяйственных организаций края, позволил сделать вывод о негативном влиянии собственной переработки молока на показатели экономической эффективности отрасли.

Таблица 1 – Экономическая эффективность молочного скотоводства в сельскохозяйственных предприятиях Красноярского края

Показатель	2022г		2023г		2024г	
	без переработки	с переработкой	без переработки	с переработкой	без переработки	с переработкой
Число предприятий, ед.	47	9	46	9	40	9
Среднегодовое поголовье коров в расчете на одно хозяйство, гол.	878	1695	870	1683	904	1735
Продуктивность 1 коровы, кг	6226	8084	6665	8418	7160	8212
Прибыль от реализации сырого и переработанного молока (с учетом коммерческих и управленческих расходов) в расчете на 1 корову, тыс. руб	32,98	32,79	40,09	18,23	44,89	34,71

Прибыль от реализации сырого и переработанного молока (с учетом коммерческих и управленческих расходов) в расчете на 1 ц произведенного молока, руб.	529,73	405,70	601,50	214,47	626,86	422,68
Рентабельность реализации сырого и переработанного молока (с учетом коммерческих и управленческих расходов), %	20,56	11,42	24,46	6,12	22,12	11,77

Прибыль от реализации общего объема молока (сырого, пастеризованного и молочной продукции) в расчете как на одну корову, так и на 1 ц произведенного молока, на протяжении всех трех лет анализируемого периода остается выше у предприятий, не занимающихся внутрихозяйственной переработкой. Существенно выше и общая рентабельность затрат. Данная ситуация обусловлена высокими издержками в сфере переработки и сбыта готовой продукции при параллельно наблюдающемся снижении платежеспособного спроса на молочную продукцию со стороны традиционных рыночных сегментов (семьи с детьми, пенсионеры, потребители с невысокими среднедушевыми доходами).

Как можно видеть, за 2022-2024гг показатели эффективности молочного скотоводства в организациях без переработки увеличивались более быстрыми темпами: прибыль на 1 корову выросла на 36%, прибыль на 1 ц молока – на 18,3%, в то время как в группе предприятий, занимающихся переработкой молока, эти показатели выросли не значительно. Следует также отметить прогрессивный рост средней продуктивности коров в организациях без внутрихозяйственной вертикальной интеграции – на 15% за три года, что свидетельствует о вложении средств в интенсификацию и развитие отрасли [4].

Среди основных факторов, снижающих эффективность внутрихозяйственной переработки молока в сельскохозяйственных организациях региона, можно отметить следующие:

- высокая конкуренция на рынках традиционной молочной продукции (питьевое молоко, кефир, сметана, творог);
- низкие закупочные цены со стороны торговых сетей и сдерживание цен на социально значимые продукты;
- высокий рост управленческих и коммерческих издержек, связанных с товародвижением и маркетингом (аграрные предприятия вынуждены нести расходы на транспортировку, упаковку, маркировку, брендинг своей продукции). За последние три года базисный темп роста данного вида расходов по консолидированным данным агропредприятий составил 207%;
- трудность в привлечении квалифицированного персонала в перерабатывающие цеха в связи с удаленностью от крупных городов;
- недостаточное внедрение инноваций в процессы производства и переработки молока [5].

Стратегия внутрихозяйственной вертикальной интеграции в молочном скотоводстве имеет как преимущества, так и недостатки (табл 2). На сегодняшний день, как показал проведенный анализ, в большинстве агропромышленных предприятий края недостатки данной стратегии преобладают над преимуществами и снижают возможности развития молочного скотоводства в целом.

Таблица 2 = Основные преимущества и недостатки стратегии внутрихозяйственной вертикальной интеграции в молочном скотоводстве

Преимущества	Недостатки
• Снижение зависимости от волатильности цен на сырое молоко. • Минимизация сезонности производства молока за счет продукции с длительным сроком хранения. • Увеличение добавленной стоимости. • Использование вторичных ресурсов для кормления животных (обезжиренное молоко, пахта, сыворотка). • Увеличение ликвидности и оборачиваемости.	• Необходимость дополнительных инвестиционных затрат на создание и модернизацию перерабатывающих цехов. • Высокие затраты на менеджмент качества и соблюдение безопасности продукции • Высокие управленческие и коммерческие издержки, необходимость организации маркетинговой деятельности • Риски высокой конкуренции и снижения спроса • Дополнительные кадровые риски

Для преодоления наблюдающейся ситуации сельскохозяйственным организациям края, осуществляющим собственную переработку молока, следует, на наш взгляд, рассмотреть следующие направления развития своей деятельности:

- внедрение в ассортимент продукции, ориентированной на высокодоходные сегменты потребителей (сыры, йогурты и др.), а также инновационной молочной продукции (молочные смузи, кефирные напитки, высокобелковые йогурты, функциональные молочные продукты);

- совершенствование технологического процесса производства и переработки молока, внедрение цифровых технологий на всех этапах интегрированной цепи позволит не только снизить общие издержки, но и повысит качество конечной продукции;

- развитие органического животноводства и производство органической молочной продукции;

- расширение каналов сбыт продукции за счет Интернет-торговли, организаций общественного питания (рестораны, кафе, отели), фермерские рынки и магазины.

Реализация данных направлений позволит аграрным предприятиям повысить конкурентоспособность молочной продукции на местном рынке, обеспечить рост ее маржинальности и получить максимальные преимущества от использования стратегии внутрихозяйственной вертикальной интеграции.

Список литературы

1. Агропромышленный комплекс Красноярского края в 2024 году/ Министерство сельского хозяйства Красноярского края. - Красноярск, 2025. - 192 с.

2. Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/44270>

3. Филимонова, Н.Г. Оценка конкурентоспособности производства молока в сельскохозяйственных организациях Красноярского края / Н. Г. Филимонова, И. Н. Ермакова, О. Ю. Гаврилова // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2023. – № 3(29). – С. 51-63.

4. Гаврилова, О.Ю. Оценка эффективности интенсификации производства молока в сельскохозяйственных организациях Красноярского края / О. Ю. Гаврилова, И. Н. Ермакова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 6, № 4(145). – С. 101-107.

5. Федорова, М.А. Трансформация производственного потенциала сельскохозяйственной организации в условиях цифровизации / М. А. Федорова // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2024. – Т. 59, № 5. – С. 132-152.

УДК 338.43:657.1

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЛИНГА НА БАЗЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ В АПК

Квитка Денис Евгеньевич¹, студент

Буданова Наталья Вячеславовна², старший преподаватель

^{1,2} Луганский государственный аграрный университет имени К.Е. Ворошилова, Луганск, Россия

¹ Kvitkadenis761@gmail.com ² nataliabudanova110670@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты формирования системы финансового контроллинга в агропромышленном комплексе с использованием современных цифровых платформ. Анализируется специфика сельскохозяйственного производства, обуславливающая необходимость адаптации классических инструментов контроллинга к отраслевым особенностям. Раскрывается роль цифровых технологий в повышении эффективности сбора, обработки и анализа финансовой информации для принятия управленческих решений. Особое внимание уделяется интеграции оперативных производственных данных с финансовыми показателями в едином цифровом пространстве. Обосновывается необходимость перехода от разрозненных учетных систем к комплексным платформенным решениям, обеспечивающим сквозной мониторинг финансового состояния предприятий АПК.

Ключевые слова: Финансовый контроллинг, цифровые платформы, агропромышленный комплекс, управление финансами, цифровизация, автоматизация учета, бюджетирование, аналитика данных, финансовое планирование, ключевые показатели эффективности, управленческий учет, информационные системы

FORMATION OF A FINANCIAL CONTROL SYSTEM BASED ON DIGITAL PLATFORMS IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Kvitka Denis Evgenievich¹, Student

Budanova Natalya Vyacheslavovna², Senior Lecturer

^{1,2} Luhansk State Agrarian University K.E. Voroshilov, Luhansk, Russia

¹ Kvitkadenis761@gmail.com ² nataliabudanova110670@gmail.com

Abstract. This article examines the theoretical and practical aspects of developing a financial control system in the agro-industrial complex using modern digital platforms. The specifics of agricultural production, necessitating the adaptation of traditional control tools to industry specifics, are analyzed. The role of digital technologies in improving the efficiency of collecting, processing, and analyzing financial information for management decision-making is explored. Particular attention is paid to integrating operational production data with financial indicators in a single digital space. The need for a transition from disparate accounting systems to integrated platform solutions that provide end-to-end monitoring of the financial performance of agricultural enterprises is substantiated.

Keywords: Financial control, digital platforms, agro-industrial complex, financial management, digitalization, accounting automation, budgeting, data analytics, financial planning, key performance indicators, management accounting, information systems

Агропромышленный комплекс в современных условиях функционирует в обстановке высокой неопределенности, обусловленной колебаниями цен на сельскохозяйственную продукцию, изменчивостью природно-климатических факторов, динамикой валютных курсов и санкционными ограничениями. В таких обстоятельствах особую значимость

приобретает способность предприятий оперативно реагировать на изменения внешней и внутренней среды, что невозможно без эффективной системы управления финансами. Финансовый контроллинг как интегрированная система информационно-аналитической поддержки управления призван обеспечить руководство предприятий своевременной и достоверной информацией для принятия обоснованных решений. Внедрение цифровых платформ открывает принципиально новые возможности для формирования такой системы, позволяя объединить разрозненные потоки данных в единое информационное пространство.

Понятие финансового контроллинга в экономической литературе трактуется достаточно широко, однако большинство исследователей сходятся во мнении, что это система, обеспечивающая методическую и инструментальную базу для поддержки функций планирования, контроля, анализа и принятия управленческих решений. В традиционном понимании контроллинг включает в себя оперативный и стратегический контуры, ориентированные соответственно на краткосрочное управление прибылью и долгосрочное обеспечение финансовой устойчивости предприятия. Применительно к агропромышленному комплексу классические подходы к контроллингу требуют существенной адаптации с учетом специфики сельскохозяйственного производства, включая сезонность, длительность производственного цикла, значительную зависимость от природных факторов и особенности ценообразования на сельскохозяйственную продукцию [3].

Цифровая трансформация экономики создает предпосылки для качественного изменения подходов к организации финансового контроллинга. Традиционные методы сбора и обработки информации, основанные на ручном вводе данных и использовании разрозненных таблиц, не позволяют обеспечить требуемую скорость и точность анализа в современных условиях. Цифровые платформы представляют собой комплексные решения, объединяющие различные информационные системы предприятия в единое целое и обеспечивающие автоматизированный сбор, обработку и визуализацию данных в режиме реального времени. Использование таких платформ в системе финансового контроллинга позволяет перейти от ретроспективного анализа к прогнозному моделированию и оперативному управлению финансовыми потоками [2].

Формирование системы финансового контроллинга на базе цифровых платформ в АПК должно начинаться с определения целей и задач, которые эта система призвана решать. В зависимости от масштабов предприятия, специфики его деятельности и стратегических ориентиров приоритеты могут существенно различаться. Для одних хозяйств ключевым может быть контроль себестоимости продукции, для других — управление денежными потоками в условиях сезонных разрывов ликвидности, для третьих — оценка эффективности инвестиционных проектов по модернизации производства. Цифровая платформа должна обладать достаточной гибкостью для настройки под индивидуальные потребности конкретного предприятия, что достигается за счет модульной архитектуры и возможности интеграции с различными учетными и производственными системами.

Важнейшим элементом формирования системы финансового контроллинга является разработка системы ключевых показателей эффективности, адаптированной к специфике агропромышленного производства. В отличие от промышленных предприятий, где основное внимание уделяется показателям рентабельности и оборачиваемости, в АПК значительную роль играют показатели, отражающие эффективность использования земельных ресурсов, продуктивность животных, урожайность культур и другие отраслевые индикаторы. Цифровая платформа позволяет интегрировать эти специфические показатели с традиционными финансовыми метриками в единую систему мониторинга, обеспечивая возможность оценки влияния производственных факторов на конечные финансовые результаты.

Интеграция оперативных производственных данных с финансовой информацией представляет собой одну из наиболее сложных, но одновременно и наиболее перспективных

задач при формировании системы контроллинга на цифровой платформе. Современные технологии интернета вещей позволяют получать в реальном времени данные о работе техники, расходе топлива, внесении удобрений, надоях молока и других производственных параметрах. При интеграции этих данных с информацией из бухгалтерских систем появляется возможность оперативного расчета себестоимости производимой продукции, выявления отклонений от нормативных показателей и принятия корректирующих решений без ожидания окончания отчетного периода. Такой подход существенно повышает управляемость предприятием и позволяет минимизировать финансовые потери.

Бюджетирование как одна из ключевых функций финансового контроллинга также получает новые возможности развития на базе цифровых платформ. Традиционные подходы к бюджетированию в сельском хозяйстве сталкиваются с объективными трудностями, связанными с высокой вариабельностью урожайности и цен на продукцию. Использование цифровых платформ позволяет применять методы сценарного планирования и имитационного моделирования, учитывающие множество факторов, влияющих на конечные результаты. На основе исторических данных, прогнозов погоды, анализа рыночной конъюнктуры и других факторов система может формировать многовариантные бюджеты с оценкой вероятности их исполнения, что обеспечивает более обоснованный подход к планированию и снижает риски принятия ошибочных решений.

Управление денежными потоками в агропромышленных предприятиях имеет ярко выраженную сезонную специфику, связанную с разрывом во времени между осуществлением затрат и получением выручки от реализации продукции [3]. В периоды посевной или уборочной кампаний потребность в финансовых ресурсах резко возрастает, тогда как поступление денежных средств может быть минимальным. Цифровая платформа финансового контроллинга позволяет осуществлять непрерывный мониторинг движения денежных средств, прогнозировать возникновение кассовых разрывов и формировать рекомендации по привлечению заемных средств или перераспределению финансовых ресурсов между подразделениями. Автоматизация этих процессов существенно снижает риски потери ликвидности и обеспечивает более эффективное использование временно свободных денежных средств.

Особое значение в системе финансового контроллинга на базе цифровых платформ приобретает анализ отклонений фактических показателей от плановых. Традиционные методы такого анализа, как правило, носят ретроспективный характер и позволяют выявить отклонения лишь по завершении отчетного периода, когда возможности оперативного вмешательства уже упущены. Цифровая платформа обеспечивает возможность мониторинга ключевых показателей в реальном времени с автоматической фиксацией отклонений, превышающих установленные пороговые значения. При этом система может не только сигнализировать о возникновении проблемы, но и предлагать возможные причины отклонений на основе анализа взаимосвязей между различными показателями, что существенно ускоряет процесс принятия корректирующих решений.

Инвестиционная деятельность в агропромышленном комплексе связана с необходимостью оценки эффективности долгосрочных вложений в приобретение техники, строительство животноводческих комплексов, закладку многолетних насаждений и другие проекты с длительным сроком окупаемости. Цифровая платформа финансового контроллинга позволяет осуществлять комплексный мониторинг реализации инвестиционных проектов, контролировать соблюдение бюджетов, оценивать достижение запланированных показателей эффективности и своевременно выявлять отклонения, требующие вмешательства руководства. Интеграция данных по всем реализуемым проектам в единую систему обеспечивает возможность оценки совокупного влияния инвестиционной деятельности на финансовое состояние предприятия и его стоимость.

Управление рисками является неотъемлемой составляющей современного финансового контроллинга, особенно в такой подверженной многообразным рискам отрасли,

как сельское хозяйство [1]. Цифровые платформы предоставляют широкие возможности для идентификации, оценки и мониторинга различных видов рисков: ценовых, кредитных, операционных, природно-климатических. Использование методов анализа больших данных и машинного обучения позволяет выявлять скрытые закономерности и факторы, влияющие на уровень риска, а также разрабатывать более точные прогнозы вероятности наступления неблагоприятных событий. На этой основе формируются рекомендации по выбору стратегий управления рисками, включая страхование, хеджирование, диверсификацию производства и другие методы.

Формирование системы финансового контроллинга на базе цифровых платформ предполагает не только внедрение соответствующих программных продуктов, но и существенную трансформацию организационной структуры и бизнес-процессов предприятия. Возникает потребность в специалистах нового типа, обладающих компетенциями как в области финансового менеджмента, так и в сфере информационных технологий и анализа данных. Изменяются требования к регламентам информационного взаимодействия между подразделениями, поскольку эффективность работы платформы напрямую зависит от своевременности и полноты ввода исходной информации. Организационные изменения должны быть тщательно спланированы и реализованы с учетом готовности персонала к работе в новых условиях.

Важным аспектом внедрения цифровых платформ финансового контроллинга является обеспечение информационной безопасности. Концентрация в единой системе большого объема финансовой и производственной информации, представляющей коммерческую тайну, требует применения современных средств защиты от несанкционированного доступа, резервного копирования данных, разграничения прав доступа пользователей. Особую актуальность эти вопросы приобретают в условиях распространения облачных технологий, когда данные предприятия физически могут размещаться на серверах сторонних организаций. Выбор модели развертывания платформы должен осуществляться с учетом требований к защите информации и готовности предприятия обеспечить необходимый уровень безопасности.

Опыт внедрения цифровых платформ финансового контроллинга на предприятиях агропромышленного комплекса свидетельствует о наличии ряда типичных проблем и барьеров, которые необходимо учитывать при планировании соответствующих проектов. К числу наиболее распространенных относятся недостаточный уровень цифровой зрелости предприятия, отсутствие стандартизации в учетных процессах, сопротивление персонала изменениям, высокая стоимость внедрения и недостаточная адаптированность тиражных решений к специфике конкретного хозяйства. Успешная реализация проектов требует комплексного подхода, сочетающего технологические, организационные и методические аспекты, а также последовательной работы по преодолению возникающих препятствий [4].

Экономическая эффективность внедрения цифровых платформ финансового контроллинга проявляется в различных формах и не всегда может быть точно оценена на предварительных этапах. Прямой эффект может быть связан с сокращением трудоемкости учетных процессов, снижением потерь от несвоевременного выявления проблем, оптимизацией запасов и затрат. Косвенный эффект выражается в повышении обоснованности управленческих решений, улучшении финансовой дисциплины, росте инвестиционной привлекательности предприятия. Для обоснования инвестиций в создание таких систем целесообразно использовать методы оценки эффективности, учитывающие как количественные, так и качественные факторы, а также ориентироваться на лучшие практики предприятий, уже прошедших путь цифровой трансформации.

Перспективы развития систем финансового контроллинга на базе цифровых платформ связаны с дальнейшим совершенствованием технологий искусственного интеллекта и машинного обучения. Возможности прогнозной аналитики будут расширяться за счет использования более сложных математических моделей и увеличения объемов

обрабатываемых данных. Развитие технологий распределенного реестра может обеспечить принципиально новый уровень прозрачности и достоверности учетной информации, особенно в части взаиморасчетов с контрагентами. Совершенствование интерфейсов и средств визуализации данных сделает информацию более доступной для восприятия руководителями разных уровней, что повысит реальную востребованность инструментов контроллинга в практике управления.

Важным направлением развития является интеграция систем финансового контроллинга предприятий АПК с аналогичными системами контрагентов, отраслевыми платформами и государственными информационными системами. Такая интеграция позволит формировать целостную картину финансового состояния не только отдельных предприятий, но и целых продуктовых цепочек, выявлять системные риски и диспропорции, оптимизировать взаимодействие между участниками агропродовольственного рынка [4]. На отраслевом уровне это создаст предпосылки для более эффективного распределения ресурсов и повышения конкурентоспособности всего агропромышленного комплекса.

Государственная поддержка цифровизации агропромышленного комплекса может сыграть значительную роль в ускорении процессов внедрения современных систем финансового контроллинга. Субсидирование части затрат на приобретение программного обеспечения, поддержка образовательных программ по подготовке специалистов в области цифрового финансового менеджмента, создание отраслевых центров компетенций и типовых решений для малых и средних предприятий — эти и другие меры могли бы способствовать более широкому распространению передовых практик управления финансами. Важно при этом обеспечить согласованность государственных инициатив с реальными потребностями бизнеса и исключить навязывание неэффективных решений.

Формирование системы финансового контроллинга на базе цифровых платформ в агропромышленном комплексе представляет собой сложный и многоплановый процесс, требующий системного подхода и учета отраслевой специфики. Успешная реализация таких проектов позволяет предприятиям существенно повысить качество управления финансами, обеспечить более обоснованное принятие стратегических и оперативных решений, снизить риски и повысить финансовую устойчивость [1]. В долгосрочной перспективе широкое внедрение цифровых платформ финансового контроллинга будет способствовать повышению прозрачности и инвестиционной привлекательности всего агропромышленного комплекса.

Ключевым фактором успеха в создании эффективной системы финансового контроллинга является не столько выбор конкретной цифровой платформы, сколько готовность руководства и персонала предприятия к изменению подходов к управлению. Технологии создают лишь инструментальную основу, тогда как реальная эффективность системы определяется качеством управленческих решений, принимаемых на основе предоставляемой информации. Поэтому параллельно с внедрением цифровых платформ необходимо вести работу по повышению финансовой грамотности руководителей всех уровней, развитию культуры управления на основе данных, совершенствованию мотивационных механизмов, ориентирующих на достижение долгосрочных целей.

Современный этап развития агропромышленного комплекса характеризуется нарастанием конкуренции, ужесточением требований к качеству и безопасности продукции, усилением влияния глобальных рынков. В этих условиях предприятия, не использующие современные инструменты управления финансами, оказываются в заведомо менее выгодном положении по сравнению с конкурентами, активно внедряющими цифровые технологии. Формирование системы финансового контроллинга на базе цифровых платформ становится не просто способом повышения эффективности, а необходимым условием выживания и устойчивого развития в долгосрочной перспективе. Инвестиции в создание таких систем следует рассматривать как вложения в стратегическую конкурентоспособность предприятия, обеспечивающие основу для принятия обоснованных управленческих решений в условиях

высокой неопределенности.

Формирование системы финансового контроллинга на базе цифровых платформ в АПК представляет собой закономерный этап эволюции управления финансами, обусловленный объективными потребностями предприятий в повышении эффективности деятельности в условиях цифровой трансформации экономики. Использование современных информационных технологий позволяет преодолеть ограничения традиционных методов контроллинга, обеспечить интеграцию финансовой и производственной информации, повысить оперативность и обоснованность управленческих решений. Дальнейшее развитие этого направления будет связано с совершенствованием технологий обработки данных, развитием методов прогнозной аналитики и расширением интеграционных взаимодействий между участниками агропродовольственного рынка. Предприятия, сумевшие своевременно и эффективно выстроить такую систему, получают существенные конкурентные преимущества и более устойчивые позиции на рынке.

Список литературы

1. Боргардт Е. А. Цифровая трансформация функций контроллинга // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2022. – № 3. – С. 5–14.
2. Кучеренко С. А., Догадина Д. С. Применение цифровых технологий как аспект развития функции контроля в организациях АПК // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – № 4. – С. 45–52.
3. Погonyшев В. А., Ториков В. Е., Погonyшева Д. А. Цифровые двойники в сфере АПК // Современные тенденции развития аграрной науки: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Брянск, 01–02 декабря 2022 года. – Брянск: Брянский государственный аграрный университет, 2022. – С. 729–734.
4. Сибиряев А. С., Зазимко В. Л., Додов Р. Х. Цифровая трансформация и цифровые платформы в сельском хозяйстве // Вестник НГИЭИ. – 2020. – № 12 (115). – С. 96–108.

УДК 338.43:339.138

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Клюхина Наталья Борисовна¹, студент

Чепелева Кристина Викторовна², доктор экономических наук, доцент

^{1,2} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

¹ Natulya26@inbox.ru ² kristychepeleva@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ стратегических ориентиров и инструментов реализации государственной политики Российской Федерации (далее - РФ, России), направленной на развитие пищевой и перерабатывающей промышленности. Автором детализируются меры государственной поддержки производителей, механизмы активизации экспортной деятельности и продвижения отечественной продукции под единым брендом «Сделано в России». Особое внимание уделено региональным аспектам реализации государственной политики, а также определены ключевые направления совершенствования перерабатывающего сектора и системы сбыта пищевой продукции.

Ключевые слова: государственная политика, пищевая промышленность, перерабатывающие предприятия, национальные проекты, продовольственная безопасность, качество продукции, экспортный потенциал, бренд «Сделано в России»

STATE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF PROCESSING ENTERPRISES DEVELOPMENT

Klyukhina Natalya Borisovna, Student

Chepeleva Kristina Viktorovna, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

^{1,2} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia²

¹ Natulya26@inbox.ru ² kristychepeleva@mail.ru

Abstract. This article analyzes the strategic guidelines and instruments for implementing the Russian Federation's (hereinafter referred to as the Russian Federation or Russia) state policy aimed at developing the food and processing industries. The author details government support measures for producers, mechanisms for stimulating export activities, and the promotion of domestic products under the unified "Made in Russia" brand. Particular attention is paid to regional aspects of state policy implementation and key areas for improving the processing sector and food distribution systems are identified.

Keywords: public policy, food industry, processing plants, national projects, food security, product quality, export potential, the «Made in Russia» brand

Пищевая и перерабатывающая промышленность выступает одним из системообразующих элементов агропромышленного комплекса (далее - АПК) России, объединяя порядка 30 отраслей и около 44 тыс. специализированных предприятий. В последние годы этот сектор демонстрирует устойчивую положительную динамику, опережая средние темпы роста промышленного производства в целом [1].

Инструментом, обеспечившим переход от точечных реформ к долгосрочному стратегическому планированию с оценкой возможных рисков, стали национальные проекты. За два десятилетия их реализации они превратились в системообразующий элемент государственной политики, гарантирующий устойчивость и суверенитет страны в различных сферах жизнедеятельности [2].

Ключевым ориентиром для развития отрасли выступает Доктрина продовольственной

безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ № 20 от 21.01.2020), где закреплена роль пищевой и перерабатывающей промышленности в обеспечении населения качественными и безопасными продуктами питания [1].

Цель данного исследования заключается в системном анализе государственной политики РФ в области развития перерабатывающих предприятий, определении стратегических приоритетов, механизмов их реализации и перспективных направлений совершенствования до 2030 года.

Теоретико-методологическую базу работы составили федеральные документы стратегического планирования: Доктрина продовольственной безопасности РФ; Стратегия повышения качества пищевой продукции в РФ до 2030 года [3]; Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов РФ на период до 2030 года [4]; паспорта национальных проектов «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности» (2025–2030 гг.) [5] и «Технологическое обеспечение биоэкономики» (с 2026 г.) [6]; Стратегия социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2030 года [7], а также региональные программы Красноярского края [7; 8].

Эмпирическую основу исследования сформировали материалы парламентских слушаний в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (далее - Совет Федерации) [1], официальные данные Министерства сельского хозяйства Российской Федерации (далее - Минсельхоз России), Федерального центра «Агроэкспорт», а также аналитические публикации, отражающие реализацию мер государственной поддержки (далее - господдержка) в субъектах РФ, включая регионы Сибири [2; 3; 5; 7; 8].

В соответствии со Стратегией повышения качества пищевой продукции в РФ до 2030 года, основными целями государственной политики являются обеспечение населения полноценным питанием, профилактика заболеваний, повышение продолжительности и качества жизни, а также стимулирование производства и оборота качественной пищевой продукции [3]. Ключевые направления реализации данной Стратегии включают:

- внедрение систем управления качеством на предприятиях;
- развитие научных исследований в области нутрициологии, безопасности и качества продуктов;
- актуализацию нормативно-правовой базы;
- создание стимулов для производителей к выпуску продукции нового поколения с заданными характеристиками качества [3].

Согласно прогнозам, к 2030 году объем экспорта продукции АПК должен возрасти в 1,5 раза, достигнув 55,2 млрд. долларов США. [8]. Достижение этой амбициозной цели обеспечивается, в том числе, реализацией федерального проекта «Экспорт продукции АПК», в рамках которого сформирована инфраструктура поддержки аграрного экспорта, включая институт сельскохозяйственных атташе и систему компетенций в сфере внешней торговли [8].

Стратегия развития АПК до 2030 года акцентирует внимание на необходимости инновационного развития пищевой и перерабатывающей промышленности [4]. В рамках национального проекта «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности» определены следующие приоритетные задачи [4]:

- сокращение импортозависимости по технологиям и средствам производства ветеринарных препаратов;
- обеспечение доступности ферментных препаратов, пищевых и кормовых добавок;
- внедрение научных разработок в области селекции и генетики;
- кадровое обеспечение организаций АПК;
- достижение технологической независимости в сельском хозяйстве и смежных отраслях.

Бюджет на реализацию данного национального проекта в 2026 году составляет 19,8 млрд рублей. Уже разработаны отечественные технологии производства замороженных

заквасок для кисломолочной продукции и кормового фермента липазы, что способствует снижению зависимости от импорта [5].

С 2026 года стартовал национальный проект «Технологическое обеспечение биоэкономики», объединяющий три федеральных направления: производство и сбыт, научно-технологическое и кадровое обеспечение. Целевые показатели к 2030 году: повышение технологической независимости до 40%, рост объёма производства на 96% (до 700 млрд. руб.) [6].

Несмотря на позитивные тенденции, в ходе парламентских слушаний в Совете Федерации (19.06.2025) был выявлен ряд системных проблем, сдерживающих развитие отрасли [1].

Основные проблемные зоны:

1. Нормативно-правовое регулирование: не решена задача по внесению изменений в техрегламенты **Евразийский экономический союз** (далее - ЕАЭС) в части введения показателей качества и перехода на их обязательное соблюдение [1].

2. Контроль и прослеживаемость: отсутствует эффективный сквозной контроль «от поля до прилавка», что снижает конкурентоспособность продукции.

3. Материально-техническая база и кадры: наблюдается высокий износ основных фондов предприятий и дефицит квалифицированных кадров [1].

К числу факторов, негативно влияющих на динамику роста, отнесены:

- насыщенность внутреннего рынка и ограниченность платежеспособного спроса;
- дефицит сырья по отдельным позициям;
- высокая стоимость заёмных средств;
- технологическая зависимость от импорта оборудования и ингредиентов, а также изменение структуры потребительского спроса [1].

Система инструментов государственной поддержки, направленная на развитие перерабатывающих предприятий, включает в себя несколько блоков.

Финансовые меры. В рамках проекта «Экспорт продукции АПК» сохранены и увеличены объёмы финансирования таких востребованных мер, как льготное кредитование и субсидирование транспортных затрат [8].

Региональные программы. В Красноярском крае, в соответствии со Стратегией развития СФО до 2030 года, развитие биоресурсного потенциала и переработки определено точками роста [7]. В 2026 году объем господдержки АПК региона составит более 10,5 млрд. руб. Дополнительно из федерального бюджета выделено 26,5 млрд. руб. на льготное кредитование сезонных полевых работ [5; 7].

Институциональная поддержка экспорта. Сеть из 40 сельскохозяйственных атташе в 38 странах мира оказывает российским экспортёрам содействие в преодолении торговых барьеров и поиске партнёров [8].

Формирование единого бренда. Минсельхоз России инициировал продвижение отечественной продукции под зонтичным брендом «Сделано в России». Как отметила представитель министерства, экспорт готовой продукции требует не только знания правил международной торговли, но и грамотного позиционирования. Использование единого бренда позволяет консолидировать усилия сотен компаний для формирования положительного образа страны через её продукты [8].

Цифровизация. Важным направлением является внедрение системы сквозного контроля на базе Федеральной государственной информационной системы в области ветеринарии (ФГИС) «ВетИС» («Цербер» и «Меркурий»), а также маркировка продукции средствами идентификации, что повышает прозрачность оборота и безопасность [1].

Практическая реализация государственной политики на региональном уровне демонстрирует положительные примеры. Так, в Мурманской области оленеводческие хозяйства в 2025 году получили свыше 41 млн. руб. господдержки. Мясо поставляется в учреждения социальной сферы и продвигается на внутреннем рынке. В Ямало-Ненецком автономном округе модернизируются убойные комплексы, за три года объёмы переработки оленины выросли в 2,5 раза [2; 7]. Производители Ямала выпускают более 220 видов продукции из оленины, расширяя

географию сбыта на рынки Казахстана и Белоруссии, а также осваивают современные каналы продаж, включая маркетплейсы [7].

По итогам анализа можно выделить следующие перспективные направления развития перерабатывающих предприятий:

1. Углубление переработки и рост добавленной стоимости. Наблюдается опережающий рост экспорта готовой продукции: мясной — на 19%, макарон — на 25%, мороженого — на 35% [8].

2. Развитие региональных брендов. Опыт регионов СФО показывает эффективность работы по созданию узнаваемых локальных брендов на основе традиционных промыслов.

3. Совершенствование системы стандартизации. Необходимо увеличение финансирования разработки и актуализации национальных стандартов, а также включение в перечни к техрегламентам методик контроля всех устанавливаемых показателей [1].

4. Внедрение клиентоцентричности. Применение принципов человекоцентричности, прозрачности и ориентации на качество услуг в государственном управлении способствует повышению эффективности взаимодействия с бизнесом и гражданами [2].

Проведённое исследование позволяет заключить, что государственная политика РФ в области развития перерабатывающих предприятий представляет собой многоуровневую систему стратегических приоритетов, механизмов и инструментов, нацеленных на обеспечение продовольственной безопасности, повышение качества продукции, наращивание экспортного потенциала и достижение технологической независимости.

Для регионов Сибирского федерального округа ключевое значение имеет реализация Стратегии социально-экономического развития СФО до 2030 года, которая определяет биоресурсный потенциал и перерабатывающие производства в качестве драйверов роста макрорегиона. Финансирование региональных программ в Красноярском крае на уровне более 10,5 млрд. руб. в 2026 году создаёт необходимые условия для поддержки локальных производителей и расширения их присутствия на внутреннем и внешних рынках. Решение выявленных системных проблем, включая совершенствование законодательной базы и контроля качества, внесёт существенный вклад в повышение качества жизни граждан и обеспечит устойчивое развитие отечественного АПК [1].

Список литературы

1. Рекомендации парламентских слушаний на тему: «Развитие производства и обеспечение качества продукции пищевой и перерабатывающей промышленности: проблемы и перспективы» / Комитет Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию. – Москва, 2025. – 19 июня.
2. Иванов А.С., Петрова Л.М. Клиентоцентричность в государственном управлении: опыт регионов // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2025. – № 2. – С. 88–102.
3. Распоряжение Правительства РФ от 29.06.2016 № 1364-р «Об утверждении Стратегии повышения качества пищевой продукции в Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 28. – Ст. 4758.
4. Распоряжение Правительства РФ от 08.09.2022 № 2567-р «Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года». – Москва, 2022.
5. Паспорт национального проекта «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности» (на период 2025–2030 гг.). – Москва : Правительство Российской Федерации, 2025.
6. Смирнова Е.В., Кузнецов Д.А. Развитие биоэкономики в России: приоритеты и механизмы реализации // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2026. – № 1. – С. 22–29.
7. Распоряжение Правительства РФ от 26.01.2023 № 129-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2030 года». – Москва, 2023.
8. Федоров А.Н., Шаповалова Е.И. Формирование единого бренда «Сделано в России» в системе продвижения отечественной пищевой продукции // Маркетинг в России и за рубежом. – 2025. – № 6. – С. 45–53.

УДК 339.138:637.5

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ КОМПЛЕКСА ПРОДВИЖЕНИЯ ПРОДУКЦИИ ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Клюхина Наталья Борисовна¹, студент

Чепелева Кристина Викторовна², доктор экономических наук, доцент

^{1,2} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

¹ Natulya26@inbox.ru ² kristychepeleva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена разработке стратегии продвижения продукции перерабатывающего предприятия – производителя премиальной продукции из оленины на примере ООО «ТПК Хозяин Тайги» (г. Красноярск). Актуальность обусловлена необходимостью адаптации маркетинговых инструментов к специфике сегмента: высокая маржинальность, низкая частота покупки, информационная насыщенность продукта. Методологическая база включает системный анализ, PEST- и SWOT-анализ с весовыми коэффициентами, метод экспертных оценок (коэффициент конкордации 0,79), корреляционно-регрессионное моделирование (16 наблюдений, $R^2=0,86$). Предложена архитектура интегрированных маркетинговых коммуникаций (IMC) с выделением digital-интеграции и прямых продаж. Построена эконометрическая модель, позволяющая прогнозировать выручку в зависимости от числа контрактов с HoReCa, затрат на digital-маркетинг и индекса лояльности NPS. Разработаны сценарные прогнозы и структура маркетингового бюджета. Результаты могут быть использованы предприятиями АПК для повышения эффективности продвижения в премиальном сегменте.

Ключевые слова: стратегия продвижения, комплекс маркетинговых коммуникаций, перерабатывающее предприятие, премиальная продукция, оленина, прогнозирование, эконометрическая модель, HoReCa, цифровой маркетинг

STRATEGY FOR DEVELOPMENT AND FORECASTING OF THE PROCESSING ENTERPRISE'S PRODUCT PROMOTION COMPLEX

Klyukhina Natalya Borisovna, Student

Chepeleva Kristina Viktorovna, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

^{1,2} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia²

¹ Natulya26@inbox.ru ² kristychepeleva@mail.ru

Abstract. This article explores the development of a promotion strategy for a processing plant producing premium venison products, using the example of ООО ТПК Khozyain Taygi (Krasnoyarsk). The relevance of this study stems from the need to adapt marketing tools to the specifics of the segment: high margins, low purchase frequency, and product information density. The methodological framework includes systems analysis, PEST and SWOT analysis with weighting coefficients, expert assessments (concordance coefficient of 0.79), and correlation and regression modeling (16 observations, $R^2=0.86$). An integrated marketing communications (IMC) architecture is proposed, focusing on digital integration and direct sales. An econometric model has been constructed to forecast revenue based on the number of contracts with HoReCa, digital marketing costs, and the NPS loyalty index. Scenario forecasts and a marketing budget structure have been developed. The results can be used by agricultural enterprises to improve the effectiveness of promotion in the premium segment.

Keywords: Promotion strategy, marketing communications complex, processing plant, premium products, venison, forecasting, econometric model, HoReCa, digital marketing

Введение. В условиях реализации Доктрины продовольственной безопасности РФ и роста потребительского интереса к функциональному питанию продукция из оленины занимает уникальную нишу: высокая пищевая ценность, экологичность сырья, низкая конкуренция со стороны традиционных видов мяса. Перерабатывающие предприятия, специализирующиеся на глубокой переработке оленины, сталкиваются с системной проблемой – отсутствием адаптированных стратегий продвижения, учитывающих премиальный статус продукта, ограничения по срокам хранения, логистику и узость целевой аудитории. Это приводит к недозагрузке мощностей и снижению инвестиционной привлекательности отрасли.

Цель исследования – разработка научно обоснованной стратегии развития комплекса продвижения для перерабатывающего предприятия – производителя премиальной продукции из оленины, включающей прогнозные сценарии эффективности.

Задачи:

1. Оценить текущее состояние и специфику маркетинговых коммуникаций в сегменте глубокой переработки оленины на примере конкретного предприятия.
2. Разработать архитектуру интегрированного комплекса продвижения с учетом цифровизации каналов сбыта.
3. Построить многовариантный прогноз эффективности внедрения стратегии на основе эконометрической модели.

Объект исследования – ООО «Торгово-перерабатывающая компания Хозяин Тайги» (г. Красноярск, ул. Монтажных, 44) (далее - Хозяин Тайги) – предприятие по глубокой переработке мяса диких животных и северного оленя, производство деликатесов, полуфабрикатов, консервов.

Предмет исследования – организационно-экономические отношения, возникающие при формировании и реализации комплекса маркетинговых коммуникаций.

Теоретическая значимость заключается в адаптации теории интегрированных маркетинговых коммуникаций (ИМК) к специфике перерабатывающих предприятий, функционирующих в сегменте дикоросов и продукции охотничьего хозяйства.

Практическая значимость – предложенная стратегия и прогнозный инструментарий позволяют предприятию повысить точность планирования маркетингового бюджета, снизить транзакционные издержки на привлечение клиентов и обосновать инвестиции в расширение каналов сбыта.

Методы: системный анализ, PEST-анализ с балльной оценкой, SWOT-анализ с весовыми коэффициентами (метод парных сравнений), метод экспертных оценок (10 экспертов, коэффициент конкордации 0,79), корреляционно-регрессионный анализ, сценарное прогнозирование.

1. Анализ факторов внешней и внутренней среды как основа для формирования стратегии продвижения

Для выявления ключевых ограничений и возможностей проведен PEST-анализ с балльной оценкой каждого фактора по пятибалльной шкале (табл. 1). Наиболее значимыми для Хозяина Тайги признаны: государственная поддержка малого бизнеса в сфере переработки дикоросов (4,2 балла), рост интереса к этнической кухне в городах-миллионниках Сибири (4,5 балла), развитие маркетплейсов с термологистикой (4,0 балла). Риски, связанные с удорожанием логистики (северный завоз), оценены в 3,8 балла.

Таблица 1 – PEST-анализ (средние оценки экспертов)

Группа факторов	Фактор	Оценка (1–5)
Политические	Региональные субсидии на переработку	4,2
Экономические	Высокая маржинальность (рентабельность 24%)	4,3
Социокультурные	Тренд на здоровое питание, этническая кухня	4,5
Технологические	Развитие e-commerce с термоконтролем	4,0

SWOT-анализ проведён с использованием метода парных сравнений для определения весов факторов внутри каждой группы (табл. 2). Наиболее сильным сочетанием является «сильные стороны + возможности» (S-O): уникальность сырья (вес 0,35) и рост спроса на премиальную продукцию (вес 0,30) позволяют реализовать стратегию дифференциации через инструменты «сторителлинга» и эксклюзивной дистрибуции.

Таблица 2 – SWOT-анализ с весовыми коэффициентами (фрагмент)

Сильные стороны	Вес	Возможности	Вес
Уникальность сырья (оленина, дичь)	0,35	Рост спроса на премиальную продукцию	0,30
Собственная база заготовки	0,25	Развитие каналов e-commerce	0,25
Наличие сертификатов качества	0,20	Государственная поддержка	0,20
Слабые стороны	Вес	Угрозы	Вес
Низкая узнаваемость за пределами региона	0,40	Логистические риски	0,35
Ограниченный маркетинговый бюджет	0,35	Ужесточение ветеринарного контроля	0,25

Выводы по разделу 1.

Традиционные модели продвижения (массовая реклама, промоакции в сетевом ритейле) для премиальной продукции из оленины малоэффективны из-за низкой частоты покупки и необходимости информационного сопровождения. Ключевым направлением становится развитие омниканальной модели с акцентом на сегменты HoReCa и e-commerce с подписочными сервисами.

2. Архитектура комплекса продвижения: адаптация модели ИМС к специфике перерабатывающего предприятия

На основе анализа деятельности Хозяина Тайги за 2022–2024 гг. (данные бухгалтерской и управленческой отчётности, предоставленные предприятием) выявлена следующая структура выручки: HoReCa – 28%, розничные продажи (включая собственный магазин и маркетплейсы) – 45%, корпоративные продажи (подарочные наборы, контракты с организациями) – 27%. В работе с сегментами используются преимущественно инструменты: участие в региональных выставках, работа с шеф-поварами через дегустации, присутствие на Wildberries и Ozon.

2.1. Предлагаемая архитектура ИМС

В отличие от классической модели «4Р», автором предлагается выделение двух сквозных элементов: Digital-интеграция (сквозная аналитика, CRM, таргетированная коммуникация) и Direct-коммуникации (личные продажи, работа с ключевыми клиентами). Это позволяет преодолеть ограничения, связанные с узостью целевой аудитории и высокими требованиями к доверию к продукту.

Для каждого сегмента определены доминирующие инструменты:

- HoReCa premium (рестораны высокой кухни, стейк-хаусы, глэмпинги): персональные дегустации, обучение шеф-поваров, коллаборации в рамках гастрономических фестивалей («Сибирь гастрономическая», «Енисейский экспресс»). Логистическое обеспечение – собственная курьерская служба предприятия, обеспечивающая доставку в течение 4–6 часов по Красноярску и 24 часов по городам Сибири (авиадоставка).

- B2C – здоровое питание: контент-маркетинг (видео о производстве, рецепты, работа с нутрициологами), e-mail-маркетинг, продвижение на маркетплейсах с акцентом на премиальный ценовой сегмент и подтвержденное происхождение.

- B2B – корпоративные подарки: директ-маркетинг, участие в профильных выставках («Продэкспо», «Золотая осень», региональные форумы «Сделано в Красноярском крае»).

2.2. Бюджетирование

На основе бенчмаркинга (анализ 5 аналогичных предприятий Сибири) и расчёта ожидаемого ROMI предложена следующая структура дополнительного маркетингового бюджета (прирост к текущему):

- Трейд-маркетинг и работа с HoReCa – 40%.

- Digital-маркетинг (контент, SEO, таргет, управление репутацией) – 30%.

- Событийный маркетинг (дегустации, фестивали) – 15%
- Аналитика и CRM – 10%.
- Резерв – 5%.

Выводы по разделу 2.

Адаптация ИМС к условиям перерабатывающего предприятия требует выделения сквозных функций цифровой аналитики и прямых продаж. Предложенная сегментация и структура бюджета позволяют сконцентрировать ресурсы на каналах с наибольшей прогнозной конверсией.

3. Прогнозирование эффективности стратегии продвижения

Для оценки ожидаемых результатов построена эконометрическая модель на основе квартальных данных Хозяина Тайги за 2022–2025 гг. (16 наблюдений). В качестве результативного признака (Y) выбрана выручка от реализации продукции собственной переработки (тыс. руб.). Факторы:

- X₁ – количество активных контрактов с ресторанами категории premium (шт.).
- X₂ – расходы на digital-маркетинг (тыс. руб./квартал).
- X₃ – индекс лояльности NPS (Net Promoter Score), %.

После проверки на мультиколлинеарность ($VIF < 5$) и нормальность остатков (тест Шапиро–Уилка, $p = 0,12$) получено уравнение регрессии (табл. 3).

Таблица 3 – Результаты регрессионного анализа

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
Константа	2 380,5	412,3	5,78	0,000
X1 (контракты)	118,2	24,1	4,90	0,000
X2 (digital-расходы)	3,92	0,85	4,61	0,000
X3 (NPS)	19,4	5,3	3,66	0,003

Проверка R^2 и скорректированного R^2

По $F(3,12)$ объём выборки $n = 3 + 12 + 1 = 16$.

$R^2 = 0,86$, $R^2 = 0,83$, $F(3,12) = 24,6$ ($p = 0,000$). $DW = 2,1$ (автокорреляция отсутствует). Тест Бройша–Пагана на гетероскедастичность: $p = 0,28$ (гомоскедастичность).

Уравнение регрессии:

$$Y = 2\,380,5 + 118,2 X_1 + 3,92 X_2 + 19,4 X_3$$

Интерпретация:

- при увеличении числа контрактов с ресторанами на 1 выручка возрастает в среднем на 118,2 тыс. руб./квартал;
- рост расходов на digital на 1 тыс. руб. дает прирост выручки 3,92 тыс. руб.;
- увеличение NPS на 1 п.п. – рост выручки на 19,4 тыс. руб. Наиболее значимый фактор – X₁ (бета-коэффициент 0,54).

На основе уравнения проведено сценарное прогнозирование на 2026–2028 гг. (табл. 4).

Таблица 4 – Сценарный прогноз ключевых показателей

Сценарий	Прирост активных контрактов HoReCa	Прирост бюджета digital, %	Рост NPS, п.п.	Прогнозный рост выручки (к 2025 г.), %
Пессимистичный	+5%	+5%	+3	108%
Базовый	+15%	+15%	+7	126%
Оптимистичный	+25%	+25%	+12	152%

Базовый сценарий предполагает увеличение доли e-commerce в структуре выручки с 10% (2025) до 24% (2028), что позволяет повысить рентабельность продаж на 6–8 п.п. за счёт сокращения посреднической наценки и расширения географии поставок.

Выводы по разделу 3.

Построенная регрессионная модель обладает высокой прогностической силой ($R^2=0,86$) и может быть использована для оперативной корректировки маркетингового бюджета. Наиболее значимым фактором роста является расширение портфеля контрактов с премиальными ресторанами, что подтверждает целесообразность концентрации ресурсов на этом сегменте.

Заключение

1. Краткие выводы по теме исследования.

Специфика продвижения продукции переработки оленины премиального сегмента определяется низкой частотой покупки, высокой информационной насыщенностью и необходимостью формирования доверия через личные контакты и репутационные каналы. Эффективная стратегия базируется на интеграции digital-инструментов с прямыми продажами в сегменте HoReCa, что подтверждено эконометрическим моделированием на данных ООО «ТПК Хозяин Тайги».

2. Оценка полноты достижения цели и решения задач.

Цель достигнута: разработана и верифицирована стратегия развития комплекса продвижения, учитывающая отраслевые ограничения. Все задачи решены: проведён многофакторный анализ среды, предложена адаптированная архитектура ИМС, построен прогнозный инструментарий с тремя сценариями.

3. Рекомендации по практическому использованию.

ООО «ТПК Хозяин Тайги» рекомендуется:

- перераспределить дополнительный маркетинговый бюджет в пользу трейд-маркетинга (40%) и digital (30%) в соответствии с предложенной структурой;

- внедрить CRM-систему для автоматизации оценки NPS и отслеживания жизненного цикла клиента;

- использовать разработанную регрессионную модель для ежеквартального планирования маркетинговых активностей.

4. Возможность апробации и внедрения.

Предложенный методический подход может быть тиражирован на другие предприятия АПК, специализирующиеся на глубокой переработке премиального сырья.

Список литературы

1. Котлер Ф., Маркетинг менеджмент / Ф. Котлер, К.Л. Келлер. – 15-е изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2020. – 848 с. – ISBN 978-5-4461-1046-5.
2. Портер М., Конкурентная стратегия : методика анализа отраслей и конкурентов / М. Портер ; пер. с англ. – Москва : Альпина Пабlishер, 2021. – 453 с. – ISBN 978-5-9614-3575-7.
3. Алексеев А.А., Маркетинговые стратегии в агропромышленном комплексе: теория и практика / А. А. Алексеев. – Москва : ИНФРА-М, 2023. – 210 с. – ISBN 978-5-16-018245-6.
4. Голубков Е.П., Стратегический маркетинг : учебник для вузов / Е.П. Голубков. – Москва : Юрайт, 2024. – 345 с. – ISBN 978-5-534-16672-3.
5. Лапыгин Ю.Н., Стратегическое управление : учебное пособие / Ю.Н. Лапыгин. – Москва : ИНФРА-М, 2022. – 236 с. – ISBN 978-5-16-017326-3.
6. Морозов Н.М., Экономическая эффективность переработки продукции оленеводства в Арктической зоне РФ / Н.М. Морозов // АПК: экономика, управление. – 2024. – № 2. – С. 56–63. – ISSN 0235-2443.
7. Рожков И.В., Маркетинговые коммуникации в цифровой среде: инструменты и метрики / И.В. Рожков. – Москва : КноРус, 2023. – 198 с. – ISBN 978-5-406-11023-4.
8. Семин А.Н., Продовольственная безопасность и развитие рынка органической продукции в России / А. Н. Семин // Экономика региона. – 2024. – Т. 20, № 1. – С. 112–125. – DOI 10.17059/ekon.reg.2024-1-09.
9. Ткачев М.А., Управление качеством и продвижение продукции премиального сегмента АПК / М.А. Ткачев // Пищевая промышленность. – 2023. – № 10. – С. 22–25. – ISSN 0235-2486.
10. Шевченко Д.А., Цифровая трансформация маркетинга в АПК : монография / Д.А. Шевченко. – Новосибирск : СибАК, 2024. – 156 с. – ISBN 978-5-6049123-4-2.

УДК 338.43:635.07

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОГО РЫНКА ОВОЩЕЙ

Ковальчук Данила Евгеньевич¹, аспирант

Аникиенко Николай Николаевич², кандидат экономических наук, доцент

^{1,2} Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского, п. Молодежный, Россия

¹ danilakov1103@yandex.ru ² anikienkonikolai@mail.ru

Аннотация. В данной статье анализируется современное состояние мирового рынка овощей, а также рассматривается его структура. Отдельное внимание уделено современным направлениям развития рынка овощей в лидирующих в данном направлении государствах. Постоянными лидерами по производству овощей на мировом рынке остаются Китай и Индия. В Китае производится более 50% овощей от мирового производства, в Индии – около 12%. Больше всего на мировом рынке овощей производится картофеля, томатов и лука. На производство овощей наибольшее влияние оказывают следующие факторы: климатические и экологические, технологические факторы, социальные и демографические факторы.

Ключевые слова: сельское хозяйство, рынок овощей, продовольственная безопасность, производство овощей, обеспеченность овощами

CURRENT STATE AND TRENDS OF THE GLOBAL VEGETABLE MARKET

Kovalchuk Danila Evgenievich¹, Postgraduate Student

Anikienko Nikolay Nikolaevich², Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

^{1,2} Irkutsk State Agrarian University named after A.A. Ezhevsky, Molodezhny, Russia

¹ danilakov1103@yandex.ru ² anikienkonikolai@mail.ru

Abstract. This article analyzes the current state of the global vegetable market and examines its structure. Particular attention is given to current trends in vegetable market development in leading countries. China and India remain the consistent leaders in global vegetable production. China produces over 50% of the world's vegetable output, while India produces approximately 12%. Potatoes, tomatoes, and onions are the largest global vegetable producers. The following factors have the greatest impact on vegetable production: climate, environmental factors, technological factors, and social and demographic factors.

Keywords: agriculture, vegetable market, food security, vegetable production, vegetable supply

Мировой рынок овощей является одним из важнейших элементов аграрной экономики, который обеспечивает продовольственную безопасность. В современных условиях при изменении климата, урбанизации и высоких темпов роста населения спрос на свежие и качественные овощи неуклонно увеличивается. Одновременно с этим сельское хозяйство, которое является основой производства овощей, сталкивается с различными вызовами, такими, как необходимость внедрения новейших технологий, повышение эффективности и устойчивости производства. Именно этим обуславливается актуальность данной темы исследования.

Основная цель данной работы – определить современные способы и направления развития мирового рынка овощей на основе опыта лидирующих в данной отрасли государств.

Для достижения данной цели были выдвинуты следующие задачи:

1. проанализировать статистические данные по производству овощей на мировом рынке;
2. исследовать сегментацию мирового рынка овощей;

3. выявить ключевые тенденции развития мирового рынка овощей.

В качестве методологической базы использовались труды отечественных и зарубежных научных деятелей, а также официальные статистические данные по производству овощей на мировом рынке и его структуре. В данной работе использовались общенаучные методы исследования.

Для наиболее полного понимания современных тенденций и перспектив развития мирового рынка овощей необходимо рассмотреть и проанализировать его структуру на основе статистических данных.

Таблица 1 – Производство овощей на мировом рынке по государствам за 2020-2024 гг., млн. т

Государство	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Китай	585,7	599,0	597,7	600,8	601,3
Индия	135,9	139,7	148,9	148,5	146,0
США	29,2	29,3	29,4	31,2	28,4
Турция	25,9	26,6	26,6	27,2	28,9
Вьетнам	17,0	17,3	18,2	18,2	18,3
Нигерия	15,7	15,9	17,3	16,4	16,3
Египет	15,6	15,8	16,2	18,4	19,1
Россия	13,9	13,0	13,2	13,9	13,8
Прочие	302,1	305,7	304,0	306,8	309,3

Источник: составлено и рассчитано по официальным данным статистического информационного ресурса StatBase. Производство овощей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://golnk.ru/yeZdy> (дата обращения: 28.03.2026).

Как видно по данным таблицы 1, постоянными лидерами по производству овощей на мировом рынке остаются Китай и Индия. На протяжении всего исследуемого периода можно заметить относительно стабильный рост производства овощей на мировом рынке. В целом рост производства овощей на мировом рынке в 2024 г. относительно 2020 г. составил 3,51%.

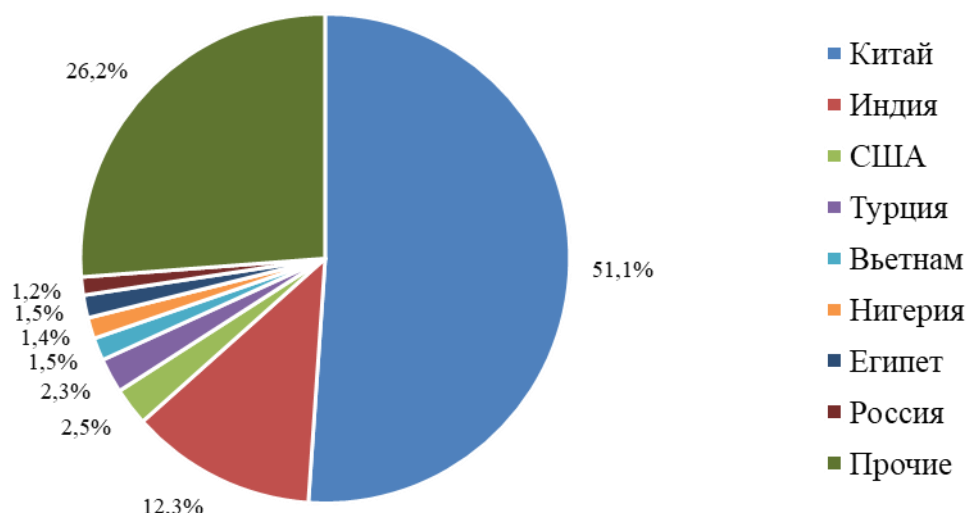

Рисунок 1 – Средний удельный вес производства овощей на мировом рынке в различных государствах за 2020-2024 гг. (Источник: разработано автором)

Если более детально рассмотреть структуру мирового производства овощей в 2024 г., можно отдельно отметить, что в Китае производится более 50% овощей от мирового

производства, даже во втором лидирующем государстве – Индии – производится лишь 12%. Производство овощей в других лидирующих странах занимает не более 2,5%.

Для лучшего понимания современного состояния мирового рынка овощей необходимо более детально рассмотреть его структуру:

Таблица 2 – Сегментация мирового рынка овощей за 2020-2024 гг., млн. т

Вид овощей	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Картофель	359	370	374	380	385
Томаты	181	182	186	189	192
Лук	104	105	108	110	112
Капуста	72	73	75	76	77
Огурцы	91	93	95	97	99
Морковь	41	42	43	44	45
Баклажаны	56	57	59	60	61
Перец	36	37	38	39	40
Прочие	208	210	215	220	225

Источник: составлено статистического информационного ресурса FAO (Food and Agriculture Organization) Stat [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fao.org/statistics/en/> (дата обращения: 30.03.2026) [1]

Как видно по данным таблицы 2, больше всего на мировом рынке овощей производится картофеля, томатов и лука. Также по всем видам овощей наблюдается положительная динамика роста производства овощей. Рост обеспечивается за счет увеличения урожайности, а также применения передовых технологий в сельском хозяйстве и рациональном использовании природным ресурсов.

Современный мировой рынок овощей формируется под воздействие множества факторов, которые определяют не только объемы производимых овощей, но и их качество и доступность для потребителя. Наиболее значимые факторами при производстве овощей, можно считать:

1. Климатические и экологические факторы. Климатические изменения, качество почвы, водных ресурсов, а также современные экологические требования напрямую влияют на мировое производство овощей.

2. Технологические факторы. К данной группе факторов относится потребность в использовании передовых технологий для оптимизации производства овощей.

3. Социальные и демографические факторы. К данной группе факторов относится рост населения, урбанизация и изменения потребительских предпочтений.

При производстве овощей большинство стран применяют различные методы минимизации влияния данных факторов на производство овощей. Рассмотрим тенденции развития рынка овощей в лидирующих в данной области странах.

На протяжении многих лет Китай занимает первое место в мире по производству овощей. По словам министра сельского хозяйства КНР Хань Чжанфу, на одного жителя Китая в год в среднем приходится 550 кг овощей [2, с. 133-134].

В целях обеспечения населения необходимыми ресурсами и улучшения общего уровня жизни Китай реализует успешную социально-экономическую политику. Л. Б. Боброва отмечает, что в 1970-е гг. жители Китая периодически сталкивались с проблемой голода. Кроме того, множество китайцев страдали от хронического недоедания. Спустя несколько десятилетий стране удалось превратиться из государства, находящегося в состоянии постоянного голода, в страну нетто-экспортера зерна, и, таким образом, своим примером показать пути решения продовольственной проблемы для остального мира. Данных результатов удалось достичь за счет:

- долгосрочного планирования;
- последовательной политики стимулирования собственного производства пищевого

сырья и готовых продуктов питания;

- активного создания собственных и освоения зарубежных передовых технологий [2, с. 133-134].

Если конкретизировать, какие передовые технологии при производстве овощей использует Китай, можно выделить следующие:

1. Капельное орошение. Вода передается к корням растений через систему трубок и капельниц, что в свою очередь снижает количество используемой воды, а также обеспечивает более правильное распределение влаги.

2. Дождевание. Данная технология имитирует естественный дождь и работает путем распыления воды над поверхностью почвы, особенно подходит для больших площадей.

3. Выращивание овощей без почвы. Данная технология подразумевает использование теплиц, которые оснащены камерами, датчиками и системой, которая обрабатывает все сведения, получаемые в процессе выращивания овощей.

4. Использование сельскохозяйственных дронов и роботов. Данные технологии применяются для контроля и анализа качества почв и посевов.

5. Вертикальное земледелие. Благодаря вертикальному земледелию, снижается потребность в больших посевных площадях, а сама система управляется при помощи искусственного интеллекта. Для примера, данная технология уже используется в городе Чэнду, а сама ферма занимает 20 этажей.

Благодаря использованию вышеперечисленных технологий, Китай решает основные проблемы сельского хозяйства, такие, как: малые площади посевных площадей и ограниченность природных ресурсов.

Вторым лидером в мировом производстве овощей является Индия, на долю которой за последние пять лет приходится примерно 12 % мирового производства. Индия является крупнейшим в мире производителем имбиря и окры (бамии) и занимает второе место по производству лука, цветной капусты и баклажанов. Прирост валового сбора овощной продукции увеличился более чем в два раза [3, с. 80-81].

Развитию отрасли овощеводства в Индии во многом способствует реализация программы «Mega Food Park», целью которой явилось снижение потерь скоропортящихся продуктов, увеличение переработки продуктов питания и развитие пищевой промышленности. Программа «Mega Food Park» направлена на создание механизма, связывающего сельскохозяйственное производство с рынком путем объединения фермеров, переработчиков и предприятий розничной торговли, с тем, чтобы обеспечить максимальную добавленную стоимость, минимизировать потери, увеличить доходы фермеров и создать возможности для трудоустройства, особенно в сельском секторе [3, с. 80-81].

Помимо всего вышесказанного, в Индии так же, как и Китае, применяются передовые технологии по производству овощей, такие, как:

- гидропоника – технология выращивания растений в растворе, который богат питательными веществами без использования почвы;

- технологии точного земледелия, к таким технологиям относится применение дронов, датчиков, искусственного интеллекта и др., причем благодаря использованию данных технологий обеспечивается оптимизация производства и более эффективно используются природные ресурсы.

Отличительная особенность американского плодовоовощного хозяйства является разнообразие овощной продукции. Благоприятное географическое положение страны позволяет выращивать около 100 видов овощных и плодово-ягодных культур, произрастающих в умеренном, субтропическом и тропическом климате [4, с. 85-86].

В США можно выделить основные тенденции развития рынка овощей, которые не изменились с XX века:

- усиление региональной специализации производства и его концентрация в районах, благоприятных по почвенно-климатическим и экономическим условиям для получения

высоких урожаев фруктов, орехов, овощей и картофеля с минимальными издержками производства;

- интенсификация производства с применением искусственного орошения, минеральных удобрений и пестицидов, комплексная механизация работ;

- совершенствование межотраслевых связей и концентрация товарного производства в крупных специализированных хозяйствах, связанных договорными отношениями с предприятиями пищевой промышленности или розничной торговли;

Эффективность плодоовощного хозяйства США в значительной степени зависит от развития аграрной науки, от внедрения её достижений и инновационных технологий в производство [4, с. 86-87].

Подводя итог проделанной работы, можно отметить, что в целом основными тенденциями развития рынка овощей в лидирующих в данной области странах являются:

1. передовые технологии и инновации, когда большинство стран-лидеров применяют передовые технологии для оптимизации производства, а также тепличные хозяйства и гидропонику;

2. экологическое производство, то есть снижение использования химических удобрений и пестицидов, а также органического и биологического земледелия;

3. сосредоточение на спросе и потребительских предпочтениях. Увеличение производства свежих и готовых к употреблению овощей, развитие органической и сертифицированной продукции;

4. адаптация к климатическим вызовам – это использование тепличного производства, новых сортов, устойчивых к болезням и засухе, а также диверсификация производимых культур.

В целом можно отметить, что с ростом населения, изменением климата, высоких темпов урбанизации и истощением природных ресурсов все государства стремятся к оптимизации производства овощей.

Список литературы

1. Agricultural production statistics // FAO (Food and Agriculture Organization) Stat [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fao.org/statistics/en/> (дата обращения: 30.03.2026).

2. Бу, Ю. Особенности формирования и развития рынка овощей в Китае / Ю. Бу // Инфраструктурные отрасли экономики : проблемы и перспективы развития : сборник материалов XIX Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 29 августа – 29 2017 года. – Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью "Центр развития научного сотрудничества", 2017. – С. 130-139. – EDN ZNJWVT. <https://elibrary.ru/item.asp?id=30314871>

3. Журова И. В. Особенности производства и развития мирового рынка овощей // Проблемы экономики. 2019. №2 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-proizvodstva-i-razvitiya-mirovogo-rynka-ovoschey> (дата обращения: 30.03.2026).

4. Коротких, А. А. Американская модель плодоовощного хозяйства / А. А. Коротких // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2018. – № 10(586). – С. 84-100. – DOI 10.31857/S032120680001077-8. – EDN YLFMXR. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36284546> (дата обращения: 29.03.2026).

5. Производство овощей // StatBase [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://golnk.ru/yeZdy> (дата обращения: 28.03.2026).

УДК 657.6

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Кочелорова Галина Валентиновна, кандидат экономических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
kochelороva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы организации и функционирования системы внутреннего контроля (СВК) в организациях агропромышленного комплекса (АПК). Специфика сельскохозяйственного производства, обусловленная сезонностью, биологическими активами и высокой зависимостью от природно-климатических факторов, требует адаптации стандартных контрольных процедур. Проведен анализ существующих рисков, характерных для сельскохозяйственной отрасли, и предложены направления совершенствования СВК, включающие внедрение риск-ориентированного подхода, цифровизацию контрольных процессов и интеграцию внутреннего аудита в стратегическое управление. Обосновано, что модернизация внутреннего контроля способствует повышению финансовой устойчивости, сохранности активов и достоверности отчетности сельскохозяйственных организаций.

Ключевые слова: внутренний контроль, агропромышленный комплекс, внутренний аудит, риски, цифровизация, биологические активы, эффективность управления

IMPROVING THE INTERNAL CONTROL SYSTEM IN AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX ORGANIZATIONS

Kochelороva Galina Valentinovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk state agrarian university, Krasnoyarsk, Russia
kochelороva@mail.ru

Abstract. The article discusses the current problems of organizing and functioning of the internal control system (ICS) in organizations of the agro-industrial complex (AIC). The specifics of agricultural production, which are determined by seasonality, biological assets, and high dependence on natural and climatic factors, require adaptation of standard control procedures. The article analyzes the existing risks specific to the agricultural industry and proposes ways to improve the ICS, including the implementation of a risk-based approach, digitalization of control processes, and integration of internal audit into strategic management. It is substantiated that the modernization of internal control contributes to increasing the financial stability, safety of assets, and reliability of reporting of agricultural organizations.

Keywords: internal control, agro-industrial complex, internal audit, risks, digitalization, biological assets, management efficiency

Агропромышленный комплекс является стратегически важной отраслью экономики Российской Федерации, обеспечивающей продовольственную безопасность страны [4]. В условиях нестабильности внешних рынков, санкционного давления и колебания валютных курсов, повышение эффективности управления сельскохозяйственными организациями выходит на первый план. Ключевым элементом системы управления, обеспечивающим достижение поставленных целей, сохранность активов и достоверность финансовой информации, является система внутреннего контроля. Однако практика функционирования СВК в организациях АПК свидетельствует о наличии ряда системных проблем. Часто контроль воспринимается руководством как формальное требование законодательства, а не

как инструмент повышения эффективности. Сельскохозяйственная отрасль обладает своеобразными особенностями, например, удаленность производственных участков, длительный производственный цикл и сложность оценки биологических активов, в связи с чем возникают уникальные зоны риска, которые не всегда покрываются типовыми методиками контроля.

Целью исследования является разработка мероприятий по совершенствованию системы внутреннего контроля в организациях АПК с учетом отраслевой специфики и современных технологических трендов.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- выявить ключевые особенности внутреннего контроля в сельском хозяйстве;
- проанализировать типичные недостатки существующих систем и предложить механизмы их устранения.

Организация внутреннего контроля в агропромышленном комплексе существенно отличается от контроля в промышленных или торговых предприятиях. Эти отличия продиктованы технологическими и экономическими особенностями отрасли [7,9]:

1. Высокая материалоемкость производства. Доля материальных затрат в себестоимости продукции АПК может достигать 60–70% [7]. Это касается ГСМ, удобрений, семян, кормов и запасных частей, а риск хищений, нецелевого использования или порчи материалов в таких условиях критически высок, поэтому контроль должен быть непрерывным и охватывать весь цикл от закупки до списания в производство [6].

2. Наличие биологических активов. Учет и контроль за поголовьем скота, многолетними насаждениями или растущими культурами затруднен из-за их способности к изменению массы и состояния [2,7]. Традиционные методы инвентаризации (пересчет, взвешивание) трудоемки и не всегда точны. Ошибка в оценке биологических активов напрямую искажает финансовый результат сельскохозяйственной организации.

3. Сезонность и пространственная рассредоточенность. Полевые работы ведутся на больших территориях, часто удаленных от центральной усадьбы. Это затрудняет оперативный контроль за использованием техники и соблюдением агротехнологий, кроме того, сезонность производства создает пиковые нагрузки на персонал, что повышает риск ошибок из-за усталости или привлечения временных работников. На рисунке 1 представлены недостатки, которые могут присутствовать в организации внутреннего контроля сельскохозяйственной организации.

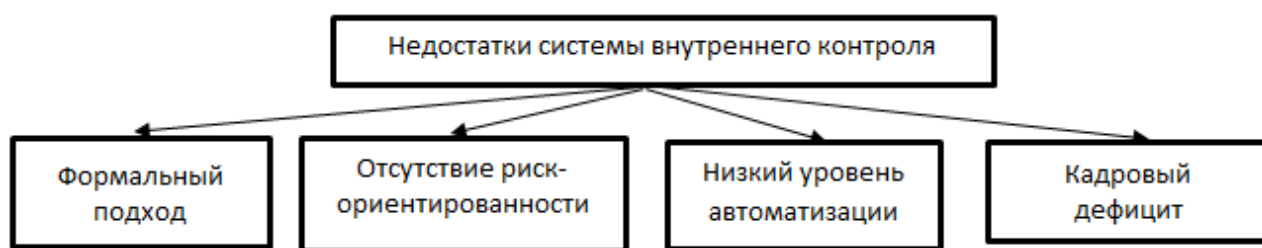

Рисунок 1 – Недостатки системы внутреннего контроля

Во многих организациях система внутреннего контроля сводится к подписанию документов и проведению ежегодной инвентаризации. Превентивный контроль (до совершения хозяйственной операции) развит слабо [6]. Контрольные процедуры часто унифицированы и не учитывают специфические риски конкретного предприятия (например, риски падежа скота в животноводстве или риски засухи в растениеводстве). Ресурсы службы контроля распыляются на второстепенные участки, в то время как ключевые зоны риска остаются без внимания. Значительная часть контрольных процедур выполняется вручную. Это приводит к задержкам в получении информации, человеческим ошибкам и возможности манипуляций с данными. Отсутствие интеграции между учетными системами (бухгалтерия, склад, агрономический учет) создает «информационные разрывы» [8]. Кадровый дефицит

проявляется в недостаточности квалифицированных специалистов, понимающих одновременно и специфику бухгалтерского учета в сельском хозяйстве, и агротехнологиях, применяемых организацией. Очень часто проверяющие не обладают компетенциями для оценки обоснованности списания горюче смазочных материалов или норм высева семян [3,9].

В связи с вышеизложенным с целью повышения эффективности системы внутреннего контроля в организациях АПК предлагается комплекс мер, направленных на трансформацию контроля из карательной функции в управленческую (см.рис.2).

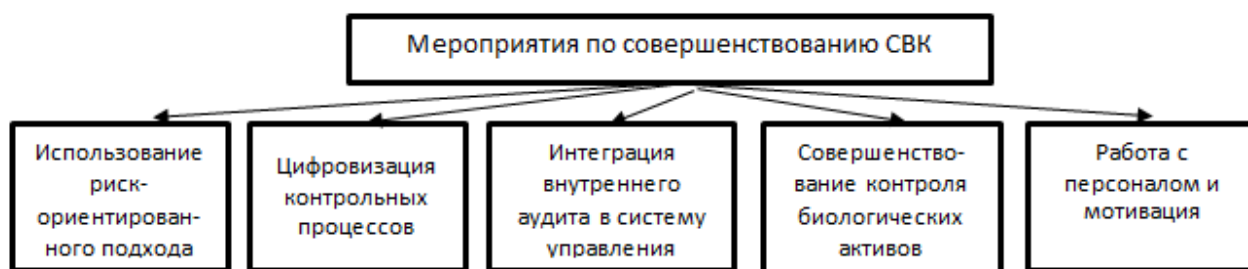

Рисунок 2 – Мероприятия по совершенствованию системы внутреннего контроля в организациях АПК

Основой современной системы внутреннего контроля должна стать карта рисков [11]. Для предприятий АПК целесообразно классифицировать риски по следующим группам [8]:

- производственные риски: гибель урожая, болезни животных, поломка техники;
- финансовые риски: кассовые разрывы, рост кредиторской задолженности, валютные колебания (при импорте техники/семян);
- операционные риски: хищения товарно-материальных ценностей, ошибки в бухгалтерском учете выработки, нарушения технологии.

На основе карты рисков разрабатывается регламент контрольных мероприятий. Высокорисковые зоны (например, склад ГСМ, учет молока, реализация зерна) должны проверяться чаще и с использованием более глубоких процедур. Низкорисковые участки могут проверяться выборочно. Это позволит оптимизировать затраты на содержание службы внутреннего контроля организации.

Информационные технологии являются ключевым драйвером совершенствования системы внутреннего контроля [8]. Внедрение комплексных ERP-систем (например, на базе «1С: ERP АПК») позволяет создать единое информационное пространство [8,9].

Конкретные инструменты цифрового контроля включают:

1. Системы спутникового мониторинга (ГЛОНАСС/GPS), которые позволяют контролировать перемещение разных видов техники, расход топлива и соблюдение маршрутов, при этом проверяющий контролер может получить автоматические сигналы о сливе топлива или простое техники в нерабочее время [8].
2. Автоматизированные весовые комплексы. Интеграция весов с учетной системой исключает возможность «приписок» веса при приемке урожая или отгрузке продукции. Данные попадают в базу автоматически, без участия оператора [8].
3. Системы видеонаблюдения с аналитикой. Современные камеры с функцией распознавания образов могут фиксировать нарушения техники безопасности или несанкционированный доступ на склады [8].
4. Электронный документооборот (ЭДО). Минимизирует риск утери первичных документов и ускоряет процесс согласования [6,8].

Важным аспектом является внедрение систем бизнес-аналитики (BI-систем), которые позволяют руководству в режиме реального времени видеть отклонения плановых показателей от фактических [8,10]. Например, если фактический расход удобрений на гектар превышает плановый на 10%, система автоматически формирует запрос для службы

внутреннего контроля.

Служба внутреннего контроля не должна быть изолирована от органов управления организацией, но в то же время она должна быть независимой. Также функционал службы внутреннего контроля должен быть расширен за счет оказания консультационных услуг. Специалисты внутреннего контроля должны не только искать ошибки, но и предлагать способы оптимизации бизнес-процессов [3]. Целесообразно внедрить практику «сопровождения проектов». При запуске нового направления (например, строительство нового животноводческого комплекса) специалисты внутреннего контроля участвуют в разработке смет и тендерных процедур на этапе планирования, что предотвращает неэффективные затраты до их возникновения [9].

Для решения проблемы учета биологических активов предлагается использовать современные технологии идентификации [7]. В животноводстве это электронные бирки с RFID-метками, позволяющие автоматически фиксировать перемещение животных, надой и ветеринарные обработки [8]. В растениеводстве перспективным является использование данных дистанционного зондирования земли (дроны, спутники) для оценки всхожести и состояния посевов [8]. Эти данные служат независимым источником информации для сверки с данными агрономического учета.

Следует отметить, что эффективность системы внутреннего контроля напрямую зависит от исполнительской дисциплины [6], поэтому необходимо разграничить зоны ответственности. Материально ответственные лица должны регулярно проходить аттестацию. Система мотивации сотрудников службы внутреннего контроля должна быть привязана не к количеству найденных нарушений, а к предотвращенным убыткам и улучшению показателей контролируемых подразделений [10]. Это позволит минимизировать конфликт интересов между контролирующими и контролируемыми лицами. Также важным элементом является обучение линейных руководителей основам внутреннего контроля. Бригадир или главный зоотехник должны понимать, что контрольные процедуры (например, правильное оформление путевых листов) необходимы в первую очередь для защиты их собственных интересов и корректного расчета заработной платы [3,6].

Таким образом, совершенствование системы внутреннего контроля в организациях агропромышленного комплекса является необходимым условием их устойчивого развития в современной экономической среде. Проведенное исследование показало, что традиционные методы контроля не отвечают вызовам отрасли из-за высокой специфики производственных процессов, а предложенный комплекс мер, включающий переход к риск-ориентированной модели, глубокую цифровизацию на базе IoT и ERP-систем, а также повышение квалификации персонала, позволит усовершенствовать систему внутреннего контроля в организации. Внедрение данных рекомендаций позволит сельскохозяйственным организациям снизить уровень операционных рисков, минимизировать потери от хищений и неэффективного использования ресурсов, а также повысить достоверность управленческой отчетности.

В перспективе развитие системы внутреннего контроля в АПК будет связано с внедрением элементов искусственного интеллекта для прогнозирования рисков и блокчейн-технологий для обеспечения неизменности цепочек поставок [8]. Однако уже на текущем этапе интеграция доступных цифровых инструментов в систему контроля способна дать значительный экономический эффект.

Список литературы

1. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» - [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 25.02.2026).
2. Астахов, В. П. Теория бухгалтерского учета: учебник / В. П. Астахов. – 12-е изд. – Ростов н/Д: Феникс, 2022. – 450 с.

3. Барышников, Н. П. Внутренний аудит и контроль в системе управления предприятием АПК / Н. П. Барышников // Агропродовольственная политика России. – 2021. – № 5. – С. 45-52.
4. Гетьман, В. Г. Бухгалтерский финансовый учет: учебник / В. Г. Гетьман. – М.: Финансы и статистика, 2020. – 680 с.
5. Данилевский, Ю. А. Большой бухгалтерский словарь / Ю. А. Данилевский, Н. А. Ширин. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 580 с.
6. Ерофеева, В. А. Внутренний контроль в организации: учебное пособие / В. А. Ерофеева. – М.: КНОРУС, 2021. – 230 с.
7. Кондраков, Н. П. Бухгалтерский учет в сельском хозяйстве / Н. П. Кондраков. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 410 с.
8. Мизиковский, Е. А. Теория и практика внутреннего контроля в условиях цифровизации экономики / Е. А. Мизиковский // Учет. Анализ. Аудит. – 2023. – Т. 10. – № 2. – С. 15-24.
9. Суглобов, А. Е. Аудит и внутренний контроль в АПК: современные проблемы и решения / А. Е. Суглобов, И. Н. Жариков. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. – 315 с.
10. Шеремет, А. Д. Комплексный анализ хозяйственной деятельности / А. Д. Шеремет. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 500 с.
11. COSO Internal Control – Integrated Framework (2013). Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission - <https://www.coso.org/internal-control> (дата обращения 25.02.2026).

УДК 331.108.3

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ РУКОВОДИТЕЛЯ

Литвинова Валентина Сергеевна¹, кандидат сельскохозяйственных наук
Фомина Людмила Владимировна², кандидат сельскохозяйственных наук, доцент
Вяткина Галина Ярославна³, кандидат биологических наук
^{1,2,3} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
¹ tina.litvinova@mail.ru ² lyfomina@yandex.ru ³ vip.slavna@mail.ru

Аннотация. В статье приведена методика оценки эффективности работы руководителей организации. Представлен алгоритм расчета

Ключевые слова: функции руководителя, полномочия, коэффициенты качества выполнения управленческих функций

ASSESSMENT OF THE MANAGER'S EFFICIENCY

Litvinova Valentina Sergeevna¹, Candidate of Agricultural Sciences
Fomina Lyudmila Vladimirovna², Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor
Vyatkina Galina Yaroslavna³, Candidate of Biological Sciences
^{1,2,3} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
¹ tina.litvinova@mail.ru ² lyfomina@yandex.ru ³ vip.slavna@mail.ru

Abstract. This article presents a methodology for assessing the performance of organizational managers. A calculation algorithm is presented.

Keywords: managerial functions, authority, performance quality factors for managerial functions

Эффективное управление является важной частью любой управленческой деятельности. Распределение полномочий необходимо рассматривать как один из способов достижения главных задач руководителя [1-5].

Под полномочиями подразумевается совокупность официальных прав и обязанностей самостоятельно принимать решения, отдавать распоряжения и выполнять те или иные действия в интересах организации. Полномочия объединяют функции руководителей, формируя систему управления в организации. Полномочиями наделяются подразделение или отдельная должность в связи с выполнением возложенных на них функций [1-5].

Методика оценки работы руководителей базируется на определении показателей качества функций управления. При этом коэффициент качества выполнения управленческих функций определяется по формуле:

$$K_{\text{к.ф.у.}} = \frac{K_1 - K_2}{2}, \quad (1)$$

По результатам предлагаемой методики итоги труда руководителей определяются по показателям производственной деятельности возглавляемых ими коллективов и не зависят от количества подготовленной и изданной документации на предприятии.

Коэффициент регламентации функций управления определяется по формуле:

$$K_1 = \frac{K_p}{K_o}, \quad (2)$$

где K_p – количество функций (процедур), обеспеченных регламентирующей документацией;

K_o – общее количество функций (процедур).

Коэффициент дублирования функций управления определяется по формуле:

$$K_2 = \frac{K_d}{K_o}, \quad (3)$$

где K_d – количество функций (процедур), дублируемых функций аппарата.

Как считают большинство авторов, наиболее приемлемой оценкой эффективности работы руководителя организации может выступить востребованная продукция. При этом если произведённая продукция успешно реализуется, значит, руководителю можно поставить знак плюс, если нет – знак минус.

Функции являются дополнением не полного перечня должностных обязанностей, которые расположены в трудовом договоре. Функциональная матрица разделения труда показывает невозможность одинаково эффективного выполнения одним человеком различных функций. В таблице 1 представлено разделение функций между директором и коммерческим директором коммерческой организации.

Таблица 1 – Функциональная матрица разделения труда

Директор	Коммерческий директор
Производить контроль производственного процесса	Осуществлять бухгалтерский учет
Своевременно давать поставщикам заявки на поставку производственных товаров	Осуществлять налоговый учет
Осуществлять учет финансово- хозяйственной деятельности предприятия	
Общее руководство предприятием	
Формирование идей в области предпринимательской политики	
Учет материальных и нематериальных ценностей	
Учет затрат и результатов продаж	
Заключение договоров	
Материально техническое обеспечение деятельности предприятия	
Обеспечение социально экономического развития предприятия	
Обеспечение социальной защищенности сотрудников	
	Обеспечение бизнес- процессами кадров
	Повышение квалификации кадров
	Переподготовка кадров
	Учет движения кадров

В связи с тем, что у руководителей много повторяющихся функций, а как следствие и полномочий персонал не четко выполняет распоряжение, что приводит к ухудшению работоспособности предприятия.

Распределение полномочий необходимо для того, что бы разделяя полномочия и ответственность не возникла стрессовая ситуация и постановка противоречивых задач перед подчиненными. В таблице 2 представлены, к каким полномочиям относятся функции управления.

Таблица 2 - Матрица распределения функций

Полномочия	Функции
Согласительные	Осуществлять бухгалтерский учет
	Осуществлять налоговый учет
	Осуществлять учет финансово- хозяйственной деятельности предприятия
	Учет материальных и нематериальных ценностей
	Учет затрат и результатов продаж
	Материально техническое обеспечение деятельности предприятия
	Обеспечение социально экономического развития предприятия
Представительские	Общее руководство предприятием
	Заключение договоров

Распорядительные	Своевременно давать поставщикам заявки на поставку производственных товаров
	Производить контроль производственного процесса
Рекомендательные	Формирование идей в области предпринимательской политики
	Обеспечение бизнес- процессами кадров
	Повышение квалификации кадров
	Переподготовка кадров
	Учет движения кадров
	Обеспечение социальной защищенности сотрудников

Эффективность работы руководителей напрямую зависит от взаимосвязи цели работы организации, взаимосвязанными функциями управления, делегированием полномочий и результатами работы организации.

В таблице 3 представлены коэффициенты управления, которые отражают качество управленческого аппарата.

Таблица 3 – Расчет коэффициентов коммерческой организации.

Коэффициенты	Факт		План	
	Директор	Коммерческий директор	Директор	Коммерческий директор
Коэффициент регламентации функций управления	0,25	0,24	1	1
Коэффициент дублирования функций управления	0,75	0,53	0,25	0,22
Коэффициент качества управленческих функций	-0,25	-0,15	0,375	0,39

В фактической ситуации коэффициент регламентации функций управления выражен не систематически. Коэффициент дублирования функций управления выражен хорошо. Общий коэффициент эффективности работы руководителя показывает, что эффективность мало выраженная. При этом, при оптимальном функционировании организации коэффициент регламентации функций управления должен быть выражен очень хорошо. Коэффициент дублирования функций управления выражен не систематически. Общий коэффициент эффективности работы руководителя хорошо выражен.

Делегирование полномочий обязательно связано с мотивацией, влиянием и лидерством. В связи с этим, можно выделить причины низкой эффективности делегирования. Нежелание руководителей делегировать полномочия связано с отсутствием доверия к подчиненным; трудностями осуществления контроля; наличие «сильных» личностей, представляющих угрозу; многоуровненность процесса принятия решений. Тем не менее, нежелание подчиненных брать ответственность связано с отсутствием желания у сотрудников брать на себя ответственность и искать алгоритм решения задач самостоятельно; боязнь критики за совершенные ошибки; отсутствие информации и ресурсов, необходимых для успешного выполнения задания; многозадачность и отсутствие уверенности в себе [6-8].

Количество функций, приходящихся на одного руководителя, затраты на их осуществление, длительность и качество осуществляемых функций приведет к сокращению потерь рабочего времени и сокращению времени на сверхурочные работы. Делегирование полномочий должно быть методом, применяющимся не от случая к случаю, а действующим постоянно. При делегировании полномочий нельзя забывать, что подчиненному следует передавать не только обязанности, но и права, власть.

Список литературы

- 1 Кейт Кинан. Делегирование полномочий. [Текст]/ КейтКинан. -Эксмо, 2006.- 568с.
- 2 Огородников, П. И. Методика оценки эффективности работы руководителя в сельскохозяйственной организации / П. И. Огородников, Г. Е. Мазуренко // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2013. – № 5(43). – С. 182-184. – EDN RHAAUF.
- 3 Юнусов, М. Б. Методология оценки управленческого персонала / М. Б. Юнусов, А. М. Есиркепова // Вестник Карагандинского университета. Серия: Экономика. – 2019. – Т. 95, № 3. – С. 232-238. – EDN SMZWZC.
- 4 Литвинова, В. С. Управление подбором персонала в организациях АПК / В. С. Литвинова, Л. В. Фомина // Научно-практические аспекты развития АПК: Материалы Всероссийской (Национальной) научной конференции, Красноярск, 22 ноября 2024 года. - Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2024. - С. 278-280. EDN: LSBCQQ
- 5 Литвинова, В. С. О нормативно-методическом регулировании системы управления персоналом / В. С. Литвинова // Право и государство: теория и практика. - 2023. - № 8(224). - С. 282-285. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_8_282 EDN: NVLWDX
- 6 Вяткина, Г. Я. Благополучие персонала организации: факторы и оценка / Г. Я. Вяткина, Л. В. Фомина, В. С. Литвинова // Наука: опыт, проблемы, перспективы развития: Материалы международной научно-практической конференции, Красноярск, 09-11 апреля 2025 года. - Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2025. - С. 88-91. EDN: IRGVMG
- 7 Фомина, Л. В. О способах стимулирующего воздействия на рабочий персонал муниципального унитарного предприятия / Л. В. Фомина, В. С. Литвинова // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития: Материалы международной научно-практической конференции, Красноярск, 16-18 апреля 2024 года. - Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2024. - С. 20-24. EDN: SEAFDA
- 8 Litvinova, V. S. Peculiarities of the personnel policy formation in agricultural organizations / V. S. Litvinova, N. V. Antonova, Zh. N. Shmeleva // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, Krasnoyarsk, 16-19 июня 2021 года / Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering. Vol. Volume 839. - Krasnoyarsk: IOP Publishing Ltd, 2021. - P. 22081. DOI: 10.1088/1755-1315/839/2/022081 EDN: FDTDBW

УДК 336.767

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Марышева Юлия Владимировна¹, старший преподаватель

Афанасьева Анастасия Андреевна², студент

^{1,2} Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I, Воронеж, Россия

¹ serik-yuliya@yandex.ru ² nastyavesta050303@mail.ru

Аннотация. Исследуются структурные и институциональные проблемы развития рынка ценных бумаг в России. Рассматриваются факторы, влияющие на функционирование фондового рынка в условиях трансформации финансовой системы. Особое внимание уделяется перспективным направлениям развития, связанным с первичным размещением акций, рынком корпоративных облигаций и цифровыми финансовыми активами. Показано, что развитие данных сегментов формирует новые механизмы привлечения инвестиционного капитала.

Ключевые слова: рынок ценных бумаг, фондовый рынок, первичное публичное размещение акций, корпоративные облигации, цифровые финансовые активы, инвестиционный капитал

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE SECURITIES MARKET IN THE RUSSIAN FEDERATION

Marysheva Yulia Vladimirovna¹, Senior Lecturer

Afanasyeva Anastasia Andreevna², Student

^{1,2} Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I, Voronezh, Russia

¹ serik-yuliya@yandex.ru ² nastyavesta050303@mail.ru

Abstract. The structural and institutional problems of the securities market development in Russia are investigated. The factors influencing the functioning of the stock market in the context of the transformation of the financial system are considered. Special attention is paid to promising areas of development related to the initial public offering of shares, the corporate bond market and digital financial assets. It is shown that the development of these segments forms new mechanisms for attracting investment capital.

Keywords: securities market, stock market, initial public offering of shares, corporate bonds, digital financial assets, investment capital

Рынок ценных бумаг играет важную роль в перераспределении финансовых ресурсов и инвестиционном обеспечении экономики, выступая механизмом мобилизации капитала и его направления в хозяйственную деятельность. Под инвестиционным обеспечением экономики в данном случае понимается создание условий для привлечения и перераспределения капитала, при которых сбережения и временно свободные денежные средства трансформируются в инвестиции, направляемые в развитие предприятий, отраслей и хозяйственных проектов. В научной литературе развитие данного рынка рассматривается с помощью влияния внешнеэкономических факторов, изменения структуры участников, совершенствования регулирования и защиту прав инвесторов, а также трансформацию финансовой инфраструктуры. Е.П. Огородникова отмечает, что рынок ценных бумаг обеспечивает движение инвестиционных ресурсов между экономическими субъектами [5]. К.О. Тернавченко указывает на влияние внешнеэкономических условий на функционирование фондового рынка [7]. Г.Г. Калатози подчеркивает значение эффективного регулирования и защиты инвесторов [3]. М.А. Брызгалова обращает внимание на роль

институциональной среды финансового рынка [2]. Цель исследования заключается в выявлении ключевых проблем развития рынка ценных бумаг в России и обосновании перспектив его развития.

Функционирование российского рынка ценных бумаг в современных условиях характеризуется совокупностью взаимосвязанных экономических и институциональных ограничений, формирующих системный характер проблем его развития. Текущие трудности рынка не сводятся к краткосрочным колебаниям конъюнктуры, поскольку они связаны со структурными особенностями финансовой системы, изменением состава участников и трансформацией источников инвестиционного капитала. Е.П. Огородникова отмечает, что рынок ценных бумаг выступает важным элементом финансовой системы и обеспечивает перераспределение инвестиционных ресурсов между экономическими субъектами [5].

Современная динамика рынка характеризуется зависимостью от внешних экономических факторов и изменением структуры финансовых потоков. К.О. Тернавченко указывает, что геополитические ограничения и санкционные факторы оказывают заметное влияние на функционирование фондового рынка, изменяя направления движения капитала и инвестиционную активность участников [7]. В результате снижается участие иностранных инвесторов и возрастает значение внутренних источников инвестиционного капитала.

Существенной особенностью современного этапа развития рынка становится расширение инвесторской базы и рост числа участников финансовых операций. О.В. Тахумова отмечает, что развитие российского рынка ценных бумаг сопровождается увеличением интереса населения к инвестиционной деятельности и более широким использованием финансовых инструментов [6]. Однако увеличение числа участников одновременно формирует новые риски, связанные с уровнем финансовой грамотности инвесторов и особенностями функционирования финансовой инфраструктуры.

Значительное влияние на развитие рынка оказывают институциональные условия его функционирования. М.А. Брызгалова подчеркивает, что динамика рынка ценных бумаг определяется сочетанием макроэкономических факторов, состояния финансовой инфраструктуры и институциональной среды финансового рынка [2]. При этом структурные особенности экономики и ограниченная диверсификация эмитентов усиливают зависимость фондового рынка от внешней экономической конъюнктуры.

Существенную роль в обеспечении устойчивости финансового рынка играет система правового регулирования. Г.Г. Калатози отмечает, что развитие рынка ценных бумаг требует совершенствования механизмов государственного регулирования, направленных на повышение прозрачности операций, защиту прав инвесторов и развитие финансовой инфраструктуры [3]. Недостаточная развитость механизмов защиты инвесторов и различия в уровне финансовой грамотности участников формируют дополнительные институциональные риски функционирования рынка.

Таким образом, проблемы развития российского рынка ценных бумаг связаны не только с воздействием внешних экономических факторов, но и с институциональными ограничениями финансовой системы.

Данные таблицы 1 свидетельствуют неоднородности развития российского рынка ценных бумаг и различиях в динамике его отдельных сегментов. Общий рынок по-прежнему сохраняет уязвимость к внешнеэкономическим условиям и институциональным ограничениям, связанным с изменением структуры и сокращением международного капитала. В то же время внутри финансовой системы формируются сегменты, в которых развитие не прекращается и продолжает демонстрировать потенциал роста. Анализ структуры рынка позволяет сделать вывод о том, что дальнейшие перспективы развития связаны не с механическим расширением всех операций на рынке ценных бумаг, а с усилением тех сегментов, которые способны привлекать инвестиционный капитал и формировать новые механизмы финансирования экономики. Именно поэтому дальнейший анализ целесообразно сосредоточить на направлениях развития рынка, в которых уже

проявились реальные механизмы его институционального и технологического обновления.

Таблица 1 – Ключевые сегменты российского рынка ценных бумаг, их ограничения и перспективы развития

Сегмент	Состояние и статистический сигнал	Ключевые проблемы
Общий рынок акций	В 2022 году капитализация рынка составила 560,7 млрд долл., отношение капитализации к ВВП 33,6%	Геополитическая волатильность, сокращение внешнего капитала, сырьевой перекос, низкая диверсификация
Инвесторская база и инфраструктура	По состоянию на февраль 2025 года действовали 254 брокера, 279 дилеров, 177 доверительных управляющих, 262 депозитария и 34 регистратора	Низкая финансовая грамотность, инфраструктурные риски, ограниченная ликвидность, необходимость защиты инвестора
IPO	После 2022 года сформировалась новая волна IPO, сделки которой демонстрируют более высокую эффективность для инвесторов	Зависимость от рыночного оптимизма, риск роста доли SPO и снижения качества ценообразования
Корпоративные облигации	По итогам 2023 года объем выпущенных корпоративных облигаций составил 12% ВВП. В 2024 году через них было привлечено 1,8 трлн руб.	Зависимость от ключевой ставки и инфляции, проблемы раскрытия информации, качество эмитентов, правовые пробелы и риски для частного инвестора
Цифровые финансовые активы	В 2023 году в России было выпущено 323 ЦФА общим объемом 59,2 млрд руб., число новых эмитентов выросло с 10 до 85	Правовая и технологическая настройка сегмента, кибер-риски, сложность интеграции с традиционным рынком

Источник: составлено по данным [1; 4; 5; 7; 8]

Перспективы развития российского рынка ценных бумаг связаны с совершенствованием механизмов привлечения инвестиционного капитала и модернизацией финансовой инфраструктуры. Одним из ключевых направлений выступает развитие «первичного публичного размещения акций». А. Е. Абрамов отмечает, что рынок IPO (Initial Public Offering, первичное публичное размещение акций), представляющий собой первое публичное предложение акций компании широкому кругу инвесторов на организованном рынке, продолжает выполнять функцию привлечения капитала и расширения инвестиционных возможностей компаний [1]. Существенной тенденцией становится рост доли размещений, направленных на привлечение нового капитала, тогда как сделки перепродажи пакетов акций утрачивают доминирующее положение. Вместе с тем эффективность новой волны размещений не является гарантированной, поскольку уже в 2024 году отмечаются признаки снижения качества отдельных размещений. М.А. Брызгалова подчеркивает значение институциональной среды и состояния финансовой инфраструктуры для устойчивого функционирования рынка ценных бумаг [2].

Вторым направлением развития выступает рынок «корпоративных облигаций», который становится важным источником внутреннего долгового финансирования экономики. М.О. Козлов отмечает, что данный сегмент обеспечивает диверсификацию источников инвестиционных ресурсов и расширяет возможности финансирования компаний [4]. По итогам 2023 года объем корпоративных облигаций составил около 12% валового внутреннего продукта, а в 2024 году через данный инструмент было привлечено около 1,8 трлн руб. [4]. Однако развитие сегмента сопровождается институциональными проблемами, связанными с качеством эмитентов, раскрытием информации и рисками для частных инвесторов. В этой связи Г.Г. Калатоци отмечает необходимость совершенствования правового регулирования и усиления механизмов защиты инвесторов [3].

Третьим направлением развития становится формирование сегмента «цифровых финансовых активов», отражающего процессы цифровой трансформации финансовой системы. Н.Д. Эмиров указывает, что развитие данного сегмента расширяет возможности привлечения капитала и формирует новые инструменты инвестиционной деятельности [8].

Использование цифровых технологий ускоряет выпуск финансовых инструментов, снижает транзакционные издержки и расширяет доступ инвесторов к операциям на финансовом рынке. При этом цифровизация не заменяет традиционные формы обращения ценных бумаг, а формирует дополнительный контур развития финансового рынка. Важную роль в регулировании данного сегмента играет Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» № 259-ФЗ от 22.07.2020 г. [9]. Е.П. Огородникова также отмечает, что развитие цифровых технологий способствует модернизации инфраструктуры финансового рынка [5].

Таким образом развитие IPO, корпоративных облигаций и цифровых финансовых активов формирует ключевые механизмы адаптации рынка ценных бумаг, расширения внутренних источников финансирования и технологического обновления финансовой системы.

Проведенное исследование показало, что развитие российского рынка ценных бумаг определяется совокупностью экономических и институциональных факторов. Проблемы его функционирования носят не только конъюнктурный, но и структурно институциональный характер и связаны с воздействием внешнеэкономических ограничений и состоянием финансовой системы. Рынок ценных бумаг сохраняет важную роль в перераспределении инвестиционных ресурсов и обеспечении движения капитала между различными секторами экономики. При этом потенциал его развития сохраняется, однако реализуется неравномерно и проявляется преимущественно в отдельных сегментах финансового рынка. Наиболее заметную роль в этом процессе играют механизмы «первичного публичного размещения акций», развитие рынка «корпоративных облигаций» и формирование сегмента «цифровых финансовых активов». Теоретическое значение полученных результатов заключается в объединении общерыночного и сегментного подходов к анализу развития рынка ценных бумаг. Практическое значение состоит в обосновании необходимости комплексного развития финансового рынка, включающего совершенствование регулирования, повышение уровня защиты инвесторов, развитие внутренних источников финансирования и модернизацию финансовой инфраструктуры.

Список литературы

1. Абрамов А.Е., Чернова М.И. IPO акций российских компаний: теория, индикаторы, тренды и перспективы // Финансовый журнал. 2024. Т. 16. №. 6. С. 42-60.
2. Брызгалова М.А., Виншу Д.В. Факторы, влияющие на рынок ценных бумаг в России // Финансовые рынки и банки. 2024. №. 2. С. 77-80.
3. Калатози Г.Г. Развитие и регулирование российского рынка ценных бумаг // Государственная служба и кадры. 2025. №. 1. С. 140-148.
4. Козлов М.О. Основные тенденции и проблемы развития рынка корпоративных облигаций в России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. №. 3 (121). С. 159-166.
5. Огородникова Е.П. Современное состояние российского рынка ценных бумаг // Век качества. 2025. №. 2. С. 158-175.
6. Тахумова О.В. и др. Проблемы и перспективы развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации // Вестник Академии знаний. 2024. №. 1 (60). С. 449-452.
7. Тернавченко К.О., Лехман Е.В., Подиева Е.А. Перспективы развития фондового рынка РФ в условиях геополитической нестабильности // Научный результат. Экономические исследования. 2024. Т. 10. №. 1. С. 128-138.
8. Эмиров Н.Д., Макаров М.Ю. Трансформация российского рынка цифровых финансовых активов на современном этапе // Экономика и управление. 2024. Т. 30. №. 7. С. 840-849.
9. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс (дата обращения: 15.03.2026).

УДК 336.14:631.16

ВЛИЯНИЕ СУБСИДИЙ АПК НА ДОХОДЫ РЕГИОНАЛЬНОГО БЮДЖЕТА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Паршуков Денис Викторович, кандидат экономических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
parshukov83@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности бюджетных расходов в условиях ограниченности ресурсов и возрастающей нагрузки на региональные бюджеты. В статье выявлен структурный дисбаланс: при доле федеральных субсидий 9% от общего объема поддержки федеральный бюджет аккумулирует 76% налоговых поступлений, в то время как региональные субсидии демонстрируют отдачу на уровне 5,9 копейки на рубль.

Ключевые слова: бюджетная эффективность, субсидии АПК, межбюджетные отношения, налоговые поступления, региональный бюджет, федеральный бюджет, Красноярский край, фискальная нагрузка, Парето-эффективность

THE IMPACT OF AGRI-INDUSTRIAL SUBSIDIES ON REGIONAL BUDGET REVENUES IN KRASNOYARSK KRAI

Parshukov Denis Viktorovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
parshukov83@mail.ru

Abstract. The relevance of this study stems from the need to improve the efficiency of budget expenditures in the face of limited resources and the increasing burden on regional budgets. The article identifies a structural imbalance: with federal subsidies accounting for 9% of total support, the federal budget accumulates 76% of tax revenues, while regional subsidies demonstrate a return of 5.9 kopecks per ruble.

Keywords: budget efficiency, agricultural subsidies, interbudgetary relations, tax revenues, regional budget, federal budget, Krasnoyarsk Krai, fiscal burden, Pareto efficiency

Введение. Государственная поддержка агропромышленного комплекса выступает ключевым фактором обеспечения устойчивого развития отрасли и продовольственной безопасности страны. В условиях макроэкономической нестабильности, санкционного давления и необходимости импортозамещения субсидирование сельскохозяйственного производства приобретает особую значимость. Многочисленные исследования подтверждают, что без государственной поддержки аграрный сектор становится системно убыточным вследствие высокой капиталоемкости, длительного производственного цикла, зависимости от природно-климатических факторов и низкой рентабельности, обусловленной диспаритетом цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию [1, 5].

В этом контексте субсидии выполняют не только функцию поддержания финансовой устойчивости сельскохозяйственных товаропроизводителей, но и играют важную роль в формировании налогооблагаемой базы. Предоставляемые бюджетные средства трансформируются в налоговые доходы бюджетов различных уровней через механизмы налогообложения прибыли, имущества, добавленной стоимости, а также страховых взносов, уплачиваемых работниками отрасли. Таким образом, бюджетные инвестиции в АПК потенциально способны генерировать фискальную отдачу, которая может существенно различаться в зависимости от уровня бюджетной системы [2].

Современное состояние отрасли растениеводства Красноярского края характеризуется неоднозначными тенденциями. Как отмечают Гаврилова О.Ю., Филимонова Н.Г. и Ермакова И.Н. [6], в регионе наблюдается необходимость обновления материально-технической базы, расширения применения цифровых технологий и точного земледелия, а также увеличения доли посевов элитными семенами и экспортно-ориентированными культурами. Одновременно с этим финансовое состояние сельскохозяйственных организаций края демонстрирует признаки ухудшения: снижение прибыли и рентабельности вследствие роста себестоимости производства, уменьшение оборачиваемости активов и увеличение зависимости от заемного капитала [7].

Целью настоящего исследования является оценка влияния субсидирования агропромышленного комплекса на доходы регионального бюджета Красноярского края и выявление дисбалансов в распределении фискальной нагрузки между уровнями бюджетной системы. Для достижения поставленной цели используются официальные данные Министерства сельского хозяйства Красноярского края и Федеральной налоговой службы за период 2020-2024 гг.

Методы исследования. Методологической основой исследования послужил системный подход к анализу бюджетной эффективности субсидирования агропромышленного комплекса. В работе использован комплекс взаимодополняющих методов экономического анализа: сравнительный анализ динамики абсолютных и относительных показателей за период 2020–2024 гг., структурный анализ распределения финансовых потоков между бюджетами различных уровней, коэффициентный анализ эффективности на основе расчета системы взаимоувязанных показателей.

Результаты. Объемы субсидирования сельского хозяйства Красноярского края остаются самыми высокими в Сибирском федеральном округе, стабильно превышая уровень 10 млрд рублей. Динамика сельскохозяйственного производства и субсидирования представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты сельскохозяйственной деятельности и объемы субсидирования в Красноярском крае за 2020-2024 гг.

Показатель	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год	Рост за период, %
Продукция сельского хозяйства, млн. рублей	105973	122139	126277	118423	123828	116,8
Объем субсидий – всего, млн. рублей	8457,3	9498,3	10000,9	10942,8	10279,8	121,5
Приходится субсидий на 1000 рублей стоимости продукции сельского хозяйства, рублей	79,8	77,8	79,2	92,4	83,0	104,0
прямой поддержки	61,7	61,1	62,5	71,8	61,4	99,5

За период 2020–2024 гг. стоимость произведенной сельскохозяйственной продукции в регионе выросла на 116,8%. Рост носил нелинейный характер: в 2023 году наблюдался спад объема производства до 118,42 млрд руб. после достижения пикового значения в 2022 году (126,28 млрд руб.), что может быть связано с действием макроэкономических факторов, неблагоприятными климатическими условиями или изменениями рыночной конъюнктуры. Общий объем субсидий вырос на 121,5%, опережая темпы роста стоимости произведенной продукции. Наблюдается существенное изменение структуры финансирования: объем средств регионального бюджета увеличился на 127,8%, в то время как федеральное финансирование сократилось на 18,6%. Доля федеральных субсидий в общем объеме поддержки составила в 2024 году 9%, в структуре прямой поддержки – 12,5%. Показатель интенсивности поддержки (субсидий на 1 тыс. рублей продукции) вырос на 4,0% (с 79,8 до 83,0 руб.), тогда как эффективность прямой поддержки снизилась на 0,5%, составив 61,4 руб. на 1000 руб. продукции. С учетом инфляционного фактора реальное сокращение объема прямой поддержки было более значительным.

За пятилетний период общий объем налоговых поступлений увеличился на 105,6% (с

1547 до 1634 млн. руб.). Федеральные налоги сократились на 7,8% (с 1348 до 1243 млн. руб.), тогда как региональные и местные налоги выросли на 196,8% (с 199 до 392 млн. руб.). Доля федеральных налогов сократилась с 87% до 76%, что свидетельствует о постепенной переориентации налоговой нагрузки на региональный уровень.

Расчет показателей бюджетной эффективности субсидирования представлен на рис. 1 и рис. 2.

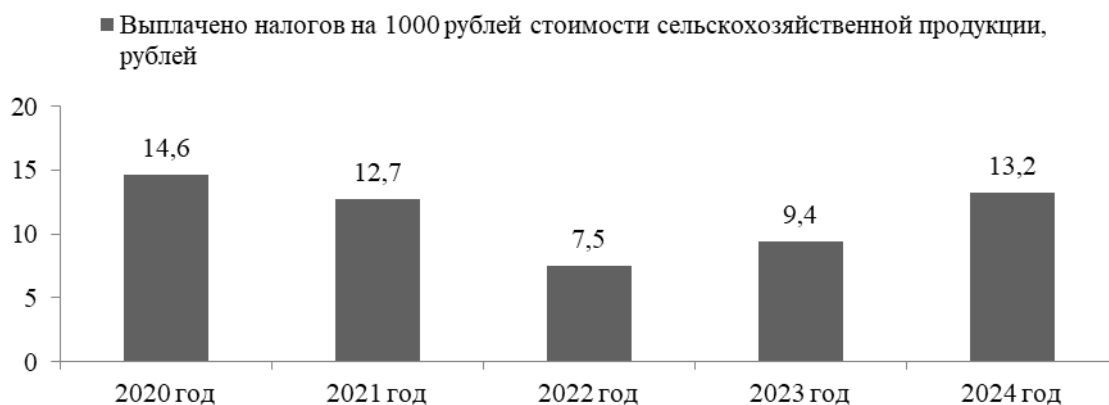

Рисунок 1 – Фискальная нагрузка сельского хозяйства региона

По данным рис. 1 фискальная нагрузка на отрасль снизилась, так поступления налогов на 1000 рублей стоимости сельскохозяйственной продукции сократились на 9,6% (с 14,6 до 13,2 рубля);

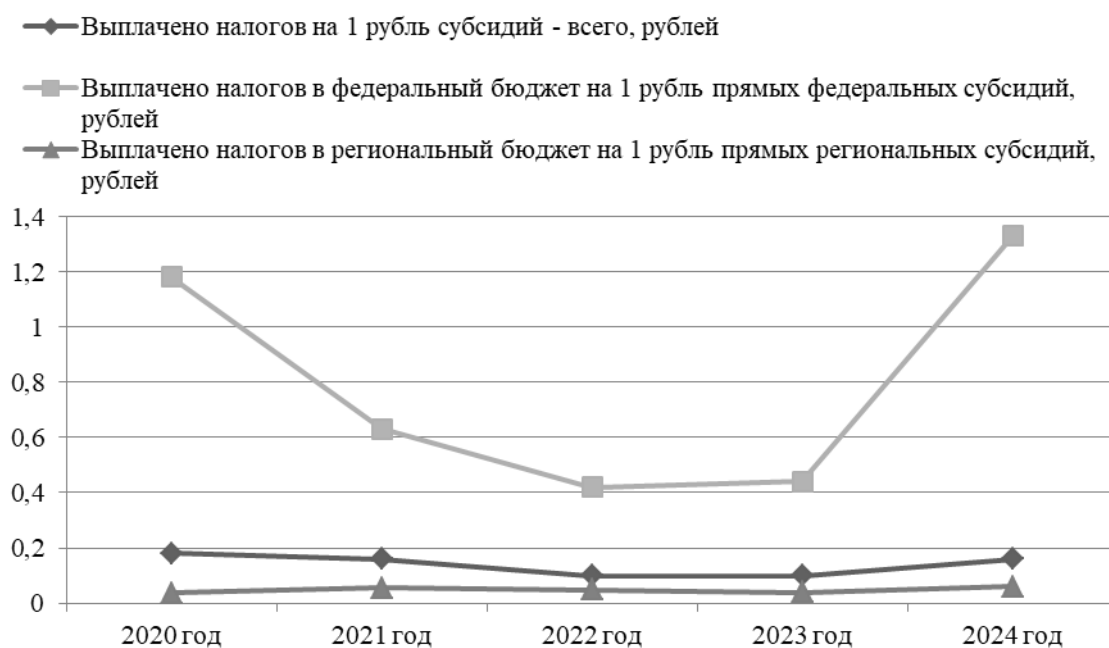

Рисунок 2 – Бюджетная эффективность субсидий в сельское хозяйство Красноярского края

На основании представленных данных можно констатировать следующие тенденции:

1. На 1 рубль общих субсидий приходится 0,16 рубля налоговых поступлений, что на 13,1% ниже уровня 2020 года;
2. Эффективность прямых федеральных субсидий характеризуется высокой, но нестабильной отдачей – 1,33 рубля налоговых поступлений на 1 рубль субсидий в 2024 году;
3. Налоговые поступления в региональный бюджет на 1 рубль прямых региональных

субсидий увеличились на 59,0%, однако сохраняются на низком уровне – 0,059 рубля.

Совокупная налоговая отдача субсидий за период 2020–2024 гг. выросла на 106%.

Обсуждение. Проведенный анализ выявляет устойчивую структурную асимметрию в распределении фискальной нагрузки и результатов поддержки агропромышленного комплекса между федеральным и региональным уровнями бюджетной системы. Федеральный бюджет аккумулирует 76% налоговых доходов от сельского хозяйства края, при этом его прямые расходы в финансировании отрасли ежегодно сокращаются. Эффективность федеральной поддержки остается исключительно высокой: 1 рубль субсидий приносит в федеральный бюджет 1,33 рубля налоговых поступлений. В то же время краевой бюджет несет основную нагрузку по финансированию АПК, увеличив объем прямой поддержки на 23,7% за рассматриваемый период, однако фискальная отдача этих инвестиций остается предельно низкой – 5,9 копейки на рубль.

С точки зрения концепции Парето-эффективности, сложившаяся система субсидирования представляет собой неравновесную конфигурацию в матрице взаимодействия между региональным минсельхозом (как распорядителем бюджетных средств) и агробизнесом (как получателем поддержки). В текущей модели интересы сторон не достигают оптимального баланса: региональный бюджет несет высокие затраты при минимальной налоговой отдаче, в то время как федеральный центр получает значительные фискальные выгоды при минимальном участии в финансировании. Для достижения Парето-эффективного равновесия необходимо перераспределение выгод между участниками таким образом, чтобы ни один из них не мог улучшить свое положение без ухудшения положения другого.

В контексте ухудшающегося финансового состояния сельскохозяйственных организаций, выявленного Ермаковой И.Н., Гавриловой О.Ю. и Шаропатова А.В. [7], включающего снижение прибыли и рентабельности, уменьшение оборачиваемости активов и рост зависимости от заемного капитала, ключевым направлением повышения эффективности субсидий становится их ориентация на укрепление финансовой устойчивости предприятий. В свою очередь, укрепление финансового состояния создает предпосылки для расширения налогооблагаемой базы и увеличения налоговых поступлений в региональный бюджет.

Для достижения Парето-эффективного равновесия и повышения бюджетной эффективности региональных субсидий представляется целесообразным реализовать следующие меры:

1. Стимулирование глубокой переработки сельскохозяйственного сырья через целевые субсидии предприятиям, создающим продукцию с высокой добавленной стоимостью, что напрямую увеличит объем налога на прибыль в региональный бюджет и будет способствовать достижению целей, обозначенных Гавриловой О.Ю. и соавторами [6] в части развития экспортно-ориентированных культур;

2. Внедрение рейтинговой системы получателей субсидий с приоритетом для хозяйств, демонстрирующих высокую налоговую дисциплину и рост отчислений в краевой бюджет, что позволит перераспределить поддержку в пользу наиболее эффективных производителей;

3. Развитие логистической и складской инфраструктуры для сокращения потерь продукции и увеличения доли региональной добавленной стоимости, что повысит сборы местных налогов и снизит зависимость от заемного капитала;

4. Создание механизма возврата части НДС от перерабатывающих предприятий в региональный бюджет через систему межбюджетных трансфертов или специальные соглашения с федеральным центром, что позволит сбалансировать фискальные интересы различных уровней бюджетной системы.

Реализация указанных мер позволит сместить текущую конфигурацию взаимодействия регионального министерства и агробизнеса в сторону Парето-эффективного равновесия, при котором повышение эффективности использования субсидий будет

сопровождаться ростом налоговых поступлений в региональный бюджет, формируя устойчивый положительный обратный цикл.

Заключение. Проведенное исследование достигло поставленной цели, выявив существенный рост фискальной эффективности субсидий АПК Красноярского края при структурном дисбалансе межбюджетных отношений. Система субсидирования носит структурно-несбалансированный характер, перенося финансовую нагрузку на регион при концентрации налоговых доходов в федеральном бюджете. Полученные результаты применимы для совершенствования механизмов межбюджетного регулирования и разработки дифференцированных подходов к субсидированию агропромышленного комплекса. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются разработка методики оптимизации структуры субсидирования с учетом отраслевой специфики и формализация модели Парето-эффективного распределения бюджетных средств в агропромышленном комплексе.

Список литературы

1. Тихомиров А. И., Фомин А. А. Государственная поддержка АПК России: основные тенденции и социально-экономическое значение // Международный сельскохозяйственный журнал. 2024. № 2. С. 121-125.
2. Калинин, А. М. Эффективность финансовой поддержки сельского хозяйства: общая оценка и межбюджетный эффект / А. М. Калинин, В. А. Самохвалов // Проблемы прогнозирования. 2020. № 5(182). С. 142-152.
3. Фадеева О. П. Государственная политика в сфере АПК: приоритеты и возможности сибирских регионов // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2021. № 11 (569). С. 8-35.
4. Рыкова, И. Н. Методика рейтинговой оценки эффективности государственной поддержки сельского хозяйства как инструмент обзора бюджетных расходов / И. Н. Рыкова, Р. С. Губанов, В. А. Моруна // Вестник НГИЭИ. 2022. № 6(133). С. 81-103.
5. Паршуков, Д. В. Исследование изменения доходов и доходности сельскохозяйственных организаций в условиях макроэкономической нестабильности 2022-2023 гг. (на материалах Красноярского края) / Д. В. Паршуков // Финансовый менеджмент. 2024. № 11-1. С. 125-136.
6. Гаврилова О. Ю., Филимонова Н. Г., Ермакова И. Н. Современное состояние и направления развития отрасли растениеводства в Красноярском крае // Финансовый менеджмент. 2025. № 6. С. 97-104.
7. Ермакова И. Н., Гаврилова О. Ю., Шаропатова А. В. Мониторинг финансового состояния сельскохозяйственных предприятий Красноярского края // Финансовый менеджмент. 2024. № 11. С. 53-62.

УДК 378.1:004

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭМУЛЯТОРОВ ФГИС В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ИРКУТСКОГО ГАУ

Полковская Марина Николаевна¹, кандидат технических наук, доцент

Бендик Надежда Владимировна², кандидат технических наук, доцент

^{1,2} Иркутский государственный аграрный университет имени А.А. Ежевского, п. Молодежный, Россия

¹ polk_mn@mail.ru ² starkovan@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема подготовки кадров для агропромышленного комплекса в условиях цифровой трансформации отрасли. Актуальность исследования обусловлена обязательным внедрением ФГИС в производственные процессы сельского хозяйства и необходимостью формирования соответствующих компетенций у будущих специалистов. Подробно описан функционал платформы «АгроАкадемия», представляющей собой точные эмуляторы реальных систем, а также методика обучения, включающая лекции, интерактивные тесты, практические занятия и систему отслеживания прогресса. Приведены результаты апробации платформы в Иркутском ГАУ на примере высшего и дополнительного образования. Сделан вывод о перспективности дальнейшего развития платформы, включая создание модуля по животноводству, и о вкладе представленного подхода в реализацию задач государственной стратегии развития АПК до 2030 года.

Ключевые слова: эмуляторы ФГИС, цифровизация образования, портал «АгроАкадемия»

ON THE USE OF FGIS EMULATORS IN THE EDUCATIONAL PROCESS AT IRKUTSK STATE AGRARIAN UNIVERSITY

Polkovskaya Marina Nikolaevna¹, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor

Bendik Nadezhda Vladimirovna², Candidate of Technical Sciences, Associate Professor

^{1,2} Irkutsk State Agrarian University named after A.A. Ezhevsky, Molodezhny settlement, Russia

¹ polk_mn@mail.ru ² starkovan@list.ru

Abstract. This article examines the problem of training personnel for the agro-industrial complex in the context of the industry's digital transformation. The relevance of the study is determined by the mandatory implementation of FGIS in agricultural production processes and the need to develop relevant competencies in future specialists. The functionality of the AgroAcademy platform, which accurately emulates real systems, is described in detail, as well as the teaching methodology, including lectures, interactive tests, practical exercises, and a progress tracking system. The results of the platform's pilot at the Irkutsk State Agrarian University are presented, using higher and continuing education as an example. A conclusion is drawn regarding the potential for further development of the platform, including the creation of a livestock module, and the contribution of the presented approach to achieving the objectives of the state strategy for the development of the agro-industrial complex until 2030.

Keywords: FGIS emulators, digitalization of education, AgroAcademy portal

В условиях цифровой трансформации сельского хозяйства внедрение информационных технологий в агропромышленный комплекс выходит на первый план [6]. Ключевое место здесь занимают федеральные государственные информационные системы, которые обеспечивают эффективное управление производством, контроль за качеством продукции и открытость отраслевых процессов [3]. В этой связи подготовка будущих кадров для АПК немыслима без формирования у них навыков работы с такими системами, что становится одной из приоритетных задач аграрного образования на современном этапе [1, 5].

Одной из задач государственной стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплекса до 2030 года [7] является переход на отечественное программное обеспечение. Для производителей растениеводческой и животноводческой продукции обязательным является внесение данных в следующие информационные системы. Для работы с полями и севооборотами предназначена ЕФГИС ЗСН, куда вносятся данные о каждом участке, его владельце и высеваемых культурах. Основная цель системы – зафиксировать факт использования земли, что служит основанием для получения государственной поддержки и проведения проверок. Доступ к ней организован через веб-портал с понятным интерфейсом [2].

Учет семян, их перемещение и контроль качества реализованы во ФГИС «Семеноводство». Это решение на платформе «1С» охватывает полный жизненный цикл семенного материала: от регистрации данных о происхождении и сортовых характеристиках до оформления операций по движению и списанию. Система необходима для подтверждения качества семян и формирования сопроводительной документации на продукцию и включает в себя справочники номенклатуры, документооборот и учетные журналы.

Работу с пестицидами и агрохимикатами обеспечивает ФГИС «Сатурн». Через веб-портал Россельхознадзора здесь фиксируются все этапы обращения средств: от приобретения и складского хранения до планирования и фактического применения. Интерфейс системы предоставляет разделы для ведения товарных накладных, контроля складских остатков, формирования планов обработок и оформления актов выполненных работ.

Для учета и реализации зерновых культур служит ФГИС «Зерно». В этой системе осуществляется обязательная электронная регистрация зерновых партий с формированием сопроводительного документа (СДИЗ), пришедшего на смену бумажным носителям. Функционал доступен через веб-сервис Минсельхоза РФ и включает централизованные реестры для отслеживания партий, складских мощностей и транспортных перевозок.

Оборот продукции животного происхождения, такой как мясо, молоко и рыба, контролируется через ФГИС «Меркурий». Здесь все операции – от производства до продажи – сопровождаются оформлением электронных ветеринарных документов (ВСД). Каждой партии присваивается уникальный идентификатор (UUID), что позволяет в любой момент проследить полную историю перемещений товара.

Все системы – это сайты, которые открываются через обычный браузер. Доступ открывается через личный кабинет юридического лица на портале Госуслуг (ЕСИА).

Для обучения пользователей работе с системами, используемыми в растениеводстве, разработан эмулятор федеральных государственных информационных систем. В частности, в образовательном процессе университета он позволяет студентам отрабатывать навыки работы с отраслевыми сервисами в условиях, приближенных к реальным.

На портале «АгроАкадемия» используются точные эмуляторы ФГИС Минсельхоза РФ и Россельхознадзора. Цифровая экосистема имитирует полный цикл растениеводства (от подготовки полей до реализации урожая) [4].

Цифровая платформа «АгроАкадемия» была разработана по поручению Минсельхоза РФ с целью преодоления ключевого вызова аграрного образования – отрыва теоретических знаний от реальной производственной деятельности. Ее главная задача – подготовка специалистов, которые готовы без дополнительной адаптации включаться в работу агропромышленного комплекса.

В основе платформы лежит интегрированная цифровая экосистема, где теория тесно переплетена с практикой. Главный инструмент здесь – это высокоточные эмуляторы государственных информационных систем (ФГИС) Минсельхоза и Россельхознадзора. В настоящее время доступно обучение по направлению «Растениеводство», в рамках которого используются эмуляторы таких систем, как ФГИС «Зерно», ФГИС «Семеноводство», ЕФГИС ЗСН и ФГИС «Сатурн». Важно, что это не упрощенные симуляторы, а

функциональные копии действующих систем, позволяющие студентам осваивать рабочие процессы в безопасной среде без риска внесения изменений в настоящие данные.

Учебный курс по растениеводству выстроен в формате последовательных уроков, которые воспроизводят полный производственный цикл – от этапа подготовки поля до завершающей стадии реализации урожая. Программа обучения включает в себя лекции, тестовые задания, практическую работу в эмуляторах ФГИС, а также методические материалы. У каждого студента есть личный кабинет, где он может отслеживать свой прогресс, получать задания и участвовать в челленджах.

Особенности использования эмуляторов ФГИС в образовательном процессе заключаются в нескольких аспектах. Во-первых, для упрощения навигации в них предусмотрены интерактивные помощники Пшеничка и Колосок, предоставляющие подсказки по заполнению данных и алгоритму действий. Во-вторых, формат обучения построен на сочетании лекций, интерактивных тестов и практических занятий на самих эмуляторах, при этом предусмотрена функция отслеживания прогресса в реальном времени как для студентов, так и для преподавателей. Кроме того, обучение носит комплексный характер: курс с использованием эмуляторов интегрирован в несколько учебных дисциплин и рассчитан на фиксированное количество академических часов.

В 2026 году обучающимся доступны эмуляторы систем, относящихся к растениеводству: «Сатурн», «Зерно», «Семеноводство» и ЕФГИС ЗСН. Кроме того, ведется разработка раздела Животноводство. Соответствующая вкладка уже появилась в разделе Курсы, но пока не активна.

Использование эмуляторов ФГИС позволяет решить три ключевые задачи. Первая из них – это преодоление разрыва между теоретической подготовкой и реальной практикой. За счет создания цифровой экосистемы на основе эмуляторов государственных информационных систем Минсельхоза и Россельхознадзора студенты получают возможность безопасно осваивать реальные рабочие процессы аграриев в учебной среде. Вторая задача касается формирования цифровых компетенций выпускников, способных эффективно работать в ключевых информационных системах, что значительно сокращает адаптационный период на предприятии и повышает их востребованность на рынке труда. Третья задача связана с объединением всех участников образовательного процесса (студентов, преподавателей и отраслевых специалистов) в единой цифровой платформе, обеспечивающей обучение, объективную проверку знаний и возможность повышения квалификации в удобном формате.

Данное решение выходит за рамки обычного онлайн-курса. Это платформа, призванная ликвидировать разрыв между вузовской подготовкой и реальными потребностями отрасли, чтобы вчерашние выпускники уже с первых рабочих дней уверенно работали в ключевых отраслевых системах. Ключевое преимущество проекта в том, что специалисты приходят на предприятие с уже сформированными навыками, что позволяет сократить период их адаптации на 60%.

В I семестре 2025-2026 учебного года обучение на портале «АгроАкадемия» прошли более 50 студентов 4 курса агрономического факультета Иркутского ГАУ. С 2026-2027 учебного года работа с эмуляторами ФГИС включена в учебные дисциплины всех направлений бакалавриата университета. С конца 2025 года Иркутский ГАУ и Российская академия кадрового обеспечения агропромышленного комплекса в рамках федерального проекта «Кадры в АПК» реализуют дополнительную программу повышения квалификации «Федеральные государственные информационные системы в растениеводстве» объемом 72 часа. В программе предусмотрены экспертные лекции в режиме онлайн, практические занятия в компьютерном классе и самостоятельная работа на эмуляторе ФГИС.

Таким образом, цифровая трансформация агропромышленного комплекса объективно требует пересмотра подходов к подготовке кадров. ФГИС являются обязательным инструментом производственной деятельности, поэтому умение работать в них – это

обязательное условием профессиональной компетентности современного специалиста. Описанный в работе опыт использования платформы «АгроАкадемия» для освоения эмуляторов ФГИС демонстрирует эффективный путь решения этой задачи. Реализуемый на портале подход, позволяющий сократить период адаптации выпускников на предприятиях до 60%, в полной мере соответствует стратегическим задачам развития агропромышленного комплекса до 2030 года. Дальнейшее развитие портала, включая запуск направления «Животноводство», создаст условия для формирования единой системы подготовки кадров, готовых к эффективной работе в условиях цифровой экономики, что станет важным фактором обеспечения технологического суверенитета и устойчивого развития сельского хозяйства.

Список литературы

1. Асалханов, П. Г. Формирование цифрового образовательного контента Иркутского ГАУ / П. Г. Асалханов, Н. В. Бендик, Н. И. Федурин // Информационные и математические технологии в науке и управлении : тезисы XXVIII Байкальской Всероссийской конференции с международным участием, Иркутск, 29 июня – 08 2023 года / Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН. – Иркутск, 2023. – С. 14.
2. Геоинформационные системы как средство цифровой трансформации сельского хозяйства / Т. В. Сафонова, В. А. Попова, А. В. Мокряк [и др.] // Информационные технологии и системы: управление, экономика, транспорт, право. – 2025. – № 1(53). – С. 44-50.
3. Ишкин, П. А. Применение эмулятора ФГИС при формировании цифровых компетенций и практических навыков у студентов аграрного вуза / П. А. Ишкин // Инновации в системе высшего образования : Сборник научных трудов национальной научно-методической конференции, Кинель, 13 ноября 2025 года. – Кинель: ИБЦ Самарский ГАУ, 2025. – С. 57-60.
4. Образовательная платформа "Агроакадемия". – Текст: электронный // URL: <https://globalcio.ru/projects/53964/>
5. Полковская, М. Н. О развитии цифровых платформ в России / М. Н. Полковская, Н. И. Федурин // Формализация как основа цифровой экономики : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященная 75-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности Заслуженного экономиста Российской Федерации, доктора экономических наук, профессора Ованесяна Сергея Суменовича, Иркутск, 12 декабря 2018 года. – Иркутск: Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского, 2018. – С. 9-15.
6. Полковская, М. Н. Тренды цифровой трансформации аграрного производства / М. Н. Полковская, Т. Р. Галимзянов, А. В. Дьяченко // Цифровые технологии и математическое моделирование в науке, образовании и производстве : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием для преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, посвященной юбилею профессора, почетного работника высшего профессионального образования РФ Ярослава Михайловича Иванько, Молодежный, 30 октября 2025 года. – Молодежный: Иркутский государственный аграрный университет имени А.А. Ежевского, 2025. – С. 137-146.
7. Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2022 г. № 2567-р.

УДК 332.1:338.48

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Полковская Марина Николаевна¹, кандидат технических наук, доцент

Томсон Ирина Александровна², ассистент

^{1,2} Иркутский государственный аграрный университет имени А.А. Ежевского, п. Молодежный, Россия

¹ polk_mn@mail.ru ² tomson_ia@mail.ru

Аннотация. Сельский туризм в Иркутской области рассматривается как стратегический вектор развития территорий, интегрирующий сохранение культурного наследия и современные экономические модели. В 2025-2026 годах ключевыми направлениями развития стали: грантовая поддержка малых форм хозяйствования по программе «Агротуризм»; создание туристско-рекреационных особых экономических зон и кластеров; развитие событийного туризма через субсидирование массовых мероприятий; а также научно-методическое обеспечение на основе концепции развития сельского туризма до 2030 года. Переход от разовых инициатив к системной государственной поддержке и акцент на аутентичность и экологичность туристского продукта позволяют прогнозировать устойчивый рост сельского туризма как драйвера социально-экономического развития Восточной Сибири.

Ключевые слова: сельский туризм, перспективы развития, Иркутская область

DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF RURAL TOURISM IN THE IRKUTSK REGION

Polkovskaya Marina Nikolaevna¹, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor

Tomson Irina Aleksandrovna², Assistant

^{1,2} Irkutsk State Agrarian University named after A.A. Ezhevsky, Molodezhny settlement, Russia

¹ polk_mn@mail.ru ² tomson_ia@mail.ru

Abstract. Rural tourism in the Irkutsk Region is considered a strategic vector for regional development, integrating cultural heritage preservation and modern economic models. Key development areas for 2025-2026 include: grant support for small businesses under the Agrotourism program; the creation of tourism and recreational special economic zones and clusters; the development of event tourism through subsidies for mass events; and scientific and methodological support based on the concept for rural tourism development through 2030. The transition from one-off initiatives to systemic state support and an emphasis on the authenticity and sustainability of tourism products allow us to predict sustainable growth in rural tourism as a driver of socioeconomic development in Eastern Siberia.

Keywords: rural tourism, development prospects, Irkutsk region

Иркутская область, известная во всем мире, прежде всего, как «ворота» на Байкал, сегодня рассматривает сельский туризм не просто как дополнительный источник дохода для местных сообществ, но и как стратегический вектор развития территорий. В условиях реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» и поиска новых точек притяжения для путешественников, сельский туризм становится тем мостом, который соединяет сохранение культурного наследия с современными экономическими моделями.

По данным официальной статистики, туристический поток в Иркутскую область неуклонно растет, и отрасль постепенно выходит на докризисные показатели. Однако, в отличие от традиционного пляжного или экскурсионного отдыха, сельский туризм в

Приангарье находится в стадии активного структурирования.

Развитие сельского туризма на территории Иркутской области связано с сочетанием законодательных мер, развития инфраструктуры, предоставления грантов и субсидий, а также мер по продвижению услуг в этой сфере [3].

Перспективы развития сельского туризма в Иркутской области характеризуются несколькими аспектами. Ресурсами региона – богатым историко-культурным наследием, разнообразными ландшафтами, позволяющими организовать маршруты (конные, пешие, велосипедные). Заинтересованностью районов – в развитии сельского туризма заинтересованы не только районы, прилегающие к Байкалу, но и Баяндаевский, Аларский, Зиминский, Усольский, Заларинский, Нижнеудинский, Братский, Киренский. Возможностью для сохранения деревень – сельский туризм может сделать сельскую местность более привлекательной, создать новые рабочие места [1, 3].

Однако есть и сложности, например, нельзя размещать объекты на землях сельскохозяйственного назначения, нужны дороги и инфраструктура, что требует больших активов, которых у фермеров зачастую нет.

Одним из главных драйверов развития становится финансовая помощь со стороны государства. На 2025-2026 годы в регионе активно реализуется механизм гранта «Агротуризм» от Минсельхоза России. Сельхозпроизводители, относящиеся к малому или микробизнесу, могут получить от 3 до 10 миллионов рублей на развитие туристической инфраструктуры. Эти средства направляются на: строительство и модернизацию гостевых домов и ферм; благоустройство территорий и создание зон отдыха; закупку оборудования для переработки и дегустационных залов.

Результаты этой поддержки уже заметны. Например, в 2023 году рыболовческое хозяйство ООО «Байкальская рыба» построило на берегу Ангары настоящий экопарк «Душавин» с возможностью рыбалки. Семейная ферма по производству козьего сыра в Иркутском районе «Милаша», получив грант в 2024 году, оборудовала дегустационный зал и создала демонстрационную площадку с животными. В 2025 году звероводческое хозяйство ЗАО «Большереченское» построило парк отдыха «Соболиный двор» на Байкале. Эти проекты не только окупаются, но и формируют «атласы лучших практик», тиражируя успех на другие муниципалитеты.

Одним из направлений развития сельского туризма является создание специализированных особых экономических зон и туристических кластеров. Сельский туризм в Иркутской области развивается не хаотично, а в рамках более крупных системных проектов. Правительство региона делает ставку на создание территорий с особым экономическим статусом. В феврале 2026 года было одобрено создание туристско-рекреационной особой экономической зоны «Байкальское побережье» в Слюдянском районе.

Кроме того, продолжается развитие проектов в рамках федерального проекта «Пять морей и озеро Байкал»: «Байкальская Слобода» (Иркутский район, Тальцы); «Ворота Байкала» (город Байкальск). На территории этих зон ведется строительство инженерной и транспортной инфраструктуры, что автоматически повышает инвестиционную привлекательность прилегающих сельских территорий. Для сельского туризма это означает появление стабильного потока туристов, которым предлагается не только гостиничный номер, но и аутентичная сельская программа – мастерские, местная кухня и фермерские продукты.

Событийные мероприятия – это якорь, который удерживает туриста в регионе. Согласно Постановлению Правительства Иркутской области № 214-пп [2], муниципалитеты могут получать субсидии на поддержку и продвижение событийных мероприятий. Условием получения субсидии является массовость (не менее 10 000 зрителей) и раскрытие историко-культурного потенциала территории.

Для сельских районов это возможность проводить гастрономические фестивали (праздник омуля, брусники или молочных продуктов), ремесленные ярмарки и этно-

фестивали. Такие события стимулируют спрос на сельское гостеприимство и позволяют местным жителям монетизировать свои традиции.

Развитие сельского туризма невозможно без комфортного проживания. В 2025 году пять инвестиционных проектов Иркутской области победили в конкурсном отборе Министерства промышленности и торговли РФ на получение льготного кредитования. В частности, строятся и реконструируются гостиничные комплексы в Иркутске и Байкальске категорий от 4 до 5 звезд.

Хотя это преимущественно «городские» проекты, они снимают нагрузку с соседних сельских районов, позволяя небольшим усадьбам специализироваться на уникальном предложении («тишина», «органика», «этно»), не отвлекаясь на решение проблемы базового размещения массового туриста.

Примечательной особенностью развития сельского туризма в Приангарье является его научная база. В 2026 году вышла в свет «Концепция развития сельского туризма Иркутской области на период до 2030 года», подготовленная на базе Иркутского государственного университета при поддержке Российского научного фонда.

Данная методологическая работа учитывает полевые исследования 2024-2025 годов и направлена на решение проблемы кадрового потенциала и управления муниципальными активами. Как отмечают аналитики, муниципалитеты часто имеют высокий рекреационный потенциал, но не обладают достаточными компетенциями для его упаковки в готовый турпродукт. Концепция призвана стать инструкцией для глав поселений по вовлечению местных сообществ в туристический бизнес.

Продвижение и популяризация сельского туризма осуществляется по средствам содействия проектам. Например, Ассоциация крестьянских и фермерских хозяйств области оказывает содействие проектам совместно с агентством по туризму Иркутской области, Россельхозбанком и муниципальными органами власти. В сентябре 2025 года в Центре «Мой бизнес» состоялся вебинар, посвящённый развитию объектов сельского туризма в муниципальных образованиях Иркутской области. В ходе вебинара рассмотрели ключевые вопросы, необходимые для успешного запуска и ведения бизнеса в сфере агротуризма, например, оформление земельных участков сельскохозяйственного назначения под объекты туристической инфраструктуры. Сотрудничество между сельскохозяйственными предприятиями и туроператорами, например, при определении принципов взаимодействия при формировании турпродукта по запросу также представляет действенный механизм развития сельского туризма.

Развитие сельского туризма в Иркутской области идет по пути профессионализации. От разовых инициатив энтузиастов регион переходит к системной грантовой поддержке, созданию ОЭЗ и комплексному развитию инфраструктуры.

Основной акцент сегодня смещается в сторону аутентичности и экологичности. Турист едет в иркутскую деревню не за дешевым жильем, а за уникальным опытом: знакомство с жизнью зверофермы «Большереченское» с парком отдыха «Соболиный двор», дегустация свежего козьего сыра прямо на ферме или рыбалка в чистых водах Ангары. При сохранении текущих темпов государственно-частного партнерства именно сельские территории станут главными бенефициарами туристического бума в Восточной Сибири в ближайшие 5 лет.

Список литературы

1. В Иркутской области насчитывается 52 объекта сельского туризма. – Текст: электронный // URL: <https://i38.ru/na-glavnuu/pdf-16605>
2. Постановление Правительства Иркутской области от 04.03.2025 № 214-пп "Об установлении Порядка предоставления и распределения субсидий из областного бюджета местным бюджетам в целях софинансирования расходных обязательств муниципальных образований Иркутской области на поддержку и продвижение событийных мероприятий, направленных на развитие туризма в 2025 году".
3. Ржепка, Э. А. Фермерский туризм в Иркутской области: теоретические и прикладные аспекты / Э. А. Ржепка, Т. Р. Новичкова // Baikal Research Journal. – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 799-808. – DOI 10.17150/2411-6262.2025.16(2).799-808.

УДК 004.9

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭКОНОМИКЕ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, УПРАВЛЕНИИ И ОБРАЗОВАНИИ

Ревунов Александр Андреевич¹, студент

Шалевская Елена Юрьевна², кандидат экономических наук, доцент

^{1,2} Луганский государственный аграрный университет им. К.Е. Ворошилова, Луганск, Россия

² elenushkaclever@mail.ru

Аннотация. В данной работе рассматриваются особенности внедрения цифровых технологий в экономике, промышленности, управлении и образовании. Анализируются основные направления цифровой трансформации, её преимущества, а также существующие риски и ограничения. Особое внимание уделяется влиянию цифровизации на эффективность производственных процессов, управленческие решения и образовательные модели.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая трансформация, промышленность 4.0, информационные технологии, цифровизация управления, онлайн-образование

DIGITAL TECHNOLOGIES IN ECONOMY, INDUSTRY, MANAGEMENT, AND EDUCATION

Revunov Alexander Andreevich¹, Student

Shalevskaya Elena Yurevna², Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

^{1,2} Luhansk Voroshilov State Agricultural University, Lugansk, Russia

² elenushkaclever@mail.ru

Abstract. This paper discusses the features of digital technologies implementation in economy, industry, management and education. The main directions of digital transformation, its advantages, as well as the existing risks and limitations are analyzed. Special attention is paid to the impact of digitalization on the efficiency of production processes, management decisions, and educational models.

Keywords: digital economy, digital transformation, Industry 4.0, information technologies, digitalization of management, online education

На заре XXI века цифровые инновации совершили переход от роли вспомогательных средств к статусу фундаментального катализатора общественного и экономического развития. Технологии вроде глобальных сетей, аналитики больших данных, систем ИИ, автоматизированных комплексов и облачных платформ радикально перекроили принципы организации производства, управленческих процессов и образовательной деятельности. Если прежде информационные технологии лишь поддерживали существующие операции, то сегодня они задают архитектуру совершенно новых экономических и социальных парадигм [2].

Процессы цифровой трансформации пронизывают практически каждую сферу человеческой деятельности. Экономическая система всё чаще функционирует на основе платформенных механизмов, промышленный сектор активно внедряет интеллектуальные и роботизированные решения, управленческие структуры принимают решения, опираясь на глубокий анализ данных, а образовательная среда становится значительно более гибкой и ориентированной на индивидуальные потребности обучающихся [5]. Стремительность этих изменений диктует необходимость для государства, бизнеса и общества постоянно обновлять компетенции и пересматривать традиционные подходы [5].

Цель настоящего исследования — проанализировать воздействие цифровых

технологий на ключевые секторы: экономику, промышленность, управление и образование, а также определить их позитивные эффекты и потенциальные риски в контексте современной трансформации.

Цифровые технологии в экономике

Современный экономический ландшафт неуклонно движется в сторону цифровизации. Такие явления, как электронная торговля, интернет-банкинг, финансовые технологии (финтех) и криптовалюты, фундаментально изменили привычные методы ведения бизнеса и управления финансами [1]. В настоящее время значительная часть финансовых операций совершается дистанционно, а платежи обрабатываются практически мгновенно. Важнейшим фактором, способствующим этому сдвигу, стало использование больших данных (Big Data).

Анализируя поведение потребителей, компании получают возможность прогнозировать спрос и формировать индивидуальные предложения, что ведет к повышению производительности и снижению операционных расходов. Алгоритмы на основе искусственного интеллекта автоматизируют процесс обработки данных, позволяя обнаруживать неочевидные закономерности и принимать решения с такой скоростью, которая недоступна человеку [1].

Развитие электронной коммерции предоставило малому бизнесу доступ к мировым рынкам, позволяя ему выходить на международный уровень без необходимости значительных капиталовложений в физическую инфраструктуру. Онлайн-платформы и торговые площадки снизили порог входа, выступая в роли посредников между производителями и конечными потребителями [7]. Однако цифровая трансформация также сопряжена с определенными рисками: повышается уязвимость перед киберугрозами, усиливается зависимость от информационно-технологической инфраструктуры и углубляется цифровой разрыв между различными регионами (в таблице 1). Автоматизация процессов может привести к сокращению рабочих мест в традиционных секторах экономики.

Несмотря на существующие трудности, цифровая экономика продолжает динамично развиваться, стимулируя инновационную деятельность и формируя потребность в новых специализациях [7].

Таблица 1 - Основные направления цифровизации экономики

Направление	Применяемые технологии	Экономический эффект
Электронная коммерция	Онлайн-платформы, маркетплейсы	Расширение рынков сбыта
Финансовые технологии	Мобильный банкинг, блокчейн	Ускорение транзакций
Аналитика данных	Big Data, AI	Повышение точности прогнозов
Автоматизация бизнеса	CRM, ERP-системы	Снижение издержек

Цифровые технологии в промышленности

Промышленность переживает кардинальные перемены, именуемые «четвёртой промышленной революцией» или Industry 4.0. Основой данного процесса выступает всестороннее внедрение цифровых технологий в производственные процессы. На современных заводах широко используются роботизированные комплексы, обширные сети датчиков и передовые системы автоматического управления. Производственное оборудование оснащается интеллектуальными компонентами для сбора информации в режиме реального времени, что позволяет отслеживать его состояние, прогнозировать возможные сбои и эффективно управлять загрузкой мощностей.

Интернет вещей (IoT) создает цифровую среду, объединяющую все элементы производства. Это обеспечивает возможность дистанционного контроля над производственными операциями и позволяет предприятию оперативно реагировать на изменения спроса. Аддитивные технологии, такие как 3D-печать, предоставляют инструменты для экономичного и быстрого изготовления деталей сложной формы. Кроме

того, применение цифровых двойников, представляющих собой виртуальные реплики физических объектов, дает возможность моделировать и тестировать изменения в производственном процессе в виртуальном пространстве, снижая риски и повышая точность планирования [3].

Однако, переход к цифровому производству сопряжён с определёнными трудностями. Он требует значительных финансовых инвестиций в современные технологии и соответствующую инфраструктуру, а также наличия высококвалифицированных кадров. Недостаточная подготовка персонала и устаревшая технологическая база могут стать серьёзными препятствиями на пути адаптации предприятий к новым производственным реалиям.

Цифровые технологии в управлении

Цифровые технологии активно проникают в сферу государственного и корпоративного управления. Электронное правительство упрощает доступ граждан к госуслугам, сокращая время и бюрократию. Информационные системы обеспечивают прозрачность финансов, автоматизируют документооборот и улучшают процесс принятия решений, а аналитические платформы предоставляют объективные данные для руководителей. В бизнесе цифровые инструменты незаменимы для планирования, контроля и взаимодействия, а ERP-системы интегрируют ключевые данные компании. Однако с ростом цифровизации критически важной становится кибербезопасность, поскольку утечки данных или сбои могут иметь серьезные последствия. Таким образом, защита информации — это стратегический приоритет. В целом, цифровизация управления повышает прозрачность, снижает коррупцию и ускоряет процессы, но требует тщательного регулирования и строгого соблюдения правил информационной безопасности [4].

Цифровые технологии в образовании

Образование — одна из сфер, где цифровые технологии проявили себя особенно ярко. Онлайн-платформы, видеолекции и интерактивные курсы сделали обучение более доступным. Студенты могут получать знания независимо от географического положения.

Использование электронных образовательных ресурсов позволяет персонализировать процесс обучения. Системы адаптивного обучения подстраиваются под уровень знаний учащегося, предлагая индивидуальную траекторию освоения материала [8].

Виртуальная и дополненная реальность расширяют возможности практической подготовки. Будущие специалисты могут моделировать реальные ситуации без риска для здоровья и оборудования.

Кроме того, цифровые технологии развивают навыки самостоятельной работы и информационной грамотности. Однако возникает проблема цифрового неравенства: не все обучающиеся имеют равный доступ к современным устройствам и стабильному интернету [2].

Также важно учитывать, что технологии не могут полностью заменить живое общение между преподавателем и студентом. Они должны служить инструментом, а не альтернативой традиционному обучению (в таблице 2).

Таблица 2 - Преимущества и ограничения цифрового образования

Аспект	Преимущества	Ограничения
Доступность	Обучение из любой точки мира	Неравный интернет
Персонализация	Индивидуальная траектория обучения	Требуется высокая самодисциплина
Технологичность	VR, интерактивные платформы	Высокая стоимость оборудования

Цифровые технологии оказывают комплексное влияние на экономику, промышленность, управление и образование. Они повышают эффективность процессов, расширяют возможности взаимодействия и создают новые формы деятельности.

В то же время цифровизация требует ответственного подхода. Необходимы

инвестиции в инфраструктуру, подготовку кадров и обеспечение информационной безопасности. Важно минимизировать социальные риски, связанные с автоматизацией и цифровым неравенством.

Будущее развития общества во многом зависит от того, насколько гармонично удастся интегрировать цифровые технологии в различные сферы жизни. Их потенциал огромен, однако его реализация возможна только при сочетании инноваций, грамотного управления и социальной ответственности [5].

Список литературы

1. Иванов, С.В. Цифровизация промышленности и автоматизация производства: монография / С.В. Иванов. – М.: Инфра-М, 2018. – 256 с.
2. Кондратьев, А.А. Современные образовательные технологии в цифровой среде: монография / А.А. Кондратьев. – М.: Академия, 2021. – 198 с.
3. Куликов, В.П. Информационные технологии в экономике и управлении: монография / В.П. Куликов. – М.: Юрайт, 2020. – 224 с.
4. Лапшин, А.В. Цифровая экономика: теория и практика: монография / А.В. Лапшин. – СПб.: Питер, 2019. – 310 с.
5. Михайлов, Д.Н. Инновации и цифровые технологии в промышленности: монография / Д.Н. Михайлов. – М.: Наука, 2020. – 272 с.
6. Николаев, П.А. Цифровая трансформация управления: монография / П.А. Николаев. – СПб.: Питер, 2021. – 184 с.
7. Петров, А.Н., Иванов, С.В. Цифровая промышленность: подходы и решения: монография / А.Н. Петров, С.В. Иванов. – М.: Инфра-М, 2019. – 296 с.
8. Сидоров, В.И. Электронное правительство и цифровизация общества: монография / В.И. Сидоров. – М.: Юрайт, 2018. – 208 с.
9. Тарасевич, В.В., Кузнецов, А.А. Цифровая экономика и новые технологии управления: монография / В.В. Тарасевич, А.А. Кузнецов. – СПб.: Питер, 2019. – 236 с.
10. Шваб, К. Четвёртая промышленная революция: монография / К. Шваб. – М.: Эксмо, 2017. – 352 с.

УДК 631.3:004.056

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

Тюрина Мария Александровна¹, магистрант
Шевцова Любовь Николаевна², кандидат сельскохозяйственных наук, доцент
Амбросенко Николай Дмитриевич³, кандидат технических наук, доцент
^{1,2,3} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
¹masha.toropova@mail.ru ²shevtsovaln48@rambler.ru ³nikolai.ambrosenko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем кибербезопасности беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), используемых в агропромышленном комплексе (АПК). Исследование фокусируется на ключевых угрозах, включая слабые места беспроводных каналов связей, протокола MAVLink и спуфинга глобальных навигационных спутниковых систем. Представлены существующие методы противодействия к киберугрозам. Также в статье обоснована необходимость многоуровневой модели киберзащиты агродронов, где выбор уровня определяется масштабом производства и критичностью выполняемых полётных заданий для АПК. Подчеркивается необходимость интеграции принципов «безопасность на стадии проектирования» и формирования отраслевых стандартов кибербезопасности для агродронов.

Ключевые слова: БПЛА, АПК, агродроны, кибербезопасность, GNSS-спуфинг, MAVLink, шифрование каналов связи, WPA3, многоуровневая защита

CYBERSECURITY OF UNMANNED AERIAL VEHICLES IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Tyurina Mariya Alexandrovna¹, Graduate Students
Shevtsova Lyubov Nikolaevna², Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor
Ambrosenko Nikolai Dmitrievich³, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor
^{1,2,3} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
¹masha.toropova@mail.ru ²shevtsovaln48@rambler.ru ³nikolai.ambrosenko@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problems of cybersecurity of unmanned aerial vehicles (UAVs) used in the agro-industrial complex (AIC). The study focuses on key threats, including weaknesses of wireless communication channels, the MAVLink protocol, and spoofing of global navigation satellite systems. The article presents existing methods of countering cyber threats. The article also substantiates the need for a multi-level model of cyber protection for agro-drones, where the choice of level is determined by the scale of production and the criticality of flight missions for the AIC. The need to integrate the principles of «security at the design stage» and establish industry-specific cybersecurity standards for agro-drones is emphasized.

Keywords: UAV, agro-industrial complex, agricultural drones, cybersecurity, GNSS spoofing, MAVLink, communication channel encryption, WPA3, multi-level protection

Введение. Сельскохозяйственные беспилотные летательные аппараты, или агродроны, стали неотъемлемым элементом цифровизации АПК. Они широко применяются для опрыскивания полей, мониторинга посевов, картирования и планирования [1]. Использование агродронов повышает точность земледелия, снижает расход ресурсов и минимизирует влияние человеческого фактора [2]. Однако, возникновение угроз возрастает за счет интеграции облачных платформы, мобильных приложений и системы наземного управления. Важную роль играет межсетевое взаимодействие устройств, которое создает

потенциальные векторы для атак. Разработка и внедрение надежных средств защиты становятся неотъемлемой частью функционирования беспилотных систем. Таким образом, обеспечение кибербезопасности агродронов выступает необходимым условием устойчивого перехода сельского хозяйства к технологиям точного земледелия.

Исследование. Понимание слабых мест агродронов необходимо для создания действенных методов защиты. В современных БПЛА основным каналом взаимодействия с наземной станцией управления (НСУ) служат беспроводные технологии, такие как Bluetooth или Wi-Fi 802.11 [3]. Основные факторы уязвимости включают отсутствие или недостаточную силу шифрования телеметрии, применение устаревших протоколов, некорректную конфигурацию точек доступа и слабую аутентификацию.

По состоянию на февраль 2026 года WPA3 остается стандартом защищенности. Протокол обеспечивает высокий уровень защиты за счёт механизма SAE (защита от атак на слабые пароли) и OWE (шифрование в открытых сетях) [4]. Однако, в дронах для обратной совместимости часто сохраняется переходный режим, что позволяет проводить понижения атаку с понижением версии протокола до WPA2. Для достижения приемлемого уровня защиты рекомендуется [5]:

- Отключение переходного режима или выделенный SSID только с WPA3;
- Применение надежных паролей;
- Настройка Wi-Fi 802.11 с EAP-TLS с обязательной проверкой сертификата сервера;
- Систематическое обновление прошивок БПЛА и НСУ;
- Использование нескольких каналов связи (радио, сотовые, спутниковые) для резервирования.

Во многих открытых платформах автопилотирования (PX4, ArduPilot и др.) для обмена телеметрическими данными и командами управления применяется протокол MAVLink. Стандартом на 2026 год остается версия 2.0. Протокол MAVLink 2.0 предусматривает возможность подписи сообщений с использованием усечённого значения хеш-функции SHA-256 для контроля целостности и аутентификации источника [6]. Стоит отметить, что MAVLink по умолчанию не шифрует передаваемые данные [7]. Это значит, что при отсутствии иных мер защиты, трафик может быть перехвачен, подвергнуться атаке человек посередине или инъекции команд.

Отсутствие шифрования в протоколе MAVLink сподвиг активные исследования по его защите. В 2025 году был предложен и протестирован ряд практических решений. Например, крупные производители, такие как DJI, уже внедряют аппаратное шифрование. В частности, система передачи данных OcuSync 2.0, используемая в моделях Matrice 200 V2, применяет AES-256, что обеспечивает защиту каналов телеметрии и управления на аппаратном уровне [8]. Помимо решений, внедряемых производителями на аппаратном уровне, в конце 2025 года появились новые подходы к защите. Так, компания Beechat Network Systems представила интеграцию MAVLink поверх протокола Reticulum [9]. Это решение создает самоорганизующуюся ячеистую сеть, где каждый узел аутентифицируется с помощью криптографических ключей, а весь трафик шифруется. Такая архитектура устраняет риски подмены маршрутов и перехвата управления.

Параллельную угрозу для агродронов представляет спуфинг сигналов глобальных навигационных спутниковых систем (GNSS). Общедоступные сигналы передаются без криптографической аутентификации источника, что делает их уязвимыми для подмены с помощью программно-определяемых радиосистем (SDR). В результате агродрон может быть отклонен от заданного маршрута, а оператор может не заметить явных сбоев, поскольку ложные координаты выглядят правдоподобно.

Эффективная защита от спуфинга требует понимания фундаментальных принципов навигации БПЛА. GNSS представляет собой абсолютные координаты, но с задержкой 1-10 Гц, погрешностями до нескольких метров и полной уязвимостью к подмене. Инерциальный модуль (IMU), включающий акселерометры и гироскопы, работает с высокой частотой до

десятки-сотни Гц, мгновенно фиксирую ускорения и угловые скорости и не зависит от внешних сигналов [10]. Однако IMU склонна к накоплению ошибок при длительной интеграции. Именно поэтому контроллер БПЛА определяет своё текущее положение, используя сенсорное слияние, которое в подавляющем большинстве случаев реализуется на основе расширенного фильтра Калмана. IMU заполняет промежутки между GNSS-обновлениями, предсказывая траекторию, а при поступлении GNSS-данных происходит коррекция дрейфа. При спуфинге расхождение между предсказанной (IMU) и «полученной» (GNSS) траекторией быстро превышает допустимый порог, что позволяет детектировать аномалию. Таким образом, комбинированное использование GNSS + IMU с непрерывным сравнением и выявлением аномалий становится базовым барьером против спуфинга.

Дополнительные меры включают: применение дифференциальной RTK-навигации с контролем целостности сигнала; ИИ-детекторы аномалий; реализацию аварийных процедур (зависание, возврат со старта запуска, контролируемая посадка) при обнаружении расхождений.

Реализация перечисленных мер требует определённых аппаратных и вычислительных ресурсов, что напрямую влияет на массу, энергопотребление и стоимость бортового оборудования. В связи с этим, а также принимая во внимание разнообразие задач и масштабов сельхозпроизводства, возникает необходимость в многоуровневой модели защиты. Для наглядности выделены 3 уровня защищенности агродронов в таблице 1.

Таблица 1 – Уровни защищенности агродронов

Уровень защищенности	Основные технические меры защиты	Рекомендуемая область применения
Базовый	Смена заводских паролей, Регулярное обновление устройств, шифрование канала связи (WPA3), резервирование навигации (IMU).	Малые фермерские хозяйства, опытные участки.
Повышенный	Аппаратная криптография, RTK + IMU-резервирование.	Средние сельхозпредприятия, кооперативы.
Максимальный	ИИ-детекторы аномалий (Машинное обучение, основанное на IDS), резервирование связи (FHSS/многочастотные), многофакторная аутентификация, AES-CTR поверх MAVLink.	Крупные агрохолдинги, критически важные объекты продовольственной инфраструктуры.

Представленная градация в таблице 1 позволяет выбрать меры защиты с учетом масштаба хозяйства и критичности задач. Реализация многоуровневой модели защиты, адаптированной к АПК, обеспечивает баланс между стоимостью, функциональностью и безопасностью. Базовый уровень кибербезопасности следует закладывать на этапе проектирования. Так как попытки модернизации уже эксплуатируемых БПЛА внешними модулями приводят к росту массы, энергопотребления и усложнению архитектуры системы.

Внедрение адаптированной к АПК многоуровневой модели кибербезопасности даёт реальный баланс между затратами, сохраняемой функциональностью и достигаемым уровнем защищённости. Особенно важно, что базовый уровень защиты должен закладываться уже на стадии проектирования. Попытки дооснащения эксплуатируемых БПЛА внешними модулями шифрования, дополнительными приёмниками или ИИ-детекторами аномалий почти всегда приводят к заметному увеличению массы полезной нагрузки, росту энергопотребления, снижению времени полёта и усложнению интеграции и диагностики системы в целом.

Для того чтобы принципы безопасной архитектуры и многоуровневой защиты стали отраслевой нормой, требуется скоординированная работа всех участников экосистемы:

- Разработчиков автопилотов и бортового ПО (PX4, ArduPilot и др.);
- Производителей агродронов и НСУ;
- Крупных агрохолдингов и фермерских кооперативов как заказчиков,
- Регуляторов и профильных ассоциаций.

Одним из наиболее перспективных и практически достижимых направлений в ближайшие годы остаётся разработка и утверждение специализированных отраслевых стандартов кибербезопасности беспилотных авиационных систем (БАС), ориентированных именно на специфику агропромышленного комплекса. Такие стандарты должны учитывать:

- Применения БПЛА в АПК (мониторинг, картирование, опрыскивание),
- Ограничения по стоимости и энергопотреблению бортового оборудования,
- Необходимость обратной совместимости с уже установленным парком дронов,
- Требования к резервированию каналов связи и навигации,
- Приемлемые методы защиты MAVLink
- Обязательные минимальные меры против GNSS-спуфинга.

В России уже идёт активная работа по созданию подобных нормативных рамок: в 2025-2026 годах ГЛОНАСС и профильные ведомства разрабатывают стандарты кибербезопасности БПЛА, которые должны стать одним из условий постепенного снятия ограничений на полёты и масштабирование применения агродронов в сельском хозяйстве [12]. Эта работа коррелирует с общемировым трендом с разрабатываемым стандартом ISO/NP 26390 «Cybersecurity requirements for uncrewed aircraft systems» [13], что подчеркивает своевременность и актуальность российских инициатив. Появление таких документов позволит унифицировать требования, упростить сертификацию защищённых решений и ускорить переход отрасли к безопасной цифровизации без чрезмерного роста издержек.

Таким образом, многоуровневая модель в сочетании с отраслевыми стандартами и принципом «безопасность на этапе проектирования» способна минимизировать киберриски для продовольственной безопасности страны и одновременно сохранить экономическую привлекательность агродронов даже для средних и небольших хозяйств.

Заключение. Внедрение беспилотных летательных аппаратов существенно повышает эффективность и устойчивость АПК. Однако одновременно формирует новые киберугрозы, среди которых наиболее значимыми остаются перехват и подмена данных в беспроводных каналах, отсутствие шифрования в MAVLink и GNSS-спуфинг. Системная защита требует криптографии каналов связи (WPA3, AES-256, MAVLink over Reticulum), резервирования навигации (GNSS + IMU с фильтром Калмана), RTK и ИИ-детекторов спуфинга. Предложенная многоуровневая модель защиты (базовый, повышенный, максимальный) позволяет адаптировать меры защиты к масштабу хозяйства и критичности задач – от малых ферм до крупных агрохолдингов. Ключ к устойчивому внедрению – это интеграция принципов «безопасность на стадии проектирования». Поскольку модернизация готовых дронов снижает эффективность. Перспективным направлением остаётся разработка отраслевых стандартов кибербезопасности БАС для АПК. Их утверждение обеспечит безопасную цифровизацию сельского хозяйства и минимизацию рисков для продовольственной безопасности в условиях нарастающих угроз.

Список литературы

1. Беспилотники в сельском хозяйстве [Электронный ресурс] // Геомир. - URL: <https://www.geomir.ru/publikatsii/bespilotniki-v-selskom-khozyaystve/> (дата обращения: 11.02.2026).
2. Использование беспилотных авиационных систем в растениеводстве [Электронный ресурс] / Министерство сельского хозяйства РФ. - URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/9e2/i77jvvre9vxtnwpu4ojq3bi3wt1gpygf.pdf> (дата обращения: 24.02.2026).
3. Кузьмин А. Р. Актуальные проблемы информационной безопасности программного обеспечения и каналов связи коммерческих беспилотных авиационных систем / А. Р. Кузьмин, М. Ф. Савельев // Вестник Российского нового университета. Серия: Сложные системы: модели, анализ и управление. - 2023. - № 3. - С. 157-169. - DOI:

10.18137/RNU.V9187.23.03.P.157.

4. WPA3: новый стандарт шифрования Wi-Fi [Электронный ресурс] // SecurityLab. - 2018. - URL: <https://www.securitylab.ru/blog/personal/Neurosinaps/354834.php> (дата обращения: 24.02.2026).

5. Атаки на Wi-Fi от Evil Twin до обхода WPA3 - полный разбор и защита [Электронный ресурс] / xiaomite-journal // SecurityLab. - 2025. - URL: <https://www.securitylab.ru/blog/personal/xiaomite-journal/356229.php> (дата обращения: 24.02.2026).

6. MAVLink 2 [Электронный ресурс] // mavlink.io. - URL: https://mavlink.io/en/guide/mavlink_2.html (дата обращения: 26.02.2026).

7. MAVLink 2 Signing [Электронный ресурс] // ArduPilot. - URL: <https://ardupilot.org/copter/docs/common-MAVLink2-signing.html> (дата обращения: 26.02.2026).

8. Платформа DJI Matrice 200 V2 [Электронный ресурс] // 4vision.ru. - URL: <https://4vision.ru/products/platforma-dji-matrice-200-v2> (дата обращения: 27.02.2026).

9. MAVLink over Reticulum Secures Resilient Drone Command & Control Links [Электронный ресурс] // Beechat Network Systems. - 2025. - URL: <https://beechat.network/mavlink-over-reticulum> (дата обращения: 28.02.2026).

10. Brief Introduction to Inertial Measurement Unit [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ericcointernational.com/application/brief-introduction-to-inertial-measurement-unit.html> (дата обращения: 28.02.2026).

11. Surveying cybersecurity vulnerabilities and countermeasures for enhancing UAV security [Электронный ресурс] // ScienceDirect. - 2024. - URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1389128624005279> (дата обращения: 28.02.2026).

12. В России разрабатывают стандарты кибербезопасности для БПЛА, это ключевое условие снятия запретов на полеты [Электронный ресурс] // CNews. - 2025. - URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-07-02_v_rossii_poyavyatsya_standarty (дата обращения: 28.02.2026).

13. ISO/NP 26390. Cybersecurity requirements for uncrewed aircraft systems [Электронный ресурс] // International Organization for Standardization. - URL: <https://www.iso.org/standard/87654.html> (дата обращения: 28.02.2026).

УДК 334.7

МОДЕЛЬ ИНТЕГРАЦИИ МАЛЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В СИСТЕМУ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ: ПРАКТИКА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Фролов Игорь Вадимович, аспирант

Мичуринский государственный аграрный университет, Мичуринск, Россия

frolov.igorechek2000@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется опыт интеграции малых форм хозяйствования в систему сельскохозяйственной потребительской кооперации на примере Воронежской области. Рассматриваются существующие формы и механизмы интеграции, факторы, влияющие на их эффективность, а также проблемы и перспективы развития. Предлагается модель интеграции малых форм хозяйствования в кооперацию, учитывающая специфику региона, направленная на повышение конкурентоспособности малого агробизнеса и основанная на: создании благоприятной институциональной среды, формировании системы информационно-консультационного сопровождения, развитии системы финансовой, организационной и информационной поддержки.

Ключевые слова: сельскохозяйственная кооперация, малые формы хозяйствования, фермерские хозяйства, личные подсобные хозяйства, сельскохозяйственные потребительские кооперативы, Воронежская область

THE MODEL OF INTEGRATION OF SMALL BUSINESS ENTITIES INTO THE CONSUMER COOPERATION SYSTEM: PRACTICE OF THE VORONEZH REGION

Frolov Igor Vadimovich, Postgraduate Students

Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Russia

frolov.igorechek2000@mail.ru

Abstract. The article analyzes the experience of integrating small business forms into the system of agricultural consumer cooperation using the example of the Voronezh Region. The existing forms and mechanisms of integration, the factors influencing their effectiveness, as well as the problems and prospects of development are considered. A model of integration of small business entities into cooperation is proposed, taking into account the specifics of the region, aimed at increasing the competitiveness of small agribusiness and based on: creating a favorable institutional environment, forming a system of information and consulting support, developing a system of financial, organizational and information support.

Keywords: agricultural cooperation, small forms of management, farms, personal subsidiary farms, agricultural consumer cooperatives, Voronezh region

В России малые формы хозяйствования (далее – МФХ), включающие крестьянские (фермерские) хозяйства (далее – КФХ) и хозяйства населения (далее – ХН), играют важную роль в обеспечении продовольственной безопасности и занятости сельского населения [1, 2]. Однако, в силу своей ограниченности в ресурсах, технологиях и доступе к рынкам, МФХ часто сталкиваются с серьезными проблемами, снижающими их конкурентоспособность [3]. Интеграция в систему сельскохозяйственной кооперации является одним из наиболее перспективных путей решения этих проблем, позволяющим объединить усилия и ресурсы для достижения общих целей [4, с. 329; 5, с. 1109].

Интеграция МФХ в систему кооперации представляет собой процесс объединения усилий и ресурсов малых сельскохозяйственных производителей с целью достижения общих экономических и социальных целей. Теоретической основой интеграции являются:

– концепция транзакционных издержек: интеграция позволяет снизить транзакционные издержки, связанные с поиском информации, заключением контрактов, контролем качества и обеспечением исполнения обязательств;

– теория кооперативных преимуществ: объединение в кооперативы позволяет МФХ получить доступ к ресурсам и технологиям, которые недоступны им по отдельности, а также улучшить свои позиции на рынке;

– концепция кластерного развития: кооперативы могут выступать в качестве ядра аграрных кластеров, объединяя вокруг себя различные организации и предприятия, связанные с сельскохозяйственным производством и переработкой.

В данной статье рассматривается возможность интеграции МФХ в систему потребительской кооперации на примере Воронежской области – одного из ведущих аграрных регионов России, с обоснованием модели, способствующей развитию этого процесса.

В ходе исследования использовался комплекс методов, включающий статистический и сравнительный анализ, методы группировки и оценок, а также монографическое обследование. Эмпирической базой исследования послужили данные, предоставленные Федеральной службой государственной статистики (Росстат), а также территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Воронежской области.

Воронежская область является одним из лидеров развития сельскохозяйственной кооперации в России. В регионе действует значительное количество сельскохозяйственных потребительских кооперативов (далее – СПоК), объединяющих МФХ для совместного производства, переработки и сбыта сельскохозяйственной продукции. Такая ориентация на актуальные тренды экономического развития является неременным условием эффективного государственного регулирования в агропродовольственной сфере. Наиболее успешными из них являются СПоК «Лискинский», занимающийся производством молока, СПоК «Сосновый Бор», СПоК «Воронежский тепличный комбинат», который производит овощные культуры. Однако, на наш взгляд МФХ Воронежской области не часто используют такой потенциал с целью объединения в СПоК.

В Воронежской области функционируют 92 кооператива. В период с 2019 по 2025 год было организовано 35 новых кооперативных объединений. Катализатором активизации кооперативного движения послужила грантовая поддержка СПоК, ориентированная на укрепление их материально-технической базы в рамках региональной государственной программы «Развитие сельского хозяйства, производства пищевых продуктов и инфраструктуры агропродовольственного рынка».

За рассматриваемый временной интервал на поддержку СПоК было выделено свыше 313 миллионов рублей, предоставлено 16 грантов. В контексте реализации регионального проекта «Акселерация малого и среднего предпринимательства» 16 кооперативов получили субсидии, совокупный объем которых превысил 42 миллиона рублей [6].

В 2023 году в Воронежской области была внедрена новая региональная мера поддержки СПоК – грант, предназначенный для реализации доходогенерирующих проектов. Максимальный размер гранта установлен в размере 5 миллионов рублей, при этом финансирование из бюджетных средств может покрывать до 95% стоимости проекта. Целевое использование грантовых средств предусматривает: возведение или приобретение производственных площадей; приобретение специализированной техники, оборудования и транспортных средств. В 2023 году грантополучателями стали три кооператива. Два гранта были направлены на финансирование приобретения техники, холодильного оборудования и рефрижераторных фургонов. Третий грант был выделен на строительство модульного цеха для убоя крупного и мелкого рогатого скота, выращенного с применением методов органического земледелия.

Кроме того, региональная поддержка МФХ в Воронежской области реализуется посредством субсидирования. Субсидии предоставляются для компенсации части затрат на:

приобретение сельскохозяйственной техники, произведенной на территории региона; частичную компенсацию процентных ставок по инвестиционным кредитам.

Предлагаем рассмотреть структуру продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств в Воронежской области, чтобы оценить потенциал МФХ (табл. 1).

Таблица 1 – Структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств в Воронежской области

Формы хозяйствования	2000 г.	2015 г.	2020 г.	2022 г.	2023 г.
Хозяйства всех категорий	100	100	100	100	100
в том числе:					
сельскохозяйственные организации	40,4	52,2	64,0	68,2	68,9
хозяйства населения	54,6	36,8	22,1	18,0	18,2
крестьянские (фермерские) хозяйства	5,0	11,0	13,9	13,8	12,9

Источник: рассчитано автором по данным Росстата (<http://ssl.rosstat.gov.ru/>)

Как видно из таблицы, МФХ занимают достаточную долю среди всех категорий хозяйств, что говорит об их конкурентоспособности несмотря на наличие большого количества сельскохозяйственных организаций, которые обладают большими техническими, материальными и трудовыми ресурсами.

Производственную и членскую базу потребительских сельскохозяйственных кооперативов во многом определяют производители животноводческой продукции.

Рассматривая динамику производства основных продуктов животноводства, также необходимо отметить высокие показатели производства различных форм МФХ (табл. 2).

Таблица 2 – Производство основных продуктов животноводства в Воронежской области

Виды продукции	2000 г.	2015 г.	2020 г.	2022 г.	2023 г.
В хозяйствах всех категорий					
Мясо (в убойном весе), тыс. тонн	107,1	231,1	381,7	468,0	465,6
Молоко, тыс. тонн	758,8	807,7	1024,7	1055,8	1067,4
Яйца, млн. штук	629,1	882,2	760,4	927,8	1136,8
В сельскохозяйственных организациях					
Мясо (в убойном весе), тыс. тонн	37,2	170,4	329,1	416,5	414,3
Молоко, тыс. тонн	438,6	476,6	802,1	858,3	889,6
Яйца, млн. штук	325,2	541,1	425,9	589,4	792,3
В хозяйствах населения и крестьянских (фермерских) хозяйствах					
Мясо (в убойном весе), тыс. тонн	69,9	60,7	52,6	51,5	51,3
Молоко, тыс. тонн	320,2	331,1	222,6	197,5	177,8
Яйца, млн. штук	303,9	341,1	334,5	338,4	344,5

Источник: рассчитано автором по данным Росстата (<http://ssl.rosstat.gov.ru/>)

Кроме того, МФХ Воронежской области владеют значимой долей поголовья скота, данный вектор развития кажется нам особенно перспективным (табл. 3).

Таблица 3 – Поголовье скота по категориям хозяйств в Воронежской области на 1 января 2024 года

Формы хозяйствования	Крупный рогатый скот	в том числе коровы	Свиньи	Овцы и козы	Лошади
Хозяйства всех категорий (тысяч голов)	449,4	163,2	2015,6	139,4	2,8
в том числе:					
сельскохозяйственные организации	347,8	125,4	1997,9	10,9	1,0
хозяйства населения	57,8	17,9	16,9	91,9	1,6
крестьянские (фермерские) хозяйства	43,8	19,9	0,8	36,9	0,2

Источник: составлено автором по данным Росстата (<http://ssl.rosstat.gov.ru/>)

МФХ производят значительную долю овощей, фруктов, картофеля, молока, мяса и других продуктов питания, обеспечивая продовольственное снабжение населения региона. Согласно имеющимся данным за 2024 год, на долю МФХ приходится около 98,5% от общего объема производства картофеля, 88,5 % овощей, 37,7% подсолнечника в регионе, 40,8% яиц, 14,7% молока.

Подчеркнем, что МФХ являются важным источником рабочих мест в сельской местности, особенно в отдаленных районах. Они предоставляют возможность самозанятости и занятости для членов семей и местных жителей, способствуя снижению уровня безработицы и повышению уровня жизни сельского населения, способствуют сохранению традиционного уклада жизни на селе, традиций и навыков сельскохозяйственного производства, передающихся из поколения в поколение [7, с. 149]. Они являются важной частью сельской культуры и идентичности.

С целью развития и интеграции МФХ в систему кооперации в регионе был создан центр компетенций в сфере сельскохозяйственной кооперации и поддержки фермеров Воронежской области в организационной структуре бюджетного учреждения Воронежской области «Воронежский областной центр информационного обеспечения АПК» в соответствии с Постановлением правительства Воронежской области от 30 апреля 2019 г. № 460 «О Центре компетенций в сфере сельскохозяйственной кооперации и поддержки фермеров на территории Воронежской области» [7]. Кроме всего прочего, деятельность данного центра направлена на реализацию организационных мер поддержки, направленных на создание и развитие инфраструктуры поддержки сельскохозяйственных кооперативов и малых форм хозяйствования, в том числе оказания информационно-консультационных услуг, содействие в реализации государственных программ Российской Федерации.

Основные формы интеграции МФХ в кооперацию в Воронежской области включают:

1. производственную кооперацию: объединение МФХ для совместного производства сельскохозяйственной продукции (растениеводство, животноводство, переработка);
2. снабженческо-сбытовую кооперацию: объединение МФХ для совместной закупки ресурсов (семена, удобрения, техника), а также для совместного сбыта продукции на рынке;
3. кредитную кооперацию: предоставление МФХ доступа к льготным кредитам и займам для развития их деятельности [10];
4. обслуживающую кооперацию: оказание МФХ различных услуг (консультационные, ветеринарные, агрономические, бухгалтерские).

Мы полагаем, что к факторам, влияющим на эффективность интеграции МФХ в кооперацию, можно отнести:

- экономические факторы: размер паевых взносов, условия членства, уровень цен на продукцию, доступность кредитных ресурсов [8, с. 82];
- социальные факторы: уровень доверия между членами кооператива, наличие квалифицированных руководителей и специалистов, готовность к сотрудничеству и коллективному принятию решений;
- организационные факторы: эффективность управления кооперативом, прозрачность деятельности, наличие четких правил и процедур, развитая система коммуникаций;
- институциональные факторы: государственная поддержка, нормативно-правовое регулирование, наличие инфраструктуры для развития кооперации.

Среди проблем интеграции МФХ в систему потребительской кооперации в Воронежской области следует отметить следующие:

1. Низкий уровень доверия. Многие МФХ не доверяют кооперативам из-за опасений потерять контроль над своим имуществом или быть обманутыми.
2. Недостаток квалифицированных кадров. Кооперативы часто испытывают нехватку квалифицированных руководителей и специалистов, способных эффективно управлять их деятельностью.

3. Ограниченный доступ к финансированию. МФХ часто сталкиваются с трудностями в получении кредитов и займов для развития своей деятельности.

4. Высокие транзакционные издержки. Интеграция в кооперацию может быть связана с высокими транзакционными издержками, особенно на начальном этапе.

5. Недостаточная государственная поддержка. Объемы и формы государственной поддержки кооперации остаются недостаточными для стимулирования ее развития.

Минимизировать данные проблемы и преодолеть барьеры на пути развития потребительской кооперации нами предлагается модель интеграции МФХ в систему кооперации, включающая следующие элементы:

1. Создание благоприятной институциональной среды. Необходимо совершенствование нормативно-правового регулирования кооперации, усиление государственной поддержки, развитие инфраструктуры для кооперативов.

2. Формирование системы информационно-консультационного сопровождения. Представляется важным создание центров компетенций по кооперации, оказывающих МФХ широкий спектр услуг (консультации по вопросам создания и управления кооперативами, разработка бизнес-планов, обучение).

3. Развитие системы финансовой поддержки [9, с. 26]. На государственном уровне требуется проработать предоставление МФХ доступа к льготным кредитам и займам, грантам, субсидиям, а также развитие механизмов микрофинансирования.

4. Поддержка создания и развития СПК. Должно включать в себя оказание помощи в формировании организационной структуры СПК, разработке устава, привлечении членов, а также в налаживании эффективного управления.

5. Развитие межкооперативных связей. Стимулирование взаимодействия между различными СПК, создание ассоциаций и союзов кооперативов, а также развитие связей с перерабатывающими предприятиями и торговыми сетями.

6. Создание пилотных проектов. Реализация пилотных проектов по интеграции МФХ в кооперацию в различных муниципальных районах Воронежской области с целью апробации различных форм и механизмов интеграции.

7. Оценка эффективности. Проведение мониторинга и оценки эффективности реализации модели интеграции, выявление проблем и корректировка стратегии развития.

Реализация предложенной модели интеграции МФХ в систему кооперации позволит достичь следующих результатов:

- повышение конкурентоспособности МФХ. Интеграция в кооперативы позволит МФХ снизить издержки, улучшить качество продукции, получить доступ к новым технологиям и рынкам;

- увеличение доходов сельских жителей. Повышение экономической эффективности МФХ приведет к увеличению доходов их владельцев и наемных работников;

- развитие сельских территорий. Создание новых рабочих мест, развитие инфраструктуры, сохранение сельских традиций и предотвращение оттока населения из сельской местности;

- обеспечение продовольственной безопасности. Увеличение объемов производства и переработки сельскохозяйственной продукции;

- устойчивое развитие аграрного сектора. Создание благоприятных условий для развития малого агробизнеса и повышения его вклада в экономику региона.

В заключении нам хотелось бы отметить, что МФХ играют важную роль в экономике Воронежской области, обеспечивая производство сельскохозяйственной продукции, занятость сельского населения и сохранение традиционного уклада жизни на селе. Развитие кооперативных структур требует совместных усилий государства, бизнеса и самих МФХ.

Интеграция малых форм хозяйствования в систему сельскохозяйственной кооперации является важным инструментом для повышения конкурентоспособности и устойчивого

развития аграрного сектора Воронежской области. Предложенная модель интеграции, учитывающая специфику региона и направленная на создание благоприятных условий для развития кооперативного движения, позволит раскрыть потенциал МФХ и обеспечить их эффективное участие в экономике региона. Реализация предложенных направлений позволит раскрыть потенциал МФХ и внести вклад в устойчивое развитие сельского хозяйства Воронежской области.

Список литературы

1. Дубовицкий А. А. Развитие малого бизнеса в сельском хозяйстве Тамбовской области в условиях господдержки / А. А. Дубовицкий, Э. А. Климентова, Д. О. Свиридов // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2017. – № 2(64). – С. 46-54. – DOI 10.17277/voprosy.2017.02.pp.046-054. – EDN YRWJOD.
2. Климентова Э. А. Современное состояние и проблемы развития личных подсобных хозяйств населения / Э. А. Климентова, А. А. Дубовицкий // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. – 2006. – № 2. – С. 120-124. – EDN OCAУРТ.
3. Кооперация и агропромышленная интеграция / И. А. Минаков, Э. А. Климентова, А. А. Дубовицкий, Н. П. Касторнов. – Мичуринск: Мичуринский ГАУ, 2022. – 107 с. – EDN CNMQJH.
4. Моисеенко Ж. Н. Эффективность функционирования малых форм хозяйствования в условиях кооперации / Ж. Н. Моисеенко // Управленческий учет. – 2022. – № 7-2. – С. 329-336. – DOI 10.25806/uu7-22022329-336.
5. Решетникова Н. В. Малые формы хозяйствования в структуре агропродовольственного комплекса / Н. В. Решетникова // International Agricultural Journal. – 2023. – Т. 66. – № 4. – С. 1106-1124. – DOI 10.55186/25876740_2023_7_4_7.
6. АПК Воронежской области. Региональный консультационный центр [Электронный ресурс] // URL: <https://vrniks.ru> (дата обращения: 15.10.2025).
7. Кучеренко О. И. Государственная поддержка развития малых форм хозяйствования в аграрном секторе Воронежской области / О. И. Кучеренко // Современное состояние и организационно-экономические проблемы развития АПК: Материалы национальной научно-практической конференции, Воронеж, 18–19 сентября 2024 года. – Воронеж: Воронежский ГАУ им. Императора Петра I, 2024. – С. 148-151.
8. Пути объединения малых форм хозяйствования в сельскохозяйственные кооперативы / К.К. Айтуганов, Г.К. Курманова, А.С. Кульмаганбетова [и др.] // Вестник науки Казахского агротехнического университета им. С. Сейфуллина. – 2022. – № 1(112). – С. 73-82. – DOI 10.51452/kazatu.2022.1(112).934.
9. Еварестова М. С. Малые формы хозяйствования: динамика, государственная поддержка и направления развития в системе кооперации / М. С. Еварестова // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. – 2025. – № 2. – С. 21-28.
10. Климентова Э. А. Перспективы развития кредитной потребительской кооперации / Э. А. Климентова, А. А. Дубовицкий // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2010. – № 4-6(29). – С. 229-232. – EDN MMBTTV.

УДК 33.332.1

ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ СИСТЕМЫ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Фролова Ольга Яковлевна¹, доктор экономических наук, доцент

Кузьмина Галима Ильдаровна², магистрант

^{1,2} Красноярский государственный аграрный университет Красноярск, Россия

¹ vakulenko65@mail.ru, ² emma.nilis@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются организационно-управленческие аспекты программно-целевого управления развитием системы общего образования в сельской местности. Обоснована роль образования в формировании человеческого капитала для обеспечения социально-экономического развития региональных систем. Авторами проведен анализ кадрового обеспечения образовательных учреждений на муниципальном уровне, выявлены задачи определяющие влияние системы образования на поступательное развитие сельских территорий. Исследованы основы организации Школы наставничества с позиции программно-целевого управления профессиональной ориентацией обучающихся в системе общего образования.

Ключевые слова: образовательная политика, программно-целевое управление, система общего образования, сельская местность, наставничество, профессиональная ориентация, человеческий капитал

PROGRAM-TARGETED MANAGEMENT OF THE GENERAL EDUCATION SYSTEM DEVELOPMENT

Frolova Olga Yakovlevna¹, Doctor of Economics, Professor

Kuzmila Galima Ildarovna², Graduate Students

^{1,2} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

¹ vakulenko65@mail.ru, ² emma.nilis@mail.ru

Abstract. The article discusses the organizational and managerial aspects of program-targeted management of the development of the general education system in rural areas. The role of education in the formation of human capital for ensuring the socio-economic development of regional systems is substantiated. The authors have analyzed the staffing of educational institutions at the municipal level and identified the tasks that determine the impact of the education system on the progressive development of rural areas. The article explores the foundations of the School of Mentoring from the perspective of program-targeted management of the professional orientation of students in the general education system.

Keywords: educational policy, program-targeted management, general education system, rural areas, mentoring, career guidance, and human capital

Углубление общественного разделения труда в административно-хозяйственных субъектах региона усиливает взаимное влияние отраслей, что отмечается в исследованиях территориально-отраслевой организации экономики. По мнению ряда исследователей [1, 2, 3], это обуславливает необходимость развития межсистемного взаимодействия. Данному процессу присущи две группы фундаментальных противоречий. Первая группа возникает в результате несоответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Вторая группа в результате принятия управленческих решений, не соответствующих уровню развития производственных отношений. Система образования призвана сглаживать эти противоречия межсистемного взаимодействия на основе

переосмысления качества формирования человеческого капитала, которые должно соответствовать потребностям развития современного производства в условиях научно-технологического воспроизводства. В современных исследованиях рядом учёных [4, 5, 6] формирование человеческого капитала рассматривается, как ключевой фактор экономического развития общества.

Формирование трудового потенциала региона, – определяет эффективность развития не только реального сектора экономики, но и социально-экономического развития в целом. Современные трансформации экономики предъявляют новые требования к системе образования, определяя необходимость модернизации образовательной среды и повышения качества подготовки обучающихся. В соответствии с ФЗ-273 «Об образовании в РФ», образование рассматривается как общественно значимый процесс, обеспечивающий развитие личности и общества. Система общего образования включает дошкольный, начальный, основной и средний уровень образования и направлен на формирование личности обучающегося, его социальных компетенций (рис. 1).

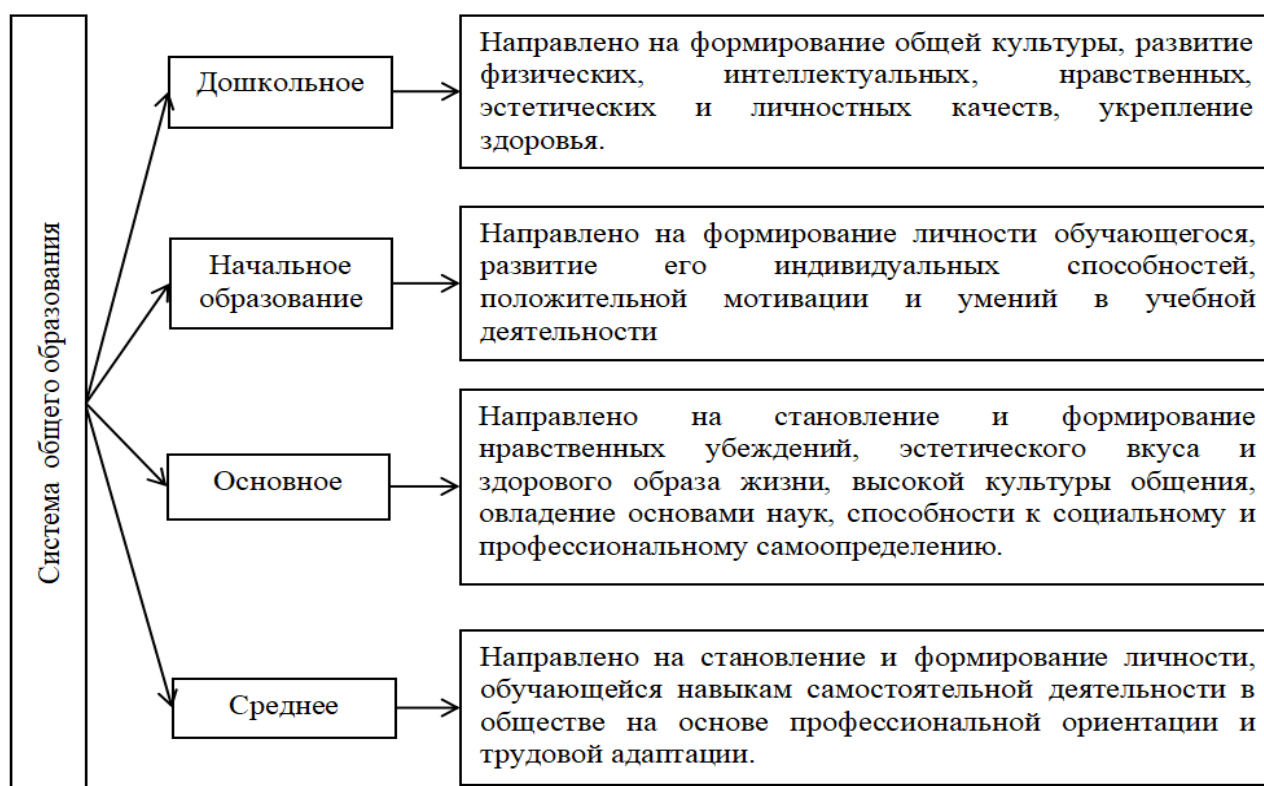

Рисунок 1 – Структура общего образования

Реализация образовательной политики в Баградском муниципальном районе, Республики Хакасия нацелена на обеспечение конституционного права на образование. Авторам удалось обобщить порядок планирования, финансирования мероприятий в образовательных учреждениях, выявить систему показателей, отражающих эффективность управления в системе образования. Основными элементами управления стратегическим планированием является стандартизация образовательных технологий, бюджетирование, развитие кадрового потенциала и модернизация инфраструктуры. Общеобразовательные учреждения принимают участие в национальных проектах «Образование», таких как национальный проект «Цифровая образовательная среда», «Успех каждого ребёнка» и «Патриотическое воспитание граждан РФ», что в муниципальных образованиях создаёт условия для повышения качества образования. Реализация Национального проекта «Образование» в ряде муниципальных образований поддерживается бюджетами всех уровней. На основании отчета по образовательной деятельности Баградского района за

период 2021-2023 гг., оценка эффективности отражается через показатели государственной итоговой аттестации, а также по численному охвату учащихся в мероприятиях, конкурсах и смотрах. Численность работников в образовательных организациях увеличилась на 2 %, что обусловлено введением новых должностей в общеобразовательных учреждениях. Вместе с тем наблюдается снижение доли педагогических работников в возрасте от 60 лет. Анализ кадрового состава показывает, что лишь 37 % педагогов имеют стаж работы более 10 лет, что свидетельствует о положительной динамике управления кадрами. Существенная государственная поддержка включает «Приобретение жилья специалистам с высшим педагогическим образованием», где предусматривается система стимулирующих выплат молодым специалистам (30 % при получении диплома и 50 % - при наличии диплома с отличием). Модернизация рабочих мест и оснащения образовательных учреждений современным оборудованием способствует повышению качества образовательного процесса, снижает отток молодых специалистов и опытных работников. Необходимость запуска механизмов повышения качества образования, мы связываем с адаптивным управлением для дальнейшего обеспечения социально-экономической динамики региона, и прежде всего, с развитием отраслей реального сектора. В этой связи, широкий формат программ адаптивно образования получили платформы наставничества, включающее различные инициативы и проекты профессиональной ориентации, военно-патриотического, общественного движения, что в целом позволяет формировать социально-ориентированную, гармоничную личность.

По мнению ряда исследователей [7, 8, 9, 10], наставничество как институт позволяет передавать профессиональные умения, навыки, что и сегодня, как никогда придать новый импульс развития системы дополнительного образования. Высокая степень неопределенности учащихся 8-9 классов и 10-11 классов, мы связываем с темпами развития отраслевых технологий, темпами развития информационного рынка и цифровизации процессов в обществе, что и обуславливает трудности в образовательно-профессиональной навигации. По мнению авторов, программно-целевое управление развитием системы общего образования в Богградском районе Республики Хакасия, предполагает реализацию Модели наставничества «Программно-целевое управление качеством образования» ориентирована на формирование индивидуальной траектории личностно-профессионального развития учащихся в условиях системы общего образования (рис. 2).

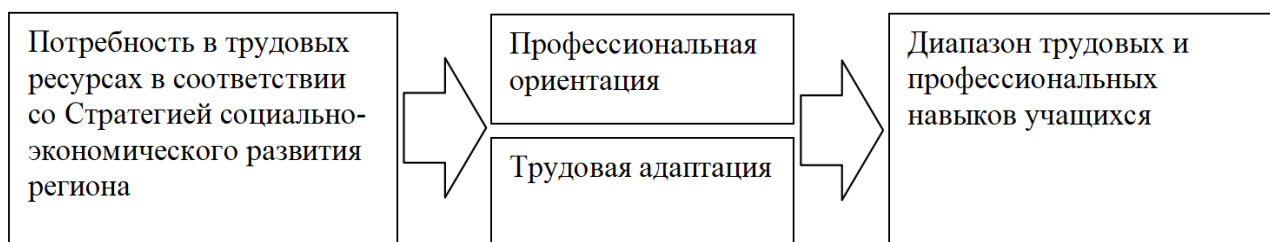

Рисунок 2 – Порядок социальной конвертации учащихся в условиях структурной оптимизации системы общего образования

Формы наставничества бывают разными — индивидуальное, групповое, профессиональное. В Богградском районе, например, работает «Школа наставничества». Ее задача в системе общего образования — помочь школьникам с профессиональной ориентацией и адаптацией к труду (рис. 3).

Рисунок 3 – Классификация задач функционирования «Школы наставничества»

Чего мы ожидаем от внедрения этих механизмов? Во-первых, выпускники сельских школ получают больше возможностей и станут конкурентоспособнее. Во-вторых, за счет качественной работы с человеческим ресурсом территория получит импульс для устойчивого развития. Это подтверждают и исследователи. Человеческий потенциал сегодня – главный двигатель социально-экономического роста региона. А дополнительные образовательные траектории в школе – это не просто профориентация, это основа для воспроизводства человеческого капитала на местах.

Список литературы

1. Алтухов, А. И. Территориально-отраслевое разделение труда в агропромышленном производстве / А. И. Алтухов // АПК: экономика, управление. – 2015. – № 7. – С. 8-21. – EDN TYSMTX.
2. Анимица, Е. Г. Теории регионального и местного развития : учеб. пособие [Текст] / Е. Г. Анимица, Я. П. Силин, Н. В. Сбродова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. – Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2015. – 151 с.
3. Красильникова М.Д., Бондаренко Н.В., Караева О.С. Проблемы развития кадрового потенциала на предприятиях и возможности системы профобразования для их решения // Мониторинг экономики образования. 2013. № 2(65).
4. Булина, А.О. Человеческий капитал в теории экономического роста: классические модели и новые подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика / А.О. Булина, К.А. Мозговая, М.А. Пахнин. – 2020. – № 2. – С. 163-188.
5. Вяткина, Г. Я. Формирование трудового потенциала региона: условия и факторы / Г. Я. Вяткина, О. Я. Фролова // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2024. – № 1(31). – С. 115-126. – DOI 10.36718/2500-1825-2024-1-115-126. – EDN BBTJLO.
6. Соколов, А. П. Роль человеческого капитала в обеспечении устойчивого и сбалансированного развития территории / А. П. Соколов // Научное обозрение. Серия 1:

Экономика и право. – 2016. – № 4. – С. 68-75. – EDN XCHDMH.

7. Нугуманова, Л.Н. Настольная книга «Наставничество: эффективная форма обучения»: информационно-метод. материалы / авт.-сост. Л.Н. Нугуманова, Т.В. Яковенко. – 2-е издание, доп., перераб. — Казань: ИРО РТ. – 2020. – 51 с.

8. Степанцов П.М., Кузьминов В.Я. Контингентность в образовании: новые условия и новые механизмы выбора образовательной траектории // Вопросы образования. 2012. № 4. С. 83–108.

9. Формирование и реализация программ наставничества по модели "Учитель – ученик" / Т. А. Абрамовских, А. В. Коптелов, А. В. Машуков [и др.]. – Челябинск : Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования, 2021. – 48 с. – ISBN 978-5-503-00435-9. – EDN UZVDKM.

10. Фролова, О. Я. Значение дополнительных образовательных траекторий в профессиональной ориентации молодежи / О. Я. Фролова, Н. С. Бордаченко // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2023. – № 2(28). – С. 87-95. – DOI 10.36718/2500-1825-2023-2-87-95. – EDN UEUQIS.

УДК 630.432

СТРУКТУРА МЕТОДОВ ФОРМИРОВАНИЯ РЫНКА ЛОГИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ

Ху Яньхун¹, аспирант

Лукиных Валерий Федорович², доктор экономических наук, профессор

^{1,2} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

¹ 379525926@qq.com ² lukinih_vf@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется структура методов формирования рынка логистических услуг в региональном разрезе на примере Красноярского края Российской Федерации и Автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики. На основе системного и сравнительно-географического подходов уточнены теоретико-понятийные основы рынка логистических услуг и введено четырёхблочное представление структуры методов его формирования, включающее субъектно-институциональный, функциональный, процессный и регуляторный блоки. Проведён сравнительный анализ состава и функций основных субъектов рынка, особенностей организации логистических процессов и используемых механизмов государственного регулирования в двух регионах. Показано, что в Красноярском крае доминируют методы, ориентированные на обслуживание сырьевых потоков и развитие базовой инфраструктуры, тогда как во Внутренней Монголии приоритет отдается комплексным логистическим решениям, кластерным формам организации и специальным программно-целевым инструментам поддержки. Обоснована необходимость усиления кластерных, программно-целевых и ГЧП-подходов к формированию рынка логистических услуг в российском регионе, а также выделены перспективные направления дальнейших исследований в области количественной оценки влияния логистических методов на социально-экономическое развитие территорий.

Ключевые слова: рынок логистических услуг; структура методов; региональная логистика; Красноярский край; Автономный район Внутренняя Монголия; субъектно-институциональный подход; государственное регулирование; логистические кластеры; 3PL/4PL-провайдеры; пространственное развитие

STRUCTURE OF METHODS OF FORMING THE LOGISTICS SERVICES MARKET

Hu Yanhong¹, Postgraduate Student

Lukinykh Valery Fedorovich², Doctor of Economics, Professor

^{1,2} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

¹ 379525926@qq.com ² lukinih_vf@mail.ru

Abstract. This article examines the structure of logistics services market formation methods at a regional level using the case of Krasnoyarsk Krai, Russian Federation, and the Inner Mongolia Autonomous Region, People's Republic of China. Using a systemic and comparative geographic approach, the theoretical and conceptual foundations of the logistics services market are clarified, and a four-block representation of the structure of its formation methods is introduced, including subject-institutional, functional, process, and regulatory blocks. A comparative analysis is conducted of the composition and functions of the main market participants, the organizational features of logistics processes, and the mechanisms of state regulation used in the two regions. It is shown that in Krasnoyarsk Krai, methods focused on servicing raw material flows and developing basic infrastructure predominate, while in Inner Mongolia, priority is given to integrated logistics solutions, cluster organizational forms, and specialized program-targeted support tools. The need to strengthen cluster, program-targeted and PPP approaches to the formation of the logistics services market in the Russian region is substantiated, and promising areas for further research in the field of quantitative assessment of the impact of logistics methods on the socio-economic development of territories are identified.

Keywords: logistics services market; structure of methods; regional logistics; Krasnoyarsk Krai; Inner Mongolia Autonomous Region; subject-institutional approach; government regulation; logistics clusters; 3PL/4PL providers; spatial development

Рынок логистических услуг в современной экономике выступает не только как обслуживающий сегмент, обеспечивающий движение материальных потоков, но и как самостоятельный фактор конкурентоспособности территорий, роста их экспортного потенциала и инвестиционной привлекательности. По сути, через степень развитости логистических сервисов проявляется способность региона интегрироваться в национальные и глобальные цепи поставок, сокращать совокупные издержки обращения и обеспечивать устойчивость хозяйственных связей в условиях внешних шоков. Рынок логистических услуг понимается, как показывают наблюдения отечественных и зарубежных исследований, достаточно широко: к нему относят перевозку грузов различными видами транспорта, складирование, грузопереработку, услуги по подготовке товаров к потреблению, управление запасами, информационно-логистическое сопровождение и ряд иных операций, связанных с движением товаров и сопутствующих им информационных и финансовых потоков. Влияние этого рынка выходит далеко за рамки транспортного сектора: он затрагивает производственные и торговые процессы, формирует доступность товаров для населения и бизнеса, а также оказывает воздействие на структуру региональной экономики. В контексте пространственного развития актуальным становится сравнение подходов к формированию и регулированию рынка логистических услуг в разных территориях. В этой связи представляется целесообразным сопоставить методы формирования рынка логистических услуг в Красноярском крае Российской Федерации и Автономном районе Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики, которые, обладая выраженной ресурсной спецификой и транзитным положением, демонстрируют одновременно значительный логистический потенциал и наличие инфраструктурных и институциональных ограничений.

Актуальность исследования структуры методов формирования рынка логистических услуг обусловлена совокупностью факторов. Во-первых, на глобальном уровне усиливаются процессы реорганизации цепей поставок, что особенно заметно для сырьевых и экспортно ориентированных регионов. Как показывают современные работы по рынку транспортно-логистических услуг России, наблюдается тенденция к переходу от простых транспортных операций к комплексным логистическим решениям, включая рост сегмента 3PL и 4PL-провайдеров, а также усиление роли логистического аутсорсинга [1]. Аналогичные процессы происходят и в КНР, где логистика рассматривается как один из ключевых драйверов реализации инициативы «Один пояс - один путь». Во-вторых, российский рынок логистики, по оценкам практиков и аналитиков, сталкивается с рядом хронических ограничений: высокой долей логистических затрат в себестоимости продукции, неравномерностью размещения производств и складской инфраструктуры, существенным физическим и моральным износом транспортно-логистических объектов, а также ограниченным распространением аутсорсинговых моделей. Для восточных регионов РФ, к которым относится Красноярский край, эти проблемы зачастую усугубляются низкой плотностью транспортной сети и значительными расстояниями. В-третьих, в Китае, в том числе в Автономном районе Внутренняя Монголия, активно формируются логистические коридоры, терминальные комплексы и мультимодальные узлы, ориентированные как на внутренние, так и на трансграничные перевозки. Логистика здесь выступает инструментом пространственной интеграции периферийных территорий в общенациональное экономическое пространство, что требует применения комплексных методов формирования рынка услуг - от инвестиционных и инфраструктурных до тарифных и институциональных. В-четвёртых, цифровизация логистических процессов и внедрение интеллектуальных транспортных систем предъявляют новые требования к методам формирования рынка. Возникает потребность в согласовании традиционных подходов (инвестиционная политика, тарифное регулирование, инфраструктурное развитие) с инструментами цифровой платформизации, стандартами обмена данными и системами мониторинга качества логистических сервисов. Совокупность указанных обстоятельств усиливает научный и практический интерес к структурированию и сравнительному анализу методов

формирования рынка логистических услуг, что и предопределило выбор темы исследования.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить и систематизировать структуру методов формирования рынка логистических услуг и на этой основе выполнить сопоставительный анализ особенностей их применения в Красноярском крае РФ и Автономном районе Внутренняя Монголия КНР. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: уточнить теоретико-понятийные основания исследования рынка логистических услуг, методов формирования рынка и структуры методов; сформировать классификацию методов формирования рынка логистических услуг с выделением ключевых структурных элементов (субъектно-институционального, функционального, процессного и регуляторного блоков); охарактеризовать современные тенденции развития рынка логистических услуг в России и Китае с акцентом на Красноярский край и Внутреннюю Монголию; проанализировать особенности участия основных субъектов и применения методов в формировании региональных рынков логистических услуг в двух рассматриваемых территориях.

Объект исследования - региональные рынки логистических услуг как совокупность экономических, организационных и институциональных отношений между участниками логистической деятельности. Предмет исследования - структура методов формирования рынка логистических услуг и специфика их применения в Красноярском крае и Автономном районе Внутренняя Монголия.

Исследование рынка логистических услуг базируется на междисциплинарном подходе, объединяющем положения теории рынков, пространственной экономики, логистики и методологии научного познания. В логистической литературе рынок логистических услуг трактуется как совокупность отношений по поводу предоставления широкого набора логистических сервисов, включающих не только транспортировку и складирование, но и управление материальными потоками, разработку логистических схем, информационное сопровождение и интегрированные решения по управлению цепями поставок. Отдельные авторы подчёркивают зрелость российского рынка транспортно-логистических услуг, при этом фиксируют смещение спроса в сторону комплексных услуг и появление на рынке развитых 3PL и 4PL-операторов. В более общем плане методы формирования рынков рассматривались ещё в классических работах по экономической теории [2, с.84]. А. Смит связывал развитие рыночных отношений с выгодностью обмена и степенью разделения труда, подчёркивая, что границы рынка определяются экономической целесообразностью взаимодействия. Д. Стиглер предлагал критерий однородности цен, рассматривая рынок как пространство, в пределах которого цена стремится к единообразию, а различия в ценах свидетельствуют о существовании разных рынков. Концепция пространственных рыночных зон К. Рау акцентирует внимание на соотношении цен и тарифов грузоперевозок, определяя конфигурацию границ рынка в зависимости от уровня транспортных издержек [6]. Существенный вклад в развитие пространственного анализа рынков внёс А.Н. Демьяненко, использовавший историко-географический подход и трактовавший рынок как феномен, вписанный не только в экономическое, но и в политическое и институциональное пространство [3, с.90]. Такой подход особенно продуктивен при изучении приграничных и транзитных регионов, к которым в определённой мере относятся и Красноярский край, и Внутренняя Монголия.

С методологической точки зрения вопрос о структуре методов научного исследования детально разработан в работах Э.Г. Юдина и А.Г. Спиркина. Э.Г. Юдин предложил уровневую схему организации методологического знания, включающую философский уровень, уровень общенаучных принципов, конкретно-научной методологии и уровень методик и техник [6, с.160]. А.Г. Спиркин подчёркивал, что многообразие методов и творческий характер научного мышления не позволяют построить единую замкнутую теорию научного метода; более продуктивной задачей он считал исследование структуры и типологии методов, выявление тенденций их развития и взаимосвязей. Наконец, работы по

логистике и управлению цепями поставок указывают на необходимость рассматривать рынок логистических услуг через призму участия различных субъектов (логистические компании, посредники, потребители, государственные органы), выполняемых функций (транспортировка, складирование, управление запасами, информационная поддержка), протекающих процессов (логистическое обслуживание, распределительная логистика, создание распределительных структур) и механизмов регулирования (инфраструктурная политика, законодательная база, тарифное регулирование, государственно-частное партнёрство). Обзор литературы показывает, что при наличии значительного количества работ по логистике и региональной экономике вопрос именно о структуре методов формирования рынка логистических услуг в региональном разрезе, тем более в формате российско-китайского сопоставления, до сих пор разработан фрагментарно [4, с.100].

Опираясь на подход Э.Г. Юдина к организации методологического знания, целесообразно рассматривать структуру методов формирования рынка логистических услуг как многоуровневую систему, включающую:

- стратегико-концептуальные методы (философский и общенаучный уровни: системный, исторический, пространственный подходы);
- конкретно-научные методы (экономико-географический, институциональный, логистический анализ);
- прикладные методики и техники (инструменты регулирования, практики управления, организационные модели взаимодействия субъектов).

Содержательно структура методов формирования рынка логистических услуг может быть представлена четырьмя взаимосвязанными блоками:

1) Субъектно-институциональный блок. Включает методы, связанные с участием различных групп субъектов и формированием институциональной среды рынка:

- методы развития логистических компаний (стимулирование создания и роста 3PL/4PL-провайдеров, поддержка инновационных логистических стартапов);
- методы формирования системы логистических посредников (перевозчики, экседиторы, терминалы, распределительные центры);
- методы вовлечения потребителей (торговые сети, промышленность, дистрибьюторы) в кооперацию с логистическими провайдерами;
- методы государственного институционального сопровождения (создание специальных экономических зон, логистических кластеров, индустриально-логистических парков).

2) Функциональный блок. Охватывает методы организации ключевых логистических функций: планирования поставок, управления складами, транспортировки, управления запасами, информационного обеспечения и контроля качества. Здесь можно выделить:

- методы оптимизации маршрутов и выбора видов транспорта;
- методы организации складской сети и размещения логистических центров;
- методы управления запасами на основе прогнозирования спроса и аналитики цепей поставок;
- методы внедрения информационных систем отслеживания и управления потоками;
- методы стандартизации и сертификации логистических услуг [5].

3) Процессный блок. Ориентирован на методы организации логистических процессов: логистического обслуживания, распределительной логистики, построения распределительных структур. Сюда относятся:

- методы интеграции логистики производителей, оптовиков, розничных сетей и логистических операторов в единую распределительную систему;
- методы настройки сервисного уровня (уровня логистического обслуживания) с учётом требований конечных потребителей;
- методы создания и развития распределительных центров, терминальных и хабовых структур.

4) Регуляторный блок. Включает совокупность государственно-регулирующих методов:

- программно-целевые методы (федеральные и региональные программы развития транспортно-логистической инфраструктуры, логистических коридоров, мультимодальных маршрутов);
- правовые методы (развитие законодательной базы в сфере транспорта, логистики, ГЧП, регулирования тарифов и стандартов качества);
- тарифные и налоговые методы (регулирование тарифов на перевозки, налоговые льготы для логистических проектов в стратегически значимых регионах);
- методы государственно-частного партнёрства (совместная реализация инфраструктурных проектов, разделение рисков и инвестиций).

Подобная структуризация позволяет перейти от абстрактной характеристики рынка логистических услуг к анализу конкретных инструментов и механизмов его формирования в региональном измерении.

Исследование опирается на сочетание теоретического и эмпирического анализа.

Во-первых, использован системный и сравнительно-географический подходы: рынок логистических услуг рассматривается как целостная система, включённая в пространственную организацию экономики регионов. Это позволило сопоставить условия и методы формирования рынка в Красноярском крае и Внутренней Монголии с учётом их географического положения, ресурсной специализации, транспортной доступности и институциональных особенностей. Во-вторых, применён метод контент-анализа и сравнительного обзора научных публикаций отечественных и зарубежных авторов по вопросам логистики, пространственной экономики и регионального развития. Особое внимание уделялось работам, освещающим роль логистических услуг в формировании региональных рынков и цепей поставок. В-третьих, были использованы элементы институционального и нормативно-правового анализа: рассматривались ключевые программные документы РФ и КНР, регулирующие развитие транспортно-логистической инфраструктуры, а также положения законодательства, определяющие условия функционирования логистических компаний, перевозчиков и терминальных операторов. В-четвёртых, в рамках исследовательской процедуры предпринята попытка качественного сопоставления параметров логистических систем двух регионов (без обращения к точным статистическим оценкам, которые требуют отдельного специализированного исследования): анализировалась структура транспортной сети, наличие логистических центров и терминалов, вовлечённость регионов в международные транспортные коридоры, степень участия государства в развитии логистики, уровень развития логистического аутсорсинга [6].

Результаты: сравнительный анализ методов формирования рынка логистических услуг.

1. Субъектно-институциональный аспект:

В Красноярском крае формирование рынка логистических услуг опирается на сочетание крупных транспортных компаний (железнодорожных, автомобильных, в меньшей степени - речных и авиационных перевозчиков), логистических операторов, обслуживающих главным образом сырьевые экспортные потоки, а также на сеть региональных и межрегиональных перевозчиков. Уровень развития 3PL- и 4PL-сервисов повышается, однако, как подчёркивают исследования российского рынка, доминируют всё ещё классические транспортные и складские услуги [1, с.20]. Государственные институты играют важную роль в развитии инфраструктурных проектов, но участие региональных и муниципальных структур в создании логистических кластеров и индустриально-логистических парков носит очаговый характер. Во Внутренней Монголии субъектный состав рынка логистических услуг более тесно интегрирован с национальными стратегическими инициативами КНР. Здесь заметно присутствие крупных государственных и квази-государственных логистических корпораций, управляющих узловыми

железнодорожными и автомобильными терминалами, а также логистических парков, ориентированных на транзитные и приграничные операционные схемы. Активно формируются логистические кластеры, сочетающие промышленное производство, складскую и транспортную инфраструктуру. Методы вовлечения частного бизнеса и иностранных инвесторов строятся в значительной мере через механизмы преференций и особых режимов.

Таким образом, в субъектно-институциональном плане различия заключаются в масштабе и степени концентрации логистических операторов, глубине интеграции с национальными логистическими коридорами и характере участия государства в структурировании рынка.

2. Функциональные методы:

Для Красноярского края характерен акцент на обеспечении транспортировки массовых грузов (ресурсов, полуфабрикатов), при этом методы функциональной организации логистики (оптимизация складской сети, управление запасами, внедрение информационных систем) развиваются неравномерно. Применяемые методы во многом зависят от крупных корпоративных заказчиков, для которых логистика - часть корпоративной стратегии, тогда как малые и средние компании часто ограничиваются базовыми транспортными и складскими услугами. Во Внутренней Монголии функциональные методы формирования рынка логистических услуг более тесно связаны с задачей обеспечения межрегиональных и трансграничных потоков. Здесь применяются методы оптимизации мультимодальных маршрутов (железная дорога - автомобильный транспорт - морские порты в других провинциях), активно внедряются информационные системы отслеживания грузов, создаются масштабные складско-распределительные комплексы, ориентированные на переработку грузов, идущих как из внутренних районов Китая, так и из стран ЕАЭС. Функциональная структура логистики здесь чаще строится как интегрированное решение, включающее планирование поставок, управление запасами и информационную поддержку. Сравнение показывает, что методы функциональной организации рынка в Красноярском крае во многом носят догоняющий характер по отношению к более интегрированным моделям, применяемым во Внутренней Монголии.

3. Процессные методы:

Процессные методы в Красноярском крае сосредоточены вокруг распределительной логистики сырьевой продукции и обеспечении снабжения внутреннего рынка. Логистическое обслуживание конечного потребителя (особенно в формате электронной коммерции и мелкооптовых поставок) развивается, но ограничивается инфраструктурой крупных городов и магистральных транспортных коридоров. Создание распределительных структур, объединяющих производителей, оптовиков, логистических провайдеров и розницу, происходит точечно, часто в форме частных инициатив, не всегда встроенных в единую региональную стратегию [2, с.56].

Во Внутренней Монголии процессные методы более явно ориентированы на формирование распределительных структур, встроенных в общенациональные и международные цепи поставок. Логистическое обслуживание включает широкий набор сервисов - от предпродажных (формирование спроса, маркетинговая логистика) до послепродажных (обратная логистика, сервисное обслуживание). Распределительные центры создаются как многофункциональные узлы, обеспечивающие не только перераспределение грузов, но и их частичную переработку, комплектование и упаковку, что соответствует концепции создания добавленной стоимости в логистической сфере. Здесь просматривается различие в степени зрелости процессных методов: в Красноярском крае они в большей мере привязаны к традиционной схеме «производство - транспорт - потребитель», тогда как во Внутренней Монголии активно формируется многоуровневая распределительная сеть.

4. Регуляторные методы:

Регуляторные методы формирования рынка логистических услуг в Красноярском крае

реализуются через федеральные и региональные программы развития транспортной инфраструктуры, поддержки экспортно ориентированных отраслей, строительства и модернизации, автомобильных дорог, железнодорожных узлов, речных портов и аэропортов. Законодательная база РФ формирует общие «правила игры» для перевозчиков и логистических компаний (Транспортный кодекс, законы о ГЧП, инвестиционные режимы), а тарифная политика в значительной степени определяется на федеральном уровне (особенно в железнодорожном секторе). Механизмы государственно-частного партнёрства применяются, но ещё не исчерпали свой потенциал. Во Внутренней Монголии регуляторные методы тесно связаны с национальными стратегиями КНР, в рамках которых регион рассматривается как важный элемент сухопутных коридоров «Китай - Европа» и «Китай - Россия». Здесь широко применяются программно-целевые инструменты, предусматривающие субсидирование инфраструктурных проектов, поддержку логистических парков, специальные налоговые режимы для логистических компаний и терминалов, а также активное использование ГЧП-моделей для строительства и эксплуатации транспортно-логистических объектов.

Сопоставление показывает, что в российском регионе регулирование в большей степени опирается на общенациональные рамки и инфраструктурные программы, тогда как во Внутренней Монголии регуляторные методы более тесно сфокусированы на логистике как приоритетном направлении территориального развития [4].

Проведённый анализ позволяет сделать несколько обобщающих наблюдений. Во-первых, структура методов формирования рынка логистических услуг в обоих регионах включает сходные элементы - субъекты, функции, процессы и регулирование, - но наполнение этих элементов различается по степени интеграции, масштабу и уровню детализации.

Во-вторых, в Красноярском крае сохраняется ориентация на обеспечение традиционных сырьевых потоков, тогда как комплексные методы формирования рынка логистических услуг (особенно в части распределительных процессов и сервисов для конечного потребителя) развиты неравномерно. Во Внутренней Монголии, напротив, логистика рассматривается как инструмент многоуровневого развития - от обслуживания сырьевого сектора до стимулирования промышленного роста, приграничной торговли и интеграции в международные коридоры. В-третьих, существенно различается роль государства: в российском контексте доминируют общенфраструктурные и нормативно-правовые меры, тогда как в китайском - точечные и специализированные программы, нацеленные именно на логистические кластеры, парки и коридоры.

Рынок логистических услуг представляет собой сложную систему отношений, в которой пересекаются интересы логистических компаний, посредников, потребителей и государственных органов. Его формирование определяется не только спросом на транспортные и складские услуги, но и качеством логистического обслуживания, уровнем интеграции процессов и эффективностью регуляторной среды. Структура методов формирования рынка логистических услуг целесообразно описывается через четыре взаимосвязанных блока: субъектно-институциональный, функциональный, процессный и регуляторный. Такой подход позволяет переходить от общего описания рынка к анализу конкретных механизмов и инструментов. В Красноярском крае методы формирования рынка логистических услуг ориентированы преимущественно на обеспечение транспортировки сырьевых потоков и развитие базовой инфраструктуры. Формирование комплексных логистических сервисов, распределительных структур и логистических кластеров находится в стадии становления и требует целенаправленной поддержки. Во Внутренней Монголии рынок логистических услуг развивается в более интегрированном формате: активно создаются логистические парки и кластеры, формируются мультимодальные маршруты, внедряются информационные системы, а регуляторные методы сфокусированы на поддержке логистики как приоритета региональной политики. Сравнительный анализ показал, что российскому региону, обладающему сопоставимым транзитным и ресурсным

потенциалом, целесообразно усилить использование программно-целевых и кластерных методов формирования рынка логистических услуг, расширить практику ГЧП в логистической сфере, а также стимулировать развитие 3PL/4PL-провайдеров и распределительных центров, ориентированных на создание добавленной стоимости.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются количественная оценка влияния логистических методов на показатели регионального развития, более детальный анализ нормативно-правовых режимов в РФ и КНР, а также изучение возможностей гармонизации логистических стандартов и цифровых решений в рамках российско-китайского сотрудничества.

Таким образом, структура методов формирования рынка логистических услуг, рассмотренная на примере Красноярского края и Автономного района Внутренняя Монголия, демонстрирует значительный потенциал для взаимного заимствования и адаптации успешных практик, что может способствовать повышению эффективности логистических систем и укреплению межрегиональных экономических связей.

Список литературы

1. Бухалкин, Д. Д., Костров, В. Н. Рынок транспортно-логистических услуг в условиях глобальной трансформации цепей поставок / Д. Д. Бухалкин, В. Н. Костров // Научные проблемы водного транспорта. - 2024. - № 111. - С. 14-25.
2. Гаджинский, А. М. Логистика: Учебник. - М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2012. - 484 с.
3. Демьяненко, А. Н. Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке России. - Владивосток: Дальнаука, 2003. - 284 с.
4. Капустина, Л. М. Россия на мировом рынке транспортно-логистических услуг // Сборник Уральского государственного экономического университета. - Екатеринбург, 2016. - С. 109-122.
5. Криворучко, О. Н. Основы логистического управления качеством транспортных услуг // Экономика транспортного комплекса. - 2016. - № 18. - С. 84-97.
6. Стафеева, Н. П. Оценка современного состояния и перспективы развития транспортно-логистической системы Российской Федерации в контексте управления рисками // Управленческое консультирование. - 2018. - № 3. - С. 157-165.
7. Якунина, Ю. С. Логистические услуги: особенности и специфика в условиях российского рынка // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». - 2014. - № 4. - С. 107-112.

УДК 338.43

РОЛЬ ИННОВАЦИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Худолей Оксана Васильевна, старший преподаватель

Луганский государственный аграрный университет имени К.Е. Ворошилова, Луганск, Россия
cvsr.oksana@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается роль инновационной деятельности в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации в условиях современных глобальных вызовов и технологических изменений. Анализируются ключевые направления развития инновационного сектора, такие как искусственный интеллект, кибербезопасность и энергетика будущего, а также государственные инициативы по поддержке научных исследований и промышленности. Особое внимание уделяется угрозам, связанным с утечкой кадров, санкционными ограничениями, киберпреступностью и зависимостью от иностранных технологий. Подчеркивается необходимость системных мер, инвестиций в человеческий капитал и развития научно-технического потенциала для формирования устойчивой, технологически независимой экономики и повышения уровня национальной безопасности.

Ключевые слова: экономическая безопасность, научно-технический потенциал, интеллектуальный потенциал, инновационный сектор, кибербезопасность, искусственный интеллект

THE ROLE OF INNOVATION IN ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF THE STATE

Khudoley Oksana Vasilyevna, Senior Lecturer

Luhansk State Agrarian University, Luhansk, Russia
cvsr.oksana@gmail.com

Abstract. The article examines the role of innovation activities in ensuring the economic security of the Russian Federation in the context of modern global challenges and technological changes. It analyzes key areas of development in the innovation sector, such as artificial intelligence, cybersecurity, and future energy, as well as government initiatives to support scientific research and industry. Special attention is given to the threats associated with talent leakage, sanctions restrictions, cybercrime, and dependence on foreign technologies. The article emphasizes the need for systemic measures, investments in human capital, and the development of scientific and technological potential to create a sustainable, technologically independent economy and enhance national security.

Keywords: economic security, scientific and technological potential, intellectual potential, innovative sector, cybersecurity, and artificial intelligence

В условиях современных глобальных вызовов и стремительных технологических изменений стратегическая роль инноваций в формировании устойчивой экономики страны становится все очевиднее. Для России, обладающей значительным природно-ресурсным потенциалом и историей научных достижений, развитие инновационной сферы выступает с одной стороны, важнейшим инструментом для укрепления национальной безопасности и повышения конкурентоспособности на мировой арене, а с другой стороны, цифровая трансформация порождает новые риски и угрозы экономической безопасности, связанные с кибератаками, утечками данных, технологической зависимостью.

Рассматривая более подробно влияние инновационной деятельности на экономическую безопасность Российской Федерации нельзя не остановиться на её способствованию диверсификации и модернизации экономики, снижая зависимость от экспорта сырья и обеспечивая создание новых рабочих мест в высокотехнологичных секторах. Внедрение передовых технологий способствует повышению эффективности производства, снижению издержек и созданию условий для устойчивого развития [3].

На сегодняшний день в Российской Федерации в связи с растущими потребностями населения, особое внимание уделяется развитию таких стратегических направлений, как искусственный интеллект, робототехника, кибербезопасность и энергетика будущего. Эти сферы позволяют России не только укреплять свою технологическую независимость, но и формировать новые источники доходов, уменьшая уязвимость перед внешними экономическими санкциями.

Российское правительство на данный момент активно реализует программы поддержки инновационной деятельности, такие как национальные проекты и инициативы, ориентированные на создание инфраструктуры для научных исследований и предпринимательства [1]. В рамках этих мер активно создаются и развиваются технопарки, научно-образовательные центры и платформы, позволяющие развивать и обучать детей и молодежь, а также превращать научные идеи в коммерчески реализуемые продукты.

В последнее время всё больше внимание правительства уделяется взаимодействию науки и промышленности, что позволяет быстро внедрять достижения учёных в реальные производственные процессы. В приоритетных направлениях - цифровизация, развитие беспилотных систем, новые материалы - закладывается фундамент для технологического прорыва [4].

Несмотря на активные усилия, Россия сталкивается с рядом препятствий (угроз), тормозящих развитие инновационного сектора (см. рисунок 1).

Утечка интеллектуального потенциала представляет собой критическую проблему для развития научно-технического и инновационного сектора страны. Значительная часть высококвалифицированных российских ученых и специалистов предпочитает эмигрировать за границу, где созданы более благоприятные условия для профессионального роста и реализации научных инициатив. Этот процесс негативно сказывается на внутреннем развитии науки и технологического производства, снижая темпы инновационного прогресса и уменьшая конкурентоспособность отечественной экономики.

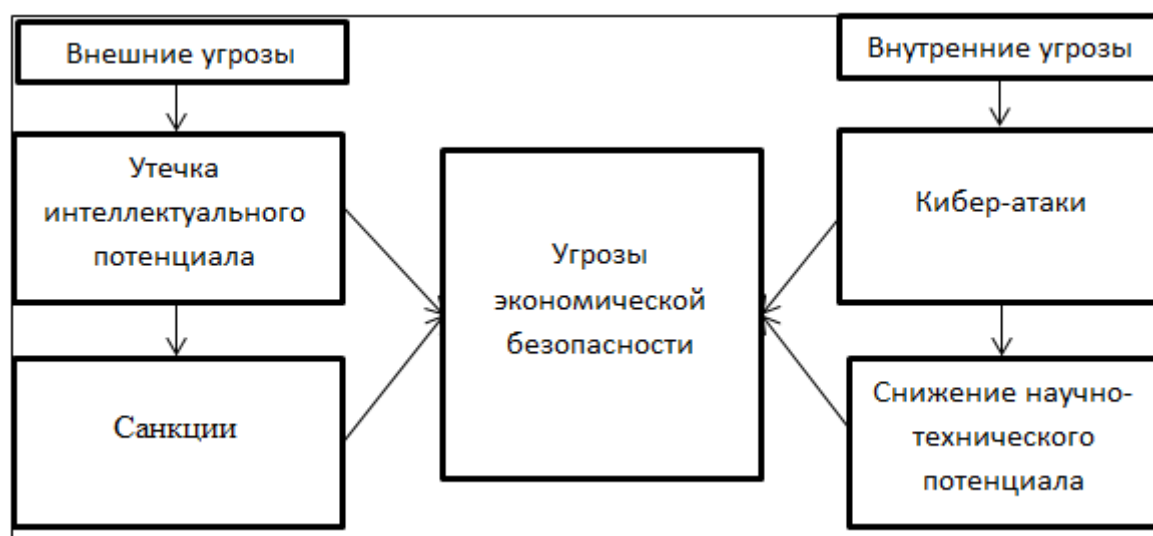

Рисунок 1 – Угрозы экономической безопасности Российской Федерации

В современных условиях особую угрозу для экономической безопасности представляют также санкционные ограничения и зависимость от импорта. Санкции,

введённые в ответ на геополитические события, значительно ослабили экономический потенциал страны. Они привели к сокращению участия российских компаний на международных рынках, уходу значительного числа зарубежных предприятий с территории РФ, а также к ограничениям в использовании международных платежных систем. В частности, запреты на использование карт таких систем, как Visa и MasterCard, осложнили финансовое взаимодействие граждан и предприятий, вызвав неудобства в осуществлении платежных операций за границей, снятии наличных и переводах, что безусловно сказалось и на инновационной активности отечественных предприятий.

Обострение военно-политической ситуации, вызвало масштабные санкционные меры со стороны международного сообщества. Эти меры способствовали снижению инвестиционной активности, сокращению экспорта и импорта, а также усложнили взаимодействие с внешним миром. В условиях ограниченного доступа к международным рынкам важным направлением становится разработка стратегий по внутренней диверсификации экономики, повышению технологической независимости и укреплению национальной финансовой системы.

На внутреннем уровне угроза криминализации и кибер-атак становится всё более актуальной для обеспечения стабильности и безопасности экономической системы. Совершение киберпреступлений, в том числе атаки на банковские системы и информационные ресурсы государственных предприятий, свидетельствует о растущем уровне угроз со стороны злоумышленников. Последние атаки наносят существенный урон информационной инфраструктуре, нарушая доступность цифровых сервисов и создавая финансовые потери. Основной целью злоумышленников является дестабилизация доступа к критически важным системам, что требует внедрения эффективных механизмов кибербезопасности, а также своевременного обнаружения и нейтрализации угроз [2].

Научно-технический потенциал выступает фундаментом для внедрения инноваций, повышения эффективности производства, расширения экспорта высокотехнологичных товаров и услуг. Его отставание в развитии снижает технологическую независимость, что особенно критично в условиях внешних санкций и ограничений. В условиях динамично меняющейся международной ситуации, потеря научных ресурсов и кадровых потенциалов ведет к утрате стратегических преимуществ и усилению зависимости от внешних технологий. Утрата научно-технического потенциала ведет к ухудшению позиций в стратегически важных областях, таких как оборона, информационная безопасность, энергетика и телекоммуникации. Отсутствие собственных разработок вынуждает полагаться на иностранные технологии, что создает уязвимость в условиях ухудшения международных отношений или введения санкций.

Кроме того, отток высококвалифицированных специалистов усугубляет кадровый дефицит в критических секторах, что снижает возможность быстрого реагирования на внутренние и внешние угрозы. В результате, возрастает риск технологического отставания и потери стратегической самостоятельности, что напрямую влияет на уровень национальной безопасности.

Все перечисленные вызовы и угрозы имеют взаимосвязанный характер и оказывают совокупное негативное воздействие на экономическую безопасность Российской Федерации. В условиях отсутствия общепринятых методик для решения подобных проблем, необходимо разрабатывать и внедрять комплексные меры по их нейтрализации. Эффективное реагирование на вызовы современности требует системного подхода, быстрого принятия решений и постоянного совершенствования механизмов защиты экономической безопасности государства.

На наш взгляд одним из первоочередных шагов в борьбе с вызовами и угрозами экономической безопасности государства является усиленное внимание со стороны государства к развитию инновационного потенциала.

Развитие научно-технического сектора даст возможность формировать устойчивую,

технологически независимую экономику, способную противостоять внешним вызовам и обеспечивать благополучие граждан. В современных условиях приоритетом становится создание условий для активного инновационного обмена, поддержки научных исследований и внедрения передовых технологий [5].

Для достижения этих целей необходимо продолжать системные реформы, инвестировать в человеческий капитал своей страны. Только так Россия сможет обеспечить себе надежное будущее в условиях глобальной конкуренции и технологической трансформации и сможет достигнуть высокого уровня экономической безопасности.

Список литературы

1. Иванов И.И. Технологическая независимость России: вызовы и перспективы // Вопросы экономики и инноваций. 2023. № 5. С. 45–58.
2. Лебедев В.В. Международное сотрудничество в области технологий как фактор повышения конкурентоспособности России // Международные научные связи. 2022. № 4. С. 33–40.
3. Минэкономразвития России. Стратегия развития инновационной деятельности в России / Минэкономразвития РФ. — М.: Минэкономразвития РФ, 2022. URL: <https://www.economy.gov.ru> (дата обращения: 18.01.2026).
4. Министерство цифрового развития РФ. Стратегия цифровой экономики РФ / Минцифры РФ. — М.: Минцифры РФ, 2022. URL: <https://digital.gov.ru> (дата обращения: 17.01.2026).
5. Тарасов А.А. Инновационный прорыв и национальная безопасность России // Экономика и безопасность. 2023. № 2. С. 22–29.

УДК 630.432

СТРУКТУРА МЕТОДОВ ФОРМИРОВАНИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В ЦЕПЯХ ПОСТАВОК

Чжоу Ян¹, аспирант

Лукиных Валерий Федорович², доктор экономических наук, профессор

^{1,2} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

¹ Wang@kraschina.ru ² lukinih_vf@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические и методологические основы формирования бизнес-процессов в цепях поставок, а также их практическая специфика в региональном измерении на примере Красноярского края Российской Федерации и провинции Хэйлунцзян Китайской Народной Республики. Уточнено содержание понятия «цепь поставок» на основе объектного и процессного подходов, раскрыта её структура через конфигурацию звеньев, ширину и вертикальную структуру, степень интеграции участников. Особое внимание уделено структуре методов формирования бизнес-процессов в концепции Supply Chain Management: интегрированному планированию, процессному управлению, цифровой трансформации логистических операций, внедрению принципов бережливого производства и развитию партнёрских отношений между участниками цепей поставок. Показано, как интеграция бизнес-процессов между компаниями обеспечивается механизмами совместного планирования, стандартизированного обмена информацией и координации практик управления запасами. Охарактеризованы критерии эффективности проектирования и функционирования бизнес-процессов (системы KPI, включающие показатели результативности, ресурсной эффективности, качества, гибкости и удовлетворённости клиентов) и аналитические подходы к их оценке (процессный анализ, SWOT-подход, бенчмаркинг, моделирование). Обоснована ключевая роль цифровых технологий и информационных систем в оптимизации планирования, закупок, производства и логистики в рамках SCM.

Ключевые слова: цепь поставок; структура цепи поставок; бизнес-процессы; управление цепями поставок (SCM); интегрированное планирование; процессное управление; цифровизация логистики; бережливое производство; ключевые показатели эффективности (KPI); региональные логистические системы; Красноярский край; провинция Хэйлунцзян; трансграничные цепи поставок; российско-китайское логистическое сотрудничество

STRUCTURE OF METHODS FOR FORMING BUSINESS PROCESSES IN SUPPLY CHAINS

Zhou Yang¹, Postgraduate Student

Valery Fedorovich Lukinykh², Doctor of Economics, Professor

^{1,2} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

¹ Wang@kraschina.ru ² lukinih_vf@mail.ru

Abstract. This article examines the theoretical and methodological foundations of developing business processes in supply chains, as well as their practical specifics at the regional level, using the case studies of Krasnoyarsk Krai, Russian Federation, and Heilongjiang Province, People's Republic of China. The concept of «supply chain» is clarified using the object and process approaches, and its structure is revealed through the configuration of links, the width and vertical structure, and the degree of integration of participants. Particular attention is paid to the structure of business process development methods within the Supply Chain Management concept: integrated planning, process management, digital transformation of logistics operations, the implementation of lean manufacturing principles, and the development of partnerships between supply chain participants. It is shown how the integration of business processes between companies is ensured by mechanisms for joint planning, standardized information exchange, and the coordination of inventory management practices. The article describes criteria for the effective design and operation of business processes (KPI systems, including performance indicators, resource efficiency, quality, flexibility, and customer satisfaction) and analytical approaches to their assessment (process analysis, SWOT approach, benchmarking, and modeling). The key role of digital technologies and information systems in optimizing planning, procurement, production, and logistics within SCM is substantiated.

Keywords: supply chain; supply chain structure; business processes; supply chain management (SCM); integrated planning; process management; digitalization of logistics; lean manufacturing; key performance indicators (KPIs); regional logistics systems; Krasnoyarsk Krai; Heilongjiang Province; cross-border supply chains; Russian-Chinese logistics cooperation

Усложнение глобальных товаропотоков, рост требований к скорости и надёжности обслуживания клиентов, а также усиление конкуренции на рынках обуславливают переход предприятий от фрагментарной оптимизации отдельных функций к управлению сквозными цепями поставок. В этих условиях на первый план выдвигается вопрос о том, как выстроены бизнес-процессы внутри цепей поставок и какими методами они формируются и совершенствуются. От структуры таких методов напрямую зависят устойчивость логистики региона, уровень транзакционных издержек, способность компаний адаптироваться к внешним шокам. Особую исследовательскую значимость данный круг вопросов приобретает для территорий, расположенных в приграничных зонах и включённых в международные транспортно-логистические коридоры. К числу таких регионов относятся Красноярский край Российской Федерации и провинция Хэйлунцзян Китайской Народной Республики. С одной стороны, оба региона ориентированы на экспорт ресурсов и промышленной продукции, с другой – их хозяйственное развитие во многом определяется качеством организации цепей поставок, связывающих внутренние рынки с внешними. Это делает сравнение используемых подходов к формированию бизнес-процессов в цепях поставок особенно актуальным. Целью статьи выступает анализ структуры методов формирования бизнес-процессов в цепях поставок, обобщение теоретических подходов к определению и организации цепей поставок, а также выявление региональных особенностей их применения в Красноярском крае и провинции Хэйлунцзян. В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи: уточнить содержание понятия «цепь поставок» и её структурные характеристики; систематизировать методы формирования бизнес-процессов в цепях поставок в рамках концепции Supply Chain Management (SCM); раскрыть механизмы интеграции бизнес-процессов между участниками цепи; описать критерии эффективности, применяемые при проектировании и оценке бизнес-процессов; проанализировать роль цифровых технологий в оптимизации цепей поставок; сопоставить специфику применения указанных методов в Красноярском крае и провинции Хэйлунцзян.

Объектом исследования выступают цепи поставок как совокупность взаимосвязанных участников и потоков, функционирующих в региональном контексте. Предмет исследования – структура и содержание методов формирования бизнес-процессов в цепях поставок, а также особенности их адаптации в российских и китайских условиях. Методологическую основу составляют процессный и системный подходы к управлению цепями поставок, концепция SCM, а также положения теории логистики и управления бизнес-процессами. В работе использованы методы анализа научных источников, сравнительный и структурно-функциональный анализ, элементы кейс-подхода при интерпретации региональной специфики.

Переходя к рассмотрению методов формирования бизнес-процессов, необходимо сначала прояснить, к какому именно объекту эти методы применяются. В литературе по логистике и SCM отсутствует единое, общепризнанное определение цепи поставок; трактовки заметно варьируют в зависимости от страны, научной школы и акцентов исследования. В наиболее общем виде цепь поставок может описываться через два комплементарных подхода – объектный и процессный. В рамках объектного подхода цепь поставок понимается как совокупность трёх и более бизнес-единиц (юридических или физических лиц), которые непосредственно участвуют во внешних и внутренних потоках продукции, услуг, финансов и/или информации от исходного поставщика до конечного потребителя. То есть акцент делается на составе участников и их сетевых взаимоотношениях. Если же исходить из процессного подхода, цепь поставок рассматривается как объединение всех видов бизнес-процессов, необходимых для удовлетворения спроса на продукцию или сервис – от получения исходного сырья или первоначальной информации до доставки готового продукта конечному пользователю. В этом случае в фокусе оказывается не столько перечень участников, сколько сквозной ход работ и операций, их последовательность и взаимозависимость. Структура цепи поставок

описывается через конфигурацию звеньев (предпринимателей, предприятий и организаций и их подразделений) и характер связей между ними [3]. Для её формализации часто используют параметры ширины и вертикальной структуры. Под шириной (горизонтальной структурой) понимают число уровней поставщиков и потребителей: чем больше уровней включено, тем длиннее и, как правило, сложнее по управлению цепь; сокращение числа уровней ведёт к укорочению и упрощению структуры. Вертикальная структура отражает число поставщиков или потребителей на каждом уровне: от узкой структуры (ограниченное количество контрагентов) до широкой (значительное число партнёров в одном звене).

Зарубежные авторы дополняют эти представления акцентом либо на потоках, либо на транзакциях. Так, М. Кристофер определяет цепочку поставок как материальный поток, реализующийся на уровне последовательно связанных звеньев – производства, переработки, продаж и логистики продукции, начиная от поставщика. При таком взгляде ключевым становится управление потоком ценности [9,46]. Д. Хендриксе, напротив, подчёркивает сетевой характер отношений и рассматривает цепочку поставок как совокупность бизнес-транзакций и отношений типа «один к одному», «один ко многим» и «многие ко многим», сформированных в процессе оценки стоимости продукта и распределения логистики от поставщиков к пользователям [8,153]. Китайские исследователи характеризуют цепочку поставок как «структуру сетевой цепочки предприятий по добыче и переработке, которые предоставляют продукцию или услуги конечным пользователям в процессе производства и обращения». В отечественной научной традиции В. И. Сергеев и Д. А. Иванов поддерживают концепцию управления цепями поставок, подчёркивая наличие двух объектов управления: в статике – логистической цепи, а в динамике – цепи снабжения/поставок [7,80]. Это важный «мостик» от описания структуры к управлению изменениями. О. Б. Маликов предлагает классификацию цепей поставок по сложности структуры и числу партнёров: от простых цепей через сложные конфигурации к сетям поставок как наиболее развитой форме [4,145].

Обобщая указанные подходы, можно заключить, что структура цепи поставок определяется составом звеньев, характером связей и глубиной интеграции между ними; на эту структуру воздействуют свойства продукта, требуемый уровень сервиса, логистическая, маркетинговая и производственная стратегия фокусной компании, а также практика использования аутсорсинга. Именно такая комплексность обуславливает необходимость продуманной системы методов формирования и согласования бизнес-процессов в цепи.

Понимание того, как устроена цепь поставок, естественным образом подводит к вопросу: какими целенаправленными приёмами и управленческими технологиями формируются и развиваются бизнес-процессы внутри неё? В рамках концепции Supply Chain Management (SCM) сложился широкий спектр методов, среди которых можно выделить несколько базовых блоков.

Первый блок – интегрированное планирование. В его основе лежит идея многоаспектной интеграции плановых решений:

- функциональная интеграция объединяет планирование закупок, производства, распределения, транспортировки и складской деятельности;
- пространственная интеграция связывает воедино логистические функции и операции географически разбросанных объектов цепи поставок (складов, распределительных центров, производственных площадок);
- межвременная интеграция (иерархическое планирование) согласует стратегический, тактический и оперативный уровни, создавая единую «логическую линию» от долгосрочных целей до ежедневных операций.

Второй блок – процессное управление. Здесь логистика и SCM интерпретируются как управление сквозными бизнес-процессами, пересекающими функциональные границы. Процессный подход обеспечивает интеграцию основных производственных и логистических процессов и координацию деятельности контрагентов в цепи поставок – от исходных

поставщиков до конечного потребителя. Фактически речь идёт о переходе от управления отдельными функциями (закупки, производство, сбыт) к управлению «концами-в-концы» сквозных процессов [5].

Третий блок – цифровая трансформация процессов. Современные компании активно внедряют технологии автоматизации учёта, мониторинга и планирования, переходят к управлению на основе актуальных показателей. Практика показывает, что в качестве инструментов используются системы управления складом (WMS), системы планирования и диспетчеризации, датчики контроля температуры и местоположения, аналитические платформы. Цифровизация, по сути, усиливает эффект от процессного и интегрированного планирования, делая его опирающимся на данные. Четвёртый блок – внедрение принципов бережливого производства. Здесь ключевой задачей становится выявление и устранение всех видов потерь в цепочке: излишних операций, ожиданий, перепроизводства, лишних перемещений, дефектов и др. Улучшая процессы, убирая ненужные действия и ускоряя выполнение заказов, предприятия снижают удельные логистические затраты и повышают гибкость всей цепи. Пятый блок – развитие партнёрских отношений с поставщиками и другими участниками. Вместо ориентации исключительно на минимальную цену поставки выстраиваются долгосрочные взаимовыгодные отношения, основанные на совместном планировании, обмене информацией, согласованной политике запасов. Такое партнёрство, как показывают исследования, повышает устойчивость цепи поставок и снижает общие издержки.

Мнения исследователей относительно доминирующего содержания методов формирования бизнес-процессов в цепях поставок различаются. Одна группа авторов акцентирует внимание на сквозном управлении потоками логистической системы, проходящими через все звенья и функциональные области (снабжение, производство, распределение), деятельность которых согласуется с общей целью системы. Другая трактует управление цепью поставок как управление взаимоотношениями с поставщиками и клиентами «вверх» и «вниз» по потоку, направленное на максимизацию потребительской ценности при минимальных суммарных издержках всей цепи. Отечественные авторы вводят дополнительные акценты. В. И. Сергеев связывает интегрированную логистику именно со сквозным управлением потоками, подчёркивая необходимость единой цели и согласованных решений на всех участках цепи. О. Н. Зуева подчёркивает, что планирование и координация движения от производителя к конкретному потребителю должны обеспечивать своевременность, эффективность и рентабельность всех потоковых процессов, что, по сути, задаёт критерии для оценки применяемых методов [2]. А. П. Тяпухин, М. Ю. Коловертнова и Е. А. Тарасенко предлагают методический подход к формированию системы управления цепями поставок и трактуют логистику как управленческую концепцию, объединяющую управление цепями поставок и управление потоками ценности конечного потребителя [3]. Таким образом, структура методов формирования бизнес-процессов в цепях поставок включает, с одной стороны, инструменты планирования и организации, а с другой – подходы к взаимодействию и совместной работе участников. Это естественным образом переходит в вопрос о том, как конкретно осуществляются интеграция и координация бизнес-процессов между звеньями цепи.

Рассматривая цепь поставок как совокупность взаимосвязанных акторов, нельзя ограничиться внутренней организацией процессов в рамках одной компании. Существенное значение имеет то, каким образом бизнес-процессы «стыкуются» между участниками, насколько согласованными оказываются их цели, планы и действия.

Интеграция бизнес-процессов предполагает, что все компании и организации, включённые в цепочку поставок, взаимно влияют друг на друга и вынуждены выстраивать совместную работу. Планирование в таком контексте уже не может базироваться только на интересах одной фирмы; оно должно учитывать потребности и ограничения поставщиков сырья, производителей, логистических посредников, дистрибьюторов и конечных

потребителей. Практически интеграция проявляется через несколько ключевых механизмов. Во-первых, создаются контуры совместного планирования спроса и поставок, когда участники обмениваются прогнозами, согласуют производственные и логистические планы. Во-вторых, выстраиваются стандарты обмена информацией – как по содержанию (номенклатура, объёмы, сроки), так и по формату (электронные сообщения, EDI, API-интерфейсы). В-третьих, разрабатываются согласованные процедуры управления запасами – от Vendor Managed Inventory (VMI) до совместного определения целевых уровней и зон ответственности. Для приграничных регионов, к которым относятся Красноярский край и провинция Хэйлунцзян, координация бизнес-процессов осложняется различиями в правовых режимах, стандартах документооборота, требованиях к контролю и отчётности. В этих условиях именно качество интеграции, а не только технический уровень отдельных звеньев, определяет фактическую пропускную способность и устойчивость трансграничных цепей поставок [6].

Структурирование и интеграция бизнес-процессов в цепях поставок неизбежно сопровождаются необходимостью оценивать, насколько выбранные подходы соответствуют целям бизнеса. Здесь ключевым инструментом становятся системы ключевых показателей эффективности (KPI), позволяющие измерять результаты на уровне отдельных процессов, подразделений и всей цепи в целом. Среди основных групп KPI для оценки бизнес-процессов в логистике и SCM выделяют:

- Показатели результативности. Через данный класс фиксируется, в какой мере процесс реализует заложенную в него целевую функцию. Оценка опирается на долю фактически достигнутых целевых параметров, включая объём выпуска, удельный вес заказов, исполненных в согласованные сроки, и процент отгрузок, произведённых без нарушений установленного графика. Дополнительно учитывается количество завершённых кейсов либо обработанных заказов за определённый интервал времени, что характеризует реальную производительность процесса.

- Показатели эффективности использования ресурсов. В рамках этой группы анализируется, во что обходится получение единицы конечного результата, сколько времени занимает прохождение одной единицы работы через весь контур процесса (временной цикл), а также с какой интенсивностью система способна обрабатывать входящий поток, то есть сколько единиц работы проходит через неё за единицу времени. Подобный набор характеристик служит инструментом сопоставления различных вариантов организации цепей поставок и выбора наименее ресурсоёмкой и наиболее производительной конфигурации.

- Показатели качества и стабильности. Они характеризуют степень соответствия результата установленным требованиям и повторяемость процесса: уровень брака, возвратов, количество ошибок в документах, число жалоб клиентов.

- Показатели гибкости. Они отражают способность бизнес-процесса адаптироваться к изменениям спроса, сбоям в поставках, новым требованиям клиентов или внедрению технологий. Оценивается, например, время реакции на изменение заказа, диапазон допустимых колебаний объёмов без ухудшения сервиса.

- Показатели удовлетворённости клиентов. На уровне цепи поставок этот блок KPI всё чаще рассматривается как интегральный индикатор качества работы всех участников. Используются опросы, индекс NPS, анализ отзывов и жалоб.

Эффективная система KPI, как подчёркивается в работах по управлению бизнес-процессами, должна иметь сбалансированный характер: включать показатели результативности, ресурсной эффективности, качества, гибкости и ориентации на клиента. Только в этом случае оценка методов формирования процессов в цепи поставок будет комплексной, а не ограниченной, например, только затратной стороной.

Для анализа и совершенствования бизнес-процессов в цепях поставок применяются различные аналитические подходы. Процессный анализ фокусируется на детальном

изучении каждого шага процесса, построении схемы «как есть», выявлении узких мест и лишних операций (investfuture.ru). SWOT-анализ позволяет оценить внутренние сильные и слабые стороны, а также внешние возможности и угрозы, влияющие на процессы. Бенчмаркинг ориентирован на сравнение собственных практик и показателей с лучшими отраслевыми примерами. Наконец, процессное моделирование и имитация обеспечивают тестирование альтернативных сценариев организации цепи поставок без риска для реальной деятельности [1].

Переходя от общих критериев эффективности к инструментам их достижения, необходимо отдельно остановиться на цифровых технологиях и информационных системах, которые в последние десятилетия радикально меняют структуру и содержание бизнес-процессов в цепях поставок. Современные решения в области SCM охватывают весь жизненный цикл товара – от планирования закупок сырья и производства до доставки конечному покупателю. В этом контексте выделяют четыре ключевых блока: планирование, закупки, производство и логистику. Планирование в цепях поставок связано с прогнозированием спроса (с учётом сезонности, маркетинговых акций и рыночной конъюнктуры), расчётом необходимых уровней запасов и объёмов выпуска, а также определением структуры производственных и аутсорсинговых операций. Цифровые инструменты позволяют внедрять различные модели организации потоков:

- push-модель, когда производство формирует запасы на основе прогнозов и «проталкивает» товар через цепь поставок, что повышает риск затоваривания;
- pull-модель, при которой производство запускается после получения реального заказа и товар «вытягивается» потребителем, снижая излишние запасы;
- концепцию JIT (Just-in-Time), предполагающую поставки «точно в срок» и минимизацию складских запасов.

В современных цепях поставок ключевую роль играют институциональные и инфраструктурные условия, задающие рамки применения теоретических подходов и методологических решений, причём конфигурация этих условий в российских и китайских регионах существенно расходится. Различия в правовом регулировании, организационных практиках и уровне развития транспортно-логистической инфраструктуры формируют неоднородные модели построения бизнес-процессов, что находит отражение в специфике цифровой трансформации звеньев цепи поставок [7]. В производственном сегменте цифровизация реализуется через внедрение систем управления выполнением производства (MES), которые фиксируют и протоколируют ход технологических операций, обеспечивая соблюдение заданных параметров качества и рациональное использование ресурсов. Практика организации производства по принципу Just-in-Time предполагает подачу комплектующих непосредственно на сборочные линии без формирования длительно хранящихся запасов, что требует жёстко выстроенной координации информационных и материальных потоков на стыке производства, снабжения и логистики.

В сфере закупочной деятельности цифровые решения обеспечивают выбор контрагентов, их последующую оценку, сопровождение переговорных процедур, а также контроль соблюдения параметров качества и сроков поставки. Интегрированные ERP-платформы с функцией управления закупками автоматически пересчитывают потребность в материальных ресурсах с учётом плановых показателей и фактического потребления, формируют заявки и заказы. Механизмы план-факт анализа позволяют фиксировать расхождения между запланированными и фактическими поставками, а специализированные базы данных поставщиков аккумулируют сведения о ценовых условиях, сроках исполнения и уровне надёжности, формируя основу для обоснованного выбора партнёров.

Логистическое звено в цифровой среде опирается на программные комплексы оптимизации транспортных маршрутов, выбора видов транспорта и управления временными параметрами доставки. Для управления запасами применяются формализованные методы,

включая ABC-анализ, модели экономически обоснованного размера заказа (EOQ) и иные инструменты количественного обоснования логистических решений. Использование GPS-навигации и специализированного программного обеспечения для маршрутизации даёт возможность подбирать экономически наиболее выгодные варианты доставки, а интеграция ERP- и WMS-систем обеспечивает автоматизацию планирования, учёта и контроля товарных потоков, повышая прозрачность функционирования цепей поставок. Особое значение цифровые технологии приобретают в трансграничных цепях поставок, связывающих Красноярский край и провинцию Хэйлунцзян. За счёт создания единого информационного пространства взаимодействия российских и китайских участников удаётся сгладить эффект значительной географической удалённости, а также компенсировать различия в правовых режимах и организационных стандартах деловой практики. Цифровая интеграция упрощает координацию потоков, снижает транзакционные издержки и повышает устойчивость совместных логистических схем.

Красноярский край относится к числу крупнейших по площади субъектов Российской Федерации и отличается выраженной ресурсной специализацией, включающей цветную металлургию, лесной комплекс и энергетику. Существенная территориальная протяжённость региона придаёт особую значимость качеству транспортно-логистической инфраструктуры, в состав которой входят магистральные железные дороги, речные транспортные артерии и сеть автомобильных дорог, доступность которых во многих случаях носит ярко выраженный сезонный характер. Эта специфика определяет требования к построению цепей поставок и усиливает роль цифровых инструментов в их координации и оптимизации.

Такая конфигурация создает сложные условия для формирования эффективных бизнес-процессов в цепях поставок: высокие плечи перевозок, зависимость от климатических факторов, необходимость учитывать сезонные «окна» навигации. В этих условиях крупные ресурсодобывающие компании выстраивают внутренние цепи поставок с высокой степенью вертикальной интеграции и ведомственной замкнутости. Методы формирования бизнес-процессов ориентированы, прежде всего, на обеспечение надёжности и непрерывности поставок сырья и готовой продукции, часто в ущерб гибкости и открытости взаимодействия с внешними партнёрами. Интегрированное планирование и цифровизация применяются преимущественно внутри корпоративных контуров, а интеграция с независимыми логистическими провайдерами и малым бизнесом носит ограниченный характер. Провинция Хэйлунцзян, напротив, имеет выгодное географическое положение на северо-востоке Китая, обладая протяжённой сухопутной границей с Россией, доступом к национальным транспортным коридорам и участием в проектах инициативы «Пояс и путь». Экономика региона сочетает сырьевые, аграрные и промышленные отрасли, а логистическая инфраструктура развивается в логике формирования транспортно-логистических хабов, промышленных парков и пограничных логистических комплексов. В практиках формирования бизнес-процессов в цепях поставок провинции Хэйлунцзян заметен более высокий уровень применения цифровых технологий на региональном уровне, централизованная координация развития логистики и активная интеграция с национальными платформами электронного документооборота и таможенного оформления. Методы интегрированного планирования и процессного управления внедряются как в крупных государственных, так и в частных компаниях, причём существенное внимание уделяется координации с международными партнёрами.

Сравнение показывает, что в Красноярском крае ключевыми ограничениями выступают фрагментарность цифровизации, разобщённость ведомственных и коммерческих цепей поставок, недостаточная развитость межорганизационных механизмов совместного планирования и обмена данными. В провинции Хэйлунцзян, напротив, основной вызов связан с необходимостью синхронизации быстро развивающихся цифровых и логистических систем с требованиями и возможностями внешних партнёров, в том числе российских.

Таким образом, при сходстве задач (обеспечение устойчивых экспортно-ориентированных цепей поставок) регионы демонстрируют различные модели формирования бизнес-процессов. Для Красноярского края актуальна адаптация методов партнёрского управления цепями поставок, развитие совместного планирования и интегрированных ИТ-платформ с участием компаний и органов власти. Для Хэйлунцзяна важна тонкая настройка существующих цифровых и организационных решений к условиям трансграничного взаимодействия и учёт специфики российских партнёров в цепях поставок.

Проведённый анализ показал, что структура методов формирования бизнес-процессов в цепях поставок представляет собой многокомпонентную систему, включающую интегрированное планирование, процессное управление, цифровую трансформацию, внедрение принципов бережливого производства и развитие партнёрских отношений с участниками цепи. Эти методы опираются на различные теоретические интерпретации понятия «цепь поставок» – от объектного к процессному подходу, от акцента на потоках к акценту на сетевых отношениях. Интеграция бизнес-процессов между участниками цепи поставок строится на основе совместного планирования, стандартизированного обмена информацией и согласованных практик управления запасами. Эффективность формируемых процессов оценивается через комплекс KPI, отражающих результативность, ресурсную эффективность, качество, гибкость и удовлетворённость клиентов, а совершенствование обеспечивается с помощью процессного анализа, SWOT-подхода, бенчмаркинга и моделирования. Роль цифровых технологий и информационных систем в оптимизации бизнес-процессов оказывается ключевой: они поддерживают все основные блоки SCM – планирование, закупки, производство и логистику, формируя единое информационное пространство цепи поставок. В приграничных регионах, таких как Красноярский край и провинция Хэйлунцзян, цифровизация становится не только инструментом повышения эффективности, но и способом преодоления институциональных и географических барьеров.

Сравнение практик двух регионов выявило различия в акцентах и ограничениях: в российском контексте более остро стоят задачи преодоления ведомственной замкнутости, развития межорганизационной интеграции и наращивания цифровой зрелости; в китайском – вопросы согласования быстрых темпов технологического развития с требованиями международных партнёров и обеспечения совместимости систем. Перспективы дальнейших исследований связаны с количественной оценкой влияния отдельных методов (интегрированного планирования, Lean-подхода, цифровых платформ) на показатели эффективности цепей поставок, а также с разработкой практических рекомендаций по гармонизации бизнес-процессов в трансграничных логистических цепях между регионом Сибири и северо-восточными провинциями КНР. Это позволит перейти от общетеоретического анализа к формированию прикладных «дорожных карт» развития цепей поставок в российско-китайском региональном измерении.

Список литературы

1. Воронова, Д.Ю., Бережная, Л.Ю. Управление цепями поставок [Электронный ресурс]: учебное пособие / Д.Ю. Воронова, Л.Ю. Бережная; Оренбургский гос. ун-т. - Оренбург: ОГУ, 2019. - 169 с.
2. Зуева, О.Н., Сидоренко, А.М. Тенденции формирования грузопотоков транспортно-логистической системы промышленного региона / О.Н. Зуева, А.М. Сидоренко // Новая индустриализация России: экономика – наука – человек – природопользование: сб. науч. тр. VI Урал. науч. чтений профессоров и докторантов (Екатеринбург, 5–6 февраля 2019 г.). - Екатеринбург: УрГЭУ, 2019. - С. 58–65.
3. Иванов, Д.А. Управление цепями поставок / Д.А. Иванов. - СПб.: Издательство Политехнического университета, 2009. - 660 с.
4. Калмыкова, Д.Ю. Методические аспекты диагностики цепей поставок / Д.Ю. Калмыкова // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2014. - № 4 (165). -

С. 173–179.

5. Карпова, Н.П., Швецова, Е.В., Юдакова, О.В. Сетевое моделирование в логистике / Н.П. Карпова, Е.В. Швецова, О.В. Юдакова // Проблемы развития предприятий: теория и практика. - 2018. - № 2. - С. 145–148.

6. Карх, Д.А., Бармина, Е.Ю. Фактор неопределенности среды в управлении логистической системой / Д.А. Карх, Е.Ю. Бармина // Логистика и управление цепями поставок: сб. науч. тр. - Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2017. - С. 46–49.

7. Сергеев, В.И. Управление цепями поставок: Учебник / В.И. Сергеев. - М.: Юрайт, 2014. - 479 с.

8. Caleman, S., Monteiro, G., Hendrikse, G. Sustainable Food Chains: the Role of Collective Action and Government Incentives // Organizações & Sociedade. - 2017. - № 24. - P. 153–174.

9. Christopher, M. Logistics and Supply Chain Management: Strategies for Reducing Cost and Improving Service. 3rd edition. - London: Financial Times, 1998. - 294 p.

УДК 338.439.2

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОТРАСЛИ МОЛОЧНОГО СКОТОВОДСТВА

Шаропатова Анастасия Викторовна¹, кандидат экономических наук, доцент

Гаврилова Ольга Юрьевна², кандидат экономических наук, доцент

Ермакова Ирина Николаевна³, кандидат экономических наук, доцент

^{1,2,3} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

¹ sharopatova@yandex.ru ² gavrilova._olga@mail.ru ³ irina2879@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические аспекты устойчивого развития отрасли молочного скотоводства, выявлены внутренние и внешние факторы, оказывающие влияние на устойчивость отрасли молочного скотоводства. Обобщены основные направления развития отрасли, представленные по экономической, социальной и экологической компонентам.

Ключевые слова: устойчивое развитие, молочное скотоводство, факторы устойчивости

INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS DRIVING SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE DAIRY FARMING SECTOR

Sharopatova Anastasia Viktorovna¹, Candidate of Economic Sciences, Assistant professor

Gavrilova Olga Yurievna², Candidate of Economic Sciences, Assistant professor

Ermakova Irina Nikolaevna³, Candidate of Economic Sciences, Assistant professor

^{1,2,3} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

¹ sharopatova@yandex.ru ² gavrilova._olga@mail.ru ³ irina2879@mail.ru

Abstract. The article examines the theoretical aspects of sustainable development of the dairy cattle industry. Internal and external factors influencing the sustainability of the dairy cattle sector are identified. The main directions of industry development are summarized across economic, social, and environmental components.

Keywords: sustainable development, dairy cattle farming, sustainability factors

В современных условиях государственная аграрная политика должна учитывать Концепцию устойчивого развития, а, следовательно, строится на принципах устойчивого развития отраслей аграрного сектора и непосредственно сельских территорий.

В условиях санкций и необходимости формирования импортозамещения в России решается одна из стратегически важных задач продовольственной безопасности – самообеспечение молоком и молочной продукцией населения страны на рекомендованном уровне, что вызывает необходимость анализа факторов, влияющих на сохранение ее устойчивости, а также выявления основных направлений, способствующих повышению экономической эффективности и устойчивому развитию отрасли молочного скотоводства.

Молочное скотоводство относится к приоритетным подотраслям аграрного сектора, обеспечивающее население такими значимыми продуктами питания как, молоком и молокопродуктами, которые играют центральную роль при формировании рациона, поскольку обеспечивают человека необходимыми питательными веществами и биоактивными компонентами для здоровья. Поэтому исследование вопросов устойчивого развития отрасли является актуальным.

В своих трудах Шевцов В.В. рассматривает устойчивое развитие, как «...интегральная характеристика уровня общественного развития, измеряемого экономическими, социальными и экологическими критериями» [1]. В исследовании И.А.

Секушиной и М.А. Лебедевой [2] понятие «устойчивое развитие» интерпретируется как «гармоничное сбалансированное развитие». Данный процесс авторы характеризуют как «совокупность экономических и социальных преобразований, в рамках которых рациональное использование природных ресурсов, привлечение инвестиций, ориентация на научно-технический прогресс и развитие человеческого потенциала находятся во взаимосогласованном единстве». При этом все указанные компоненты должны быть сбалансированы между собой и обеспечивать укрепление текущего и перспективного потенциала, необходимого для удовлетворения потребностей населения [2, 3]. При этом зарубежные и отечественные ученые дают следующие трактовки определения «устойчивое развитие», характеризующие его компоненты, отраженные на рис. 1 [4, 5].

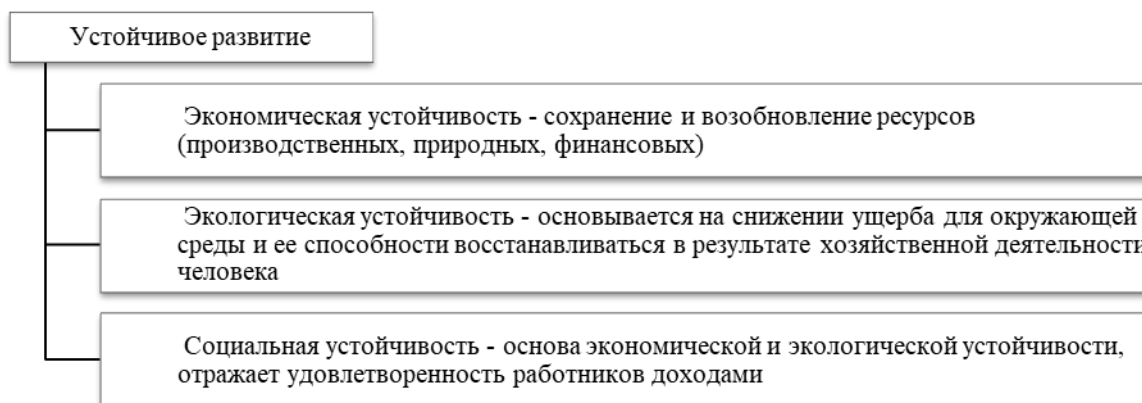

Рисунок 1 – Основные компоненты устойчивого развития

Делая акцент на устойчивости развития сельскохозяйственной организации, Гузей В.А. и Усенко Н.М. также выделяют основные цели устойчивого развития – «рост результативности и конкурентоспособности функционирования сельхозпредприятий, повышение качественных характеристик сельскохозяйственной продукции» [6], то есть речь идет о качественном устойчивом развитии, что актуально в современных условиях экономической неопределенности.

Основываясь на современные исследования зарубежных и отечественных авторов [7, 8, 9, 10], которые в своих исследованиях отмечают, что на показатели эффективности деятельности сельскохозяйственных организаций с производственным направлением молочное скотоводство, влияют многочисленные детерминанты устойчивого развития этой отрасли, распределенные на внутренние и внешние (табл.1).

Следует отметить, что указанные факторы взаимосвязаны друг с другом, при этом уровень влияния факторов может отличаться, а также может отличаться характер влияния, который может быть, как отрицательным, так и положительным.

«Ряд авторов отмечают, что для молочного скотоводства продуктивность коров выступает ключевым фактором устойчивого развития отрасли и в первую очередь целесообразно вести поиск направлений, способствующих ее повышению» [10].

Таким образом, ключевым условием экономической устойчивости отрасли в рамках устойчивого развития становится сочетание готовности к трансформациям и развитых механизмов адаптации. Это позволяет минимизировать риски внешних колебаний и снижать негативное влияние среды на производство. При этом требуется «предотвращать резкие колебания в производстве, обеспечивая эффективное и безопасное расширенное воспроизводство, что способствует благоприятным изменениям в экономическом положении на долгосрочной перспективе» [11].

Таблица 1 – Основные детерминанты устойчивого развития молочного скотоводства

Компонента	Детерминанты	
	Внутренние	Внешние
Экономическая	Организация и управление производством, ресурсный потенциал молочной отрасли (материально-технические ресурсы, трудовые ресурсы, кормовая база, структура и содержание крупного рогатого скота), ресурсосберегающие и энергосберегающие технологии; стабильность производства, оптимальное расширенное воспроизводство отрасли	Ценовая политика, страховая, кредитная и налоговая политика, инвестиционная и инновационная политика, институциональная политика, государственное регулирование, цифровизация молочного скотоводства.
Социальная	Условия труда работников молочного скотоводства, их уровень доходов (заработной платы) и моральное стимулирование, корпоративная культура и организационное поведение, психологический климат в коллективе.	Демографические изменения, определяющие потребность в молочной продукции, уровень развития социальной инфраструктуры, уровень качества жизни и наличие социального пакета для работников молочного скотоводства.
Экологическая	Экологичность кормов, внедрение циркулярного производства в молочном скотоводстве, способствующего производству экологически чистой продукции.	Естественные и природно-климатические условия, уровень загрязняющих выбросов от молочного скотоводства в окружающую природную среду.

Результаты теоретических исследований по вопросам развития молочного скотоводства, позволили систематизировать совокупность направлений, оказывающих воздействие на устойчивое развитие отрасли (рис. 2) [10].

Компонента	Экономическая	Социальная	Экологическая
 Направления	Целевая финансовая поддержка, совершенствование кредитной политики, племенное дело, инновационные разработки, «умная» ферма	Развитие социальной инфраструктуры, материальное поощрение, улучшение условий труда, государственная поддержка	Экологически безопасное молоко, чистые корма, реконструкция комплексов, платежи за загрязнение, снижение выбросов, противоэпизоотические мероприятия

Рисунок 2 – Основные направления развития молочного скотоводства

Обеспечение устойчивого экономического развития отрасли требует выбора приоритетных направлений, которые способны в короткий период обеспечить отдачу ресурсов, рост эффективности производства и конкурентоспособности продукции и самого предприятия. Следует отметить, что среди основных условий устойчивости развития любой отрасли аграрного сектора приоритетным является ее адаптационный потенциал, позволяющий эффективно функционировать в условиях изменчивости как внутренних, так и внешних факторов. Одновременно с этим обязательным компонентом выступает ориентация на потребности населения страны с учетом их растущих и изменяющихся предпочтений, что обеспечивает субъектам аграрной экономики дополнительные конкурентные преимущества.

Список литературы

1. Шевцов, В.В. Развитие сельских территорий и концепция устойчивости // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2022. - Т. 2. - №1. - С. 130-137.
2. Секушина, И.А. Теоретические аспекты обеспечения устойчивого развития на микроуровне / И.А. Секушина, М.А. Лебедева // Научный журнал НИУ ИТМО. – 2022. - №3. – С. 50–56.
3. Мачкаева, Е. В. Исследование вопросов устойчивого развития отрасли молочного скотоводства / Е. В. Мачкаева, А. В. Шаропатова // Современные проблемы и тенденции развития экономики и управления бизнес-процессами : Сборник материалов VI Региональной научно-практической конференции, Красноярск, 25 декабря 2024 года. – Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева, 2025. – С. 97-100.
4. Boyer R. H. W. Five Approaches to Social Sustainability and an Integrated Way Forward / R. H. W. Boyer, N.D. Peterson, P. Arora, K. Caldwell. // Sustainability, MDPI. – 2016. - vol. 8 (9). - pp. 1–18.
5. Брче, М.А. Устойчивое развитие: механизмы реализации / М.А. Брче, И.Н. Омельченко, А. Шааб. – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2020. – 169 с.
6. Гузей, В.А. Сравнительный анализ и механизмы достижения устойчивого развития сельскохозяйственных организаций России и Китая / В.А. Гузей, Н.М. Усенко // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 236. - С. 280-300.
7. Гаврилова, О.Ю. Состояние и перспективы устойчивого развития молочного скотоводства в Красноярском крае // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2021. - №3(21). – С. 31-44.
8. Ермоленко, О.Д. Механизм обеспечения устойчивого развития сельского хозяйства России в современных экономических условиях // Вестник Ростовского государственного экономического университета. - 2022. - №2(78). – С. 26-33.
9. Repar N. Factors Affecting Global versus Local Environmental and Economic Performance of Dairying: A Case Study of Swiss Mountain Farms / N. Repar, P. Jan, T. Nemecek, D. Dux, R. Doluschitz. // Sustainability, MDPI. – 2018. - vol. 10 (8). –pp. 2940.
10. Федорова, М. А. Анализ экономической устойчивости развития молочного скотоводства с позиции формирования производственного потенциала / М. А. Федорова, О. Ю. Гаврилова // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13, № 3.
11. Белокопытов, А.В. Риск-факторы устойчивого развития организаций молочного скотоводства региона / А.В. Белокопытов, Е.К. Иванова // Продовольственная политика и безопасность. - 2023. – Т. 10. – № 3. – С. 547-560.

УДК 338.43:331.101.3

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ МОТИВАЦИИ ТРУДА В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ В УСЛОВИЯХ АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА

Шевченко Мария Николаевна¹, доктор экономических наук, профессор,

Квитка Денис Евгеньевич², студент

^{1,2} Луганский государственный аграрный университет имени К.Е. Ворошилова, Луганск, Россия

¹ m.nshevchenko7@bk.ru ² kvitkadenis761@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению изменений в мотивационных механизмах работников аграрного сектора в условиях цифровизации и роботизации производственных процессов. Рассмотрена трансформация должностных обязанностей и повышение требований к квалификации сотрудников. Установлено, что классические подходы к поощрению перестают быть действенными в изменившейся производственной среде. Аргументирована целесообразность внедрения систем мотивации, базирующихся на учете результативности и качества труда. Предложены меры по модернизации кадровой политики: применение ключевых показателей эффективности, расширение доступа к повышению квалификации.

Ключевые слова: Стимулирование персонала, АПК, автоматизация, цифровизация, мотивация труда, кадровые ресурсы, производительность, агросектор, компетенции работников, робототехника, непрерывное обучение, рабочая среда

IMPROVING THE SYSTEM OF LABOR MOTIVATION IN THE AGRICULTURAL SECTOR IN THE CONTEXT OF AUTOMATION OF PRODUCTION

Shevchenko Maria Nikolaevna¹, Doctor of Economic Sciences, Professor

Kvitka Denis Evgenievich², Student

^{1,2} Luhansk State University K.E. Voroshilov, Luhansk, Russian Federation

¹ m.nshevchenko7@bk.ru ² kvitkadenis761@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of changes in the motivational mechanisms of employees in the agricultural sector in the context digitalization and robotization of production processes. The transformation of job responsibilities and increased requirements for employee qualifications considered. It is established that classical approaches to incentives are no longer effective in the changed production environment. The article argues for the implementation of incentive systems based on assessment of performance and quality of work. Measures for modernizing personnel policy are proposed, including the use of key performance indicators and increased access to professional development.

Keywords: Staff incentives, agribusiness, automation, digitalization, labor motivation, human resources, productivity, agro-sector, employee competencies, robotics, continuous learning, and the working environment

Сельскохозяйственная отрасль в последние годы превратилась в площадку для масштабного технологического обновления. Изготовители аграрной техники вывод на рынок образцы, которые еще сравнительно недавно воспринимались как нечто из области научной фантастики: самоходные агрегаты, ориентирующиеся в пространстве без присутствия человека в кабине, беспилотные аппараты, контролирующие всходы и адресно вносящие подкормку, полностью роботизированные комплексы для содержания скота. Однако реальный опыт свидетельствует: приобретение инновационного оборудования автоматически не влечет за собой повышения продуктивности. Решающее значение

сохраняет работник, его подготовленность и желание взаимодействовать с новой техникой. Именно здесь кроется ключевое противоречие: скорость обновления технологий опережает эволюцию способов мотивации людей, эксплуатирующих эти технологии.

Устоявшаяся система поощрения, сформировавшаяся в аграрной сфере, основывается на оплате за фактически выполненный объем. Тракторист получают вознаграждение за возделанные гектары, животновод – за надоенное молоко, остальные категории – за количество произведенных операций. Такой подход сложился в период индустриального развития производства, когда результат действительно был пропорционален мускульным усилиям и затраченному времени. Эта схема незамысловата, доступна для восприятия и поныне преобладает в массе сельхозпредприятий. Но по мере внедрения автоматизированных комплексов традиционная система утрачивает эффективность. Оператор современного агрегата с автопилотом испытывает минимальные физические нагрузки, пребывая в комфортабельной кабине и лишь наблюдая за ходом операций. Однако степень его сосредоточенности, профессиональная подготовка и чувство ответственности влияют на итог неизмеримо сильнее, чем физический труд механизатора образца конца прошлого века [3].

Анализ деятельности предприятий, перешедших на автоматизированные технологии, демонстрирует, что продуктивность использования оборудования находится в прямой зависимости от заинтересованного персонала. В идентичных условиях различные специалисты показывают расхождение в производительности, достигающее трети от среднего показателя. Причем наилучшие результаты принадлежат не тем, кто интенсивнее тратит физическую энергию, а тем, кто глубже разбирается в устройстве машин, тщательнее отслеживает показатели приборов, быстрее реагирует на нештатные ситуации. Возникает проблема: каким образом рассчитывать и компенсировать подобный труд? Сдельная ставка за гектар не отражает подлинного участия специалиста в конечном продукте, тем более если этот продукт выражается не в масштабах, а в характеристиках произведенных работ.

Ситуация усугубляется тем, что автоматизация выдвигает совершенно иные критерии уровню подготовки работников. Сотрудник, управляющий высокотехнологичным комплексом, обязан ориентироваться в спутниковых системах, анализировать информацию с измерительных устройств, находить выход в нестандартных обстоятельствах. По существу, это уже не рядовой исполнитель, а специалист-аналитик, от чьих навыков зависит сохранность дорогостоящих машин и итоговое качество деятельности. Нехватка таких работников на селе приобретает угрожающие масштабы. Молодые люди, окончившие профильные учебные заведения и владеющие современными технологиями, не стремятся возвращаться в сельскую местность, выбирая трудоустройство в мегаполисах или смежных секторах экономики [4].

Изучение кадрового состава в агропромышленном секторе показывает, что сложность заключается не единственно в размере заработной платы. Молодые профессионалы покидают село, так как не обнаруживают там возможностей для служебного роста и содержательной деятельности. Оборудование, присутствующее во многих компаниях, нередко простаивает именно из-за нехватки грамотных операторов. При этом сами хозяйства продолжают оплату по старым принципам, нацеливаясь на количественные, а не на качественные параметры. Возникает замкнутый круг: отсутствует побуждение осваивать сложные машины – нет компетентных операторов – техника эксплуатируется нерационально – отсутствуют ресурсы для увеличения оплаты.

Опыт наиболее успешных аграрных компаний показывает альтернативные решения. Там, где была скорректирована с учетом изменившихся условий. В частности, доход операторов привязывается не только к объему сделанного, но и к качественным параметрам: однородности посева, точности распределения удобрений, выдерживанию глубины культивации, уменьшению расхода горючего. Эти показатели считаются бортовыми устройствами и системами дистанционного контроля, что устраняет предвзятость при

оценивании [1].

Существенным компонентом становится учет показателя технической исправности агрегатов. Если оператор вовремя производит регламентные работы, фиксирует и устраняет небольшие неисправности, предотвращая критические поломки, это обязано находить отражение в его вознаграждении. Результаты подтверждают, что введение дополнительных выплат за отсутствие аварий и сбережение техники ощутимо сокращает расходы на ремонт и вынужденные простои. Оператор начинает относиться к машине как к инструменту, обеспечивающему его доход, а не как к безличному имуществу компании.

Нефинансовые стимулы в условиях технологического обновления обретают особую значимость. Перспектива взаимодействовать с инновационным оборудованием, познавать новые технологии, улучшая свою классификацию становится для значительной части специалистов не менее весомым фактором, чем уровень зарплаты. Особенно это актуально для молодых сотрудников, для которых карьерное продвижение и увлекательные задачи зачастую перевешивают моментальную выгоду. Предприятия, формирующие обстановку для образования и прогресса, получают превосходство в борьбе за перспективные кадры.

Исследования фиксируют, что смена рабочих мест в хозяйствах, где организованы программы шефства и внутрифирменного повышения квалификации, значительно уступает средним отраслевым значениям. Персонал, осознающий, что предприятие расходует средства на их совершенствование, проявляет повышенную лояльность и стремление постигать новые технологии. При этом важно, чтобы подготовка была не показной, а действительно снабжала актуальными познаниями и умениями, необходимыми в повседневной практике. Оплата участия в тематических выставках, семинарах, стажировках на других объектах трактуется как знак ценности сотрудника.

Особым направлением, пока еще не получившим широкого распространения в сельскохозяйственной сфере, является внедрение игровых элементов в производственные будни. Суть такого подхода состоит в том, чтобы превратить монотонные операции в захватывающий процесс с чертами соревнования. Например, построения рейтингов операторов по критериям продуктивности применения машин, аккуратности выполнения действий, экономии материалов стимулирует здоровое соперничество. Существенно, чтобы передовики получали не только моральное одобрение, но и материальное поощрение в виде премий или добавочных льгот.

Опыт применения игровых элементов на отдельных производствах показывает рост увлеченности коллектива и усиление интереса к обязанностям. Операторы начинают состязаться, искать методы улучшить свои показатели, делить наработки. При этом необходимо, чтобы система была открытой и справедливой, а оценочные критерии – ясными и реально выполнимыми. Если рейтинг строится на беспристрастных данных автоматического контроля, степень доверия к нему велика. Если же в оценке присутствует предвзятость, результат окажется обратным.

Социальные и психологические нюансы работы при автоматизации заслуживает специального рассмотрения. Труд оператора инновационной техники сопряжен с долгим пребыванием в обособленной кабине, ограничением контактов с людьми, однообразных слежением за индикаторами. Это способ порождать чувство оторванности, снижение удовлетворенности деятельностью, эмоциональное истощение. Нивелировать такие негативные явления возможно через организацию систематических собраний коллектива, анализ выполненных работ, совместный досуг. Формирование ощущения принадлежности к единому целому, даже при физической разобщенности, превращается в существенный элемент удержания персонала.

Нынешние средства коммуникации дают возможность обеспечивать непрерывную связь между работниками, пребывающими на различных участках. Корпоративные чаты, группы в мессенджерах, регулярные видеообсуждения образуют виртуальное пространство для обмена информацией и опытом, быстрого решения вопросов. Важно, чтобы сотрудники

ощущали себя элементом общего организма, понимали, что их усилия значимы для совокупного итога, могли получить поддержку от товарищей и начальства в любую минуту [2].

Особа трудность возникает при привыкании работников зрелого возраста к деятельности в обстановке автоматизации. Многие опытные специалисты, владеющие редкими практическими познаниями, с трудом овладевают новыми технологиями, испытывают тревогу перед сложными машинами, опасаются лишиться занятости. Итогом становится либо увольнение таких сотрудников, либо их перемещение на малозначительные роли, что оборачивается потерей полезного опыта для предприятия. В то же время совмещение опыта старшего поколения и технологической компетентности молодежи способности порождать синергетический эффект.

Практика подтверждает результативность организации работы в парах, где опытный наставник, досконально понимающий агрономические или зоотехнические процессы, действует вместе с молодым специалистом, свободно ориентирующимся в технологиях. При такой схеме оплата обязана поощрять не только личные достижения, но и успешность коллективно деятельности, трансляцию опыта. Старший сотрудник получает признание своей квалификации и ее востребованность, младший – допуск к практическим сведениям, которые не почерпнуть из инструкций.

Для работников старшей возрастной группы требуются основные программы подготовки, принимающие во внимание их психологические черты и скорость восприятия новой информации. Существенно формировать атмосферу, где обучение не трактуется как санкция или демонстрация неспособности, а как шанс сохранить востребованность. Уважение к опыту и его сбережение в обновленных технологических условиях становятся значимым мотивирующим фактором для указанной категории работников.

Прозрачность оценивания результатов деятельности при автоматизации обеспечивается применением цифровых систем регистрации. Показатели телеметрии, фиксирующие все характеристики функционирования машин и действий оператора, позволяют исключить предвзятость при расчете премий. Сотрудник сознает, что его усилия оцениваются по объективным, предварительно объявленным параметрам, что укрепляет доверие к системе стимулирования. При этом важно, чтобы критерии оценки были не только объективными, но и доступными для понимания. Работник обязан точно представлять, какие действия и результаты приводят к повышению его заработка, а какие – к его уменьшению [3].

Современные информационные системы позволяют встраивать мотивационные механизмы непосредственно в рабочие процессы. Оператор наблюдает на мониторе своего устройства не только актуальные задние, но и ожидаемый размер заработка в зависимости от качества выполнения. Это формирует перманентную обратную связь и дает возможность оперативно корректировать свои действия. Мотивация перестает быть итогом по завершении месяца, а становится непрерывным процессом, аккомпанирующим каждую рабочую смену.

Цифровые платформы предоставляют возможность накапливать данные о персональных достижениях, создавать электронные портфолио сотрудников, зримо демонстрировать направление их профессионального продвижения. Для устремленных работников это становится весомым стимулом, так как они видят горизонты роста и осознают, какие шаги требуются для карьерного перемещения. Возможность выстраивания длительной карьеры на предприятии увеличивает приверженность и снижает текучесть наиболее значимых сотрудников.

Сезонный характер аграрного производства порождает добавочные трудности для выстраивания действенной системы мотивации. В период максимальных нагрузок потребность в кадрах резко возрастает, в межсезонье многие остаются без дела. Автоматизация способствует смягчению этой проблемы, перемещая персонал в зимнее время на функции по проектированию, разбору данных, техническому уходу, обучению.

Мотивационная стратегия обязана поддерживать такую непрерывную занятость, предлагая устойчивый доход и дополнительные поощрения за реализацию внесезонных работ.

Зависимость от погодных условий сохраняется даже при значительной степени автоматизации. Невозможность исполнить плановые задания вследствие засухи или избыточного увлажнения не должна становиться причиной сокращения оплаты сотрудников, исправно исполнявших свои функции. Система стимулирования обязана принимать в расчет эти беспристрастные обстоятельства, задействуя корректирующие коэффициенты или усредненные показатели за ряд лет. Это позволяет удерживать справедливость и избежать падения мотивации в неблагоприятные периоды [1].

Безопасность деятельности обретает новое значение при автоматизации. Новейшая техника сложна и потенциально опасна, несоблюдение правил использования способно повлечь серьезные последствия. Побуждения персонала к следованию нормам безопасности обязано подкрепляться системой поощрений за безаварийную деятельность. Доплаты за квалификацию, принимающие в расчет не только профессиональные навыки, но и безукоризненное использование оборудования, формируют ответственное отношение к труду и уменьшают риски.

Снабжение персонала современными средствами защиты, систематическое инструктирование, формирование удобных условий труда сами по себе выступают мотивирующими факторами. Забота о безопасности и здоровье работников показывает, что компания расценивает их как долговременный капитал, а не как временный ресурс. Формирование культуры безопасности, где защищенное поведение превращается в повод для профессиональной гордости, существенно увеличивает совокупный уровень мотивации.

Универсальной схемы стимулирования, пригодной для всех производств и всех категорий работников, не существует. Подход к мотивации обязан вырабатываться с учетом степени автоматизации конкретного предприятия, особенностей технологий, характеристик коллектива. Для компаний, лишь приступающих к внедрению автоматизированных систем, приоритетны программы, стимулирующие подготовку и преодоление психологического препятствия перед незнакомой техникой. Для целиком автоматизированных производств на передний план выходят инструменты, удерживающие высококлассных специалистов.

Разные группы работников, отличающиеся различными мотивационными характеристиками. Для руководства наиболее весомы премии, а общие достижения предприятия. Для специалистов среднего звена значимы перспективы карьерного роста и увлекательные задачи [4]. Для рядового персонала предпочтительны постоянство и ясные возможности повышения дохода. Индивидуальный подход к мотивации, принимающий во внимание личные потребности и ценности сотрудников, превращается в важное соревновательное преимущество в борьбе за кадры.

Построение эффективной системы мотивации в обстановке автоматизации требует пересмотра устоявшихся подходов. Классическая сдельная оплата, направленная на количественные параметры, уступает место эластичным схемам, принимающим во внимание качественные характеристики и итоговые результаты. Нефинансовая мотивация через развитие умений, игровые приемы, формирование корпоративной среды обретает не меньшее значение, чем материальное вознаграждение. Прозрачность оценки на основе цифровых данных становится фундаментом доверия к системе.

Результативность технологического обновления агропромышленной отрасли в конечном итоге предопределяется не присутствием современной техники, а возможностью предприятий сформировать условия, при которых работники будут заинтересованы в производительном использовании этой техники. Формирование гибких мотивационных конструкций, принимающих в расчет как технические новации, так и человеческий фактор, превращается в стратегическую цель, от осуществления которой зависит конкурентность сектора. Организации, сумевшие построить подобную систему, приобретают устойчивое рыночное преимущество и возможность привлекать и удерживать лучшие кадры.

Список литературы

1. Алексеева Н.А., Медведева Н.А. Современные подходы к стимулированию труда работников сельскохозяйственных организаций // Вестник Ижевской государственной сельскохозяйственной академии. – 2022. – № 3 (68). – С. 42-49.
2. Водяников В.Т., Субботина Е.В. Мотивация труда в сельском хозяйстве: от индустриальной модели к цифровой // Вестник Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Московский государственный агроинженерный университет имени В.П. Горячкина. – 2022. - № 3 (103). – С. 23-29.
3. Завьялова Е.А., Логинова Е.В. Роль корпоративного обучения в мотивации персонала аграрных предприятий // Кадровик. – 2023. - № 5. – С. 82-89.
4. Кузнецова О.А. Развитие человеческого капитала в аграрном секторе в условиях цифровой трансформации // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2023. - № 2 (392). – С. 58-62.

УДК 630.432

ОСНОВЫ МЕТОДОЛОГИИ КОНВЕРГЕНЦИИ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ян Чуньмин¹, аспирант

Лукиных Валерий Федорович², доктор экономических наук, профессор

^{1,2} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

¹ yang@kraschina.ru ² lukinih_vf@mail.ru

Аннотация. В статье обосновываются теоретические и методологические основания конвергенции логистических систем в международной деятельности на примере двух регионов – Красноярского края Российской Федерации и провинции Цилинь Китайской Народной Республики. Раскрывается эволюция научных представлений о логистической системе как сложной, интегративной и многоуровневой структуре, уточняются ключевые характеристики процессов её сближения и согласования в трансграничном пространстве. Особое внимание уделено методологическому содержанию конвергенции: формулируются принципы системной интеграции, координации бизнес-процессов, учёта специфики международной логистики, гибкости и прозрачности, а также роль цифровых технологий в обеспечении «бесшовности» цепей поставок. На основе сопоставительного анализа транспортно-логистического потенциала, институциональных условий и степени включённости в глобальные цепи поставок Красноярского края и провинции Цилинь показано, что различия в географическом положении, инфраструктурной обеспеченности и моделях государственного регулирования предопределяют неодинаковые траектории конвергентного развития логистики. Сформулированы выводы о направлении адаптации методологии конвергенции к региональной специфике и обозначены перспективы углубления российско-китайского сотрудничества в сфере интеграции логистических систем.

Ключевые слова: конвергенция логистических систем; методология конвергенции; международная логистика; цепи поставок; цифровизация логистики; системная интеграция; транспортно-логистическая инфраструктура; Красноярский край; провинция Цилинь; российско-китайское логистическое сотрудничество

FUNDAMENTALS OF THE METHODOLOGY OF CONVERGENCE OF LOGISTICS SYSTEMS IN INTERNATIONAL ACTIVITIES

Yan Chunming¹, Student

Lukinykh Valery Fedorovich², Doctor of Economic Sciences, Professor

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

¹ yang@kraschina.ru ² lukinih_vf@mail.ru

Abstract. This article presents the theoretical and methodological foundations for the convergence of logistics systems in international operations, using the case of two regions: Krasnoyarsk Krai, Russian Federation, and Jilin Province, People's Republic of China. It explores the evolution of scientific understanding of the logistics system as a complex, integrative, and multi-level structure, and clarifies the key characteristics of its convergence and harmonization across borders. Particular attention is paid to the methodological content of convergence: principles of system integration, business process coordination, consideration of the specifics of international logistics, flexibility, and transparency are formulated, as well as the role of digital technologies in ensuring seamless supply chains. A comparative analysis of the transport and logistics potential, institutional conditions, and the degree of integration into global supply chains of Krasnoyarsk Krai and Jilin Province demonstrates that differences in geographic location, infrastructure, and government regulation models predetermine divergent trajectories of convergent logistics development. Conclusions are formulated regarding the direction of adaptation of the convergence methodology to regional specifics and prospects for deepening Russian-Chinese cooperation in the field of integration of logistics systems are outlined.

Keywords: convergence of logistics systems; convergence methodology; international logistics; supply chains; digitalization of logistics; systems integration; transport and logistics infrastructure; Krasnoyarsk Krai; Jilin Province; Russian-Chinese logistics cooperation

Глобализация хозяйственных связей и рост объёмов международной торговли радикально повышают требования к организации логистики. Компании, участвующие в трансграничных цепях поставок, вынуждены выстраивать такие логистические системы, которые одновременно устойчивы к внешним шокам, гибки к изменениям спроса и технологически интегрированы. Это, в свою очередь, объективно подводит исследователей и практиков к необходимости осмысления конвергенции логистических систем - их сближения, совместимости и согласованной настройки в международном пространстве.

Актуальность тематики усиливается для регионов, ориентированных на экспорт и транзит, к которым относятся Красноярский край в Российской Федерации и провинция Цзилинь в Китайской Народной Республике. Оба региона обладают значительным ресурсным и промышленным потенциалом, зависят от внешних рынков сбыта и вовлечены в формирование трансевразийских транспортно-логистических коридоров. Именно в таких территориях особенно остро проявляется потребность в научно обоснованной методологии конвергенции логистических систем. Цель статьи состоит в теоретическом обосновании основ методологии конвергенции логистических систем в международной деятельности и в выявлении специфики её реализации на примере Красноярского края и провинции Цзилинь. Для достижения цели необходимо: уточнить содержание понятия «логистическая система» в отечественной и зарубежной научной традиции; раскрыть сущность и предпосылки конвергенции логистических систем; обозначить ключевые положения методологического подхода к конвергенции; систематизировать принципы и инструменты конвергентного развития логистики в международной сфере; сопоставить условия и потенциал конвергенции логистических систем в рассматриваемых регионах РФ и КНР.

Для корректного описания процессов конвергенции необходимо прежде определить, какая именно система подлежит сближению и интеграции. В отечественной литературе понятие «логистическая система» интерпретируется достаточно широко и многопланово. С позиций ресурсного подхода логистическая система у М. Н. Григорьева описывается как упорядоченная структура, в которой осуществляются планирование и реализация движения и развития совокупного ресурсного потенциала - от момента отчуждения ресурсов у окружающей среды до стадии реализации конечной продукции [4, 80]. Такой подход акцентирует внимание на целостности управляемого потока и на непрерывности стадий его трансформации. Близкую, но более функционально ориентированную трактовку предлагают Т. И. Бухтиярова и Е. В. Фёдорова, понимая логистическую систему как категорию, охватывающую сферу производства и сферу обращения материальных ресурсов, а также управление материальными и сопутствующими им потоками, направленное на оптимизацию логистических функций и операций [2, 90]. Здесь в центр помещается управленческий аспект, а сама система мыслится как инструмент минимизации совокупных издержек. О. Н. Зуева и Л. А. Донскова смещают фокус в сторону «цепочки добавленной стоимости» и трактуют логистическую систему как совокупность товаропроводящих функций, включающую закупочную деятельность, планирование и осуществление производства, складирование материалов и готовой продукции, таможенное оформление, сбыт и транспортировку [5, 80]. В этой интерпретации подчёркивается сквозной характер логистики - от снабжения до конечного потребителя. Зарубежная литература чаще использует близкие по смыслу категории «логистическая цепь» и «цепь поставок», под которыми понимаются процессы планирования и координации всех аспектов физического движения материалов, компонентов и готовой продукции с ориентацией на минимизацию общих затрат и достижение требуемого уровня сервиса. При этом логистическая система рассматривается как совокупность взаимосвязанных процессов и организаций, объединённых целью обеспечения заданного уровня обслуживания клиента при рациональном использовании ресурсов.

Общим для большинства подходов выступает признание логистической системы сложной, многоуровневой и интегративной. Она обладает свойствами, не сводимыми к

сумме характеристик отдельных элементов: при переходе от отдельных логистических операций к системе меняется уровень согласованности, управления рисками, прозрачности и скорости реакции на внешние воздействия. Именно это системное измерение и становится предметом конвергенции в международной деятельности. Переходя от общесистемного понимания к процессам сближения и взаимной адаптации логистических систем разных стран и регионов, уместно рассмотреть, что именно вкладывается в понятие «конвергенция логистических систем» [3].

В современных исследованиях конвергенция логистических систем описывается как процесс сближения, согласования и поиска компромиссов между различными логистическими подходами и моделями организации цепей поставок, обладающими как общими, так и специфическими характеристиками. Речь идёт не только о формальном сопоставлении процедур и технологий, но и о выстраивании совместимых правил, стандартов и механизмов управления. Чаще всего в качестве иллюстрации приводится конвергенция коммерческой и ведомственной (государственной, корпоративно-закрытой) логистики. По наблюдению А. Х. Курбанова, коммерческие логистические системы, как правило, более открыты и гибки, они готовы к быстрому внедрению управленческих и технических инноваций; ведомственные системы, напротив, характеризуются консервативностью, жёсткой регламентацией и слабой адаптивностью к рыночным изменениям [8, 40]. Сближение таких систем требует согласования интересов, процедур доступа к инфраструктуре и информационным ресурсам, а также выработки единых стандартов взаимодействия. Другой важный аспект конвергенции связан с объединением информационно-коммуникационных технологий и логистики. П. А. Кудряшова подчёркивает, что конвергенция информационных технологий с экспертными системами и искусственным интеллектом, а также сближение виртуального и социального пространства создают предпосылки для появления виртуальных логистических провайдеров и когнитивных виртуальных операторов. В этом случае сближаются уже не только организационные формы логистики, но и сами технологические платформы её функционирования [7, 12]. Таким образом, конвергенция логистических систем выступает как многоуровневый процесс, включающий:

- институциональное сближение (правила, стандарты, регламенты);
- организационную интеграцию (согласование ролей участников цепей поставок);
- технологическую интеграцию (общие ИТ-платформы, форматы данных, процедуры мониторинга);
- инфраструктурную сопряжённость (совместимость транспортных и складских мощностей).

Логичным шагом после прояснения сущности конвергенции становится обращение к методологическим основаниям её проектирования и управления.

Методологию конвергенции логистических систем целесообразно понимать как совокупность принципов, подходов и инструментов, которые используются при проектировании и развитии логистики с целью целенаправленного сближения и интеграции различных систем ради достижения синергического эффекта. Центральной установкой здесь выступает повышение эффективности управления цепями поставок при одновременном снижении совокупных логистических затрат. Ключевое положение методологии состоит в том, что конвергенция должна охватывать все части логистической системы - от планирования до исполнения операций. Взаимодействие и координация элементов обеспечивают адаптивность процесса снабжения и распределения к целям организации, а на международном уровне - к требованиям партнёров по внешнеэкономической деятельности.

С методологической точки зрения конвергенция предполагает:

- объединение логистических технологий, поддерживающих различные процессы (планирование и выполнение перевозок, управление складом, распределение запасов, исполнение заказов) в единой архитектуре;

- использование цифровых технологий (IoT, искусственный интеллект, блокчейн, системы электронного обмена данными) для автоматизации операций и повышения прозрачности цепей поставок;
- адаптацию технических и программных решений к различным типам логистических систем (коммерческим, ведомственным, смешанным);
- опору на единые логистические принципы (системность, интеграция, ориентация на клиента, минимизация совокупных издержек).

Переход от методологических установок к практическому построению конвергентных систем особенно нагляден в международной деятельности, где различия в законодательстве, инфраструктуре и уровне цифровизации обостряют вопрос согласованности логистических процессов. Это делает необходимым выделение специфических принципов и особенностей конвергенции именно в международной плоскости [6].

Международный характер цепей поставок накладывает на процесс конвергенции ряд дополнительных требований. Здесь взаимодействуют участники из разных стран, действующие в неодинаковой институциональной, технологической и культурной среде, а сами потоки пересекают государственные границы и зоны таможенного контроля. В этих условиях особенно значимы следующие принципы. Во-первых, принцип системной интеграции. Предприятия должны иметь возможность управлять логистическими операциями из любой точки мира с использованием систем электронного обмена данными и единых информационных стандартов. Это предполагает не только техническую совместимость программного обеспечения, но и согласование форматов документов, протоколов обмена и механизмов аутентификации. Во-вторых, принцип координации бизнес-процессов. Для поддержания баланса между объёмом поставок и потребностями рынка требуется согласованное планирование между производителями, дистрибьюторами, перевозчиками и логистическими посредниками. В международном измерении такая координация осложняется временными лагами, разницей часовых поясов и нормативно-правовыми ограничениями, что усиливает значение интегрированных систем управления цепями поставок. В-третьих, принцип учёта особенностей международной логистики. Необходимость преодоления государственных границ, работы с большими партиями грузов, взаимодействия с множеством посредников и регуляторов требует чёткого понимания таможенных процедур, экспортно-импортных ограничений, технических требований к транспортным средствам и маркировке товаров. Конвергентный подход должен предусматривать встраивание этих требований в общую архитектуру логистической системы [1]. В-четвёртых, принцип гибкости и скорости. Конвергентные системы управления транспортом и складом должны формировать устойчивые к внешним воздействиям цепи поставок, способные быстро реагировать на изменения спроса, курсов валют, санкционных режимов или инфраструктурных ограничений. Это предполагает наличие различных маршрутов и сценариев доставки, а также развитые механизмы перенастройки потоков. Наконец, важен принцип наглядности и прозрачности. Возможность получать в режиме реального времени информацию о положении грузов, состоянии складских запасов и загрузке транспортной инфраструктуры выступает необходимым условием оперативного управления рисками. Прозрачность также повышает доверие между участниками международной цепи поставок и облегчает контроль со стороны регуляторов.

Выделенные принципы задают рамки методологии, но не раскрывают ещё до конца её прикладное значение. Для этого необходимо перейти к рассмотрению особенностей и эффекта конвергенции в международной логистике.

Специфика международной деятельности состоит в том, что производители и потребители товара зачастую находятся в разных странах, а сама транспортировка включает прохождение множества административных и технических барьеров. В таких условиях конвергенция логистических систем приобретает стратегический характер. Особенностью конвергентного подхода выступает объединение технологий, обеспечивающих планирование

перевозок, управление складским хозяйством, распределение запасов и исполнение заказов, в едином информационном и организационном пространстве. Интеграция логистики и информационных технологий позволяет связать в одну систему участников цепей поставок, каналы дистрибуции, потребителей и объекты логистической инфраструктуры, что существенно сокращает время согласования операций и снижает риск ошибок.

Второй важный аспект связан с необходимостью преодоления международных логистических барьеров. Речь идёт о несоответствии технических параметров путей сообщения и подвижного состава, различных стандартах маркировки и упаковки, экспортных и импортных ограничениях. В условиях конвергенции производственные и распределительные логистические цепи трансформируются в более компактные и технологичные международные цепи, требующие меньшего количества промежуточных операций и оборудования [1, 230].

С практической точки зрения значение конвергенции выражается в следующих эффектах:

- повышение эффективности управления цепями поставок за счёт создания устойчивых высокоскоростных логистических маршрутов;
- сокращение доли транспортно-логистических затрат в себестоимости продукции за счёт оптимизации маршрутов, партий отправки и складских запасов;
- укрепление международных кооперационных связей, поддерживающих интернационализацию производства и рост внешнеторгового оборота;
- формирование и распространение мировых стандартов логистического сервиса по параметрам доступности, функциональности и надёжности.

Важно отметить, что конвергенция не является разовым актом или принципиально новым явлением; она развивается эволюционно, под воздействием конкуренции, технологического прогресса и политико-экономических изменений. Современный этап лишь ускоряет этот процесс благодаря цифровизации и росту требований к «бесшовности» логистики. Понимание общих закономерностей конвергенции логистических систем позволяет перейти к её региональному измерению, где проявляется влияние конкретных географических, экономических и институциональных условий. В этом контексте представляет интерес сопоставление возможностей и ограничений конвергенции в Красноярском крае и провинции Цзилинь.

Красноярский край и провинция Цзилинь - крупные по территории и промышленному потенциалу регионы, играющие заметную роль в национальных экономических системах России и Китая. При этом их транспортно-логистическое положение и институциональная среда существенно различаются, что по-разному влияет на возможности конвергенции логистических систем. Красноярский край обладает сложной транспортно-географической структурой. Здесь сочетаются протяжённые речные пути (Енисей), участки железнодорожной сети, включённые в транспортный каркас Сибири, и автомобильные магистрали, часть из которых функционирует в условиях ограниченной сезонной доступности. Значительная удалённость от морских портов и основных внешнеторговых узлов делает регион в большей степени зависимым от внутрироссийской инфраструктуры и транзитных коридоров, проходящих через другие субъекты Федерации. Это осложняет интеграцию региональной логистики в международные цепи поставок, но одновременно формирует стимулы для развития мультимодальных схем и цифровых сервисов, компенсирующих географические ограничения. Провинция Цзилинь, напротив, имеет более выгодное положение относительно морских портов северо-востока Китая и пограничных переходов с соседними государствами [3]. Она интегрирована в национальные программы развития северо-восточных регионов КНР и в инициативу «Один пояс - один путь», что способствует активному развитию транспортно-логистической инфраструктуры, строительству логистических парков, сухих портов и мультимодальных терминалов. В результате регион получает возможность быстрее включаться в международные цепи

поставок как в направлении России и стран ЕАЭС, так и в сторону внутренних рынков Китая. С точки зрения конвергенции логистических систем это означает, что Цзилинь выступает своего рода «передовым рубежом» китайской логистики, ориентированной на внешние связи, тогда как Красноярский край в большей степени решает задачу сопряжения внутренней (ведомственной и корпоративной) логистики крупных ресурсных компаний с внешними транспортными коридорами. В первом случае акцент делается на создании интегрированных логистических хабов и цифровых платформ, унифицирующих работу с международными партнёрами; во втором - на адаптации существующей инфраструктуры и логистических практик к требованиям внешней среды и на постепенном развитии независимых логистических провайдеров. С институциональной точки зрения в Китае наблюдается более выраженная централизованная поддержка логистических проектов и цифровых решений на национальном и провинциальном уровнях. В России, и в Красноярском крае в частности, логистическое развитие во многом определяется корпоративными стратегиями крупных компаний и региональными программами, при этом общий уровень координации между участниками логистических цепей остаётся менее высоким.

Следовательно, методология конвергенции в рассматриваемых регионах должна учитывать:

- для Красноярского края - необходимость согласования интересов и стандартов между ведомственными и коммерческими логистическими системами, развитие цифровых платформ обмена данными с внешними партнёрами, постепенное вовлечение региона в международные транспортно-логистические проекты;

- для провинции Цзилинь - задачу интеграции региональных логистических хабов в общенациональные и трансграничные цифровые экосистемы, обеспечение совместимости с логистическими системами стран-партнёров (включая Россию), а также балансировку внутренних и внешних грузопотоков.

Проведённое теоретико-аналитическое исследование позволило обосновать, что конвергенция логистических систем в международной деятельности выступает неотъемлемым условием повышения эффективности цепей поставок в условиях глобализации и цифровизации экономики. Логистическая система в современных условиях должна рассматриваться как сложная, интегративная и трансграничная структура, а её развитие - как процесс целенаправленного сближения организационных, технологических и институциональных элементов. Методология конвергенции опирается на принципы системной интеграции, координации бизнес-процессов, учёта особенностей международной логистики, гибкости и прозрачности. Она предполагает широкое использование цифровых технологий, формирование единых информационных пространств и инфраструктурную сопряжённость регионов и стран-партнёров. Сравнительный анализ Красноярского края и провинции Цзилинь показал, что, несмотря на общую ориентацию обоих регионов на внешнеэкономические связи, их стартовые условия и профиль участия в международных логистических цепях различаются. Для Красноярского края приоритетной задачей становится сопряжение ведомственных и коммерческих логистических систем, модернизация инфраструктуры и расширение участия в трансевразийских транспортных коридорах. Для Цзилинь ключевым направлением выступает дальнейшая интеграция в национальные и международные цифровые логистические экосистемы и усиление роли региона как хаба между Китаем и странами ЕАЭС. Перспективы дальнейших исследований связаны с углублённым эмпирическим анализом показателей функционирования логистических систем в указанных регионах, оценкой эффектов конкретных конвергентных проектов (создание совместных логистических центров, внедрение общих цифровых платформ и т.п.), а также разработкой практических рекомендаций по формированию «дорожных карт» конвергенции логистики в российско-китайском приграничном сотрудничестве.

Список литературы

1. Адиебян, О. А. Категориальность дивергенции и конвергенции / О. А. Адиебян // Научные проблемы гуманитарных исследований. - 2012. - № 1. - С. 225–230.
2. Бухтиярова, Т. И. Подходы и принципы построения логистической системы розничного торгового предприятия / Т. И. Бухтиярова, Е. В. Федорова // Современные проблемы науки и образования. - 2012. - № 5. - С. 255.
3. Гейн, К. Системный структурный анализ: средства и методы / К. Гейн, Т. Сарсон. – М.: Эй-текс, 1992. - 187 с.
4. Григорьев, М. Н. Логистика. Продвинутый курс: учебник для вузов / М. Н. Григорьев, А. П. Долгов, С. А. Уваров. - 4-е изд. - Москва: Юрайт, 2026. - 682 с.
5. Зуева, О. Н. Идентификация как основа управления материальными потоками в логистической системе / О. Н. Зуева, Л. А. Донскова // Управленец. - 2016. - № 1 (59). - С. 76–80.
6. Козин, М. Н. Государственное регулирование инновационным развитием страны: оптимальные пути и перспективы / М. Н. Козин, С. С. Яковлев // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний: сборник материалов Международной научно-практической конференции. - Рязань: АПиУ ФСИН, 2016. - С. 1224–1228.
7. Кудряшова, П. А. Конвергенция информационных технологий на пути формирования виртуальных логистических провайдеров / П. А. Кудряшова // Современные проблемы науки и образования. - 2017. - № 6 (приложение «Экономические науки»). - С. 12 - 23.
8. Курбанов, А. Х. Эволюция инструментария логистики и его роль в принятии управленческих решений / А. Х. Курбанов, Т. Х. Курбанов, Д. В. Шаламов // Логистика. - 2017. - № 7. - С. 40–44.

СЕКЦИЯ 8. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.848.3

ПЕРВИЧНЫЕ И ВТОРИЧНЫЕ ПРИЗНАКИ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПРОБАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Андреева Юлия Васильевна, кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
sibupnis@mail.ru

Аннотация. В статье формулируются основные первичные и вторичные признаки пенитенциарного пробационного производства; сформулирован вывод о том, что пенитенциарное пробационное производство является уголовно-исполнительным производством.

Ключевые слова: исправительное учреждение, исправительный центр, probation, пенитенциарная probation, уголовно-исполнительное производство

PRIMARY AND SECONDARY SIGNS OF PENITENTIARY PROBATION PROCEEDINGS

Andreyeva Yulia Vasilyevna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
sibupnis@mail.ru

Abstract. The article formulates the main primary and secondary characteristics of penitentiary probation proceedings; it concludes that penitentiary probation proceedings are criminal-executive proceedings.

Keywords: correctional institution, correctional center, probation, penitentiary probation, criminal enforcement proceedings

В уголовно-исполнительном праве проводится много научных исследований в сфере пенитенциарной probation, но вопрос о выделении пенитенциарного пробационного производства (далее – производство) до настоящего времени не поднимался и не изучался.

В целях развития теории данного производства сформулируем его основные первичные и вторичные признаки.

Первый первичный признак – это причина возбуждения производства. Согласно п. 9 ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 06 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 10), ею является наличие у осужденного, по его мнению, трудной жизненной ситуации, последствия которой он не может преодолеть самостоятельно.

Например, осужденному требуется помощь в трудоустройстве, оформлении документов, получении образования, пособия по безработице, социальной и медицинской помощи.

Ко второму первичному признаку следует отнести основание для возбуждения производства. Им послужит регистрация заявления осужденного (его законного представителя) об оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации.

Для подачи заявления нужно обратиться в администрацию исправительного центра

(далее – ИЦ), изолированного участка, функционирующего как исправительный центр (далее – ИУФИЦ), исправительного учреждения (далее – ИУ) или отправить его через портал государственных и муниципальных услуг (функций), в случае если осужденный отбывает наказание в виде принудительных работ.

Третьим первичным признаком являются специфические субъекты, обладающие правом возбуждения производства. К таким можно отнести начальника ИЦ (ИУФИЦ), ИУ или лицо, его замещающее.

Четвертый первичный признак – это добровольное участие осужденного в производстве, закрепленное в ст. 3 Федерального закона № 10.

Данный признак предполагает собственное волеизъявление и отказ от мероприятий по ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации в любой момент.

К пятому первичному признаку следует причислить доказанную индивидуальную нуждаемость осужденного в пробации. Так, на основании приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», должностному лицу ИЦ (ИУФИЦ) и ИУ необходимо провести оценку индивидуальной нуждаемости осужденного в пробации.

Запрашивать документы у государственных органов и учреждений для подтверждения индивидуальной нуждаемости может администрация ИЦ (ИУФИЦ), ИЦ, а также осужденный (его законный представитель).

В связи с этим шестым первичным признаком является доказательственный характер производства, выражающийся в собирании, проверке и оценке доказательств.

Седьмой первичный признак – это наличие процессуальных норм [1; с. 107-111], регулирующих содержание данного производства и регламентированных, в том числе, в Федеральном законе № 10.

К восьмому первичному признаку можно отнести то, что производство представляет собой форму уголовно-исполнительной деятельности, так как в нем основными будут действия должностных лиц ИЦ (ИУФИЦ) и ИУ.

Девятым первичным признаком являются сроки начала и окончания производства [2; с. 217-218].

Например, в ч. 1 ст. 13 Федерального закона № 10 регламентирован срок применения пенитенциарной пробации, который не может быть более срока отбывания наказания в виде принудительных работ или лишения свободы.

Считаем, что началом производства является дата регистрации заявления осужденного (его законного представителя) об оказании содействия в пробации.

К срокам окончания производства, указанным в приказе Министерства юстиции РФ от 29 ноября 2023 г. № 350, следует отнести следующие:

- последний день реализации мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой;
- дату отказа лица, в отношении которого применяется пробация, от ее дальнейшего применения;
- дату вынесения постановления о прекращении пробации при повторном невыполнении лицом без уважительной причины мероприятий индивидуальной программы после вынесенного предупреждения о возможности прекращения оказания содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации.

К срокам окончания производства, не указанным в приказе Министерства юстиции РФ от 29 ноября 2023 г. № 350, следует отнести следующие:

- дату перемещения осужденного в следственный изолятор в качестве лица, подозреваемого в совершении преступления;
- дату отмены приговора суда с прекращением дела производством;

- дату помилования или амнистии;
- дату установления тяжелого заболевания или инвалидности (например, если индивидуальная нуждаемость выражалась в оказании содействия в трудоустройстве);
- дату отказа в оказании содействия в пробации на стадии вынесения решения;
- дату смерти осужденного и др.

Десятым признаком производства считается наличие собственного предмета рассмотрения, достижение конкретных целей и задач.

Перейдем к рассмотрению вторичных признаков пенитенциарного пробационного производства.

Первый вторичный признак – это наступление организационно-правовых последствий. Так, последствием возбуждения производства является проведение с осужденным мероприятий по пробации.

Ко второму вторичному признаку следует отнести наличие стадий и этапов в производстве [2; с. 217-218].

К стадиям можно причислить: возбуждение производства, рассмотрение доказательств (материалов), вынесение решения, исполнение решения, а к этапам – взаимосвязанные процедуры, для реализации которых необходимо совершить единичные или множественные юридически значимые действия.

Третьим вторичным признаком является полная или сокращенная форма производства. Полным оно считается, когда имеются все четыре стадии, а сокращенным – при наличии трех первых стадий в случае отказа в содействии.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что пенитенциарное пробационное производство обладает признаками самостоятельного вида уголовно-исполнительного производства.

Список литературы

1. Андреева, Ю. В. Научные теории о процедурных и процессуальных нормах права: мнение ученого-пенитенциариста / Ю. В. Андреева // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Красноярск, 2024. – С. 107-111.
2. Андреева, Ю. В. Признаки исполнительного пробационного производства / Ю. В. Андреева // Петербургские пенитенциарные конференции: материалы комплекса международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2025. – С. 217-218.

УДК 343.7

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Бабак Елена Викторовна¹, кандидат экономических наук, доцент

Бабак Юрий Николаевич², кандидат экономических наук, доцент

^{1,2} Луганский государственный аграрный университет имени К.Е. Ворошилова, Луганск, Луганская Народная Республика, Россия

¹ elenka_1203@mail.ru

Аннотация. В статье конкретизирован вред, причиняемый экономической преступностью, охватывая его воздействие на граждан, общество и государство. Проанализирована структура преступлений в сфере экономики: определено, что наибольший удельный вес занимают преступления против собственности (36,4%) и преступления в сфере экономической деятельности (32,9%). Исследована динамика показателей экономической преступности в России за период 2021-2024 гг., в результате чего выявлены положительные и негативные тенденции. Определено, что особое влияние нужно уделить разработке мероприятий, направленных на противодействие, предупреждение и профилактику коррупционных преступлений и киберпреступлений.

Ключевые слова: преступления, экономическая преступность, уголовный закон, ущерб, государство, общество, гражданин

CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF CRIME IN THE ECONOMY

Babak Elena Viktorovna¹, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Babak Yurii Nikolaevich², Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

^{1,2} Lugansk State Agrarian University named after K.E. Voroshylov, Lugansk, Lugansk People's Republic, Russia

¹ elenka_1203@mail.ru

Abstract. The article specifies the harm caused by economic crime, covers its impact on citizens, society and the state. The structure of economic crimes has been analyzed: it has been determined that crimes against property (36.4%) and crimes in the field of economic activity (32.9%) account for the largest part of all crimes. The dynamics of economic crime indicators in Russia for the period 2021-2024 has been studied, as a result of which positive and negative trends have been identified. It has been determined that special attention should be paid to the development of measures aimed at counteraction, prevention and prophylaxis of corruption crimes and cybercrimes.

Keywords: crimes, economic crime, criminal law, harm, state, society, citizen

Функционирование рыночно-ориентированной экономики напрямую обусловливается наличием эффективной и цельной нормативно-правовой базы. Отталкиваясь от принципа саморегулирования, рыночная система детерминирует формирование четких правил поведения для всех участников. Основой этих правил должны стать ясность, точная конкретизация прав и обязанностей сторон, действенные меры поощрения и привлечения к ответственности за нарушения.

Экономические преступления консолидированы законодателем в УК РФ 1996 г. в разделе VIII «Преступления в сфере экономики». Родовым объектом преступлений, составы которых описаны в разделе VIII УК РФ, является экономика, понимаемая как совокупность производственных (экономических) отношений касательно производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. Объект данных преступлений – сложная, многогранная совокупность общественных отношений, защищаемых уголовным законом.

Отличительной чертой экономической преступности является крайне острая опасность, обусловленная ее негативным влиянием в качестве угрозы на экономическую безопасность Российской Федерации.

Аспектам исследования экономической преступности и уголовной политики в сфере экономики посвящены научные труды И. С. Алексеевой, Я. И. Гилинского, Ю. В. Гусакова, Н. Ф. Кузнецовой, В. Д. Ларичева, Н. А. Лопашенко и других.

Экономическая преступность отрицательно влияет на жизнедеятельность общества и государства, что обусловлено ее воздействием на социально-экономическую сферу. Отметим, что ущерб, причиняемый этими деяниями экономике страны, благосостоянию граждан и интересам общества, значительно превосходит ущерб от любых иных видов преступлений.

Отрицательным следствием незаконной экономической деятельности выступает существенное уменьшение бюджетных поступлений, которые необходимы для реализации выплат социального назначения.

Сегодня исследование экономической преступности – стратегическая установка государственной политики, обеспечивающая стабильность и гарантирующая безопасность государства, защиту благополучия населения и формирование фундамента для архитектуры сбалансированного развития экономики.

Исследуем динамику ключевых показателей экономической преступности в РФ, представленную на рисунке 1.

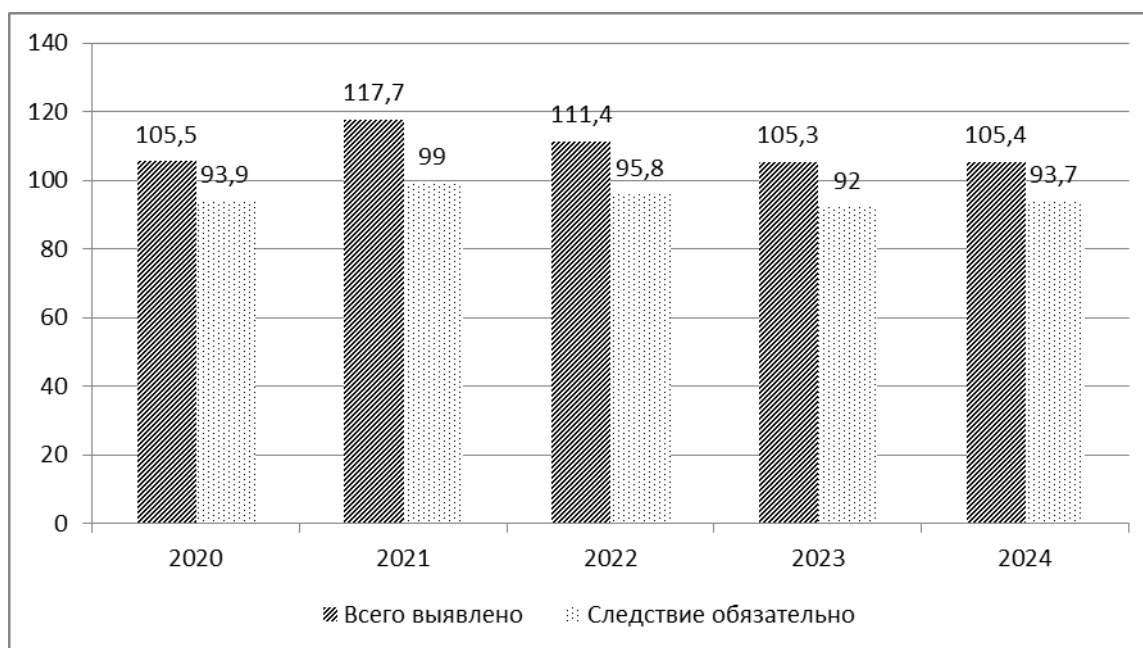

Рисунок 1 – Выявлено преступлений экономической направленности (в тысячах)

Анализируя данные рисунка 1, следует отметить, что за период 2020-2024 гг. наименьшее количество преступлений зарегистрировано в 2023 г. (105,3 тыс.), а наибольшее в 2021 г. (117,7 тыс.). Сопоставляя данные этих лет, отметим рост, составивший 11,77%. Аналогичная тенденция просматривается при исследовании преступлений, по которым следствие обязательно: следует отметить рост в 2023 г. относительно данных 2021 г., что составил 7,60%.

Увеличение числа выявленных экономических преступлений обусловлен не только ростом объема и интенсивности преступности, что определяют криминализацию общества, но и повышением эффективности работы правоохранительных органов по обнаружению и официальной регистрации подобных деяний.

Система правоохранительных органов, что занимаются выявлением экономических

преступлений в РФ, включает Следственный комитет РФ, Органы внутренних дел РФ, Прокуратуру РФ, Таможенные органы РФ, Войска национальной гвардии РФ.

В Российской Федерации функционирует разветвленная система, предназначенная для выявления экономических преступлений, что способствует достижению значительных результатов в области обнаружения противозаконной деятельности.

Несмотря на вариативность признаков, преступления, относящиеся к экономической сфере, обладают рядом объединяющих характеристик. В сущности, все они направлены против экономических отношений, которые подвержены влиянию переходного периода, недостаткам рыночной системы, противоречивыми последствиями развития. В целом экономические преступления обуславливают специфику теперешней преступности и оказывают воздействие на криминологическую безопасность общества в целом.

Согласно УК РФ преступления в сфере экономики представляют собой самостоятельный раздел – раздел VIII (рисунок 2). Отметим, что каждая группа преступлений в сфере экономики отражена в самостоятельной главе.

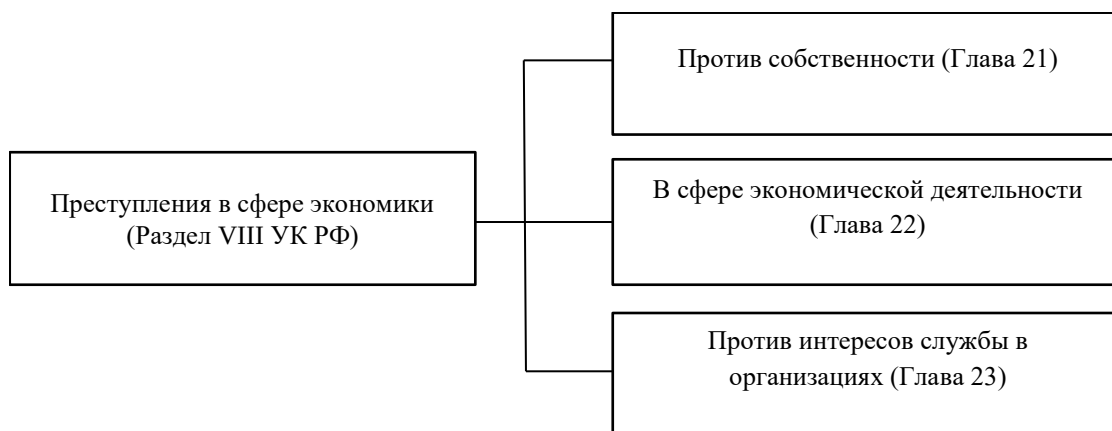

Рисунок 2 – Преступления в сфере экономики

В результате исследования структура преступлений в сфере экономики визуализирована в виде диаграммы (рисунок 3).

Рисунок 3 – Структура преступлений в сфере экономики (в %) (следствие обязательно)

Данные рисунка свидетельствуют о том, что 36,4% занимают преступления против собственности; 32,9 % – преступления в сфере экономической деятельности; 22,7% – преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления; 2,7% – преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях; 5,3% приходится на прочие преступления в сфере экономики.

На рисунке 4 представлена динамика экономической преступности в Российской Федерации за период 2021-2024 гг. Отметим, что в 2024 году относительно 2021 года наблюдается снижение общей численности преступлений, так она сократилась на 12270 ед., что составило 10,42%.

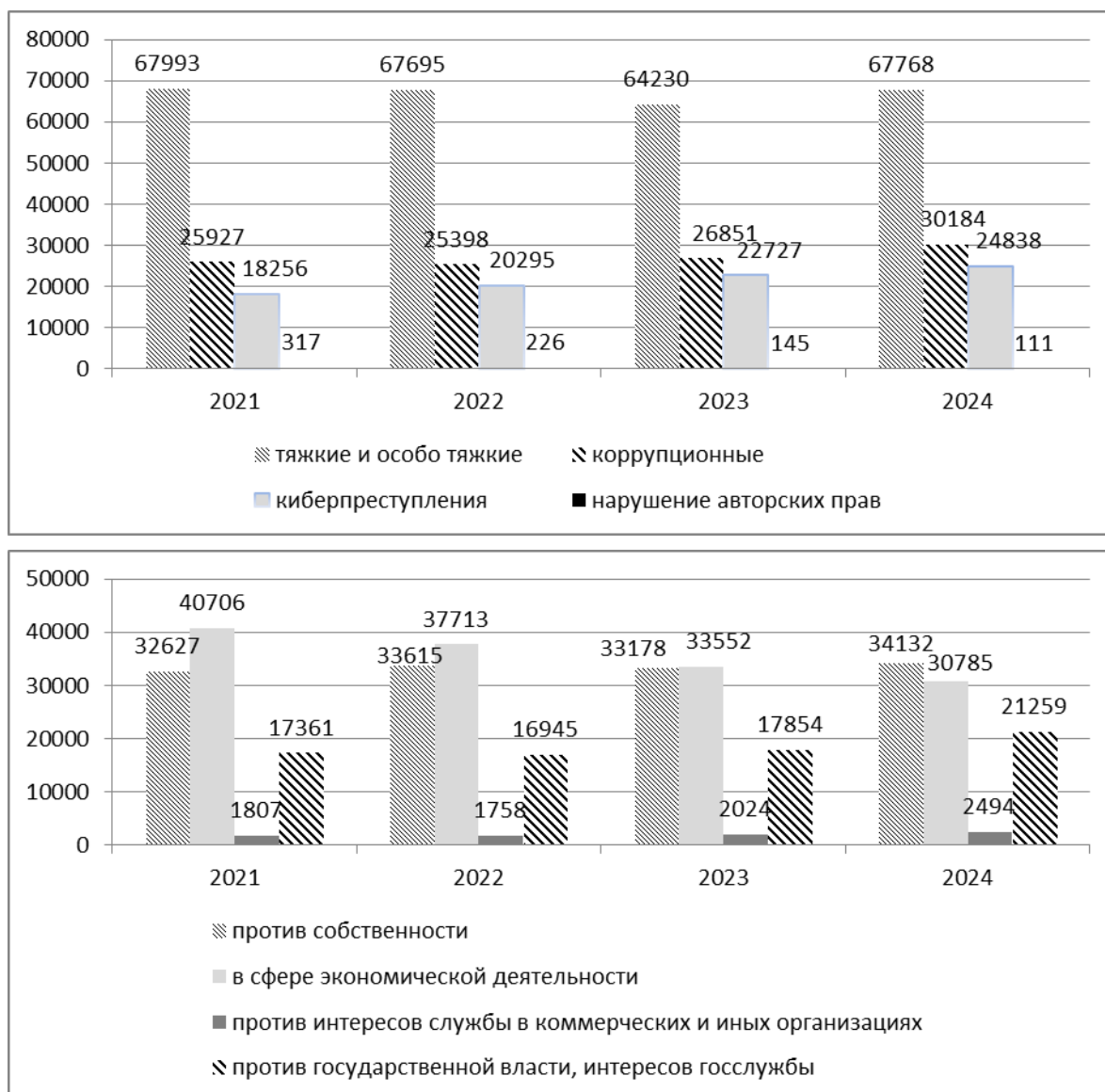

Рисунок 4 – Динамика экономической преступности в РФ в 2021-2024 гг., ед.

Количество тяжких и особо тяжких преступлений, что идентифицированы в ч. 4 и ч. 5 ст. 15 УК РФ, в 2024 г. относительно 2021 г. практически не изменилось, однако за анализируемый период наблюдался определенный спад в 2023 г., который составил 5,53 % (при сравнении с данными 2021 г.). Значительно возросло количество коррупционных преступлений. Отметим, что в 2021 г., в 2022 г. и в 2023 г. количество оставалось практически на одном уровне, но в 2024 г. количество зарегистрированных случаев возросло на 4257 ед.

Анализируя данные по группе «коррупционные преступления», следует подчеркнуть негативные тенденции, проявляющиеся в росте численности деяний в данной сфере. Отметим небывалый темп прироста киберпреступлений, что составил 36,05% (6582 ед.). Экономическая нестабильность, вызванная санкциями, ростом цен и появлением неформальных каналов импортозамещения, создает благоприятную почву для злоупотребления служебным положением в целях личного обогащения. В подобных условиях должностные лица и предприниматели могут склоняться к мнению об утрате актуальности «обычных правил», оправдывая коррупционные действия необходимостью защиты интересов государства. Основываясь на этом, взяточничество может маскироваться под вынужденные меры.

Расследование, проведенное Федеральной службой безопасности, показало, что существенная доля незаконной деятельности осуществляется посредством использования коммуникационной инфраструктуры, расположенной в населенных пунктах соседних государств, а также в ряде государств Европейского Союза. Инструментами для организации киберпреступлений становятся энергетические сети, вычислительные центры и услуги интернет-поставщиков.

Методика привлечения лиц к содействию на территории Российской Федерации не претерпела изменений: «кураторы» размещают предложения о трудоустройстве и материальном вознаграждении на тематических онлайн-платформах, ориентированных на русскоязычную аудиторию. Вознаграждение выплачивается ежедневно в виде криптовалюты, что существенно усложняет процедуру отслеживания финансовых транзакций.

Значительной положительной динамикой отмечается численность нарушений авторских прав, так в 2024 году наблюдается отрицательный темп прироста -64,98%. При этом снижение преступлений в данной сфере свойственно каждому анализируемому году, то есть наблюдается стабильная положительная динамика.

Количество преступлений против собственности в 2024 г. относительно 2023 г. выросло на 2,88%, а относительно 2022 г. на 4,61%.

Следует отметить положительную тенденцию касательно преступлений в сфере экономической деятельности, каждый анализируемый год отличался отрицательным приростом. Так в 2024 г. их количество уменьшилось относительно предыдущего года на 8,25 %, а относительно базового периода (2021 г.) на 24,37 %.

Отметим положительные сдвиги в следующих группах преступлений: изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг сократилось на 70,01%; неправомерные действия при банкротстве сократились на 44,24%.

В заключение необходимо отметить, что экономическая преступность, к сожалению, была, есть и будет, и на сегодняшний день достигла высокого уровня развития. В связи с этим государство не обладает мгновенно действующими рычагами для существенного ее сокращения. Учитывая динамичность изменений в хозяйственной среде, система нормативного правового регулирования, в частности уголовное законодательство, требует непрерывного совершенствования.

Список литературы

1. Попова, А. В. Оценка экономической преступности в России в 2022–2024 годах / А. В. Попова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 39 (590). – С. 217-219. – URL: <https://moluch.ru/archive/590/128684> (дата обращения: 1.03.2026).
2. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года – Текст: электронный // МВД РФ [сайт]. – URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5130663> (дата обращения: 25.02.2026).
3. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года – Текст: электронный // МВД РФ [сайт]. – URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5095078> (дата обращения: 25.02.2026).
4. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года – Текст: электронный // МВД РФ [сайт]. – URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (дата обращения: 25.02.2026).

УДК 347:004

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ПРАВОСУДИЯ

Бертовский Лев Владимирович¹, доктор юридических наук, профессор

Курбатова Светлана Михайловна², доктор юридических наук, доцент

¹ Московская академия Следственного комитета РФ, Москва, Россия

² Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

¹ bgl1980@yandex.ru ² ksm-2024@mail.ru

Аннотация. Целью является анализ ряда вопросов, имеющих значение для цифровизации российской системы правосудия, опираясь на уже имеющийся зарубежный опыт. Отмечены преимущества и риски использования искусственного интеллекта в судах в контексте необходимости поддержания общественного доверия к системе правосудия, обеспечения добросовестности и справедливости осуществления судопроизводства, безопасности участников процесса, соблюдения и защиты их прав и законных интересов.

Ключевые слова: правосудие, судебная система, цифровизация, искусственный интеллект, законность, эффективность, безопасность

SOME ASPECTS OF DIGITALIZATION OF THE JUSTICE SYSTEM

Bertovsky Lev Vladimirovich¹, Doctor of Juridical Sciences, Professor

Kurbatova Svetlana Mikhailovna², Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor

¹ Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

² Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

¹ bgl1980@yandex.ru ² ksm-2024@mail.ru

Abstract. The aim is to analyze a number of issues that are important for the digitalization of the Russian justice system. The advantages and risks of using artificial intelligence in the courts are noted in the context of the need to maintain public confidence in the justice system, ensure the integrity and fairness of legal proceedings, the safety of participants in the process, respect and protection of their rights and legitimate interests.

Keywords: justice, judicial system, digitalization, artificial intelligence, legality, efficiency, security

В последние годы цифровизация, охватывая все новые и новые сферы общества и государства, становится частью жизнедеятельности человека. В свою очередь, сопутствующим элементом данного процесса стало использование технологий искусственного интеллекта (ИИ). И хотя цифровизация это механизм и результат преобразования информации в электронный формат, автоматизация процессов и создание новых возможностей, а ИИ – свойство компьютерной системы обучаться, принимать решения и действовать подобно человеку, данные направления развития современных технологий в настоящее время оказались неразрывно связаны, что проявляется, например, в реформировании судебных моделей разных государств.

Цифровизация системы правосудия в Российской Федерации представляет собой одно из основных направлений модернизации государственной власти и повышения эффективности правоприменения. В условиях стремительного развития информационных технологий и глобализации правовых процессов, внедрение цифровых решений становится не только инструментом оптимизации судопроизводства, но и необходимым условием обеспечения доступности и прозрачности правосудия для граждан и организаций.

Цифровое судопроизводство – урегулированная нормами процессуального права деятельность суда, участвующих в деле лиц и других участников процесса, а также органов исполнения судебных решений по разрешению юридических дел, в которой ключевым фактором являются данные в цифровом виде, обработка и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами судопроизводства позволяют существенно повысить его эффективность [1].

Внедрение искусственного интеллекта в судебную систему, как и в любую другую, направлено на достижение определенного результата. Учитывая специфику отправления правосудия, это: повышение качества рассмотрения дел в судах разных инстанций, содействие обеспечению доступа граждан к правосудию в целом и к конкретным судебным ресурсам, в частности, сокращение издержек, связанных с необходимостью фактического присутствия лица в суде, и пр. [2]. Если искусственный интеллект интегрирован в слушания с помощью субтитров или перевода в режиме реального времени, это может помочь некоторым категориям уязвимых граждан легче участвовать в судебных заседаниях. Искусственный интеллект также может предоставлять альтернативные методы разрешения споров, сокращая количество дел, передаваемых в суд [3].

Основными направлениями процесса цифровизации российской судебной системы можно обозначить следующие:

- Внедрение электронных сервисов и платформ. В последние годы российская судебная система активно внедряет электронные сервисы, такие как ГАС «Правосудие», системы видео-конференц-связи и веб-конференции, электронный документооборот и онлайн-подача процессуальных документов. Эти инструменты позволяют участникам процесса дистанционно взаимодействовать с судами, что особенно актуально для жителей отдалённых регионов. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, к 2026 году более 70% судебных дел сопровождаются электронными материалами, а доля онлайн-участия в заседаниях неуклонно растёт [5].

- Использование искусственного интеллекта и анализа больших данных. Одним из перспективных направлений является внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) для анализа судебной практики, автоматизированного составления проектов судебных актов, выявления противоречий и пробелов в правоприменении. При этом, как отмечает Председатель Верховного Суда РФ И. Краснов, ИИ не заменяет судью, а служит инструментом поддержки, позволяя оптимизировать рабочие процессы и повысить качество судебных решений [6].

- Развитие суперсервиса «Правосудие онлайн». В 2025–2026 годах в органах российской судебной системы ведётся активная работа по запуску суперсервиса «Правосудие онлайн», который должен обеспечить комплексную цифровую среду для всех участников судопроизводства: от подачи иска до получения исполнительного листа. Ожидается, что данный сервис позволит автоматизировать значительную часть рутинных операций и сократить сроки рассмотрения дел.

Тем не менее, несмотря на значительные успехи, цифровизация судебной системы сталкивается с рядом системных проблем, в числе которых можно назвать следующие:

- Отсутствие единой цифровой среды: на данный момент судебная система не полностью интегрирована в процессы цифровой трансформации государственного управления, а единое цифровое пространство не сформировано.

- Несовершенство нормативного регулирования: законодательство не всегда успевает за технологическими изменениями, что создаёт правовые риски и барьеры для внедрения новых сервисов.

- Технические и инфраструктурные ограничения: значительная часть серверов и программного обеспечения требует модернизации, а в ряде регионов сохраняется бумажный документооборот. И другие.

В ближайшие годы приоритетными задачами станут:

- завершение формирования единой цифровой среды и интеграция судебных информационных систем с государственными сервисами;
- дальнейшее развитие ИИ и аналитических инструментов для поддержки судей;
- повышение цифровой грамотности судейского корпуса и участников процесса;
- совершенствование законодательства для устранения правовых барьеров цифровизации.

Большие перспективы открываются при использовании искусственного интеллекта в прогнозировании вероятности совершения конкретных видов преступлений в определенных областях. Так, на настоящий момент находится в разработке Института высокотехнологичного права и социально-гуманитарных дисциплин НИУ МИЭТ программный комплекс «Цифровой двойник серийного преступника». Также представляется возможным использование искусственного интеллекта для отслеживания социальных сетей и онлайн форумов, анализа записей видеонаблюдения, чтобы обнаруживать любые признаки потенциальной преступной деятельности и своевременно их пресекать [7].

Цифровизация системы правосудия в России — это объективный и необратимый процесс, который уже сегодня меняет облик российской судебной системы. Внедрение современных технологий способствует повышению оперативности, прозрачности и доступности правосудия, однако требует комплексного подхода к решению существующих проблем. Только при условии системной работы по развитию инфраструктуры, нормативной базы и кадрового потенциала цифровизация сможет полностью раскрыть свой потенциал и стать фундаментом для построения эффективного и справедливого правосудия в XXI веке.

Список литературы

1. Бертовский Л.В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. – 2017. – № 6. – С. 226-230.
2. Susskind R. Online Courts and the Future of Justice. – Oxford University Press, 2019. – pp. 66–70.
3. Tulk N., Gorst Ch., Shanks L. The Legal Access Challenge: Closing the Legal Gap through Technology Innovation. – Report, Solicitors Regulation Authority, June 2020. 116 p.
4. Schmitz A., Zeleznikow J. Intelligent Legal Tech to Empower Self-Represented Litigants. – Science and Technology Law Review, 2022. – 23(1). – 142 p.
5. Паняева, Д.А. Особенности цифровизации органов судебной власти в России / Д.А. Паняева // Государственная власть и местное самоуправление. – 2025. – № 8. – С. 36-39.
6. Выступление Председателя ВС РФ на пленарном заседании Совета судей РФ: Официальный сайт Верховного Суда РФ, 2 декабря 2025 г. [Электронный ресурс] https://www.vsrp.ru/press_center/news/35028/ (дата обращения: 17.03.2026).
7. Бертовский, Л. В. О некоторых проблемах цифрового судопроизводства / Л. В. Бертовский // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Материалы XXVII международной научно-практической конференции. Красноярск, 04–05 апреля 2024 года. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД РФ, 2024. – С. 155-157.

УДК 347

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВОСПОЛНЕНИЯ ВЫПОЛНЕННОГО ОБЪЕМА РАБОТ В СИТУАЦИИ ОТСУТСТВИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ, ВЫПОЛНЕННОГО ОБЪЕМА РАБОТ В АКТАХ ПРИЕМА-ПЕРЕДАЧИ

Дадаян Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
dadaelena@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассмотрен вопрос о том, что субъектам предпринимательской деятельности без образования юридического лица необходимо более ответственно подходить к вопросу оформления документации, подтверждающей факт выполнения работ. Отсутствие определенности относительно объема выполненных работ может привести к достаточно серьезным последствиям, в том числе к признанию недействительными платежей со стороны заказчика в пользу исполнителя по причине наличия сомнения в фактическом исполнении договорных обязательств. В настоящей статье на примере конкретного дела, рассматриваемого в рамках дела о банкротстве, покажем, сколько усилий пришлось приложить исполнителю в доказывании обстоятельств того, что им были выполнены сварочные и монтажные работы в пользу заказчика, впоследствии признанного банкротом.

Ключевые слова: доказательства, банкрот, свобода договора, первичная документация, акт приема-передачи, конкурсный управляющий, недействительные платежи

ON THE QUESTION OF WAYS TO REPLENISH THE COMPLETED VOLUME OF WORK IN A SITUATION OF LACK OF CERTAINTY, THE COMPLETED VOLUME OF WORK IN THE ACCEPTANCE AND TRANSFER CERTIFICATES

Dadayan Elena Vladimirovna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk state agrarian university, Krasnoyarsk, Russia
dadaelena@yandex.ru

Abstract. This article examines the need for unincorporated businesses to take a more responsible approach to documenting work performed. Lack of clarity regarding the scope of work performed can lead to serious consequences, including invalidation of payments made by the client to the contractor due to doubts about the actual fulfillment of contractual obligations. Using a specific case examined as part of a bankruptcy proceeding, this article demonstrates the effort required by the contractor to prove that they performed welding and installation work for a client who was subsequently declared bankrupt.

Keywords: evidence, bankrupt, freedom of contract, primary documentation, acceptance certificate, bankruptcy trustee, invalid payments

На практике достаточно часто встречаются такие ситуации, когда субъекты предпринимательских отношений не совсем ответственно оформляют первичную бухгалтерскую документацию, надеясь, что если работы выполнены, результат работ принят заказчиком, то и не надо задумываться над формой подтверждения достигнутых договоренностей и объема выполненных работ. Зачастую такой подход нередко оборачивается серьезными проблемами при возникновении спора, особенно если одна из сторон впоследствии признается несостоятельной (банкротом). В условиях банкротства заказчика конкурсный управляющий, действуя в интересах кредиторов, как правило, занимает активную позицию по оспариванию любых платежей, совершенных должником в

преддверии банкротства. При этом основным инструментом защиты для исполнителя становятся первичные документы, подтверждающие факт выполнения работ и их объем.

На примере конкретного дела о признании недействительной сделкой платежей автором настоящей работы показывается проблема доказывания объема выполненных исполнителем работ при отсутствии определенности такого объема в актах приема - передачи и в спецификациях к договору [1].

Размытые формулировки в договоре и в акте приема-передачи заставили конкурсного управляющего усомниться в реальности взаимоотношений должника и исполнителя работ. Поэтому на протяжении всего процесса рассмотрения дела исполнитель – ответчик был вынужден опровергать утверждения конкурсного управляющего об отсутствии реальности взаимоотношений с должником.

Так, между ответчиком и должником был заключен договор на выполнение работ, предметом договора явилось выполнение монтажных, электромонтажных и сварочных работ.

Факт выполнения работ Ответчик подтверждал актами сдачи-приемки выполненных работ, подписанными обеими сторонами договора, а также актом сверки взаимных расчетов за период январь 2023-март 2024 года. В таблице 1 показаны виды выполненных ответчиком работ.

Таблица 1 - Виды, выполненных Ответчиком работ по актам сдачи-приемки выполненных работ [1]

Период	Выполняемые работы	Акты сдачи-приемки выполненных работ
декабрь 2022 - февраль 2023	Монтажные и сварочные работы. Объект: Красноярский край, Нижнеингашский район, д. Локатуй	Акт №1 от 15.01.2023; Акт №2 от 24.01.2023; Акт №5 от 31.01.2023; Акт №9 от 14.02.2023; Акт №10 от 22.02.2023
март-май 2023	Монтажные и сварочные работы. Объект: Тойлукский угольный разрез- Красноярский край, гор. Минусинск, пос. Зеленый бор	Акт №12 от 14.03.2023; Акт №13 от 15.03.2023; Акт №14 от 25.03.2023; Акт №23 от 28.03.2023; Акт №15 от 31.03.2023
июль-сентябрь 2023	Монтажные и сварочные работы. Объект: территория ТСН СНТ «Гринбург», Красноярский край, Емельяновский район, ул. Солнечная, ул. Лесная, ул. Сосновая	Акт №30/9 от 11.12.2023
сентябрь 2023- январь 2024	Монтажные и сварочные работы (возведение и обустройство площадки. Объект: Богучанский район, Чунское лесничество, Такучетское участковое лесничество, квартал 117,118 Богучанский район, Чунское лесничество, Такучетское участковое лесничество, квартал 165-169	Акт №30/9 от 11.12.2023; Акт №39 от 29.12.2023

Конкурсный управляющий из анализа актов сдачи-приемки выполненных ответчиком работ не мог установить объем фактически выполненных работ.

Ответчик в качестве подтверждения конкретных объемов выполненных работ представил спецификации к Договору подряда, а также прайс-лист на сварочные и монтажные работы (с предполагаемым перечнем видов, выполняемых работ).

Так, согласно Спецификациям №2 от 20.12.2022; №3 от 14.03.2023; № 4 от 10.07.2023; №5 от 01.09.2023 к Договору подряда № б/н от 01.01.2022 сторонами договора были согласованы цены на сварочные и монтажные работы из расчета часа работы исполнителя (подрядчика).

Таблица 2 - Цены на выполняемые работы по Договору подряда № б/н от 01.01.2022 [1]

№/№	Дата и номер спецификации	Период действия согласованной цены договора	Вид работы	Цена за час.
1.	Спецификации №2 от 20.12.2022	20.12.2022-22.02.2023	Сварочные работы (аргоновая сварка)	2 400 руб.
			Сварочные и монтажные работы	1 700 руб.
2.	Спецификации №3 от 14.03.2023	14.03.2023-31.03.2023	Сварочные работы (аргоновая сварка)	2 400 руб.
			Сварочные и монтажные работы	2 200 руб.
3.	Спецификации №4 от 10.07.2023	10.07.2023-30.09.2023	Сварочные работы (аргоновая сварка)	2 400 руб.
			Сварочные и монтажные работы	2 300 руб.
4.	Спецификации №5 от 01.09.2023	01.09.2023-31.01.2024	Сварочные работы (аргоновая сварка)	2 400 руб.
			Сварочные и монтажные работы	2 000 руб.

Помимо всего прочего, для объективной оценки судом объема выполненных работ Ответчик перевел почасовые трудозатраты в конечный результат. Так, Ответчик произвел перерасчет трудозатрат в измеримые физические показатели, а именно: в погонные метры, (сантиметры, штуки) выполненных работ.

Одновременно с этим, для подтверждения рыночной обоснованности примененных расценок и опровержения доводов о возможной несоразмерности оплаты, Ответчиком был представлен в материалы дела анализ открытых источников (коммерческих предложений, прайс-листов), наглядно демонстрирующий среднерыночную стоимость аналогичных работ при сдельной системе оплаты в спорный период.

Пример расчета стоимости объема работ (сварки и монтажа отопительной магистрали) по одному из подписанных сторонами договора акту сдачи-приемки выполненных работ:

Магистраль 24 метра, для монтажа и сварки отопительной магистрали использовались трубы длиной 50 см., диаметром 5 см.

Отсюда, $2\,400 \text{ см. (24 м.)} / 50 \text{ см.} = 48$ штук труб, следовательно, необходимо выполнить 48 швов сварки, а для усиления сварки требовалась сварка с двух сторон трубы.

Площадь сварки одного сечения трубы, исходя из диаметра, составляет 5 см.

Для расчета окружности трубы диаметр трубы 5 см X ПИ (число), где ПИ = 3,14
 $5 \text{ см} \times 3,14 = 15,7 \text{ см.}$ длина сварочного шва.

В связи с проходом сварки с двух сторон $15,7 \times 2 = 31,4 \text{ см.}$

$31,4 \text{ см.} \times 48 \text{ швов} = 1507,2 \text{ см.}$

Стоимость одного см. шва сварки равна 60 руб.

$1507,2 \times 60 \text{ руб.} = 90\,432 \text{ руб.}$

При условии, если исходить из измеримых единиц - в метрах выполненных сварочных и монтажных работ, то стоимость работ Ответчика по сварке и монтажу отопительной магистрали должна была быть 2 081 832 руб. (1 190 400 руб.+801 000 руб.+90 432 руб.). Вместе с тем, должник выплатил Ответчику по акту сумму в размере 1 728 750 руб. [1].

Таким образом, данный пример наглядно иллюстрирует риски, связанные с ненадлежащим документальным оформлением результатов работ, и показывает, что формальные недостатки первичной учетной документации могут существенно затруднить защиту прав исполнителя в судебном порядке.

Отсюда указанная практическая ситуация наводит автора настоящей статьи на мысль о том, что, несмотря на предоставленную сторонам гражданских правоотношений свободу договора, именно надлежащее документальное оформление принятых сторонами на себя обязательств и результатов их исполнения выступает тем самым необходимым условием, которое позволяет реализовать преимущества такой свободы на практике.

Список литературы

1. Дело № А33-5239-23/2024 // <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения 23.03.2026).

УДК 343.98

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: ПОТЕНЦИАЛ, РИСКИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ И ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ ЭПОХИ DEEPFAKE

Ерахтина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
345nn@mail.ru

Аннотация. Статья рассматривает двойственную роль искусственного интеллекта в криминалистическом анализе цифровых доказательств: как средства усиления доказательственного процесса и как инструмента фальсификации. Анализируются современные подходы к применению ИИ для исследования аудио-, видео-, графических материалов, сетевых журналов и данных устройств, включая специализированные детекторы deepfake и методы выявления аномалий. Показано, что развитие генеративных моделей позволяет создавать высокореалистичные поддельные цифровые следы и реализовывать атаки типа data poisoning на криминалистические ИИ-системы. Отмечается влияние феномена «дивиденда лжеца», когда сама возможность deepfake используется для дискредитации подлинных доказательств. Систематизируются криминалистические методы выявления фальсификаций и обеспечения целостности цифровых доказательств, опирающиеся на строгую цепочку сохранности и независимую экспертизу.

Ключевые слова: Искусственный интеллект; цифровые доказательства; цифровая криминалистика; deepfake-технологии; генеративные модели (GAN, диффузионные, трансформеры); фальсификация аудио- и видеодоказательств; data poisoning и атаки на ИИ-системы; аутентификация и целостность цифровых материалов; судебная оценка ИИ-сгенерированных доказательств

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE FORENSIC ANALYSIS OF DIGITAL EVIDENCE: POTENTIAL, RISKS OF FALSIFICATION, AND LEGAL CHALLENGES OF THE DEEPFAKE ERA

Erakhtina Elena Alexandrovna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
345nn@mail.ru

Abstract. This article examines the dual role of artificial intelligence in the forensic analysis of digital evidence: serving both as a means to enhance the evidentiary process and as a tool for falsification. It analyzes contemporary approaches to applying AI for the examination of audio, video, and graphic materials, as well as network logs and device data—including specialized deepfake detectors and anomaly detection methods. The study demonstrates that the advancement of generative models enables the creation of highly realistic forged digital traces and facilitates "data poisoning" attacks against forensic AI systems. Particular attention is drawn to the impact of the "liar's dividend" phenomenon, wherein the mere possibility of deepfakes is exploited to discredit authentic evidence. Finally, the article systematizes forensic methods for detecting falsifications and ensuring the integrity of digital evidence, emphasizing the reliance on a rigorous chain of custody and independent expert analysis.

Keywords: Artificial Intelligence; Digital Evidence; Digital Forensics; Deepfake Technologies; Generative Models (GANs, Diffusion Models, Transformers); Falsification of Audio and Video Evidence; Data Poisoning and Attacks on AI Systems; Authentication and Integrity of Digital Materials; Forensic Assessment of AI-Generated Evidence

За последнее десятилетие цифровые следы стали ключевым источником доказательственной информации в уголовном судопроизводстве: от сетевых журналов и данных мобильных устройств до аудио- и видеозаписей, скриншотов переписки и артефактов облачных сервисов, именно цифровые доказательства во многих случаях определяют исход дела и позицию суда по фактическим обстоятельствам. Их доказательная сила напрямую зависит от соблюдения принципов целостности, прослеживаемости и воспроизводимости экспертного анализа; любые сомнения в неизменности данных подрывают доверие к результатам расследования. На этом фоне стремительный прогресс генеративного искусственного интеллекта и deepfake-технологий радикально усложняет задачу различения подлинного и поддельного контента: если ранее фальсификация требовала значительных технических ресурсов и оставляла заметные артефакты, то современные генеративные модели обеспечивают масштабируемое и труднозаметное искажение аудио-, фото- и видеоматериалов.

Особую тревогу вызывает не только рост числа реальных атак и попыток подделки цифровых доказательств, но и феномен «дивиденда лжеца» (liar's dividend) [1], когда сама известность deepfake-технологий позволяет участникам процесса объявлять подлинные материалы фейком, апеллируя к возможности их манипуляции. В результате суды и органы расследования вынуждены уделять всё больше внимания вопросам аутентификации, методикам цифровой криминалистики и процессуальным механизмам распределения бремени доказывания при оспаривании электронных доказательств.

В современной доктрине под цифровыми доказательствами обычно понимают любую информацию, имеющую значение для дела и зафиксированную в форме электронных данных – от файлов и записей в базах данных до сетевых логов, журналов событий, содержимого мессенджеров и облачных сервисов. Их специфика состоит в высокой зависимости от технических условий существования, копирования и передачи: доказательная ценность таких материалов определяется не только содержанием, но и соблюдением цепочки сохранности, обеспечением неизменности исходного экземпляра и возможностью воспроизведения результатов анализа независимым специалистом.

Искусственный интеллект в контексте цифровой криминалистики охватывает несколько классов технологий. К традиционному машинному обучению относятся методы классификации и кластеризации, применяемые, например, для анализа сетевого трафика, выявления аномалий в логах и автоматического распределения артефактов по релевантным категориям.

Глубокие нейронные сети, включая сверточные (Convolutional Neural Networks, CNN) и рекуррентные архитектуры (Recurrent Neural Networks, RNN), используются для распознавания лиц, голоса, текстов, а также для детектирования сложных паттернов в больших массивах цифровых следов. Установлено, что генеративные модели (GAN) трансформаторные и диффузионные сети лежат в основе дипфейков. Указанные выше технологии лежат и в основе обучения современных средств выявления фальсификаций.

Помощь ИИ в работе криминалиста сегодня – это анализ огромных объёмов информации, верификация записей голоса, особенно если в распоряжении у следствия имеются записи с плохой чёткостью и помехами, сокращает время лингвистического анализа речи, особенно иностранной, определяет автора не только по написанному им тексту, но и по употреблению в тексте эмодзи и иных графических символов.

Более того, основным преимуществом ИИ остаётся быстрота и глубина проработки запросов. У экспертов-криминалистов на многие задачи сейчас уходят месяцы работы, а ИИ обрабатывает данные за часы. Кроме того, человек в своём исследовании может и не коснуться нетипичного поведения, а ИИ заметив в этом новую схему совершённого преступления в силу того, что ИИ анализирует сразу несколько слоёв (аудиофайл, метаданные, видеофайлы), сравнивая их с друг другом и с записями того же лица в другое время. Ряд сервисов зарубежных компаний уже готовит отчёты по установленной форме для

следствия и суда.

Однако эксперты в нашей стране настроены весьма скептически и предупреждают, что данные модели можно так же хорошо научить делать фальсификации, создавать весьма реалистичное фото, видео- и аудио событий, которые не имели место в действительности, и если не создавать с нуля, то немного подправить, убрать фразы, которые были сказаны, или наоборот добавить несуществующие реплики, встраивая всё это в цепочку доказательств, которые формально будут выглядеть нетронутыми.

Вместе с тем, серьёзные опасения вызывают в свою очередь data poisoning, именно намеренное введение в заблуждение обучающиеся ИИ системы, такое сейчас произошло в медицине. Генерация ИИ моделями, находящимися в заблуждении поддельных документов и переписки, которые будут неотличимы от настоящих и верифицировать которые будет крайне сложно. Это приведёт следствие к ошибкам, разрушающим всё расследование.

Для криминалистики это означает необходимость перехода от анализа отдельных артефактов к оценке целостных цифровых экосистем и корреляции с внешними, менее подверженными фальсификации источниками (биллинг, данные операторов связи, геолокация).

На уровне судебного процесса влияние deepfake-технологий проявляется не только в риске принятия поддельных материалов, но и в усилении «дивиденда лжеца» [3, 4]. Научно-практические обзоры и аналитика судебных ассоциаций подчёркивают, что знание о существовании высокореалистичных подделок делает судей и присяжных более скептическими даже в отношении традиционно надёжных видов доказательств, что стимулирует стороны заявлять о возможной фальсификации практически любого цифрового материала. В зарубежной практике уже фиксируются случаи, когда deepfake-контент пытались представить как подлинное доказательство, а также ситуации, когда участники процесса ссылались на гипотетическую возможность дипфейка для дискредитации реальных записей.

В ответ на новые угрозы цифровая криминалистика усиливает акцент на классических принципах обращения с электронными доказательствами. Ключевым остаётся приоритет сохранения оригинала, создание форензик-копий с использованием проверенных инструментов, обеспечивающих побитовую идентичность, детальная фиксация всех операций с носителями и данными на каждом этапе цепочки сохранности, а также документирование программно-аппаратной среды, в которой проводился анализ.

Соблюдение указанных правил является основой для верификации предоставленных материалов. Технические меры выявления фальсифицированных доказательств развиваются в нескольких параллельных направлениях. Классика – это анализ структуры самого файла, проверка времени и даты создания, сопоставление всех технических с внешними данными, поиск любых несоответствий (шум, частота кадров, сжатие, освещение), все эти составляющие структуры невозможно воспроизвести при фальсификации. Производится также сопоставление с иными источниками: видеонаблюдение, сетевые логи, данные мобильных операторов.

Важно отметить, что ИИ-детекторы дипфейков необходимо постоянно обновлять и проверять на свежих данных, из-за их ограниченной надёжности. В борьбе с намеренным искажением данных сегодня специалистами предлагаются многоуровневые проверки источников данных. Практические руководства и аналитика подчёркивают важность независимых экспертиз при оценке спорных цифровых доказательств, особенно в делах, где заявляется о deepfake-фальсификации или манипуляции ИИ-инструментами. Наличие двух и более независимых заключений, выполненных с использованием различных методик и инструментов, снижает риск систематических ошибок, вызванных ограничениями конкретной технологии, и повышает доверие суда к результатам. Вместе с тем отсутствие единых стандартов сертификации и оценки ИИ-детекторов делает выводы экспертов потенциально уязвимыми для критики, что напрямую связано с обсуждаемыми в правовой

науке вопросами допустимости и надёжности таких доказательств.

В сфере доказательственного права ключевой вызов, связанный с ИИ и deepfake, состоит в адаптации традиционных правил аутентификации и допустимости к реалиям, где цифровые материалы могут быть как высокореалистично подделаны, так и подвергнуты сложной обработке с использованием алгоритмов «чёрного ящика». В американском контексте обсуждение сосредоточено вокруг модификации правил аутентификации цифровых доказательств (FRE 901) и применения стандартов допустимости экспертных заключений и научных методов (FRE 702) к ИИ-генерируемым и ИИ-обработанным материалам [5]. Предлагаемые поправки предусматривают, в частности, специальные положения для потенциально поддельных или изменённых электронных доказательств, а также введение порогового требования к стороне, оспаривающей подлинность, предъявить достаточные основания для начала судебного расследования возможной генеративной фальсификации.

В ряде инициатив предлагается *burden-shifting*-механизм: если сторона, оспаривающая цифровое доказательство, представит убедимые аргументы или предварительное экспертное заключение о возможной генерации или модификации материала ИИ, бремя доказывания подлинности переходит к стороне, представляющей доказательство, которая должна показать, что оно более вероятно подлинно, чем нет. Такая модель призвана избежать ситуаций, когда любое цифровое доказательство блокируется голословным заявлением о возможном дипфейке, и одновременно защитить процесс от необнаруженных подделок.

На международном уровне и в доктринальных предложениях всё чаще обсуждаются требования обязательного раскрытия факта использования ИИ при создании, модификации или анализе доказательств. Презюмируется, что сторона, представившая материал обязана объяснить сторонам в деле и суду какие программы ею использовались, в процессе обработки представленных суду документов, какие настройки применялись для обработки предоставленных суду исходных данных. Смысл этой идеи заключается в том, что данные требования помогают оценить суду достоверность результата. Вместе с тем сегодня необходимо ужесточить требования к проверке подлинности аудио- и видеозаписей, а именно контроль цепочки хранения доказательств у эксперта должен быть усилен.

Очевидно, что решения требуют этические вопросы применения ИИ в расследованиях. Нам необходимо понимать, как работают алгоритмы ИИ, как избежать предвзятости, а она может возникнуть, как оспаривать выводы ИИ при производстве им экспертных исследований, если алгоритм для нас «чёрный ящик» может он приводить к несправедливым выводам, особенно если ИИ сам проводит верификацию цифровых следов?

Возникает требование к раскрытию методологии ИИ-анализа, по крайней мере в той части, которая необходима для понимания причин выводов и их проверки независимым экспертом.

В российской и зарубежной доктрине обсуждается квалификация создания и распространения deepfake-доказательств в рамках существующих составов преступлений, связанных с фальсификацией доказательств, воспрепятствованием правосудию, клеветой и нарушением неприкосновенности частной жизни. При этом признаётся, что специфика ИИ-подделок – высокий уровень правдоподобия, масштабируемость и возможность массового распространения – может потребовать специальных норм, учитывающих общественную опасность использования таких технологий в уголовном процессе. Вместе с тем, по состоянию на 2025–2026 гг. регулирование остаётся фрагментарным: отдельные юрисдикции принимают специальные законы о deepfake-контенте (преимущественно в контексте защиты частной жизни и избирательного процесса), но целостные режимы для ИИ-генерируемых доказательств пока находятся на стадии обсуждения.

Анализ современных тенденций позволяет обозначить несколько ключевых направлений развития методик цифровой криминалистики и правового регулирования в эпоху deepfake. Во-первых, требуется институционализация технических стандартов и

методических рекомендаций по применению ИИ в цифровой криминалистике, охватывающих требования к обучающим данным, процедурам валидации, документированию и воспроизводимости результатов. Указанные стандарты обязательно должны включать в себя требования о сохранении исходных программ и данных, используемые при анализе уголовного дела.

Во-вторых, сегодня необходимо говорить о системе сертификации ИИ-инструментов, которые используются в криминалистике и судебной экспертизе. Сертификация должна включать в себя систему оценки и проверки ИИ-инструментов по определённым критериям. Наличие таких механизмов усилило бы доверие судов к результатам ИИ-анализа и одновременно создало бы стимулы для разработчиков повышать качество и открытость своих решений.

В-третьих, хотя конкретные модели законодательного регулирования deepfake-доказательств различаются между юрисдикциями, общий тренд состоит в сочетании трёх элементов: специальных правил аутентификации, перераспределения бремени доказывания при заявлениях о ИИ-фальсификации и обязательства раскрывать факт применения ИИ. Представляется целесообразным формулировать процессуальные нормы, которые, с одной стороны, не допускали бы злоупотреблений, когда любое цифровое доказательство объявляется потенциальным дипфейком без серьёзных оснований, а с другой – обеспечивали бы эффективный механизм проверки и опровержения материалов, относительно которых имеются разумные сомнения.

Наконец, интеграция ИИ в повседневную криминалистическую практику невозможна без систематического повышения компетенций следователей, прокуроров, судей и экспертов. Обучающие программы должны охватывать как базовые принципы работы ИИ и его ограничения, так и специфические вопросы обращения с ИИ-генерируемыми и ИИ-обработанными доказательствами, включая понимание рисков deepfake, data poisoning и иных форм цифровых манипуляций. Представляется, что только совместная работа специалистов в области цифровой криминалистики и юристов, обладающих специальными цифровыми компетенциями, является основой для выработки надёжных в правовом отношении подходов и методов применения ИИ в расследовании преступлений. Только тандем позволит найти необходимый баланс между эффективностью расследования и правовой защитой участников процесса.

С учётом всего изложенного, расследование преступлений с применением ИИ – это палка о двух концах. С одной стороны, с помощью ИИ, лицо проводящее следствие имеет возможность обрабатывать в короткий срок с огромной экономией времени и ресурсов существенный объём данных, при этом быстро в течение короткого времени найти скрытые человеческому когнитивному восприятию закономерности и разные аномалии, более точно проверить подлинность цифровых данных. Это облегчает сам процесс расследования, экономит трудовые ресурсы и позволяет собрать по делу крепкую доказательственную базу. С другой стороны, технологии ИИ в свою очередь помогают и преступнику, они позволяют ему сфальсифицировать доказательства: от реалистичных дипфейк-видео и аудио до создания полностью фальсифицированных цифровых следов, подрывая тем самым доверие к цифровым доказательствам и усложняет в дальнейшем их правовую оценку в судебных инстанциях.

В этих условиях задача криминалистики и доказательственного права состоит не в отказе от ИИ, а в выработке комплексного ответа, сочетающего развитие технических методик детектирования фальсификаций, формирование стандартов и сертификации ИИ-инструментов, адаптацию процессуальных правил к специфике ИИ-генерируемых и ИИ-обработанных доказательств, а также повышение цифровой компетентности правоохранительных органов и судов. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка объяснимых и устойчивых к атакам ИИ-методов аутентификации цифровых материалов, создание межнациональных стандартов обращения с

deepfake-доказательствами и формирование согласованной доктрины ответственности за их создание и использование в уголовном процессе.

Эпоха deepfake требует от цифровой криминалистики и правового регулирования гибкости и готовности к постоянной адаптации: по мере усложнения генеративного контента и атак на ИИ-системы именно междисциплинарное взаимодействие специалистов по ИИ, экспертов-криминалистов и юристов будет определять способность правосудия сохранять доверие общества к цифровым доказательствам и обеспечивать справедливое разрешение дел в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Barnaby, N. AI's Lurking Danger: Deepfakes and the Liar's Dividend / N. Barnaby // University of St. Thomas Law Journal Blog. – 2025.
2. Hartle, F. III. Data Poisoning 2018–2025: A Systematic Review of Risks, Impacts, and Mitigation Challenges / F. Hartle III, S. Mancini, E. Kerry // Issues in Information Systems. – 2025. – Vol. 25, Issue 4. – P. 433–442.
3. Chesney, R. M. Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security / R. M. Chesney, D. K. Citron // California Law Review. – 2019. – Vol. 107, № 6. – P. 1753–1819.
4. Livingston, C. Deepfakes in the Courtroom: Challenges in Authenticating Evidence and Jury Evaluation / C. Livingston // University of Baltimore Law Review. – 2025.
5. Data Poisoning in Digital Forensics: a Growing Threat to Evidence's Integrity // Scienze Forensi. – 2025. – 12 мая.

УДК 343.1

«СЫВОРОТКИ ПРАВДЫ» – ОТ ПСИХОАКТИВНЫХ НАРКОТИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ ДО НЕЙРОТЕХНОЛОГИЙ

Курбатова Светлана Михайловна, доктор юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
Красноярский государственный медицинский университет, Красноярск, Россия
ksm-2024@mail.ru

Аннотация. Целью является анализ развития такого феномена, предложенного к применению для получения правдивых показаний, как «сыворотка правды»: от истории появления до современности. Подчеркнуто отрицательное воздействие на здоровье человека изначально предлагаемых к использованию для этого медицинских препаратов; поддержан отказ государств от их дальнейшего применения. Приведены результаты современных исследований воздействия на отдельные сферы человеческого мозга с помощью новых технологий, которые действуют по аналогии медикаментозных препаратов. Данный вопрос рассмотрен в контексте необходимости обеспечения прав человека.

Ключевые слова: показания, уголовное судопроизводство, вербальные показания, «сыворотка правды», нейротехнологии, права человека

"TRUE SERUM" – FROM PSYCHOACTIVE DRUGS O NEUROTECHNOLOGY

Kurbatova Svetlana Mikhailovna, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, , Russia
Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk, Russia
ksm-2024@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to analyze the development of the phenomenon of "truth serum," which was proposed for use in obtaining truthful testimonies, from its historical origins to the present day. The article highlights the negative impact of the initially proposed medical drugs on human health and supports the decision of states to prohibit their further use. The article also presents the results of modern research on the effects of new technologies on specific areas of the human brain, which are similar to the effects of medical drugs. The article discusses this issue in the context of the need to protect human rights.

Keywords: testimony, criminal proceedings, verbal testimony, truth serum, neurotechnology, human rights

Стремление к получению правдивых показаний от допрашиваемых лиц, которое существует на протяжении тысячелетий [1], обуславливало появление все новых и новых способов и средств для этого: от простейших, таких, как пытки, до основанных на понимании физиологических особенностей человеческого организма. В числе последних – мнение, что когда человек лжет, у него пересыхает во рту, породившее такие способы проверки на неправду, как помещение сухого риса в рот допрашиваемого (в Древнем Китае) или необходимость съесть тому за время допроса кусок черствого хлеба с сыром (в Средневековой Европе); либо что у лжеца учащается пульс, поэтому он измерялся в процессе допроса (Древняя Азия); либо что у того дрожат пальцы и они помещались в емкость с водой, где появление ряби на водной поверхности рассматривалось как проявление реакции на ложь (в ряде племенах индейцев Северной Америки) и др. [2]

С развитием научных познаний о человеке и появлением все новых технологий разрабатывались новые способы, направленные на получение правдивых показаний.

Так, науки о теле человека вообще и о человеческом мозге, в частности, способствовали появлению в начале XX в. абсолютно нового подхода для достижения данной цели – использование медицинских препаратов, суть которых сводилась к воздействию организм по аналогии с алкоголем: вызывая желание общаться, подавляя сопротивляемость к внешним факторам, создавая общее «ненапряжное» состояние, при котором попытки напрячься для чего бы то ни было, включая придумать и озвучить ложь, были бы минимальны, а то и отсутствовали вовсе.

Данный способ был предложен в США, в 1922 г. Робертом Эрнестом Хаузом, врачом-акушером, который в рамках осуществления своей непосредственно профессиональной деятельности обратил внимание, что ряд наркотических препаратов, разрешенных медициной для облегчения болей роженицам, также еще и побуждал тех к общению, причем, по большей степени правдивому. Последнее побудило его к внесению предложения властям применять данные препараты к подозреваемым, обвиняемым для получения от них правдивых показаний. Первый же экспериментальный опыт был положительным: таким способом были допрошены два человека, обвиняемых в преступлении, которые отрицали свою причастность к преступлению, хотя улики, собранные стороной обвинения, свидетельствовали об обратном. В ходе судебного разбирательства была установлена невиновность обоих лиц. Тем самым прецедент был положен и данный метод допроса стал перениматься и изучаться и другими странами, однако наибольшее внимание он получил именно в США, где наиболее активно этот вопрос прорабатывал сам Р.Э. Хауз. Он проводил эксперименты, подбирая оптимальные дозировки препаратов и периодичность инъекций, и пришёл к заключению, что при соблюдении необходимых условий его метод эффективен. Что касается самих препаратов, то все они были психоактивными веществами, обладавшими определенными характеристиками наркотических средств. В их числе: скополамин, барбитураты, амитал натрия и некоторые другие [3].

Исходя из самой сути такого воздействия препаратов на человека, в дальнейшем появилось такое их название, как «сыворотка правды» (truth serum), хотя точно неизвестно, кто впервые употребил данный термин. При том, что такое название как «сыворотка правды» не имеет отношения к медицинскому термину «сыворотка», которая представляет собой жидкую часть крови без элементов, ответственных за её свёртывание. Также как нет и конкретного «правдивого вещества» – есть именно что ряд различных веществ, общность которых выражается в их свойстве воздействовать на определённые центры мозга, понижая активность в одних сферах и повышая ее в других. Тогда как сам метод получения правдивых показаний с помощью определённых химических элементов, получил научное название «наркоанализ» [4].

Тем не менее исследования, проведенные разными учеными в разных странах, в целом свидетельствовали о неоднозначности использования данного метода, так как каждый человек индивидуален и имеет свои особенности, поэтому степень воздействия на него данной группы препаратов будет варьироваться от слабой до сильно выраженной, но и в последнем случае не факт, что результатом станет именно правдивая речь, а не просто желание пообщаться. Кроме того, с развитием идей гуманизма после окончания Второй мировой войны на первое место в мире вышла концепция прав человека, нашедшая свое отражение, прежде всего, во Всеобщей декларации ООН прав человека 1948 г., а затем и в других правовых актах международного уровня. Тем самым подобного рода манипуляции стали расцениваться как эксперименты и опыты над людьми и даже как разновидность пыток, поэтому начали восприниматься большинством исследователей как нарушающие права человека.

Однако ситуация стала меняться после трагедии 11 сентября 2001 года в США, после которой ряд государств, во главе с США, стали выстраивать жесткую политику относительно терроризма и террористов, допуская в отношении последних отступления от правил, мотивируя постулатом «цель оправдывает средства», когда ради спасения жизней

обычных граждан вроде как можно попать права лиц, подозреваемых или обвиняемых в подготовке или в совершении террористических действий. Со временем подобный подход стал распространяться и на серийных убийц. Подобного рода примеры использования наркоанализа в XXI в. есть в США [5], в Индии [6], Израиле [7] и некоторых других странах.

Более того, в настоящее время «сыворотка правды» выходит на новый уровень. Учитывая суть механизма ее действия, отмеченную выше, а также уровень развития современных технологий, можно говорить о новом поколении данного метода, но основанного уже не на медицинских препаратах, а на импульсном воздействии на человеческий мозг, в частности, речь о транскраниальной магнитной стимуляции (TMS) мозга, способной стимулировать или подавлять активность в отдельных его частях, получая тот самый эффект, но большей степени результативности, чем медикаментозное воздействие. Испытуемые при этом ничего не ощущают, однако их поведение несколько меняется, в зависимости от того, какая область подверглась воздействию переменного магнитного поля. В 2011 г. в Эстонии были проведены эксперименты по увеличению таким образом склонности лица говорить правду, которые прошли с получением положительного результата [8].

Безусловно, подобный интерес к «сыворотке правды» (а в ряде стран, по сути, и тревожная тенденция начала возвращения к практике ее применения) неоднозначен. Это порождает целый ряд вопросов, касающихся применения подобных мер, от этического до правового характера, где главным можно выделить такой: насколько цель оправдывает средства? Казалось бы, ответ очевиден. Однако сложившаяся к настоящему времени геополитическая ситуация в мире, всё большее падение значимости международного права, пошатнувшаяся система прав человека, стремление государств преодолевать любыми способами угрозы, влияющие на национальную стабильность и безопасность, а также и иные обстоятельства делают этот ответ неоднозначным и непредсказуемым.

Список литературы

1. Бертовский, Л. В. Искусство допроса / Л. В. Бертовский. – Москва: «Проспект», 2025. – 320 с.
2. Ford E. B. Lie detection: Historical, neuropsychiatric and legal dimensions, International Journal of Law and Psychiatry, 2006, issue 29, pp. 159–177.
3. Zonta M. Drugs of "Truth" in Interrogations, 11.12.2020 [Электронный ресурс] <https://bathtubbulletin.com/truth-drugs-in-interrogation/> (дата обращения: 16.03.2026).
4. Хомякова, А. В. Наркоанализ как нетрадиционный метод расследования преступлений / А. В. Хомякова, А. В. Бычкова // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 25 декабря 2015 года / Ответственный редактор: Сукиасян Асатур Альбертович. Том 4. – Уфа: ООО "Аэтерна", 2015. – С. 102-105.
5. Judge approves use of 'truth serum' on accused Aurora shooter James Holmes [Электронный ресурс] <https://www.theguardian.com/world/2013/mar/12/judge-approves-truth-serum-james-holmes> (дата обращения: 16.03.2026).
6. РИА Новости: «Сыворотка правды». Справка [Электронный ресурс] <https://ria.ru/20081204/156461331.html> (дата обращения; 20.01.2026).
7. Лента.ру: Израильский суд впервые разрешил применить «сыворотку правды» [Электронный ресурс] <https://lenta.ru/news/2010/03/19/permit/> (дата обращения: 16.03.2026).
8. Сильное магнитное поле заставляет говорить правду [Электронный ресурс] https://zoom.cnews.ru/rnd/news/line/silnoe_magnitnoe_pole_zastavlyaet_govorit_pravdu (дата обращения: 16.03.2026).

УДК 347

ЭМОДЗИ КАК СПОСОБ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ СУБЪЕКТА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Летягина Екатерина Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
let_k@mail.ru

Аннотация. В данном исследовании исследованы вопросы правовой регламентации использования эмодзи в качестве доказательства волеизъявления субъекта гражданско-правовых отношений. Автор отмечает, что на текущий момент, наблюдается масштабная трансформация гражданско-правовых отношений и процедур их обеспечивающих, что неизбежно приводит к необходимости пересмотра и модернизации действующих правовых предписаний. При этом требуется обобщение судебной и иной правоприменительной практики для упорядочения и формирования единой позиции судебных и иных правоприменительных органов относительно электронно-цифровых способов фиксации волеизъявления в сделках. Относительно правовой оценки эмодзи в качестве доказательства определенного волеизъявления субъекта в суде, необходимым учитывать, как общепринятое непосредственное содержательное значение эмодзи, так и весь объем различных сообщений контрагентов, которыми они обменивались, их характер и содержание, общий контекст общения, а также необходимо сопоставлять весь текст переписки, включая использованные эмодзи, с «контрольным текстом», оценивая как понял бы такую переписку и эмодзи обычный разумный индивид, не заинтересованный в определенном исходе дела.

Ключевые слова: гражданские правоотношения, сделки, договора, электронные мессенджеры, эмодзи, текстовые сообщения, волеизъявление сторон, правовое регулирование электронно-цифрового взаимодействия

EMOJI AS A WAY OF CONFIRMING THE EXPRESSION OF WILL OF A SUBJECT IN CIVIL LAW RELATIONS

Letyagina Ekaterina Alexandrovna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
let_k@mail.ru

Abstract: This study examines the legal regulation of the use of emoji as evidence of the intent of a subject in civil law relations. The author notes that currently, a large-scale transformation of civil law relations and the procedures supporting them is underway, which inevitably necessitates the revision and modernization of existing legal provisions. At the same time, a review of judicial and other law enforcement practice is required to streamline and develop a unified position among judicial and other law enforcement agencies regarding electronic digital methods of recording intent in transactions. With regard to the legal assessment of emoji as evidence of a specific expression of will by a subject in court, it is necessary to take into account both the generally accepted direct substantive meaning of emoji, and the entire volume of various messages between the parties that they exchanged, their nature and content, the general context of the communication, and it is also necessary to compare the entire text of the correspondence, including the emoji used, with the "control text", assessing how an ordinary reasonable individual, not interested in a specific outcome of the case, would understand such correspondence and emoji.

Keywords: civil legal relations, transactions, contracts, electronic messengers, emoji, text messages, expression of will of the parties, legal regulation of electronic and digital interactions

С развитием электронно-цифровых технологий и активным их внедрением во все сферы жизнедеятельности общества, взаимодействие и предварительное общение участников в рамках разнообразных отношений все чаще осуществляется посредством мессенджеров. Такой способ обмена различными сведениями пришел и в гражданско-правовое пространство. В частности, посредством обмена сообщениями на таких ресурсах как WhatsApp, а теперь преимущественно Telegram, участники обсуждают нюансы различных действий, сделок, встреч, а с определенного времени посредством данного взаимодействия осуществляется и собственно подтверждение определенных существенных обстоятельств заключения самих сделок. Также отметим, что в процессе обмена сообщениями используются условные изобразительные средства, например, эмодзи, представляющие собой изображения различных объектов, предметов упрощенных изображений лица человека с различными эмоциями (самайлики). Такие изображения часто применяются и вместо слов. Например, используется символ жеста рук, обозначающий слово «ОК», перевод которого с английского означает «хорошо», «ладно». По смысловой нагрузке такое эмодзи приравнивается к согласию с определенными ситуациями и обстоятельствами соответствующим субъектом.

Судебная практика использования таких изображений на сегодняшний день имеет незначительный опыт, хотя на практике применение эмодзи в переписке контрагентов в мессенджерах встречается достаточно часто. Суды, однако, пока рассмотрели немного дел, в которых в качестве доказательств волеизъявления стороны делалась ссылка на эмодзи в мессенджере при переписке сторон. При этом даже эта небольшая практика диаметрально противоположна, неоднородна и не получила должной оценки высшими судебными инстанциями.

В этой связи представляется актуальным рассмотреть проблемы использования эмодзи в качестве объекта, заверяющего и выражающего определенное волеизъявление сторон при совершении гражданско-правовых сделок.

Отметим также и то, что интерес к данной теме исследования в последние годы достаточно высок. При этом, молодые ученые и исследователи значительно чаще интересуются ей в рамках своих работ. На наш взгляд научный интерес представляют следующие работы последних лет. Например, работы Кубляковой Д.М. об использовании стикеров и эмодзи при рассмотрении гражданских дел в суде [1], [2] Бабук А.В. об эмотиконах и эмодзи как объектах судебной авторовеческой экспертизы [3], Сельковой А.А. об эмодзи как доказательстве [4], Вигель Н.Л. об культурной Империя эмодзи [5], а также Ломаченко М.Н. об исследовании и оценке судами символов «эмодзи» как доказательств в гражданском судопроизводстве [6], Пузикова Р.В. об эмодзи в качестве доказательства в гражданском и арбитражном процессах [7], Хейгетовой С.Е. о проблемах толкования эмодзи в судебной практике [8], Хурцелер, М. о федеральных правилах в отношении эмодзи и предлагаемых принципах обращения с доказательствами в виде эмодзи в контексте судебного разбирательства [9], Гомозовой О.Ю. об юридических эмодзи как выражении воли сторон в сделке или недобросовестном поведении [10].

При этом отметим, что приведенные исследования не исчерпывают всей проблематики темы, поэтому наша статья позволит дополнить теоретическую базу работ по этому вопросу.

Приступая к исследованию правовой регламентации вопросов, связанных с использованием эмодзи гражданском правообороте в качестве доказательства определенного волеизъявления субъектов-участников соответствующих правоотношений, следует констатировать фактическое отсутствие каких-либо нормативных правовых предписаний, регулирующих эти вопросы.

Вместе с тем, фактические действия сторон в рамках сделок, очень часто подтверждаются в мессенджерах посредством эмодзи и других изображений стилистического характера, но они, преимущественно, все же пока не заменяют собой

традиционные юридические способы подтверждения волеизъявления сторон.

При возникновении спора между субъектами гражданских правоотношений в суд представляются различные доказательства возникновения соответствующей правовой связи между субъектами, среди которых электронная переписка в мессенджерах может быть представлена наравне с другими доказательствами. Однако, когда речь идет о текстовом сообщении, его трудно интерпретировать по-разному, хотя и это возможно. В свою очередь использование символа, либо какого-то стилистического изображения может нести значительную многозначность и пониматься сторонами сделки по-разному.

Именно эту позицию сформулировал Седьмой арбитражный апелляционный суд в своем Постановлении, обозначая, что направленные в ответ на сообщения подрядчика о выполнении работ символы «эмодзи» в виде четырех рукопожатий в контексте переписки могут быть интерпретированы различным образом, например, говорить о согласии с выполненным объемом работ, о прочтении сообщения о выполненных работах, о принятии информации к сведению и т.п. При этом суд подчеркнул, что направление названных символов в мессенджерах не может достоверно подтверждать принятие заказчиком выполненного объема работ и других обстоятельств сделки [11].

Таким образом, основная проблема символики типа эмодзи заключается в том, что их текстовое выражение может быть разнообразным, что не позволяет уяснить точный контекст применения в конкретном случае какой-либо из сторон сделки.

Отметим, что имеется хоть и единичная, но диаметрально противоположная позиция судебного органа. Это достаточно известное решение Арбитражного суда Краснодарского края 2026 г. [12]. Принимая решение, судебные органы пришли к заключению, что эмодзи «большой палец вверх» преимущественно интерпретируется как «хорошо», выражая позитивный настрой и согласие. Такое изображение было направлено в мессенджере на сообщение второго собеседника о цвете торгового киоска. Также суд подчеркнул, что оспаривающий решение субъект, настаивая на иной интерпретации этого эмодзи, другого подходящего и разумного понимания этого символа не указал, а в последовавшей после этого текстовой переписке не уточнил данное обстоятельство. На этом основании судебный орган пришел к выводу о том, что посредством эмодзи в электронно-цифровом мессенджере состоялось выражение воли стороны гражданско-правовой сделки.

Таким образом, большое значение имеют те обстоятельства и содержание сообщений, в ответ на которые отправляется эмодзи в рамках совершения юридически значимых гражданско-правовых действий.

Полагаем, что практика применения эмодзи в сфере гражданского правооборота продолжится, поскольку на сегодняшний день общение контрагентов, особенно при обсуждении вопросов по сделкам и их последующей реализации, в основном происходит в цифровом пространстве, так как это быстро и удобно. В действительности общение посредством электронно-цифровых платформ и сервисов значительно упрощает процесс взаимодействия, оперативно связывая контрагентов территориально значительно удаленных друг от друга. При таком общении стилизованные символы и знаки, в том числе и эмодзи, часто заменяют собой вербальное общение, позволяя емко и чаще всего однозначно выразить свое отношение к тому или иному обстоятельству.

Следовательно, эмодзи, если не сейчас, то в будущем, вне всяких сомнений будет иметь определенный правовой статус, и вполне вероятно, свидетельствовать о принятии оферты (об акцепте). Однако для этого законодатель должен разрешить ряд вопросов. В частности, необходимо определить правовой статус эмодзи, возможно потребуются установить четкие интерпретации наиболее распространенных символов, которые позволят контрагентам понимать их смысл, а значит при их использовании они должны будут учитывать эти моменты.

При этом, даже такие действия не смогут абсолютно унифицировать применение эмодзи, поскольку в каждом конкретном случае придется устанавливать, относилось ли оно

к последнему направленному перед ним сообщению, или ко всей переписке в целом, связано ли оно со спецификой субъекта, особенностями его восприятия информации, потребует уяснения общий контекст сообщения и переписки, в том числе и предполагало ли сообщение, на которое направлено эмодзи, однозначный ответ по типу «Да» или «Нет» и другие обстоятельства использования соответствующих символов.

Именно такие моменты следует понимать и учитывать, осуществляя гражданско-правовое взаимодействие при совершении тех или иных сделок и других юридически значимых действий.

Как один из способов предотвращения споров между контрагентами по сделкам может быть использовано установление в договоре положения о том, признают ли субъекты такого гражданского правоотношения юридическую силу электронно-цифровой переписки в мессенджерах, и ее последствия или такая переписка правового значения для сторон не имеет.

В заключении необходимо отметить, что на сегодняшний день, мы наблюдаем масштабную трансформацию гражданско-правовых отношений и процедур их обеспечивающих, что неизбежно приводит к необходимости пересмотра и модернизации действующих правовых предписаний. При этом требуется обобщение судебной и иной правоприменительной практики для упорядочения и формирования единой позиции судебных и иных правоприменительных органов относительно электронно-цифровых способов волеизъявления сторон.

Относительно правовой оценки эмодзи в качестве доказательства в суде, полагаем необходимым учитывать, как общепринятое непосредственное содержательное значение эмодзи, так и весь объем различных сообщений контрагентов, которыми они обменивались, их характер и содержание, общий контекст общения, а также необходимо сопоставлять весть текст переписки, включая использованные эмодзи, с «контрольным текстом», оценивая как понял бы такую переписку и эмодзи обычный разумный индивид, не заинтересованный в определенном исходе дела.

Список литературы

1. Кублякова, Д.М. Эмодзи и стикеры как доказательства при рассмотрении судами споров по гражданским делам / Д.М. Кублякова // «Garant Science Discussion Board on Legal, Accounting and Auditing». – 2023. – № 1. – Порядковый номер статьи 14.
2. Кублякова, Д.М. Эмодзи и стикеры как доказательства при рассмотрении судами споров по гражданским делам / Д.М. Кублякова // International & Domestic Law : Материалы XVII Ежегодной международной научной конференции по национальному и международному праву, Екатеринбург, 15–16 декабря 2022 года. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2023. – С. 938-942.
3. Бабук, А.В. Эмотиконы и эмодзи как объекты судебной авторовечедской экспертизы / А.В. Бабук // Прикладная лингвистика: наследие и современность : материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, 22–23 марта 2024 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2024. – С. 199-205.
4. Селькова, А.А. Эмодзи как доказательство: фантастика или реальность? / А.А. Селькова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 5. – С. 28-32.
5. Вигель, Н.Л. Культурная Империя эмодзи или плач от радости / Н.Л. Вигель // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2021. – № 1(116). – С. 54-58.
6. Ломаченко, М.Н. Исследование и оценка судами символов «эмодзи» как доказательств в гражданском судопроизводстве / М.Н. Ломаченко // Казанские юридические чтения : Сборник статей материалов Всероссийского научно-практического форума, посвященного 160-летию судебной реформы в России, Казань, 18–19 апреля 2024 года. – Казань: Отечество, 2024. – С. 153-157.

7. Пузиков, Р.В. Эмодзи в качестве доказательства в гражданском и арбитражном процессах / Р.В. Пузиков, А.Е. Свиридов // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 5(192). – С. 274-277.

8. Хейгетова, С.Е. Проблемы толкования эмодзи в судебной практике / С.Е. Хейгетова // Объекты гражданских прав. Стабилизация положения правообладателей и роль нотариата : Материалы IV научно-практической конференции с международным участием им. С.А. Зинченко, Ростов-на-Дону, 13 октября 2023 года. – Ростов-на-Дону: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2023. – С. 67-73.

9. Хурцелер, М. Федеральные правила в отношении эмодзи: предлагаемые принципы обращения с доказательствами в виде эмодзи в контексте судебного разбирательства / М. Хурцелер // Russian Journal of Economics and Law. – 2025. – Т. 19, № 1. – С. 175-201.

10. Гомозова, О.Ю. Юридический эмодзи: выражение воли сторон в сделке или недобросовестное поведение? / О.Ю. Гомозова // Реформирование правовой модели договорных и внедоговорных обязательств в эпоху создания национальной цифровой экосистемы : Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 16 мая 2024 года. – Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2024. – С. 41-43.

11. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 13.05.2024 №№ 07АП-1967/2024, А27-4962/2023 : [Электронный документ] // <https://1jur.ru/#/document/98/89676081/a41/?of=copy-423c75d4ed> (дата обращения 06.02.2026).

12. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 20 апреля 2023 г. по делу № А32-36944/2022: [Электронный документ] // <https://sudact.ru/arbitral/doc/MWk41Uxx4rLl/> (дата обращения 06.02.2026).

УДК 342.95

ХАРАКТЕРИСТИКА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Максуров Алексей Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент
Ярославский государственный университет, Ярославль, Россия
alex.maks.yarosl@gmail.com

Аннотация. В современных условиях закономерен рост интереса к информационной безопасности. Сама категория «информационная безопасность» является комплексной, в связи с чем ей присущи различные, в том числе, и правовые аспекты. В статье проведен анализ основных юридических характеристик информационной безопасности с точки зрения ее юридических свойств и элементов. Сделан вывод о том, что место информационной безопасности в правовой системе общества до сих пор не установлено, а понятийный аппарат указанной разновидности правообеспечительной деятельности должным образом не скоординирован. Автором предлагается установление содержания информационной безопасности в правовом аспекте на основе исследования ее основных юридических характеристик. В результате можно прийти к выводу о том, что деятельность по правовому обеспечению информационной безопасности является комплексной моделью правовой защиты с особыми объектами правовой охраны. Достижение необходимого уровня информационной безопасности всегда связано с государственно-властной деятельностью. При этом, состояние информационной защищенности выступает лишь средством беспрепятственной реализации субъективных прав и охраняемых законом интересов.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационная защита, координация, эффективность, правовая система, информационная система, информационный суверенитет

CHARACTERISTICS OF INFORMATION SECURITY: LEGAL ASPECTS

Maksurov Alexey Anatolyevich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia
alex.maks.yarosl@gmail.com

Abstract. In today's world, growing interest in information security is understandable. The category of "information security" itself is complex, and therefore has various aspects, including legal ones. This article analyzes the main legal characteristics of information security in terms of its legal properties and elements. It concludes that the place of information security in society's legal system remains unclear, and the conceptual framework for this type of law enforcement activity is not properly coordinated. The author proposes establishing the content of information security in the legal aspect based on a study of its main legal characteristics. This suggests that legal support for information security is a comprehensive model of legal protection with specific objects of legal protection. Achieving the necessary level of information security is always associated with government activity. At the same time, the state of information security serves only as a means of unimpeded realization of subjective rights and legally protected interests.

Keywords: information security, information protection, coordination, efficiency, legal system, information system, information sovereignty

Вопросы обеспечения информационной безопасности в последние годы становятся все более актуальными и значимыми. В юридической науке с ними все чаще связываются вопросы надлежащего функционирования механизма правового регулирования [1, с. 22], согласованного применения принципов права [2, с. 61], эффективности действия органов

власти [3, с. 91], обеспечения государственной безопасности в других областях и сферах общественной жизни, и, в первую очередь, экономической безопасности [4, с. 13], включая безопасность расчетов посредством цифровых активов [5, с. 21].

Вместе с тем, в юридической доктрине до последнего времени не установлено место информационной безопасности в правовой системе общества, юридические характеристики данной сложной социально-государственной категории, не сводимой к технологии информационной защиты.

В связи с указанным обстоятельством, цель данной статьи – определить правовые аспекты категории «информационная безопасность», что обеспечит, во-первых, направление дальнейших правовых исследований и, во-вторых, пути совершенствования деятельности органов государственной власти по правовому обеспечению информационной безопасности.

«Информационная безопасность» - путь к координации понятийного аппарата. В юридической науке отмечается отсутствие согласованного понятия категории «информационная безопасность» по причине неопределенности в месте, которое занимает эта категория в механизме правового регулирования и в правовой системе общества в целом [6, с. 107].

Представляется, что в этой связи правильной будет опора именно на функциональный аспект: право не выступает здесь некоторой особой целью, а, напротив, служит средством обеспечения информационной безопасности. Иными словами, деятельность по правовому обеспечению информационной безопасности – это выражение реальной реализации социальных функций права [7, с. 123].

Между тем, несмотря на сделанные ранее в науке предложения, параметры такого рода согласованной деятельности до настоящего времени не определены [8, с. 28], как не определены и формы координационного взаимодействия, направленного на обеспечение единства правового регулирования указанных отношений [9, с. 17], а также средства альтернативного судебному разрешению споров при отсутствии надлежащего нормативного регулирования [10, с. 37].

Существует предположение о том, что в определенном смысле информационную безопасность в праве можно рассматривать в виде юридической тактики – способов защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов в информационной сфере [11, с. 52]. Однако, одновременно деятельность в сфере правового обеспечения информационной безопасности может рассматриваться и как особого рода правовой проект со своими субъектами и участниками, ресурсами и затратами, формами реализации и процесса [12, с. 81], что обеспечивает эффективность применения не только публично-правовых норм (информационного и административного права, в первую очередь), но и эффективность норм частного права [13, с. 112].

Вместе с тем, сделанные в науке предложения не подтвердить и не опровергнуть без уяснения в юридическом контексте отдельных характеристик информационной безопасности – ее значимых, с точки зрения права, аспектов.

Характеристики информационной безопасности с позиций правовых исследований. Среди особо значимых характеристик информационной безопасности, представляющих интерес в контексте именно юридического исследования, можно выделить следующие.

Во-первых, данное явление - это некоторая комплексная модель правовой защиты, объектом которой выступают, с одной стороны, права участников информационного обмена (потребителей и производителей информации), а с другой стороны, любые информационные системы, включая технические средств передачи информации.

Очевидно, например, что посредством деятельности по правовому обеспечению информационной безопасности предотвращаются мошеннические посягательства в глобальной информационной сети на имущество граждан [14, с. 20], облегчается исполнение актов юрисдикционных органов [15, с. 203], защищается частная жизнь гражданина от

нематериального, например, психического (кибербуллинг) воздействия на его личность [16, с. 91].

Таким образом, правовому воздействию и регулированию подлежат не только отношения субъектов информационного обмена по поводу информации (информационного ресурса, массива информации) как объекта, но и отношения в области производства и потребления информации, изменения информации, включая ее обобщение, агрегирование, а также ее передачу. Здесь усматривается согласованный дуализм норм, регулирующих вопросы обеспечения информационной безопасности, что, как представляется, должно находить свое отражение и в нормах права [17, с. 56].

Во-вторых, достижение требуемого состояния, отвечающего критериям информационной безопасности, будет результатом деятельности уполномоченных субъектов права в информационной сфере, например, органов контроля и надзора [18, с. 65].

Государственно-властная деятельность компетентных органов предполагает в этой связи установление правил поведения (создание норм права в рамках правотворчества), а также последующее уточнение правового воздействия (систематизацию и толкование права), применение права, контроль и надзор за исполнением законодательных норм. Посредством юридической деятельности организуется и защита информации, по своей сути не обязательно выражающаяся в юридически значимых фактических действиях, технологический надзор за состоянием и безопасностью средств передачи информации, который на практике имеет технический, а не правовой характер.

В-третьих, состояние информационной защищенности не может рассматриваться в качестве самоцели, поскольку это лишь средство (путь) защиты прав и интересов.

Внешнее для информационной среды и информационной инфраструктуры деструктивное воздействие может быть реальным, и тогда роль права сводится к минимизации ущерба, вызванного таким вмешательством, и его компенсации, восстановлению первоначального положения, существовавшего до нарушения права и охраняемого законом интереса, отправлению карательной функции права в целях установления социальной справедливости, или потенциальным, и в этой ситуации право реализует свою превентивную функцию [19, с. 119].

Нарушенные причинителем вреда и защищаемые правовой системой субъективные права и интересы могут быть различными и классифицироваться по многим основаниям деления.

Первичным видом прав здесь выступают права личности. К фундаментальным естественным правам современного человека справедливо относится право бесперебойного и неограниченного пользования информационными системами и ресурсами. Хотя данное право и не является абсолютным, может быть ограничено вследствие необходимости учета интересов государства и общества наряду с интересами личности, но защита прав на беспрепятственное (без установленных законом препятствий) пользование информационными системами, получение и передачу информации составляет основу сферы регулирования права информационной безопасности.

Отмеченные три наиболее значимые юридические характеристики информационной безопасности могут стать исходной первоосновой для установлении ее места в правовой системе общества и последующих правовых исследований в этой области. В свою очередь, достижения доктрины помогут улучшить юридическую практику.

Таким образом, в рамках исследования установлено отсутствие доктринальной определенности по поводу места категории «информационная безопасность» в правовой системе общества. В этой части понятийный аппарат не скоординирован. При отсутствии развернутого правового регулирования по указанному вопросу возможны его различные трактовки и пути решения.

В работе предлагается установить специфику категории «информационная безопасность» вследствие исследования тех характеристик информационной безопасности,

которые представляют интерес в контексте именно юридического исследования.

Специфика современной информационной сферы общественной жизни показывает невозможность реализации субъективных информационных прав и интересов вне сферы государственно-правового регулирования. Особенности информационного обмена не позволяют субъектам частного права в полной мере удовлетворить свои информационные потребности без деятельности в данной области субъекта публичного права – государства. Деятельность самого государства будет эффективной только если оно обладает необходимой для целей обеспечения информационной безопасности полнотой контроля над информационной сферой, то есть при наличии у государства информационного или цифрового суверенитета.

Установленные особенности категории «информационная безопасность» с точки зрения ее юридических аспектов позволят не только углубить наши знания и представления о данном феномене, но и будут способствовать совершенствованию правотворческой и правоприменительной практики, систематизации законодательства и толкованию норм права, а, следовательно, обеспечат повышение эффективности правового воздействия в целом.

Список литературы

1. Карташов, В.Н. Механизм координационного регулирования / В.Н. Карташов // Вестн. науч. тр. Нижнекам. филиала Моск. гуманитарно-эконом. ин-та. – Вып.3. Часть 8. Вопросы теории и истории гос. и права / Отв.ред. П.А.Кабанов. – Нижнекамск, 2001. – С.21-25.
2. Фролов, С.Е. Принципы координационной деятельности / С.Е. Фролов // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник научных трудов. – Владимир, 2002. – С.59-64.
3. Карташов, В.Н. Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности / В.Н. Карташов // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе. – Сб. науч. Тр. V-й Межвуз. научн.-практич. конф. / Отв. ред.проф. Г.Г. Бриль. – Кострома, 2007. – С.89-94.
4. Баранов, В.М. Основные недостатки координационной практики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе / В.М. Баранов, В.Н. Карташов // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2006. – № 6. – С.11-15.
5. Максуров, А.А. Использование криптовалюты при заключении и исполнении гражданско-правовых договоров / А.А. Максуров // Право и экономика. – 2018. – № 8 (366). – С.17-22.
6. Макаров, И.И. Координация в праве / И.И. Макаров. – Ярославль: ЯФ МФЮА, 2012. – 314 с.
7. Бриль, Г.Г. Малоисследованные общесоциальные функции координационной юридической практики / Г.Г. Бриль // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе. – Сб. науч. Тр. V-й Межвуз. научн.-практич. конф. / Отв. ред.проф. Г.Г. Бриль. Кострома, 2007. – С.121.-125.
8. Максуров, А.А. Проект федерального закона «О координации деятельности федеральных органов государственной власти Российской Федерации, основах координации деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления Российской Федерации» / А.А. Максуров // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 9. – С.27-35.
9. Мельников, Ю.И. Формы координационного взаимодействия в праве: Координационный семинар / Ю.И. Мельников // Вестник научных трудов Ярославского филиала Московской финансово-юридической академии. Юриспруденция. / Под ред. Ю.И.

Мельникова, А.А. Максурова, Г.В. Семеновой. Ярославль. 2003. Вып.1. – С.15-18.

10. Таланова, М.В. Экономическая функция медиативной юридической практики / М.В. Таланова // Законодательство и экономика. – 2011. – № 11. – С.32-39.

11. Карташов, В.Н. К вопросу о понятии координационной юридической тактики / В.Н. Карташов // Развитие молодежной юридической науки в современном мире. – Сб. науч.тр. по материалам VIII Международной научно-практической интернет-конференции 15 мая 2011 года. – Тамбов, 2011. – С.50-55.

12. Таланова, М.В. Юридическое проектирование координационных процессов / М.В. Таланова // Право и бизнес: сборник статей I ежегодной международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию со дня рождения профессора В.С. Мартемьянова / Под ред. И.В. Ершовой. – М.: Юрист, 2012. – С.80-87.

13. Таланова, М.В. Эффективность норм частного права / М.В. Таланова // Частно-правовые отношения в условиях глобализации. Saarbrücken.: Lambert academic publishing, 2012. – Часть 1. Глава 7. – С.109-116.

14. Уколова, Ю.А. При каких обстоятельствах невозвращение кредита может повлечь уголовную ответственность? / Ю.А. Уколова // Юридический справочник руководителя. – 2009. – № 11. – С.17-23.

15. Гражданское исполнительное право: учебник / под ред. Власова А.А. – М.: Экзамен, 2004. – 430 с.

16. Чернецов, В.Ю. Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики / В.Ю. Чернецов // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации. Доклады и сообщения VII международной научной конференции, Москва, 17 апреля 2007 г. – М.: РГГУ, 2007. – С.89-94.

17. Кивленок, Т.В. Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности / Т.В. Кивленок // Актуальные проблемы юриспруденции. Сборник научных трудов. – Владимир: ВГПУ, 2002. – Вып. 3. – С.54-58.

18. Постнов, А.С. Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики / А.с. Постнов // Российское право в период социальных реформ. Материалы конференции студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых-юристов (г. Нижний Новгород, 26-27 ноября 2004 г.). – Вып. 6: Ч. 1. – 2005. – С.64-67.

19. Максуров, А.А. Обеспечение информационной безопасности в сети Интернет / А.А. Максуров. – М.: ИНФРА-М. 2023. – 540 с.

УДК 347

О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА АВИАПЕРЕВОЗЧИКОМ В СЛУЧАЕ ЗАДЕРЖКИ РЕЙСА

Осипова Елена Сергеевна, старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
elenalawosipova@mail.ru

Аннотация. В статье указаны отдельные вопросы компенсации морального вреда пассажирам в случае задержки авиарейса. Проанализированы особенности компенсации в случае международного и внутреннего авиасообщения. Предложены особенности пассажиров, которые следовало бы учитывать судам при определении суммы компенсации морального вреда.

Ключевые слова: задержка рейса, перевозка пассажира, права пассажиров, компенсация морального вреда

ABOUT THE COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE BY THE AIR CARRIER IN THE EVENT OF FLIGHT DELAY

Osipova Elena Sergeevna, Senior Teacher
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
elenalawosipova@mail.ru

Abstract. The article sets out some issues of compensation for moral damage to passengers in case of flight delay. Some features of compensation in cases of international and domestic flights have been analyzed. There are suggested some individual sides of passengers which should be considered by the courts.

Keywords: flight delay, passenger carriage, the rights of the passenger, the compensation for moral damage

В последнее время задержки авиарейсов происходят систематически в силу различных социальных, политических, технических, климатических и других различных причин. Пассажиры, измученные задержкой авиарейсов, стали чаще руководствоваться информацией, предоставленной Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (далее – Рекомендации) [1], и указанное повлекло рост числа обращений пассажиров к авиакомпаниям, как в досудебном, так и в судебном порядке.

В вышеупомянутых Рекомендациях, основанных на действующем российском законодательстве изложено, что пассажир имеет право обратиться с претензией к авиаперевозчику не только на возмещение убытков, но и компенсацию морального вреда.

В вопросе компенсации морального вреда имеются некоторые особенности действующего российского и международного законодательства, которые следует учитывать при решении вопроса.

Следует учитывать, осуществлялась ли перевозка только на территории РФ или была международной авиаперевозкой, особенно если авиаперевозчик являлся иностранным юридическим лицом.

Если авиарейс выполняла иностранная авиакомпания в рамках международного авиасообщения, то общественные отношения регулируются не только российским законодательством, но и нормами международного права, что вытекает из статьи 1186 Гражданского кодекса РФ, определяющего, что к гражданским отношениям с участием

иностранных юристов, в данном случае иностранного авиаперевозчика, применяется право, определяемое на основании международных договоров РФ, Гражданского кодекса РФ, а также обычаев и законов, которые признаются РФ.

Гражданский кодекс РФ определяет, что в соответствии с Конституцией РФ принципы и нормы международного права и международные договоры РФ составляют часть правовой системы РФ. А также важно отметить, что законодателем установлено, что для решения гражданских дел применяются правила международного договора, если таким договором устанавливаются правила отличные от норм российского законодательства.

Одним из основных международных правовых актов, регулирующих вопросы международного авиасообщения является Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок, принятая в 1999 году в Монреале и ратифицированная Россией в 2017 году. В статье 29 указанной конвенции содержится положение, определяющее ответственность авиаперевозчика только в пределах возмещения фактического вреда[4]. Следовательно, требования о компенсации морального вреда находятся вне ответственности перевозчика, они взысканию не подлежат. То есть, нормы международного права ответственность перевозчика ограничивают лишь вредом фактическим.

На практике предлагается принимать во внимание факт наличия представительства иностранных авиалиний на территории РФ. Судам рекомендуется применять не право страны иностранного перевозчика, а право страны в которой находится филиал перевозчика. Следовательно, можно сделать вывод о применении норм российского законодательства к международной перевозке если имеется представительство иностранного перевозчика в РФ.

В литературе отмечается тенденция, что некоторые суды в России при рассмотрении споров по международным перевозкам применяют только нормы международного договора, не предусматривающие компенсацию морального вреда [5]. Таким образом, предполагается применение норм международного законодательства при регулировании морального вреда, даже если перевозчик российский.

Если перевозка выполнялась российскими авиалиниями на территории РФ, то в этой связи применяются нормы о компенсации морального вреда, предусмотренные статьей 15 Закона РФ от 07.02.1992 №2300-1 «О защите прав потребителей»[2] и нормы Воздушного кодекса РФ №60-ФЗ от 19.03.1997г [3].

Существующее Постановление Пленума Верховного Суда РФ №17 от 28.06.2012г. «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» устанавливает, что сам факт нарушения прав потребителя уже является достаточным условием для удовлетворения иска судом. Также определяется, что размер суммы компенсации морального вреда не находится в корреляции с суммой возмещения вреда имущественного.

Обзор судебной практики показывает, что заявители указывают, что моральный вред был наступал в результате: многочасового ожидания рейса «в ненадлежащих условиях», что влекло моральную и физическую усталость, беспокойство и тревогу; появившегося чувства сильного душевного напряжения; ощущения безысходности от финансовых сложностей приобретения различных услуг, одежды, еды, вызванных задержкой рейса; усталости от длительного бодрствования во время пути к пункту назначения; волнения за свое здоровье; волнения за здоровье близких несовершеннолетних лиц, путешествующих с пассажиром и др.

Имеются случаи отказа судом в компенсации морального вреда. Однако факт досудебного обращения пассажира к авиаперевозчику с претензией часто учитывается судами в пользу удовлетворения требований истца о компенсации морального вреда.

Несмотря на различные размеры сумм компенсации морального вреда запрошенные истцами, суд в большинстве случаев определяет сумму компенсации в размере 5000 рублей на человека.

Представляется, что возраст пассажира (пожилой человек или несовершеннолетний), инвалидность и иные личные характеристики пассажира следовало бы учитывать при решении вопроса о сумме компенсации морального вреда.

Обобщая изложенное, следует заметить, что вопросы компенсации морального вреда в результате задержки авиарейса регулируются российским и международным законодательством. Международные нормативно-правовые акты ограничивают ответственность перевозчика лишь возмещением фактического ущерба, поэтому пассажиры воспользовавшиеся международным авиасообщением часто остаются без компенсаций морального вреда. Лишь в случае внутренних авиaperевозок, подпадающих под действие ФЗ «О защите прав потребителей», пассажиры могут получить небольшую сумму компенсации морального вреда, которая не зависит от личных характеристик пассажиров, хотя такие свойства могут обуславливать большие моральные страдания пассажиров.

Список литературы

1. Рекомендации гражданам: Что делать авиапассажиру, если задержан рейс [Электронный ресурс]. /Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/activities/recommendations/details.php?ELEMENT_ID=12536&sp_hrase_id=6055460/ (дата обращения 30.03.2026)
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. 28.12.2025) // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения 20.03.2026)
3. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 №60-ФЗ (ред от 28.11.2025 г.) // [Электронный ресурс].URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13744/ / (дата обращения 20.03.2026)
4. Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (Монреаль, 28.05.1999г.) // [Электронный ресурс].Официальный сайт Федерального агентства воздушного транспорта URL: <https://favt.gov.ru/public/materials/e/b/7/c/4/eb7c4ed7488b9d20528b9ebabb767be6.pdf>
5. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 15.01.2026 г. По делу 33-9624/2025 (УИД 54RS0042-01-2023-001069-24) // [Электронный ресурс]// СПС КонсультантПлюс.(дата обращения 20.03.2026).
6. Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 01.10.2025 г. По делу 33-6013/2025 (УИД 54RS0042-01-2024-004414-43) // [Электронный ресурс]// СПС КонсультантПлюс.(дата обращения 20.03.2026).

УДК 343.14

ВЗГЛЯД НА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ РЕГЛАМЕНТИРОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА: МЕЖДУ КОНСУЛЬТАЦИЕЙ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ

Селезнев Виктор Михайлович, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

svit1017@mail.ru

Аннотация. Данная работа освещает развитие и текущее положение института заключения специалиста в системе российского уголовного судопроизводства. Исследуется фундаментальное расхождение между законодательным закреплением заключения специалиста как отдельного вида доказательств (пункт 3.1 части 2 статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) и устоявшейся правоприменительной практикой, которая фактически обесценивает его доказательственную силу. Особое внимание уделяется вопросам разграничения полномочий эксперта и специалиста, а также критическому анализу существующего подхода, в соответствии с которым заключение специалиста нередко трактуется как своего рода «отзыв» на заключение судебного эксперта. Опираясь на анализ недавних разъяснений высшей судебной инстанции страны и законодательной инициативы, представленной Федеральной палатой адвокатов в декабре 2025 года, автор предлагает направления для усовершенствования уголовно-процессуального законодательства, направленные на обеспечение принципов состязательности и равноправия сторон.

Ключевые слова: специалист, заключение специалиста, экспертное заключение, специальные знания, доказательственная база, уголовный процесс, состязательность, оценка экспертизы, адвокатское сообщество

A LOOK AT CRIMINAL PROCEDURAL REGULATIONS OF EXPERT OPINIONS: BETWEEN CONSULTATION AND EVIDENCE

Seleznev Viktor Mikhailovich, Associate Professor

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

svit1017@mail.ru

Abstract. This paper examines the development and current status of the institution of expert opinions in the Russian criminal justice system. It examines the fundamental discrepancy between the legislative recognition of expert opinions as a separate type of evidence (clause 3.1, part 2, Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) and established law enforcement practice, which effectively devalues their evidentiary value. Particular attention is paid to the delineation of the powers of experts and specialists, as well as a critical analysis of the existing approach, according to which expert opinions are often interpreted as a kind of "review" of the forensic expert's opinion. Based on an analysis of recent clarifications from the country's highest judicial authority and a legislative initiative presented by the Federal Chamber of Advocates in December 2025, the author proposes areas for improving criminal procedure legislation aimed at ensuring the principles of adversarial proceedings and equality of arms.

Keywords: specialist, specialist opinion, expert opinion, special knowledge, evidentiary base, criminal proceedings, adversarial nature, expert assessment, legal community

Принятие в 2001 году Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации заложило основу для внедрения в отечественную судебную систему принципов истинной состязательности. Одним из ключевых изменений стало расширение прав сторон в части

сбора доказательств, что включало учреждение роли специалиста, привлекаемого как для участия в следственных мероприятиях (ст. 58 УПК РФ) [1], так и для предоставления независимого заключения. Федеральным законом от 15 апреля 2022 г. № 92-ФЗ [4] были внесены поправки в ст. 80 УПК РФ, которые формально определили заключение специалиста как отдельный вид доказательственного материала, наряду с заключением эксперта.

Тем не менее, спустя более двадцати лет с момента законодательного закрепления данного правового института, его сущность и доказательственное значение продолжают вызывать активные дебаты. Как справедливо отмечает А.В. Кудрявцева, единый подход к возможности использования заключения специалиста в уголовном процессе до сих пор не выработан, несмотря на неоднократные обращения к этой проблеме высших судебных инстанций [3; с.24-31].

Цель данной работы – всесторонний анализ нормативного регулирования заключения специалиста в уголовном процессе, выявление существенных коллизий и противоречий, которые препятствуют его эффективному применению стороной защиты, а также оценка перспектив развития законодательства в контексте недавних инициатив.

Процессуальная природа заключения специалиста: теоретические и нормативные аспекты. Законодательные определения заключений эксперта и специалиста, содержащиеся в ч. 1 и ч. 3 ст. 80 УПК РФ, на первый взгляд, предлагают четкое разграничение. Заключение эксперта включает «содержание исследований и выводы», тогда как заключение специалиста – «суждение по вопросам». Эксперт проводит исследование, а специалист формулирует суждение, не требующее проведения судебной экспертизы.

В юридической доктрине это различие толкуется неоднозначно. Некоторые исследователи полагают, что специалист лишь консультирует сторону или суд, применяя уже имеющиеся знания, в то время как эксперт добывает новые факты в ходе исследования. Другие ученые, такие как Г.Т. Алаева и С.Н. Рехсон, разграничивают их задачи по уровню сложности: эксперту под силу идентификационные и сложные диагностические задачи, специалисту – простые диагностические, не требующие глубокого инструментального анализа.

Однако на практике такое разделение оказалось нечетким. Сторона защиты, получив заключение эксперта, которое нередко является ключевым доказательством обвинения, стремится его опровергнуть. Единственным доступным инструментом становится привлечение специалиста для анализа уже готового экспертного заключения. В результате возникает феномен «рецензии на экспертизу», которая по форме является заключением специалиста, а по содержанию – критическим разбором проведенного экспертом исследования. Именно здесь кроется основное противоречие.

Правоприменительная практика: консервативный подход Верховного Суда несмотря на формальное признание заключения специалиста в качестве доказательства, в судебной следственной практике наблюдается устойчивый скептицизм. Опрос, проведенный Федеральной палатой адвокатов, показал, что значительная часть адвокатов сталкивается с отказами в приобщении заключений специалистов или с признанием таких заключений недопустимыми.

Ключевую роль в формировании негативной тенденции сыграла позиция высшей судебной инстанции. В 2021 году Пленум Верховного Суда РФ изъясил из своего постановления положения, касающиеся возможности использования заключения специалиста для оценки заключения эксперта. Этот подход был развит в последующих судебных решениях.

Так, в одном из определений Верховный Суд РФ указал, что представленное защитой заключение специалиста фактически подменяет функции эксперта, поскольку содержит оценку заключений экспертов, что выходит за рамки полномочий специалиста. Аналогичная позиция последовательно воспроизводится в актах нижестоящих судов: суды указывают, что

специалист не уполномочен давать оценку доказательствам, и, следовательно, его заключение не имеет юридической силы.

Таким образом, формируется порочный круг: сторона защиты получает заключение специалиста для оспаривания выводов экспертизы, а суд отказывает в его приобщении, ссылаясь на недопустимость оценки доказательств специалистом. В итоге право стороны защиты на представление доказательств фактически блокируется.

Доктринальное заключение специалиста-правоведа: отдельная проблема Особого внимания заслуживает практика привлечения юристов для получения так называемых доктринальных заключений по вопросам толкования права. Адвокаты все чаще используют заключения специалистов в области права для разъяснения сложных юридических коллизий.

Отношение правоприменителей к таким заключениям остается преимущественно негативным. Следователи отказывают в их приобщении, усматривая отсутствие значения для дела, а судьи видят в них посягательство на свою исключительную компетенцию. Имеются случаи, когда автор доктринального заключения вызывался на допрос в качестве свидетеля, что является грубейшим нарушением его процессуального статуса. Это подчеркивает острую потребность в четком законодательном регулировании пределов компетенции специалиста, включая специалиста в области права.

Законодательная инициатива ФПА: поиск баланса В декабре 2025 года Федеральная палата адвокатов РФ выступила с законодательной инициативой, направленной на разрешение указанных проблем. Подготовленный законопроект предлагает пакет изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, призванный найти компромисс между позицией судов и потребностями защиты [2].

Ключевые элементы инициативы ФПА включают:

Введение ответственности: Предполагается дополнить ст. 307 УК РФ, установив уголовную ответственность специалиста за заведомо ложное заключение. Это должно устранить формальный повод для отказа в приобщении заключений – отсутствие подписки об ответственности.

Легитимация функции оспаривания экспертизы: В ст. 58 УПК РФ предлагается закрепить право специалиста приводить доводы, опровергающие выводы эксперта, и обосновывать ходатайства о назначении дополнительной или повторной экспертизы.

Императивная гарантия для защиты: Законопроект содержит важное положение: стороне защиты не может быть отказано в ходатайстве о привлечении специалиста для опровержения выводов эксперта.

Данная инициатива была неоднозначно воспринята профессиональным сообществом. Адвокаты в целом оценивают ее положительно, отмечая расширение инструментария защиты. Однако высказываются опасения, что усиление статуса заключения специалиста может привести к злоупотреблениям и затягиванию процессов.

Проведенный анализ свидетельствует о наличии кризиса в институте заключения специалиста. Конструкция, призванная усилить состязательность, оказалась неэффективной из-за консервативного толкования норм и отсутствия четких механизмов ее реализации.

Заключение специалиста *de jure* является доказательством, но *de facto* таковым не признается, если направлено на оспаривание государственной экспертизы. Это нарушает баланс интересов сторон и право обвиняемого на защиту.

Инициатива ФПА РФ, безусловно, является шагом в верном направлении. Установление ответственности специалиста и прямое указание на его право анализировать заключение эксперта способно устранить формальные преграды. Однако для достижения реального эффекта необходимо не только принятие поправок, но и изменение правосознания правоприменителей. Суды должны рассматривать критику экспертного заключения специалистом как законный инструмент состязательности, а не как «покушение на независимость суда» [5; с.466-468].

Дальнейшее развитие института должно идти по пути четкой регламентации структуры и содержания заключения специалиста, определения пределов его компетенции, но при безусловном признании за ним права на научно-обоснованную критику методов и выводов экспертного исследования. Только так заключение специалиста сможет занять достойное место в системе доказательств.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.01.2001 г. №174-ФЗ): [принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года]. – Текст: электронный//КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/;
2. Законопроект Федеральной палаты адвокатов РФ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (по состоянию на декабрь 2025 г.) // Официальный сайт ФПА РФ. – URL: <https://fparf.ru/>;
3. Кудрявцева, А. В. Специалист в уголовном процессе и доказательственное значение его деятельности / А. В. Кудрявцева // Уголовный процесс. – 2025. – № 1(241). – С. 24-31;
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 15.04.2022 г. №92-ФЗ (последняя редакция.): [принят Государственной Думой 6 апреля 2022 года: одобрен Советом Федерации 13 апреля 2022 года]. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_414681/;
5. Терентьев, А. А. Доктринальное заключение в уголовном процессе / А. А. Терентьев // Эволюция российского права: Материалы XVII Международной научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 26 апреля 2019 года / Уральский государственный юридический университет. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2019. – С. 466-468.

УДК 343.14

СУЩНОСТЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Селезнев Виктор Михайлович, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
svit1017@mail.ru

Аннотация. Настоящая работа посвящена изучению природы специальных познаний, выступающих основополагающим понятием в уголовно-процессуальном праве, в контексте развития принципа состязательности. Исследуются различные научные взгляды на определение термина «специальные знания», выделяются их ключевые характеристики: нестандартность, происхождение из области профессиональной деятельности, а также неподпадение под правовую сферу. Анализируется изменение роли лиц, обладающих такими знаниями, в рамках состязательной модели судопроизводства, где эксперты и специалисты наделены равноправными процессуальными возможностями. Особое внимание уделяется вопросам разграничения полномочий между сведущими лицами и судом, а также актуальным проблемам, возникающим в связи с цифровыми технологиями и интеграцией искусственного интеллекта. Формулируется ключевой тезис о том, что в условиях состязательного процесса специальные знания проявляют свою двойственную сущность: они служат как инструментом для выяснения фактических обстоятельств дела, так и средством достижения процессуального паритета сторон.

Ключевые слова: квалифицированные познания, экспертные знания, состязательный уголовный процесс, компетентные лица, знаток, эксперт, принцип состязательности, установление истины, искусственный интеллект

THE ESSENCE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN ADVERSARY CRIMINAL PROCEEDINGS

Seleznnev Viktor Mikhailovich, Associate Professor

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
svit1017@mail.ru

Abstract. This paper examines the nature of specialized knowledge, a fundamental concept in criminal procedural law, in the context of the development of the adversarial principle. Various scholarly views on the definition of «specialized knowledge» are explored, highlighting its key characteristics: non-standard nature, professional origins, and non-legal scope. The changing role of individuals possessing such knowledge is analyzed within the adversarial legal model, where experts and specialists enjoy equal procedural powers. Particular attention is paid to the delineation of powers between knowledgeable individuals and the court, as well as current issues arising from digital technologies and the integration of artificial intelligence. A key thesis is that, in an adversarial process, specialized knowledge exhibits its dual nature: it serves both as a tool for clarifying the factual circumstances of a case and as a means of achieving procedural parity between the parties.

Keywords: qualified knowledge, expert knowledge, adversarial criminal proceedings, competent persons, expert, expert, adversarial principle, establishment of truth, artificial intelligence

Принцип состязательности, закрепленный Конституции РФ, является краеугольным камнем уголовного судопроизводства, определяя его структуру, динамику и механизм принятия решений. В условиях, когда стороны обвинения и защиты обладают равными процессуальными возможностями для отстаивания своих позиций перед независимым судом,

особую значимость приобретает институт специальных познаний. Как точно заметил О.А. Чабукиани, привлечение сведущих лиц позволяет сторонам подготовить арсенал необходимых средств для «своеобразного сражения между процессуальными оппонентами» [4; с.533].

Несмотря на широкое использование термина «специальные знания» в уголовно-процессуальном законодательстве, его законодательное определение отсутствует. Это порождает множество доктринальных подходов и затрудняет правоприменение. Л.Г. Шапиро справедливо отмечает, что отсутствие четкого понятия специальных знаний, несмотря на его многократное упоминание законодателем, приводит к неоднозначному толкованию, структуре и содержанию этого термина среди ученых и практиков [5; с.86-88].

Целью данной статьи является раскрытие сути специальных познаний через призму состязательной модели уголовного процесса, анализ их признаков, форм реализации и современных тенденций развития.

В науке уголовно-процессуального права существуют различные подходы к определению специальных знаний. Классическое определение, трактует специальные знания как «знания не общеизвестные, не общедоступные, не имеющие массового распространения; короче, это знания, которыми располагает ограниченный круг специалистов» [2; с.430]. Этот подход акцентирует внимание на критерии общедоступности: специальными считаются знания, выходящие за рамки обыденного опыта и не входящие в общеобразовательный стандарт.

Однако, при разграничении знаний на специальные и неспециальные следует исходить из того, что специальные знания являются объективной категорией, и их градация не должна зависеть от степени доступности или вида профессиональной подготовки конкретного лица. В современной литературе преобладает подход, согласно которому специальные знания представляют собой совокупность теоретических знаний и практических навыков в определенной области науки, техники, искусства или ремесла. Эти знания приобретаются в результате специальной подготовки или профессионального опыта и необходимы для решения вопросов, возникающих в ходе судопроизводства. Специальные знания как «любые познания в науке, технике, искусстве или ремесле (исключая область процессуального и материального права), применяемые для разрешения вопросов, возникающих при осуществлении правосудия».

Анализ приведенных определений позволяет выделить ключевые признаки специальных знаний:

- Профессиональное происхождение: знания приобретаются в результате специальной подготовки (обучения) или накопления профессионального опыта.
- Ограниченная сфера применения: знания относятся к конкретной области науки, техники, искусства или ремесла.
- Неправовой характер: традиционно из сферы специальных знаний исключаются профессиональные знания судьи, прокурора, следователя в области права. Включение правовых знаний в число специальных означало бы допущение юридической экспертизы и, по сути, признание правовой некомпетентности лиц, осуществляющих судопроизводство.
- Прикладное назначение: знания используются для получения доказательственной или ориентирующей информации, необходимой для раскрытия и расследования преступлений.

Важное теоретическое значение имеет разграничение понятий «специальные знания» и «специальные познания». Приставка «по-» несет дополнительную смысловую нагрузку: специальные знания следует рассматривать как систему сведений, зафиксированных в научной литературе, а специальные познания – как знания, усвоенные конкретным лицом, пропущенные через его сознание и вовлеченные в практическую деятельность. Проще говоря, знания существуют объективно, а познания – это ставшие достоянием субъекта знания, готовые к применению.

Историческая эволюция привлечения сведущих лиц к расследованию уголовных дел показывает устойчивую тенденцию к расширению их процессуальных возможностей и усилению состязательных начал. В инквизиционном процессе эксперт был «помощником суда», тогда как в современной модели он становится самостоятельным участником, чье заключение подлежит критической оценке сторонами.

Ключевым событием в развитии института специальных познаний стало принятие Федерального закона от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ [1], закрепившего в ст. 80 УПК РФ заключение специалиста как самостоятельный вид доказательства. После этих изменений источники специальных знаний стали доступны не только следователю и суду, но и стороне защиты, что потребовало переосмысления традиционных подходов.

В состязательном процессе проявляется двойственная природа специальных познаний:

Во-первых, они служат инструментом установления фактических обстоятельств дела, позволяя исследовать скрытые свойства объектов и явлений. Основная цель использования специальных знаний – получение достоверной информации о событии преступления путем ее обнаружения, фиксации, изъятия и исследования.

Во-вторых, специальные познания выступают как средство обеспечения процессуального равновесия сторон. Сторона защиты, не обладая властными полномочиями, получает возможность привлекать специалистов для анализа заключений экспертов, подготовки ходатайств, участия в следственных действиях. К.Е. Ривкин отмечает, что в современном уголовном судопроизводстве наблюдается значительный перевес в пользу обвинения, особенно на предварительном следствии, когда широким властным полномочиям одной стороны противопоставлены права другой стороны лишь просить и жаловаться. В этих условиях заключение специалиста становится одним из немногих действенных инструментов защиты своей позиции.

В состязательном процессе особенно остро встает вопрос о пределах использования специальных познаний. Традиционным является принцип, заимствованный из римского права: «Jura novit curia» – суд знает законы. Это означает, что специальные знания не должны вторгаться в область юриспруденции и отвечать на вопросы правового характера.

Однако на практике такое разграничение является сложным. При расследовании экономических, налоговых, должностных преступлений фактические и правовые обстоятельства тесно переплетаются. Возникает проблема так называемой «правовой экспертизы», когда специалист фактически дает оценку законности действий участников процесса.

Как отмечается в литературе, в теории отсутствует однозначная оценка такой формы использования специальных знаний, как доктринальное заключение специалиста-правоведа. С одной стороны, суды видят в таких заключениях посягательство на свою исключительную компетенцию. С другой стороны, в сложных правовых коллизиях мнение ученого может способствовать правильному разрешению дела.

Другая проблема связана с разграничением компетенции эксперта и специалиста. В доктрине предпринимаются попытки разграничить их по уровню решаемых задач: к компетенции эксперта относят идентификационные и сложные диагностические задачи, а специалиста – простые диагностические, не требующие глубокого инструментального исследования. Однако на практике такое разграничение размывается, особенно когда специалист привлекается для анализа (рецензирования) уже готового экспертного заключения.

Практика раскрытия и расследования преступлений знает случаи реализации специальных знаний субъектами, не обладающими процессуальным статусом специалиста. Это относится к непроцессуальным способам получения доказательственной информации. В частности, при осмотре цифровых устройств оперативные сотрудники выявляют криминалистически значимую информацию, которая затем легализуется через

процессуальные механизмы.

Дискуссионным остается вопрос о допустимости использования непроцессуальных форм. С одной стороны, признание права на неурегулированные законом формы чревато «следственным хаосом». С другой стороны, преуменьшение значения непроцессуальных форм является односторонним подходом, не учитывающим потребности практики.

Цифровая трансформация правоохранительной деятельности ставит новые вопросы перед теорией специальных познаний. Актуальной задачей современной криминалистики является теоретико-правовое осмысление искусственного интеллекта как потенциального источника специальных знаний.

Искусственный интеллект, не обладая правосубъектностью, может служить инструментом реализации специальных знаний при условии его методологически обоснованного применения, экспертной верификации выводов и соблюдения процессуальных гарантий. Ключевыми направлениями использования ИИ в криминалистике являются [3; с.3-9]:

- машинное обучение для выявления закономерностей;
- компьютерное зрение для анализа изображений;
- экспертные системы для поддержки принятия решений;
- обработка естественного языка для анализа текстов;
- большие языковые модели.

Возникает необходимость переосмысления традиционного антропоцентричного подхода к категории «специальные знания».

Таким образом, сущность специальных познаний в состязательном уголовном процессе не является статичной категорией – она развивается вместе с развитием процессуальной формы, научно-технического прогресса и потребностей правоприменительной практики.

Список литературы

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 15.04.2022 г. №92-ФЗ (последняя редакция.): [принят Государственной Думой 6 апреля 2022 года: одобрен Советом Федерации 13 апреля 2022 года]. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_414681.
2. Мельников, В. Ю. Актуальные вопросы уголовного процесса: Учебник / В. Ю. Мельников, Г. Б. Магомедов. Том 2. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2020. – 430 с.
3. Овчинников, А. И. Правоохранительная деятельность полиции в условиях цифровизации государства и экономики1 / А. И. Овчинников // Образ современного полицейского : Сборник материалов Международной научно-теоретической конференции, Ростов-на-Дону, 29 марта 2019 года / Ответственный редактор В.Б. Рожковский. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 3-9.
4. Чабукиани, О. А. Теория следственной деятельности: понятие, функции, пути совершенствования: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Чабукиани Оксана Алексеевна, 2023. – 553 с.
5. Шапиро, Л. Г. Правовое регулирование института специальных знаний в уголовном судопроизводстве / Л. Г. Шапиро // Современное право. – 2008. – № 6. – С. 86-88.

УДК 340.1

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Серёда Ольга Викторовна, старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
o.v.sereda@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена классификация коррупционных преступлений в сфере лесопромышленного комплекса (далее – ЛПК) в зависимости от должности субъекта совершения данных преступлений. Выделены «высокоуровневые» и «низовые» коррупционные преступления в сфере ЛПК, приведены аргументы в обосновании данной классификации.

Ключевые слова: коррупционное преступление в сфере лесопромышленного комплекса, классификация преступлений, «высокоуровневые» преступления, «низовые» преступления, криминалистическая характеристика преступлений

ON THE QUESTION OF CLASSIFICATION OF CORRUPTION CRIMES IN THE FORESTRY INDUSTRY

Sereda Olga Viktorovna, Senior lecturer
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
o.v.sereda@mail.ru

Abstract. This article examines the classification of corruption crimes in the forestry industry (hereinafter referred to as the forestry industry) based on the position of the perpetrator. It distinguishes between "high-level" and "low-level" corruption crimes in the forestry industry and presents arguments to support this classification.

Keywords: corruption crime in the forest industry, classification of crimes, "high-level" crimes, "low-level" crimes, forensic characteristics of crimes

Криминалистическая характеристика преступлений предполагает наличие определенного перечня элементов, при этом он не является императивным и исчерпывающим. Он может и должен дополняться в зависимости от вида преступления. То есть структура криминалистической характеристики исследуемых нами коррупционных преступлений в сфере лесопромышленного комплекса должна отличаться от иных, поскольку включает в себя те элементы, которые отражают специфику анализируемых преступлений, имеющую значение для последующего их выявления, раскрытия и расследования.

Для этого необходимо рассмотреть ряд вопросов методологического порядка. Один из наиболее важных среди них – вопрос классификации преступлений. Ранее в своих работах мы неоднократно приводили классификацию по уголовно-правовому и криминалистически значимому критериям [1,2].

В данной работе предлагаем рассмотреть классификацию рассматриваемой группы преступлений по уровню сложности и общественной опасности коррупционных и сопутствующих им преступлений.

Ю. П. Гармаев в своих публикациях отмечает негативную закономерность, суть которой в том, что множество криминалистических методик расследования коррупционных преступлений, равно как и ряда других, по сути, посвящено описанию (криминалистическая характеристика) и борьбе (собственно методика) с мелкими, несложными посягательствами

этого вида. Автор предлагает к внедрению в научные исследования принцип приоритета разработки рекомендаций по расследованию наиболее сложных и общественно опасных коррупционных преступлений. Нужен научный и связанный с ним практический приоритет борьбы с высокоуровневыми, серийными коррупционными посягательствами, с деятельностью организованных преступных формирований [3]. Автор цитирует В. В. Лунеева: «...постоянные требования «активизировать борьбу с преступностью», «оргвыводы» в случае роста числа совершенных на подконтрольной территории преступлений, резонансность уголовных дел о коррупционных преступлениях, обвинения со стороны СМИ в ангажированности таких дел породили практику преимущественной регистрации и расследования нетрудоемких дел» [4].

Оба автора не дают определений и критериев разграничения – что есть «мелкие», а что есть «высокоуровневые» коррупционные преступления. По всей видимости, считают это вполне очевидным. Ю. П. Гармаев в той же работе как пример последних – высокоуровневых и сложных называет организованные преступления в сфере лесопромышленного комплекса, связанные с подкупом руководителей и сотрудников ГИБДД, иных государственных органов с целью незаконной рубки леса и его контрабандой в особо крупных размерах [3, С 67-69].

Однако, на наш взгляд, все коррупционные преступления в сфере ЛПК в заданном контексте не являются мелкими посягательствами, их нельзя обозначить как несложные в расследовании. В силу специфики сложности сферы ЛПК и существенного вреда, который наносится охраняемым уголовным законом объектам, включая природу, интересы государственной службы, экологическую и экономическую безопасность, любые коррупционные посягательства в сфере ЛПК нельзя называть мелкими и несложными. Не все они высокоуровневые, но все, если расследование направлено на эффективность, достаточно сложны в выявлении и расследовании. И это не зависит от уровня должностных лиц и размеров криминального бизнеса. А значит, настоящая методика расследования должна уделять равное внимание всем уровням соответствующей преступной деятельности (о которых скажем ниже).

Во-вторых, развивая идеи указанных авторов, предлагаем одну из классификаций коррупционных преступлений, а конкретно – деление их на низкоуровневые и высокоуровневые. Эту классификацию выделяем по двум критериям:

- уровень должностных лиц и управленцев – участников механизма преступной деятельности;
- нормативные критерии малого, среднего и крупного бизнеса в сфере ЛПК.

В соответствие с этими критериями к низкоуровневым коррупционным преступлениям применительно к сфере ЛПК следует относить:

1. Бытовые, эпизодически и систематически совершаемые преступные деяния:
 - должностных лиц и управленцев низового уровня (рядовые сотрудники ДПС и МВД, лесники, рядовые сотрудники контрольно-надзорных подразделений (Рослесхоз, Росприроднадзор и др.);
 - руководители и сотрудники коммерческих организаций в сфере ЛПК, относящиеся к категории микробизнеса.

Например, старший инспектор ДПС ОГИБДД ОМВД России по Кежемскому району Красноярского края за вознаграждения общей суммой в 160 780 руб. (стоимость дизельного топлива, переданного в качестве взятки) позволял сотрудникам лесоперерабатывающего предприятия многократно и беспрепятственно производить перевозку груза с превышением допустимых габаритов в отсутствие специального разрешения, а также пиломатериалы без сопроводительных документов. Инспектору ДПС вменено единое продолжаемое преступление, предусмотренное п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ. Сотрудники лесоперерабатывающего предприятия к уголовной ответственности не привлекались [5].

Или пример получения взяток в совокупности с мошенническими действиями.

Лесничий Гремучинского лесничества сообщал директорам нескольких лесозаготовительных предприятий заведомо ложные сведения относительно наличия у него служебных полномочий и исключительной возможности по производству отводов лесосечного фонда и необходимости оплачивать данные услуги ему лично напрямую, за что и был осужден по трем эпизодам ч. 3 ст. 159 УК РФ, и одному эпизоду ч. 2 ст. 290 УК РФ [6].

2. К высокоуровневым или «верхушечным» коррупционным преступлениям применительно к сфере ЛПК следует относить, как правило, уже не эпизодические, а регулярные, т. е. систематически совершаемые преступные деяния, совершаемые должностными лицами и управленцами высокого уровня, связанными с ними лицами, зачастую в составе ОПГ (ОПС). Исходя из анализа следственной и судебной практики, выделим следующие категории лиц:

- губернаторы, руководители министерств и ведомств федерального уровня, многие из которых являются спецсубъектами в контексте ст. 447 УПК РФ;
- депутаты, руководители министерств и ведомств уровня субъекта РФ и муниципальных образований;
- руководители государственных органов и учреждений в сфере ЛПК: директора лесничеств, Лесохраны, Рослесхоз, Росприроднадзор и т. п.;
- руководители коммерческих организации в сфере ЛПК (лесозаготовка, лесопереработка, перевозка и т. п.) малого, среднего и крупного бизнеса;
- руководители правоохранительных органов и их крупных подразделений (в т. ч. таможенных) органов.

Здесь следует сделать некоторое пояснение, учитывая, что наша методика является усеченной, мы не давали характеристику всем свойствам личности преступника, полагая, что определения его места в иерархии сфер достаточно, а также учитывая, что в научной литературе существует достаточное количество работ по данной тематике [7].

Повторим, что эти преступления в реальной криминальной практике (а не согласно приговорам) не только совершаются обычно систематически, многоэпизодно, но и, как правило, в составе организованных преступных формирований (ОПГ, ОПС), в крупных и особо крупных размерах (размеры взяток и коррупционных хищений, незаконных рубок).

Ярким примером организованной преступной деятельности высокоуровневых чиновников и руководителей крупных коммерческих структур являются уголовные дела в отношении директора департамента Минпромторга РФ гр. П., заместителя правительства Хабаровского края гр. Ш., руководителя инвестиционного проекта «АзияЛес» гр. П. Их коррупционная преступная деятельность была направлена на получение и сохранение статуса приоритетного инвестиционного проекта в лесной отрасли для дальнейшего незаконного получения государственных субсидий, преференций по уплате арендных платежей за пользование лесными участками [8].

Следует отметить, что, выделяя в этой классификации микро-, малый, средний и большой бизнес основываемся на критериях, выделенных законодателем. Напомним, что в Федеральном законе выделены следующие критерии разграничения этих видов бизнеса: среднесписочная численность сотрудников и доход:

- микробизнес – численность до 15 человек, с доходом до 120 млн руб.;
- малый бизнес – численность от 15 до 100 человек, с доходом до 800 млн руб.;
- средний бизнес – численность от 101 до 250 человек, с доходом до 2 млрд руб.

Крупный бизнес – это, соответственно, все, что выше указанных показателей среднего бизнеса. Микробизнес мы отнесли к низкоуровневым коррупционным преступлениям, а малый, средний и крупный – к высокоуровневым.

Данная классификация имеет важное значение, как для криминалистической характеристики, так и для последующего формирования на ее основе методики расследования. Например, если следователь и руководитель следственного органа в типичной следственной ситуации начального этапа расследования диагностирует признаки

лишь низкоуровневого коррупционного преступления, то на этом этапе можно эффективно работать без создания большой следственно-оперативной группы. При этом расследование может, как вариант, ограничиться работой на районном уровне: следователь и оперативный сотрудник ЭБиПК районных подразделений соответственно СК РФ и МВД РФ. Однако и в такой следственной ситуации нужно выдвигать и проверять версии о взаимосвязи выявленных преступлений с высокоуровневой криминальной коррупцией. Проверка таких версий может существенно отразиться на организации, тактике и даже стратегии последующего расследования [9].

Если следователь, руководитель следственного органа на начальном этапе диагностирует признаки высокоуровневых коррупционных преступлений, то необходимо как можно оперативнее инициировать создание большой по составу следственно-оперативной группы, передавать уголовное дело (дела) на уровень следственного органа субъекта РФ, прогнозировать высокоуровневое и интенсивное противодействие расследованию.

В следственных ситуациях, когда в качестве соучастников преступлений могут выступать высшие должностные лица субъекта РФ, должностные лица федерального уровня, руководители крупного бизнеса, то наиболее эффективным представляется расследование уголовного дела на уровне в следственных и оперативно-розыскных подразделениях центральных аппаратов соответствующих правоохранительных органов. Иной организационный подход сведет на нет эффективность и наступательность расследования коррупционных и сопутствующих им преступлений в сфере ЛПК в силу активного, высокоуровневого противодействия уголовному преследованию. Высока вероятность, что региональная следственно-оперативная группа не сможет преодолеть противодействие такого уровня.

Предложенная классификация коррупционных преступлений, их деление на высокоуровневые и низкоуровневые, выделение в высокоуровневых посягательствах федерального и регионального уровней, могут быть использованы не только для задач настоящей методики, но и для любых иных модернизируемых или вновь создаваемых криминалистических методик расследования коррупционной и организованной преступной деятельности.

Формирование криминалистической характеристики коррупционных преступлений в какой-либо сферы деятельности, в т. ч. в сфере ЛПК подразумевает учет того обстоятельства, что эта сфера регулируется значительным объемом нормативно-правовых актов, в т. ч. региональных, и к тому же часто меняющихся. Подробный их анализ в криминалистической характеристике, на наш взгляд, не должен входить в предмет криминалистической методики расследования. Достаточно будет в начале описания соответствующего механизма преступной деятельности, иных элементов криминалистической характеристики указывать сноску на действующие нормативные правовые акты.

Список литературы

1. Гармаев, Ю. П. Криминальная коррупция как атрибут преступной деятельности в сфере лесопромышленного комплекса / Ю. П. Гармаев, О. В. Середа // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7 (223). – С. 421–423.
2. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 503/11, МВД России № 1 от 28.07.2025 (ред. от 28.07.2025) // Перечень № 23. Преступления коррупционной направленности. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»
3. Гармаев, Ю. П. Преимущественная борьба с «мелкими» коррупционными преступлениями как проблема практики и криминальной науки // Lexrussica. – 2023. – № 76 (3). – С. 63–71.

4. Лунеев, В. В. Контроль над преступностью: надежны ли показатели? / В. В. Лунеев // Государство и право. – 1995. – № 7. – С. 87–90.
5. Уголовное дело № 1-33/2024 // Архив Кежемского районного суда Красноярского края. 2024. (дата обращения: 14.02.2026).
6. Уголовное дело № 1-139/2024 // Архив Богучанского районного суда Красноярского края. 2024. (дата обращения: 14.02.2026).
7. Кудревич, Е. П. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений, совершаемых должностными лицами в сфере лесного хозяйства / Е. П. Кудревич // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции, Иркутск, 28–29 мая 2015 г. : в 2 томах. Том 1. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. – С. 351–354.
8. Уголовное дело № 22-1335/2022 // Архив Хабаровского краевого суда; Апелляционное определение от 02.06.2022 № 22-1335/2022. URL: https://kraevoy-hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=35587797&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 14.02.2026).
9. Васильев, А. Н. Планирование расследование преступлений / А. Н. Васильев, Г. Н. Мудьюгин, Н. А. Якубович ; под редакцией А. С. Голунского ; Всесоюзный научно-исследовательский институт криминалистики Прокуратуры СССР. – Москва : Госюриздат, 1957. – 199 с.

УДК 374

К ВОПРОСУ О ДОСУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ ОБРАЩЕНИЯ К ФИНАНСОВОМУ УПОЛНОМОЧЕННОМУ ПОТРЕБИТЕЛЕМ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ

Сторожева Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
storanya@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты досудебного порядка обращения к финансовому уполномоченному потребителем по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств. Автор подробно расписывает регламент обращения, форму обращения, перечень документов и способ размещения обращения через официальный сайт <https://finombudsman.ru>. В заключение исследования отмечаются актуальные аспекты совершенствования процедуры досудебного порядка обращения к финансовому уполномоченному потребителем финансовых услуг.

Ключевые слова: потребитель, финансовый уполномоченный, досудебный порядок, финансовая услуга, страховая организация, страхователь, ущерб, страховой случай, жалоба, защита прав

ON THE QUESTION OF THE PRE-TRIAL PROCEDURE FOR APPEALING TO THE FINANCIAL AUTHORIZED OFFICER BY A CONSUMER OF FINANCIAL SERVICES

Storozheva Anna Nikolaevna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
storanya@yandex.ru

Abstract. This article examines the key aspects of the pre-trial procedure for consumers to contact the financial ombudsman under a compulsory motor vehicle liability insurance policy. The author describes in detail the procedure for filing a claim, the application form, the list of documents, and how to submit a claim through the official website <https://finombudsman.ru>. The study concludes with highlighting relevant aspects for improving the pre-trial procedure for consumers of financial services to contact the financial ombudsman.

Keywords: consumer, financial ombudsman, pretrial procedure, financial service, insurance company, policyholder, damage, insured event, complaint, protection of rights

В современных условиях развития финансового рынка России возрастает роль защиты прав потребителей финансовых услуг. Одним из ключевых институтов, обеспечивающих досудебное урегулирование споров, является институт финансового уполномоченного. Его деятельность регулируется Федеральным законом «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (далее – Закон № 123-ФЗ). Данным законом определяется правовой статус уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг, порядок досудебного урегулирования финансовым уполномоченным споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями, а также правовые основы взаимодействия финансовых организаций с финансовым уполномоченным [1].

Согласно ст. 15 Закона № 123-ФЗ финансовый уполномоченный рассматривает обращения в отношении финансовых организаций, включенных в реестр, если размер требований потребителя финансовых услуг о взыскании денежных сумм не превышает 500 тысяч рублей, либо если требования потребителя финансовых услуг вытекают из нарушения страховщиком порядка осуществления страхового возмещения, установленного Федеральным законом от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [2], либо если требования потребителя

финансовых услуг имущественного характера связаны с заключением, исполнением или прекращением пенсионного договора, договора долгосрочных сбережений или договора об обязательном пенсионном страховании и если со дня, когда потребитель финансовых услуг узнал или должен был узнать о нарушении своего права, прошло не более трех лет [1]. Однако надо отметить, что прежде, чем потребителю (страхователю) обратиться к финансовому уполномоченному, он должен подать заявление (претензию) страховой организации о восстановлении нарушенного права. На рисунке 1 наглядно отражена поэтапная процедура обращения потребителя за защитой своих нарушенных прав по договору имущественного страхования (рис. 1).

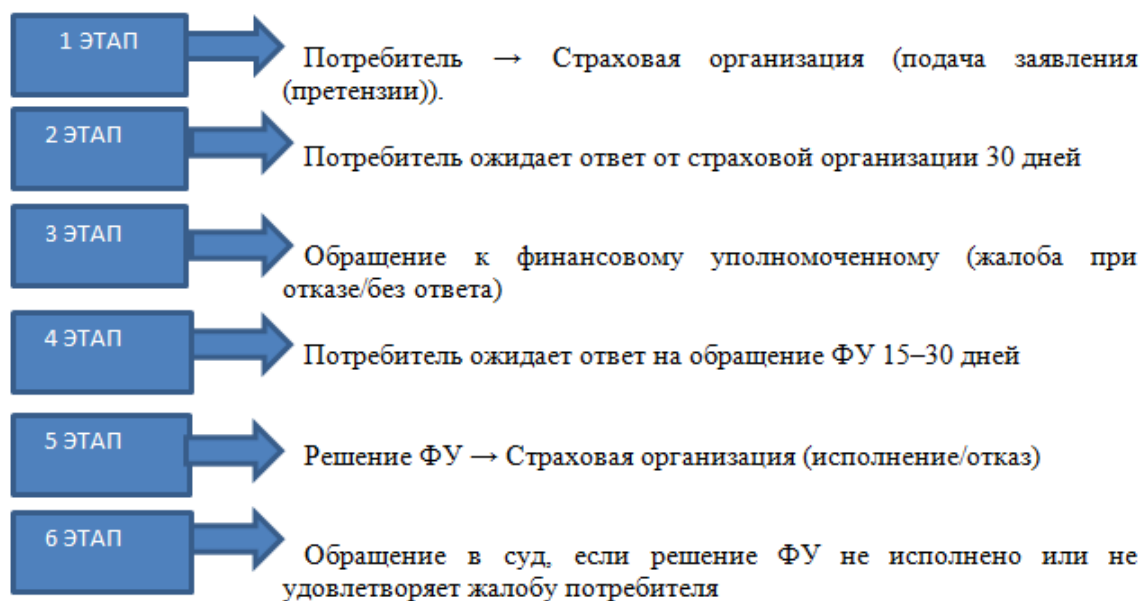

Рисунок 1 - Этапы процедуры обращения потребителя за защитой своих нарушенных прав по договору имущественного страхования

Из отраженных этапов самым затруднительным является – обращение к финансовому уполномоченному.

Подать обращение можно через официальный сайт <https://finombudsman.ru> (рис. 2).

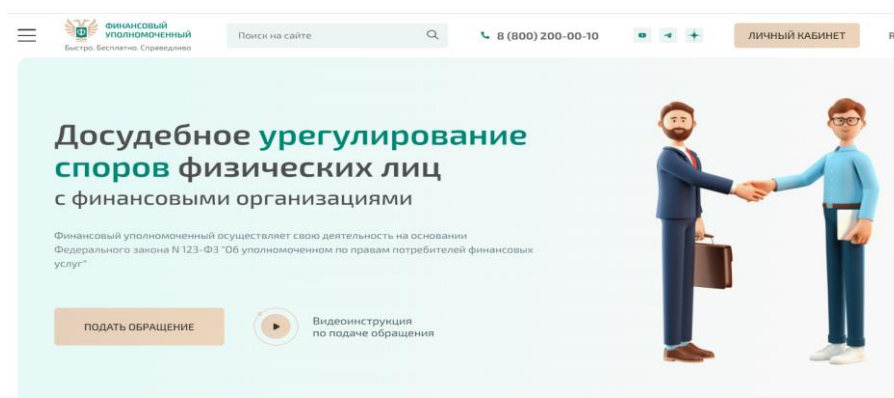

Рисунок 2 - Скриншот с официального сайта ФУ

Однако, здесь потребитель сталкивается с такой проблемой как ограниченный круг субъектов по обращению к финансовому уполномоченному. Так, законодатель определил следующих лиц:

- сам потребитель;
- законный представитель потребителя финансовых услуг в силу закона, например, родитель, усыновители, опекуны, попечители;

- третье лицо, в случае перехода к нему права требования потребителя к финансовой организации по договору уступки прав требования (цессии).

Кроме того, при направлении финансовому уполномоченному обращения законным представителем потребителя к обращению прилагаются документы, подтверждающие его полномочия, например, если обращается родитель, то дополнительно необходимо приложить свидетельство о рождении ребенка; если усыновитель, то прилагается свидетельство об усыновлении; если опекун/попечитель, то необходим акт о назначении опекуна, или попечителя.

Обычно на практике потребитель обращается к юристам (представителям) по защите его нарушенных прав. Однако, как мы видим, такой представитель не сможет обратиться к финансовому уполномоченному, даже если у него есть доверенность, выданная от имени потребителя. Кроме того, финансовый уполномоченный откажет в рассмотрении, если будет обращение от выгодоприобретателя по договору имущественного страхования.

Также отметим, что обратиться может только физическое лицо, а юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, могут обратиться в специальных случаях, а именно, если право требования потребителя к финансовой организации перешло по договору уступки прав требования (цессии) к третьему лицу. В качестве третьего лица может выступать юридическое лицо, индивидуальный предприниматель либо физическое лицо.

Жалоба (обращение) подается через личный кабинет официального сайта <https://finombudsman.ru>, который привязан к Госуслугам потребителя, либо по почте (заказным письмом) или нарочно ФУ, находящемуся в Москве.

Финансовый уполномоченный рассматривает обращения потребителей финансовых услуг, содержащие требования имущественного характера, предъявленные ими к страховым организациям, оказавшим им финансовые услуги.

Кроме жалобы заявитель должен приложить следующие документы:

- скан документа, подтверждающего личность заявителя (копия паспорта);
- копия договора (страхового полиса);
- копии платежных документов (квитанции, выписки, чеки);
- копия претензии, направленной финансовой организации;
- копия ответа финансовой организации (если был получен);
- копии документов, подтверждающих нарушение его прав потребителя финансовых услуг (например, выписки по счету, акты, справки и т. д.).

Следовательно, мы видим, что обычный потребитель (физическое лицо) с трудом справиться с такой процедурой как обращение к финансовому уполномоченному, так как необходимо юридически грамотно подготовить жалобу и приложить достаточно весомый пакет документов.

Таким образом, подводя итог настоящего исследования, отметим, что досудебный порядок обращения к финансовому уполномоченному является важным инструментом защиты прав потребителей финансовых услуг, а законодатель сегодня ограничил круг субъектов, имеющих право на обращение к финансовому уполномоченному. Так, автор исследования предлагает расширить перечень таких субъектов и включить в него представителя по доверенности потребителя финансовых услуг. Это позволит быстро и бесплатно разрешать споры, снижая нагрузку на суды и способствуя развитию доверия к финансовому рынку. Вместе с тем, для повышения эффективности института ФУ необходимо расширение его полномочий и усиление механизмов исполнения решений.

Список литературы

1. Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» //Консультант Плюс: Законодательство.
2. Федеральным законом от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»//Консультант Плюс: Законодательство.
3. Официальный сайт Финансового уполномоченного // <https://finombudsman.ru> (дата обращения 01.03.2026).

УДК 340.1

ЗНАЧЕНИЕ НАУКИ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ДЛЯ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Ткаченко Анна Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
annavl.tkachenko@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается место теории государства и права в системе современного юридического образования. Автором выдвигаются аргументы в пользу обоснованности включения теории государства и права в начальный этап подготовки юристов. Актуальность темы связана с усилением практико-ориентированных подходов юридического образования, которая потенциально может снижать значение общетеоретической подготовки будущих юристов. Новизна исследования заключается в смещении анализа с традиционного описания функций дисциплины к раскрытию её роли как уровня формирования юридического мышления и понятийного аппарата. Обосновывается, что теория государства и права выступает инструментом структурирования правового знания, задающим способы интерпретации общих и частных юридических конструкций. Выявляется противоречие между системной природой права и клиповыми формами его освоения, а также делается вывод о том, что изучение теории государства и права обусловлено объективной необходимостью формирования целостного правового мировоззрения у студентов.

Ключевые слова: теория государства и права, юридическое мышление, система права, юридическое образование, правопонимание

THE IMPORTANCE OF THE SCIENCE OF THE THEORY OF STATE AND LAW FOR JURISPRUDENCE

Tkachenko Anna Valerievna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
annavl.tkachenko@gmail.com

Abstract. The article examines the place of the theory of state and law in the system of modern legal education. The author puts forward arguments in favor of the validity of including the theory of state and law in the initial stage of legal training. The relevance of the topic is related to the strengthening of practice-oriented approaches to legal education, which can potentially reduce the importance of general theoretical training for future lawyers. The novelty of the research lies in the shift of the analysis from the traditional description of the functions of the discipline to the disclosure of its role as a level of formation of legal thinking and conceptual apparatus. It is proved that the theory of state and law acts as a tool for structuring legal knowledge, defining ways of interpreting general and particular legal constructions. The contradiction between the systemic nature of law and the clip forms of its development is revealed, and it is concluded that the study of the theory of state and law is conditioned by the objective need to form a holistic legal worldview among students.

Keywords: theory of state and law, legal thinking, legal system, legal education, legal understanding

Определение места теории государства и права в структуре юридического знания обнаруживает особое положение дисциплины, которое трудно свести к привычному делению на «общую» и «отраслевые» науки. Связывание теории государства и права исключительно с уровнем абстрактного обобщения упрощает её действительное положение. Существенное

иное обстоятельство: в рамках данной дисциплины смещается сам фокус анализа — внимание переносится с нормативного материала на способы его организации, соотнесения и смыслового оформления. В этой точке право перестаёт восприниматься как совокупность разрозненных предписаний и начинает рассматриваться через призму тех конструкций, которые позволяют удерживать его внутреннюю связанность при изменчивости содержания.

Отраслевые юридические дисциплины, как правило, складываются вокруг сравнительно устойчивых массивов норм и практик их применения. Теоретико-правовое знание действует иначе: оно не дублирует этот материал, а выявляет линии соприкосновения и расхождения между различными сегментами правовой системы, уточняет основания их деления и возможные формы взаимодействия. Тем самым именно здесь формируются рамки, в пределах которых отраслевые построения получают смысловую определённую и становятся сопоставимыми друг с другом. В этом отношении рассматриваемая дисциплина имеет непреходящее значение, а попытки усечения общетеоретической подготовки представляется серьёзным изъяном для всей системы юридического образования. Как указывает В.В. Кожевников, «принижение статуса общей теории государства и права на теоретическом уровне, которое обедняет образование современных юристов, ведёт к развалу отечественной юридической науки, признававшей на всех этапах её развития (дореволюционный, советский, постсоветский) фундаментальный, методологический характер первой» [2, с. 11].

Понятие системы права, например, не может быть выведено из одной отрасли; оно возникает как результат теоретической реконструкции, требующей сопоставления разнородных нормативных комплексов и выявления их внутренней логики.

Именно поэтому теоретико-правовое знание не совпадает с обобщением отраслевого материала. Обобщение предполагает суммирование, тогда как здесь речь идёт о выстраивании структурных связей, которые неочевидны при непосредственном обращении к нормам. Категории, формируемые в рамках теории государства и права, функционируют как инструменты организации знания: они позволяют соотнести частные правовые явления с более широкими схемами, в которых обнаруживаются их пределы, функции и взаимные зависимости. Отсюда вытекает особое значение понятийного аппарата, который не только описывает право, но и формирует способ его восприятия.

Показательно, что базовые категории теории государства и права обладают двойственной природой. Фиксация отдельных элементов правовой действительности — нормы, правоотношения, источника права, закона — лишь частично раскрывает функциональную нагрузку соответствующих категорий. Не менее значимо то, что они используются как средства организации анализа, задающие направление интерпретации и пределы допустимых выводов. От того, каким образом очерчиваются содержание и границы той же нормы либо правоотношения, зависит не только их описание, но и способ понимания правового процесса в целом. В этом смысле понятийный аппарат включён в саму процедуру мышления: он не сопровождает рассуждение, а формирует его ход и структуру.

Данная зависимость становится заметнее там, где различные теоретические линии расходятся в интерпретации одних и тех же феноменов. Несовпадение между нормативистскими, социологическими и аксиологическими подходами затрагивает не столько лексику, сколько принципы построения аргументации, выбор исходных вопросов и критерии оценки результатов. В подобных условиях теория государства и права функционирует как пространство сопоставления и напряжённого сосуществования объяснительных схем. Работа в этом пространстве требует удержания нескольких перспектив одновременно и исключает возможность их окончательного сведения к единой модели, тем самым формируя установку на уточнение исходных предпосылок и работу с неоднозначностью. [3].

Сложная структура теоретико-правового знания не может рассматриваться как его изъян. Напротив, именно она обеспечивает возможность анализа права в условиях

изменяющейся социальной и правовой среды. Внутреннее напряжение между различными концептуальными линиями — исторически сложившимися и современными — препятствует догматизации понятийного аппарата и стимулирует его пересмотр. В учебном курсе это проявляется в сосуществовании различных подходов, иногда вступающих в прямое противоречие, что создаёт дополнительные трудности восприятия, но одновременно открывает пространство для формирования аналитических навыков.

Методологическое измерение дисциплины усиливает эту особенность. Теория государства и права не ограничивается использованием отдельных методов, заимствованных из философии или других наук; она формирует целостную установку на анализ правовой реальности. Диалектические, исторические, формально-юридические способы исследования здесь не просто сосуществуют, а интегрируются в единую систему, позволяющую рассматривать право в динамике, во взаимосвязи его элементов и в зависимости от социальных процессов. Такая методологическая многослойность требует от исследователя способности переходить между уровнями анализа, удерживая при этом целостность объекта.

В этом отношении теория государства и права выступает не только как дисциплина, но и как своего рода методологическая инфраструктура юриспруденции. Она задаёт стандарты аргументации, способы доказательства, критерии научной состоятельности высказываний. Даже тогда, когда исследование осуществляется в рамках конкретной отрасли, используемые в нём категории и логические конструкции восходят к теоретико-правовым моделям, часто неявно присутствующим в тексте. Таким образом, влияние дисциплины выходит за пределы её собственного предмета, распространяясь на всё поле юридической науки. Консерватизм юридического образования во многом перекликается с тем фактом, что «каждой социальной общности присущ специфический комплекс традиционных ценностей, мировоззренческих установок и устойчивых моделей общественного и индивидуального поведения, передаваемый из поколения в поколение через наиболее значимые социальные институты как основы для гармоничного развития личности в процессе ее социализации» [8, с. 27].

Следует учитывать, что формирование такого уровня мышления не происходит автоматически, ведь, как указывает Р.М. Магомедова, именно через правосознание «происходит познание окружающей среды, формируется система знаний, понимания и осознания права и его требований, отношение к праву в целом и выработки направления и характера поведения в области права» [4, с. 255].

Работа с абстрактными категориями требует предварительного освоения определённого языка, в котором закреплены способы различения и соотнесения правовых явлений. Этот язык не совпадает с языком законодательства или судебной практики; он обладает большей степенью обобщённости и допускает различные интерпретации. Освоение его предполагает не столько запоминание определений, сколько включение в процесс их использования, в котором постепенно выявляются их границы и возможности.

В этом смысле теория государства и права выполняет функцию своеобразного «переходного уровня» между непосредственным восприятием правовой реальности и её научным осмыслением. Она позволяет выйти за пределы описания отдельных норм и увидеть структуру, в рамках которой эти нормы приобретают значение. При отсутствии такого уровня юридическое знание неизбежно приобретает фрагментарный характер: отдельные положения остаются несвязанными, а их применение оказывается зависимым от внешних ориентиров, не всегда осознаваемых.

Каждая категория в теории государства и права фиксирует определённый аспект правовой действительности, одновременно исключая другие. Осознание этих границ становится условием точности анализа. Например, различие между правом и законом, государством и публичной властью, правосознанием и правовой культурой не сводится к терминологическим нюансам; оно задаёт различную перспективу рассмотрения одних и тех же явлений. От того, как проведено это различие, зависит и характер последующих выводов.

С этим связана и способность к переносу теоретических конструкций на новые ситуации. Теория государства и права не даёт готовых решений, однако предоставляет инструменты, позволяющие ориентироваться в изменяющейся правовой среде. В условиях появления новых правовых институтов, трансформации форм регулирования, усложнения взаимодействия между различными уровнями правовой системы именно теоретический аппарат обеспечивает возможность их включения в уже существующую структуру знания без утраты её целостности [9; 10].

Вопрос о размещении теории государства и права в начале образовательной траектории приобретает иной смысл, если рассматривать его не через призму сложности материала, а через структуру усвоения юридического знания. Раннее включение дисциплины обусловлено не столько её вводным характером, сколько необходимостью предварительного формирования тех интеллектуальных ориентиров, без которых последующее освоение отраслевых курсов оказывается лишённым внутренней связности. Здесь речь идёт о своеобразной настройке мышления, предшествующей работе с конкретным нормативным материалом.

Юридическое образование неизбежно сталкивается с эффектом расслоения: отдельные дисциплины осваиваются как автономные массивы сведений, не соотносимые друг с другом в пределах единой системы. Даже при успешном воспроизведении терминологии и знании нормативных конструкций сохраняется трудность их сопоставления, выявления границ действия и взаимного влияния. Теория государства и права в этом отношении выступает как средство предотвращения подобной фрагментации, задавая исходные координаты, в которых различные элементы правовой системы приобретают определённое место. Как отмечает М.Д. Горбунов, касаются «они в первую очередь базового терминологического аппарата практической юриспруденции, либо характеризуют социальные явления: понятие государства, формы правления, власть, правотворчество, правонарушения, юридическая ответственность и так далее» [1, с. 384].

Показательно, что именно в рамках этой дисциплины формируется первичный понятийный аппарат, который затем используется на протяжении всего обучения. Однако значение этого обстоятельства не исчерпывается терминологией. Речь идёт о закреплении способов различия правовых явлений, установлении границ между ними и формировании навыка их соотнесения. Без такого навыка последующее изучение отраслей права неизбежно приобретает характер последовательного накопления несвязанных положений, каждое из которых функционирует в пределах собственной логики.

В этой связи раннее изучение теории государства и права оказывается тесно связано с проблемой восприятия знания. Современная образовательная среда характеризуется усилением тенденции к ситуативному усвоению информации, при котором внимание сосредотачивается на отдельных фрагментах, извлекаемых по мере необходимости. Такая модель восприятия оказывается достаточно эффективной при решении локальных задач, однако, она не формирует целостного представления о праве как системе. Возникает своеобразная зависимость от внешних источников информации, когда решение каждой новой задачи требует обращения к готовым схемам, не всегда адекватным конкретной ситуации.

Теория государства и права противостоит этой тенденции, поскольку её освоение невозможно без удержания в поле внимания широких обобщений и связей между различными элементами. Работа с абстрактными категориями требует последовательного развёртывания рассуждения, в котором отдельные положения соотносятся с более общими принципами. В этом процессе формируется способность к переходу от частного к общему и обратно, что составляет основу юридического анализа. Без такой способности применение норм права остаётся внешним по отношению к их смыслу. Как отмечает Д.Е. Петров, «интеграция нормативного материала в отрасль права есть достаточно длительный процесс и не во всех местах взаимодействия отраслей он возможен и целесообразен», а цель

«детального и всестороннего анализа межотраслевого взаимодействия отраслей права может стоять только перед юридической наукой в целом» [6, с. 17].

Уже на начальном этапе обучения, возникает необходимость осмысления того, каким образом строится юридическое знание, какие предпосылки лежат в основе тех или иных интерпретаций, каким образом различаются конкурирующие подходы. Это создаёт условия для формирования критического отношения к получаемой информации, позволяющего не ограничиваться её воспроизведением [5].

При этом раннее включение теории государства и права сопряжено с определёнными трудностями, обусловленными как уровнем подготовки обучающихся, так и особенностями самой дисциплины. Абстрактность понятий, неоднородность теоретических подходов, наличие исторически сложившихся противоречий создают ситуацию, в которой материал воспринимается как избыточно сложный и оторванный от практики. Возникает риск редукции содержания до набора формальных определений, подлежащих запоминанию, что фактически нивелирует потенциал дисциплины.

Однако подобное восприятие связано не столько с характером самой теории государства и права, сколько с особенностями её освоения. При смещении акцента на механическое усвоение терминологии теряется возможность увидеть за понятиями их структурирующую функцию. Напротив, при обращении к внутренней логике категорий, к их взаимосвязям и границам применения абстрактность перестаёт восприниматься как препятствие и начинает выполнять роль средства упорядочивания знания [7].

Отдельного рассмотрения требует вопрос о соотношении теоретического и практико-ориентированного обучения на начальном этапе. Усиление требований к прикладной подготовке нередко приводит к стремлению сократить объём теоретических дисциплин или изменить их содержание в сторону непосредственного применения. В результате теория государства и права может восприниматься как избыточный элемент, не имеющий прямой связи с будущей профессиональной деятельностью.

Наблюдения за образовательной практикой показывают, что умение действовать в конкретной правовой ситуации складывается не из совокупности изолированных приёмов. Оно предполагает наличие некоторого предварительного порядка представлений, в рамках которого отдельные нормы соотносятся друг с другом и приобретают определённый смысл. При отсутствии такого основания обращение к праву нередко сводится к воспроизведению готовых схем, мало чувствительных к особенностям конкретного случая. Именно поэтому расположение дисциплины теории государства и права в начале обучения будущих юристов позволяет сформировать исходный образовательный горизонт: последующее освоение материала уже не ограничивается его запоминанием, а включается в процесс его осмысления.

В исходном ключе проявляется и затруднение, возникающее при попытках раннего вовлечения студентов в междисциплинарные исследования. Без предварительного понимания внутреннего строения юридической науки такие попытки приводят к расплывчатости предмета: используемые понятия и методы заимствуются без учёта их исходных предпосылок, что нарушает точность анализа. Отсутствие устойчивых ориентиров затрудняет различение собственно правовых и внешних по отношению к праву объяснительных моделей. При иной последовательности, когда теоретико-правовой курс предшествует подобным формам работы, формируется необходимая опора, позволяющая соотносить различные подходы и удерживать границы исследования.

Начальный этап обучения связан также с более широким процессом — складыванием профессионального самоопределения. В этот период возникает первое представление о юриспруденции как особом типе знания и практики, не сводимом к технике применения норм. Теория государства и права задаёт проблемное поле, в котором рассматриваются основания права, его пределы и формы проявления. Через обращение к этим вопросам формируется отношение к профессии, включающее не только готовность к практическим

действиям, но и понимание их предпосылок.

Тем самым последовательность включения теории государства и права в образовательный процесс определяется не столько традицией учебных планов, сколько логикой самого освоения юридического знания. Речь идёт о преодолении разрозненности восприятия и формировании способности удерживать взаимосвязи между элементами правовой системы. Значение данной дисциплины проявляется в создании условий, при которых отдельные сведения перестают существовать изолированно и начинают включаться в более широкие смысловые конструкции. Право в таком случае предстает не как совокупность предписаний, а как объект анализа, требующий постоянного уточнения и сопоставления. Работа с категориями, методами и их внутренними несоответствиями задаёт уровень рефлексии, без которого затруднительно исследование права как сложного социального феномена.

Список литературы

1. Горбунов, М. Д. Проблемы преподавания теории государства и права в современных реалиях / М. Д. Горбунов // Образование и право. – 2024. – № 2. – С. 382-386.
2. Кожевников, В. В. Современная теория государства и права как методологическая юридическая наука / В. В. Кожевников // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2021. – Т. 18, № 1. – С. 5-14.
3. Кульматов, С. Я. Методические аспекты преподавания Теории государства и права как учебной дисциплины / С. Я. Кульматов // Вестник Западно-Казахстанского инновационно-технологического университета. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 160-162.
4. Магомедова, Р. М. Формирование правовой грамотности у обучающихся по программам высшего образования / Р. М. Магомедова // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 77-2. – С. 252-255.
5. Мамонько, М. М. Значение дисциплины теория государства и права в системе подготовки будущих юристов и проблемы ее преподавания в современных реалиях / М. М. Мамонько // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 7. – С. 82-83.
6. Петров, Д. Е. Истоки системных связей в юридической науке и юридическом образовании / Д. Е. Петров // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2024. – № 6(161). – С. 15-20.
7. Спирин, М. Ю. Теория государства и права или теоретическая юриспруденция? (изменение смыслов фундаментальной юридической науки) / М. Ю. Спирин // Вестник общей и отраслевой теории права. – 2021. – № 1. – С. 23-31.
8. Тарасов, О. И. Рецепция идей русского консерватизма последней трети XIX в. - первой половины XX в. в современной российской философии : специальность 09.00.03 «История философии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Тарасов Олег Игоревич, 2015. – 188 с.
9. Ткаченко, А. В. Интеграция идей правовой традиции и инновационных образовательных технологий в преподавании теории государства и права / А. В. Ткаченко // Образование и право. – 2025. – № 8. – С. 193-197.
10. Ткаченко, А. В. Теория государства и права как основа формирования профессионального юридического мировоззрения: традиции и современные вызовы / А. В. Ткаченко // Образование и право. – 2025. – № 8. – С. 269-274.

УДК 342.7

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Фастович Галина Геннадьевна, старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
fastovich-85@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются лучшие практики, признанные межвузовским сообществом аграрных ВУЗов России в сфере противодействия идеологии терроризма в молодежной среде. В ходе исследования автор приходит к мнению, что комплексный подход взаимодействия университетского сообщества поможет сформировать положительный алгоритм действий в сфере противодействия угроз.

Ключевые слова: информационные технологии, молодежный сектор, управление по воспитательной работе, малые студенческие группы, угрозы террористического характера, эффективность

LEGAL REVIEW OF PRACTICES AIMED AT FORMING ANTI-TERRORIST CONSCIOUSNESS OF YOUTH

Fastovich Galina Gennadievna, Senior Teacher
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
fastovich-85@mail.ru

Abstract. This article analyzes best practices recognized by the Interuniversity Community of Russian Agricultural Universities in countering terrorist ideology among young people. The author conducted the best events using information technology, which were successfully tested in student groups by youth policy and educational specialists. The author concludes that a comprehensive approach involving collaboration between the university community, academics, and practitioners will help develop a positive action plan to counter threats.

Keywords: Information technology, youth sector, educational work department, small student groups, terrorist threats, efficiency

В системе высшего образования Российской Федерации особая флагманская работа ответственных структур по молодежной и воспитательной работе направленная на противодействие идеологии терроризма в молодежной среде возлагается на структурные подразделения. Нормативно-правовое закрепление отображено в базовом акте: «Комплексный План противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 годы», утвержденного Президентом Российской Федерации от 30 декабря 2023 г. № Пр-2610 (далее – Комплексный план) [1].

Важно отметить, что действия ответственных лиц по профилактике направлены на мониторинг обучающихся в Университетах молодых лиц, которые подверглись воздействию идеологии терроризма. Деструктивные вызовы современности ориентируют университеты на постоянную корректировку используемых воспитательно-педагогических технологий, разработку инновационных проектов, а также на консолидацию усилий вуза в рамках реализации направлений Системы противодействия по предупреждению террористических угроз.

Так, во многих ВУЗах реализован проект адресной профилактики «Прорыв: подфак» (продолжение проекта индивидуального патронирования «Прорыв») по определению группы риска (тревожность, нестабильность, подверженность влиянию, в том числе различных

идеологий) среди слушателей подготовительного отделения для иностранных граждан. Сроки проведения – июль 2025. Целевая аудитория: выпускники подготовительного отделения для иностранных граждан. Количественный охват составил более 75 человек. Для проведения тестирования были использованы: проективная методика «Человек под дождем»; Тест 1 «Удовлетворенность качеством жизни» (УЖК); Тест 2 «Самооценка психического самочувствия» (СПС). Результаты: выявлена группа риска, в которую вошли только юноши - 8 человек. Даны рекомендации кураторам по коррекции дезадаптации иностранных обучающихся:

1. Индивидуальная беседа куратора и психолога со студентом с целью прояснения его актуальной жизненной ситуации и используемых копинг-стратегий.

2. Обучение эффективным стратегиям преодоления жизненных трудностей (копинг-стратегиям) в формате индивидуальной работы и группового тренинга.

3. Знакомство студентов группы риска с различными формами студенческой активности, существующими на базе ВУЗов.

4. Включение иностранных студентов в различные формы внеучебной студенческой активности, исходя из их интересов и склонностей. Методического пособия для педагогических работников «Противодействие идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде», «Методические рекомендации по профилактике восприятия деструктивной информации, распространяемой украинскими спецслужбами, неонацистскими и иными деструктивными организациями с использованием сети Интернет», Методические рекомендации по организации индивидуальной профилактической работы с лицами, подверженными идеологическому воздействию международных террористических организаций, украинских неонацистских структур» [2].

В рамках первичной профилактики при изучении программ «Основы российской государственности», «Безопасность жизнедеятельности» и «Правоведение» проводились семинарские занятия, посвященные основам противодействия идеологии терроризма и экстремизма. Также, на всех факультетах университета были проведены собрания с родителями первокурсников по разъяснению норм законодательства Российской Федерации, устанавливающих ответственность за участие и содействие террористической деятельности[3].

Проведение с молодежью, в том числе, с лицами, состоящими на профилактическом учете и (или) находящимися под административным надзором в органах внутренних дел Российской Федерации, в связи с причастностью к совершению правонарушений в сфере общественной безопасности, профилактических мероприятий в форме индивидуальных (групповых) бесед по формированию жизнестойкого неприятия идеологии терроризма и привитию традиционных российских духовно-нравственных ценностей с привлечением к указанной работе представителей религиозных, общественных и спортивных организаций, психологов

С целью формирования жизнестойкого неприятия идеологии терроризма и привития традиционных российских духовно-нравственных ценностей к указанной работе привлекались представители религиозных, общественных, культурных и спортивных организаций, а также психологи и представители духовенства.

В рамках проведения с обучающимися профилактических мероприятий, направленных на неприятие идеологии неонацизма, привития устойчивого критического отношения к идеям антироссийского характера и разъяснения террористической сущности в 2025 года в вузе были проведены тематические мероприятия:

- встречи в рамках акции «Я горжусь» и «Диалоги на равных», встречи с участниками СВО ;

- мероприятия в рамках работы Гуманитарного штаба #МЫВМЕСТЕ: поездки в военный госпиталь, плетение маскировочных сетей, изготовление окопных свечей, изготовление балаклав и др.;

- акция «Письма солдатские», в которой приняли участие старосты учебных групп, участники патриотического клуба «Поиск», активисты молодежных движений университета: были продемонстрированы видеосюжеты с участием ветеранов Великой Отечественной войны, которые рассказывали об агрессивной сущности неонацизма и немецких захватчиков [3];

- информационные встречи в рамках цикла профилактических антитеррористических мероприятий с участием иностранных студентов факультетов вуза с целью разъяснения норм российского миграционного законодательства, а также доведение норм российского законодательства об ответственности за участие (содействие) в террористической деятельности, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни;

- интернациональный фестиваль «Мир без границ», направленный на знакомство с культурой и традициями разных стран; формирование межнационального единства; уважение к культуре и традициям разных народов; профилактика экстремизма, преступлений против личности, общества и государства;

- Кураторские часы, приуроченные ко Дню солидарности в борьбе с терроризмом и акция «Свеча памяти», которые направлены на формирование антитеррористического сознания у молодежи [4];

- Презентация студенческих инициатив «Верь. Дружи. Твори». Ежегодное мероприятие, которое проводится с целью формирования активной жизненной позиции сообщества народов разных стран, а также оказание помощи студентам в определении своей жизненной перспективы, жизненных целей;

- Иностранные студенты, которые проходят обучение в ВУЗах России принимают участие в просветительском мероприятии – лектории, организованном Российским обществом «Знание» при поддержке Минобрнауки России. Мероприятия лектория помогают иностранным студентам глубже понять богатое культурное, историческое и научное наследие России, а также развивают интерес к изучению русской культуры [5].

Повышение квалификации по программе «Организация антитеррористической защищенности в учреждении, организации, на предприятии» в объеме 72 часов прошли 52 руководителя структурных подразделений, по программе «Основы профилактики деструктивного воздействия на молодежь в сети Интернет» в объеме 36 часов прошли 11 сотрудников, ответственных за воспитательную работу и молодежную политику на факультетах вуза. Интеграция ВУЗов – обеспечение антитеррористической защищенности университета - одна из приоритетных задач вуза в условиях нарастания угроз террористического и экстремистского характера. Успешное выполнение этой задачи невозможно без глубокой и системной интеграции усилий внутри самого вуза и на уровне взаимодействия с внешними структурами. Участники внутривузовской Системы противодействия идеологии терроризма успешно используют в своей профилактической и воспитательной работе методические разработки «Сборника сценариев НЦПТИ» как готовый инструментальный, позволяющий провести мероприятие «под ключ». Самые эффективные и апробированные из них – «Диалоги», «Наполни смыслом» и др. Активно ведётся партнерство вуза с Координационным центром по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма. Для унификации подходов, координации усилий, обмена информацией, выработки общих рекомендаций и решений по обеспечению антитеррористической защищенности на региональном уровне взаимодействует с национальной антитеррористической комиссией в Рязанской области, Координационным центром по вопросам формирования у молодежи гражданской позиции, предупреждения межнациональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, с ФГБОУ

«Российская инженерная академия менеджмента и агробизнеса» и Рязанской региональной общественной организацией "Инклюзивный военно-патриотический клуб "Десантное братство" и др [6].

В рамках интеграции и взаимодействия университета с указанными внешними организациями в течение 2025 года проводились с участие студенческой молодежи совместные конференции, семинары, круглые столы, на которых обсуждались актуальные и выявленные информационные угрозы в молодежной среде, демонстрировались лучшие практики по данному направлению, шел обмен методическими разработками, памятками и инструкциями, было организовано обучение по программам дополнительного профессионального образования сотрудников нашего университета; для консультирования по специфическим вопросам безопасности привлекались специалисты других организаций, также были реализованы общие просветительские и воспитательные мероприятия для студенческой молодежи нескольких ВУЗов.

Список литературы

1. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 годы, утвержденный Президентом Российской Федерации от 30 декабря 2023 г. № Пр-2610: [сайт]. – URL.: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 20.06.2024). – Текст: электронный.
2. Фастович Г.Г. К вопросу о предоставлении земельных участков для нужд дипломатических представительств: теоретический аспект / Г.Г. Фастович, Е.С. Осипова // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 10 (178). – С. 4-5.
3. Курбатова, С.М. Некоторые аспекты правового регулирования процесса цифровизации сельского хозяйства / С.М. Курбатова, Л.Ю. Айснер// Аграрное и земельное право. – 2019. – № 9 (177). – С. 58-59.
4. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 12.01.2017 по делу № 33-126/2017 на решение Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга № 2-2974/2017 ~ М-2164/2017 от 13.06.2017 г. // Гарант: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 14.02.2026).
5. Юридическая помощь: вопросы и ответы. Выпуск III. // Гарант: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 14.02.2026).
6. Фастович, Г.Г. Информационные технологии как стратегический ресурс развития отраслей агропромышленного комплекса / Г.Г. Фастович // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 11(215). – С. 41-44.

УДК 343.98

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Харевин Денис Дмитриевич, старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
expertus.2014@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрено современное состояние криминалистики, как науки, в условиях цифровой трансформации общества и преступности. Автором рассмотрены основные тенденции развития криминалистики, которая напрямую зависит от появления новых видов преступлений и цифровых следов, оставляемых при их совершении. Внимание уделено проблемам методологии и правовой регламентации, которые возникают при внедрении цифровых технологий в практику расследования преступлений. На основе анализа научной литературы автором предлагаются пути решения выявленных проблем, включая совершенствование понятийно-категориального аппарата, разработку стандартизированных процедур работы с цифровыми доказательствами и модернизации системы подготовки кадров.

Ключевые слова: цифровая криминалистика, цифровые следы, искусственный интеллект, дипфейк-технологии, криминалистическая кибернетика, допустимость доказательств, расследование преступлений

ON SOME ASPECTS OF DIGITAL FORENSICS IN THE ERA OF DIGITALIZATION OF SOCIETY

Kharebin Denis Dmitrievich, Senior Lecturer
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
expertus.2014@yandex.ru

Abstract. The article examines the current state of criminology as a science in the context of the digital transformation of society and crime. The author examines the main trends in the development of criminology, which directly depends on the emergence of new types of crimes and digital traces left during their commission. Attention is paid to the problems of methodology and legal regulation that arise when introducing digital technologies into the practice of crime investigation. Based on the analysis of scientific literature, the author suggests ways to solve the identified problems, including improving the conceptual and categorical apparatus, developing standardized procedures for working with digital evidence and modernizing the personnel training system.

Keywords: digital forensics, digital footprints, artificial intelligence, deepfake technologies, forensic cybernetics, evidence tolerance, crime investigation

В последнее десятилетие мы можем наблюдать стремительный скачек технологий и вместе с ним существенные изменения, связанные с цифровой трансформацией жизни общества. Появление новых цифровых технологий, и их повсеместное внедрение в различные отрасли призвано облегчить жизнь людей. Однако не всё так просто. Цифровизация всех сфер общества, которая началась на рубеже XX-XXI века, коренным образом изменила все аспекты жизни, при этом, не обойдя стороной и её тёмные, криминальные стороны. С ростом цифровизации увеличился и рост преступлений, которые ушли в киберпространство, в связи с этим появились новые виды преступлений и способы их совершения. Богатый цифровой инструментарий, позволяет преступным элементам долгое

время оставаться анонимными и быть на шаг впереди правоохранителей. Также цифровые технологии дают широкие возможности по привлечению в преступную деятельность новых лиц, в том числе и несовершеннолетних, готовых на всё ради «лёгкого» заработка.

Статистика показывает нам неуклонный рост числа зарегистрированных киберпресуплений, и вместе с тем снижение темпов раскрываемости [1], а также увеличение ущерба от такого вида преступных посягательств [2].

Вместе с этим, для эффективного противодействия преступным элементам, требуется разработка новых подходов и методов, направленных на обеспечение комплексного процесса раскрытия и расследования указанной категории преступных деяний. Как справедливо отметила В.А. Абаканова – «эффективность и значимость средств и методов расследования преступлений рассматривается через призму цифрового пространства» [3].

Криминалистика, на сегодняшнем этапе своего развития, находится на пороге значимых и фундаментальных изменений, призванных обеспечить правоохранительные органы современным и эффективным инструментарием для борьбы с преступностью, в условиях её поголовной цифровизацией и появлением новых видов преступных посягательств. При этом, по нашему мнению, цифровизация криминалистики должна заключаться не только в трансформации и оснащённости экспертных подразделений необходимым им цифровым инструментарием, но и в модернизации методологии и научных положений этой отрасли знаний.

Цифровая криминалистика, возникшая как «компьютерная криминалистика» в 80-х годах прошлого столетия, в ответ на появление первых компьютерных преступлений, на сегодняшний день охватывает не только извлечение криминалистически значимой информации из электронных носителей, но и сложные методы анализа такой информации, получаемой следствием из облачных хранилищ, социальных сетей, устройств Интернета вещей и многих других средств связи [4].

На сегодняшний день, цифровая криминалистика является отраслью базовой дисциплины криминалистической науки. Однако дискуссия по вопросу точного определения этой отрасли среди учёного сообщества не утихает. Анализ публикаций по данному вопросу, показывает нам, что в научной литературе существует три основных подхода к определению данной отрасли, а именно определение её как:

- «*Цифровой криминалистики*», под которой Е.П. Ищенко понимает особенности процесса расследования преступных деяний, совершенных в сфере информационно-телекоммуникационных технологий [5];
- «*Электронной криминалистики*», под которой В.Б. Вехов, понимает технические средства, приёмы и методы сбора и анализа компьютерной информации для предупреждения преступности [6] и
- «*Электронной цифровой криминалистики*», под которой А.Б. Смушкин, подразумевает концепцию собирания, исследования и использования цифровой информации и информационные устройства, используемые для этих целей [7].

Позицию Смушкина разделяет и А.М. Ногоев, который под «цифровой криминалистикой» понимает «отрасль криминалистики, изучающую обнаружение, фиксацию и дальнейшее использование в раскрытии и расследовании преступлений цифровых следов, образовавшихся в ходе преступных процессов, протекающих в «виртуальном» мире» [8].

Но однако при всех перипетиях в определении отрасли, нельзя отрицать того факта, что цифровая криминалистика является отраслью криминалистики, которая зародилась как обоснованный ответ правоохранителя на те преступные посягательства, которые совершаются в цифровом пространстве или с использованием цифровых инструментов. При этом основной задачей данной отрасли криминалистического учения, по нашему мнению, становится проведение всего комплекса мер для обнаружения, фиксации, изъятия и использования цифровых следов в процессе раскрытия и расследования указанного вида

преступных посягательств.

Это исходит из того, что основным отличием цифровой криминалистики от её базовой дисциплины, является то, что объём исследуемых элементов гораздо шире, и включает в себя не только конкретные физические носители, но и ту криминалистически значимую информацию, которая может на них содержаться. При этом предмет исследования цифровой криминалистики ничем не отличается от предмета родовой отрасли и состоит в поиске закономерностей механизма преступления, возникновения информации о преступлениях и лицах их совершающих, а также в выявление, сборе, анализе и оценке криминалистически значимой информации и совершенном преступном деянии, с целью дальнейшего её использования в качестве доказательственной базы в суде.

Перспективы цифровой криминалистики на сегодняшний день достаточно велики. Так, на международном семинаре «КИБЕРКРИМ-2025» прошедшем в Минске (Республика Беларусь), сотрудниками Следственного комитета России, были представлены передовые разработки в области экспертных исследований цифровых изображений и видеозаписей, технологии 3-D моделирования лица человека, для построения реалистичных фотороботов и реконструкции облика, а также передовые технологии идентификации личности по походке [9]. Эти методы в перспективе позволят существенно расширить доказательственную базу по сложным уголовным делам. Также применение системы «Умный город», позволяет с помощью системы городского видеонаблюдения распознать и идентифицировать лиц, причастных к совершению противоправных деяний, за счёт использования специального разработанных для этой цели алгоритмов [10].

За последние пять лет, искусственный интеллект стал одним из важнейших инструментов современной цифровой криминалистики. Е.Р. Россинская в своих исследованиях подробно рассматривает проблемы и перспективы использования нейронных сетей и машинного обучения в судебной экспертиологии [11]. На сегодняшний день, практические разработки в области внедрения искусственного интеллекта в цифровую криминалистику включают в себя:

- Автоматизированные криминалистические инструменты, которые призваны ускорить сбор и анализ доказательственной базы;
- Инструменты облачной криминалистики, позволяющие работать с данными в облачных платформах;
- Утилиты и специальное программное обеспечение для мобильной криминалистики, направленные на исследование мобильных устройств.

Внедрение искусственного интеллекта и алгоритмов машинного обучения для анализа большого массива данных и выявления закономерностей преступного поведения, в перспективе, может способствовать не только раскрытию преступлений, но и их предотвращению, тем самым выполнив одну из основных функций правоохранительных органов, а именно профилактики преступного поведения, что в последнее время достаточно актуально.

Особого внимания, на наш взгляд, также заслуживают разработки сервисов, позволяющих проводить анализ переписок, посредством использования искусственного интеллекта и векторных баз данных. Так группа исследователей из Astana IT University, разработали систему, позволяющую проводить семантический анализ текстовых сообщений вне зависимости от контекста, формулировок и языка написания, а также автоматически переводить текст и проводить детекцию небезопасного контента [12].

Все проблемы, с которыми сталкивается современная криминалистика, на нынешнем этапе своей трансформации, условно можно разделить на три большие группы: технические, правовые и ресурсные.

К первой группе можно отнести технические ограничения и сам процесс технического прогресса, который «дарит» преступникам большое количество способов и инструментов, для совершения ими противоправных деяний;

Вторая группа проблем заключается в том, что несовершенство законодательной базы и отсутствие чётко закреплённых понятий, необходимых в правоохранительной деятельности. Не так сложно собрать цифровые следы, как представить их в качестве вещественных доказательств, в условиях охраны частной жизни от посягательств на таковую.

Третья группа проблем включает в себя дефицит квалифицированных кадров и необходимого инструментария, наравне с методическими рекомендациями, столь необходимыми для грамотного построения линии расследования современных видов преступлений.

Как отмечалось выше, цифровизация создаёт не только новый инструментарий, направленный на расследование преступлений, но и новые виды преступных посягательств. На сегодняшний день, одной из наиболее серьёзных угроз со стороны преступников являются дипфейк-технологии, которые используются злоумышленниками для синтеза изображения и голоса посредством искусственного интеллекта для совершения мошеннических действий. Как отмечает Я.А. Климова из Волгоградской академии МВД России, наблюдается «стремительный рост количества преступлений, совершенных с использованием дипфейк-технологии, во всех странах». Отсутствие сложившейся судебно-следственной практики требует проведения специального криминалистического анализа механизма совершения таких преступлений и разработки детализированных методических рекомендаций их расследования [13].

Стоит отметить то, что развитие общей теории современной криминалистики, должно учитывать весть спектр реалий цифровой эпохи. В научной литературе исследователи отражают внимание на следующие аспекты развития:

- Формирование новых криминалистических учений, отражающих специфику цифрового пространства;
- Уточнение понятийно-категориального аппарата, с учётом появления новых объектов и явлений [14];
- Освещение в общей теории криминалистики вопросов, связанных с применением не только цифровых технологий, но и психологий, с связи с участвовавшими мошенническими действиями в сети Интернет, совершенных с использованием социальной инженерии;

По нашему мнению, особую значимость, в последнее время, приобретает криминалистическая кибернетика, как теория информационных процессов и систем в криминалистике, призванная создать комплексную методологию использования информационных технологий в работе с цифровыми следами [15].

Исследователи единодушно указывают на противоречие между стремительно развивающимися технологическими возможностями, которые предоставляет цифровизация и консервативностью правового регулирования данной отрасли. В исследованиях подчеркивается что «одной из ключевых проблем <...> является противоречие между развивающимися технологическими возможностями обработки цифровых данных и нормативными ограничениями, накладываемыми уголовно-процессуальным законодательством» [15].

Также важнейшим направлением развития криминалистического учения, по нашему мнению, является создание единых стандартов и методических рекомендаций по работе с цифровыми доказательствами. Необходима разработка «стандартизированных протоколов собирания, обработки и хранения цифровых следов, обеспечивающих их допустимость и достоверность в качестве доказательств» [15, с. 91]. Такие протоколы должны включать в себя:

- требования к использованию криптографических методов защиты данных;
- ведение журналов аудита всех действий с цифровыми доказательствами;

- обеспечение целостности информации на всех этапах её обработки [15].

Недостаточная подготовка сотрудников правоохранительных и следственных органов в области работы с цифровыми следами преступлений признается научным сообществом как одна из наиболее острых проблем, перед которыми стоит правоприменитель. Несмотря на то, что ещё в 1982 году профессором Н.С. Полевым была обоснована необходимость применения в правоохранительной деятельности математического аппарата и вычислительной техники для решения криминалистических задач [16], «современные следователи и эксперты часто не обладают достаточными компетенциями для использования современных информационных технологий» [17, с. 3]. Эта проблема зачастую приводит к неэффективному использованию имеющихся у правоохранителей инструментария и снижает качество расследования преступлений, особенно тех их категорий, которые связаны со сферой высоких технологий.

Решение кадровой проблемы также требует системного подхода к образованию и подготовке специализированных кадров для правоохранительной системы. Необходимо «модернизировать юридическое образование, включив в него программы по изучению информационных технологий, методов анализа данных и основ кибернетик» [17, с. 3]. Это должно позволить готовить специалистов, которые будут способны эффективно работать на стыки права и высоких технологий, что в значительной степени позволит эффективно и грамотно построить линию расследования современных видов преступлений, совершенных с использованием цифровых технологий.

Как показывает опыт, участие в международных семинарах и обмен опытом между профильными специалистами и правоохранителями разных стран, способствует повышению квалификации кадрового состава и внедрение передовых методов расследования в правоохранительную деятельность.

Преступность в цифровую эпоху не стоит на месте и не знает границ, поскольку носит транснациональный характер. Именно поэтому международное сотрудничество является необходимым условием эффективного противодействия данной категории преступлений. Расширение такого сотрудничества на международном уровне, позволит выработать унифицированные подходы к расследованию транснациональных киберпреступлений и использованию цифровых доказательств в разных юрисдикциях.

Подводя итог вышесказанному отметим что, цифровая трансформация криминалистики, это объективный процесс, обусловленный изменением характера преступности и появлением новых технологических возможностей для их расследования. Как подчёркивают исследователи, «дальнейшее развитие криминалистической кибернетики требует тесного взаимодействия между учёными, практиками и законодателями» [15, с. 92].

Резюмируя, отметим что:

1. Цифровизация криминалистики требует пересмотра ряда фундаментальных положений науки, включая учение о следах и следообразовании, а также понятийно-категориальный аппарат;
2. Внедрение передовых технологий, таких как искусственный интеллект, БПЛА, анализ Big-Data, Интернет-вещей и 3-D моделирование. Это позволит создать беспрецедентные возможности для процесса раскрытия и расследования преступлений.
3. Основными проблемами, на сегодняшний день, остаются правовая неопределённость, этические риски и недостаточная подготовленность кадров;
4. Решение этих проблем, в значительной степени возможно только на основе комплексного подхода, который должен сочетать в себе совершенствование теории, разработку стандартизированных протоколов и методических рекомендаций, модернизацию подготовки сотрудников правоохранительных органов и юридического образования, а также развитие международного сотрудничества.

Только при условии разработки сбалансированных правовых норм, внедрения современных технологий и подготовки квалифицированных кадров можно реализовать весь

потенциал цифровой криминалистики для борьбы с преступностью, при этом сохраняя баланс между эффективностью правоохранительной деятельности и защитой конституционных прав граждан.

Список литературы

1. Харебин, Д.Д. Современное состояние киберпреступности в России масштабы и проблемы раскрываемости / Д.Д. Харебин / Наука: опыт, проблемы, перспективы развития [Электронный ресурс]: мат-лы международной. науч.-практ. конф. (09-11 апреля 2025 года): Часть 2 / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2025. – С. 186-194.
2. Ущерб от кибератак в России в 2025 году достиг 1,5 трлн рублей // Рамблер / новости – Текст: электронный // URL: <https://news.rambler.ru/politics/55512741-uscherb-ot-kiberatak-v-rossii-v-2025-godu-dostig-1-5-trln-rubley/> (дата обращения: 19.11.2025).
3. Абаканова, В.А. Современное развитие криминалистики: цифровое изменение / В.А. Абаканова // Вестник МГПУ «Юридические науки». – №3 (59) – С 40-50. DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-40-51
4. Жамова, В.А. Интеграция цифровых технологий в традиционные криминалистические методы / В.А. Жамова // Молодой ученый. – 2025. - № 49 (600). – С. 305-310.
5. Ищенко, Е.П. У истоков цифровой криминалистики / Ищенко, Е.П. // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2019. – №3 (55). – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/u-istokov-tsifrovoy-kriminalistiki> (дата обращения: 19.11.2025).
6. Вехов, В. Б. «Электронная» криминалистика: что за этим понятием? / В. Б. Вехов // Проблемы современной криминалистики и основные направления ее развития в XXI веке: материалы междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 2017 – Текст: электронный // URL: (дата обращения: 19.11.2025).
7. Смушкин, А.Б. Цели, задачи и функции электронной цифровой криминалистики / А.Б. Смушкин // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. - № 1 (13) – С. 103-107. – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-zadachi-i-funktsii-elektronnoy-tsifrovoy-kriminalistiki> (дата обращения: 19.11.2025).
8. Ногоев, А.М. Цифровизация в криминалистике / А.М. Ногоев, Е.В. Бирюлина // Молодой ученый. – 2022. - № 21 (416). – С. 587-589.
9. «Киберкрим-2025»: новые вызовы – общие решения / Следственный комитет России. – № 18 (168). – 30 сентября 2025 . – Текст: электронный // URL: <https://pressa.sledcom.ru/Gazeta/-18-168-30-sentyabrya-2025/item/2023550/> (дата обращения: 16.03.2026).
10. Кофман, Д. В. Использование аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в целях выявления и раскрытия преступлений / Д. В. Кофман // Молодой ученый. – 2023. – № 38 (485). – С. 117-120. – Текст: электронный // URL: <https://moluch.ru/archive/485/106114> (дата обращения: 16.03.2026).
11. Россинская, Е.Р. Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. - №13-1. – С. 114-116.
12. Рзаева, Л. Разработка сервиса анализа переписок с использованием технологий искусственного интеллекта и векторной базы данных для цифровой криминалистики / Л. Рзаева, Д. Поголовкин, А. Мырзатай // Международный журнал информационных и коммуникационных технологий. – 2025. – № 6 (1). – С. 201-225. DOI: 10.54309/IJICT.2025.21.1.014
13. Климова, Я.А. Криминалистический анализ преступлений, совершенных с использованием дипфейк-технологии / Я.А. Климова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. - № 2 (76). – С. 29-35. – Текст: электронный // URL: <https://vestnikkf.ru/ru/nauka/article/83079/view> (дата обращения: 19.11.2025).

20.03.2026).

14. Валькирия, Н.И. Общая теория криминалистики в эпоху развития цифровых технологий: некоторые актуальные проблемы / Н.И. Валькирия // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2024. - № 4 (46). – с. 15-25. – DOI: 10.17150/2411-6122.2024.1.15-25.

15. Манжаро, В.В. Криминалистическая кибернетика: современные возможности собирания и исследования цифровых следов / В.В. Манжаро, А.В. Коршунов, А.А. Гайдуков // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. - № 3. – С. 89-96. – Текст: электронный // URL: <https://kvsz.ru/ru/nauka/article/105018/view> (дата обращения: 20.03.2026).

16. Полевой, Н.С. криминалистическая кибернетика: учебное пособие. 2-е изд. / Н.С. Полевой. – М.: Изд-во МГУ, – 1989. – 215 с.

17. Захарова, Л.В. Совершенствование методов работы с цифровыми следами при расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, - 2024. – 24 с.

УДК 343.98

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ, ОБРАЗУЮЩИХ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДМЕТА ТЕОРИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Червяков Михаил Эдуардович, кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Российская Федерация
mc256gt@gmail.com

Аннотация В статье предпринята попытка выделить ряд объективных закономерностей, совокупность которых образует основу предмета теории судебной экспертизы. В качестве отправного пункта для рассуждений были взяты взгляды А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской, дополненные исследованиями других знаменитых ученых, в частности Ю.Г. Корухова и В.Е. Корноухова. Вслед за названными авторами предмет теории судебной экспертизы предлагается рассматриваться как систему, состоящую по крайней мере из двух групп закономерностей. Первая изначально является предметом изучения базовых наук, служащих источниками формирования теоретических и методологических основ судебной экспертизы. Эти закономерности показывают, как возникают объекты судебной экспертизы, какие факторы опосредуют их существование до момента совершения преступления. Вторая группа описывает процессы изменения свойств объектов, возникающих в результате подготовки и совершения противоправных деяний, а также закономерности собирания и изучения указанных объектов с использованием специальных методов и средств в ходе непосредственного раскрытия и раскрытия преступлений.

Ключевые слова: предмет науки, закономерности, теория судебной экспертизы, формирование свойств объектов, изменение свойств объектов в связи с совершением преступления

ON THE ISSUE OF THE PATTERNS FORMING THE CONTENT OF THE SUBJECT OF THE THEORY OF FORENSIC EXAMINATION

Chervyakov Mikhail Eduardovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
mc256gt@gmail.com

Abstract. The article attempts to identify a number of objective patterns, the totality of which forms the basis of the subject of the theory of forensic examination. The views of A.I. Vinberg and N.T. Malakhovskaya were taken as a starting point for the discussion, supplemented by the research of other famous scientists, in particular Yu.G. Korukhov and V.E. Korno-ukhov. Following the mentioned authors, the subject of the theory of forensic examination is proposed to be considered as a system consisting of at least two groups of patterns. The first is initially the subject of the study of basic sciences, which serve as sources for the formation of the theoretical and methodological foundations of forensic examination. These patterns show how objects of forensic examination arise, what factors mediate their existence before the commission of a crime. The second group describes the processes of changing the properties of objects resulting from the preparation and commission of illegal acts, as well as the patterns of collecting and studying these objects using special methods and tools during the direct disclosure and disclosure of crimes.

Keywords: subject of science, patterns, theory of forensic examination, formation of properties of objects, change of properties of objects in connection with the commission of a crime

Знаменитый российский ученый-криминалист, доктор юридических наук, профессор Валентин Егорович Корноухов неоднократно подчеркивал, что термин «судебная экспертиза» может использоваться для обозначения нескольких относительно самостоятельных, но неразрывно связанных между собой явлений. В коллективной

монографии с двумя другим учеными – доктором юридических наук, профессором Юрием Кузьмичом Орловым и кандидатом юридических наук, доцентом Ириной Анатольевной Журавлевой он обозначил следующие аспекты изучаемого понятия: 1) судебная экспертиза – отрасль научного знания 2) судебная экспертиза – система норм процессуального права 3) судебная экспертиза – процессуальное действие, по результатам которого формируется такой вид доказательства, как заключение эксперта [1, С.26-29].

В рамках настоящей статьи судебная экспертиза будет рассматриваться в первом своем аспекте – как отрасль научного знания, позволяющая сформировать правильное об определенной группе закономерностей объективной действительности. Известно, что наука – это социальный институт, созданный людьми для получения новых знаний и определения путей его применения в общественной практике. Основное предназначение науки о судебной экспертизе – разработать и своевременно предоставить в распоряжение правоприменителя инструменты и технологии, использование которых позволяло бы с максимальной степенью точности устанавливать обстоятельства совершения разного рода правонарушений.

Впервые идея о необходимости выделения в составе прикладных юридических дисциплин самостоятельной науки о судебной экспертизе была высказана в конце 50-х годов XX века. Эту мысль озвучил еще один знаменитый отечественный ученый – Александр Романович Шляхов [см.: 2, С.5-6]. Данная точка зрения нашла своих сторонников, но в целом ученое сообщество ее не разделяло вплоть до конца 1970-х годов, когда была опубликована во многом эпохальная работа Абрама Ильича Винберга и Нины Терентьевны Малаховской «Судебная экспертология» [3]. В монографии констатировался тот факт, что в результате интенсивного развития института судебной экспертизы, теоретического общения многих положений практики производства судебных экспертиз в недрах криминалистики сформировалась и обрела свое полноценное существование новая отрасль научного знания. Авторы называли ее судебной экспертологией или учением о судебной экспертизе; в последующем для обозначения вновь сформированного направления научной мысли стал широко использоваться термин «теория судебной экспертизы». А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская показали, что данная теория имеет все атрибуты самостоятельной науки – четко выделенный объект, не сводимый к другим отраслям научного знания предмет, развитую методологию и понятийный аппарат исследования. Ученые предложили свой взгляд на структуру теории и дали подробную характеристику наиболее важных ее элементов.

Окончательное становление науки о судебной экспертизе пришлось на конец 1990-х – начало 2000-х годов. Ведущий ученый в области теории судебной экспертизы современной России, доктор юридических наук, профессор Елена Рафаиловна Россинская в своей программной статье, вышедшей в свет в середине 2010-х годов, выделила основные этапы развития науки о судебной экспертизе, и привела коллективную точку зрения на ее составные части – отдельные учения, составляющие содержание теории; в работе выдающегося ученого также были приведены взгляды других авторов на предмет теории судебной экспертизы, выказаны замечания относительно точности отражения в них существенных сторон процессов, изучаемых судебной экспертологией [см.:4].

Е.Р. Россинская подчеркнула, что благодаря усилиям большого числа исследователей судебная экспертиза из междисциплинарного института, объединяющего в себе отдельные части криминалистического и процессуального знания, экспертология стала именно наукой – такой же самостоятельной с точки зрения присущих ей признаков, как другие отрасли практико-ориентированного научного знания преимущественно правового, юридического характера. В другой работе Е.Р. Россинская выделила также закономерности, изучаемые судебной экспертологией, и обозначила функции науки [5, С.52-55].

Следует также отметить, что наряду с названными учеными, значительный вклад в развитие теории судебной экспертизы внесли такие исследователи, как Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, С.Ф. Бычкова, Т.С. Волчецкая, Ф.М. Джавадов, А.М. Зинин, Ю.Г. Корухов, Н.П. Майлис, И.Н. Сорокотягин, Д.А. Сорокотягина, К.Н. Шакиров и другие. Изучение

теоретических основ судебной экспертизы продолжается и в настоящее время [см.: 2; 6; 7; 8; 9; 10, С.445-449].

Предметом любой науки являются изучаемые ею закономерности. Закономерности, образующие предмет теории судебной экспертизы, условно могут быть разделены на две группы.

Первая из них - это закономерности так называемых «материнских»¹ или (другой вариант названия) базовых наук [см.: 3, С.26-30]. Речь идет об отраслях научного знания, формирующих основу для построения прикладной отрасли науки о судебной экспертизе. К ним относятся в первую очередь естественнонаучные дисциплины - физика, химия, биология, медицина и все точные науки, обобщенно называемые «математическими». Базу для исследования технических систем составляют различные технические науки, общественные и гуманитарные науки привлекаются для изучения социальных процессов и поведения отдельно взятого человека (экономика, психология и др.). Главное предназначение базовых наук - изучить закономерности возникновения и развития свойств объектов, исследование которых составляет непосредственную задачу судебной экспертизы. Более того: сама возможность возникновения конкретного направления экспертного исследования обусловлена существованием подробно разработанной системы теоретических знаний из области базовых наук. Логика появления новых родов и видов судебных экспертиз всегда носила характер последовательного продвижения научной мысли из области фундаментальных теоретических дисциплин в одну или несколько отраслей прикладного научного знания о них – в практические сферы деятельности человека, в том числе в правоприменительную деятельность органов государства, И один из его важнейших элементов – судопроизводство.

Наглядным примером этого процесса является история возникновения судебной компьютерно-технической экспертизы. В своей работе Е.Р. Россинская и А.И. Усов приводят названия около 10 научных дисциплин каждую из которых можно назвать базовой для возникшего на наших глазах нового рода класса инженерно-технических экспертиз - судебной компьютерно-технической экспертизы [11, С. 41-49] Интенсивное и целенаправленное развитие электроники, кибернетики и системотехники позволило примерно к середине 80-х годов XX века настолько уменьшить размеры электронно-вычислительных устройств, что из приборов размером с платяной шкаф весом несколько сотен килограмм, они превратились в бытовое устройство, свободно переносимое одним человеком. Так появились первые персональные ЭВМ сначала в стационарном, а затем и мобильном варианте (например, ноутбук). Одновременно ученым удалось связать вычислительные процессы, выполняемые компьютером с формированием и представлением текстовой и аудио - визуальной информацией. Компьютер превратился в устройство, с помощью которого можно теперь не только создавать и распечатывать документы, но также слушать музыку и смотреть видеофильмы [см.12].

Выход на микро-, а затем и нано уровни создания полупроводниковых приборов сделал возможным дальнейшее уменьшение размеров персональных компьютеров, превращение их в устройство, уместящееся в человеческую ладонь. Конструкторская мысль создала непрерывно обновляющийся ряд мобильных телефонов с функцией персонального компьютера - разного рода смартфоны, айфоны, без которых теперь невозможно представить жизнь современного человека. Логическим завершением процесса стало объединение всех пользователей переносных компьютерных устройств в одну глобальную электронную «сверх – систему», известную нам под названием сеть «Интернет». Благодаря Интернету плотность информационных потоков возросла настолько, что человек стал участником непрерывного процесса получения и передачи общественно - значимой информации; потребность в общении удовлетворяемая с помощью компьютерных средств

¹ В терминологии А.И Винберга и Н.Т. Малаховской (Прим. автора).

приобрела такой характер, что, как показывает практика, перерыв Интернет - вещания более чем на сутки рассматривается людьми не иначе как коммунальная авария или недопустимый сбой в работе социально значимой инфраструктуры [13].

Как уже не раз бывало в истории, различные технические нововведения наряду со своими положительными моментами имели и оборотную, изнаночную сторону, создавая специфические проблемы в ряде областей общественной жизни. Персональные компьютеры и Интернет не стали исключением и в этот раз. Интернет является лишь отражением действительно существующих отношений между людьми, поэтому все негативное, что есть человеческом обществе, с необходимостью воспроизводится в глобальной компьютерной Сети. Сказанное в полной мере относится к деятельности криминальных элементов которые стали широко использовать компьютерные средства при подготовке и совершении различных преступлений².

Использование криминальными элементами компьютерных техники заставило правоохранительные органы разработать меры адекватного противодействия новым формам преступной активности. На помощь пришло одно принципиальная особенность, лежащая в основе работы всех компьютерных систем³. Каждое компьютерное устройство обладает свойством «самозапечатлеть» все действия, произведенные над ним как над электронно-вычислительной системой любым пользователем, эксплуатировавшим технические возможности данного устройства. И если таким пользователем был преступник, то в компьютерной системе сохранится информация и о его действиях и поведении, которое осуществлялось при помощи дистанционного средства общения с другими людьми [см.: 15, С.49].

В настоящее время информационное состояние компьютерных систем, выступавших орудиями и средствами совершения правонарушений, устанавливается в ходе производства судебной компьютерно-технической экспертизы. Научную базу ее проведения образуют

² Прежде всего, появились новые виды преступных деяний, объектом которых стала компьютерная информация, а также нормальное состояние работы компьютерных систем. К их числу относятся, например, такие преступления, как неправомерный доступ к компьютерной информации, или распространение вредоносных программ для ЭВМ (ст. 272, 273 УК РФ) [14]. Во-вторых, значительно расширились возможности криминальных элементов в согласовании своих действий на этапе планирования и реализации преступного замысла. Используя мобильные телефоны, устройства, преступники стали разрабатывать и применять новые способы совершения преступлений противодействовать которым при первых столкновениях с подобными формами криминальной активности оказалось достаточно сложно. Наиболее ярко данная тенденция проявила себя в сфере незаконного оборота наркотиков, оружия, других предметов и веществ, свободная продажа которых ограничена или запрещена. В начале 2010-х годов в криминалистический оборот прочно вошел термин «бесконтактный сбыт наркотиков», обозначающий ситуацию, при которой сбытчик и приобретатель наркотических средств договариваются о купле - продаже наркотиков в ходе общения в сети Интернет, а непосредственное получение психоактивных веществ происходит без личной встречи участников совершаемых преступлений, посредством их изъятия из тайника, оборудованного в заранее обусловленном месте. Разумеется, отслеживать подобную активность в компьютерных сетях чрезвычайно сложно, также непросто доказать связь приобретателя наркотиков с распространителем психоактивных веществ ввиду отсутствия личного знакомства их между собой. При этом следует отметить, что бесконтактный сбыт наркотиков - это лишь одно из многих преступлений традиционного, «общеуголовного» характера, совершаемое преступниками с помощью высокотехнологичных компьютерных средств (*Прим. автора*).

³ Любое компьютерное устройство сохраняет в своей электронной памяти информацию о том, в каком состоянии на данный момент находится эта компьютерная система, в каком состоянии она находилась некоторое время назад и причинах изменения своего состояния, включая действия пользователя компьютерной системы. Если устройство было подключено к компьютерной сети, то в пределах технических возможностей каждого оборудования сохраняется информация, принятая устройством от других элементов компьютерной сети, переданная в сеть или, во всяком случае, позволяющая установить местонахождения и пользователя этих элементов. Слово «память» в данном случае используется конечно в переносном смысле для обозначения способности устройства запечатлеть параметры электронных процессов, происходивших внутри функциональных блоков устройства в процессе его использования своему основному назначению. Информация сохраняется в форме электрических и магнитных сигналов, которые могут быть представлены внешнему наблюдателю в виде текста, картинки, звука или их сочетания (*Прим. автора*).

дисциплины естественно технического и математического профиля, о которых говорится в работе Е.Р. Россинской и А.И. Усова. Положения базовых наук действительно выступают источником формирования методических основ производства конкретного рода (вида) судебной экспертизы. Однако одних лишь фундаментальных теоретических знаний, и даже их отражения в прикладных дисциплинах межотраслевого характера еще недостаточно, для того чтобы эксперт мог дать полный и обстоятельный ответ на вопрос, поставленный перед ним инициатором назначения экспертизы. В большинстве случаев требуется трансформация базового знания, его приспособление под решение конкретной экспертной задачи. И здесь мы выходим на вторую составляющую предмета науки о судебной экспертизе, которую В.Е. Корноухов определил, как «закономерности, позволяющие решать задачи расследования». О каких именно закономерностях идет речь?

Прежде всего, это закономерности изменения первоначальных свойств объектов в результате совершения действий по подготовке, совершению и сокрытию правонарушения. Выражаясь другими словами, это закономерности возникновения следов, материальных последствий правонарушения, по которым эксперт может воссоздать картину действия, события, процесса, имеющего актуальное юридическое значение.

Базовые науки описывают объект судебной экспертизы в его «первозданном» состоянии - т.е. в том виде, в каком он существует до момента воздействия на него со стороны правонарушителя. В результате совершения противоправных действий в объекте с необходимостью происходят необратимые изменения: одни свойства исчезают, другие появляются. Отсутствие исходных свойств, равно как и наличие не типичных для данного объекта являются информационными сигналами о том, что, на объект было оказано воздействие. Процесс изменения свойств под влиянием действующих факторов носит закономерный характер т.е. каждому определенному воздействию соответствует такое же определенное и поддающееся описанию изменение. Зная закономерности происхождения изменений, исследователь может решать две группы задач: во-первых, прогнозировать изменения, если воздействие еще не оказано; во-вторых - и это имеет принципиальное значение для судебной экспертизы - по имеющимся изменениям установить действующий фактор т.е. выяснить причину, по которым такие изменения произошли.

Опираясь на достижения фундаментальных наук, теоретический аппарат судебной экспертизы изучает закономерности возникновения материальных объектов - носителей информации о совершенном преступлении. Знания об этих закономерностях включают в себя как минимум, описание типичных способов действий правонарушителя или наиболее распространенных вариантов развития неконтролируемых событий, по поводу которых впоследствии возбуждается производство по делу. Сообразно этим процессам теоретические положения описывают типичные следы, возникающие в результате совершения действий, наступления и развития событий. Отметим, что чем более разветвленную классификацию следов удастся разработать в судебной экспертизе, тем больше возможностей у эксперта в воссоздании картины произошедшего события, установления его механизма, причин, последовательности совершения.

Еще одна группа закономерностей, непосредственно ориентированная на решение прикладных задач судебной экспертизы - закономерности обнаружения, фиксации, изъятия и сохранения вещественных доказательств - объектов экспертного исследования. Очевидно, что исследование этой группы связей основано на изучении закономерностей возникновения объектов судебной экспертизы; но если предыдущие закономерности показывают, как возникает потенциальный объект, то данная группа говорит, как материальный носитель вовлекается в правоприменительный процесс, становясь уже не потенциальным, а актуально возможным источником доказательственной информации.

До того момента своего обнаружения на месте происшествия любой материальный носитель доказательственной информации по большому счету существует как своеобразная «вещь в себе». Содержащаяся в нем информация может иметь важное значение для

правильного установления обстоятельств дела, но, если носитель не будет официально зафиксирован и приобщен к материалам юридического производства, он не начнет свое существование в качестве вещественного доказательства, а значит, не сможет ни подтвердить, ни опровергнуть ни один юридический факт. Вовлечение будущих объектов судебной экспертизы в сферу правоприменительной деятельности, придание им надлежащего процессуального статуса составляет задачу первого этапа работы с материальными следами, который называется собирание доказательств. Задача сведущего лица - выделить в обстановке исследуемого события материальные предметы, предположительно находящиеся в объективной связи с действиями участников, зафиксировать факт нахождения предмета в обстановке, а затем изъять его, в том числе для последующего изучения в ходе производства судебной экспертизы.

И если изъятый объект реально связан с событием преступления, и эти связи могут быть выявлены при помощи имеющихся у эксперта технических средств, то при правильной организации экспертного исследования возможность познания обстоятельств дела, возникшая благодаря обнаружению носителя информации, превратится в действительность и примет вид обоснованных ответов на вопросы, поставленные перед экспертом инициатором назначения экспертизы.

Третью группы специфических закономерностей, образующих предмет науки о судебной экспертизе, составляют закономерности использования данных базовых (материнских) наук для изучения свойств объектов судебной экспертизы и установления на этой основе юридически значимых обстоятельств конкретного дела. Пожалуй, это одна из наиболее значимых и в то же время сложных для изучения групп закономерностей прикладного характера. Значимых в том отношении, что через использования знаний об этих закономерностях реализуется непосредственное предназначение судебной экспертизы - установление новых фактов - действий, событий, которые реально произошли и образуют категорию действительно существовавшего прошлого.

Сложность реализуемых закономерностей обусловлена тем что, во-первых, они относятся к деятельности по непосредственному изучению объектов экспертизы, то есть, решению самой сути экспертной задачи, что разумеется не может быть простым по определению. Очевидно, что обнаружение и фиксация следов преступления при всей значимости этого процесса все-таки только создает предпосылки для производства экспертизы и не является однозначной гарантией, что эксперт сможет дать ответы на все не вопросы правоприменителя.

Далее, сложность образует сам характер задачи, которую решает эксперт. Фактически ему приходится двигаться в обратном направлении - располагая знаниями о закономерностях изменения свойств объекта судебной экспертизы, установив эти свойства, высказывать суждение о действиях и процессах, которые могли обусловить наблюдаемую картину изменений. Одновременно устанавливаются объекты, при участии которых произошло изменение свойств, определяются их существенные признаки. Тем не менее, даже при наличии хорошо разработанной методики простота формулирования вывода о причинах изменения свойств объекта экспертизы всегда будет носить кажущийся характер.

С точки зрения формальной логики заключение эксперта представляет собой условно-категорический силлогизм, в котором в качестве большей посылки выступают соответствующие положения судебно-экспертной отрасли знаний, меньшей - факты, установленные сведущим лицом в результате исследования представленных ему объектов и материалов дела. Выводом из этих двух посылок является новое знание, которое в виде ответа на поставленные вопросы формулируется в заключении эксперта [см.: 16, С.71-78].

Между тем, известно, что в условно - категорических суждениях достоверный вывод следует только при движении мысли от причины к следствию, но не наоборот: наличие определенных следствий не исключает иной причины их возникновения, нежели та, которая многократно подтверждалась опытом проведения других подобных исследований [17, С.

152-153]. Сказанное не означает, что суждение эксперта о причинах возникновения явления не может быть достоверным и адекватно отражать обстоятельства дела. Следует иметь в виду, что некоторая часть выводов может быть дана экспертом в вероятностной форме и окончательное суждение о существовании конкретного факта будет оставлено на усмотрение правоприменителя. В этой ситуации важно уже, чтобы сам инициатор назначения экспертизы не допустил внутренней психологической подмены и не придал предположительному суждению статус категорического высказывания. Что же касается категорических выводов - как показывает практика, при строгом следовании экспертом методики исследования, отсутствии ошибок в сведениях об объекте экспертизы, сообщаемых инициатором ее назначения, категорические выводы всегда носят объективно достоверный характер и не вызывают сомнений в соответствии их этому требованию.

Итак, судебная экспертиза как отрасль научного знания имеет своим предметом изучение двух групп закономерностей. Первая закономерности базовых наук, они раскрывают естественнонаучные законы происхождения объектов экспертного исследования. Благодаря знанию базовых закономерностей эксперт и другие сведущие лица получают представление о первоначальном состоянии объекта, его отличительных признаках в период времени, предшествующий отображению в нем обстоятельств совершения преступления, а также отображению его самого как орудия, инструмента либо непосредственного исполнителя противоправного деяния.

Закономерности второй группы описывают процессы изменения материальных объектов в результате совершения преступления и возникновения следовой картины юридически значимого события, которая может быть исследована с применением методов базовых наук; процессы обнаружения потенциальных объектов судебной экспертизы, фиксации факта обнаружения и их сохранения в качестве материалов дела; процессы изучения объектов судебной экспертизы с целью выяснения параметров действия, события иного фактора внешней или внутренней среды, которые привели к наблюдаемым изменениям состояния объекта судебной экспертизы.

Изложенные представление о предмете теории являются развитием взглядов основоположников науки судебной экспертизе – А.И. Винберга Н.Т. Малаховской, поддержанные многими отечественными учеными, прежде всего, В. Е. Корноуховым. Они опираются и на другие высказанные в литературе взгляды относительно предметной составляющей теории судебной экспертизы, в частности, мнение Ю.Г. Корухова. Разумеется, указанием на эти закономерности не может быть очерчен весь предмет науки – в нем существует целый блок, посвященный собственно науковедческим основам теории, образно говоря, «науки о развитии самой науки». Следует отметить, что система науковедческих основ стала разрабатываться одновременно с выработкой понимания о базовых элементах предмета теории судебной экспертизы и в наиболее завершенных своих формах нашла отражение в трудах Е.Р. Россинской и Т.В. Аверьяновой. Раскрытие закономерностей развития науки представляют собой тему отдельной статьи, но здесь хотелось бы отметить, что описанные выше группы связей и отношений и закономерности формирования научных основ судебной экспертизы существует как нераздельное целое: вторая группа связей показывает, каким образом развивается знание о процессах возникновения и исследования непосредственных объектов судебных экспертиз, то есть о явлениях, образующих самую суть и основное содержание судебно-экспертной деятельности. Строго говоря, именно эти науковедческие основы и создают целостное представление о предмете, объекте, методологических основах теории, показывают, как выглядит сложившаяся на данном этап развития система науки и т.п.

Мы понимаем, что многие из высказанных в настоящей статье мнений по вопросу предмета теории судебной экспертизы носят дискуссионный характер и не исключают, а возможно даже и предполагают иные, отличающиеся от них взгляды на рассматриваемую проблему. Однако это неизбежно, ведь научное познание – слишком сложный институт, чтобы

даже господствующая теория могла говорить о том, что знает о своем предмете абсолютно все; всегда будет существовать положение, при котором какие-то объекты научного исследования изучены более полно, какие-то в меньшей степени, что будет давать простор для высказывания альтернативных точек зрения, построения параллельных гипотез. Разумеется, наука о судебной экспертизе не является исключением из этого общего для всех других наук закономерного, поступательного развития процесса познания. Однако приведенные нами соображения, опирающиеся на проверенные временем взгляды знаменитых ученых, как представляется, в большинстве своем соответствуют объективной действительности, а значит, могут служить надеждой основной для разработки практико-ориентированных рекомендаций по изучению следов преступления и вещественных доказательств.

Список литературы

1. Курс криминалистики. Спецкурс «Судебная экспертиза»: Учебно-метод. комплекс. Ч.1 /под ред. В.Е Корноухова. – Красноярск: Краснояр. гос. ун.-т, 1998. - 332 с.
2. Сорокотягина, Д.А. Судебная экспертиза: Учебное пособие / Д.А. Сорокотягина, И.Н. Сорокотягин. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. - 336 с.
3. Винберг, А.И. Судебная экспертология. Общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз: Учебное пособие / А.И. Винберг, Н.Т. Малаховская; отв. ред. Б.В. Викторов. – Волгоград: НИИРИО ВСШ МВД СССР, 1979. - 183 с.
4. Россинская, Е.Р. Судебная экспертология – наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности / Е.Р. Россинская // Теория и практика судебной экспертизы. - 2015. - № 4(40). – С. 10-18.
5. Россинская, Е.Р. Экспертиза в судопроизводстве: учебник / Е.Р. Россинская, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. –М.: Проспект, 2024. – 416 с.
6. Аверьянова, Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории /Т.В. Аверьянова. – М.: Норма, 2006. – 480 с.
7. Бычкова, С.Ф. Судебная экспертиза: научные, организационно-правовые и методические основы: Учебное пособие / С.Ф. Бычкова. – Алматы: «Жеты жарғы», 2002. - 432 с.
8. Зинин, А.М. Судебная экспертиза. Учебник / А.М. Зинин, Н.П. Майлис. – М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002. – 320 с.
9. Волчецкая, Т.С. Основы судебной экспертологии / Т.С. Волчецкая. – Калининград, 2004. – 195 с.
10. Белкин, Р.С. Курс криминалистики: Учеб. пособие для вузов / Р.С. Белкин. – 3-е изд., дополненное. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право. 2001. – 837 с.
11. Судебные экспертизы в гражданских процессах / Под ред. доктора юридических наук, заслуженного деятеля науки РФ Е.Р. Россинской. – М.: Проспект, 2018. – 701 с.
12. Виртуальный компьютерный музей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.computer-museum.ru/> (дат обращения: 25.03.2026)
13. Диков, А.В. Эволюция Интернета от начала до наших дней и далее / А.В. Диков. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <file:///C:/Users/%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB/Downloads/evolyutsiya-interneta-ot-nachala-do-nashih-dney-i-dalee.pdf> (дата обращения: 25.03.2026)
14. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026)). - КонсультантПлюс: официальный сайт компании «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. - https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
15. Электронное раскрытие и расследование преступлений: российский и зарубежный опыт, перспективы: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. С.В Зуева; докт. юрид. наук, доц. П.С. Пастухова. – М.: Юрлитинформ, 2025. -256 с.
16. Эйсман, А.А. Заключение эксперта: структура и научное обоснование / А.А. Эйсман. – М.: Юридическая литература, 1967. – 152 с.
17. Гусев, Д.А. популярная логика и занимательнее задачи. Учебное пособие / Д.А. Гусев. – 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Прометей, 2020. - 406 с.

УДК 343.3

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВКЛЮЧЕНИЯ В СТРАХОВОЙ СТАЖ ПЕРИОДА УХОДА ЗА ДЕТЬМИ

Широких Светлана Викторовна, старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
diritto@mail.ru

Аннотация. В статье автор на основе сравнительно-правового анализа норм законодательства, регулирующего порядок исчисления страхового стажа, рассматривает изменения нормативно-правовой базы, регулирующей включение в страховой стаж, дающий право на страховую пенсию по старости, так называемых «нестраховых» периодов. Некоторые проблемные аспекты включения в страховой стаж периодов ухода за детьми рассмотрены исходя из сложившейся правоприменительной практики.

Ключевые слова: общий страховой стаж; специальный страховой стаж; страховая пенсия по старости; исчисление страхового стажа; иные периоды, засчитываемые в страховой стаж; период ухода одного из родителей за ребенком до полутора лет; пособие по уходу за ребенком; обязательное пенсионное страхование

EVOLUTION OF LEGAL REGULATION OF INCLUSION OF CHILD CARE PERIODS IN INSURANCE EXPERIENCE

Shirokikh Svetlana Viktorovna, Senior Lecturer
Krasnoyarsk state agrarian university, Krasnoyarsk, Russia
diritto@mail.ru

Abstract. In this article, the author, based on a comparative legal analysis of the legislation governing the calculation of insurance experience, examines the changes in legal regulation regarding the inclusion of so-called "non-insurance" periods in the insurance experience that gives the right to an old-age insurance pension. Some problematic aspects of including childcare periods in the insurance period have been considered based on the existing law enforcement practice.

Keywords: general insurance period; special insurance period; old-age insurance pension; calculation of insurance period; other periods included in insurance period; period of one of the parents caring for a child under one and a half years of age; childcare allowance; compulsory pension insurance

Институт стажа является одним из ключевых в системе социального обеспечения. Впервые наличие определенной продолжительности государственной службы в качестве необходимого условия для приобретения права на пенсию появилось еще при Екатерине II. В советский период законодательное закрепление получило понятие «трудовой стаж», Закон РФ «О государственных пенсиях в Российской Федерации» содержал отдельную главу, посвященную трудовому стажу. С 2002 года трудовой стаж заменен на страховой, следовательно, в настоящий момент данный вид стажа имеет юридическое значение для лиц, начавших трудовую деятельность до 2002 года. Ключевым отличием данных категорий является условие приобретения стажа, если в случае с трудовым стажем условием его приобретения является осуществление трудовой и иной общественной полезной деятельности, то для приобретения страхового стажа основным условием является уплата страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, а факт труда уже не имеет определяющего значения (например, в страховой стаж включаются периоды, когда человек не работал, но уплачивал страховые взносы, либо также возможна уплата страховых взносов

за другое лицо).

Традиционно, как в советском, так и в российском законодательстве, в стаж, помимо периодов работы, включались иные периоды, когда человек не работал по уважительной причине (военная служба по призыву, получение пособия по временной нетрудоспособности и иные). ФЗ РФ «О страховых пенсиях» содержит исчерпывающий перечень так называемых «нестраховых» периодов, когда человек не работал, страховые взносы за него не уплачивались, среди таких периодов следует выделить период ухода за ребенком до достижения им возраста полутора лет как один из наиболее распространенных и вызывающих большое число вопросов, связанных с его включением в стаж, дающий право на пенсию по старости, в том числе, досрочную [1].

Следует отметить, что впервые страхование на случай беременности и родов было законодательно закреплено еще в 1917 году Декретом ВЦИК «О страховании на случай болезни» [2], который впервые в мире ввел понятие оплачиваемого отпуска по беременности и родам (предусматривал два вида пособия: – по беременности и родам, которое выплачивалось 8 недель до и 8 недель после родов, в течение которых работодателю было запрещено привлекать женщину к работе; – пособие, выплачиваемое до 9 месяцев после родов в размере от 25% до 50% от заработка женщины), после чего за данным периодом закрепилось название «декретный отпуск» (в настоящий момент законодательство не содержит данного термина, однако, он активно используется в повседневной жизни). Однако, данный документ не предполагал предоставление длительного отпуска по уходу за ребенком. Постановление Совета Министров СССР от 13.10.1956 установило право женщин на дополнительный отпуск продолжительностью три месяца после отпуска по беременности и родам, однако, данный период не оплачивался. Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 05.07.1968 увеличил продолжительность неоплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до года. В 1982 году был установлен частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до года и также предусмотрен отпуск без сохранения заработной платы по уходу за ребенком до полутора лет. Постановление Совмина СССР и ВЦСПС от 22.08.1989 предоставило женщинам право на частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до полутора лет и на отпуск без сохранения заработной платы до достижения им возраста трех лет, причем оба периода засчитывались в общий и в непрерывный трудовой стаж, а также в стаж работы по специальности и в стаж, дающий право на пенсию на льготных условиях и в льготных размерах. Несмотря на то, что право на данные отпуска предоставлялось женщинам, закон позволял их предоставление отцу ребенка или другому лицу, осуществляющему уход за ребенком в случае, если мать не могла осуществлять уход по причине болезни или смерти.

Закон РФ «О государственных пенсиях в Российской Федерации» также к периодам, засчитываемым в трудовой стаж, относил период ухода за ребенком до трех лет, но не более, чем 9 лет в общей сложности. ФЗ РФ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в первоначальной редакции сократил продолжительность указанного периода до полутора лет и не более, чем три года в общей сложности, однако, позднее данный пункт был изменен в части увеличения периода ухода за каждым ребенком в общей сложности с трех до четырех с половиной лет. Ныне действующий ФЗ РФ «О страховых пенсиях» в изначальной редакции позволял включить в стаж период ухода за каждым ребенком, но не более, чем шесть лет в общей сложности. С 01.01.2026 года вступили в силу изменения, устранившие данное ограничение, то есть, по ныне действующему законодательству в страховой стаж, дающий право на получение страховой пенсии по старости, будут включаться периоды ухода за всеми детьми без каких-либо количественных ограничений. Важным нововведением является возможность суммирования периодов ухода за несколькими детьми в случае многоплодной беременности по их фактической продолжительности, то есть в двойном, тройном и т.д. размере [1]. Также в данном случае, закону придана обратная сила, что позволяет пересчитать стаж женщинам, уже получающим пенсию по старости. По данным Социального фонда РФ был произведен перерасчет пенсий по старости в беззаявительном

порядке более чем 400 тыс. женщин.

Как уже было отмечено ранее, в настоящий момент размер страховой пенсии, в том числе, по старости, зависит от продолжительности страхового стажа и страховых взносов, уплаченных работодателем. В страховой стаж включаются и иные периоды, когда взносы не уплачивались, однако, данные периоды также имеют балльную оценку, 1 год ухода за первым ребенком – 1,8 балла (2,7 балла за 1,5 года); 1 год ухода за вторым ребенком – 3,6 балла (5,4 балла за 1,5 года), 1 год ухода за третьим и всеми последующими детьми – 5,4 балла (8,1 балла за 1,5 года). Данные периоды будут засчитаны в стаж только в случае, если им предшествовали или за ними следовали периоды работы. Кроме этого, законодательство позволяет лицам, осуществляющим уход за детьми, работать, в том числе, выйти на полный рабочий день (до 2024 года существовало ограничение, позволявшее работать только на условиях неполного рабочего времени, отмененное ФЗ РФ от 19.12.2023 № 614-ФЗ и 620-ФЗ). В данном случае в стаж будет засчитан лишь один период по выбору застрахованного лица, либо период работы, либо период ухода за ребенком. Однако, периоды ухода за детьми на включаются в льготный, длительный стаж работы, дающий право на досрочный выход на пенсию (для женщин установлена продолжительность стажа – 37 лет).

Рассматривая проблемные аспекты включения в стаж периодов ухода за детьми, необходимо обратиться к судебной практике. В данный период выходят на пенсию женщины 1960-ых годов рождения (в 2026 году – 1967 года рождения), то есть у большинства из них дети были рождены еще во время существования СССР, зачастую, в союзных республиках, которые сейчас являются суверенными государствами. Достаточно часто женщины, обращаясь за назначением страховой пенсии по старости, в том числе, досрочной, сталкиваются с тем, что в их страховой стаж не включаются периоды ухода за ребенком, что приводит к недостаточности стажа и к невозможности получать пенсионную выплату. Судебная практика в данном случае встает на сторону женщин, суды обязывают СФР включать спорные периоды в стаж. Вызывает интерес судебный спор, рассмотренный в сентябре 2025 года. С иском о включении в стаж, дающий право на досрочный выход на пенсию, периодов ухода за детьми, обратилась женщина – мать троих детей. При обращении с соответствующим заявлением в СФР ей было отказано, так как двое из троих детей были рождены и воспитаны до 8 лет на территории Узбекистана. Ввиду того, что РФ в 2023 году денонсировала Соглашение СНГ в области пенсионного обеспечения, а новое соглашение с Узбекистаном в настоящий момент не заключено, то при оценке пенсионных прав, приобретенных на территории бывшего СССР применяется законодательство РФ, и в стаж засчитываются периоды ухода за детьми, рожденными и воспитанными на территории РФ и бывшей РСФСР. Суд, проанализировав фактические обстоятельства дела, пришел к выводу о необходимости зачета спорных периодов в стаж, дающий право на досрочную пенсию. В судебном решении было отмечено, что для учета стажа, приобретенного на территориях бывших республик СССР в период до распада Советского Союза, следует учитывать, что в целях установления пенсий уплата взносов на государственное социальное страхование до 1 января 1991 г. приравнивается к уплате страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации (п.2 ст.29 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации») [5]. Данное исключение обусловливается единым правовым, экономическим, социальным пространством, существовавшим в рамках Союза ССР, а также необходимостью сохранения пенсионных прав, приобретенных по нормам ранее действовавшего законодательства в рамках пенсионной системы СССР. Таким образом, для определения права на досрочную страховую пенсию по старости по основаниям, предусмотренным п.1.2 ч.1 ст.32 ФЗ от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», в страховом стаже подлежит учету работа и (или) иная деятельность, имевшая место в государствах - бывших союзных республиках Союза ССР, но только за периоды до 1 января 1991 г. Поскольку спорный период ухода за детьми имел место на территории СССР до его распада (в УзССР), и он начался до 01.01.1991 года, то период нахождения в данном

отпуске подлежит включению в стаж, дающий право на досрочное назначение страховой пенсии по старости [6]. Также, Постановлением Пленума ВС РФ № 30 от 11.12.2012 установлено, что периоды ухода за ребенком до полутора лет должны включаться в специальный страховой стаж, дающий право на досрочный выход на пенсию по старости, если они имели место до 6 октября 1992 года (даты вступления в силу Закона Российской Федерации от 25 сентября 1992 года № 3543-1 «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде Российской Федерации», который отменил включение в специальный страховой стаж периода отпуска по уходу за ребенком) [7].

Таким образом, беря во внимание изменения нормативно-правовой базы, регулирующей порядок предоставления и учета в страховой стаж периодов ухода за ребенком, можно сделать вывод, что законодательство постепенно совершенствуется в части более полного учета интересов родителей, осуществляющих уход за ребенком в части снятия ограничений по количеству детей, уход за которыми учитывается в общий страховой стаж, исчисления отпусков по уходу по их фактической продолжительности при многоплодной беременности, предоставления возможности трудиться во время отпуска по уходу за ребенком без утраты права по пособие.

Список литературы

1. Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // Справочная правовая система Консультант Плюс. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=500024&dst=100193#jEE X8gUAn7S4THxu> (дата обращения 19.02.2026).
2. Декрет ВЦИК «О страховании на случай болезни» от 22.12.1917 // Декреты Советской власти. Электронная библиотека исторического факультета МГУ. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-22.htm> (дата обращения 25.02.2026).
3. Постановление Правительства РФ от 02.10.2014 № 1015 «Об утверждении Правил подсчета и подтверждения страхового стажа для установления страховых пенсий» // Справочная правовая система Консультант Плюс. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=524686#ISAM1CVTG9qD GMSQ> (дата обращения: 25.02.2026).
4. Закон РФ от 20.11.1990 № 340-1 «О государственных пенсиях в Российской Федерации» // Справочная правовая система Консультант Плюс. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=34222&dst=100001#7eyN 1CVaSrem709p> (дата обращения: 22.02.2026).
5. Федеральный закон от 17.12.2001 № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» // Справочная правовая система Консультант Плюс. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=370203&dst=100001#Xjk gbCVnUDViMtZ8> (дата обращения: 22.02.2026).
6. Решение № 2-488/2025 2-488/2025~М-390/2025 М-390/2025 от 4 сентября 2025 г. по делу № 2-488/2025 // sudact.ru/regular/doc/Yes4xh9Qs76x/ (дата обращения: 25.02.2026).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 № 30 «О практике рассмотрения судами дел, связанных с реализацией прав граждан на трудовые пенсии» // Справочная правовая система Консультант Плюс. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=325876&dst=100001#YjM hbCVIvflZL8qq> (дата обращения: 25.02.2026).

СЕКЦИЯ 9. СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 141.4

ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ (СВЯТООТЕЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И УНИКАЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ)

Барина Светлана Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
svetabar2014@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается уникальность русской философской мысли. Анализируются основные самобытные концепции, послужившие основой современной русской философии. Отмечается роль православия в формировании истоков русской философской мысли.

Ключевые слова: философия, уникальность, соборность, наследие, традиция

ORIGINS OF MODERN RUSSIAN PHILOSOPHY (PATRIC HERITAGE AND UNIQUE CONCEPTS)

Barinova Svetlana Gennadievna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
svetabar2014@mail.ru

Abstract. This article examines the uniqueness of russian philosophical thought. It analyzes the key original concepts that formed the foundation of modern russian philosophy. The role of orthodoxy in shaping the origins of russian philosophical thought is highlighted.

Keywords: philosophy, uniqueness, conciliarity, heritage, tradition

Исследование философских проблем современности неразрывно связано с трудами русских мыслителей, заложивших основу отечественной философской проблематики. Обращение к трудам русских философов является неотъемлемой частью любого современного философского исследования, как диссертационного, так и мировоззренческо-публицистического. Особая значимость и смысл их философских произведений для современной философии остается актуальной по сей день. И если в общемировом значении русская философская мысль не оказала столь ощутимого влияния, как античная философия, то для русской истории ее важность и значение очевидны. Проблемы, которые волновали умы русских мыслителей в те времена, остаются неразрешимыми и в настоящее время. Отчасти можно утверждать, что ответ на любой философский вопрос, скрывается в трудах русских философов. Русские мыслители больше болели душой и сердцем за судьбу нашей Родины, заложили основы духовно-нравственных ценностей, возлагали особые надежды на особую миссию нашей страны.

Уникальность русской философской мысли в том и состоит, что она больше ориентировалась на внутренние темы, нежели всеобщие и абстрактные. «В современных реалиях необходимо обратиться к трудам великих русских мыслителей, глобальным вызовам современности и их осмыслению. Русская философия менее значима и признана в общемировом масштабе, но не менее значима для нас» [1, с. 437]. Изучение трудов наших мыслителей более полезно и оправдано, нежели постоянное штудирование трудов западных классиков, которое порой превращается в элементарное заучивание терминов и понятий.

Более того, особенно актуальным окажется введение большего количества часов, отводимых на изучение именно русского философского наследия. В настоящее время изучение трудов великих русских философов особенно важно, учитывая патриотическую составляющую их учений. Необходимость такого подхода продиктована временем и современной политической обстановкой. Упор на святоотеческое наследие важен для воспитания будущих поколений нашей великой страны. Современный курс философии обязан включать труды российских и русских мыслителей в большей степени. Изучая выдающиеся труды русских философов, осознаешь сколько боли и заботы о Родине в них вложено, сколько испытаний и переживаний пришлось на их судьбы. В этом также заключается патриотический момент, ведь русская философия отражает идеи патриотизма через призму национальной самобытности, духовности, служения Отечеству и связи с историей нашей страны. В этом ключе патриотизм рассматривается не только как любовь к Родине, а как нравственный долг, основа гражданственности и важное условие национального единства. Мы обязаны помнить и о наших философах, благодаря которым духовное наследие передается из поколения в поколение, умножая чувство гордости за нашу Родину. Например, особенной и важной является концепция «Москва – третий Рим» монаха Филофея, помогающая понять историческую миссию России и мессианскую роль русского народа. Анализируя смысл и значение этой концепции, убеждаешься, что великая миссия дана свыше и предначертана.

Русская философия играет особую значимую роль, так как связана с историей и культурой русского народа. Русская философия отражает менталитет и духовные искания русского народа, его самобытность. Русские мыслители не предавались абстрактным мышлениям и рассуждениям, а посвящали свои труды судьбе родины и духовным исканиям. Соборность, религиозность, метафизичность и космизм относят к характерным чертам русской философии. Истинно русский и патриотичный мыслитель Иван Ильин, нередко упоминаемый именно сейчас, в своей концепции отводил особое место духовности. «Совершенно справедливо полагал Ильин, что русская религиозная философия должна обращаться к глубинам национального духовного опыта, а одним из путей духовного обновления он представляет духовный патриотизм» [2, с. 317]. Например, Иван Ильин верно подметил, что русскому человеку свойственно самокопание и самокритика, в отличие от человека западного, изначально не обладающего такими качествами. Духовно-нравственные искания, сомнения и самокритика присущи русскому человеку, но скорее являются признаком глубокого духовного самоанализа и роста, а не протеста обществу. Такой представляется и русская философия, незримо исходящая из глубины веков русской истории.

Фундаментальная основа в русской философии это именно святоотеческое наследие, первоначально истоками уходящее к трудам Платона и Аристотеля. Православие и византийская традиция позже «отточили» учение отцов церкви, а позже славянофилы переосмыслили учение «отцов церкви». Традиционно считается, что платонизм оказал основное влияние на русскую религиозную философию, но активно прослеживается и влияние аристотелизма, которое ранее ошибочно не принималось во внимание. «Идея о том, что святоотеческое наследие значительным образом повлияло на становление самобытного облика русской религиозной философии, является одной из наиболее плодотворных в понимании типологических особенностей отечественной философской культуры» [5, с. 92]. Действительно, самобытные черты русской философии отражены в трудах всех русских религиозных мыслителей.

Концепция соборности, являющаяся уникальной по своей сути, обозначила единство на основе веры, свободы и любви. Аналог коллективизма, противопоставляемый концепции индивидуализма, традиционно считающейся западным явлением. Соборность тождественна коллективизму по принципу единения, общего дела и жизненного уклада. Философское осмысление коллективизма связано с понятием «соборность». Примечательно, что термин «соборность» не имеет аналогов в других языках. Понятие «соборность» означает свободное

духовное единение людей (и в церковной жизни, и в мирской общности), а также общение в братстве и любви. Введение этого понятия в философский оборот приписывается философам-славянофилам. Соборность является частью нашего русского менталитета. Соборность связана с целостностью Церкви. Несомненно, что индивидуализм не отвечает духу русского народа, так как индивидуализм, как философская концепция и тип мировоззрения, больше свойственен западным странам. Соборность в настоящее время выступает основой идеологии, которая невозможна без православия. Сохранение православия является единой истиной христианского учения, обосновывающей миссию нашей страны в концепции «Москва – третий Рим». Соборность является элементом русского менталитета. «Соборность» связана с целостностью Церкви, которая противопоставляется протестантскому индивидуализму и католическому единству. В трудах отцов церкви отображены вопросы милосердия, сострадания, помощи, призрения, благотворительности. Григорий Богослов, Иоанн Дамаскин, Иоанн Златоуст и другие философы раскрывали в своих трудах эти темы. Основные грани русской философской мысли – соборность, космизм, религиозность, софиология, интуитивизм и т. д. Концепция «положительного всеединства» Владимира Соловьева также отражала идею соборности в рационально-философском ключе, своеобразный синтез религии и философии.

Советская философия была ориентирована на изучение марксистского учения, доминирование которого было очевидным. Наряду с ним главенствовал научный атеизм, диалектический и исторический материализм. К сожалению, данный период никак не отличился прогрессом русского философского учения, которое копировало многочисленные мысли марксизма. Но особенно хочется отметить русский космизм, который вошел в противоречие с марксизмом-ленинизмом того периода и не получил развития. Тем не менее, учение Николая Федорова сегодня фактически превращается в реальность. Проводником этих идей становится сегодня Илон Маск. И речь не о воскрешении когда-то живших людей, а о космическом расселении на другие планеты. Уже сегодня мы имеем уникальную возможность видеть поверхность планеты Марс, что еще 20 лет назад казалось бы невысказанным. В 2017 году власти ОАЭ заявили о запуске проекта «Марс-2117», целью которой является отправка на эту планету людей в течение 100 лет. Возрождение уникальной концепции русского космизма случилось в наше время, когда идея Илона Маска о колонизации других планет представлена как необходимость выхода в космос и обретения бессмертия цивилизации. Осмысливая философски эту тему, поистине великий путь человечества бессмертен и вечен. Русский космизм давно сформулировал эту идею и только сейчас она начинает обретать видимые черты. Она оказалась пророческой философией, отвечающей на глобальные вызовы современности. Мечта о бессмертии, содвинутая с космической экспансией, видится уже не столь фантастичной. «Предложения этого философа, хотя и воспринимались современниками как ересь, заложили основу для синтеза науки и религии в космизме. Эти идеи, окрашенные христианским эсхатологизмом, перекликались с научными проектами Циолковского К.Э., Вернадского В.И. и Чижевского А.Л.» [3, с. 3].

Огромный труд русских философов нашел продолжение в научных проектах современности. И речь не только о возможностях научно-технического прогресса как инструмента в достижении обозначенных целей, а о глобальном осмыслении вклада русских мыслителей в проекты будущего. Вероятно, сама идея важнее, нежели техническое ее осуществление. Стоит вспомнить, что поражающая воображение идея о множественности населенных миров была предложена еще лучшими умами античности. Так, Анаксагор полагал, что Луна обитаема. В более позднее время Исаак Ньютон, Уильям Гершель также размышляли о встрече с живыми существами, обитающими на Солнце. Жюль Верн, Герберт Уэллс, Алексей Толстой в своих произведениях грезили встречей с разумом на близких планетах.

Великие советские и российские ученые посвятили свою жизнь познанию тайн

Вселенной, вопросам мироздания и развития внеземных цивилизаций. В их ряду самым выдающийся - Константин Эдуардович Циолковский. Воодушевленный идеями космоса, ученый пытался увидеть и далекое, и близкое космонавтики. Он предсказал с помощью ракеты выход человека в открытый космос и утверждал о жизненной важности освоения человеком космического пространства. Называя землю «колыбелью разума», К. Э. Циолковский полагал, что «нельзя вечно жить в колыбели». Циолковский выдвинул идею о расселении землян из-за угасания Солнца.

Удивительно, что идеи русских философов были не только уникальными, но и прогрессивными для своего времени, а продолжение нашли в современной реальности. И все эти идеи выступили истоком современной русской философии, постоянно обращающейся как к святоотеческому наследию, так и к уникальным концепциям русских мыслителей.

Список литературы

1. Барина, С. Г. Современная философия и теология: факторы взаимовлияния / С. Г. Барина / В сборнике: Наука: опыт, проблемы, перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции. - Красноярск, 2023. - С. 434-438.
2. Барина, С. Г., Барина, С. Г. Духовный патриотизм в эпоху глобализма / С. Г. Барина, С. Г. Барина / Христианство как интегрирующий фактор мировой культуры. Сборник докладов XXIV международных Кирилло-Мефодиевских чтений. - 2019. - С. 315-317.
3. Двуреченская, Т. А. Русский космизм: синтез философии и науки в поисках бессмертия и космической экспансии / Т. А. Двуреченская / Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2025. - № 2 (54). - С. 20-28.
4. Кожин, В. В. О русском национальном сознании. - М.: Алгоритм, 2002. - 384 с.
5. Куренков, А. С. Конфессиональный исток философии: святоотеческое наследие в русской философии / А. С. Куренков / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. - 2017. - № 17 (266). - С. 90-98.

УДК 159.964

ПРОБЛЕМА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В КОНЦЕПЦИИ АПОЛОГИИ ДУШИ К.Г. КАРУСА

Бармашова Татьяна Ивановна, доктор философских наук, профессор
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
tatibar910@mail.ru

Аннотация. В западном дискурсе мышления проблема бессознательного эксплицируется достаточно активно. Однако творчество одного из создателей концепции бессознательного К.Г. Каруса незаслуженно обходится стороной. В этом отношении важной задачей статьи является освещение его представлений о феномене бессознательного, средоточием которого выступает душа человека, связанная с жизненной силой организма. Раскрывается неоднозначность бессознательного, дифференцируемого К.Г. Карусом на относительное и абсолютное. Подчеркивается диалектический подход к интерпретации бессознательного, его неразрывная взаимосвязь с сознательным. Мыслитель трактует бессознательное исторически, связывая его с основными периодами жизни человека. Подчеркивается влияние К.Г. Каруса на формирование взглядов Эдуарда фон Гартмана и современного немецкого исследователя Г. Биттнера.

Ключевые слова: психология К.Г. Каруса, душа, относительное бессознательное, абсолютное бессознательное, сознание

THE PROBLEM OF THE UNCONSCIOUS IN THE CONCEPT OF APOLOGY OF THE SOUL BY K.G. CARUS

Barmashova Tatiana Ivanovna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
tatibar910@mail.ru

Abstract. In Western discourse, the problem of the unconscious is quite actively explicated. However, the work of K.G. Carus, one of the creators of the concept of the unconscious, has been unfairly overlooked. In this regard, an important goal of this article is to elucidate his ideas about the phenomenon of the unconscious, the center of which is the human soul, connected to the body's vital force. The ambiguity of the unconscious, differentiated by K.G. Carus into the relative and the absolute, is revealed. The dialectical approach to interpreting the unconscious and its inextricable connection with the conscious are emphasized. The thinker interprets the unconscious historically, linking it to the major periods of a person's life. The influence of K.G. Carus on the development of the views of Eduard von Hartmann and the contemporary German scholar G. Bittner is emphasized.

Keywords: psychology of K.G. Carus, soul, relative unconscious, absolute unconscious, conscious

В истории философии фактически невозможно отметить ни одного философа, кто так или иначе не коснулся бы проблемы бессознательного, хотя бы в гносеологической сфере, где проблема существовала в решении вопросов рефлексивности субъекта. Это же касается психологов, психотерапевтов, психоаналитиков. Их идеи достаточно полно освещены в антологии проблемы бессознательного. Однако при этом фактически обходится стороной немецкий психолог, естествоиспытатель, врач, натурфилософ и художник К.Г. Карус, хотя он, по сути, был одним из создателей психологии бессознательного. Если даже упомянуть некоторые современные работы по истории проблемы бессознательного, в них нет упоминания об этом выдающемся исследователе [1, 2, 3, 4, 5].

При этом другому создателю теории бессознательного, Э. фон Гартману, повезло

больше. Его труд «Философии бессознательного» получил признание и, можно сказать, затмил оригинальные идеи К. Г. Каруса. Хотя при этом следует отметить, что Э. фон Гартман без сомнения испытал значительное влияние идей К.Г. Каруса. В частности, аналогично К.Г. Карусу, Э. фон Гартман дифференцирует бессознательное на относительное и абсолютное. Относительное бессознательное касается психических феноменов, наполняющих душу человека. Эти феномены пока еще не составляют содержание высшего центрального сознания, являясь средоточием вторичного сознания. Относительное бессознательное является пассивным, подобно всем психическим феноменам.

Что касается абсолютного бессознательного, оно выражает не фиксируемые сознанием психические деятельности, а потому отличается активностью, подобно любой психической деятельности. Исходя из широкого смысла, абсолютное бессознательное (или психическая деятельность) состоит из индивидуальных частичных деятельностей, с присущим им взаимовлиянием. Иными словами, в бессознательном соединяются воедино бессознательный субъект и его бессознательная деятельность [6].

О том, какую огромную роль К.Г. Карус отводил феномену бессознательного, свидетельствует его высказывание: «Ключ к познанию сущности сознательной душевной жизни лежит в области бессознательного» [7, с. 30]. Большую часть нашей психической жизни мыслитель не мыслил вне бессознательного, сконцентрированного в душе, которую связывал не с мозгом, а с жизненной силой организма и считал ее образующим началом бессознательной жизни. Мыслитель отрицал противоположность души и тела, признавая только дихотомию различных составляющих души – сознательных или бессознательных.

Душу и тело К.Г. Карус не рассматривал соответственно как причину и следствие. Он позиционировал тело в качестве явления души, душу же связывал со смыслом тела. Сознание и бессознательное находятся в постоянной взаимосвязи. Вид бессознательного определяет характер этой взаимозависимости. Содержание человеческого сознания, погрузившееся в нерелексируемую область отражательной активности, становится относительным бессознательным. Абсолютное бессознательное выражает структуру души и в значительной степени влияет на генезис личности. Оно антагонистично сознанию. Подобная интерпретация абсолютного бессознательного, на наш взгляд, в определенной степени является выражением агностицизма и контрастирует с диалектическим пониманием К.Г. Карусом относительного бессознательного.

В своем творчестве К.Г. Карус также коснулся проблемы разной степени рефлексии человека в процессе социальной жизнедеятельности. Он правомерно учитывал тот момент, что бессознательное в человеческой активности не существует изолированно как самостоятельная обособленная сущность. Оно диалектически неразрывно связано с сознательной формой отражения действительности, активно влияя на коммуникативные процессы взаимодействия субъекта с другими субъектами. К.Г. Карус вел речь о следующих вариантах взаимодействия сознательного и бессознательного отражения социальных субъектов:

- воздействие сознания одного субъекта на сознание другого субъекта;
- воздействие влияние бессознательного одного субъекта на бессознательное другого субъекта;
- воздействие сознания одного субъекта на бессознательное другого субъекта;
- воздействие бессознательного одного субъекта на сознание другого субъекта [7, с. 19].

Представляется правомерным, дополнить классификацию К.Г. Каруса двумя пунктами – воздействие сознания на бессознательное самого субъекта и воздействие бессознательного на сознание самого субъекта. Следует отметить, что это касается не непосредственного, а опосредованного влияния на социальную межсубъектную коммуникацию. Все упомянутые варианты взаимодействия причастны к механизму развития личности и формирования ее самоидентичности.

Диалектическое взаимодействие сознательного и бессознательного в механизме социальной коммуникации, в том числе и социализации личности, ставит с неизбежностью проблему этапов этого процесса. До настоящего времени вопрос начала социализации личности остается дискуссионным. Часть исследователей полагают, что начало связано с возникновением у ребенка второй сигнальной системы. Существует и представление о более позднем начале становления личности, вплоть от семи лет. Неоднозначность суждений, на наш взгляд, зиждется на актуализации явной стороны процесса социализации, которому сопутствуют осознанность, осмысленность. При этом незаслуженно остаются вне поля зрения неотрефлексированные разновидности взаимодействия с действительностью, сопровождающие вхождение в культуру и усвоение ценностей человеческой цивилизации.

Общеизвестно, что личность сочетает в себе биологическое, психологическое и социальное начала, отражающие интегральную целостность человека. Системный подход, как важный методологический принцип, способствует полноте раскрытия сущности человека. При этом важно не допустить абсолютизацию низших проявлений человеческой активности, как это имеет место в биологизаторских концепциях. Речь ведется не об игнорировании человеческой телесности. Наша генетическая и телесная детерминированность в определенной мере связана с нашим своеобразием и является предпосылкой и условием нашей неповторимости и обуславливает дальнейшее развитие, в том числе душевное и духовное. Как известно, первоначало становления каждого человека отличается неосознанностью, неосмысленностью.

Этот момент учитывается К.Г. Карусом, который связывает истоки генезиса душевной жизни с большими периодами бытия человека (начиная от эмбриональной фазы его существования). Он выделял следующие периоды и подчеркивал, что каждый период характеризуется своей определенной степенью бессознательного, влияющего на дальнейшее развитие индивидов: 1. простая микроскопическая клетка и эмбрион, лежащие в основе зарождающегося человека; 2. дальнейшее развитие плода; 3. существование человека с момента рождения и до смерти. Генезис душевной жизни у К.Г. Каруса обозначает становление, развитие личности, ее самосовершенствование, поскольку в качестве важнейшего критерия личности он отдавал приоритет духовности.

Антропоморфная концепция немецкого исследователя Г. Биттнера развивает идею К.Г. Каруса о больших жизненных периодах жизни человека, в которых феномен бессознательного является интегральной характеристикой личности и отражает развитие душевной жизни. Исследователь считает бессознательное отщепленной частью души и обозначает понятием «человек в человеке». В отличие от З. Фрейда, который эксплицирует бессознательное в качестве внеличного энергетического резервуара, Г. Биттнер идентифицирует его с интенциональной частичкой личности.

Признавая множественность личности, Г. Биттнер выделяет четыре антропологические константы ее существования – тело, ребенок, «ночь духа», смерть, которые, по сути, являются последовательными стадиями развития человека. Бессознательное фактически является копилкой человеческого опыта. Человек при этом чаще всего не отдает себе отчет в наличии прожитых переживаний и признает их безвозвратно потерянными. Это относится и к детскому опыту переживания бытия, который Г. Биттнер считал чрезвычайно важным. Не случайно в сохранении детскости у взрослого человека, освобожденной от заблуждений детских лет, он видел важную детерминанту развития человечества. Иными словами, он не идеализировал стерильную взрослость [8, с. 9-17]. В целом, подобно К.Г. Карусу, Г. Биттнер в своей концепции подчеркивает полноту, целостность и противоречивость личности вследствие диалектической взаимосвязи сознательного и бессознательного.

В заключение хотелось бы отметить, что интерпретация феномена бессознательного в контексте концепции апологии души уводит от приземленного понимания человеческой сущности в биологизаторском подходе, основанном на отождествлении животной и

человеческой природы с акцентированием примата человеческого тела над душевными и духовными проявлениями человека. В этом, прежде всего, и выражается огромная заслуга К.Г. Каруса и его сторонников в исследовании проблемы бессознательного.

Список литературы

1. Абдурахимов, К.А. Анализ проблемы сознательного и бессознательного в психологической науке / К.А. Абдурахимов // Мир образования – образование в мире. – 2015. - № 4 (60). – С. 47-53.
2. Конова, А.В. Проблема бессознательного в психологии / А.В. Конова // Научный Лидер. – 2023. - № 14 (112). – С.64-65.
3. Крутова, А.Д., Шабалкина, Е.Е. Проблема бессознательного: Исторический срез / А.Д. Крутова, Е.Е. Шабалкина // Философские проблемы когнитивных исследований. – 2019. – С. 27-32.
4. Пермитина, Д.В., Пермитин, Н.Н., Шолик, Н.М. Проблема бессознательного в психологии / Д.В. Пермитина, Н.Н. Пермитин, Н.Н., Шолик Н.М. // Развитие науки и технологий в современной России. Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2024. – С. 199-204.
5. Черникова, Д.А. Проблема бессознательного в философии / Д.А. Черникова // Труды кафедры философии, политологии и теологии. Сборник научных трудов. – Липецк, 2023. – С. 88-91.
6. Гартман, фон Э. Сущность мирового процесса, или философия Бессознательного. – Т. 2. Метафизика Бессознательного / Э. фон Гартман / Пер. с нем. А. Козлова. – М.: КРАСАНД, 2010. – 322 с.
7. Carus, K.G. Psyche. Zur Entwicklungsgeschichte der Seele / K.G. Carus. – Jena: Eugen Dederichs, 1926. – 438 s.
8. Bittner, G. Das Unbewusste – ein Mensch im Menschen? Zur Geschichte und Phänomenologie des Unbewussten / G. Bittner. – Würzburg: Königshausen & Neumann, 1988. – 212 s.

УДК 140.8

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БУДУЩЕГО РОССИИ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

Демина Нина Александровна, кандидат философских наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия
Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого,
Красноярск, Россия
nndeom@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется опыт семантического анализа образа будущего России у студентов медицинского университета. Представлены результаты экспресс-опроса обучающихся, в котором им предлагалось описать образ будущего страны в пяти прилагательных. На основе полученных данных был осуществлен кластерный анализ. В качестве доминирующего представлен кластер, который может быть обозначен как «Государственная мощь и статус», также были выделены кластеры «Социально-гуманитарные ценности», «Технократическое будущее и модернизация», «Эмоционально-личностное отношение к образу будущего страны». В ходе исследования был охарактеризован индекс эмоциональной окраски полученных ответов, представлены основные характеристики осознания будущего обучающимися. В статье показано, что «успешное будущее» для молодых людей тождественно «возвращению статуса сверхдержавы», приоритетам геополитической субъектности и безопасности государства.

Ключевые слова: семантический анализ, будущее России, студенты, экспресс-опрос, кластер, страна

SEMANTIC ANALYSIS OF THE FUTURE OF RUSSIA THROUGH THE EYES OF STUDENTS

Demina Nina Alexandrovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia
Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk, Russia
nndeom@mail.ru

Abstract. The article analyzes the experience of semantic analysis of the image of Russia's future among medical university students. The results of a rapid survey of students are presented, in which they were asked to describe the image of the country's future in five adjectives. Based on the obtained data, a cluster analysis was performed. The dominant cluster is «State Power and Status», and the clusters «Social and Humanitarian Values», «Technocratic Future and Modernization» and «Emotional and Personal Attitude» to the image of the country's future were also identified. The study characterized the index of emotional coloring of the responses received, and presented the main characteristics of the students' awareness of the future. The article shows that the «successful future» for young people is equivalent to «returning the status of a superpower», the priorities of the state's geopolitical subjectivity and security.

Keywords: semantic analysis, the future of Russia, students, express survey, cluster, country

Семантический анализ образов будущего является глубокой рефлексивной практикой, позволяющей раскрыть глубокие смысловые слои, лежащие в основе понимания перспектив развития нашей страны.

Россию в будущем можно рассмотреть в пяти взаимосвязанных проекциях: «Великая Россия», «Уютная Россия», «Справедливая Россия», «Современная Россия», «Россия – страна возможностей» [1, 2, 3]. Анализ данных проекций представляет собой герменевтическую

практику, в ходе которой происходит выявление имплицитных ценностных установок, культурных кодов и исторических аллюзий.

Для углубления уровня аксиологической рефлексии было проведено исследование мнения студентов 1 курса Красноярского государственного медицинского университета им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого о сценариях будущего развития России. В исследовании приняли участие 315 студентов-первокурсников, из них 92,1 ($\pm 0,78$)% девушек и 7,9 ($\pm 1,4$)% юношей. Средний возраст опрошенных – 18 ($\pm 0,9$) лет.

Методом исследования был выбран экспресс-опрос о сценарии развития России. В ходе опроса студентам был задан вопрос: «Напишите 5 прилагательных, отражающих будущее России». Для анализа полученных данных использовались методы дескриптивной статистики: частотный анализ, выделение семантических кластеров, оценка индекс эмоциональной окраски полученных ответов.

Всего в выборке было выделено 18 уникальных прилагательных, которые в дальнейшем были проранжированы и категоризированы. Для выявления доминирующих описаний будущего слова были сгруппированы в четыре смысловых кластера:

доминирующий кластер «Государственная мощь и статус» (великая, могучая, сильная, развитая, богатая);

вторичный кластер «Социально-гуманитарные ценности» (справедливая, свободная, культурная, просвещенная, толерантная);

кластер «Технократическое будущее и модернизация» (технологичная, инновационная, перспективная, процветающая, молодежная, экономическая, уникальная);

кластер «Эмоционально-личностное отношение к образу будущего страны» (любимая).

В ходе исследования был охарактеризован индекс эмоциональной окраски полученных ответов. Для оценки общего настроения каждому кластеру был присвоен весовой коэффициент от -1 (негатив) до +1 (позитив), основываясь на семантике слов. Поскольку 100% упомянутых прилагательных несут позитивную нагрузку, следует сделать вывод, что студенты с оптимизмом смотрят в желаемое или ожидаемое будущее.

На основе полученных данных были сформулированы выводы о специфике осознания будущего обучающимися и выделены его следующие характеристики:

Архаизация образа будущего («Ретро-футуризм»)

Наблюдается феномен, который можно назвать «ретро-футуризмом». Студенты проецируют в будущее не новые смыслы (технологии, инновации, постиндустриальное общество), а усиленные атрибуты прошлого и настоящего (величие, мощь, богатство ресурсов).

Выявлена сильная отрицательная связь между принадлежностью слова к группе «Модернизация» и частотой его употребления. Чем более слово связано с технологиями и динамикой изменений, тем реже оно встречается. Для молодежи «успешное будущее» тождественно, прежде всего, «возвращению статуса сверхдержавы».

Приоритет «Силы» над «Справедливостью»

Несмотря на высокую частоту употребления слова «справедливая» (7 место), суммарный вес кластера «Мощь» (среднее 116,8) значительно превышает вес кластера «Ценности» (среднее 89,2).

В иерархии приоритетов молодого поколения геополитическая субъектность и безопасность государства превалируют над качеством внутренней социальной среды. Это может отражать влияние текущего медиа-дискурса, в котором внешняя политика доминирует над внутренней

Кризис образа «Молодежного будущего»

Слово «молодежная» занимает лишь 12 место (84 упоминания), а «перспективная» — последнее (33 упоминания).

Будущее России в сознании студентов не является специфически «молодежным». Оно

воспринимается как общегосударственный, надвозрастной проект. Отсутствие слова «перспективная» среди наиболее часто встречающихся прилагательных может указывать на размытость представлений относительно личных и карьерных траекторий внутри образа будущего: будет ли в нем место для реализации конкретного молодого человека?

Рационализация патриотизма

Минимальное упоминание слова «любимая» (последнее место) при высоких показателях «великая/сильная» говорит о трансформации патриотизма из эмоционально-чувственной сферы в рационально-оценочную, акцент делается на уважении мощи страны, осознании ее силы, скорее, в прагматичном аспекте, нежели в героически-романтическом.

В целом, студенты видят будущее России оптимистичным, но традиционалистским. Доминирует образ страны как «Крепости» (сильной, богатой, великой), тогда как образ «Лаборатории будущего» (инновационной, технологичной, перспективной) выражен слабо. Это вызов для стратегического планирования: как трансформировать запрос на «силу» в запрос на «развитие», чтобы образ будущего стал не только мощным, но и привлекательным для личной реализации молодежи.

Подобная рефлексия образа будущего позволяет формировать у обучающихся комплекс социально и профессионально значимых качеств: способность устанавливать причинно-следственные взаимосвязи между прошлым и будущим (проективное мышление), осознание экзистенциальной ответственности и личной сопричастности по отношению к будущему страны; установление критической дистанции по отношению к упрощенным прогнозам и излишне идеологически нагруженным нарративам.

Список литературы

1. Образ будущего: оценки россиян // ВЦИОМ: [сайт]. 29 февраля 2024 г. URL: wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-budushchego-ocenki-rossijan (дата обращения: 20.01.2026).
2. Объявлены итоги I Всероссийского конкурса видеоэссе «Мечты о будущем» // Национальный центр «Россия»: [сайт]. URL: <https://russia.ru/news/obieiavleny-itogi-pervogo-vserossiiskogo-konkursa-videoesse-mecy-o-budushhem> (дата обращения: 20.01.2026).
3. Образ России в представлении молодёжи // Новая эра: [сайт]. 07.08.2023. URL: <https://new-era.space/center/nir/678/> (дата обращения: 20.01.2026). «Мечты о будущем», итоги Всероссийского конкурса видео-эссе ВЦИОМ/Национальный центр «Россия», russia.ru

УДК 009

ЭТИКА «ДОСТОИНСТВА» ПРОТИВ ЭТИКИ «ДОСТАТКА»: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Конникова Лилия Юрьевна, кандидат культурологии
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
konnikova@bk.ru

Аннотация. В статье предлагается рассмотреть основания содержания этики «достатка» против этики «достоинства». Сформулировать ценностные признаки этого различия, указать на их взаимоисключающий характер. Показать трудности для принятия человеком этики «достоинства».

Ключевые слова: культура, этика, достоинство, честь, ответственность, доверие

THE ETHICS OF «DIGNITY» AGAINST THE ETHICS OF «PROSPERITY»: A SOCIOCULTURAL COMMENTARY

Konnikova Lilia Yurievna, Candidate of Culturology
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
konnikova@bk.ru

Abstract. The article proposes to consider the grounds of the content of the ethics of «prosperity» against the ethics of «dignity». To formulate the value signs of this difference, to point out their mutually exclusive nature. To show the difficulties for a person to accept the ethics of «dignity».

Keywords: culture, ethics, dignity, honor, responsibility, and trust

Сегодня объяснить современному молодому человеку почему «достоинство», «честь», «служение» являются ценностями культуры — задача не простая. Современные люди живут в «обществе потребления», которое, в свою очередь есть логическое продолжение своей социально-экономической системы, финансового, спекулятивного капитализма. Ещё Хосе Ортега-и-Гассет сформулировал признаки этого нового феномена культуры «массовый человек» [1, С.19-22]. Здесь автор радикально делит человечество на два типа «...на тех, кто требует от себя многого и сам на себя взваливает тяготы и обязательства, и на тех, кто не требует ничего и для кого жить — это плыть по течению, оставаясь таким, каков ни на есть, и не силясь перерасти себя» [1, С.19]. Элвин Тоффлер в своих работах «Шок будущего», «Третья волна», перечислил признаки этого типа культуры, общества и человека [2,3]. Описывая феномен индустриального общества, он формулирует следующие принципы системы, напомним, это стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация, централизация [3, С. 40-50]. Эти принципы актуальны и сегодня.

Этика человека эпохи потребления - это этика «достатка», в мире этого человека все меряется категориями «комфорта», «материального благополучия», «успеха». В этике «достатка» конкурентные компетенции профессиональные, личностные становятся предметом обмена и торга, чтобы «подороже» «продать» себя на рынке труда. В конечном итоге, это всё то, что можно обобщить словами одной, ставшей известной последнее время популярной «песенки»: «За деньги — ДА!». В конкурентной борьбе «за блага», человек готов на многое и даже на всё, здесь цель оправдывает любые средства. В ситуации этики «достатка» работает принцип «сделки»: ты или обманываешь другого, или обманывают тебя.

Этика «достатка» разрушает социальные связи, является причиной атомизации

общества. Атомизация приводит к распаду социальной целостности. Всякое социокультурное взаимодействие становится затруднено. Например, поддержание длительных отношений, брак – всё становится предметом сделки «ты мне, я тебе». В ситуации предлагаемого выбора: на что вы готовы пойти ради богатства, достатка? В ответ говорят: на «многое». Можете ли вы предать «другого» за деньги? В ответ мы слышим – «да».

Отсюда, проблема доверия. Сможете ли вы доверять человеку, который живёт в этике «достатка»? Доверие как необходимая основа любой социокультурной общности, без которого никакая целостность не возможна.

Человека не пугает тот факт, что разрушение ткани социокультурного «целого» будет катастрофой и для него. Его восприятие времени жизни тоже «уникально», он мыслит свою жизнь только здесь и сейчас, он понимает, что он смертен, но он не верит в «жизнь» после смерти. Для него «там» ничего нет. Это предмет его веры. Он живет так, как будто история началась вместе с ним, время жизни «прошлого» для него не существует с точки зрения мотивации и смыслов его жизни. Он не мыслит себя как продолжение жизни его предков и не живет мыслью о том, что будут говорить о нем потомки.

Есть и другое отношение к смерти и смертности. Люди не готовы ее принимать. Ни этим ли объясняется существующий культ «красоты», «молодости», «активного долголетия», и бесконечного «развлечения». Люди верят, что время можно «обмануть». Они пытаются вытеснить свой страх смерти заботой о своем здоровье, внешнем виде. Речь не идет здоровье как таковом. Они пытаются продлить свое функциональное состояние, не готовы смириться с естественными изменениями организма. Принять, что уже никогда не будет так, как в молодости. И внешность становится объектом для активных манипуляций, косметических операций только чтобы создать иллюзию молодости и подтянутости. А смерть – это то, что происходит с другими. Да и умирать не страшно, у нас есть услуга эвтаназии, поверьте, молодые люди к этому относятся очень хорошо. Они, если выбирать между мучительной, естественной смертью или смертью под препаратами, выбирают второе.

По телевизору нам показывают радостную, благополучную старость. В нашем мире, особенно жизни в большом городе смерть как бы за «скобками», больницы, хосписы – её не видно.

Всё это порождает инфантилизм, а как следствие – нежелание и невозможность нести никакую ответственность ни за других, ни перед самим собой.

Вся, выше данная характеристика есть результат выбора человека, есть ответ на вопросы: Зачем я живу? В чем смысл моей жизни? Ответить на эти вопросы человек не в состоянии, и как следствие он осознает бессмысленность этой жизни или в бессмысленности прибывает.

Этике «достатка» может быть противопоставлена этика «достоинства». То, что её наполняет, это ценности истины, правды, справедливости, чести, ответственности. Что значит «Я достоин»? Возможно ли воспитание этого достоинства без признания высших ценностей, добродетелей. Можно ли воспитать человека в достоинстве в мире, где Бога нет?

Вспомним яркое выражения одного из персонажей романа Ф.М. Достоевского «Бесы». Петр Верховенский рассказывает Ставрогину «В пятницу вечером я с офицерами пил. Об атеизме говорили и уж, разумеется, бога раскассировали. Рады, визжат. Один седой бурбон-капитан сидел-сидел, все молчал, вдруг становится среди комнаты, и, знаете, громко так, как бы сам с собой: **«Если бога нет, то какой же я после этого капитан?»** Взял фуражку, развел руками и вышел» [4]. Этими словами выражена вся полнота бессмысленности жизни, если Бога нет.

Вся глубина содержания этики «достоинства», это этика христианской жизни, полнота которой невыразима рамками этой статьи. Здесь нас больше интересует не просто противопоставление «этики достатка» и «этики достоинства», а как возможен переход.

И здесь хотелось бы привести размышления Карла Ясперса и Николая Лосского.

Карл Ясперс в своей работе «Смысл и назначение истории» пишет, что только в пограничных состояниях, ситуации катастрофы человек способен на изменение себя. К таким состояниям Ясперс относил смерть, борьбу, страдания, вину [5]. Ситуации, в которых человек осознает свою смертность, понимая, что перед лицом неизбежного все иное теряет свое значение. Только в эти моменты человек способен по-настоящему увидеть самого себя, и задаться вопросом о смысле своей жизни. Результатом этого столкновения, по Ясперсу, является открытие мира трансцендентного, каким-то незримым образом связанного с этим миром.

Момент, в котором возможно преображение внутренней природы человека Николай Лосский в своей книге «Ценность и бытие» описывает, разбирая сюжет романа В. Гюго «Отверженные». Главный герой (Жан Вальжан), только сталкиваясь с необъяснимым добрым отношением епископа, которого обокрал, обретает возможность глубокого преображения себя. Совершить это может только тот «... кто осудил себя, признал виновным, преодолел свою гордость и смирился». Н. Лосский пишет. «Христианские подвижники, единодушно говорят, что смирение есть необходимое условие духовного совершенствования. Оно и понятно, если принять во внимание, что гордость есть главное препятствие для осознания своих недостатков, и преодоление гордости есть самое трудное дело для человека» [6, С.378].

Не в этом ли кроется главная причина нежелания современного человека идти путем преображения и восхождения своего духа. Нежелание, как следствие понимания тяжелой работы, полной ответственности, промыслительной деятельности. Как следствие, человек, привыкший к иллюзорной легкости бытия, полного комфорта не имеет никаких причин выходить из своего привычного состояния. И пока не возникнет катастрофа, эти две этические модели существуют одновременно и взаимоисключающе.

Список литературы

1. Ортегга -и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 509с.
2. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002 –557с.
3. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО "Фирма «Издательство АСТ», 2004 – 261с.
4. Достоевский Ф.М. Бесы. Собрание сочинений в 15-ти томах. Том 7. Л.: Наука, 1990. – 664с.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории – М.: Политиздат, 1991 . – 527 с.
6. Лосский Н. Ценность и бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ », 2000. – 864с.

УДК 140.8

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ ФИЛОСОФИИ, ИЛИ: ВОЗМОЖНА ЛИ РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ?

Круглова Инна Николаевна, доктор философских наук, профессор
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
sinkina68@yandex.ru

Аннотация. В статье ставится проблема соотношения универсализма и национальноцентричности в природе философии. В связи с чем актуализируется вопрос о возможности русской философии как таковой. Задается операциональная интерпретация природы философии. Философия универсальна в силу своей операциональной природы, задавая единое понятийное пространство для форм мировоззрения – науки, религии, искусства и политики. В силу этого философия всегда есть осмысление своего времени и своей эпохи, так как находится в динамической конфигурации модусов сознания.

Ключевые слова: философия, наука, религия, искусство, формы мировоззрения, русская философия, универсализм, национальноцентричность

TO THE QUESTION OF THE NATURE OF PHILOSOPHY, OR: IS RUSSIAN PHILOSOPHY POSSIBLE?

Kruglova Inna Nikolaevna, Doctor of Philosophy, Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Law Institute, Russia, Krasnoyarsk
sinkina68@yandex.ru

Abstract. The article raises the problem of the correlation of universalism and national-centricity in the nature of philosophy. In this connection, the question of the possibility of Russian philosophy as such is being actualized. An operational interpretation of the nature of philosophy is given. Philosophy is universal by virtue of its operational nature, defining a single conceptual space for the forms of worldview – science, religion, art and politics. Because of this, philosophy is always an understanding of its time and its epoch, as it is in a dynamic configuration of modes of consciousness.

Keywords: philosophy, science, religion, art, forms of worldview, Russian philosophy, universalism, national centrality

В своей книге «Русская философия в 7 сюжетах» Никита Сюдюков вновь актуализирует вопрос, ставший почти «проклятием» русской философии: а существует ли она на самом деле как таковая, то есть как философия? Постановка данного вопроса сегодня востребована как проблема национальноцентричности философии: философия, стремящаяся к поиску истины как нечто универсальному, может ли бы быть национальной? Опираясь на традицию немецкой классической философии, которая в свою очередь черпает эмоциональный ресурс у поэтов-романтиков, Н. Сюдюков утвердительно отвечает на этот вопрос: истинный универсализм – это патриотизм; познание истины начинается с познания единичного и частного, погружаясь в которое только и можно обнаружить универсальное и всеобщее [1, с. 32]. В конце концов, можем ли мы привести пример универсальной для всех философии; точно также, как невозможно решить задачу: кто ближе к истине – Платон или Аристотель? Здесь хочется подчеркнуть и тот момент, что русская философия, как и немецкая, будучи определенной реакцией на Просвещение, стали формой осмысления народного духа, совпав с процессом становления национальных государств и национальной идеологии – и в этом, безусловно, состоит своеобразие, как той, так и другой. Но мы бы

хотели подойти к решению вопроса об возможности сочетания универсализма и национальноцентричности со стороны операциональной природы самой философии, идею которой мы подчерпнули в работе «Манифест философии» А. Бадью [2].

Наш основной тезис состоит в следующем: философия универсальна в силу своей операциональной природы, задающей единый концептуальный топос в стремлении субъекта к событию Истины. Однако само это событие может состояться только благодаря динамической конфигурации науки, религии, политики и искусства – основным «модусам сознания» (термин А. Медовой) или «родовым процедурам» (термин А. Бадью), расслоивших мифологическое мышление при переходе от Мифа к Логосу и ставших константными условиями рационально-универсального мышления Осевого времени. Ситуация философии парадоксальна: она одновременно предсобытийна, потому что без нее не запустится процесс осмысления форм мировоззрения как процесс прибавления новых имен, и постсобытийна, потому что и саму себя философия может опознать только с помощью активации модусов сознания. Поэтому философия, будучи последовательностью родовых процедур мышления, всегда есть способ осмысления своей эпохи и своего времени.

Однажды, в статье «Философия как теория радикального превращения» мы уже ставили вопрос: «Почему философия как одна из форм человеческого познания, как способ мировоззрения, наряду с родственными ей формами – наукой, искусством, религией и политикой – наделяется особым статусом в том состоянии человеческого сознания, которое мы называем постмифологическим?» [3, с. 542]. Ответ был найден в контексте идеи радикальности философских интенций, провоцирующих поиск, как принято говорить, предельных оснований бытия, или, как выразился П. Боянич: «философствовать – значит переводить и обнаруживать непереводимое» [4].

Повторимся, миф, который десакрализуется, производит новые способы осмысления мира, необходимые для рационального и универсального описания – религию, искусство, науку, политику (право, мораль) и философию. Эти формы заново будут осмыслять и обосновывать мифологическое содержание, однако теперь претворяя последнее в систему рациональной экспликации смыслов. Философия становится логической, понятийной основой в этой новой конфигурации постмифологического сознания, одновременно играя и такую роль: она разрушает традиционные «скрепы» мышления, критически отрицая авторитеты и стереотипы мышления, и одновременно становится своеобразной логотерапией, предлагая иные мировоззренческие принципы и схемы, регулирующие человеческую деятельность. «И так теперь будет происходить всегда: как только начинается интенсивная динамика социальной и культурной жизни, необходимы будут и философские регламентации, обеспечивающие поиск новых значений и солидарность в их понимании» [3, с. 543].

Рождаясь в качестве критики мифологического мышления, философия разрушает основания любой мифологизации, а также основания любой институции, но тут же созидает новые – в этом состоит культурно-историческая миссия философии, являющейся не просто аккумулятором развития человеческих смыслов, но форматируя само производство мысли.

Ресурс для разрушения мифа, как и для созидания новой идеализированной сущности, философия черпает в отсутствии особой предметности: ее «подвешенность» и непривязанность в отношении к четко заданному сегменту реальности, как в случае с другими модусами сознания, позволяет ей находиться в метапозиции. Можно сказать, что философия подвешена в пустоте, тем самым осуществляя доступ к месту, где Истина может выразить себя.

Операциональная интерпретация природы философии некоторым образом все же объясняет неопределенность ее предмета и постоянное его переопределение, ведь этот процесс всегда зависит от той конкретной конфигурации четырех процедур, в пространство которых она вписана и одновременно пространство которых она задает. Как-то Бадью выразился, что недейственность истинности философии действует, однако, при истинности

ее условий. Комментатор Бадью, Фабен Тарби пишет, что философия «ни в коем случае не являясь первичным истоком, существует лишь тогда, когда встречается с этими формами человеческой деятельности, она ставит вопрос о том, что составляет эти условия, и пытается понять, что поставлено на карту в каждом из этих условий, как и в их сосуществовании» [5, С. 164].

«Развязывая» мышление в моменте жесткого прикрепления к действию, философия создает место для рефлексии – нового именования, или, События, которое запускает новые образы мира. Было бы ошибкой причислять философию только к особому роду знания; памятуя о сократовской позиции, необходимо понимать, что прежде всего философия трансформирует субъективность при помощи идеально сконструированного эйдоса.

Обозначенная нами операциональная концепция природы философии позволяет усмотреть в ней также способ активации и дезактивации исторической динамики человеческого бытия – способ обоснования и переобоснования субъекта как актора истории. Время как время истории с момента «осевого времени» запускает исторический субъект, способный к обновлению, в результате чего одно состояние общественной жизни сменяется другим. Безусловно, это – процесс, начавшийся с Посланий апостола Павла, получил наиболее яркое выражение в идеи Гегеля об историчности Абсолютного духа: «Всемирная история есть выражение божественного, абсолютного процесса духа в его высших образах, она есть выражение того ряда ступеней, благодаря которому он осуществляет свою истину, доходит до самосознания» [6, с. 78]. Отныне суть времени (мессианического или секулярного) – это движение от эпохи к эпохе, приближающее историю к Концу или постистории; отныне прохождения времен составляет смысл исторического процесса «ради экономии плеромы времен все подытоживается в мессии, все, что на небесах, и все, что на земле...» (Еф. 1:10) [Цит. по: 7, с. 102-103].

Итак, философия одновременно и созидательна, и деструктивна. Создавая возможности для новых имен и событий, ввязывая их в мыслительную целостность и одновременно отдавая отчет о своих действиях, философия призвана и к обратному действию – развязывать и освобождать истину от постсобытийных наслоений, изменять и модифицировать смыслы, отменять и провозглашать иные способы опознавания бытия, способствуя изменению субъекта в достижении события истины. В этом плане философии свойственны, как процессы «нагружения», или, как выражается Бадью, «подшивки» к родовым процедурам (платоновская традиция – к математике, средневековая – к религии и т.д.), так и стремление освобождаться «от швов», занимать наиболее универсальную позицию в отношении истины, а значит, быть наиболее универсальным субъектом – без идентичностей – без расы, пола, национальности, без принадлежности к классу и любой социокультурной территории. Именно такой субъект, если следовать Бадью, опирается на нечто, приходящее из пустоты, помимо структур и законов истории.

И такого субъекта, с соответствующими интенциями, особенно четко можно усмотреть в любой скептической, софистической или деконструктивистской философской позиции. Причем, последнего рода философия вовсе не существует помимо четырех родовых процедур, без которых, получается, процесс мышления вообще не состоится; однако, философия в данном случае стремится обойтись без подавления одной процедуры другой, стараясь выдерживать «накал собственной стихии» [2].

Философия как место совозможности родовых процедур может иметь в своем конфигуративном сочетании науки, религии, искусства и политики достаточно огромное поле для различных версий, форматов – сближений и противостояний. Если опять-таки воспользоваться мыслью Бадью, развернутую им при помощи математической теории множеств, которая в данном случае может послужить нам хорошей иллюстрацией: бытие – бесконечная горизонталь множественностей; не существует бытия в единственном числе; есть лишь множественности, разложимые на другие множества; нет завершения этой цепи, нет первого, нет последнего звена, все можно сложить и разложить; поэтому, в итоге речь

может идти только о пустом множестве – множества состоят из пустоты. Порядок бытия – математический и только в человеке есть нечто, ускользающее от логических и математических структур. В философии заложен именно этот потенциал – движение к Событию, превосходящему все структуры: «Событие – это внезапное вторжение в эту сцену множества вещей, элементов, которые не были ни данными, ни определенными... Событие – это пришествие, просвет, вспышка, мгновение пустоты, скрытой в ситуации, погребенной в структурах» [5, с. 172].

Собственно, это и есть наш ответ на поставленный вопрос: может ли быть философия национальноцентричной? Да, может – как может быть религиозноцентричной, наукоцентричной, политизированной и т.д. Если философия осуществила доступ к истине как событию, она уже реализовала свою универсальную природу «собирания» модусов сознания в единое духовное пространство, давая возможность осмыслить свое время как историю.

Список литературы

1. Сюдюков Н. Русская философия в 7 сюжетах. «Немота наших лиц» / Н.К. Сюдюков; предисловие А.А. Тесли. – М.: Изд-во АСТ, 2025. – 320 с.
2. Бадью А. Манифест философии / Сост. и пер. с франц. В.Е.Лапицкого. СПб.: Machina, 2003. – 184 с.
3. Круглова И. Н. Философия как теория радикального превращения // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Часть 2. Наука: опыт, проблемы, перспективы развития / Красноярск. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2020. – С. 542-545.
4. Боянич П. Насилие и мессианизм / пер. с франц. О. Волчек. Екатеринбург: Кабинетный ученый. – 224 с.
6. Тарби Ф. Краткое введение в философию Алена Бадью // Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью / Перевод с французского – Институт Общегуманитарных Исследований, 2013. – С. 160 – 187.
7. Гегель Г. В. Ф. Философия истории / Философия истории: Антология: Учеб. пособие для студентов гуманитар. вузов / Сост., ред. и вступ. ст. Ю. А. Кимелева. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 351 с.
8. Агамбен Дж. Оставшееся время: Комментарий к Посланию к Римлянам / Джорджо Агамбен; пер. с итал. С. Ермакова. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 224 с.

УДК 630.432

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ

Ма Синью¹, студент

Круглова Инна Николаевна², доктор философских наук, профессор

^{1,2} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

¹ Wang@kraschina.ru ² sinkina68@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется роль информационных технологий в современной образовательной среде в условиях цифровой трансформации. Проведен обзор различных подходов к определению понятия «информационные технологии в образовании», охарактеризованы основные виды и направления их применения - от систем управления обучением до VR/AR-платформ и аналитических инструментов. Рассмотрены преимущества цифровизации, такие как расширение доступности, интерактивность, индивидуализация обучения, а также выявлены ключевые ограничения: технические, социальные, правовые и экономические. Особое внимание уделяется вопросам кибербезопасности и тенденциям развития, связанным с внедрением искусственного интеллекта. Делается вывод о необходимости научно обоснованного и методически выверенного подхода для повышения качества и доступности образования в цифровую эпоху.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровизация образования, дистанционное обучение, образовательные платформы, VR/AR, искусственный интеллект, кибербезопасность, образовательная среда, индивидуализация, цифровое неравенство

INFORMATION TECHNOLOGIES IN MODERN EDUCATIONAL PROCESSES

Ma Xinyu¹, student

Academic Supervisor: Kruglova Inna Nikolaevna², Doctor of philosophy, Professor

^{1,2} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

¹ Wang@kraschina.ru ² sinkina68@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the role of information technology in the modern educational environment amid digital transformation. It provides an overview of various approaches to defining the concept of "information technology in education" and characterizes its main types and applications, from learning management systems to VR/AR platforms and analytical tools. The advantages of digitalization, such as increased accessibility, interactivity, and personalized learning, are discussed, as well as key limitations identified: technical, social, legal, and economic. Particular attention is paid to cybersecurity issues and development trends related to the implementation of artificial intelligence. It concludes that a scientifically grounded and methodologically verified approach is necessary to improve the quality and accessibility of education in the digital age.

Keywords: Information technology, digitalization of education, distance learning, educational platforms, VR/AR, artificial intelligence, cybersecurity, educational environment, individualization, digital divide

Активная цифровизация всех сфер общественной жизни обусловила качественное преобразование образовательной среды. Образование всё в большей степени опирается на электронные ресурсы, сетевые сервисы, платформенные решения, средства автоматизации педагогического труда. По мере распространения дистанционных форм и смешанного обучения меняется не только технологический инструментарий, но и сама логика организации учебного процесса, структура взаимодействия преподавателя и обучающегося, механизмы контроля и оценки результатов. В этих условиях возрастает потребность в

теоретическом осмыслении роли информационных технологий (ИТ) в образовании, в уточнении понятийного аппарата, в систематизации видов и направлений применения цифровых средств, а также в выявлении преимуществ, ограничений и рисков их использования. Отечественные исследователи подчёркивают, что без научно обоснованного подхода к внедрению ИТ сохраняется опасность фрагментарности практик, методической несогласованности и роста цифрового неравенства.

Целью настоящей работы выступает комплексный анализ роли информационных технологий в современных образовательных процессах на основе обобщения отечественных и зарубежных исследований. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: раскрыть понятие информационных технологий в образовании и показать разнообразие подходов к его интерпретации; охарактеризовать основные виды и направления использования ИТ в учебном процессе; проанализировать ключевые преимущества внедрения ИТ в образование, а также связанные с этим проблемы и ограничения; обозначить перспективные направления развития ИТ в образовании с учётом современных трендов (дистанционное обучение, VR/AR, искусственный интеллект, кибербезопасность); сформулировать выводы о влиянии информационных технологий на качество и доступность образования.

Объектом исследования являются современные образовательные процессы в условиях цифровой трансформации. Предмет исследования составляют формы, средства и результаты использования информационных технологий в системе образования. Методологическую базу работы образует системный подход, позволяющий рассматривать информационные технологии как компонент целостной образовательной системы, а не как набор разрозненных технических средств.

Информационную основу работы составили публикации в отечественных научных журналах и сборниках, монографии по информатизации образования, а также аналитические материалы, посвящённые внедрению цифровых технологий в учебный процесс. Используются положения, сформулированные М.И. Жалдаком, В.А. Извозчиковым, Е.Н. Машбицем, Т.Н. Носковой, Т.Б. Павловой, Н.А. Бородиной, С.В. Подгорской, О.С. Анисимовой и другими авторами, а также критические позиции Р. Мустафаоглы, Я. Алдхамди, Хэй Чу относительно последствий чрезмерной цифровизации обучения.

Вопрос о содержании понятия «информационные технологии в образовании» остаётся дискуссионным. Ряд отечественных исследователей предлагает акцентировать различные аспекты этого феномена. М.И. Жалдак трактует информационные технологии как совокупность методов и средств, расширяющих познавательные возможности человека и обеспечивающих управление техническими и социальными процессами [3, 100]. В данном подходе подчёркивается системный характер ИТ, которые выходят за рамки сугубо технических устройств и включают организационные и методические компоненты. В.А. Извозчиков, напротив, концентрирует внимание на педагогическом измерении, определяя информационные технологии как технологии и методы учебно-воспитательного процесса, реализуемые на основе новых электронных средств обучения, прежде всего ЭВМ [4, 43]. Здесь акцент смещается к трансформации собственно дидактических механизмов. Е.Н. Машбиц рассматривает ИТ в образовании преимущественно через призму программных средств – обучающих систем, в том числе основанных на искусственном интеллекте, и систем контроля знаний [5, 80]. Подчёркивается функциональный аспект: ИТ выступают инструментом автоматизации отдельных звеньев учебного процесса. Исследования Т.Н. Носковой и Т.Б. Павловой демонстрируют, что особое значение цифровые образовательные ресурсы приобретают в сфере самостоятельной работы студентов, обеспечивая им доступ к разнообразным материалам и гибкость во времени и темпе обучения [7, 94]. В монографии Н.А. Бородиной, С.В. Подгорской, О.С. Анисимовой «Информационные технологии в образовании» ИТ анализируются в контексте информатизации образования в целом: авторами последовательно рассматриваются роль цифровых средств в обучении, функции

преподавателя в управлении образовательным процессом в новых условиях и необходимость переосмысления педагогических стратегий [1].

Сопоставление указанных подходов позволяет заключить, что информационные технологии в образовании целесообразно понимать как совокупность технических, программных и организационно-методических средств, обеспечивающих создание, передачу, обработку и педагогически целесообразное использование образовательной информации. Их роль заключается не только в технической поддержке процесса обучения, но и в его качественной трансформации: изменении структуры учебной деятельности, характера взаимодействия участников образовательного процесса, способов представления и усвоения знаний.

Анализ современных исследований (в том числе обобщения, представленные на специализированных педагогических ресурсах) показывает, что в образовательной практике наиболее широко используются следующие группы ИТ:

- системы управления обучением (LMS) и учебные платформы (Moodle, Blackboard, Canvas и др.), предоставляющие инструменты для организации учебного процесса, размещения материалов, проведения тестирования и оценки результатов;
- средства веб-конференций (Zoom, Microsoft Teams, Google Meet и др.), обеспечивающие проведение виртуальных занятий, консультаций, семинаров в режиме реального времени;
- онлайн-ресурсы (электронные учебники, интерактивные курсы, видеоуроки, электронные библиотеки), расширяющие информационную базу обучения и поддерживающие самостоятельную работу обучающихся;
- мультимедийные инструменты (видео, аудио, графика, интерактивные презентации), повышающие наглядность и интерактивность учебного материала;
- мобильные приложения (учебные программы, словари, справочники), обеспечивающие мобильность и непрерывность обучения;
- системы аналитики обучения (Learning Analytics), позволяющие собирать и анализировать данные об учебной активности и результатах обучающихся для последующей адаптации образовательной траектории.

Указанный спектр средств подтверждает вывод о том, что ИТ охватывают практически все звенья образовательного процесса: планирование, подачу материала, взаимодействие, контроль, рефлексия и коррекцию обучения.

В научных работах и методических материалах прослеживаются несколько устойчивых направлений применения ИТ в образовании. Во-первых, ИТ выступают средством организации образовательного процесса: электронные курсы, модули, системы тестирования позволяют выстраивать целостные программы с понятной структурой, контрольными точками и фиксируемыми результатами освоения. Во-вторых, цифровые средства выполняют функцию поддержки традиционного обучения. Как показывают исследования Т.Н. Носковой и Т.Б. Павловой, электронные презентации, виртуальные лаборатории, электронные библиотеки и иные ресурсы существенно расширяют возможности преподавателя по визуализации материала, организации практических заданий, формированию навыков анализа и обобщения [5]. В-третьих, ИТ обеспечивают новые каналы коммуникации: сетевые форумы, чаты, видеоконференции позволяют выстраивать многостороннее взаимодействие «преподаватель – студент», «студент – студент», «преподаватель – преподаватель», что особенно значимо в условиях дистанционного и смешанного обучения. В-четвёртых, современные адаптивные платформы и системы аналитики создают условия для персонализации обучения. Как подчёркивают ряд исследователей, индивидуальные образовательные траектории формируются за счёт вариативности заданий, настройки сложности и темпа обучения, подбора материалов в соответствии с уровнем подготовки и интересами обучающегося. В-пятых, через внедрение ИТ обеспечивается развитие информационной грамотности: учащиеся осваивают навыки

поиска, отбора, критической оценки и использования информации в различных форматах, что рассматривается как ключевая компетенция цифровой эпохи. Наконец, цифровые инструменты открывают дополнительные возможности для развития творческого мышления и инновационной активности обучающихся (работы по программированию, робототехнике, мультимедийному проектированию и др.), о чём показательно пишут исследователи, анализирующие проектную и исследовательскую деятельность школьников и студентов [6].

В научной литературе эффекты внедрения информационных технологий в образование обычно рассматриваются не изолированно, а в сочетании с теми ограничениями, которые обнаруживаются по мере их расширения. Среди наиболее часто обсуждаемых рисков — увеличение экранной нагрузки на обучающихся, менее глубокая переработка содержания при работе с цифровыми ресурсами, а также частичное ослабление непосредственного педагогического контакта. По этой причине выбор форм, интенсивности и педагогических сценариев применения ИТ не может сводиться к простой технологической модернизации; он требует обоснования, опирающегося на данные исследований и на специфику самой образовательной среды.

Один из наиболее значимых результатов цифровизации связан с расширением доступа к образованию. Электронные библиотечные ресурсы, массовые открытые онлайн-курсы, иные платформенные решения обеспечивают обращение к учебным материалам вне зависимости от территориального положения обучающегося, а в ряде случаев — и вне привязки к возможностям конкретной организации. Для населения удалённых территорий, а также для лиц, которым затруднено очное присутствие, такой доступ фактически становится условием участия в обучении. Дополнительное значение приобретают облачные сервисы: через них организуются совместная работа, коллективное редактирование, хранение и передача материалов, что меняет саму практику учебного взаимодействия. Не менее существенно и другое направление. Повышение интерактивности связывают с использованием мультимедиа, интерактивных панелей, виртуальных лабораторий, программ имитационного моделирования. В этих условиях занятие приобретает не только большую наглядность, но и деятельностьную насыщенность: вместо воспроизведения готовой информации обучающийся включается в моделирование ситуаций, близких к профессиональной или экспериментальной реальности. Особенно это заметно там, где реальный эксперимент сопряжён с высоким риском, значительными затратами либо техническими ограничениями; в подобных случаях виртуальные лабораторные среды и средства 3D-моделирования позволяют отрабатывать практические действия без утраты учебной ценности, хотя полностью вопрос о переносе такого опыта в реальные условия, разумеется, не снимается.

Другой блок преимуществ относится к индивидуализации обучения. Адаптивные курсы в электронной среде и интеллектуальные обучающие системы позволяют варьировать траекторию освоения содержания с учётом особенностей конкретного обучающегося: уровня подготовки, темпа работы, характера затруднений. Возможность возвращаться к сложным темам, выбирать степень трудности заданий, пользоваться гипертекстовыми переходами, справочными и поясняющими модулями делает процесс изучения материала менее унифицированным. Здесь же формируются предпосылки для саморегуляции: автоматизированные формы контроля, диагностические процедуры, оперативная обратная связь поддерживают развитие навыков самоконтроля и планирования собственной учебной деятельности. Отдельно в эмпирических исследованиях отмечается мотивационный эффект цифровых средств. Геймифицированные элементы, мультимедийные презентации, интерактивные упражнения и тренажёры, как правило, усиливают познавательную активность, а сама учебная задача нередко воспринимается как интеллектуально значимая и требующая самостоятельного поиска решения. Вовлечённость, соответственно, возрастает.

При этом совокупность положительных эффектов не отменяет системных затруднений, сопровождающих цифровую трансформацию образования. Наиболее очевидны

необходимость постоянного обновления программных решений и технической базы, недостаточная готовность части преподавателей к методически выверенному использованию цифровых инструментов, а также сохраняющееся неравенство доступа к современным технологиям. Последнее обстоятельство особенно чувствительно, поскольку оно не просто создаёт бытовые различия, а воспроизводит неодинаковые образовательные возможности. В такой ситуации требуется не фрагментарное внедрение отдельных сервисов, а последовательная государственная и институциональная политика, предполагающая формирование целостной модели цифрового развития образования и механизмов её регулирования [7].

Комплексное использование информационных технологий формирует качественно иную конфигурацию образовательного процесса, объединяя расширение доступа, рост интерактивности, индивидуализацию и усиление мотивации обучающихся. Одновременно выявляемые инфраструктурные, кадровые и социальные ограничения показывают, что устойчивый эффект цифровизации возможен лишь при её целенаправленном управлении и включении в стратегию развития системы образования.

Обобщение научных публикаций убеждает, что информационные технологии уже выступают не внешним дополнением, а внутренней, структурообразующей частью современных образовательных процессов. В интерпретации М.И. Жалдака, В.А. Извозчикова, Е.Н. Машбица и других исследователей под ИТ в сфере образования понимается совокупность не только аппаратных средств, но и программных продуктов, организационных форм и методических подходов, которые обеспечивают новое качество управления учебной деятельностью и её результатами. Перечень функций, фиксируемый в работах различных авторов, демонстрирует многомерный характер ИТ: от инструмента планирования и организации учебного процесса и канала академической коммуникации до механизма персонализации обучения и средства формирования информационной грамотности обучающихся.

На фоне этой функциональной многоплановости исследовательская литература одновременно выделяет несколько групп ограничивающих факторов, сопровождающих цифровизацию образования [8].

- Технические ограничения. К числу технологических барьеров относят ускоренное моральное старение оборудования и программных комплексов, сложность сопряжения разнородных информационных систем, а также необходимость выстраивания надёжной и масштабируемой инфраструктуры, способной поддерживать устойчивый удалённый доступ. Поддержание такой инфраструктуры в работоспособном состоянии требует регулярной модернизации и стандартизации решений, что становится значимой нагрузкой для образовательных организаций.

- Социальное измерение ограничений проявляется через устойчивый цифровой разрыв между отдельными группами населения, различающимися по уровню доходов, месту проживания и ИКТ-компетентности. Отмечается дефицит специалистов, обладающих одновременно ИТ-квалификацией и педагогической подготовкой, а также настороженное отношение части граждан к цифровым сервисам из-за опасений, связанных с защитой персональной информации и общими рисками информационной безопасности.

- Юридические проблемы. К правовым вызовам относят фрагментарность и недостаточную согласованность нормативного регулирования в сферах защиты персональных данных, охраны авторских и смежных прав, противодействия киберпреступности. Наблюдается систематическое отставание правовой базы от темпов технологических изменений, что порождает правовые лакуны и неопределённость в отношении статуса цифровых образовательных сервисов, режимов использования контента и ответственности участников.

- Экономические ограничения. Экономический аспект выражается в высокой стоимости развертывания, обновления и сопровождения ИТ-инфраструктуры,

необходимости инвестиций в постоянное обучение и переподготовку кадров, а также в значительных расходах на обеспечение кибербезопасности и предотвращение утечек конфиденциальной информации. Для многих образовательных учреждений эти затраты становятся фактором, сдерживающим глубину и скорость цифровой трансформации.

Анализ актуальных направлений цифровой трансформации образования дает основания выделить несколько линий дальнейшего развития, уже влияющих на структуру образовательной среды [8]. Прежде всего меняется сама организация учебного процесса: дистанционные и смешанные форматы больше не сводятся к использованию стандартных онлайн-курсов. Их дополняют интерактивные тренажеры, виртуальные лаборатории, цифровые средства коллективной работы, а также модульные решения в логике микрообучения. За счет такого сочетания становится возможным более гибкое проектирование индивидуальных образовательных траекторий, хотя степень реализации этой возможности по-прежнему зависит от инфраструктуры и методической подготовки. Параллельно расширяется применение технологий виртуальной и дополненной реальности, формирующих иммерсивные модели обучения. Особенно заметно это в медицинском и инженерном образовании: в литературе описаны случаи, когда виртуальное воспроизведение сложных объектов, процессов и профессиональных операций используется для отработки практических действий без риска для безопасности и без постоянного обращения к дорогостоящей материально-технической базе.

Отдельное место занимает внедрение систем на основе искусственного интеллекта. Адаптивные платформы обрабатывают учебные данные, после чего содержание материалов и уровень их сложности соотносятся с индивидуальными характеристиками обучающегося; часть рутинных процедур, включая проверку заданий, передается интеллектуальным модулям. Тем самым расширяются и возможности инклюзивного обучения, поскольку цифровая среда допускает вариативное представление контента. Вместе с тем в исследованиях подобные решения трактуются не как замещение преподавателя, а как инструмент его профессиональной поддержки — это различие принципиально. Не менее значим и другой блок изменений, связанный уже не с подачей материала, а с устойчивостью самой образовательной среды: возрастает внимание к информационной безопасности. Образовательные организации внедряют комплексные механизмы защиты данных, разрабатывают регламенты безопасного использования цифровых ресурсов, организуют обучение персонала и обучающихся основам кибербезопасности. В результате снижается уязвимость инфраструктуры, хотя полностью исключить риски, разумеется, не удастся.

Сопоставление ожидаемых эффектов цифровизации с сопровождающими ее ограничениями показывает двойственный характер происходящих изменений. К числу существенных преимуществ относятся расширение доступа к образовательным ресурсам, повышение интерактивности и наглядности обучения, усиление учебной мотивации и вовлеченности, а также развитие навыков саморегуляции и информационной культуры у обучающихся. Однако устойчивость технических, социальных, правовых и экономических барьеров уменьшает результативность этих процессов. Более того, в ряде случаев возникают и новые риски: усиливается образовательное неравенство, а значение угроз, связанных с информационной безопасностью, возрастает.

Дальнейшее развитие системы образования в значительной степени определяется тем, насколько последовательно дистанционные форматы, VR/AR-технологии, интеллектуальные системы и инструменты кибербезопасности будут интегрированы в единую образовательную экосистему. Здесь важна не только технологическая оснащенность. Ключевое значение имеет научная обоснованность принимаемых решений и их педагогическая соразмерность, поскольку именно от этого зависит и результативность обучения, и способность образовательной системы отвечать на вызовы цифровой эпохи, сохраняя качество и доступность образовательных услуг для различных категорий обучающихся.

Список литературы

1. Бородин, Н. А., Подгорская, С. В., Анисимова, О. С. Информационные технологии в образовании: монография, Персиановский: Донской ГАУ, 2021.- 168 с.
2. Горбунова, Л. И., Субботина, Е. А. Использование информационных технологий в процессе обучения // Молодой ученый.- 2013. - № 4. - С. 544–547.
3. Жалдак, М. И. Компьютер на уроках математики, Киев: Техника, 1997, 304 с.
4. Извозчиков, В. А., Лаптев, В. В., Потемкин, М. Н. Концепция педагогики информационного общества // Наука и школа, 2007. - № 1. - С. 41–45.
5. Машбиц, Е. И. Психолого-педагогические проблемы компьютеризации обучения, М.: Педагогика, 1998. - 192 с.
6. Пугачев, А. С. Дистанционное обучение - способ получения образования // Молодой ученый. – 2012. - № 8. - С. 367–369.
7. Семенова, И. Н., Слепухин, А. В. Методика использования информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе: учебное пособие, под ред. Б. Е. Стариченко, Ч. 2: Методология использования информационных образовательных технологий, Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. - 150 с.
8. Семенова, И. Н. Развитие системы методов обучения студентов педвузов в условиях использования информационно-коммуникационных технологий: монография, Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2010. - 192 с.

УДК: 130.12

САКРАЛЬНОЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: КЛЮЧЕВАЯ ИДЕЯ Э. ДЮРКГЕЙМА

Романов Марат Павлович

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
Oglobon@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется концепция сакрального Э. Дюркгейма, изложенная в «Элементарных формах религиозной жизни». Автор показывает, как французский социолог преодолевает анимистическую традицию, предлагая рассматривать религию не как веру в богов, а как систему практик, порождающих различие сакрального и профанного. Ключевой тезис Дюркгейма заключается в отождествлении безличной тотемической силы с обществом, переживаемым в коллективной ипостаси. В статье рассматриваются основные характеристики сакрального (императивность и амбивалентность), а также критическая оценка данной теории в работах Э. Эванс-Причарда и М. Элиаде.

Ключевые слова. Эмиль Дюркгейм, сакральное, профанное, тотемизм, социальная реальность

THE SACRED AS SOCIAL REALITY: THE KEY IDEA OF ÉMILE DURKHEIM

Romanov Marat Pavlovich

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
Oglobon@mail.ru

Abstract. The article analyzes E. Durkheim's concept of the sacred as presented in The Elementary Forms of Religious Life. The author demonstrates how the French sociologist overcomes the animistic tradition by proposing to view religion not as a belief in gods, but as a system of practices that generate the distinction between the sacred and the profane. Durkheim's key thesis is the identification of impersonal totemic force with society experienced in its collective aspect. The paper examines the main characteristics of the sacred (imperativity and ambivalence), as well as the critical assessment of this theory in the works of E. Evans-Pritchard and M. Eliade.

Keywords. Émile Durkheim, sacred, profane, totemism, social reality

Эмиль Дюркгейм, в начале XX века, предпринял попытку ответить на вопрос, который казался неразрешимым для науки его времени: что делает религию возможной и почему она сохраняет свою актуальность в человеческом сообществе? В отличие от британских антропологов, видевших в истоке религии веру в духов и богов, Дюркгейм предложил иной путь. Он решил искать не то, во что верят люди, а то, как устроено само верование, как некие представления обретают силу, которая заставляет человека подчиняться им, почитать их, бояться их нарушения. В процессе своей работы он отверг анимистическую теорию, господствовавшую в британской антропологии. Во-первых, она не могла объяснить, почему душа умершего, которая в сновидениях предстает как слабый призрак, в религиозных культах обретает могущество, превосходящее живого человека. Во-вторых, и это было для Дюркгейма важнее, анимизм проецировал на первобытное общество индивидуалистическую модель: духи мыслились как самостоятельные субъекты, вступающие в договорные отношения с людьми. Это означало, что религия понималась как система сделок между индивидами и сверхъестественными персонами такая модель не объясняла, почему религиозные представления обладают принудительной силой по отношению к человеку. Он искал то, что предшествует представлениям о духах и богах, ту

первичную реальность, которая делает возможным само различие священного и обыденного.

В качестве материала для исследования Дюркгейм выбрал тотемизм австралийских аборигенов, который в его время считался наиболее архаичной формой религии. Он обратил внимание на то, что объектом почитания здесь выступает не индивидуальное божество, а тотем – животное или растение, которое символизирует клан. Но сам тотем, по наблюдениям Дюркгейма, не является подлинным объектом поклонения. За ним стоит нечто иное. Анализ этнографических данных, привел к выводу, что тотем воспринимается членами клана как материальное воплощение безличной силы, присутствующей в мире и распределенной между всеми, кто принадлежит к данному роду [1, с. 324]. Эта сила не имеет имени, не обладает индивидуальными чертами, не вступает в диалог с человеком. Она просто есть и именно она составляет подлинный объект культа. Здесь Дюркгейм делает свой главный шаг. Он утверждает, что эта безличная сила есть не что иное, как само общество, переживаемое в своей коллективной ипостаси. Тотем – это символ клана, но клан не осознает себя непосредственно. Он выражает себя в символической форме, и эта форма возвращается к нему как нечто внешнее, могущественное, требующее почитания.

Сакральное, по Дюркгейму, – это не свойство вещей и не эманация божества. Это способ, которым общество переживает само себя. Когда люди собираются вместе, участвуют в общих ритуалах, разделяют общие эмоции, они испытывают состояние, которое отличается от их обыденной жизни. Это состояние они проецируют вовне, наделяя им предметы, места, действия. Так возникает сфера сакрального т.е. выделенная, запретная, исполненная силы. Ее противоположностью является профанное, сфера повседневности, где человек действует как индивид, преследующий частные интересы. Таким образом, религия оказывается для Дюркгейма не верой в богов, а системой практик, которые поддерживают различие сакрального и профанного и через это воспроизводят социальную солидарность. Замечательно выразил эту мысль отечественный исследователь сакрального С. Н. Зенкин: «Суть религии – не вера в богов, возможны религии и без божества, первичный феномен религии – это переживание сакрального» [2, с. 199].

Необходимо отметить то, что Дюркгейма сакральное обладает двумя характеристиками, которые отличают его от всего остального.

Первая – императивность. Сакральное не просто существует, оно требует определенного поведения. К сакральным объектам нельзя прикасаться без подготовки, о них нельзя говорить в обыденном контексте, их нельзя использовать в утилитарных целях. Эта запретность не является свойством самих предметов т.к. один и тот же объект может быть сакральным в одних обстоятельствах и профанным в других. Запреты выражают не природу вещей, а волю коллектива, который таким образом поддерживает свою целостность.

Вторая – амбивалентность. Сакральное может быть как чистым, так и нечистым. Благотворные силы и опасные, святые и проклятые – они принадлежат к одной сфере, отличной от профанного. Нечистое не есть отсутствие сакрального, это его негативная форма. Дюркгейм подчеркивал, что чистое и нечистое могут переходить друг в друга в зависимости от обстоятельств, что вызвало критику со стороны антропологов, указывавших на онтологическую фундаментальность этого различия в традиционных культурах [3].

Последующие исследования показали, что тотемизм не является универсальной формой религии, а австралийские данные, на которые опирался Дюркгейм, не вполне соответствуют его выводам. Как отмечает Мирча Элиаде, «никто больше не рассматривает тотемизм как фундаментальную, универсальную и самую архаичную религиозную форму» [4, с. 190]. Обобщая критику Э. Эванс-Причард, указывал, что дихотомия сакрального и профанного не подтверждается полевыми исследованиями: в реальной жизни эти сферы переплетены и не могут быть жестко разделены [5, с. 69].

Однако значение концепции Дюркгейма не исчерпывается ее эмпирической уязвимостью. Он первым последовательно провел идею о том, что сакральное – это не

иллюзия и не заблуждение, а социальная реальность особого рода. Общество действительно порождает смыслы, которые переживаются индивидами как объективные и принудительные. Эти смыслы могут существовать в форме, не требующей апелляции к трансцендентному, и именно это открытие Дюркгейма сохраняет свою актуальность. В этом смысле его концепция сакрального остается не столько теорией, которую можно подтвердить или опровергнуть эмпирически, сколько способом мышления о том, как коллективное переживание обретает силу, способную подчинять себе индивидуальное сознание. Как отмечал Т. Парсонс, Дюркгейм исследовал то «первичное ядро социальной системы» [6, с. 266], без которого невозможно понять ни интеграцию общества, ни природу ценностей.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. А. Апполонова, Т. Котельниковой; под науч. ред. А. Апполонова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 736 с.
2. Зенкин С. Явленное сакральное (numen) // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 1–2. С. 197–222
3. Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу / пер. с англ. Р. Громовой, С. Баньковской. – Москва: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 288 с.
4. Элиаде М. Религии Австралии / пер. с англ. Л. А. Степанянц. – Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998. – 319 с.
5. Эванс-Причард Э. Теории примитивной религии / пер. с англ. – Москва: ОГИ, 2004. – 144 с.
6. Парсонс Т. Вклад Дюркгейма в теорию социальных систем / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социологический ежегодник. – 2014. – № 2013–2014. – С. 240–268.

УДК 141.1

ЭТИКО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ МАКСИМАЛИЗМ РУССКОЙ МЫСЛИ И ВЫЗОВ АНТИЧНОГО СКЕПТИЦИЗМА

Самарин Андрей Сергеевич, кандидат философских наук, доцент
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
asamarin@sfu-kras.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу совместимости русской философской традиции и античного скептицизма. Обосновывается возможность продуктивного диалога: скептический метод рассматривается как практика эпистемологической сдержанности, позволяющая сохранить рациональные основания и гуманистические ориентиры в условиях информационной перегрузки и идеологической поляризации современного философского дискурса.

Ключевые слова: русская философия, пирронизм, атараксия, эпохэ, информационный скептицизм

ETHICAL AND ONTOLOGICAL MAXIMALISM OF RUSSIAN THOUGHT AND THE CHALLENGE OF ANCIENT SKEPTICISM

Samarin Andrey Sergeevich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
asamarin@sfu-kras.ru

Abstract. The article analyzes the compatibility between the Russian philosophical tradition and the ancient skepticism. It substantiates the possibility of a productive dialogue: the skeptical method is considered as a practice of epistemological restraint that allows preserving rational foundations and humanistic orientations amidst information overload and ideological polarization in modern philosophical discourse.

Keywords. Russian philosophy, Pyrrhonism, ataraxia, epoche, information skepticism

Анализ теоретического содержания скептицизма в его приложении к историко-идейному наследию русской философии показывает, что указанные философские традиции имеют низкую степень совместимости. Они исходят из совершенно разных идейных оснований и ведут к принципиально различным онтологическим и аксиологическим заключениям касательно социальной природы человека. Цель исследования – продемонстрировать возможность продуктивного диалога между скептицизмом и русской философской традицией. Реконструкция возможности применения скептического метода при анализе философского наследия русской философии представляет собой значимую философскую задачу. Это позволит нам выявить точки пересечения, что продемонстрирует восприимчивость русской философии к различным интеллектуальным тенденциям, а также универсальный характер скептического метода.

Центральной проблемой статьи выступает конфликт между этико-онтологическим максимализмом русской философии и сдержанностью скептицизма, предполагающего эпистемологический минимализм в претензиях на обладание истиной.

Русская философия в историческом развитии ориентировалась на поиск абсолютной духовной истины, что проявлялось в идеях мессианизма, соборности, а также концепции жертвенного служения высшей идее. Данная тенденция зародилась в ходе полемики между славянофилами и западниками в XIX в., несмотря на недостаточную концептуальную оформленность этих дискуссий на раннем этапе, а в дальнейшем получила развитие в

русской религиозной философии конца XIX – начала XX в. В советский период данная установка манифестировала себя в стремлении к формулированию единственно правильной партийной линии в философских исследованиях.

В русской философской традиции истина интерпретировалась не столько как абстрактное теоретическое знание, сколько как экзистенциальная задача, требующая полной включенности личности в процесс постижения истины и утверждения справедливости. Указанный философский поиск характеризуется ярко выраженной этической направленностью.

В противоположность этому, античный скептицизм (в первую очередь – пирронизм) предлагает достижение атараксии (душевного спокойствия) посредством эпохэ (воздержания от суждения). Именно этот античный этический императив выходит в работе на передний план. Научный скептицизм Нового времени и его современные модификации выступают здесь не как конкурирующая парадигма, а как практическая адаптация и развитие фундаментальных принципов античной школы в условиях новой эпистемологической реальности [1, 2].

Центральной проблемой исследования является вопрос о том, насколько античная модель поведения философа-скептика, сохраняющего внутреннюю свободу в эпоху кризисов, может стать экзистенциальным ориентиром для современного российского философа? Задачей становится реконструкция того, как принципы пирронизма могут интерпретировать представления о национально ориентированной философии, придавая ей черты рациональной умеренности, свойственной античной традиции.

Этическим идеалом античного скептика является атараксия – состояние невозмутимости, достигаемое через осознание равносильности (изостения) противоположных догматических убеждений. Интенсивность этих процессов была высока в любые исторические эпохи, вследствие чего современное состояние общества не представляет собой качественно новое состояние, поскольку в любом обществе восприятие индивидуумом информационной нагрузки определяется индивидуальным же когнитивным порогом и уровнем образованности, параметры которых варьируются от эпохи к эпохе. Д. А. Гусев следующим образом определяет особенности скептической атараксии как экзистенциального принципа: «смысл жизни, по мнению скептиков, заключается в отсутствии всякого смысла, а цель ее – в отсутствие какой-либо цели; смысл есть, потому что его нет, и цель существует, так как она отсутствует» [3, с. 221]. Нельзя не заметить, что это звучит провокационно в сравнении с этическими принципами, который брали за эталон русские философы. Традиционный же идеал этического максимализма в русской философии, обсуждающийся в литературе на протяжении последних двух столетий – это концепт «страдания за истину» в контексте мессианского ожидания [4].

Русская философия нередко рассматривает духовное беспокойство как маркер глубины и искренности ценностных ориентаций и внутренних переживаний личности. Данная особенность русской философии ярко манифестируется в творчестве Ф. М. Достоевского. В противовес этому, скептическая традиция интерпретирует духовное беспокойство как следствие догматической приверженности идее абсолютной истины. Достижение атараксии посредством осознания равносильности (изостения) противоположных аргументов [5, с. 220] трактуется не как индифферентизм, а как форма интеллектуальной зрелости, которая предохраняет от фанатизма и свойственной ему догматической позиции, ведущей к интеллектуальной стагнации.

История концептуализации понятия «Русская идея» имела противоречивые последствия, даже если абстрагироваться от сложных для философского анализа социальных обстоятельств. Значительная часть интеллектуального потенциала крупных русских мыслителей была затрачена на рефлексию «Русской идеи» и идеологическую полемику вокруг нее. Не ставя целью дефиницию понятия «Русская идея», следует отметить, что данное понятие неразрывно связано с мощным идеологическим компонентом, что выводит

деятельность мыслителя за пределы собственно философского дискурса и перемещает в сферу социально-политическую, где эффективность мыслителя снижается в случае отсутствия у него опыта реальной политической борьбы. В данном контексте скептицизм выступает конструктивной альтернативой, предлагая метод мышления, свободный от догматической веры в абсолют или претензий на исключительность собственной ценностной позиции, основанный на приоритете рационального начала.

Актуальность этого античного опыта становится явной, если провести параллель между кризисом античного полиса и социальными потрясениями в России последних веков. Именно тупиковый характер догматических поисков «Русской идеи» заставляет нас обратиться к наследию скептицизма, когда философия уже сталкивалась с похожим крахом прежних культурных и интеллектуальных устоев. Скептицизм как философское течение появился в эпоху эллинизма, которая характеризовалась глубоким кризисом античной культуры, трансформацией полисных институтов на территории Древней Греции и общей социальной дестабилизацией. Отдельные этапы истории России XIX – XX вв. могут быть поставлены в соответствие с эпохой эллинизма. В данном контексте выявляется историческая параллель: стратегии поведения интеллектуалов эллинистической эпохи и русских мыслителей имели сходный характер, а именно: уход в частную жизнь, неучастие в политике – своеобразная «внутренняя эмиграция» как внешний конформизм по отношению к социальным нормам при сохранении внутренней дистанции к доминирующим ценностям вкупе с сохранением приверженности собственному интеллектуальному пути.

Представители крупных эллинистических школ – эпикуреизма, стоицизма и скептицизма – разработали концепцию углубления во внутренний мир и частную жизнь не как формы эскапизма, а как метода сохранения автономии разума в условиях социальной нестабильности [6, 7]. Современный российский философ, не вовлеченный в процессы разработки национально-ориентированной философии, в своей деятельности вполне может демонстрировать сходство со следованием эпикурейскому императиву «проживи незаметно» [8, с. 205], в рамках которого этическая установка трансформируется в сознательное неучастие в социальной жизни. В то же время философ, непосредственно вовлеченный в политический процесс и реагирующий на актуальные запросы социума и государства, может оказывать более существенное влияние на текущие социальные процессы, инкорпорируя в свою деятельность принципы философских воззрений, которым он следует. Вопрос о соотношении философской глубины и концептуальной насыщенности каждой из описанных позиций остается предметом для дальнейших дискуссий.

В ситуации распространения «информационного скептицизма», архитекtonика которого раскрыта в статье В. А. Ладова [9], мы наблюдаем реактуализацию античного пирронизма. Радикальный отказ от претензий на абсолютную истину, постулированный еще античными мыслителями, становится наиболее адекватной позицией в условиях, когда реальность замещается информационными конструктами. Тотальное сомнение, свойственное этому подходу, утрачивает деструктивный потенциал, превращаясь в необходимый инструмент навигации в море виртуальных моделей мира.

В информационном обществе сомнение в объективности истины или определенного положения дел становится безопасным и даже необходимым в условиях, когда информация лишена экзистенциальной значимости [9, с. 41]. В данных условиях скептик осознаёт, что дискуссия ведётся не о сущностях, имеющих онтологический фундамент, но об множестве виртуальных моделей, что позволяет ему сохранять интеллектуальное спокойствие, равновесие ума, в ситуациях, в которых догматик может быть подвержен аффективным реакциям. Важно отметить, что данный подход не призывает к социальному нигилизму или уходу от политической активности; он ограничивает сферу своего применения вопросами эпистемологической точности и защиты интеллектуальной автономии субъекта, что создает базу для более взвешенного участия в социальных и политических процессах.

Античный принцип пирронизма, принцип жизни «по обычаям и законам» при отказе

от признания их онтологической истинности [8, с. 210-211] позволяет философу успешно функционировать в обществе, соблюдая внешние нормы, но сохраняя внутреннюю независимость от их догматического обоснования.

Как практически реализовать установку на сомнение и избежать догматических ловушек в рассуждении о русской философии? Эффективным инструментом для этого являются логические приемы античного скептицизма. Проанализируем ряд принципов национально-ориентированной философии через несколько приемов скептического анализа. В качестве таковых используем тропы Агриппы, античного скептика I в. Первый троп Агриппы, который заключается в том, что в отношении какого-либо теоретического вопроса неминуемо возникает конфликт различных взглядов на него, мешающий нам выбрать один из них как единственно верный, демонстрирует фундаментальную проблематичность выделения «единого русского философского канона». Многообразие интерпретаций понятия «русское» в рамках культуры свидетельствует о несостоятельности любых претензий на монополию в обладании истиной.

Применение тропа Агриппы о бесконечном регрессе обоснований ставит под сомнение аргументацию в пользу неповторимости пути русской философии. Необходимо разграничить нашу интуитивную уверенность в наличии уникальности и неповторимости русского философского пути, характерную для внефилософского дискурса – и возможность строгой концептуализации этой позиции. Артикуляция этой идеи средствами категориального аппарата философии сталкивается со значительными трудностями. Если мы следуем в логике тропов Агриппы, то возникает вопрос о критерии обоснования уникальности русского пути. К примеру, если в качестве такового обоснования постулируется «народный дух», то неизбежно следует вопрос об обосновании самого этого духа. Бесконечный регресс в цепи обоснований выявляет догматический характер самого требования институционального закрепления уникальности русского философского пути.

Обоснование относительности у Секста Эмпирика, как пишет Д. К. Маслов, заключается в том, что «Секст показывает, что все нам доступное может быть только относительным, поскольку как минимум самим фактом мышления вещи предстают нам относительными, но не такими, как они существуют по природе. Задача его состоит как раз в том, чтобы показать разными способами относительность всех восприятий вещей (перцептуальных и интеллектуальных), что он выполняет в десяти тропах» [10, с. 76]. Этот интеллектуальный прием демонстрирует, что воспринимаемое как «исконно русское» зачастую представляет собой культурную обусловленность (феномен), а не онтологическую сущность. Философия, сфокусированная исключительно на национальном субъекте, подвержена риску методологического заблуждения и самоограничения открытых перед ней эвристических возможностей.

Любопытно, что даже внутри самой русской традиции существует элемент, который созвучен скептицизму – это исихазм. Постулируя невозможность репрезентации божественной истины в конечных образах, исихазм в практике признает наличие пределов познания [11, 12]. В этом отношении сама специфика поиска «исконно русского» приходит к тому, что его центре есть принципиальная невыразимость, трактуемая не в спиритуально-эзотерическом смысле, но в смысле практики православного аскетизма, коим и выступает исихастская традиция. Таким образом, глубинный слой русской культуры парадоксальным образом подтверждает ключевой тезис скептицизма: абсолютная истина не может быть выражена в конечных понятиях и догматических формулах.

Наше исследование рассматривает скептицизм не в качестве деструктивной нигилистической силы, но как конструктивную этическую практику и метод духовного врачевания, который обладает достаточной актуальностью для современного дискурса о философии в России. Дополнение парадигмы, претендующей на поиск и владение абсолютной истиной, проявляющейся в национально-центричном дискурсе установкой на эпистемологическую скромность и внутренне активную тишину способствует сохранению

рациональных оснований и гуманистических ориентиров в условиях информационной перегрузки и размывания границ между реальным и виртуальным. Скептицизм в этой ситуации выступает как возвращение к античному опыту преодоления догматизма, предлагая русскому философу пополнить свой арсенал методом, способствующим интеллектуальной зрелости и сохранению человеческого достоинства через разумную умеренность.

Список литературы

1. Куртц П. Новый скептицизм: исследование и надежное знание / П. Куртц; пер. с англ. В. А. Кувакина. – Москва: Российское гуманистическое общество, 2007. – 359 с.
2. Богдан С. С. Научный скептицизм как культурный феномен и метод исследования паранормальных и псевдонаучных концепций // Исторические, философские, политические и юридические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. - №3 (65), ч. 1. – С. 37-42.
3. Гусев Д. А. Этика атараксии в античном скептицизме // Преподаватель XXI век. – 2015. – Т. 2, №1. – С. 209-224.
4. Бардыкова И. В. Концепт страдания в русской философии культуры // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – №5 (49). – с. 314-318.
5. Гусев Д. А. Античный скептицизм и современная философия науки // Преподаватель XXI век. – 2014. – Т. 2, №3. – С. 219-225.
6. Markus G. The art of skepticism and the skepticism of art // Philosophy today. – Chicago, 2009. – Vol. 47, N 1. – P. 58-69.
7. Гусев Д. А. Скептические элементы стоической теории познания и становление научного мышления в контексте эллинистической философии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2010. - №4. – С. 38-45.
8. Гусев Д. А. Античный скептицизм как ранняя форма рефлексии теоретического знания // Преподаватель XXI век. – 2010. – Т. 2, вып. 2. – С. 204-211.
9. Ладов В. А. Информационный скептицизм и виртуальная реальность // Гуманитарная информатика. – 2012. – №6. – С. 38-54.
10. Маслов Д. К. Троп относительности и «диалектическая стратегия» в философии Секста Эмпирика // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – №37. – С. 72-82.
11. Хоружий С. С. Русский исихазм: черты облика и проблемы изучения // О старом и новом. – Санкт-Петербург: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2000. – С. 208-226.
12. Корниенко М. А. Исихазм как практика мистического богословия // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – №443. – С. 82-86.

УДК 172.1

ОБРАЗ РУССКОГО РАДИКАЛА НАЧАЛА XX ВЕКА

Холонина Наталья Викторовна, старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
vergaletsnatalia@gmail.ru

Аннотация. Автор статьи рассматривает черты русского радикала-интеллигента начала XX века, сформулированные русскими философами в сборнике «Вехи». Бердяев Н.А., Булгаков С.Н., Франк С.Л. - все выступали с критикой людей, которые творили революцию в Российской империи.

Ключевые слова: Бердяев Н.А., Булгаков С.Н., героизм, радикализм, революция, русская интеллигенция, социализм

THE IMAGE OF THE RUSSIAN RADICAL OF THE EARLY 20TH CENTURY

Kholonina Natalya Viktorovna, Senior Lecturer
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
vergaletsnatalia@gmail.com

Abstract. The author of the article examines the features of the Russian radical-intellectual of the early 20th century, formulated by Russian philosophers in the collection "Vekhi". Berdyaev N.A., Bulgakov S.N., Frank S.L. - all of them criticized the people who were making the revolution in the Russian Empire.

Keywords: Berdyaev N.A., Bulgakov S.N., heroism, radicalism, revolution, Russian intelligentsia, socialism

Радикализм как политическая позиция (идеология), ориентированная на коренное и глубокое преобразование существующих общественных институтов, всегда занимала особое место в истории русского государства. Именно здесь мы можем зафиксировать все крайние формы развития радикальных идей (движение от радикальной программы к экстремистским лозунгам и общественному террору), но так было не всегда. Подобная ситуация сложилась, благодаря стечению ряда обстоятельств и благодатной почве, на которой выросли революционные движения, определившие ход истории на столетие.

В статье анализируется образ русского радикала, описанный мыслителями сборника «Вехи». Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, М.О. Гершензон, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве предприняли попытку критически осмыслить радикальное революционное сознание и мировоззрение.

Исследователи радикализма в России выделяют три типа: революционно-диктаторский (якобинский), революционно-демократический (народнический) и либерально-демократический. Революционно-диктаторский тип (20-е годы XIX века) стремился к установлению диктатуры и авторитарной политической модели, прослеживался во взглядах декабриста П.И. Пестеля. Революционно-демократический радикализм (70-е годы XIX века) главную силу преобразований видел в проведении социалистической революции, исходящей от народных масс, которая не только свергнет самодержавие, но и установит федерацию автономных производственных ассоциаций. Либерально-демократический радикализм (конец XIX - начало XX века) выбирал путь ускоренного преобразования государства, введения конституции, гражданских свобод, парламента, радикальной аграрной реформы [1, 9].

Все последователи этих движений вели активную борьбу за становление нового

государства. Образ радикала трансформировался также стремительно, как и социальные изменения, произошел переход от благородного радикала-дворянина к радикалу-атеисту, а затем радикалу-большевику. Для более глубокого анализа образа русского радикала, рассмотрим основные положения, выдвигаемые русскими мыслителями XIX - XX века.

Н.А. Бердяев отмечает, что радикальные движения в большинстве состояли из интеллигентов, которые обладали весьма специфическими духовными чертами. Само слово «интеллигент» изначально обозначало общественный слой образованных людей, занятых умственным трудом (что в России приравнивается к термину интеллект). Впоследствии исходное понятие деформировалось в понятие, обозначающее людей умственного труда, разделяющих определенные политические взгляды. По социальной структуре интеллигенция была очень разнородной (дворяне, священники, диаконы, мещане, крестьяне), но при этом мыслила исключительно идеями социального характера [2, 17].

Сторонники радикальных преобразований общества не способны оценить значение философии, а также стремятся подчинить её утилитарно-общественным целям. Подобную позицию Бердяев обозначает как народнически-утилитарно-аскетическое отношение к философии [3, 2]. Весь интерес к философии сводится к вопросам применимости концепций к идеям социализма и общественного блага. Русская интеллигенция предала любовь к истине, заменив её любовью к уравнительной справедливости, народному благу. Основное моральное суждение интеллигенции укладывается в формулу: да сгинет истина, если от гибели ее народу будет лучше жить, если люди будут счастливее; долой истину, если она стоит на пути заветного клича «долой самодержавие» [3, 8].

Русский радикал изначально оторванный от реального социального дела, мечтал о социально справедливом обществе. Все смелые идеи социалистов и анархистов Запада были усвоены им в догматичной и некритичной форме восприятия [2, 18]. Русские мальчики нигилисты-апокалиптики, провозглашая вседозволенность и отсутствие Бога в человеческой жизни, сами становятся формой воплощения исторического процесса. Вопрос о социализме вставал для них остро, ведь он означал, что построение царства Божия, царства равенства, свободы и всемирного счастья зависит только от усилий народа, приложенных к великому делу.

Одновременно с этими стремлениями, радикально настроенный интеллигент никогда не отождествлял себя с государством, церковью, отечеством, духовной жизнью. Все эти ценности не принимались, вызвали внутренний бунт человека и способствовали делу революции. Революция порождает свой культ революционной святости: свои святые, своё священное предание, свои догматы [4].

На основании вышеизложенного можно заключить, что радикалы, по Бердяеву, далеки от любви к объективной истине, руководствовались идеями социализма, тяготели к народу, отступились от Бога и подготовили идеальные условия для возникновения коммунизма.

Другой русский мыслитель - С.Н. Булгаков, размышляя о русской революции, также основную роль отводит интеллигенту с радикальными воззрениями. Интеллигенция духовно оформляла инстинктивные стремления масс, зажигала их своим энтузиазмом, - словом, была нервами и мозгом гигантского тела революции [3, 25]. Русский интеллигент формировался в непростых условиях, с одной стороны он постоянно испытывал пресс от силовых структур, с другой стороны продолжал мечтать о прекрасном будущем. Известная неотмирность, эсхатологическая мечта о Граде Божием, о грядущем царстве правды (под разными социалистическими псевдонимами) и затем стремление к спасению человечества - если не от греха, то от страданий - составляют, как известно, неизменные и отличительные особенности русской интеллигенции [3, 29].

Русская интеллигенция сочетала в себе противоречивые стороны: с одной стороны постоянно демонстрировала «социальное покаяние» перед народом, с другой стороны отрицала значимость религии и Бога для общественной жизни. Радикально мыслящие люди

устремились к идеям гуманизма и науки, делая их своей религией. Материализм, атеизм и социализм это три столпа русского радикала, который верил в естественное совершенство природы человека, бесконечный прогресс и науку. Личным делом каждого становилось преодоление всего, что отделяет общество от провозглашенных гуманистических идеалов.

Радикал уже с юного возраста чувствует одновременно оторванность от почвы, давление внешних обстоятельств, отсутствие мировоззренческих оснований, но он вступает в борьбу с таким положением вещей, так в истории рождается герой. Героический интеллигент не довольствуется поэтому ролью скромного работника (даже если он и вынужден ею ограничиваться), его мечта - быть спасителем человечества или по крайней мере русского народа [3, 39]. Герой думает о будущем, мыслит глобально, берет на себя ответственность за происходящее, выступает спасителем и архитектором новой реальности. Вероятность погибнуть раньше, чем воцарится общество равенства не пугает истинного героя, а наоборот разжигает в нем героический экстаз.

Русская радикальная мысль XIX века поливариантна в силу неодинаковости «спасительных» программ интеллигенции. Герой всегда хочет быть один на «пьедестале почета», а в силу исторических обстоятельств становится очевидно, что вариантов развития событий много, также как и героических средств и планов спасения.

Герой (он же радикал) вынужден будет побороть в себе инстинкт привязанности к жизни, отречься от нее, чтобы обрести «социальное бессмертие». Героический максимализм, будоражащий молодёжь, подталкивает к решительным действиям, после которых не очевидно был это героизм или самоубийство.

Булгаков отмечает, что происходит смена образа христианского подвижника на образ революционного студента. Радикал не только разрешает себе все то, что было запрещено культурой, он ставит себя на место Бога. Я осуществляю свою идею и ради нее освобождаю себя от уз обычной морали, я разрешаю себе право не только на имущество, но и на жизнь и смерть других, если это нужно для моей идеи [3, 45]. Нигилизм полностью проникает и заполняет бытие русского интеллигента (радикала). Стоит отметить, что те же самые черты (нигилизм и атеизм) выделяет Бердяев, и вместе с Булгаковым они сходятся в однозначной оценке этих явлений.

У просвещенного интеллигента отсутствует понятие греха, поэтому ему не нужно заниматься самосовершенствованием своей личности. Радикал максимально ориентирован на достижение внешних целей и минимально на личную жизнь. Поскольку вся энергия направлена на социальные преобразования, то все интеллигенты заражены идеей быстрых изменений в обществе. Радикал не готов исповедовать эволюционизм, он сам хочет быть частью той истории, что творится здесь и сейчас. Герой творит историю по своему плану, он как бы начинает из себя историю, рассматривая существующее как материал или пассивный объект для воздействия [3, 55].

Ещё одну интересную черту отмечает мыслитель, русский интеллигент мыслит себя космополитом, у него полностью отсутствует национальное чувство и национальное самосознание. Проблематика национальной проблемы сводится к классовой борьбе, что лишний раз указывает на оторванность интеллигенции от русского народа.

Противоречивый портрет русского интеллигента, описанный С.Н. Булгаковым, сочетает в себе историческую незрелость, некультурность, оправдание достижения цели любыми средствами и все это вместе с искренним желанием изменить мир к лучшему.

М.О. Гершензон также отмечает такую черту русского интеллигента как сфокусированность на внешних преобразованиях государства, общества, народа. Думать о своей личной выгоде было непристойно, поэтому интеллигент думал об общественных интересах, интересовался политикой. Также у русских радикалов совсем не сформирована национальная культура мышления, именно поэтому они так увлечены западными течениями мысли.

Резюмируя статьи веховцов, складывается духовный портрет русского интеллигента-

радикала.

1) Радикал в России принадлежит к слою русской интеллигенции (социальная группа, разделяющая определенные взгляды на социальные идеалы).

2) Русский радикал находится на равном удалении, как от государственных структур, так и от народной жизни («отщепенство» (по Струве), «раскольничество» (по Бердяеву), «скитальчество» (по Федотову)).

3) Революционность радикалов складывается из их увлечения идеями западных мыслителей, так возникает идеал построения социального государства.

4) Радикал тяготеет к нигилистической позиции и атеизму.

5) Русский радикал желает стать героем, который «освободил народ» и создал справедливое общество.

6) Радикал не вникает в тонкости самобытной русской философии и философии в целом, заменяя ее материалистической наукой.

7) Радикал не боится смерти, ради великого дела он готов пожертвовать своей жизнью.

Несомненно мыслители сборника «Вехи» не только дают свое видение будущим деятелям революции, но и рисуют определенный образ эпохи, схваченный во времени. Единомыслие авторов во взглядах поражает, хотя некоторые исследователи утверждают, что авторы не читали статьи друг друга перед выходом сборника. Стоит отметить, что представленный образ активно критиковался со стороны установившейся советской власти, но несмотря ни на что спор об исторической ответственности интеллигенции не утихает и по сей день.

Список литературы

1. Русакова О. Ф. Радикализм в России и современном мире: вопросы типологии / Отв. ред. К.Н. Любутин. – Екатеринбург: Изд-во УрГСХА, 2001. – 352 с.

2. Бердяев Н. А. Истоки русского коммунизма. – Текст: электронный // URL: http://odinblago.ru/russk_kommunizm (дата обращения: 26.03.2026).

3. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции / [Соч.] Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона [и др.] – Москва: тип. В.М. Саблина, 1909. – 211 с.

4. Из глубины. Сборник статей о русской революции. – Текст: электронный // URL: <https://www.vehi.net/deprofundis/index.html> (дата обращения: 28.03.2026).

5. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – Текст: электронный // URL: <https://www.vehi.net/vehi/index.html> (дата обращения: 26.03.2026).

6. Интеллигенция и религия. Воскресение Христа и современное сознание / Булгаков С.Н. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1903. – 48 с.

7. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / Под ред. Е.Л. Рудницкая. – М.: Археографический центр, 1997. – 576 с.

УДК 140.81

«НЕМОТА НАШИХ ЛИЦ»: АПОКАЛИПТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ НИКИТЫ СЮНДЮКОВА

Шакир Ратмир Александрович

Красноярское художественное училище (техникум) им. В.И. Сурикова, Красноярск, Россия
ratmirshak@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу апокалиптического измерения личности в философии современного русского мыслителя Никиты Сяндюкова. На материале его книги «Русская философия в семи сюжетах. Немота наших лиц» и публицистических текстов раскрывается диагностика «немоты лица» как онтологического симптома эсхатологического времени, в котором утрачена теофаническая способность личности являть себя в лице. Показано, что проект трансгуманизма интерпретируется Сяндюковым как «антикеносис» — пародийное обращение Боговоплощения, отказ от телесности, ведущий к обезличиванию. Преодоление «немоты» связывается с восстановлением литургической эстетики и соборного общения, где личность обретает онтологическую полноту явленности. Делается вывод о том, что философия Сяндюкова возвращает русской мысли апокалиптическую перспективу, превращая её из историко-философского наследия в живой инструмент ответа на вызовы современности.

Ключевые слова: апокалиптическое измерение личности, немота лица, антикеносис, трансгуманизм, литургическая эстетика, соборность, теофаническая способность, персоналистская онтология

"THE MUTENESS OF OUR FACES": THE APOCALYPTIC DIMENSION OF THE PERSON IN THE PHILOSOPHY OF NIKITA SYUNDYUKOV

Shakir Ratmir Aleksandrovich

Krasnoyarsk V.I. Surikov Art College (Technical College), Krasnoyarsk, Russia
ratmirshak@gmail.com

Abstract. The article analyzes the apocalyptic dimension of the person in the philosophy of the contemporary Russian thinker Nikita Syundyukov. Drawing on his book Russian Philosophy in Seven Plots: The Muteness of Our Faces and his publicist writings, the study reveals the diagnosis of the “muteness of the face” as an ontological symptom of eschatological time, in which the theophanic capacity of the person to manifest itself as a face (lik) has been lost. It is argued that Syundyukov interprets the transhumanist project as “anti-kenosis”—a parodic inversion of the Incarnation, a rejection of corporeality that leads to depersonalization. The overcoming of muteness is linked to the restoration of liturgical aesthetics and conciliar communion (sobornost’), wherein the person attains ontological fullness of manifestation. The conclusion emphasizes that Syundyukov’s philosophy reasserts the apocalyptic perspective in Russian thought, transforming it from a historical-philosophical heritage into a living instrument capable of addressing the challenges of the present.

Keywords: Apocalyptic dimension of the person, muteness of the face, anti-kenosis, transhumanism, liturgical aesthetic, sobornost’ (conciliarity), theophanic capacity, personalist ontology

Введение. Современная русская философия, долгое время существовавшая в тени советского запрета и постсоветского «возвращения к истокам», в последние годы обнаруживает признаки подлинного обновления. Одним из наиболее ярких его свидетельств является творчество петербургского философа Никиты Сяндюкова (род. 1994). Его книга

«Русская философия в семи сюжетах. Немота наших лиц» (2022) — не очередной учебник или историко-философский компендиум, а попытка *живого* диалога с традицией, в ходе которого традиция не столько описывается, сколько *заново ставится на кон*. Сюдюков не реконструирует прошлое, а заставляет его заговорить о настоящем — о кризисе явления, о невозможности быть увиденным, о лице, которое утратило способность проступить сквозь маску.

Название книги задает центральную проблему: *немота наших лиц*. Что это — метафора, диагноз, проклятие? В контексте русской философской традиции (от Флоренского и Лосева до Аверинцева и Хоружего) «лицо» всегда было больше, чем физиономия: оно означало способ явления личности, ее обращенность к Другому, ее причастность к иконному измерению бытия. Сюдюков, однако, фиксирует ситуацию, в которой эта явленность оказывается под вопросом. Лица *немотствуют* — они не открываются взгляду, не становятся событием встречи, оставаясь немymi знаками, симулякрами, «поверхностями без глубины». Это не частный эстетический дефект, а онтологический симптом: симптом времени, которое, возможно, подходит к своему пределу — к тому, что русская философия всегда называла Апокалипсисом.

В предыдущем исследовании, посвященном христианской онтологии личности Христа Яннараса, мы анализировали возможность преодоления тупика «индивида» через утверждение личности как экстатического, реляционного способа бытия. Яннарас предлагал эстетику присутствия (*aisthēsis*) как путь к общению (*κοινωνία*), где лицо открывается лицу. Сюдюков, принимая этот пафос, ставит его перед более жестким вопросом: *а что, если присутствие не состоится?* Что, если лицо немотствует не по причине индивидуальной неспособности, а в силу катастрофического состояния самого бытия? Именно здесь, на стыке персоналистской онтологии и русской апокалиптической чувствительности, рождается возможность нового философского синтеза.

Настоящая статья представляет собой попытку эксплицировать апокалиптическое измерение личности в философии Никиты Сюдюкова. Мы исходим из трех взаимосвязанных тезисов.

Первый тезис: «немота лица» является не случайным симптомом современной культуры, но апокалиптическим диагнозом — констатацией утраты теофанической способности личности, невозможности явления лика в условиях эсхатологического времени.

Второй тезис: эта утрата находит свое наиболее радикальное выражение в проекте трансгуманизма, который Сюдюков, следуя христологической логике, интерпретирует как «антикеносис» — отказ от плоти и материи, а тем самым и от самой личности как воплощенного отношения.

Третий тезис: преодоление «немоты» возможно не через возврат к индивидуалистическим стратегиям, а через литургическую эстетику и соборное восстановление лика — то есть через те формы коллективного бытия, в которых лицо перестает быть изолированной маской и становится событием общения, явленным в истории и устремленным к своему эсхатологическому свершению.

Статья не претендует на исчерпывающий анализ всего корпуса Сюдюкова. Мы сосредоточимся на ключевых для нашей темы сюжетах, стремясь показать, как русская философия, переосмысленная молодым автором, становится не музейным экспонатом, а живым инструментом мысли, способным отвечать на вызовы современности — от технологической отчужденности до кризиса подлинного общения.

Тезис 1. «Немота лица» как апокалиптический симптом: утрата теофанической способности личности.

1.1. Проблематизация: лицо между явлением и симулякром.

Современная культура, как справедливо замечает Никита Сюдюков, переживает глубокий кризис явления. Лицо — этот изначально онтологический феномен, через который личность обнаруживает себя миру, — в эпоху тотальной визуализации и цифровой

репрезентации утрачивает свою подлинную функцию. Оно перестает быть тем, что Флоренский называл «*окном, откуда сияет свет Божий*» [26]. Вместо этого лицо превращается в маску, в симулякр, в «немотствующую поверхность» — поверхность, которая не открывает, но скрывает; не являет, но симулирует.

Сюндюков, наследуя и переосмысляя классическую для русской философской традиции триаду «лик — лицо — личина», впервые в систематическом виде разработанную священником Павлом Флоренским в работе «Иконостас», диагностирует ситуацию, в которой лик — то есть «*осуществленное в лице подобие Божие*» [26] — более не проступает сквозь эмпирическую данность человека. «*Лицо, — писал Флоренский, — это свет, смешанный с тьмою, это тело, местами изъеденное язвами. По мере того как грех овладевает личностью и лицо перестает быть окном, откуда сияет свет Божий, и показывает все определеннее грязные пятна на собственных своих стеклах, лицо отщепляется от личности, ее творческого начала, теряет жизнь и цепенеет маской овладевшей страсти*» [26]. Сюндюков заостряет этот диагноз: для него «немота» — не просто следствие греховного повреждения, но *онтологическая невозможность быть увиденным в своей подлинности*, явленным Другому. Лицо не говорит, не взывает, не открывается; оно безмолвствует в той самой онтологической полноте, которая одна только и способна сделать встречу событием.

Понятие «немоты» требует специального философского прояснения. В языке русской религиозной философии молчание (исихия, *ἡσυχία*) традиционно мыслилось как высшая форма богообщения, как «умное делание», как путь к обожению. Однако «немота» у Сюндюкова — не аскетическое молчание, избранное личностью ради сосредоточения, а *онтологическое поражение*: невозможность говорить, быть услышанным, быть увиденным. Это та самая ситуация, которую Флоренский описывал через этимологию слова «личина» (*larva*), восходящую к римскому обозначению «астрального трупа», «пустой» оболочки, оставшейся от умершего, — «*темной, безличной вампирической силы, ищущей себе для поддержки и оживления свежей крови и живого лица, которое эта астральная маска могла бы облечь, присосавшись и выдавая это лицо за свою сущность*» [26]. «Немота», таким образом, есть симптом *онтологической пустоты*: лицо существует, но оно пусто внутри — в нем нет того «станового хребта» субстанциальности, который, по мысли Флоренского, отличает реальное от призрачного, доброе от злого.

1.2. Апокалиптический горизонт русской философии.

Сюндюков, однако, не ограничивается диагностикой «немоты» как имманентного состояния современной культуры. Он помещает эту диагностику в радикально иной — *апокалиптический* — горизонт. В программном интервью на телеканале «Спас» философ формулирует тезис, который может быть понят как ключ ко всей его интерпретации русской мысли: «*Русская философия устремлена к Апокалипсису*» [16]. Это устремление не означает, что русские мыслители были озабочены исключительно эсхатологическими сюжетами в узком смысле слова. Речь идет о более глубоком — об *онтологической структуре* самого философствования, о его ориентации на событие, которое не укладывается в рамки обычного исторического времени.

Апокалипсис в этом контексте — не столько «конец света» в популярной эсхатологии, сколько *время откровения*, время, когда сокрытое должно открыться, когда «немота» должна быть преодолена полнотой явления. Греческое *ἀποκάλυψις* (откровение) буквально означает «снятие покрова», «обнажение». Апокалиптическое измерение русской философии, таким образом, есть ее устремленность к такому состоянию бытия, в котором покровы спадают, маски сброшены, лики явлены.

В этой перспективе «немота наших лиц» приобретает новый смысл. Она читается как *симптом эсхатологического запаздывания* — как знак того, что время откровения наступило, но само откровение еще не свершилось. Лик еще не явился, но уже должен был явиться. Это напряжение между обетованной полнотой общения и трагической реальностью

не-встречи и составляет, по мысли Сяндюкова, драматический нерв русской философии.

Здесь обнаруживается глубинная связь с предшествующим исследованием персонализма Христоса Яннараса. Для греческого философа личность (*πρόσωπον*) есть «соотнесенная действительность», бытие-в-отношении, которое осуществляется в эросе как движении самоотдачи и любви [21]. Лицо у Яннараса — это обращенность к другому, событие встречи, имеющее эстетическую природу: оно познается не через анализ, а через вовлеченное, эстетическое восприятие (*aisthēsis*), через причастность к логосу сущего, который всегда персонально окрашен. Русская философия, как показывает Сяндюков, идет дальше или, точнее, глубже: она ставит под вопрос саму возможность такой встречи. Что если присутствие не состоится? Что если лицо немотствует не по причине индивидуальной неспособности к общению, но в силу катастрофического состояния самого бытия? Эти вопросы, не артикулированные в персонализме Яннараса с такой же радикальностью, составляют, по мысли Сяндюкова, подлинный нерв русской мысли.

1.3. Философский контекст: от онтологии присутствия к онтологии апокалипсиса.

Противопоставление двух парадигм — онтологии присутствия (Яннарас) и онтологии апокалипсиса (Сяндюков) — не означает их антагонизма. Напротив, можно сказать, что Сяндюков принимает яннарасовское понимание личности как экстатического, реляционного способа бытия, но ставит его перед более жестким вопросом: *что происходит, когда само отношение оказывается невозможным?* Для Яннараса личность — это всегда отношение, она есть, лишь поскольку она выходит за свои пределы, поскольку она эк-статична. Но Сяндюков фиксирует ситуацию, в которой этот экстаз не удастся — не по причине индивидуального выбора, а в силу онтологического устройства современности, которую он, вслед за традицией русской мысли, интерпретирует как эсхатологическое время, время «между», время ожидания, которое рискует стать временем окончательной утраты.

Здесь уместно вспомнить о той роли, которую в становлении мысли Яннараса сыграла русская эмигрантская философия. Встреча с русским Парижем, с Павлом Евдокимовым и кругом богословов, принадлежавших к традиции Свято-Сергиевского института, стала для молодого греческого мыслителя «откровением»: он увидел, что русские переселенцы принесли в Европу не особую богословскую доктрину, а подлинное «*богообщение*» — *живую традицию, в которой личность мыслится не абстрактно, а конкретно-экклезиально* [25]. Можно сказать, что Сяндюков в своем прочтении русской философии возвращает этот долг: он не только наследует русскую традицию, но и проблематизирует ее, задавая ей вопросы, которые не были артикулированы с такой же остротой ни в парижской школе, ни у самого Яннараса.

Так, например, вопрос о «немоте лица» может быть прочитан как радикализация темы *иконичности*, которая была центральной для русской философии — от Флоренского до Евдокимова. Икона, как известно, есть материальная и символическая структура, несущая в себе Первообраз. Это не портрет, не фиксация эмпирических черт, но явление *лика, того, что может быть узрено лишь духовными очами* [26]. Иконописец, как писал Флоренский, «*не словами своими, а самим собою свидетельствует и доказывает истину*» [26]. Но что происходит, когда эта способность свидетельствовать утрачивается? Когда лицо перестает быть «окном», а становится стеной? Сяндюков фиксирует именно этот переход: от *явления* — к *немоте*, от *иконы* — к *симулякру*, от *лика* — к *личине*.

Этот диагноз не является пессимистическим в банальном смысле слова. Напротив, он содержит в себе возможность нового — апокалиптического — оптимизма. Если «немота» есть симптом эсхатологического времени, то само это время есть время *ожидания* откровения. И задача философии, как ее понимает Сяндюков, заключается не в том, чтобы констатировать немоту, но в том, чтобы — подобно иконописцу, очищающему душу постом и молитвою, чтобы узреть лик, — *подготовить возможность* нового явления. Русская философия устремлена к Апокалипсису, то есть к тому времени, когда сокрытое откроется.

И «немота наших лиц» — не окончательный приговор, но *знак* этого ожидания, свидетельство того, что мы находимся в пространстве между обетованием и исполнением.

Таким образом, первый тезис нашего исследования может быть сформулирован следующим образом: Сюдюков, наследуя флоренскую традицию различения лика, лица и личины и помещая ее в апокалиптический горизонт русской философии, диагностирует «немоту» как онтологический симптом эсхатологического времени — время, в котором лик еще не явился, но уже должен был явиться, и это напряжение между обетованием и неявленностью составляет драматический нерв его мысли. Отсюда открывается перспектива для анализа двух других измерений его философии — критики антикенозиса и трансгуманизма, с одной стороны, и поиска путей преодоления «немоты» через литургическую эстетику и соборность — с другой.

Тезис 2. Антикенозис и вызов трансгуманизма: технологическое избавление от тела как проект обезличивания.

2.1. Концепция антикенозиса: теологическая анатомия современного соблазна.

В одном из ключевых рассуждений, разошедшихся в философско-публицистическом пространстве и ставших своего рода манифестом современной православной критики техногенной цивилизации, Никита Сюдюков формулирует тезис, который по своей концептуальной остроте и теологической дерзновенности может быть сопоставлен с лучшими образцами русской религиозно-философской публицистики начала XX века. *«Если радикальное отличие христианства от иных религий состоит в том, что Слово стало плотью, Бог воочеловечился и тем самым освятит материю; если дьявол — это обезьяна Бога, если Антихрист — перевернутый, вывернутый наизнанку Христос; то задача Антихриста — обратное повторение подвига Христа, антикенозис, отказ от плоти и материи, отказ от Голгофы и страданий в пользу вечного, неподвижного блаженства, становление чистым Логосом»* [16].

Необходимо специально остановиться на понятии **кенозиса** (κένωσις) — одном из центральных в христианской догматике и, в особенности, в православной аскетической традиции. Термин, восходящий к Посланию к Филиппийцам (2:7), где апостол Павел говорит о Христе, Который *«уничтожил Себя Самого, приняв образ раба»*, обозначает акт *добровольного самоистощения Бога, Его нисхождение в полноту человеческой природы — со всей ее ограниченностью, страдательностью и смертностью. В святоотеческой мысли кенозис понимается не как умаление Божества (ибо Божество по природе неизменно), но как способ явления Бога в тварном мире, как онтологическая форма любви, которая не господствует, но служит, не возвышается, но нисходит. Кенозис — это «истощение» славы ради встречи с человеком, это телесность как добровольная уязвимость, как открытость Другому»* [17, с. 197; 21, с. 203–204].

Сюдюков предлагает зеркально-симметричную конструкцию: если Христос осуществляет кенозис — нисхождение в плоть, принятие материи, освящение тела, то Антихрист, как «обезьяна Бога», как пародийный двойник, осуществляет **антикенозис** — восхождение из плоти, отказ от материи, бегство от страдания, «становление чистым Логосом». Метафора «обезьяны» здесь не случайна и имеет глубокую аскетическую родословную: в святоотеческой традиции дьявол не обладает творческой силой, он способен лишь **пародировать, искажать, выворачивать наизнанку** божественные установления, подобно тому как обезьяна подражает человеку, но не может стать человеком. Антикенозис — это пародия на кенозис, это **онтологическая карикатура** на Боговоплощение.

Понятие «чистого Логоса», к которому, по Сюдюкову, устремлен антикенозис, также требует прояснения. Логос в христианском богословии — это не просто «разум» или «слово» в абстрактном смысле. Логос — это **вторая Ипостась Святой Троицы, Сын Божий, Который, по слову Евангелия от Иоанна, «стал плотью и обитал с нами»** (Ин 1:14). Логос неотделим от плоти; «чистый Логос», отделенный от материи, — это не божественный Логос, а его **гностическая карикатура**, восходящая к тем дуалистическим ересям

(манихейство, докетизм), которые видели в материи зло и стремились к освобождению духа от телесных уз. В этом смысле антикеносис есть **реставрация гностического проекта** — проекта спасения через бегство от материи, а не через ее преобразование [20, с. 5; 24].

2.2. Трансгуманизм как практический антикеносис: философский диагноз современности.

Сюндюков, однако, не ограничивается теологической дедукцией. Он совершает решительный и нетривиальный ход: он **распознает в пафосе трансгуманизма** — этого, казалось бы, сугубо секулярного, технологически ориентированного движения — **практическое осуществление антикенозиса**. *«Если распознавать пафос трансгуманизма как стремление к освобождению от страдания, и, как предпосылка этого — к избавлению от тела»* [16], — пишет Сюндюков, не завершая фразу, но оставляя читателя перед лицом этого приравнивания.

Трансгуманизм (от лат. *trans* — «сквозь», «за пределами» и *humanus* — «человеческий») — это международное философское и культурное движение, выступающее за использование новейших достижений науки и техники для «улучшения» человеческой природы, преодоления биологических ограничений (старения, болезней, смерти) и, в перспективе, создания **постчеловека** — существа, превосходящего современного человека физически, интеллектуально и психологически [20, с. 3]. Ключевые концепты трансгуманизма — «улучшение» (*enhancement*), «загрузка сознания» (*mind uploading*), «цифровое бессмертие», «киборгизация».

С точки зрения Сюндюкова, трансгуманизм — это не просто технологическая программа, а **глубинная антропологическая и, более того, теологическая позиция**. Это проект, который предлагает человеку **спасение без Бога, преобразование без благодати, бессмертие без Воскресения**. Если Христос, по слову Евангелия, «Слово стало плотью», освятив тем самым материю и показав, что тело — не темница души, а храм Духа Святого, то трансгуманистический проект предлагает **обратное движение**: избавление от плоти ради чистого, бесплотного существования — в цифре, в «облаке», в постчеловеческом состоянии, которое, по сути, есть не что иное, как **технологическая симуляция гностической мечты о духе без материи**.

Эта критика перекликается с позицией современных православных богословов, которые видят в трансгуманизме опасную утопию, подменяющую христианское учение об обожении (θεώσις) — реальном приобщении человека к Божественной жизни через благодать — техническим «улучшением» человеческой природы. *«Трансгуманизм является суррогатом идеи обожения, к которому призвана каждая человеческая личность»* [24]. Однако Сюндюков идет дальше простой критики: он вскрывает **теологическую структуру** трансгуманистического соблазна, показывая, что за фасадом «человеколюбия» и «освобождения от страданий» скрывается древний, как гностицизм, соблазн — **соблазн стать богом без Бога**, через технику, через власть, через знание, избежав того единственного пути, который христианство предлагает для обожения — пути **кенозиса**, самоумаления, любви, принимающей страдание, и Воскресения, преображающего саму материю.

2.3. Телесность как условие личности: персоналистская онтология тела.

Чтобы понять всю глубину сюндюковского диагноза, необходимо обратиться к той **персоналистской онтологии**, которая была детально разработана Христом Яннарасом и на которую Сюндюков, хотя и не всегда эксплицитно, опирается. В философии Яннараса тело — это не биологический субстрат, не «внешняя оболочка» личности, которую можно было бы заменить или «апгрейдить», сохранив тождество «Я». Тело есть **«воипостазированная природа»** (термин, восходящий к святоотеческой триадологии и означающий, что природа не существует сама по себе, но получает свое бытие в ипостаси) — **первый язык личности, способ ее явленности в мире и в отношении** [17, с. 199; 21, с. 127].

Для Яннараса личность (πρόσωπον) — это не «что», а «как»; не субстанция, а **способ**

бытия — бытия-в-отношении, экстатического выхода за свои пределы навстречу Другому. И этот экстаз, это движение вовне, этот эрос (в изначальном, онтологическом смысле) **нуждается в теле**. Тело — это **граница**, которая делает возможной встречу; это **уязвимость**, которая делает возможной любовь; это **выражение**, которое делает возможным общение. Без тела нет Другого (ибо Другой дан мне прежде всего как тело), без тела нет отношения (ибо отношение требует медиума явленности), без тела нет личности — есть лишь абстрактный, бесплотный, а потому **онтологически пустой** индивид, замкнутая монада, не имеющая ни окон, ни дверей [21, с. 130–131].

Отказ от тела, понимаемый как антикеносис — как проект технологического «избавления» от телесности в пользу «чистого Логоса», цифрового сознания, постчеловеческого интерфейса — есть тем самым **отказ от личности как таковой**. Это отказ от явленности, от обращенности к Другому, от той самой **уязвимости**, которая составляет условие любви. «Немота», диагностированная в первом тезисе, обретает здесь новое, еще более радикальное измерение: это **молчание тела, замененного симуляцией, интерфейсом, аватаром**. Если лицо, утратившее способность являть лик, «немотствует», то тело, замененное цифровым двойником, не просто немотствует — оно **исчезает как таковое**, уступая место симулякру, который может быть бесконечно тиражирован, модифицирован, оптимизирован, но который никогда не станет событием встречи, ибо для встречи нужна **уникальная, неповторимая, уязвимая плоть**.

2.4. Русская философия тела: от Флоренского до Булгакова.

Тема тела и плоти — одна из сквозных и, возможно, наиболее оригинальных тем русской религиозной философии. На Западе, под влиянием платонического и картезианского дуализма, тело часто мыслилось как темница души, как низшая, подчиненная часть человеческого существа. Русская мысль, напротив, настаивала на **онтологическом достоинстве материи**, на ее способности быть носительницей и выразительницей духовного. Сюндюков, обращаясь к этой традиции, возвращает ее в актуальную повестку, связывая с вызовами цифровой эпохи.

Священник Павел Флоренский, чья «Философия культа» представляет собой, пожалуй, самую радикальную апологию материи в истории русской мысли, утверждал, что **культ (богослужение) невозможен без тела, без жеста, без иконы, без свечи, без хлеба и вина** — без всей этой «грубой», «материальной» символики, которая, однако, есть не просто символ, но **реальное присутствие** духовного в материальном [22, с. 410–412]. Тело, по Флоренскому, не случайный придаток души, а **необходимое условие ее явленности**, ее способности к общению. Культ — это кеносис материи, ее освящение через встречу с Божественным. Антикеносис, стало быть, есть **уничтожение культа**, развоплощение, уход в «чистую духовность», которая на деле оказывается пустотой.

Сергей Николаевич Булгаков, продолжая софиологическую традицию, разрабатывает учение о **Софии как «идеальной материи»** и о «духовной телесности». В работе «Свет невечерний» он проводит важное различие между «материей» как нижним, «темным» субстратом бытия и «телом» как просветленной, одухотворенной формой [19, с. 231]. «Духовная телесность» не знает противопоставления духа и плоти; она есть **телесность, пронизанная светом Логоса**. В «Философии хозяйства» Булгаков развивает эту мысль далее, показывая, что мир есть «единая телесность», а хозяйственная деятельность человека есть **продолжение и завершение творения** — работа по одухотворению материи, по превращению «материи» в «тело» [23, с. 12–13]. Трансгуманистический проект, с этой точки зрения, есть **карикатура на это призвание**: не преображение материи, а бегство от нее; не одухотворение тела, а замена его симулякром.

Таким образом, Сюндюков, эксплицируя имплицитные интуиции русской философской традиции, показывает, что **трансгуманизм есть не прогресс, а регресс** — возвращение к дохристианскому, гностическому дуализму, к презрению к материи, к мечте о бесплотном, «чистом» существовании, которое на деле оказывается существованием

онтологически пустым, ибо личность, лишенная тела, перестает быть личностью — становится индивидом, точкой, «немотствующей поверхностью». И если первый тезис нашей работы диагностировал «немоту лица» как апокалиптический симптом, то второй тезис вскрывает **причину этой немоты**: она коренится в утрате телесности, в проекте антикенозиса, который предлагает человеку «спасение» через отказ от плоти — но это спасение, подобно миражу в пустыне, исчезает при приближении, оставляя вместо живой личности лишь ее цифровую тень, немой аватар, симулякр без лица.

Тезис 3. Преодоление немоты: литургическая эстетика и соборное восстановление лица.

3.1. Постановка проблемы: возможна ли терапия?

Если диагноз, поставленный Сяндюковым, верен — «немота лиц» как апокалиптический симптом эсхатологического времени, утрата теофанической способности личности, господство антикенозиса как ведущего соблазна современности, — то перед философской мыслью неизбежно встает вопрос, который можно назвать *сотериологическим* в самом широком, не только религиозном, но и экзистенциально-антропологическом смысле: **возможна ли терапия?** Возможно ли возвращение дара явленности? Можно ли преодолеть немоту — не в смысле заглушить ее громкими словами или заменить симулякром, но в смысле *исцеления* самой способности являть лик?

Сяндюков, вслед за русской философской традицией, отвечает на этот вопрос утвердительно, но цена этого утверждения высока. Преодоление «немоты» не может быть результатом индивидуального усилия автономного субъекта — ибо субъект, как мы видели, сам является частью диагноза, а не частью терапии. Не может оно быть и результатом технологического «улучшения» — ибо антикенозис, как было показано, есть не решение, а углубление проблемы. Путь преодоления лежит в иной плоскости — в плоскости **эстетики, понимаемой как сотериология, и соборности, понимаемой как онтологическое условие личностного бытия.**

3.2. Эстетика как сотериология: красота как явление истины.

Сяндюков, анализируя традицию русской философии от Чаадаева до Флоренского, показывает, что в ней всегда присутствовало измерение **преображения**. Красота понималась не как эстетическая категория в узком смысле слова — не как «приятность» или «гармония форм», — но как **истина, явленная в чувственной форме**. Это понимание восходит к глубинной интуиции православного богословия: Бог, ставший плотью, сделал материю способной нести в себе свет нетварной славы.

Для Владимира Соловьева, одного из ключевых фигур русской религиозной философии, красота есть «воплощенное всеединство» [32, с. 22]. Это означает, что подлинное произведение искусства — не просто «украшение» действительности, но **реальное преобразование** действительности, явление в ней того, что обычно скрыто — высшего смысла, логоса, божественного замысла о мире. *«Истинный смысл искусства, — писал Соловьев, — есть одухотворение материи, просветление ее светом божественной идеи»* [32, с. 23]. Искусство, в этой перспективе, не имитирует природу и не выражает субъективные чувства художника; оно **служит делу преобразования мира.**

Эта интуиция достигает своей предельной концентрации в учении об иконе, разработанном священником Павлом Флоренским. Для Флоренского икона — это не портрет и не религиозная иллюстрация, а **окно в горний мир**, чувственная явленность того, что по своей природе трансцендентно. *«Лик — это свет, смешанный с тьмою, это тело, местами изъеденное язвами. По мере того как грех овладевает личностью и лицо перестает быть окном, откуда сияет свет Божий, и показывает все определеннее грязные пятна на собственных своих стеклах, лицо отщепляется от личности, ее творческого начала, теряет жизнь и цепенеет маской овладевшей страсти»* [26]. Икона, напротив, есть *«высокое духовное восхождение»*, которое *«осиявает лицо светоносным ликом, изгоняя всякую тьму, все недоконченное в лице»* [26].

В этом смысле эстетика у Флоренского смыкается с **литургикой** — учением о богослужении как совместном действии, преображающем мир. Икона, храм, богослужение суть **формы преодоления «немоты»**, восстановления способности являть лик. Подвижничество, по слову Флоренского, есть «искусство», и «*подвижник не словами своими, а самим собою свидетельствует и доказывает истину*» [26]. Тело подвижника становится живой иконой — явлением лика, преодолевающим онтологическую пустоту «личины».

Сюндюков, следуя этой традиции, видит в **литургической эстетике** не просто эстетическую теорию, но практическую программу. Литургия — от греческого *leitourgía*, «общее дело» — есть тот способ совместного бытия, в котором лицо перестает быть изолированной монадой, а становится **ликом**, обращенным к Другому и к Другим. В литургическом действии, в совместном предстоянии перед Богом, «немота» индивидуального существования преодолевается событием **общего голоса** — не унисоном, стирающим различия, но симфонией, в которой каждый голос звучит в своей уникальности, но — в единстве с другими.

3.3. Соборность как условие личностного бытия.

В русской философской традиции личность никогда не мыслилась изолированно. Это отличает ее как от западного индивидуализма (где личность — атомарный носитель прав и свойств), так и от восточного коллективизма (где личность растворена в безличном целом). Русская мысль, начиная с Алексея Хомякова и славянофилов, выработала понятие **соборности** (*katholikότης*), означающее единство во множестве и множество в единстве — единство, которое не подавляет личность, но, напротив, только в нем личность и может осуществиться.

Сюндюков, обращаясь к наследию Федора Достоевского, подчеркивает, что знаменитая формула — «**каждый прежде всех за всех виноват**» — не является этическим максимализмом в том смысле, в каком его обычно понимают [27]. Это не призыв к бесконечному самобичеванию и не обоснование коллективной вины в юридическом смысле. Это **онтологический принцип**: утверждение того, что человеческое бытие устроено таким образом, что ни одна личность не может осуществиться вне отношения к другим. Вина здесь — не юридическая категория, а **онтологическая укорененность** в общей судьбе, в общей природе, в общей истории. «Каждый за всех виноват» означает: *мое бытие неотделимо от твоего бытия*; то, что происходит с тобой, происходит и со мной; я не могу спастись в одиночку — и не могу погибнуть в одиночку.

Исследователь русской культуры Л.В. Крошкина, анализируя эту формулу, отмечает, что в ней «различаются вина и проступок, ее выражающий. Вина по отношению к греховному, злему поступку, преступлению, относится как внутреннее к внешнему. Грех — следствие, вина — причина. Вина — корень, грех — ветви» [31]. Сюндюков принимает это различие и углубляет его: вина, о которой говорит Достоевский, есть не переживание совершенного проступка, а **онтологическое признание** того, что личность существует только в *κοινωνία* — в общении, в соборном целом.

Здесь философия Сюндюкова вступает в прямой диалог с персонализмом Христоса Яннараса. Для греческого мыслителя личность (*πρόσωπον*) — это не субстанция и не «часть» природы, а **способ бытия**, который реализуется исключительно в отношении. «*Личность есть ипостась бытия: именно личностное существование делает бытие реальностью*» [29, с. 31]. Но это отношение, эта *κοινωνία* (общение) не является произвольным выбором индивида; оно есть **онтологическая истина** человеческого существования, то, без чего человек не может быть собой. «*Сущее в его конкретных проявлениях не предопределено сущностью, приданной ему извне*» [29, с. 34]; напротив, именно личность, вступая в отношение, «сообщает природе ее конкретное, уникальное бытие».

Сюндюков, наследуя эту интуицию, добавляет к ней **историческое измерение**. «Немота» индивидуального лица преодолевается не усилиями автономного субъекта (ибо

субъект, как мы видели, сам является частью проблемы), но в **событии церковного (в широком смысле) собрания**, где лицо становится *ликом*, обращенным к Другому и к Другим. Это собрание — не формальный институт, а **живое событие общения**, в котором преодолевается разрыв между «я» и «ты», между «внутренним» и «внешним», между «духом» и «плотью».

Для Яннараса Церковь и есть такое собрание — «*εκκλησία*»), что буквально означает «собрание», «собранность вместе» [29, с. 48]. Церковь, по его мысли, «не религиозный институт или система догматов, а, прежде всего, конкретное жизненное событие, "евхаристический способ существования"» [33, с. 15]. Это способ бытия, при котором люди «*выводят свое существование не из природы, но из отношений*» [33, с. 17], осуществляя «*истощание (кеносис) всякого индивидуального начала и приношение себя в любви*» [33, с. 19].

Сюндюков, разделяя эту экклезиологическую интуицию, переводит ее в плоскость русской культурной и философской традиции. Соборность для него — не просто церковно-каноническое понятие, но **универсальный антропологический принцип**: личность осуществляется только в соборном целом, в общении, в *κοινωνία*. «Немота» индивидуального лица — это не проклятие, которое нужно снять магическим жестом; это **симптом**, указывающий на утрату соборного измерения. Преодоление «немоты» возможно только через восстановление этого измерения — через возвращение к такому способу бытия, в котором «я» не противостоит «ты», но существует через него и для него.

3.4. Синтез: апокалиптическое измерение персонализма.

Если философия Яннараса предложила онтологию личности как бытия-в-отношении, то Сюндюков добавляет к этому **историко-сотериологическое измерение**. Личность осуществляется не только в синхроническом событии встречи «здесь и сейчас», но и в **диахроническом движении истории к Апокалипсису** — к тому времени, когда «немота» должна смениться полным и окончательным явлением, тем, что богословие называет «эсхатологическим свершением».

Русская философия, как подчеркивает Сюндюков, **устремлена к Апокалипсису**. Это устремление — не эсхатологическая истерия и не ожидание скорого конца мира. Это **надежда на явление** — надежда на то, что сокрытое откроется, что «немота» будет преодолена полнотой общения, что лицо, наконец, станет ликом. Апокалипсис (греч. *ἀποκάλυψις*) буквально означает «снятие покрова», «откровение». В этом смысле вся русская философия, по мысли Сюндюкова, есть **философия откровения** — философия, которая отказывается примириться с «немотой» и ищет путей к явлению.

Здесь трагизм «немоты», диагностированной в первом тезисе, обретает свой положительный смысл. «Немота» — это не окончательный приговор, но **знак ожидания**. Это свидетельство того, что мы находимся в пространстве между обетованием и исполнением. Лик еще не явился, но **уже должен был явиться**; это напряжение, эта боль несовпадения и есть, по мысли Сюндюкова, подлинный нерв русской философии. И задача философии — не устранить это напряжение (что было бы бегством от реальности), но **нести его**, свидетельствовать о нем, искать путей к его разрешению — не через бегство от тела и мира (антикеносис), но через их преобразование в событии литургической встречи.

Таким образом, третий тезис нашего исследования может быть сформулирован следующим образом: Сюндюков, наследуя русскую традицию понимания красоты как явленной истины (эстетика как сотериология) и личности как бытия-в-соборном-общении (соборность как онтологическое условие), предлагает путь преодоления «немоты» через литургическую эстетику — такой способ совместного бытия, в котором лицо перестает быть изолированной маской и становится ликом, обращенным к Другому и устремленным к эсхатологическому свершению, где сокрытое откроется, а «немота» сменится полнотой явления.

Заключение. Предпринятое исследование апокалиптического измерения личности в философии Никиты Сяндюкова позволяет сделать ряд выводов, связывающих воедино три развернутых тезиса.

Первый вывод: «немота лица» есть апокалиптический диагноз современности. Сяндюков, наследуя флоренскую триаду «лик — лицо — личина», диагностирует ситуацию, в которой лик более не проступает сквозь эмпирическую данность человека. Это не частный эстетический дефект и не индивидуальная психологическая проблема, а **онтологический симптом** эсхатологического времени — времени, когда сокрытое должно открыться, но открытие запаздывает. «Немота» есть выражение этого запаздывания, этого напряжения между обетованием и не-явленностью. Русская философия, как подчеркивает Сяндюков, «устремлена к Апокалипсису» — то есть к тому времени, когда покровы спадут и лицо станет ликом. Но пока это не свершилось, мы пребываем в «немоте» — в онтологической невозможности быть увиденным в своей подлинности.

Второй вывод: антикеносис есть технологическая карикатура на преодоление немоты. Сяндюков вскрывает теологическую структуру трансгуманистического соблазна: если Христос осуществляет кеносис — нисхождение в плоть, принятие материи, освящение тела, — то Антихрист, как «обезьяна Бога», предлагает антикеносис — отказ от плоти, бегство от страдания, «становление чистым Логосом». Трансгуманизм, с этой точки зрения, есть не прогресс, а регресс — возвращение к гностическому дуализму, к презрению к материи, к мечте о бесплотном существовании. Но личность, лишенная тела, перестает быть личностью: тело в персоналистской парадигме есть «воипостазированная природа», первый язык личности, способ ее явленности. Отказ от тела, понимаемый как антикеносис, есть тем самым отказ от личности как таковой. «Немота» здесь обретает новое измерение: это молчание тела, замененного симуляцией, интерфейсом, аватаром.

Третий вывод: преодоление немоты возможно через литургическую эстетику и соборное восстановление лика. Сяндюков, следуя русской философской традиции (от Соловьева до Флоренского), утверждает, что красота не есть эстетическая категория в узком смысле, а истина, явленная в чувственной форме. Эстетика смыкается с литургией: икона, храм, богослужение суть формы преодоления «немоты», восстановления способности являть лик. Соборность — не этический максимализм, а онтологический принцип: личность осуществляется только в общении, в *κοινωνία*. «Немота» индивидуального лица преодолевается не усилиями автономного субъекта, но в событии церковного собрания, где лицо становится ликом, обращенным к Другому и к Другим.

Итоговый тезис. Философия Никиты Сяндюкова представляет собой оригинальный и глубокий ответ на вызовы современности — вызовы, которые мы ранее анализировали в контексте персонализма Христоса Яннараса. Если Яннарас предложил онтологию личности как бытия-в-отношении, то Сяндюков добавляет к этому **апокалиптическое измерение**: личность осуществляется не только в синхроническом событии встречи, но и в диахроническом движении истории к Апокалипсису, где «немота» должна смениться полным и окончательным явлением. Русская философия, устремленная к Апокалипсису, тем самым есть философия **надежды на явление** — надежды, которая не отрицает трагизма «немоты», но и не примиряется с ним, а ищет путей к его преодолению через литургическую эстетику и соборное общение.

«Немота наших лиц» — это не приговор, а диагноз. И, как всякий диагноз, он открывает возможность терапии — не магической, не технологической, но **онтологической**: терапии, которая требует не бегства от тела, а его преображения; не ухода в «чистый Логос», а воплощения; не изоляции автономного субъекта, а соборного собрания, где каждый голос звучит в своей уникальности, но — в единстве с другими. В этом — непреходящая актуальность и провокационная мощь философии Никиты Сяндюкова для мысли и действия в XXI веке.

Список литературы

1. Zuboff S. Big Other and the Rise of Instrumentarian Power // *Études benthamiennes*. 2022. № 19. – Текст: электронный // URL: <https://isidore.science/document/10.4000/etudes-benthamiennes.10180> (дата обращения: 30.03.2026).
2. The Language of Shoshana Zuboff // *Deleting Dystopia: Re-Asserting Human Priorities in the Age of Surveillance Capitalism*. University of Southern Queensland, 2021. – Текст: электронный // URL: <https://usq.pressbooks.pub/deletingdystopia/back-matter/the-language-of-shoshana-zuboff/> (дата обращения: 30.03.2026).
3. Walton J.L. Shoshana Zuboff (1951–) // *Fifty Key Figures in Cyberpunk Culture*. – Routledge, 2022.
4. Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. – New York: PublicAffairs, 2019. – 691 p.
5. Foini D. Personal autonomy and surveillance capitalism: possible future developments // *arXiv preprint*. 2023. – Текст: электронный // URL: <https://arxiv.labs.arxiv.org/html/2302.08946> (дата обращения: 30.03.2026).
6. Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism* // *Financial Times Business Book of the Year Award*. 2019. – Текст: электронный // URL: <https://ig.ft.com/sites/business-book-award/books/2019/shortlist/the-age-of-surveillance-capitalism-by-shoshana-zuboff/> (дата обращения: 30.03.2026).
7. 肖莎娜·祖博夫. 數位化的未來，是異地還是故里？《監控資本主義時代》選摘 // 風傳媒. 2020. – Текст: электронный // URL: <https://www.storm.mg/articles/7773?p=wholePage> (дата обращения: 30.03.2026).
8. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2002. – 624 с.
9. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
10. Gennero V. Canonicity and Radical Indifference // *Fabula / Les colloques*. 2024. – Текст: электронный // URL: <https://www.fabula.org/colloques/document12111.php> (дата обращения: 30.03.2026).
11. Digital Soul Harvesting // *Holosky Podcast*. Ep. 329. – Текст: электронный // URL: <https://music.youtube.com/podcast/2Ckv59yWjvg> (дата обращения: 30.03.2026).
12. Ben-Youssef F., Murata K., Adams A.A. Capturing the Trap in the Seemingly Free: Cinema and the Deceptive Machinations of Surveillance Capitalism // *9th Surveillance Studies Network Conference 2022 (SSN 2022)*. Erasmus University, 2022.
13. Stalman A. I think, therefore my algorithm says I exist // *Andy Stalman – Blog*. 2025. – Текст: электронный // URL: <https://andystalman.com/en/i-think-therefore-my-algorithm-says-i-exist/> (дата обращения: 30.03.2026).
14. Laniuk Y. Freedom in the Age of surveillance capitalism: Lessons from Shoshana Zuboff // *Ethics & Bioethics*. – 2021. – Vol. 11, № 1-2. – P. 37–48.
15. Mendoza C. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power* (book review) // *Church, Communication and Culture*. – 2022. – Vol. 7, № 2. – P. 452–455.
16. Сюдюков Н.К. Пост в Telegram-канале «Голодные философы» // Цит. по: Телеграм-канал «Каргач». – Текст: электронный // URL: <https://tgstat.ru/channel/@karga4/367178> (дата обращения: 30.03.2026).
17. Левченко В. Тело и эрос: античные истоки философии Христоса Яннараса // *Докса*. – 2005. – № 8. – С. 195–201.
18. Хондзинский П., прот., Павлюченков Н.Н., Медоваров М.В., Гаврилов И.Б. Религиозно-философское наследие священника Павла Флоренского (1882–1937): pro et contra. Материалы круглого стола // *Русско-Византийский вестник*. 2023. – № 1 (12). – С. 23–58.

19. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Путь, 1917. – 462 с.
20. Губанов Н.Н., Черемных Л.Г. Трансгуманизм и христианство // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2024. – № 6. – С. 1–12.
21. Яннарас Х. Личность и Эрос. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. – 480 с.
22. Флоренский П.А. Философия культа // Флоренский П.А. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – С. 335–526.
23. Булгаков С.Н. Философия хозяйства (Социо-Логос). – М.: КнигоГид, 2021. – С. 8–16.
24. Епископ Кирилл (Зинковский), епископ Мефодий (Зинковский). Богословие личности и биотехнологии улучшения человека // Азбука веры. – Текст: электронный // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_I_Mefodij_Zinkovskie/bogoslovie-lichnosti-i-biotehnologii-uluchsheniya-cheloveka/ (дата обращения: 30.03.2026).
25. Редин Н.А. Жан-Клод Ларше: православный персонализм Х. Яннараса и митрополита Иоанна (Зизиуласа) в контексте интерконфессионального диалога // Христианское чтение. – 2018. – № 4. – С. 139–148.
26. Лик и личина // Православный журнал «Фома». – Текст: электронный // URL: <https://foma.ru/lik-i-lichina.html> (дата обращения: 30.03.2026).
27. «Каждый за всех виноват» или «нет в мире виноватых»? // Наука и Религия. – Текст: электронный // URL: <http://xn----7sbanjsbkmo1b6a7m.xn--p1ai/> (дата обращения: 30.03.2026).
28. Цветаева М.Н. Онтология русской художественной культуры // Актуальные проблемы теории и истории искусства. – 2016. – № 6. – С. 85–92.
29. Яннарас Х. Истина и единство Церкви. – М.: Издательство Свято-Владимирского братства, 1997. – 160 с.
30. Кордас О.М. Сущность маски в конкретной метафизике П.А. Флоренского // Научный журнал. – 2024. – № 3. – С. 45–52.
31. Крошкина Л.В. «Всякий пред всеми за всех и за всё виноват»? Вина и ответственность в русской культуре // КиберЛенинка. 2018. – Текст: электронный // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vsyakiy-pred-vsemi-za-vseh-i-za-vsyoy-vinovat-vina-i-otvetstvennost-v-russkoy-kulture> (дата обращения: 30.03.2026).
32. Кузнецова С.И. Идея преображения мира в работе В.С. Соловьёва «Истинный смысл искусства» // Время Науки. – 2015. – № 1. – С. 20–25.
33. Яннарас Х. Сила и немощь Церкви // Отрок. – 2011. – № 1. – С. 12–19.

СЕКЦИЯ 10. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 914/919

ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ РОССИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Баранова Ирина Сергеевна, кандидат географических наук, доцент
Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия
li.s.baranova@mail.ru

Аннотация. В статье выяснены морфологические особенности территории Российской Федерации в историческом аспекте. Рассмотрена значимость количественных характеристик государственной территории для самоопределения народа и социально-экономического развития страны. Анализируется влияние величины эффективной территории России на формирование и интенсификацию экономики. Данное исследование дополняется также рассмотрением качественных характеристик территории Российского государства с позиций политической географии.

Ключевые слова: государственная территория, политико-географический анализ, морфологическая характеристика, Россия, исторический аспект

POLITICAL AND GEOGRAPHICAL ANALYSIS OF MORPHOLOGICAL FEATURES OF THE STATE TERRITORY OF RUSSIA IN THE HISTORICAL ASPECT

Baranova Irina Sergeevna, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor
Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia
i.s.baranova@mail.ru

Abstract. The article clarifies the morphological features of the territory of the Russian Federation in the historical aspect. The significance of the quantitative characteristics of the state territory for the self-determination of the people and the socio-economic development of the country is considered. The effect of the size of the effective territory of Russia on the formation and intensification of the economy is analyzed. This study is also supplemented by a consideration of the qualitative characteristics of the territory of the Russian state from the standpoint of political geography.

Keywords: state territory, political and geographical analysis, morphological characteristics, Russia, historical aspect

Проблемы территории государства имели большую значимость в любые периоды истории. Большинство конфликтов в человеческой цивилизации так или иначе связаны с претензиями на землю какой-то из сторон. Еще до появления государств между людьми шла борьба за контроль над участками земли и воды. Большую часть пропитания люди прямо или косвенно получают от земли.

Территория представляется основой для существования единого государственного организма и единой культуры его народонаселения. В пределах территории государство осуществляет свой суверенитет [1]. Самоопределение любого народа тесно связано с местом проживания. Неурегулированность территориальных вопросов влечет за собой неопределенность правового статуса появляющихся на политической карте государств. К

территории государства относят акваторию, сушу и воздушное пространство над ней. Непосредственно суша в Российской Федерации достигает 16,9 млн. кв. км, акватория – 8,6 млн. кв. км. Государственные границы нашей страны на протяжении 17-20 веков неоднократно менялись. Тем не менее, и центростремительные, и центробежные потоки всегда зависели от исторического ядра российского пространства – территориально расположенного на Восточно-Европейской равнине [2]. Однажды попав в сферу политических процессов российского государства, регионы продолжают своё развитие под влиянием существенных признаков российского пространства.

Воздушное пространство над территорией России является важным фактором для развития не только воздушного транспорта страны, но и международных экономических связей. Полеты самолетов зарубежных авиакомпаний через воздушное пространство нашего государства значительно сокращают стоимость авиаперевозок. Границы элементов структуры воздушного пространства варьируют в зависимости от вида использования (до 12000 метров и выше в стратосфере). Предельно малыми высотами в РФ считаются высоты до 200 метров. Закрытие воздушного пространства на любых высотах может быть политическим фактором давления на позицию недружественных государств. Впервые подобные запреты были осуществлены в 1940-х гг. (полёты тайваньских авиакомпаний над территорией КНР). Россия закрывала свое воздушное пространство в 2020 г. в связи с пандемией COVID-19. С 2022 г. ограничения введены вследствие сложной геополитической ситуации.

Количественные характеристики государственной территории создают представление о величине государственного образования и его потенциальных преимуществах. Размеры и разнородность государственных земель формируют основу для экономического и социального развития страны. Большая площадь страны, как правило, содержит богатые и разнообразные природные ресурсы. Кроме того, чем больше территория, тем проще решить вопросы неблагоприятного географического положения, поскольку есть возможность варьировать размещение населения и хозяйства. С другой стороны, большие расстояния создают затруднения развитию транспорта и инфраструктурных объектов. На установление межрегиональных связей тратится дополнительное количество средств.

Наибольшей площади Россия достигала в конце 19 – начале 20 вв. (22,8 млн. кв. км). В настоящее время Россия является самой крупной страной в мире по площади территории (17,1 млн кв. км). Огромные расстояния между районами основных запасов полезных ископаемых и промышленными центрами в России значительно увеличивают транспортную емкость экономики [3]. В США данный показатель в 5 раз ниже, в Европе в 10 раз. Для снижения издержек по перевозке грузов и пассажиров население и производство сосредотачивается вдоль полимагистралей, связывающих крупнейшие города. Однако это ограничивает перспективы развития слабозаселенных регионов. Выход заключается в совершенствовании и удешевлении транспорта, а также использовании транзитного потенциала страны.

Значительную часть площади крупного государства, как правило, занимают регионы с экстремальными условиями для проживания. К таким относятся пустыни, горы, болота и пр. К территориям с экстремальными условиями относятся те, где среднегодовая температура ниже двух градусов мороза при высоте над уровнем моря более 2000 метров. В данных регионах выше затраты ресурсов на отопление, строительство и ремонтные работы ограничены теплыми сезонами года. Кроме того, дополнительных затрат требует функционирование производства, прокладка коммуникаций и обустройство жилья. Земельные ресурсы являются важным экономическим и политическим фактором развития общественного производства. Для проживания человека и его хозяйственной деятельности важны характер рельефа, плодородие почв, отсутствие вечной мерзлоты.

Территория страны вне неблагоприятных условий для жизни людей называется эффективной территорией. Экономически эффективная территория России составляет 5,5

млн кв. км. Для сравнения - данный показатель у Бразилии достигает 9,4 млн кв. км. (первое место в мире по размерам экономически эффективной территории), у США 8 млн кв. км., у Австралии 7,7 млн кв. км., у Китая 5,95 млн кв. км. Тем не менее, Россия занимает третье место в мире по размерам площади пашни – 130,3 млн га (после США и Индии).

Вечная мерзлота в России составляет 63% от территории страны (10,7 млн кв. км). Здесь проживает 12 млн человек. Такие крупные российские города как Анадырь, Воркута, Иркутск, Магадан, Новый Уренгой, Норильск, Салехард, Улан-Удэ, Чита, Якутск расположены в районах распространения многолетней мерзлоты. Для проживания и работы людей в экстремальных условиях разрабатываются новые технологии и материалы, что требует дополнительных затрат (около 2,5% ВВП страны). В настоящее время Россия является единственной в мире обладательницей уникальных технологий строительства на мерзлотных почвах. К последствиям оттаивания многолетних мерзлых грунтов относятся проседание почвы, образование оврагов, появление мелководных озер, засоление почвы. В результате разрушаются дома и дороги, что увеличивает стоимость жизнедеятельности людей на этих территориях [4]. В то же время оттаивание многолетней мерзлоты расширит эффективную территорию. Защитить от геокриологических опасностей может внедрение новых технологий и устройств, мониторинг вечной мерзлоты и планирование экологической деятельности как части национальной политики страны [5].

Рост численности населения и экономического потенциала страны требуют интенсификации использования ресурса территории. Следствием этого могут стать перенаселенность и экологические проблемы. На заселенность России на протяжении ее истории оказывали влияние политические и социально-экономические потрясения, развитие коммуникаций, ресурсное и промышленное освоение восточных и северных территорий, быстрые темпы урбанизации [6]. Интенсификация использования территории подразумевает повышение компактности ареалов человеческой деятельности и увеличении производства продукции на единицу площади.

Конфигурация и форма государственной территории также являются важными параметрами характеристики. Чем компактнее территория страны, тем экономичнее ее связи и эффективнее управление политико-административными единицами. Как правило, в подобных странах наблюдается более тесное взаимодействие между регионами, большая доступность столицы и крупных экономических центров. Идеальной формой территории считается круг. В реальной жизни близкой к этой геометрической фигуре территорией отличаются очень немногие страны (Польша, Северная Македония, Франция и некоторые другие). Близкая к прямоугольной форма государственной территории уже сокращает степень экономичности примерно на 50%. Также снижает величину компактности наличие эксклавов (Калининградская область России, Аляска и Гавайские острова США и т.п.).

Одним из наиболее распространенных показателей определения степени компактности территории является отношение максимальной длины к минимальной ширине. Чем ближе величина показателя, рассчитанного по данной формуле, к единице, тем более компактной является территория страны (вышеперечисленные страны Польша, Северная Македония, Франция). Индекс компактности для России, вычисленный по данной формуле, составляет 2,5. Для сравнения данный показатель у самой протяженной страны в мире Чили достигает 23,5. Анализ результатов вычислений индекса компактности государственной территории по различным формулам необходимо проводить с учетом прочих характеристик и сравнения с аналогичными показателями других стран. Диспропорции в размещении производительных сил и населения вследствие ухудшения индекса компактности повышают степень социально-экономической дифференциации регионов России [7].

Также компактность территории можно рассчитать по соотношению длины границ и площади страны (результат отношения нужно по формуле умножить на 100 кв. км). Индекс компактности по данной формуле у России составляет 0,35. Тот же показатель у Чили достигает 0,84. У Польши индекс компактности по формуле - 1,12; у Северной Македонии –

3,3; у Франции – 0,63 (показатель понижен вследствие наличия государственной границы в горной местности). Результаты вычислений по данной формуле показывают влияние степени извилистости границ (например, у горных стран) на компактность государственной территории. Страны с границами в горных местностях или по крайне изрезанной береговой линии имеют более высокий индекс по сравнению с равнинными странами при равной площади. В то же время, с увеличением размера территории происходит уменьшение индекса компактности. Индекс компактности у Индии, обладающие и значительной площадью, и крайне извилистой государственной границей составляет 0,43. Таким образом, компактность территории России, согласно результатам расчетов по данной формуле, очень низкая. Это следствие и огромной площади, и наличия значительных участков государственной границы, проходящих по горной местности и береговой линии. Подобная ситуация всегда создавала трудности в управлении территориальными объединениями российского государства [8].

Так называемый эмпирический индекс компактности территории представляет собой отношение площади государства к длине его государственной границы. Показатель длины корректируется коэффициентом 0,282, а из отношения величин извлекается квадратный корень. Вычисления индекса компактности территории Российской Федерации по данной формуле дает показатель 31,4. У Чили данный показатель составляет 14,5; у Индии – 28,7. Страны с компактной территорией (согласно предыдущим расчетам) представлены следующим образом: у Польши индекс компактности - 17,8; у Северной Македонии – 10,4; у Франции – 23,6. Чем больше величина показателя, тем меньше компактность. Относительно небольшая площадь территории Чили позволяет сохранять определенную степень компактности даже при значительной вытянутости страны с севера на юг.

Экономически выгодным фактором развития государства во все времена было приморское положение. В настоящее время треть населения Земли проживает в 50-километровой приморской зоне. Важен не только сам факт наличия береговой линии. Оказывают влияние на развитие наличие судоходных трасс, запасов полезных ископаемых на континентальном шельфе, уровень развития соседних стран.

К началу XVII в. поступательное экономическое развитие российского государства было затруднено без выхода к Балтийскому и Черному морям [9]. В настоящее время Российская Федерация обладает достаточно протяженной морской границей (37600 км). Однако, значительные участки относятся к Северному Ледовитому океану (22600 км). Большую часть года судоходные трассы проходимы только ледоколами, без которых навигация возможна лишь от 2 до 4 месяцев в году. Поэтому крайне важно для улучшения геополитического положения России развивать Северный морской путь (СМП), соединяющий в единую транспортную систему дальневосточные и европейские порты страны. Мангазейские морские походы 16-17 вв. были важной частью присоединения Сибири к Российскому централизованному государству. Присутствие Вооруженных сил РФ в Арктике в наши дни обеспечивает надежную защиту национальных интересов в этом регионе [10].

Управление судоходным маршрутом в Северном Ледовитом океане осуществляет ФГБУ «Главное управление Северного морского пути» при госкорпорации «Росатом». На всем протяжении Северного морского пути построено более 50 портов. На маршруте действует 7 линейных атомных ледоколов и атомный лихтеровоз. В Арктическом регионе России извлекается около 60% всех добываемых углеводородных ресурсов страны. При этом инфраструктура практически всех арктических российских портов требует масштабной модернизации (за исключением Дудинки) – строительство новых причальных сооружений, установка современных навигационных систем и пр. На некоторых участках СМП и в ряде арктических портов необходимы работы по дноуглублению.

Затрудняющим развитие регионов фактором является также крайне низкая плотность населения на арктическом побережье (1,3 чел. на кв. км), кроме того, снижающаяся при

продвижении с запада на восток. Компенсирующее влияние оказывают потепление климата и создание рабочих мест с хорошей оплатой труда. Экономическими центрами Арктического региона являются крупные города Архангельск и Мурманск. Но для дальнейшего активного развития требуется создание еще ряда крупных портов.

Большая часть морской торговли Российской Федерации осуществляется через более теплые моря Атлантического и Тихого океанов, а также Каспийское море. Кроме того, здесь есть условия для развития рыболовства и добычи ресурсов. На побережьях Балтийского, Азовского, Черного и Каспийского морей расположены десятки крупных портов. Присоединение данных акваторий в разные исторические периоды способствовало объединению русских земель, развитию судостроения, оборонной промышленности и торговли, укреплению политических позиций государства [11]. Достаточно благоприятный для проживания климат, давняя история освоения и высокая плотность населения способствуют реализации экономического и политического потенциалов страны.

Неоднозначна оценка эффективности приморского положения Дальнего Востока. Поскольку здесь сочетается низкая заселенность территории, незавершенность транспортной системы и удаленность от экономических центров развития России с относительно мягким муссонным климатом и наличием крупных портов и месторождений ресурсов. Приоритетными направлениями повышения привлекательности региона являются дальнейшее развитие морских портов и инфраструктуры, промышленных отраслей и сельского хозяйства, IT-сферы и туристской индустрии [12].

Анализ и оценка морфологических особенностей государственной территории любой страны акцентируют внимание в первую очередь на размере и использовании в жизнедеятельности населения эффективной территории. Однако, наличие огромных малоосвоенных пространств с богатыми недрами также является потенциальным ресурсом, для которого необходимо искать методы и технологии разработки и вовлечения в экономическую и политическую жизнь государства.

Список литературы

1. Бабурин, С.Н. Территория государства: Теоретико-правовые проблемы : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Бабурин Сергей Николаевич ; Российская Академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Москва, 1998. – 44 с. - URL: <https://lawtheses.com/territoriya-gosudarstva> (дата обращения: 17.03.2026).

2. Замятин Д. Н. Политико-географические образы российского пространства // Полит. наука. 2003. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-geograficheskie-obrazy-rossijskogo-prostranstva-1> (дата обращения: 25.03.2026).

3. Дубоносова, Т.В., Сумина, Е.В. Государственная территория Российской Федерации // Материалы VII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015011610> (дата обращения: 17.03.2026)

4. Порфирьев Б.Н., Д. О. Елисеев Д. О., Стрелецкий Д. А. Экономическая оценка последствий деградации вечной мерзлоты для жилищного сектора российской Арктики // Вестник РАН, 2021, Т. 91, № 2, стр. 105-114 URL: <https://sciencejournals.ru/view-article/?j=vestnik&y=2021&v=91&n=2&a=Vestnik2102006Porfirev> (дата обращения: 25.03.2026).

5. Юрченко В. А., Манько А. В. Вечная мерзлота: геокриологические опасности и региональная деградация мерзлых грунтов // ИВД. 2023. №8 (104). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vechnaya-merzlota-geokriologicheskie-opasnosti-i-regionalnaya-degradatsiya-merzlyh-gruntov> (дата обращения: 25.03.2026).

6. Шульгина Ольга Владимировна, Шульгина Дарья Павловна Геоинформационное

моделирование изменения заселенности территории России в XX веке // Историческая информатика. 2025. №2 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geoinformatsionnoe-modelirovanie-izmeneniya-zaselennosti-territorii-rossii-v-hh-veke> (дата обращения: 25.03.2026).

7.Безвербный В. А., Микрюков Н. Ю., Мирязов Т. Р. Современные и исторические тенденции пространственного развития России: социально-демографические аспекты // Наука. Культура. Общество. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-i-istoricheskie-tendentsii-prostranstvennogo-razvitiya-rossii-sotsialno-demograficheskie-aspekty> (дата обращения: 25.03.2026).

8.Напалкова И. Г. Эволюция территориальных преобразований в России // Регионоведение. 2009. №3. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/367> (дата обращения: 25.03.2026).

9.Паламарь Н. Г. Генезис взглядов на формирование государственной территории и государственной границы российского государства // Власть. 2008. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-vzglyadov-na-formirovanie-gosudarstvennoy-territorii-i-gosudarstvennoy-granitsy-rossiyskogo-gosudarstva> (дата обращения: 25.03.2026).

10.Гумелёв В. Ю., Елистратов В. В., Рагозин А. Н. Северный морской путь: характеристика, история освоения, перспективы развития и необходимость защиты // Концепт. 2018. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/severnoy-morskoy-put-harakteristika-istoriya-osvoeniya-perspektivy-razvitiya-i-neobhodimost-zaschity> (дата обращения: 25.03.2026).

11.Сефербеков Р. И. Каспийская флотилия: становление и развитие, прошлое и настоящее // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kaspiyskaya-flotiliya-stanovlenie-i-razvitiye-proshloe-i-nastoyashee> (дата обращения: 25.03.2026).

12.Левченко Т. А. Инвестиционная привлекательность регионов дальнего востока России: оценка и обеспечение // АНИ: экономика и управление. 2023. №1 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnaya-privlekatelnost-regionov-dalnego-vostoka-rossii-otsenka-i-obespechenie> (дата обращения: 25.03.2026).

УДК 93/94

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БАЛЬНЕОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ СИБИРИ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Гайдин Сергей Тихонович¹, доктор исторических наук, профессор

Бурмакина Галина Александровна², кандидат исторических наук, доцент

^{1,2} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

¹ gaydinsergey@rambler.ru ² burmakinagalina@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию истории открытия, исследования и использования бальнеологических ресурсов Сибири в XIX в. – начале XX в. Учитывая, что раздел типов минеральных источников проходил по р. Енисей, в нем рассмотрено использование минеральных источников и лечебных грязей в Западной и Восточной Сибири, а также, непосредственно, на территории Енисейской губернии, где были расположены озера Шира, Учум, Тагарское и горячий источник Абаканский. Несмотря на то, что в рассматриваемый период в сибирском регионе еще шел процесс становления курортного дела, лечение на минеральных источниках Сибири становилось популярным среди разных слоев населения.

Ключевые слова: М.Г. Курлов, типы минеральных источников, бальнеология, курорт, НИИ курортологии и физиотерапии.

USE OF BALNEOLOGICAL RESOURCES IN SIBERIA DURING THE PRE-SOVIET PERIOD

Gaidin Sergey Tikhonovich¹, Doctor of Historical Sciences, Professor

Burmakina Galina Aleksandrovna², Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

^{1,2} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

¹ gaydinsergey@rambler.ru ² burmakinagalina@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the history of the discovery, research, and use of the balneological resources of Siberia in the 19th and early 20th centuries. Given that the division of mineral springs was based on the Yenisei River, the article examines the use of mineral springs and therapeutic muds in Western and Eastern Siberia, as well as in the Yenisei Governorate, where the lakes Shira, Uchum, Tagarskoye, and the hot spring of Abakan were located. Despite the fact that the development of the resort industry was still in its early stages in the Siberian region during this period, treatment at the mineral springs of Siberia became popular among various segments of the population.

Keywords: M.G. Kurlov, types of mineral springs, balneology, resort, Research Institute of Balneology and Physiotherapy

Сибирь богата не только лесами и минерально-сырьевыми ресурсами, но и лечебными источниками. Коренные народы Сибири, наблюдая за животными, выявляли целебные родники и озера и сами пользовались ими в случае заболевания. Со временем по мере увеличения численности русского населения такие места стали оборудоваться для систематического лечения. Поэтому не удивительно, что на Съезде по организации Института исследования Сибири, который проходил в Томске в январе 1919 г., наряду с секциями геологии и горного дела, химической технологии, географии, геофизики и климатологии, зоологии и животноводства, ботаники и почвоведения, сельского хозяйства и лесоводства, статистики, экономики, истории, археологии и этнографии, работала секция и минеральных источников [1].

Ее работу возглавил профессор М.Г. Курлов, который в 1890 г. был назначен экстраординарным профессором Томского университета по частной патологии и терапии и до 1929 г. возглавлял кафедру терапии медицинского факультета университета. В научной деятельности профессор занимался гематологией, вопросами классификации и использования для лечения минеральных вод. Он стал одним из инициаторов учреждения и открытия в Томске Бальнео-физиотерапевтического института (позже - НИИ курортологии и физиотерапии) [2].

На заседании секции М.Г. Курлов выступил с двумя докладами: «О необходимости основания Бальнеологического института при Институте исследования Сибири» и «Целебные источники и озера Сибири», в котором дал не только обстоятельную характеристику самих минеральных источников, но и состояния их обустройства и использования. На секции также с докладом «Очередные задачи исследования Сибирских минеральных вод» выступил выпускник медицинского факультета Томского университета Николай Сергеевич Спасский. В 1901 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора медицины по проблемам физиологическом воздействии токов высокого напряжения, в 1911 г. получил должность приват-доцента, интересовался использованием минеральных вод на лечение больных [3].

В исследовании С.А. Некрылова, С.Ф. Фоминых, И.А. Дунбинского тщательно проанализирована работа секции минеральных источников [4]. В диссертационном исследовании Н.В. Кайгородовой исследовано создание и функционирование санаторно-курортной системы Байкальского региона в 1875 – 1991 гг. [5]. О.Н. Сидорчук дала краткую характеристику некоторых сибирских курортов в первый советский период по материалам журналов, освещающих курортное дело [6, с. 110-117]. В газетах, журналах, краеведческих изданиях, на ресурсах Интернета опубликовано большое количество материалов по истории отдельных курортов.

Выступления участников секции свидетельствовали, что в разных местах Сибири, было выявлено большое количество минеральных источников. На территории Западной Сибири было учтено более 8000 озер с минерализованной водой, а в Забайкальской области - около 340 минеральных источников. Однако подавляющее большинство этих источников еще не было обследовано и изучено. Н.С. Спасский утверждал, что, несмотря на то, что на территории Европы издавна устойчивой популярностью пользовались курорты Виши (Франция), Эмс и Висбаден (Германия), Калсбад (Чехия), изучение химического состава многих зарубежных источников началось ненамного раньше, чем к этому приступили в России [7, с. 120, 121, 122].

Профессор М.Г. Курлов отметил, что раздел типов минеральных источников проходил по р. Енисей. В частности, в Западной Сибири преобладали горько-соленые и грязевые озера, а Восточной Сибири – углекислые, щелочноземельные, слегка железистые источники и источники тёплой и горячей слабоминерализованной воды (акратотермы). Он выделил несколько типов минеральных источников.

К первой группе (типу) М.Г. Курлов отнес углекислые источники Дарасун, Читинский, Шиванда, Олентуй, Шивия, Ямаровка, Аршан и Колтомойкон в Забайкалье. Ко второй группе - радиоактивные источники Шивинский, Шивинский №3, Дарасун Нерчинский пресный, Молоковский, и Ямкун также в Забайкалье. К третьей группе - акратотермы или источники тёплой и горячей слабоминерализованной воды: Белокурихинский источник и «Рахманинские ключи» на Алтае, Горячинский и Каргинский источники в Забайкалье и Кульдур – на Дальнем Востоке. В четвертую группу были включены многочисленные соленые, горькие, щелочные и щелочно-глауберовые озера Западной Сибири. В пятую группу были включены соленые минеральные воды Усольского источника в Восточной Сибири [8, с. 109, 115].

Данные, приведенные в докладе В.М. Курлова, отражают ситуацию на начало 1919 г. с точки зрения использования бальнеологических ресурсов Сибири. Цель нашего

исследования заключается в выявлении истории открытия, исследования и использования каждого из названных им минеральных источников и, таким образом, уточнении истории развития курортного дела в Сибирском регионе в XIX – начале XX вв.

Интересно, что углекислые источники Забайкалья, несмотря на горную местность, отсутствие хороших дорог пользовались популярностью среди местного населения. **Аршан Тункинский**, расположенный 200-х верстах от Иркутска у подножья Тункинских гольцов, привлекал посетителей не только целебной щелочной водой с высоким содержанием извести, но и необыкновенной красотой горной тайги и водопадов, за которую его называли Горной Швейцарией. Официальная история курорта утверждает, что впервые сведения о целебном источнике опубликовал в 1896 г. в «Известиях Томского университета» местный священник Иаков Чистохин, а в 1903 г. иркутский генерал-губернатор П.И. Кутайсов распорядился выделить землю для устройства курорта [9]. В 1919 г. здесь были расположены два санатория - для духовенства Иркутской епархии и Общества почтово-телеграфных чиновников, столовая, кофейня, общественные бани и торговые точки, а также дачи состоятельных иркутян [8, с. 113].

На курорт **Шивия** в 48 верстах от Сретенска и **Олентуйский источник** в Читинском уезде, который был известен с XIX в. в летний период приезжало примерно по 400 посетителей. **Курорт Шиванда**, расположенный недалеко от разъезда Размахнино Сретенской ветки Забайкальской железной дороги в 200 верстах к востоку от Читы. для лечения стал использоваться в 1899 г. В 1908 г. его взял в аренду врач Р. Чунихин, при котором был построен ванный корпус, жилье для посетителей и столовая [10]. В теплое время года на курорте ванны с минеральной водой ежедневно принимало от 100 до 150 человек. Для посетителей здесь было построено 65 домиков, разделенных на 120 комнат, была открыта столовая общего пользования [8, с. 111].

Курорт Дарасун по Указу императора Павла I был заложен на одноименном источнике [11]. А в 1857 г. здесь был создан Бальнеологический курорт [12]. В начале XX в. на курорт можно было добраться по дороге протяженностью 60 верст, проложенной от станции Дарасун Забайкальской железной дороги. Ежедневно ванны на курорте принимали до ста посетителей, для которых сдавались отдельные домики дачного типа и комнаты в общежитии, некоторые посетители арендовали жилье в соседней деревне. Но наиболее обустроенным из углекислых источников Забайкалья был **Ямаровский источник**, расположенный в труднодоступной горной местности в южных предгорьях Малханского хребта, в 280 верстах от Петровского завода. Начало его эксплуатации относится к 1854 г., когда кяхтинский врач П.А. Марцинкевич дал заключение о лечебных свойствах минеральной воды источника [13]. Для посетителей здесь была построена большая гостиница с паровым отоплением, организованы огородное хозяйство, молочная ферма, построена теплица для выращивания ранней зелени [8, с. 112].

Но удивительным является то, что минеральная вода из источников №№ У и Х курорта Дарасун после насыщения угольной кислотой отправлялась в бутылках на экспорт с указанием на этикетке номера источника. А на Ямаровском курорте для производства стеклянных бутылок и ящиков для их упаковки были созданы стеклодувное и лесопильное предприятия, что позволяло ежедневно отправлять на экспорт по 5000 бутылок минеральной воды [8, с. 110, 111, 112].

Из радиоактивных (радоновых) источников Забайкалья наиболее активно эксплуатировался источник **Ямкун** с незамерзающим озером на склоне Газимуровского хребта в 100 верстах к юго-востоку от железнодорожной станции Сретенск, в котором брали минеральную воду и грязи со дна источника [14]. Здесь были построены две гостиницы, несколько отдельных домиков, открыта столовая, в которой для посетителей готовили обеды и ужины. Для проведения водных и грязевых процедур использовалось 12 ванн, размещенных в ванном или процедурном помещении [8, с. 113].

Молоковский источник радиоактивных вод, расположенный в живописном месте в 12 верстах от Читы в живописном районе, не имел никаких приспособлений для приема ванн и использовался состоятельными жителями города под дачное строительство. Первое упоминание о нем относится к 1841 г., курортное лечение началось в 1887 г. [15]. Источник был огорожен двумя деревянными срубами под навесом, но он не был оборудован для проведения лечебных процедур [8, с. 109, 115].

К наиболее востребованным источником тёплой и горячей минерализованной воды в Западной Сибири относился **Белокурихинский целебный источник** в предгорьях Алтая в 62 верстах от Бийска с температурой воды 32,5 градуса. В 1803 г. переселенцы основали село возле озера с теплой водой. В 1866 г. инженер С.И. Гуляев и священник О. Ненарокомов построили купель с навесом и раздевалкой [16]. Здесь было построено ванное помещение, разделенное на мужскую и женскую половины барачного типа с 17 ваннами для обычных посетителей и 2-мя ваннами для заразных больных. В сутки ванны, воду для которых приходилось подогревать, принимали до 300 посетителей, которые снимали жилье в соседнем селе [8, с. 119].

Популярностью среди местного, особенно киргизского населения, пользовался открытый крестьянином Рахмановым на южном склоне Катунских гор источник, получивший по его фамилии название «**Рахманинские ключи**» с температурой 34 – 42 градуса [17]. В сезон на лечение сюда приезжало около 300 человек. Для них был построен барак с 5 комнатами с лавками в каждой и два небольших ваннных помещения [8, с. 115].

В Восточной Сибири наиболее обустроенным был **Горячинский источник** на восточном берегу Байкала, который в 1767 г. его описал швед Эрик Лаксман, пастор, избранный корреспондентом Российской Академии наук [18]. До Горячинска можно было добраться на пароходе по озеру, поэтому количество посетителей здесь, по данным на 1915 г. превышало тысячу человек. Они могли принимать ванны в четырех ваннных корпусах, где были установлены около сорока чугунных эмалированных ванн. Вода из источника по деревянному желобу самотеком поступала в ваннные корпуса, а ее избыток стекал в специально вырытый искусственный пруд. На курорте работал врач, который одновременно заведовал поселковой больницей [8, с. 114].

Миссионерскому Управлению Баргузинского округа принадлежал **Каргинский курорт** на источнике минеральной воды с температурой 76 градусов. В 1776 г. Академик И.Г. Георги высоко оценил лечебные качества воды источника. С 1832 г. началась его эксплуатация, а 80-е гг. XIX источник был передан в пользование Курумканскому миссионерскому стану [19]. Здесь было построено благоустроенное здание, разделенные на комнаты с установленными в них чугунными эмалированными ваннами. Но врача на курорте не было. Для приезжающих на лечение бурят был построен барак с нарами, двумя отапливаемыми комнатами и деревянными ваннами [8, с. 114].

Расположенные в местечке Кульдур в отрогах Хинганского хребта к северу от станции Облучье Восточно – Амурской железной дороги горячие источники сернисто-натровой воды с температурой от 50 до 60 градусов впервые были обследованы в 1910 г. геологом Анертом, а затем в 1915 г. врачом третьего участка Амурской железной дороги А. Буком, а в 1916 г. они были переданы «Управлению государственных имуществ» [20]. К 1919 г. их освоение только начиналось, но государством были отпущены деньги на создание здесь благоустроенного курорта [8, с. 114, 115].

К отдельной группе минеральных источников М.В. Курлов отнес **соленые, горькие, щелочные и другие озера Западной Сибири**. Особо он выделил Устьянцевское и Карачинское озера в Каинском уезде Томской губернии, вода которых помогала при болезнях желудка. В 1901 г. на Карачинском озере был построен казенный железнодорожный курорт с жилыми помещениями и ваннными корпусами для использования минеральных вод и грязей. Большое количество посетителей побудило предпринимателей открыть два частных санатория, которые были плохо оборудованы и обслуживали

посетителей с низким доходами [8, с. 119].

К группе особенно посещаемых соленых лечебных источников в Восточной Сибири относились **Усольские минеральные воды** на левом берегу Ангары. История использования рассолов для лечения началась в 1836 г. на Усольском солеваренном заводе, где были устроены лечебные ванны для руководителей предприятия и членов, и их семей [21]. В 1919 г. здесь были расположены Главный ванный корпус, разделенный на мужское и женское отделения и павильон для приема хвойных ванн. В летний период на минеральные воды собиралось около тысячи посетителей, а так как корпус в течение дня мог обслуживать не более 700 посетителей, то приходилось сокращать их нахождение в ваннах 25 минутами [8, с. 117].

В статье мы отдельно выделили лечебные минеральные источники, расположенные на территории Енисейской губернии. К ним относились горько-соленые озера Ши́ра в Минусинском округе и Учум в Ачинском округе. В озере Ши́ра отдыхающие купались и в специально построенном каменном здании на 12 ванн принимали водные и грязевые ванны из грязи, привезенной с озера Шунет [8, с. 119].

Озеро Учум, расположенное в 35 км от с. Ужур, в 1892 г. исследовал профессор кафедры фармакологии Томского университета П.В. Буржинский [22]. Летом сюда на отдых приезжало до 600 человек. Но арендующие озеро частные предприниматели практически не принимали мер для обустройства приезжающих. Подобная ситуация имела место и на расположенном недалеко от Минусинска **оз. Тагарское** с целебными грязями, которому М.Г. Курлов пророчил большое будущее [8, с. 119, 120].

Единственный известный в Енисейской губернии термальный источник - Абаканский горячий ключ был расположен на одном из притоков Абакана, до которого по горным тропам надо было добираться дней 8-9. Несмотря на труднодоступность его в 1884 г. географ и этнограф Д.А. Клеменц. в 1916 г. его воду изучал В. В. Хворов [23]. Водами источника в основном пользовались хакасы, которые погружались в наполненный водой бревенчатый сруб, возведенный над источником [8, с. 116].

Анализ процессов открытия, исследования и использования бальнеологических ресурсов Сибири свидетельствует, что многие минеральные источники открыли ее коренные народы, русские переселенцы, наблюдая за дикими и домашними животными. К 1919 г., когда проходил Съезд по созданию Института по изучению Сибири, были открыты тысячи минеральных источников и озер. Но только небольшая их часть была изучена и описана.

Некоторые курорты были открыты по решению государственных органов, но в большинстве случаев местные жители приезжали самостоятельно на источники, которые зарекомендовали себя целебными свойствами. Существовала практика получения источников в аренду на определенные сроки, но судьба источников зависела от целей арендаторов. Среди арендаторов были те, кто пытался получать прибыль за счет допуска посетителей к источникам без вложения средств в их обустройство, были арендаторы, преимущественно врачи, которые положили начало созданию новых курортов. Ведомственные курорты обычно создавались для духовенства, инженерного состава железной дороги и почтово-телеграфных служащих.

Уникальные свойства сибирских минеральных вод, позволили в рассматриваемый период начать формирование курортной системы Сибири и даже наладить экспорт вод с источников Дарасун и Ямаровский.

Список литературы

1. Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Изданы под наблюдением предс. съезда проф. В.П. Вейнберга. Томск: Типография Томской губернской сибирской дороги, 1919. – 467 с.

2. Курлов Михаил Георгиевич (1859-1932)//
<https://depzdrav.tomsk.gov.ru/news/front/view?id=82260> (Дата обращения 20.02.2026).

3. Спасский, Николай Сергеевич // [https://ru.ruwiki.ru/wiki/ Спасский Николай_Сергеевич](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Спасский_Николай_Сергеевич) (Дата обращения 20.02.2026).
4. Некрылов, С.А., Фоминых С.Ф., Дунбинский И.А. Сибирская бальнеология и Институт исследования Сибири // Сибирский медицинский журнал. – 2012. Том 27. № 2. – С. 173 – 175. Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 12'11'70003 “Институт исследования Сибири (1919–1920 гг.) и его роль в изучении региона”(1919–1920 гг.).
5. Кайгородова, Н. В. История развития санаторно-курортной системы Байкальского региона в 1875-1991 гг. Автореферат дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Иркутск, 2007.-20 с.
6. Сидорчук, О.Н. «Становясь в ряды своих собратьев»... История развития сибирских курортов в первой трети XX века // ИНТЕРЭКСПО ГЕО-СИБИРЬ. – 2019. Т. 5. – С. 110-117.
7. Спасский, Н.С. Очередные задачи исследования Сибирских минеральных вод // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Часть 2.- С. 120-123.
8. Курлов, М.Г. Целебные источники и озера Сибири // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Часть 2.- С. 109-120.
9. История курорта Аршан // https://cbs-kyren.bur.muzkult.ru/media/2023/02/02/1290959602/Letopis_Kurorta_Arshan.pdf (Дата обращения 29.02.2026).
10. Ураева, Л.А. Шиванда, село. // <https://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=6728> (Дата обращения 29.02.2026).
11. Чечель, А.П., Мищенко, А.П. Курорт Дарасун // Энциклопедия Забайкалья. – Чита. – Т. 3. – С. 172.
12. Дарасун. Большая российская энциклопедия. // <https://bigenc.ru/c/darasun-8ed6d6> (Дата обращения 19.02.2026).
13. Соловова, А.Т., Дроботушенко, Н.Е., Крицкая, О.В. «Ямаровка», Горно-климатический бальнеологический курорт и месторождение углекислых вод, Красночикойский р-н. // Энциклопедия Забайкалья // <https://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=7119> (Дата обращения 19.02.2026).
14. Кулекин, М.Л., Соловова, А.Т. Больница восстановительного лечения №1 краевая, с. Ямкун Газимуро-Заводского р-на, // Энциклопедия Забайкалья // <https://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=8351> (Дата обращения 20.03.2026).
15. Соловова, А.Т. Молоковка, курорт // Энциклопедия Забайкалья // <https://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=4409> (Дата обращения 20.03.2026).
16. Официальный сайт АО «Курорт Белокуриха. «Живая вода: как работает радонопровод Белокурихи» // <https://belokurikha.ru/zhivaya-voda-kak-rabotaet-radonoprovod-belokurihi/>
17. Латкин, Н. Рахмановские минеральные ключи // <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/007/086/86017.htm> (Дата обращения 20.03.2026)
18. Горячинский источник // <https://baikaltravel.ru/places/goryachinskij-istochnik>
19. Из истории Гаргинского источника // <https://gordburyatia.ru/priroda/250-garginskiy-termalnyy-istochnik.html> (Дата обращения 17.02.2026).
20. Администраторы. Из истории поселка Кульдур Облученского района Еврейской автономной области (по документам государственного архива ЕАО за 1931–2000-е годы) // <https://arhiv.eao.ru/deyat/publikacii/147-iz-istorii-poselka-kuldur-obluchenskogo-rayona-evreyskoj-avtonomnoy-oblasti-po-dokumentam-gosudarstvennogo-arhiva-eao-za-19312000-e-gody.html>; Основной лечебный фактор Санатория Кульдур // <https://kuldur.dv.ru/лечебный-фактор/> (Дата обращения 17.02.2026).
21. Курорт «Усолье» (Основан в 1848 г.) <https://m.ok.ru/group/53770755506404/topic/67296946553060?ysclid=mnagju0has972656655> (Дата обращения 17.02.2026).
22. История происхождения и описание озера Учум // <https://www.euromag.ru/lifestyle/ozero-uchum/> (Дата обращения 29.02.2026).
23. Горячий ключ (Абаканский Аржан) // [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Горячий_ключ_\(Абаканский_Аржан\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Горячий_ключ_(Абаканский_Аржан)) (Дата обращения 29.02.2026).

УДК 94(47).073«1863»:378.4(476)

ПРОЕКТ УЧРЕЖДЕНИЯ ВИЛЕНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1863)

Ганчар Андрей Иванович, кандидат исторических наук, доцент
Гродненский государственный аграрный университет, Гродно, Беларусь
gancharandre1@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс обсуждения проекта учреждения университета в г. Вильно в 1863 г. Анализируются предложения Попечительского совета Виленского учебного округа, подготовленные по инициативе генерал-губернатора М.Н. Муравьёва. Особое внимание уделяется мерам, направленным на усиление русского влияния в Северо-Западном крае посредством высшего образования.

Ключевые слова: Российская империя, образование, Муравьёв, Ширинский-Шихматов, Виленский университет, воспитание, политика

THE PROJECT OF ESTABLISHING VILNA UNIVERSITY (1863)

Hanchar Andrei Ivanavich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Grodno State Agrarian University, Grodno, Belarus
gancharandre1@yandex.ru

Abstract. The article examines the process of discussing the project of establishing a university in Vilna in 1863. The proposals of the Trusteeship Council of the Vilna Educational District, prepared on the initiative of Governor-General M.N. Muravyov, are analyzed. Special attention is paid to measures aimed at strengthening Russian influence in the North-Western Region through higher education.

Keywords: Russian Empire, education, Muravyov, Shirinsky-Shikhmatov, Vilna University, upbringing, politics

После мятежных событий 1863–1864 гг. правительство Александра II взяло курс на усиление русского влияния в Северо-Западном крае. Важнейшим инструментом интеграции края в имперское пространство должна была стать система образования. 7 октября 1863 г. виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьёв обратился к попечителю Виленского учебного округа князю А.П. Ширинскому-Шихматову с предложением обсудить вопрос об учреждении в г. Вильно высшего учебного заведения, которое отвечало бы как видам правительства, так и местным потребностям. В ответ на это предложение Попечительский совет округа на заседании 8 октября 1863 г. выработал ряд соображений, которые были представлены генерал-губернатору 12 октября того же года. Настоящая статья посвящена анализу этого документа, раскрывающего планы имперской администрации по созданию университета в г. Вильно как опорного пункта государственной политики в регионе.

16 октября 1863 г. за № 5705 попечитель Виленского учебного округа князь Александр Прохорович Ширинский-Шихматов представил министру народного просвещения Александру Васильевичу Головнину копию со своего отзыва к Виленскому военному, Гродненскому, Минскому и Ковенскому генерал-губернатору и Главному начальнику Витебской и Могилёвской губерний от 12 октября 1863 г. за № 5619, на запрос генерала от инфантерии Михаила Николаевича Муравьёва по делу об учреждении в г. Вильно университета.

Признавая необходимым учредить в г. Вильно высшее учебное заведение на началах, вполне соответствующих видам правительства и местным потребностям, отзывом от 7 октября 1863 г. за № 8911 М.Н. Муравьёв изволил предложить попечителю ВУО А.П.

Ширинскому-Шихматову обсудить в состоявшем при нём совете основания, на которых должно быть открыто указанное заведение[1, л. 1–1 об.].

В исполнение такового предложения ВвГМиК г.-г. и ГН ВиМ губ. М.Н. Муравьёва, Попечительский совет ВУО, приняв в руководство указания г.-г. и рассмотрев высочайше утверждённый 18 июня 1863 г. устав Императорских российских университетов, в заседании 8 октября 1863 г. составил по данному предмету некоторые соображения.

Для достижения целей, указанных ГН СЗК, учреждение в г. Вильно высшего учебного заведения или университета, необходимо было, чтобы в состав его вошли историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский факультеты. Первые два факультета необходимы были для образования учителей в учебные заведения западных губерний и других полезных деятелей, юридический для приготовления чиновников для администрации в местном крае и медицинский для отвлечения польской молодёжи от университетов внутренних русских губерний.

Попечительский совет нашёл, что выс. ут. 18 июня 1863г. устав Императорских российских университетов мог бы быть применён и к проектируемому университету в г. Вильно, но с изменениями и дополнениями некоторых его положений, сообразно видам правительства и особенным местным потребностям.

Предполагаемый в г. Вильно университет должен был учреждаться с целью доставить возможность уроженцам шести западных губерний, т. е. Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилёвской и Витебской получать высшее образование, в духе правительства, не удаляясь из края. Так как направление и дух университета будут зависеть главнейшим образом от большей или меньшей благонадёжности и преданности правительству профессоров и чиновников университета, то выбор этих лиц следовало произвести с особой осмотрительностью. Необходимо было постановить неперменным условием, чтобы все профессора и должностные лица при университете были русского происхождения и православного исповедания, за исключением преподавателя Закона Божия р.-к. исповедания и лекторов языков иностранцев. Для привлечения же способных, достойных и вполне надёжных, по своему образу мыслей профессоров и чиновников, необходимо было предоставить им какие-либо преимущества по службе сравнительно с прочими русскими университетами или возвысив оклады их содержания хотя бы и временными добавками, или сократив сроки на выслугу полной пенсии.

Приём в университеты уроженцев шести западных губерний польского происхождения следовало прекратить, кроме Дерптского университета, где присутствие польского элемента, по неимению благоприятствующих условий для его развития, было бы безвредным. Исключению из этого правила могли бы подлежать только те молодые люди польского происхождения, которые со своими родителями или родственниками проживали во внутренних русских губерниях.

Для усиления же русского элемента в составе учащихся, для доставления ему возможности приобрести преобладающее значение, полезно было бы, независимо от установления облегчительных условий при приёме русской молодёжи, перевести в предполагаемый университет все казённые стипендии остальных русских университетов, за исключением имеющих какое-либо местное специальное назначение, с тем, чтобы казённые стипендиаты, одна часть, выслушав педагогические курсы, другая, окончив курс по юридическому факультету, обязаны были прослужить известное количество лет в учебных заведениях и в присутственных местах Западного края. Эта мера, по мнению Попечительского совета, имела значительное преимущество перед назначением новых стипендий для местных уроженцев русского происхождения потому, что она привлекала бы в университет свежие русские силы и притом в лице лучших представителей русской молодёжи, так как стипендии во всех университетах получали только лучшие ученики гимназий. Уроженцев Царства Польского не следовало принимать ни под каким видом.

Плата за слушание лекций должна была взиматься со всех студентов польского

происхождения без изъятия, в размере, установленном уставом, т. е. по 40 руб. в год с каждого студента. Молодые же люди русского происхождения и православного исповедания безусловно освобождались от платы.

Для вернейшего обеспечения начальства университета в благонадёжности студентов польского происхождения и в том, что все установленные для них правила будут соблюдаемы ими в точности, каждый из них должен был внести за себя денежное поручительство не менее 300 руб.

Таковы были главные изменения и дополнения, которые, по мнению Попечительского совета, необходимо было произвести в университетском уставе для успешнейшего достижения цели, предполагаемой для университета в г. Вильно. Все прочие положения устава могли быть оставлены без изменений, тем более что некоторые из них, как, например, о допущении посторонних лиц к слушанию лекций, об обязанностях учащихся, о порядке в университете и о взысканиях за нарушения этих порядков и обязанностей составляли предмет занятий университетского совета и утверждались попечителем учебного округа. Поэтому Попечительский совет находил излишним подвергать обсуждению эти частные меры, принятие и изменение которых вполне зависело от высшей местной учебной власти.

Изложенные соображения Попечительского совета попечитель ВУО князь А.П. Ширинский-Шихматов 12 октября 1863 г. за № 5619 и представил на благоусмотрение ВвГМиК г.-г. и ГН ВиМ губерний М.Н. Муравьёву [1, л. 2–6].

Таким образом, проект учреждения университета в г. Вильно, представлял собой продуманную программу использования высшего образования в целях укрепления русской государственности в СЗК. Предложенные меры были нацелены на вытеснение польского влияния из региона. Ограничение доступа поляков к образованию, создание преимуществ для русской молодёжи, тщательный подбор профессорско-преподавательского состава по национальному и конфессиональному признакам – все эти положения отражали общую линию правительства на интеграцию края, проводимую М.Н. Муравьёвым. Хотя проект не был реализован, рассмотренные соображения Попечительского совета позволяют глубже понять механизмы имперской политики в сфере образования и те методы, которыми предполагалось достичь «обрусения» западных окраин Российской империи.

Список литературы

1. Дело об учреждении в Вильне университета (19 октября – 3 ноября 1863 г.) // РГИА. – Фонд 733. – Оп. 147. – Д. 198. – 10 л.

УДК 94(47).073«1872/1873»:378.4(476)

ПРОЕКТ УЧРЕЖДЕНИЯ РУССКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПОЛОЦКЕ (1872 Г.): ЗАБЫТАЯ АЛЬТЕРНАТИВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Ганчар Андрей Иванович, кандидат исторических наук, доцент
Гродненский государственный аграрный университет, Гродно, Беларусь
gancharandre1@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проект учреждения русского университета в г. Полоцке, инициированный министром народного просвещения Д.А. Толстым в 1872 г. и одобренный императором Александром II. Анализируются мотивы выбора Полоцка вместо Вильно. Раскрываются обстоятельства переговоров между Министерством народного просвещения и Военным министерством о передаче зданий Полоцкой военной гимназии под будущий университет, а также финансовые и организационные трудности.

Ключевые слова: Российская империя, Толстой, Милютин, Северо-Западный край, университет, Полоцк, Виленский учебный округ

THE PROJECT OF ESTABLISHING A RUSSIAN UNIVERSITY IN POLOTSK (1872): A FORGOTTEN ALTERNATIVE IN THE EDUCATIONAL POLICY

Hanchar Andrei Ivanavich¹, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Grodno State Agrarian University, Grodno, Belarus
gancharandre1@yandex.ru

Abstract. The article examines the project of establishing a Russian university in Polotsk, initiated by the Minister of Public Education D.A. Tolstoy in 1872 and approved by Emperor Alexander II. The motives for choosing Polotsk instead of Vilno are analyzed. The circumstances of negotiations between the Ministry of Public Education and the War Ministry regarding the transfer of the buildings of the Polotsk Military Gymnasium for the future university, as well as financial and organizational difficulties, are revealed.

Keywords: Russian Empire, Tolstoy, Milyutin, North-Western Region, university, Polotsk, Vilna Educational District

Во второй половине XIX в. вопрос об учреждении высшего учебного заведения в Северо-Западном крае неоднократно поднимался в правительственных кругах. После подавления Польского восстания 1863–1864 гг. имперская администрация стремилась укрепить русское влияние в регионе, и создание университета рассматривалось как один из наиболее действенных инструментов русификации. В 1872 г. министр народного просвещения Д.А. Толстой представил императору Александру II доклад, в котором обосновывалась необходимость открытия русского университета в Виленском учебном округе. Однако в качестве места для его размещения министр предложил не губернский Вильно, а уездный Полоцк. Это предложение получило высочайшее одобрение, что положило начало сложному процессу согласований между ведомствами. Настоящая статья посвящена анализу обстоятельств возникновения, развития и итогов этого проекта, позволяющего глубже понять особенности образовательной политики самодержавия на западных окраинах империи.

Министр народного просвещения Дмитрий Андреевич Толстой, представляя на благоусмотрение императора отчёт об осмотренных им осенью 1872 г. учебных заведениях Виленского учебного округа, отметил, что этим заведениям недостаёт довершения в высшем учебном заведении. Из всех учебных округов Европейской России не имел университета

лишь ВУО, а его отсутствие неблагоприятно, по мнению министра, отзывалось как вообще на Северо-Западном крае, так в особенности на местном училищном ведомстве: администрация края затруднялась в приискании служащих лиц с высшим образованием, медиков и т. п., а учебный округ – в учителях, которых он должен был отнимать от других округов. Независимо от этого, молодые люди, оканчивающие курс в гимназиях, количество которых здесь было более чем во многих других округах, желая продолжать своё образование, устремлялись преимущественно в Петербургский и Московский университеты, и без того до крайности переполненных слушателями. Кроме всего этого, университет, как центр науки, везде, где он находился, распространял блага просвещения в разнообразных его формах и проявлениях и возвышал вообще уровень цивилизации, которая в свою очередь составляла самое прочное и неоспоримое завоевание. Главная причина лишения ВУО университета заключалась в печальном воспоминании о существенном вреде, понесённом русскому делу в этом крае бывшим Виленским университетом. Хотя вредное влияние этого университета на край не подлежало сомнению, но причина к тому кроилась не в самом университете, а в неправильном его устройстве и в приданном ему польском характере. Учреждение же в этом крае русского университета с русскими профессорами и с русским преподаванием имело бы совершенно противоположное действие. Такой университет только укрепил бы в крае русские начала, распространил бы русскую цивилизацию, а следовательно, и русское влияние. Руководимый такими мыслями и соображениями, м. н. п. выразил перед императором своё глубокое убеждение, что учреждение русского университета в ВУО послужило бы к явной выгоде России, причём он позволил себе предложить для него местом не г. Вильно, а г. Полоцк, в случае если бы его воззрения были признаны правильными и учреждение в ВУО университета было бы решено императором. Против этого положения ЕИВ угодно было собственноручно начертать: «Да».

При этом Дмитрий Андреевич счёл нужным представить на усмотрение императора. Что в г. Вильно ещё живы воспоминания о враждебном России бывшем там университете и город этот, не смотря на значительные изменения в русском духе, всё ещё более других городов этого края имел польский оттенок. Напротив того, г. Полоцк являлся почти русским городом, принадлежавшей к значительно обрусевшей губернии, находившийся вблизи к Смоленской губернии. Вообще он более тянул к внутренним русским губерниям, нежели к западным окраинам. В г. Полоцке имелось здание, как будто нарочно воздвигнутое для высшего учебного заведения, в котором помещались прежде иезуитская академия, а ныне военная гимназия. Кроме всех этих удобств, г. Полоцк представлял и то, что, по своей уединённости, он отвлёк бы учащихся от невыгодных для ученья развлечений, что так ценилось всеми педагогами при открытии новых учебных заведений, а по соединении железными дорогами с учебными центрами, он мог доставить все необходимые удобства для учёных трудов преподавателей. Вместе с тем, Д.А. Толстой позволил себе выразить полную уверенность в том, что военное ведомство в видах общей государственной пользы не откажется со своей стороны оказать содействие к учреждению в г. Полоцке русского университета передачей в ведение МНП здания, в котором сейчас размещалась военная гимназия, без чего осуществление его мысли по необходимости было бы отодвинуто на очень продолжительное время.

Сообщая 23 декабря 1872 г. за № 13579 военному министру Дмитрию Алексеевичу Милютину о таковом высочайшем повелении и имея полное основание надеяться, что он отнесётся сочувственно к предполагаемому учреждению в СЗК университета, который без сомнения принёс бы пользу населению края, распространяя в нём высшее образование в русском духе, Дмитрий Андреевич просил признать возможным изъявить согласие на уступку МНП под помещение предполагаемого к учреждению в г. Полоцке университета здания, занимаемого Полоцкой военной гимназией [1, л. 1–9, 13].

В ответном отзыве от 5 февраля 1873 г. военный министр генерал-адъютант Д.А. Милютин сообщал, что военные гимназии, как заведения подготовительные для

комплектования военных училищ, не вполне достигают сейчас своего назначения, так как число воспитанников, ежегодно выпускаемых из гимназии, при существующем комплекте, было значительно меньше числа вакансий, открывающихся в военных училищах, и потому ведомство военно-учебных заведений, в случае передачи МНП зданий Полоцкой военной гимназии, под помещение предполагаемого к устройству там университета, не могло вовсе упразднить эту гимназию, а должно будет или перенести её в другой пункт, или же устроить взамен её несколько заведений для приходящих учеников.

В том и другом случае предстояло, прежде всего, озаботиться устройством соответствующих для указанных заведений помещений. Между тем, по справкам, наведённым через Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора, оказалось, что в этом крае не было свободных зданий, приспособление которых под помещение Полоцкой военной гимназии, в настоящем её виде, было бы в материальном отношении выгодно. Устройство же совершенно нового помещения потребовало бы, исходя из расходов, сделанным на оконченную в прошлом году постройку зданий для Оренбургской военной гимназии, никак не менее 600 000 руб., на ассигнование которых из Государственного казначейства ни в каком случае нельзя было рассчитывать.

Таким образом, ведомство военно-учебных заведений, в случае передачи зданий Полоцкой военной гимназии, должно было отказаться от перенесения этой гимназии, в настоящем её виде, в другой пункт и вынуждено, затем, было обратиться к устройству нескольких открытых заведений в различных местностях. Но и при этом условии, на расходы по устройству помещения для таких заведений, по составленному приблизительному расчёту, потребовалось бы от 400 до 450 тыс. руб.

В виду этого расхода, Главное управление военно-учебных заведений обратилось к подробной оценке зданий Полоцкой военной гимназии с целью выяснить, в праве ли оно, в случае уступок этих зданий, просить затем об отпуске указанной выше суммы, хотя бы частями. Составленный по этому предмету расчёт показал, что стоимость одних только каменных зданий, заключающих в себе около 16 085 куб. саж., при постройке их вновь, равнялась 960 тыс. руб. Если же оценивать эти здания, соображаясь с настоящим их состоянием, то и тогда действительную стоимость одной кубической сажени следовало считать, по меньшей мере, в 50 руб., а ценность всех зданий в 800 тыс. руб.

Таким образом, если бы ведомство военно-учебных заведений потребовало бы за здания Полоцкой военной гимназии не более 400 000 руб., которые должны были понадобиться, в случае устройства, взамен этой гимназии, несколько открытых заведений, то оно получило бы только половину настоящей, даже несколько пониженной, стоимости указанных зданий и потому требование это было бы очень умеренно. Но в виду общей государственной пользы, которую следовало ожидать от устройства университета в СЗК, и принимая во внимание, что ГК может затрудниться в единовременном отпуске 400 000 руб., военное ведомство, желая способствовать скорейшему открытию университета и облегчить, по возможности, ГК, согласно было получить, на первый раз, в счёт указанной суммы (400 000 руб.) половину, т. е. 200 000 руб., в течении 2-х лет, 1873 г. и 1874 г. по 100 000 руб. ежегодно; ассигнование же остальной суммы отложить до разъяснения действительной в том надобности. При этом военное ведомство признало необходимым поставить условием, чтобы указанные суммы были ассигнуемы особо от общего кредита, назначаемого по смете, на основании установленных для этого правил [1, л. 10–11 об.].

18 марта 1873 г. Д.А. Толстой обратился к министру финансов о неимении с его стороны препятствий к испрошению в установленном законодательстве порядке высочайшего соизволения об отпуске военному ведомству 200 000 руб. из ГК взамен зданий Полоцкой военной гимназии, предполагаемых к передаче со всей принадлежащей к ним землёй под помещение университета, с ассигнованием кредита военному ведомству в течении 1873 и 1874 гг. для устройства военно-учебных заведений, вместо Полоцкой военной гимназии. Положение несколько усугубилось вскрывшимися последствиями

пожара, произошедшего в Полоцкой военной гимназии в 1871 г., в ходе которого значительно пострадал один из флигелей, где размещались квартиры служащих.

Согласно выписке из журнала высочайше учреждённого комитета для рассмотрения отчёта МНП за 1873 г., при обсуждении вопроса об учреждении нового университета, по мнению комитета, нельзя было не указать на приводимый самим министром факт, что в существующих русских университетах в отчётном году недоставало 135 преподавателей. В виду такого убедительного явления, равно при неимении в существующем Новороссийском университете целого медицинского факультета, едва ли было своевременным учреждать новый университет и не лучше ли было неизбежный в его устройстве расход обратить, хоть частью, в необходимое пособие существующим университетам, как для успешного приготовления преподавателей, так и на учреждение в Новороссийском университете столь необходимого медицинского факультета, т. к. в медиках ощущался повсеместный недостаток. На что Д.А. Толстой парировал, что и без медицинского факультета множество студентов поступали в Новороссийский университет лишь на один год, на физико-математический факультет, а затем переходили на медицинский факультет в г. Киев и г. Харьков. И именно это явление служило лучшим доказательством необходимости этого факультета в г. Одесса, для которого город с 200 000 населением представляет вполне достаточный клинический и анатомический материал. В виду такого положительного отзыва министра, комитет, считая основание в Новороссийском университете медицинского факультета неотложно необходимым, полагал Д.А. Толстому немедленно войти в сношение по данному предмету с министром финансов для скорейшего осуществления намеченного учреждения медицинского факультета при Новороссийском университете, что и по мнению ЕИВ было весьма желательно [1, л. 17 об.-22].

Проект учреждения русского университета в г. Полоцке, инициированный Д.А. Толстым в 1872 г. и одобренный Александром II, представляет собой яркий пример поиска имперской администрацией оптимальных форм распространения высшего образования в Северо-Западном крае. Выбор Полоцка вместо Вильно был продиктован стремлением дистанцироваться от «вредных» воспоминаний о польском Виленском университете и создать высшее учебное заведение в среде, более благоприятной для утверждения «русских начал». Однако реализация проекта столкнулась с серьёзными трудностями ведомственного и финансового характера. Военное ведомство, хотя и выразило готовность уступить здания Полоцкой военной гимназии, запросило значительную компенсацию, что в условиях ограниченности государственных средств поставило под сомнение возможность скорейшего открытия университета. Кроме того, параллельно возникшая дискуссия о необходимости учреждения медицинского факультета в Новороссийском университете и общем кадровом дефиците в существующих университетах отвлекла внимание от полоцкого проекта. В итоге замысел Д.А. Толстого так и не был воплощён в жизнь, уступив место другим приоритетам образовательной политики. Тем не менее, рассмотренный эпизод позволяет лучше понять сложность и многогранность процесса принятия решений в сфере высшего образования Российской империи, а также те противоречия, с которыми сталкивалась государственная политика на западных окраинах.

Список литературы

1. Дело об учреждении университета в Полоцке (23 декабря 1872 г. – 30 октября 1873 г.) // РГИА. – Фонд 733. – Оп. 147. – Д. 1073. – 30 л.

УДК 94(47).083:37.014

**РОЛЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ СРЕДНЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО
МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ ОБ ОТКРЫТИИ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ В Г.
НОВОГРУДКЕ МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Ганчар Наталия Петровна, учитель-методист
Гимназия № 9 им. Ф.П. Кириченко, Гродно, Беларусь
gancharnatalya@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс инициирования и финансирования открытия правительственной мужской классической гимназии в уездном городе Новогрудке Минской губернии в 1912–1915 гг. Анализируется взаимодействие городского упрощенного общественного управления, уездного земства и органов Министерства народного просвещения. Особое внимание уделяется мотивации принятия финансовых обязательств местными органами самоуправления, рассматриваемой как необходимое условие для удовлетворения ходатайства перед правительством. В статье также раскрывается социально-экономический и этноконфессиональный контекст региона, обосновывавший потребность в открытии среднего учебного заведения.

Ключевые слова: Российская империя, образование, Минская губерния, Новогрудок, земство, самоуправление, Северо-Западный край

**THE ROLE OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE DEVELOPMENT OF
SECONDARY EDUCATION IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE
20TH CENTURY (BASED ON CORRESPONDENCE REGARDING THE OPENING OF A
MEN'S GYMNASIUM IN THE TOWN OF NOVOGRUDOK, MINSK PROVINCE)**

Hanchar Natalya Petrovna, Teacher-Methodologist
Gymnasium No. 9 named after F.P. Kirichenko, Grodno, Belarus
gancharnatalya@yandex.ru

Abstract. The article examines the process of initiating and financing the opening of a state-run classical men's gymnasium in the district town of Novogrudok, Minsk Province, in 1912–1915. It analyzes the interaction between the simplified municipal administration, the district zemstvo, and the bodies of the Ministry of Public Education. Particular attention is paid to the motivation behind the assumption of financial obligations by local self-government bodies, viewed as a necessary condition for the approval of their petition to the government. The article also reveals the socio-economic and ethno-confessional context of the region, which substantiated the need for opening a secondary educational institution.

Keywords: Russian Empire, education, Minsk Province, Novogrudok, zemstvo, self-government, Northwestern Krai

Вопросы развития народного образования в дореволюционной России традиционно решались при активном участии органов местного самоуправления – земских собраний и городских дум. Особое значение эта деятельность приобретала на окраинах империи, в том числе в Северо-Западном крае, где образовательная политика переплеталась с задачами государственной интеграции региона. В данном контексте изучение локальных инициатив по открытию средних учебных заведений позволяет не только реконструировать процесс становления образовательной сети, но и выявить механизмы взаимодействия местной власти, общества и правительственных структур. Цель данной статьи – проанализировать роль

Новогрудского городского общественного управления и уездного земства в процессе открытия правительственной мужской классической гимназии в 1912–1915 гг. Источниковую базу исследования составляют неопубликованные архивные материалы – переписка между городским старостой, уездной земской управой, инспектором народных училищ и попечителем Виленского учебного округа, отражающая ход обсуждения и условия принятия финансовых обязательств местными властями.

Собрание городских уполномоченных в очередном своём заседании, состоявшемся 28 августа 1912 г., в составе 10 лиц, под председательством городского старосты слушало отношение Новогрудской уездной земской управы от 24 июля 1912 г. за № 3424, в котором она излагала, что в пособие на постройку здания для предполагаемой к открытию земской 4-х классной мужской прогимназии с правами правительственных г. Новогрудком ассигновано 4 000 и решено дать плац для этой постройки, но так как частной прогимназии прав правительственных дано быть не могло, то земская управа предполагала внести на обсуждение вопрос об открытии в г. Новогрудке правительственной мужской гимназии с пособием, как того требовало циркулярное распоряжение министра народного просвещения, от земства и города. В виду изложенного, земская управа просила городское общественное управление о сообщении ей, на какую сумму город мог увеличить ассигнование в единовременное пособие при открытии правительством гимназии и какое могло быть ежегодное пособие на содержание гимназии, если не потребуется отпуск городом плаца для постройки здания, так как для помещения её могли послужить здания бывшего винного склада, занятые городским училищем.

Из постановления собрания городских уполномоченных, состоявшегося 2 декабря 1911 г., видно, что в пособие земству на постройку здания для предполагаемой к открытию 4-х классной мужской прогимназии с правами правительственных городом ассигновано было единовременно 4 000 руб. и отведён плац земли на Замковой горе.

Выслушав указанное отношение и найдя, что в пособие на открытие в г. Новогрудке правительственной мужской гимназии город, по недостатку средств, не в состоянии дать единовременно более 4 000 рублей и что на содержание той же гимназии может дать ежегодно пособие в 1 000 руб., собрание городских уполномоченных постановило: в случае открытия в г. Новогрудке правительственной мужской гимназии ассигновать из городских средств в пособие правительству, вместо предполагаемой выдачи в пособие земству, единовременно 4 000 руб. и на содержание той же гимназии выдавать из тех же средств ежегодно пособие в 1 000 руб., о чём и сообщить Новогрудской уездной управе [1, л. 18–18 об.].

4 октября 1912 г. Новогрудское упрощённое городское общественное управление (городской староста Островский) уведомило Новогрудскую уездную земскую управу, что постановление собрания городских уполномоченных, состоявшееся 28 августа 1912 г., о выдаче городом пособия при открытии в г. Новогрудке полной правительственной мужской гимназии, пропущено минским губернатором к исполнению 25 сентября 1912 г. за № 2319 [1, л. 8].

Вопрос об открытии в г. Новогрудке полной правительственной мужской гимназии был решён в положительном смысле вторым очередным уездным земским собранием в заседании 18 ноября 1912 г. с ассигнованием в пособие казне на содержание этого учебного заведения ежегодно по 3 000 руб. В ассигновании же единственного пособия, как того требовало МНП, было отказано. Это постановление земского собрания могло затормозить открытие гимназии, так как могло быть поставлено на очередь отдалённого будущего. Инспектор народных училищ Новогрудского уезда считал, что правительство скорее открывает средние учебные заведения там, где местные органы самоуправления давали единовременно и ежегодно больше средств на учебное заведение. Следовательно, чем больше имелось городских и земских ассигнований, тем больше шансов было на открытие правительством в г. Новогрудке полной классической мужской гимназии, в чём как г.

Новогрудок, так и Новогрудский уезд в особенности сильно нуждались. Новогрудский уезд являлся одним из самых населённых в Минской губернии, а между тем в нём не было ни одного среднего учебного заведения, и дети беднейшего населения уезда, как бы они не были способны, какое бы не имели сильное желание продолжать образование, должны были остаться при том, что получили в начальной школе, так как родители не в состоянии были содержать их в средних учебных заведениях отдалённых городов. Если существовавшая в г. Новогрудке с 1859 г. по 1862 г. и закрытая по политическим соображениям, потерявшая всякое значение, имела вполне достаточным контингент учащихся, то о потребности в этом учебном заведении для новогрудского уезда вообще и г. Новогрудка в частности сейчас, когда все классы населения стремились к образованию, не приходилось и говорить. Нужно было сделать всё зависящее, чтобы ускорить открытие гимназии. Сам г. Новогрудок, совершенно бедный материально, сознавая эту потребность, в заседании 10 апреля 1913 г. выразил согласие отпускать, кроме ранее ассигнованных на гимназию 4 000 руб. единовременно и по 1 000 руб. ежегодно, по 1 200 руб. на наём помещения для высшего начального училища (здание бывшего винного склада), впредь до постройки собственного здания для этого училища и вместе с тем возбудил ходатайство перед земством, чтобы и оно, для ускорения открытия гимназии в г. Новогрудке, пришло на помощь казне единовременным ассигнованием.

По докладу № 75 Новогрудской уездной земской управы на III очередном уездном земском собрании управа полагала необходимым ассигновать правительству единовременное пособие на открытие в г. Новогрудке полной классической мужской гимназии 10 000 руб., т. е. именно ту сумму, которая испрашивалась на это предмет в 1912 г.

По прочтении доклада в заседании 18 ноября 1913 г. земским собранием, согласно заключению сметной комиссии, единогласно была принята сумма 10 000 руб. с тем, чтобы в случае отклонения правительством ходатайства об открытии гимназии ассигнование это было перечислено в ресурсы земства. При этом председатель собрания указал на желательность уполномочия кого-либо для поддержания этого ходатайства лично. Собрание единогласно просило принять на себя ходатайство председателя земского собрания М.А. Барсукова и председателя земской управы В.П. Ярошевского [1, л. 17–17 об.].

Собрание городских уполномоченных в экстренном своём заседании, состоявшемся 10 апреля 1913 г., в составе 13 лиц, под председательством городского старосты, слушало отношение инспектора народных училищ Минской губернии Новогрудского уезда от 7 апреля 1913 г. за № 1012, в котором сообщалось, что директор народных училищ Минской губернии предложением от 4 апреля 1913 г. за № 3014, требуя донести о месте перевода городского училища в случае помещения в зданиях бывшего казённого винного склада проектируемой в г. Новогрудке правительственной мужской гимназии, а также можно ли найти квартиру для городского училища и кто будет платить за неё, просил городское общественное управление о ежегодном ассигновании из городских средств по 1 200 руб. на наём помещения под Новогрудское городское мужское училище, в случае открытия в г. Новогрудке в зданиях бывшего казённого винного склада, занимаемых училищем, правительственной мужской гимназии.

Выслушав изложенное и приняв во внимание стремление жителей г. Новогрудка к открытию в нём правительственной мужской гимназии, крайне необходимой для города во всех отношениях, собрание городских уполномоченных нашло возможным удовлетворить ходатайство инспектора народных училищ по Новогрудскому уезду, а потому постановило: если вопрос об открытии в г. Новогрудке правительственной мужской гимназии в зданиях бывшего казённого винного склада будет решён установленной властью в положительном смысле и преступлено будет к приспособлению этих зданий под помещение гимназии, то городское общественное управление обязуется отпускать ежегодно по 1 200 руб. в год для найма временного помещения под Новогрудское городское мужское училище, занимающее те же здания, впредь до постройки правительством для данного училища собственного

здания [1, л. 19–19 об.].

Возвращая присланное при надписи от 25 февраля 1913 г. за № 8021 представление минского губернатора, от 8 февраля 1913 г. за № 464, с следующими к нему приложениями (см. таблицу 1), по ходатайству Новогрудского уездного земства об открытии в г. Новогрудке правительственной мужской гимназии, попечитель ВУО 22 мая 1913 г. за № 12378 сообщил в Департамент народного просвещения нижеследующее.

В Новогрудском уезде числилось 297 255 человек населения, которые по вероисповеданиям распределялись следующим образом: 233 961 православных, 27 старообрядцев, 33 610 римско-католиков, 345 протестантов, 488 магометан и 28 824 иудеев. В самом г. Новогрудке по последним статистическим данным насчитывалось 1 620 православных, 708 римско-католиков, 17 протестантов, 545 магометан и 5 524 иудеев.

Никаких правительственных средних учебных заведений ни в г. Новогрудке, ни в Новогрудском уезде не имелось. В м. Барановичах новогрудского уезда существовала одна только мужская 4-кл., с правами для учащихся, прогимназия и две 4-кл., с правами для учащихся, женские прогимназии в г. Новогрудке и в м. Барановичах. Существовавшие учебные заведения никоим образом не могли удовлетворить нужд населения в среднем образовании. Жителям, в силу необходимости, приходилось отправлять детей в средние учебные заведения, расположенные в лежавших вблизи городах, но и в этом отношении г. Новогрудок и Новогрудский уезд находились в очень невыгодных условиях., так как вблизи их не было средних учебных заведений: ближайшая Слуцкая правительственная мужская гимназия находилась от г. Новогрудка на расстоянии 166 км, при чём г. Слуцк не был соединён с г. Новогрудком железной дорогой.

Таким образом, вопрос об открытии среднего учебного заведения для обслуживания нужд населения г. Новогрудка и его уезда вполне назрел.

Новогрудское земство, возбуждив ходатайство об открытии в г. Новогрудке полной правительственной мужской гимназии в здании бывшего казённого винного склада, приняло на себя обязательство в случае удовлетворения этого ходатайства отпускать из своих средств в помощь правительству на содержание гимназии по 3 000 руб. в год. Кроме того, городом ассигновано было 4 000 руб. и ежегодно по 1 000 руб. Таким образом на открытие мужской правительственной гимназии в г. Новогрудке отпущено было единовременно 4 000 руб. и по 4 000 руб. ежегодно. По донесению директора народных училищ Минской губернии в зданиях бывшего казённого винного склада, могла свободно поместиться гимназия в первые годы своего существования, вплоть до развития в шестиклассный состав, а затем здания должны были расширить, что было вполне возможно при той значительной площади земли, какую занимали здания бывшего казённого винного склада.

Новогрудское городское 4-х классное училище помещалось в зданиях бывшего склада временно, и было крайне желательно, по мнению попечителя ВУО Алексея Андреевича Остроумова, в ближайшем будущем построить под городское училище отдельное здание, в виду того, что здания склада были слишком обширны для городского училища и не приспособлены. Кроме того, городское училище, помещаясь в зданиях бывшего казённого винного склада, не могло, по недостатку средств, содержать их в порядке, вследствие чего здания приходили в ветхость.

Если в зданиях была бы помещена проектируемая гимназия, то новогрудское городское общественное управление обязалось ассигновать ежегодно на наём для городского училища помещение впредь до постройки для него собственного здания по 1 200 руб. в год и постановление управления по этому предмету было утверждено минским губернатором 7 мая 1913 г.

При обсуждении вопроса об открытии в г. Новогрудке мужской правительственной гимназии в Новогрудском земском собрании представитель от духовенства, о. Лавр Кляевский, высказал мнение, что в зданиях бывшего казённого винного склада, где помещалось 4-кл. мужское городское училище, могло быть открыто и высшее женское

начальное училище. Новогрудское земство в том же собрании постановило возбудить ходатайство об открытии в г. Новогрудке высшего женского начального училища и ассигновало на наём помещения под проектируемое училище по 1 500 руб. ежегодно и 1 000 руб. единовременно на оборудование. Таким образом, вопрос об открытии в г. Новогрудке высшего женского начального училища не мог быть, по убеждению попечителя ВУО, препятствием к передаче зданий бывшего казённого винного склада под проектируемую правительственную мужскую гимназию. В виду всего изложенного, попечитель ВУО А.А. Остроумов ходатайство второго очередного Новогрудского уездного земского собрания об открытии в г. Новогрудке полной правительственной мужской гимназии признал заслуживающим удовлетворения [1, л. 10–12 об.].

Таблица 1 – Штат 4-х классной мужской прогимназии с одним древним (латинским) языком [1, л. 12]

Наименование должностных лиц	Число лиц	Число уроков	Содержание в год (руб.)			
			Жалованье	Столовые	Квартирные	Всего
Инспектор	1	–	1350	1350	675	3375
Законоучитель	1	8	–	–	–	600
Учителя:						
русского языка	1					
латинского языка	1					
математики	1	88	–	–	–	6600
истории и географии	1					
немецкого языка	1					
французского языка	1					
рисования и чистописания	1	7	540	–	–	540
За уроки природоведения	–	6	–	–	–	450
Классные наставники	–	–	–	–	–	2400
Помощники классных наставников	1	–	300	300	150	750
На расходы по обучению физическим упражнениям, пению и играм	–	–	–	–	–	500
Врач	1	–	480	–	–	480
Письмоводитель	1	–	300	300	150	750
Секретарь педагогического совета	1	–	–	–	–	120
Библиотекарь	–	–	–	–	–	180
На канцелярские расходы	–	–	–	–	–	100
На учебные пособия	–	–	–	–	–	200
На содержание дома	–	–	–	–	–	1500
Итого	–	109	–	–	–	18545
А при готовых квартирах						17570
Кроме того, потребуется на наём здания, собственно, под прогимназию						1000
Всего ежегодно потребуется на содержание 4-х классной прогимназии						19545

21 февраля 1914 г. помощник попечителя ВУО сообщил в ДНП, что г. Новогрудок был включён в число пунктов, в которых управлением ВУО признавалась необходимость открытия правительственной мужской гимназии и что по этому предмету сделано представление министру народного просвещения за № 5118 [1, л. 22].

14 апреля 1914 г. Новогрудский уездный предводитель дворянства М.А. Барсуков позволил себе обратиться к члену Государственной Думы Владимиру Митрофановичу Пуришкевичу с просьбой поддержать его ходатайство перед министром народного просвещения об открытии правительственной мужской гимназии в г. Новогрудке в ближайший срок. В ней он отметил возбуждение перед министром народного просвещения Л.А. Кассо в феврале 1914 г. ходатайство об открытии в г. Новогрудке правительственной мужской классической гимназии. Министр, принявши от М. Барсукова докладную записку и не дав определённого согласия на открытие гимназии в будущем 1915 г., высказал предположение о возможности открытия таковой в 1916 г. и вместе с тем посоветовал открыть гимназию в 1915 г. за местные средства, с тем, что она в 1916 г. может быть принята МНП. Опасаясь, по некоторым соображениям, что новогрудское земское собрание не согласится последовать совету министра, М. Барсуков счёл себя не в праве принять этот совет.

Далее М.А. Барсуков сообщал, что, по его сведениям, Новогрудская гимназия не только не будет открыта в 1915 г., но вряд ли и в 1917 г., что было равносильно совершенному отказу. Между тем Новогрудский уезд являлся одним из самых густонаселённых уездов Минской губернии, где народонаселение, как и везде в Западном крае, было смешанное, а именно: православных – 235 580, католиков – 34 318 и иудеев – 34 348 душ. Крупное же и среднее землевладение принадлежало преимущественно польскому населению, которое, не имея по близости среднего учебного заведения, по утверждению М. Барсукова, может быть и вынуждено было посылать своих детей для воспитания в очаги полонизма, как г. Вильно, г. Варшава и даже за границу – г. Львов и г. Краков, откуда подраставшее молодое поколение возвращалось на родину со взглядами и направлениями далеко не соответствовавшими обрусению края, а наоборот, ярыми поляками, преследующими самые шовинистические цели. Русское население, по отношению воспитания детей, в материальном отношении, поставлено было, по оценке М. Барсукова, в более затруднительное положение чем поляки: русский элемент в уезде – преимущественно служивый люд, который, при получаемом скудном содержании, не мог воспитывать детей на стороне, почему лучшие работники уезда вынуждены были уходить.

Новогрудский уезд, а в особенности густо населённая северная его часть и в частности г. Новогрудок, будучи удалён от железных дорог, не мог пользоваться средними учебными заведениями, находившимися даже в пределах губернии, да к тому же все гимназии были настолько переполнены, как, например, ближайшая Слуцкая, которая вынуждена была открыть параллельные классы, что для посторонних воспитанников безусловно места не имелось [1, л. 26–27].

26 июня 1915 г. новогрудский уездный предводитель дворянства уведомил заведующего отделом средних учебных заведений Ивана Ивановича Гливенко, что 10 марта 1915 г. за № 1025 им вновь было возбуждено ходатайство перед министром народного просвещения об открытии полной классической гимназии в г. Новогрудке. Не получая никакого извещения по вопросу, являвшегося более чем жгучим для уезда и по которому он постоянно получал запросы от населения, уездный предводитель дворянства позволил себе вновь обратиться к И.И. Гливенко с просьбой поставить его в известность о судьбе своего ходатайства [1, л. 33].

Таким образом, инициатива открытия правительственной мужской гимназии в г. Новогрудке исходила от местных органов самоуправления, которые осознавали острую потребность населения в доступном среднем образовании. Эта потребность усугублялась географической удаленностью от существовавших гимназий и высоким демографическим потенциалом уезда. Решающим фактором для положительного решения вопроса со стороны МНП являлась финансовая поддержка со стороны города и земства. В процессе переписки ярко проявились не только хозяйственные, но и политические мотивы. Как следует из обращения уездного предводителя дворянства М.А. Барсукова, открытие русской правительственной гимназии рассматривалось как инструмент противодействия полонизации края и воспитания подрастающего поколения в верноподданническом духе.

Список литературы

1. Дело об открытии в городе Новогрудке Минской губернии мужской гимназии (14 февраля 1913 г. – 26 июня 1915 г.) // РГИА. – Фонд 733. – Оп. 168. – Д. 509. – 34 л.

УДК 94 (470.319) "19/..." : 061.235

КРУЖКИ СИОНИСТОВ ВНЕ ЧЕРТЫ ОСЕДЛОСТИ В НАЧАЛЕ XX В. (НА МАТЕРИАЛЕ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Гуларян Артем Борисович¹, кандидат исторических наук, доцент

Лобкова Надежда Александровна², старший преподаватель

^{1,2} Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина, Орел, Россия

¹ agularyan@yandex.ru ² starsaber-57@yandex.ru

Аннотация. На основе собранных архивных документов в статье рассматривается процесс распространение сионистских идей и создание сионистских организаций в Орловской губернии в начале XX в. Показано, что, несмотря на усилия сионистских активистов, это движение так и не стало влиятельным в еврейской среде. Деятельность подобных кружков в Брянске, Ельце и Орле свелась к сбору денег с проживающих в этих городах евреев в национальный фонд. После начала Первой русской революции и раскола в движении «Поалей-Цион» его политические активисты, проживающие на территории губернии, разошлись по разным политическим партиям.

Ключевые слова: сионизм, политическое движение, партийное строительство, Центральная Россия.

ZIONIST CIRCLES OUTSIDE THE PALE OF SETTLEMENT IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY (BASED ON THE MATERIAL OF THE OREL PROVINCE)

Gularyan Artyom Borisovich¹, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Lobkova Nadezhda Alexandrovna², Senior lecturer

^{1,2} Oryel State Agrarian University named after N.V. Parakhin, Oryel, Russia

¹ agularyan@yandex.ru ² starsaber-57@yandex.ru

Abstract. Based on the collected archival documents, the article examines the process of spreading Zionist ideas and the creation of Zionist organizations in the Orel province in the early twentieth century. It is shown that, despite the efforts of Zionist activists, this movement has not become influential in the Jewish community. The activities of such circles in Bryansk, Yelets and Orel were limited to collecting money from Jews living in these cities to the national fund. After the outbreak of the First Russian Revolution and the split in the Poale Zion movement, its political activists living in the province dispersed to different political parties.

Keywords: Zionism, political movement, party building, Central Russia.

Среди населяющих Российскую империю национальных меньшинств наибольшую политическую активность проявляли евреи. Еврейская молодежь пополняла обе революционные партии – социал-демократов и социалистов-революционеров. Радикально настроенные молодые люди шли в анархисты. Представители более старшего поколения связывали свое будущее с партией конституционных демократов. Но, кроме того, имелись и собственно национальные политические еврейские организации – «Бунд» и «Поалей-Цион» с собственной националистической идеологией.

Еще в 1900 г. еврейские журналисты Бер Борохов и Шимон Добин организовали в Екатеринославе организацию «Поалей Цион» («Рабочие Сиона»), пытавшуюся совместить идеалы социализма с сионизмом. В 1901-1902 г. организации социалистов-сионистов возникли в Варшаве, Вильно, Витебске, Двинске, Одессе и других городах «черты оседлости». Первоначально эти формирования не имели определенной программы и организационных связей друг с другом. Некоторые из этих организаций объявляли себя

марксистскими, другие – народническими. Среди сионистов были свои «большевики» и «меньшевики»: большинство выступало за создание самостоятельного еврейского государства в Палестине, меньшинство считало перспективным создание своего государства в Уганде или Месопотамии [3]. На основе кружков «Поалей Цион» в 1904-1906 годах в России были созданы три партии – Сионистско-социалистическая рабочая партия, Социалистическая еврейская рабочая партия, Еврейская территориалистическая рабочая партия. Сама партия «Поалей Цион» закрепила за собой название Еврейская социал-демократическая рабочая партия [3].

Орловская губерния не входила в пресловутую «черту оседлости». Тем не менее, здесь проживали достаточно крупные еврейские общины, имевшие свои молитвенные дома, школы и общественные организации. Они составляли самое многочисленное национальное меньшинство Орловской губернии – по Первой всеобщей переписи населения 1897 г. евреев насчитывалось 6 113 человек или 0,3 % населения [2, XI-XII, 11.]. С 1885 года в Орле, на Московской улице сначала в доме Агошковой, потом в доме Коновалова действовала иудейская молельня (миква), позже замененная синагогой. Раввинами еврейской общины последовательно были А.Корпаносов (отставной унтер-офицер), И.Ш. Воронов, Я.Б. Каценельсон. При синагоге имела начальная школа – хедер. Кроме того, Я.Б. Каценельсон издавал за свой счет небольшим тиражом журнал «Пальма» на идише [1, 426]. Подобный же молитвенный дом существовал в Ельце. Раввином елецкой еврейской общины был С.В. Рабинович.

В самом начале XX в. на территории Орловской губернии стали возникать сионистские кружки - доктора Гольдберга в Ельце (1900 г.), доктора Гуровича и инженера Боровича в Брянске (1902 г.) и кружок Слонима и Фейденштейна в Орле (1903 г.). Общее число известных властям активистов сионистского движения не превышало одиннадцати человек [5, 1]. Тем не менее, орловские сионисты даже выбрали своего делегата на международный конгресс «Поалей Циона» в Базеле в августе 1903 г. – доктора М.Л. Гольдберга [5, 11об].

Орловские сионисты сосредоточились на сборе денежных средств с местного еврейского населения для пополнения национального еврейского фонда. Каждый еврей должен был сдать в фонд 40 копеек в год. Была предусмотрена сложная система учета и проверки, исключающая хищение денег: например, деньги, собранные в Ельце доктором М.Л. Гольдбергом пересылались в Киев местному представителю «Поалей Цион» Альденшту (или Альштинуту?), который отсылал в Елец квитанции на полученную сумму. Квитанции раздавались плательщикам взносов, а корешки от квитанций в свою очередь отсылались в Москву контролеру сборов, некоему Члену [5, 10-10об, 29].

Сионисты верили, что им удастся сплотить всех евреев, проживающих в Орловской губернии. В доверительной беседе с полицмейстером города Ельца М.Л. Гриневым лидер местных сионистов доктор М.Л. Гольдберг якобы утверждал (согласно рапорту самого полицмейстера): «Все проживающие в Ельце евреи будут сионистами. Серую массу евреев подбить и убедить к тому не трудно на том основании, что сионистское движение вполне согласуется с религией евреев. Стоит только повлиять на серую среду в религиозном направлении. Слово «Сион» оплакивается евреями и теперь. По предсказанию пророка евреи опять должны вернуться к Сиону» [5, 10об]. Любопытно, что деятельность сионистов в губернии осталась без административных последствий для их активистов. Более того, врач М.Л. Гольдберг в 1902 г. был награжден орденом Станислава 3-й степени за заслуги перед Попечительным обществом о Доме трудолюбия в Ельце [4, 26].

Возможно, это объясняется тем, что, не смотря на мечты Макса Гольдберга, движение социалистов-сионистов не сумело завоевать серьезного влияния в местных еврейских общинах. Так, в 1906 г. Орловское губернское жандармское управление сообщало Департаменту Полиции, что местная организация «Поалей-Цион», хотя устраивает свои собрания регулярно, остается очень малочисленной и слабой. Из рапорта явствует, что

наблюдение за организацией осуществляется с помощью внутренней агентуры [6, 143]. Более интересен повод, благодаря которому появился этот рапорт.

В декабре 1905 г. на конференции поалей-ционистских организаций в Бердичеве произошел раскол на «сионистов-палестинофилов» и «сеймовцев». Причиной стали споры по вопросу о национальной автономии в диаспоре. «Палестинофилы» сосредоточились на построении будущего еврейского государства в Палестине и считали борьбу за национальную автономию в диаспоре второстепенной задачей. Сеймовцы же считали достижение национальной автономии первым шагом к новому еврейскому государству. В результате произошедшего раскола были созданы две новые политические партии. Сеймовцы создали свою собственную организацию – Социалистическую еврейскую рабочую партию (СЕРП), выступавшую во время Первой русской революции в коллаборации с Партией социалистов-революционеров. Палестинофилы приняли название Еврейская социал-демократическая рабочая партия «Поалей Цион». Отзвуки этой борьбы докатились и до Орла.

В апреле 1906 г. Московское охранное отделение агентурным путем получило письмо неизвестного отправителя, подписавшегося «Твой Лев», адресованное в Рязань А.Ц. Кантеру. Именно это письмо вызвало обеспокоенность Департамента Полиции и запрос Орловскому ГЖУ о состоянии сионистского движения в Орле. Содержание письма можно назвать сенсационным не только для царских жандармов, но и современных историков. Ниже оно приводится полностью:

«Как ты уже знаешь, значительная часть поалей-ционистских организаций, вернее, комитетов (масса еще «упрямится», по мнению сеймистов) перешла к возрожденцам (имеется в виду группа поалейционистов-территориалистов «Возрождение», созданная в 1903 г. – прим. Авт.) – из 20 000 более половины (так в тексте – прим. Авт.). В Москву тоже явились двое и старались и здесь склонить в сторону сейма, и, кажется, Коган примкнет к ним. Из оставшихся образовал группу Поалей-ционал (человек 10) которая при благоприятных условиях имеет шансы разрастись. Моей целью было, есть и будет послужить делу объединения и сплочения всех поалей-ционистских организаций. Начал я с групп, находящихся в Центральной России, возможно, что в скором времени удастся созвать съезд всех внечертовских групп и объединить их (всего таких групп я знаю 12-16). В субботу в Орле состоится конференция для выработки программы съезда, назначения места и времени его. Присутствовать будут представители Орла, Брянска, Тулы, Нижнего, Воронежа, Москвы, может быть, еще одного-двух пунктов. Решение принято только на этих двух днях. Орловская группа представила только пять мест; поэтому я не мог пригласить представителей более мелких пунктов, в том числе Рязани. Но на съезде ты обязательно должен быть. Напиши, когда и где его созвать»[6, 141].

Приведенное письмо хорошо иллюстрирует борьбу между сеймовцами и палестинофилами за влияние на местные сионистские комитеты. При этом автор письма, активист сионистского движения, ведет большую работу по объединению организаций «Поалей-Циона» вне черты оседлости и желает посоветоваться с другим таким же активистом, Абрамом Целестиновичем Кантером по поводу проведения съезда сионистских организаций вне «черты оседлости». Установить личность Льва пока не представляется возможным. По поводу его адресата можно предположить, что он является Абрамом Целестиновичем Кантером (Кантором), 1887 г. рождения, осужденным 9 января 1926 г. Особым совещанием при коллегии ОГПУ к ссылке на три года в Томскую губернию за антисоветскую деятельность [8].

Из письма явствует также, что Орловская организация «Поалей-Цион» сыграла важную роль в подготовке такого съезда. Здесь была намечена на одну из суббот апреля 1906г. конференция, призванная выработать его программу. Само письмо Льва датируется 12 апреля 1906 г. Нехитрый подсчет подсказывает, что ближайшая к этой дате суббота – 14 апреля 1906 г. Это заставляет предположить, что конференция сионистов в Орле, с участием

представителей Москвы, Нижнего Новгорода, Воронежа, Тулы и Брянска, состоялась, не потревоженная жандармами. Аппарат политического сыска просто не успевал среагировать на полученную им «горячую» информацию.

Если Орловская группа «Поалей-Циона» присоединилась к строящейся Еврейской социал-демократической рабочей партии, то сионистские группы Брянска и Ельца примкнули к Еврейской территориалистической рабочей партии. В 1908 г. в Орловское ГЖУ поступает информация о том, что М.Л. Гольдберг стал главным руководителем Еврейского территориалистического общества в Орловской и смежной с ней губерниях, и, состоит в переписке с Исполнительным комитетом Еврейской территориалистической рабочей партии [1, 255-256]. К этому же времени относится возникновение второй национальной организации Еврейского территориалистического общества - Брянского городского и станции «Брянск» комитета ЕТО [7, 45].

В июле 1908 года Еврейская территориалистическая партия была официально запрещена МВД [3; 7, 145].

Таким образом, идеи политического сионизма начали распространяться не только в местах проживания евреев, но и вне черты оседлости в начале XX в. Архивные документы доказывают, что кружки партии «Поалей-Цион» существовали в каждом крупном городе Центральной России, в котором наличествовала еврейская община. Однако, несмотря на деятельность политических активистов, по настоящему влиятельным в еврейской среде сионизм в это время так и не стал. Резкий толчок развитию сионизма дала Первая русская революция, в ходе которой на основе аморфного «Поалей-Циона» сформировались четыре политические партии со своими программами действий. Детальный анализ этих программ не входил в задачи представленной статьи, но можно утверждать, что программа Социалистической еврейской рабочей партии лежала в русле неонароднических идей, а тактика приближалась к эсеровской, а программа Еврейской социал-демократической рабочей партии была выдержана в духе ортодоксального марксизма. То есть левосионистское политическое движение находилось под влиянием более мощных и более распространенных идеологий.

Список литературы

1. Дореволюционные самостоятельные общественные организации Орловской губернии. Словарь-справочник / Сост. А. Б. Гулярян. - Орёл: Изд-во Орел ГАУ, 2015. - 498 с.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи в 1897 г. Т. XXIX. Орловская губерния – СПб., Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. – 259 с.
3. Политические партии России: конец XIX - первая треть XX века. / Редкол. В. В. Шелохаев (отв. ред.) и др. - М.: Росспэн, 1996. – 800 с.
4. ГАОО. Ф.580. Ст.1. Д.3778.
5. ГАОО. Ф.580. Ст.1. Д.4239.
6. ГАОО. Ф.883. Оп.1. Д.307.
7. ГАОО. Ф.883. Оп.1. Д.478.
8. <https://nkvd.tomsk.ru/projects/Sibirjakinevolnye/WyjavlenyeSpiski/k/>

УДК 94(571.51):929

ОТ ФАЛАНСТЕРА К ПРАВОЗАЩИТНОЙ ПРАКТИКЕ: КРАСНОЯРСКИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. В. ПЕТРАШЕВСКОГО

Латышева Елизавета Олеговна¹, студент

Митясова Светлана Александровна², студент

^{1,2} Красноярский государственный аграрный университет

¹ elizaveta.ftk@mai.ru ² mityasovasv@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается красноярский период жизни Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевского — выдающегося русского мыслителя и общественного деятеля XIX века, высланного в Сибирь по делу петрашевцев. Анализируются идейные основы движения: утопический социализм, фурьеризм и критика самодержавно-крепостнического строя. Прослеживается путь Петрашевского от ареста 1849 года до поселения в Красноярске (1860–1864), его общественная активность, конфликты с местной администрацией и влияние на городскую жизнь. Делается вывод о том, что ссылка не сломила политической воли Петрашевского: в Красноярске он продолжал практически воплощать свои правовые идеи, отстаивая права горожан перед лицом губернской власти.

Ключевые слова: петрашевцы, утопический социализм, фурьеризм, политическая ссылка, Сибирь, Красноярск, общественная деятельность, XIX век

FROM THE PHALANSTER TO HUMAN RIGHTS PRACTICE: THE KRASNOYARSK PERIOD OF M. V. PETRASHEVSKY'S ACTIVITIES

Latysheva Elizaveta Olegovna¹, Student

Mityasova Svetlana Alexandrovna², Student

^{1,2} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

¹ elizaveta.ftk@mai.ru ² mityasovasv@mail.ru

Abstract. The article examines the Krasnoyarsk period in the life of Mikhail Vasilyevich Butashevich-Petrashovsky, a prominent Russian thinker and public figure of the 19th century exiled to Siberia in the Petrashevsky affair. The ideological foundations of the movement are analyzed: utopian socialism, Fourierism, and criticism of the autocratic-serf system. The article traces Petrashevsky's path from his arrest in 1849 to his settlement in Krasnoyarsk (1860–1864), his public activities, conflicts with local authorities, and influence on urban life. It is concluded that exile did not break Petrashevsky's political will: in Krasnoyarsk, he continued to put his legal ideas into practice by defending the rights of townspeople against provincial authorities.

Keywords: Petrashevsky circle, utopian socialism, Fourierism, political exile, Siberia, Krasnoyarsk, public activities, 19th century

Имя Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевского неразрывно связано с историей русской общественной мысли середины XIX века. Петрашевцы — участники кружков, собиравшихся на его петербургских «пятницах», — стали одним из первых организованных оппозиционных движений николаевской России, объединивших таких деятелей, как Ф. М. Достоевский и М. Е. Салтыков-Щедрин [1]. Красноярский период биографии Петрашевского по-прежнему остаётся малоизученным в широкой историографии. Между тем именно здесь в полной мере проявились стойкость его убеждений и готовность к открытой борьбе с административным произволом. Актуальность темы определяется интересом к региональной истории Сибири, а также к судьбам инакомыслящих в условиях авторитарного государства.

Истоки идейного движения петрашевцев уходят в западноевропейский утопический социализм, особенно в учение Шарля Фурье. Фурье разработал концепцию добровольных производственно-бытовых объединений, фаланстеров, где каждый человек мог бы заниматься трудом, соответствующим его природным склонностям [5]. В 1847 году Петрашевский предпринял практическую попытку реализовать эту идею, построив для своих крепостных крестьян общий дом-фаланстер, который, однако, был ими сожжен [1]. Петрашевцев привлекала именно ненасильственная природа фурьеризма. На следствии они подчеркивали, что теория Фурье носит "гармонический, научный и мирный" характер, в отличие от революционных, насильственных подходов. [2] Это стремление к постепенному просвещению общества, а не к революционным переменам, стало ключевым отличием большинства петрашевцев от радикальных революционеров. Таким образом, утопический социализм петрашевцев органично вписывался в традиции русской домарксистской мысли, представленной такими деятелями, как Герцен, Белинский и Чернышевский. [1]

Помимо фурьеристских идей, "пятницы" Петрашевского служили площадкой для обсуждения более широкого круга политических требований. Участников этих кружков сближала общая ненависть к крепостничеству и твердая вера в то, что просвещение является ключом к переустройству общества. Сам Петрашевский призывал к установлению республиканской формы правления, отмене цензуры и крепостного права, а также к введению суда присяжных и свободы печати [1]. Таким образом, петрашевцы объединяли утопические социалистические представления о преобразовании повседневной жизни с конкретными либеральными и правовыми реформами.

В апреле 1849 года члены кружков Петрашевского были арестованы. Суд вынес смертный приговор, который на эшафоте был заменён бессрочной каторгой, в том числе для самого Петрашевского. Отбыв каторжные работы в Восточной Сибири, он в 1856 году по амнистии Александра II получил статус ссыльного поселенца с правом выбора места жительства в Сибири [4]. Первоначально Петрашевский осел в Иркутске: сотрудничал в местных изданиях и участвовал в организации газеты «Амур» в 1860 году [3, с. 351]. Однако его политическое выступление на публичных похоронах чиновника, убитого на дуэли помощником, генерал-губернатора Муравьёва-Амурского, было воспринято как демонстрация против властей. Последовала немедленная высылка: сначала в село Шушенское Минусинского округа, а в декабре 1860 года — в Красноярск [3, с. 352], [4].

Красноярский период (декабрь 1860 — март 1864) стал временем наиболее интенсивной общественной деятельности Петрашевского в Сибири. Город переживал преобразования эпохи Великих реформ Александра II: обсуждалась отмена крепостного права, готовилась земская реформа, расширялось значение городского самоуправления. Именно в этой среде общественных дискуссий Петрашевский нашёл для себя подлинное поприще деятельности. Главным пространством его активности стала красноярская городская дума. Петрашевский оказывал влияние на её заседания, помогая купечеству и горожанам формулировать жалобы и прошения, а также отстаивал их интересы в спорах с губернской администрацией. Деятельность Петрашевского в городской думе сводилась к превращению ее в арену для открытой политической борьбы, где его юридическое образование служило инструментом системного сопротивления. Его подход отличался "юридическим крохоборством" [3, с. 352], которое следует понимать не как мелочность, а как сознательную тактику. Он был убежден в силе неукоснительного следования букве закона для ограничения административного произвола. Составляя юридически точные жалобы для мещан и купцов, Петрашевский преследовал цель формирования у сибирского общества понятия "гражданственности". Его видение заключалось в том, что защита частных прав каждым жителем должна вести к осознанию себя частью единого общественного мнения, способного противостоять даже губернской власти [3, с. 353]. Его юридическое образование, полученное на юридическом факультете Петербургского университета, обеспечивало ему явное преимущество перед большинством участников думских собраний.

По существу, Петрашевский превращал либерально-правовые идеи, прежде обсуждавшиеся на «пятницах», в повседневную правозащитную практику провинциального города.

Особого внимания заслуживает его участие в защите интересов горожан, в том числе мещан и крестьянок, подвергавшихся незаконным поборам и административному давлению. Петрашевский принимал от них жалобы, помогал формулировать их юридически грамотно и направлял в вышестоящие инстанции [4, с. 352]. В этом прослеживается связь с идеями петрашевцев, которые выступали против угнетения женщин и поддерживали эгалитарную модель общества [2]. В Красноярске эти взгляды получили форму конкретного заступничества перед властями.

Главным противником Петрашевского стал губернатор Енисейской губернии П. Н. Замятнин. Конфликт носил принципиальный характер: Петрашевский настаивал на верховенстве закона, тогда как губернатор опирался на традиционное административное усмотрение. Итогом противостояния стала новая высылка: в марте 1864 года Петрашевский был переведён в более отдалённые места Енисейской губернии. В декабре 1866 года Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский скончался в селе Бельское Енисейской губернии, на территории нынешнего Красноярского края [5]. Он так и не получил разрешения вернуться в европейскую Россию.

Таким образом, красноярский период биографии Петрашевского представляет собой не просто географический эпизод, но закономерное продолжение его общественной деятельности. Идеи фурьеризма и утопического социализма, сложившиеся в петербургских кружках 1840-х годов, трансформировались в Красноярске в конкретные правозащитные практики: участие в работе городской думы, защита интересов горожан, апелляции к законности [2]. Современная историография подчёркивает, что пребывание петрашевцев в восточно-сибирской ссылке в 1850–1860-х гг. стало важным этапом формирования оппозиционных настроений в регионе. Личность Петрашевского вписана в историю Красноярского края как пример последовательного отстаивания права и гражданской ответственности перед лицом административного произвола.

Список литературы

1. Егоров Б. Ф. Петрашевцы [Электронный ресурс] / Б. Ф. Егоров. — Л.: Наука, 1988. — 256 с. — Режим доступа: <https://coollib.in/b/690385-boris-fedorovich-egorov-petrashevtsy/read> (дата обращения: 30.03.2026).
2. Дело петрашевцев [Электронный ресурс]: в 3 т. / под ред. В. А. Десницкого. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1951. — Т. 3. — 488 с. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/delo-petrashevtsa> (дата обращения: 30.03.2026).
3. Дулов А. В., Иванов А. А. Петрашевцы в Восточной Сибири [Электронный ресурс] // Вестник ИрГТУ, 2012, № 9 (68). — С. 349–354. — Режим доступа: = (дата обращения: 30.03.2026).
4. Петрашевский Михаил Васильевич [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. — Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/petrashevskii-mikhail-vasil-evich-515d2c> (дата обращения: 29.03.2026).
5. Щетинина А. А. Утопический социализм: историко-теоретический аспект [Электронный ресурс] // Молодой учёный, 2021, № 53 (395). — С. 40–43. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/395/87522> (дата обращения: 30.03.2026).

УДК 94:625.7

СТРУКТУРА ПОГОЛОВЬЯ СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ В 1953-1965 ГГ.

Павлюкевич Руслан Витальевич, кандидат исторических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
autocrator@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в структуре поголовья оленя на территориях Крайнего Севера Красноярского края в период 1953-1965 гг. в разрезе принадлежности стад государственным или личным хозяйствам.

Ключевые слова: Северный олень, разведение северного оленя, животноводство, плановые органы управления, Таймырский национальный округ, Эвенкийский национальный округ, Туруханский район

STRUCTURE OF THE REINDEER HERD IN 1953–1965

Pavlyukevich Ruslan Vitalievich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
autocrator@yandex.ru

Abstract. The article examines changes in the structure of the reindeer herd in the territories of the Far North of the Krasnoyarsk Krai in the period 1953–1965, categorized by the ownership of herds—whether state-owned or privately owned.

Keywords: Reindeer, reindeer husbandry, livestock farming, planning authorities, Taimyr National Okrug, Evenki National Okrug, Turukhansky District

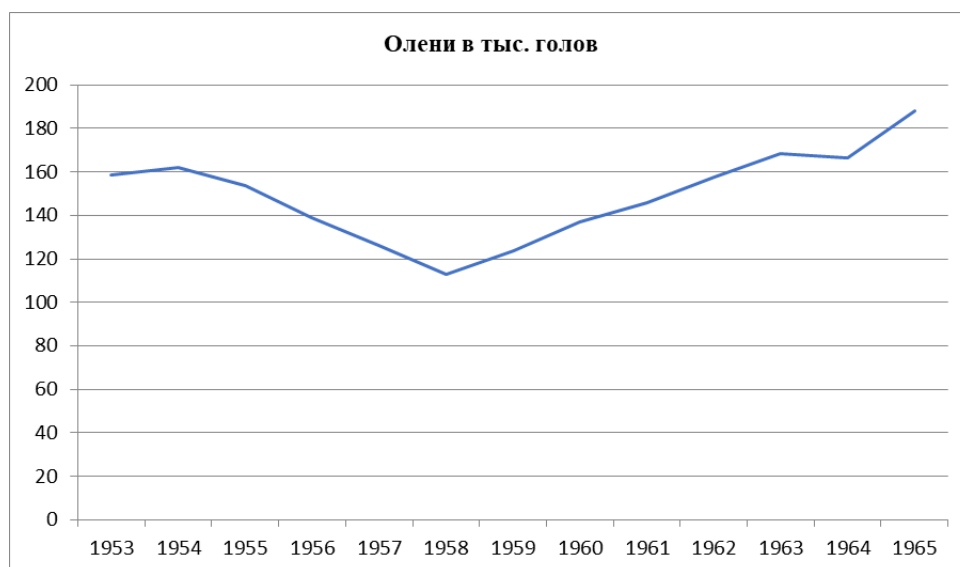
Север Красноярского края выступает сегодня одним из ключевых регионов нашей страны. Здесь сосредоточены огромные природные богатства, регион обладает колоссальным потенциалом для хозяйственного освоения. Важное место в хозяйстве Северных территорий занимает оленеводство. Изучение его истории содержит важные уроки для решения актуальных проблем: сохранения биоразнообразия, устойчивого развития арктических территорий, обеспечения продовольственной безопасности и сохранения культурного наследия в условиях промышленного освоения Севера. Важным этапом его развития становится постсталинский период, когда государство обращает пристальное внимание на его развитие.

Основное поголовье северного оленя в рассматриваемые годы было сосредоточено в Таймырском и Эвенкийском национальных округах и Туруханском районе. На протяжении всего рассматриваемого периода наибольшее поголовье северного оленя сохранялось в Таймырском национальном округе. На начальном этапе на его долю приходилось 70 % от общей численности стад. За ним следовал Эвенкийский национальный округ — 27 %, далее Туруханский район — 2 %, а доля Игарки составляла менее 1 % [1-5].

К верхней границе исследуемого периода соотношение поголовья по районам в целом не претерпело принципиальных изменений: Таймырский район по-прежнему оставался лидером, однако его доля сократилась до 61 %, тогда как доля Эвенкийского национального округа, напротив, возросла до 37 %. При этом темпы развития оленеводства в Эвенкии опережали показатели других территорий. Рост поголовья здесь составил 65,5 %, в Туруханском районе — 37 %, тогда как в Таймыре прирост оказался минимальным — всего 1,6 % [1-5].

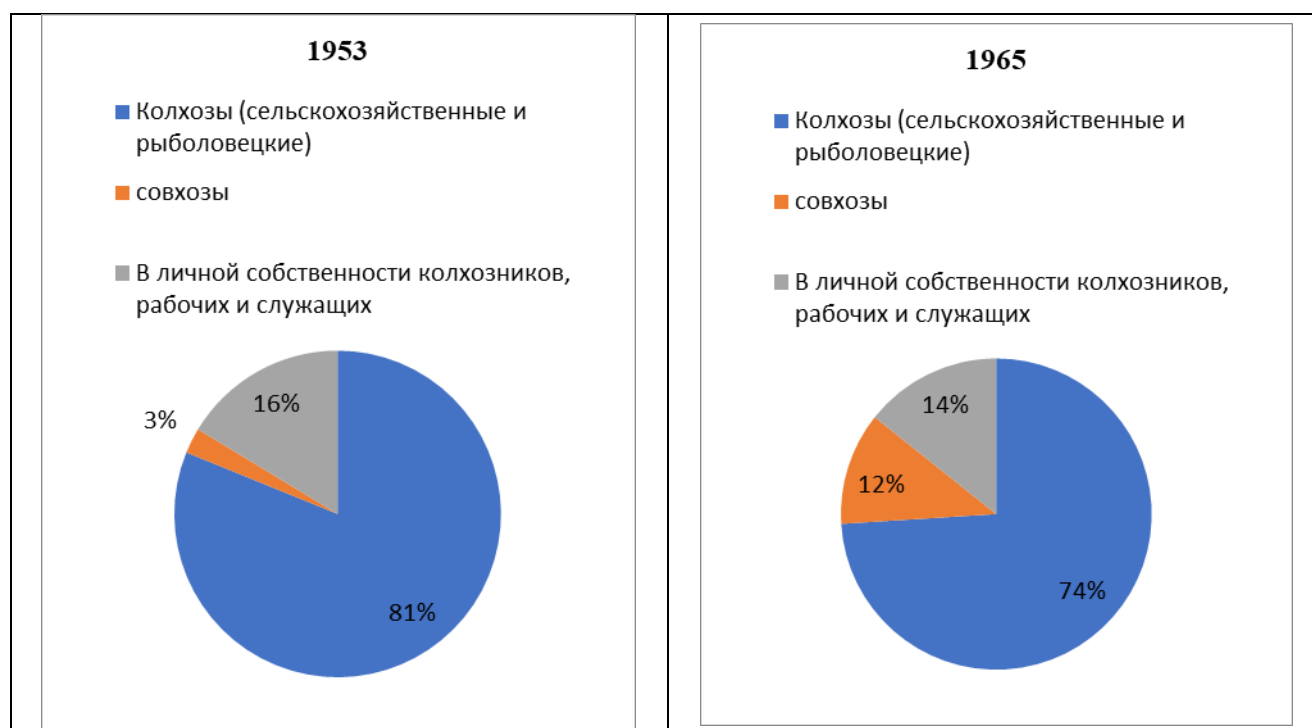
Таким образом в рамках рассматриваемого периода наблюдался относительный рост поголовья, представленный в графике ниже.

График 1 - Динамика поголовья оленей на территориях крайнего Севера Красноярского края

Составлено по Ф.Р. 1300, оп. 2. д. 3078, л. 40-51, д. 3638 л. 40-50, д. 4197, л. 2-16, д. 5511, л. 50-58, д. 7132 л. 14-18.

График 2 - Изменение пропорций в структуре поголовья Северного оленя в разрезе принадлежности стад 1953-1965 г.

Составлено по Ф.Р. 1300, оп. 2. д. 3078, л. 40-51, д. 7132 л. 14-18.

Как в целом мы можем видеть из представленных данных после того, как общее поголовье северного оленя превысило численность в более 160 тыс. голов в 1954 г. на Крайнем Севере Красноярского края начинается значительный спад продолжавшийся вплоть до 1959 г. (численность поголовья в целом за пять лет сократилось практически на треть), оно вновь перешло к росту, выйдя на прежний пик в 1963 г., а концу анализируемого периода превысив его. Спад во многом был обусловлен просчетами политики, направленной на оседлость северных народов и сокращением кадрового аппарата оленеводства.

Одновременно с этим происходили значительные изменения в структуре поголовья в

разреze принадлежности стад.

В целом, как мы можем видеть из представленных данных, подавляющую роль в структуре поголовья северного оленя на протяжении всего анализируемого периода играли сельскохозяйственные и рыболовецкие колхозы. Если по состоянию на 1953 г. их доля составляла 81 %, то в 1965 г. она сократилась на 7 %, составив уже 74 %. Сокращение значения колхозных стад в общей структуре поголовья было в основном вызвано процессом создания совхозов.

Одной из ключевых тенденций развития сельского хозяйства в период руководства страной Н. С. Хрущевым выступало массовое создание совхозов. Руководство страны полагало, что совхозное хозяйство более эффективно, чем колхозное. Это нашло отражение и в сфере оленеводства. Здесь, так же как и в других отраслях агропромышленного комплекса, происходили процессы укрепления обобществленных хозяйств с массовым переводом колхозов в оленеводческие совхозы. Если по состоянию на 1953 г. только 3 % от всего поголовья приходилось на совхозы, то уже спустя 12 лет их доля составляла 12 %. Рост численности оленей в совхозах составил 18 тысяч голов. В последующие годы данная тенденция сохранилась: к 1970 г. все государственные хозяйства были окончательно преобразованы в совхозы.

Наименее заметные изменения были связаны со стадами, находившимися в личной собственности колхозников, рабочих и служащих: их доля в структуре сократилась всего на 2 %, в то время как численность стад в натуральном выражении, напротив, увеличилась примерно на 1000 голов.

В целом за рассматриваемый период развитие оленеводства на Крайнем Севере Красноярского края прошло долгий путь, испытав сильный спад в середине 1950-х гг., связанный с ошибками местного руководства и попытками перевода местных жителей на оседлость. После этого руководство края и плановые органы управления были вынуждены предпринять меры. В целом ситуация была исправлена во многом за счет модернизации колхозов и совхозов, занимавшихся оленеводством.

Список литературы

1. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. оп. 2. д. 3078.
2. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. оп. 2. д. 3638.
3. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. оп. 2. д. 4197.
4. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. оп. 2. д. 5511.
5. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. оп. 2. д. 7132.

УДК 94(57)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЭЛИТАРНОГО МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГГ.

Рубан Александр Алексеевич¹, аспирант

Гонина Наталья Владимировна², кандидат исторических наук, доцент

^{1,2} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

¹ 911911alexandr@mail.ru ² nvvg7@mail.ru

Аннотация. Источниковой базой статьи является решение исполнительного комитета Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся «Об улучшении обслуживания прикрепленного контингента к краевой лечебной комиссии краевого отдела здравоохранения», принятое в 1956 г. Данный документ отражает институционализацию номенклатурной медицины на региональном уровне в исследуемый период. Автором анализируются положения решения и приложения к нему, содержащие в себе списки должностей руководящих работников, обслуживаемых спецбольницей краевого отдела здравоохранения. Результатом работы является уточнение специфики материального и статусного обособления региональной управленческой элиты через доступ к медицинскому обслуживанию в первые годы послесталинского периода.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Красноярский край, послесталинский период, здравоохранение, медицинское обслуживание, крайисполком, крайздрав, спецбольница

FEATURES OF ELITE MEDICAL SERVICES IN THE KRASNODAR REGION IN THE SECOND HALF OF THE 1950s

Ruban Alexander Alekseevich¹, student

Gonina Natalia Vladimirovna², Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

^{1,2} Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

¹ 911911alexandr@mail.ru ² nvvg7@mail.ru

Abstract. The source base of the article is the decision of the Executive Committee of the Krasnoyarsk Regional Council of Workers' Deputies "On improving the care of the attached contingent to the regional medical commission of the regional Health Department", adopted in 1956. This document reflects the institutionalization of nomenclature medicine at the regional level during the period under study. The author analyzes the provisions of the decision and its appendices, which contain lists of positions of senior staff served by the special hospital of the regional health department. The result of the work is to clarify the specifics of the material and status isolation of the regional management elite through access to medical care in the early years of the post-Stalin period.

Keywords: Eastern Siberia, Krasnoyarsk Territory, post-Stalin period, healthcare, medical care, regional executive committee, special hospital

Вторая половина 1950-х годов в СССР ознаменовалась периодом относительной либерализации и началом децентрализации управления. Однако существующая система распределения социальных благ, таких как медицинское обслуживание, в РСФСР, в частности в Красноярском крае, отражала устойчивость обособления управленческой элиты от большей части населения. Фактически функционировала параллельная, привилегированная система здравоохранения в рамках формально единой государственной модели. Доступность квалифицированной лечебно-профилактической помощи для членов элитарной группы была дифференцированной, что служит важным показателем их

внутренней стратификации.

Медицинское обслуживание номенклатурного контингента в рамках системы кремлевского здравоохранения, существующей параллельно медицине для остальных жителей страны, исследовалось С. Н. Затравкиным и Е. А. Вишленковой [3]. Однако в их монографии не уделяется внимания особенностям существующей дифференциации в оказании лечебно-профилактической помощи населению в отдельных регионах РСФСР. Различные аспекты здравоохранения в Красноярском крае в исследуемый период рассматривались в работах Б. И. Ханенко [6], Г. А. Реута [4], Н. В. Гониной [2], М. В. Сентябовой [5]. Но в данных работах не проводится анализ документов, регламентирующих доступ административных работников к лечебно-профилактической помощи.

Статья основывается на материалах решения исполнительного комитета Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся (далее крайисполком) «Об улучшении обслуживания прикрепленного контингента к краевой лечебной комиссии краевого отдела здравоохранения», принятого 23 февраля 1956 г. Данный документ входит в состав дела 1599 фонда Р-1386 «крайисполком» Государственного архива Красноярского края (далее ГАКК) и содержит 8 листов. Документ оцифрован, но удаленный доступ отсутствует, – исследование требует посещения читального зала ГАКК.

Решение представляет собой делопроизводственный документ, регламентирующий деятельность краевой лечебной комиссии и спецбольницы при краевом отделе здравоохранения (далее крайздрав), подписанный заместителем председателя и секретарем крайисполкома. Документ включает в себя 10 пунктов и 2 приложения со списками подлежащих медицинскому обслуживанию работников [1].

Ключевым аспектом документа является жёсткая регламентация и централизация доступа к специальному медицинскому обслуживанию. Как следует из пунктов 4 и 5, индивидуальное решение вопросов о госпитализации запрещалось, а право на него делегировалось специальной комиссии (заместитель заведующего крайздравом, главный врач и лечащий врач краевой лечебной комиссии), которая также осуществляла периодический контроль за целесообразностью дальнейшего пребывания больного на стационарном лечении. Материальная ответственность за выдачу и учёт постоянных пропусков была персонально возложена на заведующего общим отделом крайисполкома (пункт 2) [1, л. 48-49]. Вышеуказанные пункты свидетельствуют о стремлении органов власти контролировать не только доступ, но и использование ресурсов, ограничивая возможные злоупотребления, а также подчёркивают закрытый и учётный характер функционирующей системы.

Также документ фиксировал строгие административные границы деятельности поликлиники и стационара спецбольницы. Выдача больничных листов разрешалась только прикрепленному контингенту, что юридически отделяло функции данного учреждения от общих поликлиник. Контроль за работой краевой лечебной комиссии возлагался непосредственно на заместителя председателя крайисполкома и заведующего крайздравом, что интегрировало её в самую верхушку краевой административной вертикали [1, л. 49].

Кроме того, решение крайисполкома отражало попытку повысить качество медицинской помощи для привилегированной группы. Пункт 3 обязывал крайздрав укрепить краевую лечебную комиссию опытными кадрами и консультантами, а также шире внедрять диспансерный метод, что указывает на стремление к профессиональному уровню обслуживания, соответствующему статусу пациентов. Организация грязелечения и зубопротезной мастерской во втором полугодии 1956 г. демонстрирует курс на расширение спектра специализированных услуг в рамках одной структуры, создавая комплексный лечебный центр [1, л. 48].

Однако эти меры по улучшению сервиса для избранного контингента контрастируют с пунктом 6, предписывающим при нехватке мест в специальном стационаре направлять больных в краевую больницу или госпиталь инвалидов войны [1, л. 49], что свидетельствует

о дефиците пропускной способности выделенной инфраструктуры. В то же время данный пункт указывает на существование страховочного механизма в рамках общей системы здравоохранения.

Очередность госпитализации в стационар спецбольницы при ограниченном количестве свободных мест, очевидно, определялась порядковым номером в списках приложений 1 и 2 (см. таблицы 1 и 2).

Таблица 1 – Должности руководящих партийных и советских работников, подлежащих медицинскому амбулаторному и стационарному обслуживанию спецбольниц краевого отдела здравоохранения вместе с членами семьи в 1956 г.

№ в списке	Работники и члены их семей (жена, дети, родители)
1-10	1. Депутаты Верховного Совета СССР и РСФСР; 2. Члены бюро крайкома КПСС и члены исполкома крайсовета; 3. Ответственные работники крайкома партии, Красноярского горкома партии, горисполкома и крайкома ВЛКСМ; 4. Ответственный секретарь партколлегии, старые большевики, вступившие в партию в 1905–1917 гг.; 5. Директор краевой партшколы и его заместитель; 6. Редактор газеты «Красноярский рабочий», его первый заместитель и ответственный секретарь; 7. Редактор газеты «Красноярскийсомолец»; 8. Секретари Хакасского обкома КПСС, Таймырского, Эвенкийского окружкомов КПСС, председатель Хакасского облисполкома, Таймырского, Эвенкийского окрисполкомов, их заместители и секретари; 9. Секретари горкомов КПСС, председатели горисполкомов городов краевого подчинения, их заместители и секретари горисполкомов; 10. Секретари райкомов КПСС, председатели райисполкомов, заместители председателей и секретари райисполкомов
11-15	11. Председатель крайпотребсоюза и его заместители; 12. Председатель крайпромсовета и его заместители; 13. Управляющий крайзаготзерно и его заместители; 14. Заместители начальника краевого управления совхозов и его заместители; 15. Начальник краевого управления трудовых резервов и его заместители;
16-18	16. Краевой прокурор и его заместители; 17. Председатель краевого суда и его заместитель; 18. Начальник управления Министерства юстиции и его заместители;
19-32	19. Начальник управления госрезервов; 20. Начальник краевого управления сберкасс; 21. Начальник гидрометслужбы; 22. Управляющие краевыми конторами госбанка, комбанка, торгбанка, сельхозбанка, промбанка; 23. Управляющий крайнефтебывата; 24. Начальник краевого управления связи и его заместители; 25. Начальник крайстатуправления; 26. Уполномоченный госконтроля; 27. Председатель крайсовпрофа и ответственный секретарь; 28. Председатель союза советских писателей; 29. Корреспонденты центральных газет «Правда» и «Известия»; 30. Директора институтов; 31. Начальник управления гражданского воздушного флота и его заместители; 32. Председатель Президиума краевой коллегии адвокатов
33-46	33-46. Директора заводов 47, «Сибтяжмаш», имени Ворошилова, имени Побезимова, самоходных комбайнов, паровозо-вагонноремонтного, 580, синтетического каучука, 522, п/я 1, п/я 2, п/я 121; Управление п/я 9; Директор райТЭЦ;
47-48	47. Начальник управления парохозяйства и его заместители; 48. Начальник управления Красноярской железной дороги и его заместители;
49-63	49-56. Управляющие автотрестом и трестами «Красноярсккрайстрой», «Красноярскстрой», «Енисейзолото», «Красхимлес», «Красдрев», № 47, № 72; 57-59. Начальники комбината «Красноярсклес», Норильского комбината; стройуправления п/я 138; 60. Директор целлюлозно-бумажного комбината; 61-63. Начальники строителей ГЭС, моста через р. Енисей, треста № 124;
64-65	64. Главный арбитр Крайисполкома; 65. Управляющий Крайлесосбыта

Составлено автором по источнику [1, л. 50-52].

Таблица 2 – Должности руководящих партийных и советских работников, подлежащих медицинскому амбулаторному и стационарному обслуживанию спецбольницей краевого отдела здравоохранения в 1956 г.

№ в списке	Только работники
1-6	1. Депутаты краевого Совета и члены крайкома КПСС; 2. Слушатели и преподаватели краевой партшколы; 3. Заместители заведующих отделов горкома КПСС, горисполкома и крайкома ВЛКСМ; 4. Инструкторы и лекторы Красноярского горкома КПСС; 5. Директор, зав. учебной частью университета марксизма-ленинизма; 6. Заведующие отделами Хакасских обкома КПСС и облисполкома, Таймырского и Эвенкийского окружкомов КПСС и окрисполкомов
7-9	7. Директора совхозов и МТС; 8. Уполномоченный крайлита; 9. Начальник крайпроекта
10	Члены краевого суда
11	Председатели крайкомов союза
12	Директор театра, заслуженные деятели искусств и писатели
13	Профессора и руководители кафедр институтов и партшколы
14	Директор крайиздата
15-26	Управляющие трестом «Совхозтранс», льнопенькотрестом, Роснабсбыта, трестом «Крайпромстрой»; Зам. управляющего крайлессбыта; Управляющие трестами «Главмука», «Маслопром»; Управляющий мясотрестом и его заместитель; Директора механического завода лесной промышленности, гидролизного завода; Управляющие трестами «Красноярскшахтстрой», Хакассуголь», «Канскуголь»; Управляющий крайсельэлектро
27	Начальник краевого управления рабочего снабжения министерства лесной промышленности
28-42	Главные инженеры и секретари парткома заводов 477, «Сибтяжмаш», имени Ворошилова, имени Побезимова, самоходных комбайнов, паровозо-вагонноремонтного, 580, синтетического каучука, 522, строительства ГЭС, строительства моста через р. Енисей, трестов 47, 72, 124; Главные инженеры «Красноярскстрой», Красноярсккрайстрой», «Красноярсклес»
43-44	Председатели крайбытпромсоюза, ДОСААФ
45	Ответственный секретарь общества по распространению политических и научных знаний
46	Корреспонденты центральных газет и радиокомитета
47	Управляющий красэнерго
48-50	48-49. Начальники кинопроката, радиокомитета; 50. Крайполитграфиздат
51-54	51. Старший контролер-ревизор КРУ министерства финансов; 52. Заместитель управляющего краевой конторой госбанка; 53. Заместитель Госконтроля; 54. Заместители управляющего автотрестом
55	Семьи погибших на фронте руководящих работников крайкома КПСС и крайисполкома
56-57	55. Управляющий Енисейзолотопродснабом; 56. Управляющие базами «Текстильторг», «Обувьторг», «Главторгодежда»;
58	Заместитель председателя Президиума коллегии адвокатов
59-61	58. Заведующие отделами газеты «Красноярский рабочий»; 59. Заведующие отделами крайсовпрофа; 60. Заведующие отделами крайплана.
62-70	62-66. Главный агроном, главный зоотехник, начальник ветеринарного отдела, начальник капитального строительства, начальник отдела науки крайсельхозуправления; 67-68. Управляющие крайсельхозснабом и глававтотракторосбытом; 69. Арбитры Крайисполкома; 70. Главный инженер Крайсельхозуправления

Составлено автором по источнику [1, л. 53-55].

В вышеуказанных списках должностей отчётливо виден стратифицированный принцип организации системы получения медицинской помощи. Первый список (см. таблицу 1) включает высшую номенклатуру, имевшую право на обслуживание вместе с членами семьи. В первую очередь, это партийно-советская номенклатура (депутаты, члены бюро крайкома и исполкомов, секретари горкомов и райкомов). Во-вторых, руководящие кадры правоохранительных органов и

суда (прокуроры, судьи, начальник управления Министерства юстиции), что подчёркивало значимость системы правоохранительных и карательных органов. В-третьих, хозяйственно-управленческая элита: директора ключевых промышленных предприятий (заводов № 477, «Сибтяжмаш», комбината «Красноярсклес», Норильского комбината), начальники крупнейших строительных трестов и транспортных управлений (железная дорога, пароходство). Примечательно включение в первый список, наряду с высшими государственными чиновниками, руководителя союза писателей и корреспондентов центральных газет, что свидетельствует о внимании системы к идеологически значимым группам интеллигенции.

Второй список (см. таблицу 2) содержит должности рангом ниже, где право на обслуживание предоставлялось только самому работнику. Эта градация чётко ранжировала элиту по степени близости к вершине властной пирамиды. Право на семейное обслуживание было уделом высшего слоя, в то время как среднее звено — заместители, главные инженеры, заведующие отделами, директора совхозов — получали льготу в индивидуальном порядке.

Строгая иерархия прослеживается также в 9 пункте решения, устанавливающим различное время амбулаторного приёма для работающих (с 17 до 21 часа) и их иждивенцев (только с 17 до 18:30) [1, л. 49]. Это разделение иллюстрирует, что привилегия была производна от служебного статуса кормильца и распространялась на его семью с определёнными ограничениями.

Важным аспектом обоих списков (см. таблицы 1 и 2) является географический охват, включавший не только Красноярск, но и руководство Хакасской автономной области, Таймырского и Эвенкийского округов, а также городов краевого подчинения. Это демонстрирует, как централизованная система льгот и распределения социальных благ выстраивала вертикаль подчинения, связывая периферию с краевым центром через общий механизм социального обеспечения административных кадров. Кроме того, списки фиксируют этап бурного индустриального развития края, связанного с крупными стройками (ГЭС, мост через Енисей), оборонными заводами (обозначенными «п/я») и освоением ресурсов Севера.

Данное решение крайисполкома выходит за рамки сугубо медицинского распоряжения. Оно представляет собой особый социально-политический инструмент, который, во-первых, визуализировал и закреплял стратификацию руководящего класса в регионе; во-вторых, через логику премирования статуса стимулировал лояльность управленческих кадров; в-третьих, отражал экономические приоритеты региона через включение в элитарный круг руководителей ведущих отраслей.

Таким образом, спецбольница при краевом отделе здравоохранения и регламентирующие её деятельность документы служили региональным институтом, в котором в концентрированном виде воспроизводились базовые принципы советской социальной организации: строгая иерархия; корпоративная замкнутость; распределение благ по должностному, а не по медицинскому признаку; неразрывная связь между властью, статусом и доступом к дефицитным ресурсам.

Список литературы

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 1599.
2. Гонина, Н. В. Демографические процессы в экстремальных условиях. Норильск в 1950-1960-х гг. / Н. В. Гонина // Манускрипт. – 2020. – Т. 13, № 6. – С. 16-20.
3. Затравкин, С. Н. "Клубы" и "гетто" советского здравоохранения / С. Н. Затравкин, Е. А. Вишленкова. – Москва : Акционерное общество "Шико", 2022. – 352 с.
4. Реут, Г. А. Учреждения здравоохранения закрытых административно-территориальных образований Сибири в 1950–1980-е гг. / Г. А. Реут // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2012. – №3. – С. 193-200.
5. Сентябова, М. В. Развитие систем охраны материнского и младенческого здравоохранения в Красноярском крае в 1950 - 1960-х гг / М. В. Сентябова // Иркутский историко-экономический ежегодник: Сборник статей. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2022. – С. 206-214.
6. Ханенко, Б. И. Здравоохранение Красноярского края / Б. И. Ханенко – Красноярск, 1991. – 135 с.

УДК 94(47).084.8:316.343.65

ПОНЯТИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ И НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ В СССР В 1930–1950-е ГОДЫ

Селезнев Андрей Валерьевич, кандидат исторических наук
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
seleznev.andrey.val@xmail.ru

Аннотация. В статье анализируется трансформация понятия «интеллигенция» в советском общественно-политическом и научном дискурсе в период с 1930-х по 1950-е годы. Исследуется переход от дореволюционной и раннесоветской трактовки интеллигенции как потенциально оппозиционного или «межклассового» слоя к сталинской концепции «народной интеллигенции» как неотъемлемой части социалистического государства. Особое внимание уделяется роли государства в конструировании «пролетарской» и технической интеллигенции в годы индустриализации, а также изменениям в определении данного социального слоя в официальной науке и энциклопедических изданиях. На основе анализа научных работ и идеологических документов автором делается вывод о том, что рассматриваемый период стал временем институционализации государственного подхода к определению интеллигенции, что привело к унификации дискурса и утверждению социопрофессиональных критериев в ущерб нравственно-этическим.

Ключевые слова: интеллигенция, советский дискурс, сталинизм, социальная структура, научно-техническая интеллигенция, историография, власть и общество, 1930-е годы, послевоенный период, советский патриотизм

THE CONCEPT OF THE INTELLIGENTSIA IN SOCIAL, POLITICAL, AND SCIENTIFIC DISCOURSE IN THE USSR IN THE 1930S–1950S

Andrey Valerievich Seleznev, Candidate of Historical Sciences
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
seleznev.andrey.val@xmail.ru

Abstract. The article analyzes the transformation of the concept of “intelligentsia” in Soviet socio-political and scientific discourse from the 1930s to the 1950s. It examines the transition from pre-revolutionary and early Soviet interpretations of the intelligentsia as a potentially oppositional or “inter-class” stratum to Stalin’s concept of the “people’s intelligentsia” as an integral part of the socialist state. Special attention is paid to the role of the state in constructing the “proletarian” and technical intelligentsia during the industrialization years, as well as to changes in the definition of this social group in official science and encyclopedic publications. Based on the analysis of scholarly works and ideological documents, the author concludes that this period witnessed the institutionalization of the state approach to defining the intelligentsia, which led to the unification of discourse and the establishment of socio-professional criteria at the expense of moral and ethical ones.

Keywords: intelligentsia, Soviet discourse, Stalinism, social structure, scientific and technical intelligentsia, historiography, power and society, 1930s, post-war period, Soviet patriotism

Взаимоотношения власти и интеллектуальной элиты в советский период всегда были в центре внимания исследователей. Однако особый интерес представляет эволюция самого понятия «интеллигенция» в 1930–1950-е годы – время, когда происходила не только коренная ломка социальной структуры общества, но и пересмотр базовых дефиниций в духе марксистско-ленинской идеологии. Если в 1920-е годы в дискурсе еще сохранялись

элементы дореволюционной полисемантической термина, подразумевавшего не только род занятий, но и особую этическую миссию, то к концу 1950-х годов утвердился жесткий социопрофессиональный подход [3, с. 14].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления категориального аппарата советской социальной истории. Современная историческая наука стремится к объективному анализу механизмов взаимодействия власти и интеллектуалов без идеологических оценок. Изучение того, как само понятие «интеллигенция» конструировалось в публичном и научном пространстве, позволяет раскрыть глубинные процессы формирования лояльности, механизмы идеологического контроля и способы адаптации образованного слоя к условиям мобилизационного общества.

В советской историографии проблема дефиниции интеллигенции долгое время оставалась дискуссионной. Как отмечают В.С. Меметов и В.В. Комиссаров, в социально-гуманитарных науках сосуществовали социологическая, нравственно-этическая и функциональная трактовки [3, с. 12]. Западные исследования (Л. Хаймсон, Ш. Фицпатрик, Б. Тромли) фокусировались на проблеме поколенческих различий внутри интеллигенции, а также на политике подготовки кадров [10, р. 236; 5]. В современной российской историографии заметный вклад внесли работы Ю.С. Колчановой, посвященные дискурсивным практикам конструирования технической интеллигенции [1], и исследования О.В. Золотарева, анализирующие сталинскую модернизацию как фактор изменения социальной структуры [2]. Наряду с исследованиями, акцентирующими репрессивный характер отдельных мер, существует и патриотическая традиция, представленная, в частности, публикациями А. Пыжикова, который рассматривает сталинскую политику 1930-х годов как «возвращение к цивилизационно-ценностной парадигме российской государственности» и «реабилитацию дореволюционной историографии» [9; 2, с. 2]. Тем не менее, комплексного анализа эволюции именно понятийного аппарата – от полисемии 1920-х к унифицированной дефиниции начала 1950-х годов – предпринято не было.

Объект исследования – понятие «интеллигенция» как элемент советского общественно-политического и научного дискурса.

Предмет исследования – трансформация содержания и границ понятия «интеллигенция» в СССР в 1930–1950-е годы под влиянием политических, социальных и идеологических факторов.

Цель исследования – выявить основные этапы, механизмы и результаты эволюции понятия «интеллигенция» в советском дискурсе в период с 1930-х по 1950-е годы.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Охарактеризовать историографическую ситуацию и проблему дефиниций интеллигенции в советской науке рассматриваемого периода, включая анализ патриотического направления в интерпретации сталинской политики.

2. Проанализировать трансформацию отношения власти к интеллигенции и изменение дискурса в 1930-е годы в контексте форсированной индустриализации и перехода к государственному патриотизму.

3. Выявить особенности унификации понятия «интеллигенция» в послевоенный период (1945–1953) и роль идеологической работы, включая кампанию по «воспитанию советского патриотизма» и борьбу с «низкопоклонством перед Западом».

4. Рассмотреть марксистско-ленинское определение интеллигенции как «служебного элемента» и его практическую реализацию в дискурсе 1930-1950-х годов.

Теоретико-методологической основой работы выступает принцип историзма, предполагающий рассмотрение понятия «интеллигенция» в динамике, в конкретно-историческом контексте. Использован дискурс-анализ как метод, позволяющий изучать не столько реальное положение социальной группы, сколько способы ее репрезентации в текстах (научных, публицистических, идеологических). Применены сравнительно-исторический метод (сопоставление трактовок в разных изданиях БСЭ) и проблемно-

хронологический метод, позволивший выделить этапы эволюции дискурса. Особое внимание уделено анализу первоисточников – стенограмм бесед, постановлений ЦК ВКП(б) и публицистических работ рассматриваемого периода.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые в рамках одной статьи системно сопоставлены изменения в официальных (энциклопедических), научных и публицистических определениях интеллигенции в 1930–1950-е годы с учетом как критической, так и патриотической традиций в историографии. Показано, что переход от нравственно-этической к социoproфессиональной трактовке не был линейным, а сопровождался временными изменениями (например, кратковременной реабилитацией «старых специалистов» в середине 1930-х). В научный оборот вводится уточненная периодизация дискурсивных изменений.

Историографическая ситуация и проблема дефиниций интеллигенции в советской науке: критическая и патриотическая традиции.

Анализ советской историографии показывает, что единого подхода к определению интеллигенции не существовало даже внутри официальной науки. Эта неоднородность была характерна и для раннего советского периода. Например, в 1-м издании Большой советской энциклопедии (БСЭ) термин трактовался достаточно гибко, с упоминанием «образованного авангарда» и «предистории» интеллигенции, уходящей корнями в древность. Однако уже во 2-м издании возобладал классовый подход: интеллигенция определялась исключительно как прослойка капиталистического общества, лишенная самостоятельной политической роли [3, с. 18].

В современной историографии сложились две основные традиции интерпретации сталинской политики в отношении интеллигенции. Первая традиция акцентирует отдельные репрессивные меры, направленные на подавление интеллектуальной автономии. Вторая, патриотическая традиция, трактует сталинский пересмотр исторической политики как «возвращение к цивилизационно-ценностной парадигме российской государственности» и «реабилитацию дореволюционной историографии» [2, с. 2]. Сторонники этого подхода (в частности, А. Пыжиков) подчеркивают, что с середины 1930-х годов Сталин инициировал процесс пересмотра исторической концепции школы М.Н. Покровского, сопровождавшийся возвращением в научную среду историков, ранее обвиненных в монархических симпатиях (С.В. Бахрушин, Е.В. Тарле, Б.Д. Греков и др.) [2, с. 2]. Квинтэссенцией этой политики, по мнению указанных историков, стало постановление ЦК ВКП(б) 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах СССР», которое осуждало «отвлеченный характер преподавания истории, увлечение формационным абстрагированием» и требовало конкретного, персонализированного изложения отечественного прошлого [2, с. 2].

Как показывает анализ источников, эта работа с кадрами историков носила целенаправленный характер. Патриотический дискурс конструировал образ национального прошлого, призванный укрепить советскую власть и мобилизовать общество на решение государственных задач.

Трансформация дискурса об интеллигенции в 1930-е годы: от подозрения к конструированию «народной интеллигенции» и «советского патриотизма».

1930-е годы стали переломным моментом в дискурсе об интеллигенции. Отношение власти к старой, дореволюционной интеллигенции, характеризовавшееся в 1920-е годы недоверием и практикой «выдвиженчества», в начале 1930-х годов меняется. Как указывает О.В. Золотарев, курс на форсированную модернизацию и индустриализацию потребовал высокой квалификации кадров, которой новая «рабоче-крестьянская» интеллигенция зачастую не обладала. Это обусловило необходимость привлечения старых специалистов [2, с. 47].

Одновременно происходила трансформация идеологической основы. С середины 1920-х годов, как отмечает А. Пыжиков, «пролетарское пополнение из низов без энтузиазма воспринимало проповедь мировой революции, и было совсем не склонно в массовом порядке

жертвовать чем-либо ради светлого завтра в далеких краях» [9]. Именно эти «свежие силы», по мнению исследователя, предопределили внутрипартийное поражение «старой гвардии» с ее интернационалистическими установками. Сталин начинает эксплуатировать национальные мотивы. Показательным стал эпизод с поэтом Демьяном Бедным, который в 1930 году опубликовал стихотворные фельетоны, высмеивающие русских национальных героев (Минина, Пожарского). В ответ Сталин направил письмо, в котором назвал эти стихи «клеветой на наш народ, развенчанием СССР, развенчанием русского пролетариата» [9].

В этом контексте формируется новый дискурс об интеллигенции. Ключевой фигурой становится советский инженер, техник, ученый – носитель не просто профессиональных знаний, но и «советского патриотизма». Ю.С. Колчанова в своем исследовании подробно анализирует, как через систему образования, профессиональные журналы и публичные ритуалы создавался образ «красного специалиста», сочетающего классовую верность с технической компетенцией [1, с. 160]. Как подчеркивает Р.С. Осин, советский патриотизм этого периода «был обращен не к абстрактной Родине, а к конкретному социалистическому государству – СССР, усиление которого было одним из условий успешного развития мировой революции» [6, с. 63].

Ключевое теоретическое определение места интеллигенции в советском обществе было дано Сталиным в беседе с немецким писателем Лионом Фейхтвангером в 1937 году. Отвечая на вопрос о «межклассовой прослойке», Сталин заявил: «Интеллигенция – обслуживающий элемент, не общественный класс. Она сама ничего не производит, не занимает самостоятельного места в процессе производства. <...> Роль интеллигенции – служебная, довольно почетная, но служебная» [8]. При этом, подчеркивал вождь, в СССР интеллигенция «полностью равноправна с рабочими и крестьянами», поскольку «обладание капиталом у нас привилегий не дает» [8]. Это определение – интеллигенция как «служебный элемент» – стало концептуальной основой для всего последующего дискурса 1930-1950-х годов.

Унификация понятия «интеллигенция» в послевоенный период (1945–1953): борьба с «космополитизмом» и воспитание «советского патриотизма».

Победа в Великой Отечественной войне изменила общественные настроения. У научной и творческой интеллигенции усилились контакты с западными коллегами [4, с. 287]. Однако начало «холодной войны» привело к пересмотру подходов.

Период 1946–1953 годов характеризуется унификацией понятия «интеллигенция» и развертыванием работы по «воспитанию советского патриотизма». Как отмечается в учебно-практическом справочнике по истории России, «в стране началась массированная кампания, проводившаяся под флагом борьбы за "утверждение советского патриотизма" против "тлетворного влияния Запада", за "перевоспитание" интеллигенции» [4, с. 287].

Ключевым элементом этой работы стало введение в публичный дискурс понятия «низкопоклонство перед Западом». В августовской речи 1946 года А.А. Жданов, куратор идеологической политики, заявил: «Некоторые наши литераторы считают себя не учителями, а учениками (и)... угодливо сползают к раболепному тону перед филистерской иностранной литературой. Пристало ли это нам, советским патриотам, которые построили советскую систему, в сотни раз лучшую и более высокую, чем любая буржуазная система?» [1]. В том же духе высказывался и Сталин, который в беседе с писателями в мае 1947 года отмечал, что «наша средняя интеллигенция – научная интеллигенция, профессора и доктора... не имеют развитого чувства советского патриотизма. Они заражены неоправданным восхищением зарубежной культурой... Эта старая традиция берёт начало при Петре Великом... пресмыкаться перед иностранщиной, перед дерьмом» [1].

Программным документом этого периода стала изданная в 1950 году книга С.В. Кафтанова «О патриотизме советской интеллигенции» [7]. Эта работа, выпущенная издательством «Правда», определяла патриотизм интеллигенции как ее главную добродетель. Идеологическая работа в науке осуществлялась, в частности, в ходе сессии

ВАСХНИЛ 1948 года, на которой были подвергнуты критики буржуазные подходы в развитии генетики [1].

Патриотическая риторика 1940-х годов приобрела выраженный исторический характер. В январе 1949 года «Комсомольская правда» опубликовала статью под заголовком «Самолёт – российское изобретение», в которой утверждалось, что «невозможно найти хотя бы одну область, где русские люди не проложили бы новых дорог»: радио изобрел Попов, лампу накаливания – Лодыгин, паровую машину – Ползунов, а первый самолет – Можайский «за 21 год до братьев Райт» [1].

4. Марксистско-ленинское определение интеллигенции как «служебного элемента» и его реализация в дискурсе 1930-1950-х годов

Центральным для понимания советского дискурса об интеллигенции является ее определение как «служебного элемента». В беседе с Фейхтвангером Сталин подробно разъяснил этот тезис: «Интеллигенция – обслуживающий элемент, не общественный класс. <...> Как только интеллигенция начинает финтить – ее заменяют другими» [8]. При этом вождь приводил исторические примеры: народников 1870-х годов, пытавшихся «насилловать историю», и теоретиков «русского социализма», мечтавших миновать капитализм. «Всегда, когда интеллигенция пыталась ставить самостоятельные задачи, она терпела фиаско», – резюмировал Сталин [8].

Однако, как подчеркивал Сталин, в СССР ситуация принципиально иная. Если в капиталистическом обществе «человек состоит из тела, души и капитала», то у нас – «из души, тела и способностей трудиться» [8]. Поэтому советская интеллигенция, сохраняя свою «служебную» функцию, пользуется полным равноправием с рабочими и крестьянами. Эта диалектика – служебная роль при формальном равенстве – стала основой для формирования советской интеллигенции как социального слоя.

Инструментом формирования кадров интеллигенции стала система высшего образования. Как отмечает Б. Тромли в исследовании «Making the Soviet Intelligentsia», университеты 1930-1950-х годов были не только кузницей кадров, но и пространством, где происходило «конструирование» новой интеллигенции – лояльной, патриотичной, готовой служить государству [5]. Показательным является эпизод с комсомольским собранием студентов-физиков МГУ осенью 1953 года, после которого некоторые «борцы с космополитами» были удалены от руководящих постов, а учебные курсы пересмотрены [5]. Это свидетельствовало о том, что к концу сталинской эпохи в университетской среде сформировались механизмы адаптации к меняющимся идеологическим требованиям.

Проведенное исследование позволило комплексно охарактеризовать эволюцию понятия «интеллигенция» в советском дискурсе 1930–1950-х годов. Было установлено, что в начале рассматриваемого периода в советской науке и энциклопедических изданиях сохранялась некоторая полисемия термина, однако к концу 1940-х годов под влиянием идеологической работы утвердился социопрофессиональный подход, исключавший нравственно-этическую составляющую.

Анализ 1930-х годов показал, что отношение власти к интеллигенции претерпело трансформацию: от недоверия конца 1920-х к конструированию «народной интеллигенции» в годы индустриализации. Государство активно формировало новый дискурс, в котором техническая интеллигенция представляла как опора режима. Ключевую роль в этом процессе сыграл переход от интернационалистской риторики 1920-х к государственному патриотизму 1930-х, закрепивший за интеллигенцией статус «служебного элемента».

В послевоенный период выявлена тенденция к унификации определений, при которой идеологическая работа — борьба с «низкопоклонством перед Западом», «дело врачей», сессия ВАСХНИЛ — выступали инструментами утверждения единого понимания роли интеллигенции. Показательным является издание в 1950 году книги С.В. Кафтanova «О патриотизме советской интеллигенции», которая программно закрепила патриотизм как главную добродетель советского интеллигента [7].

Анализ патриотической традиции в современной историографии показывает, что эта традиция интерпретирует сталинскую политику как «возвращение к цивилизационно-ценностной парадигме» и «реабилитацию дореволюционной историографии» [2, с. 2; 9]. Как демонстрирует анализ первоисточников, эта работа с кадрами историков была направлена на создание идеологизированного образа прошлого, служившего целям мобилизации общества.

Наконец, рассмотрение марксистско-ленинского определения интеллигенции как «служебного элемента» позволило увидеть, что именно эта формула, закреплённая в беседе Сталина с Фейхтвангером в 1937 году [8], стала концептуальной основой всего последующего дискурса. Интеллигенция в СССР определялась как профессиональная группа, призванная обслуживать интересы государства. Эта дефиниция, сохраняя формальную декларацию равноправия, фактически утверждала служебную роль интеллигенции. Таким образом, в 1930–1950-е годы понятие «интеллигенция» прошло путь от относительной полисемии к унификации, что стало частью общего процесса идеологизации социального знания и формирования государственно-патриотической идеологии.

Список литературы

1. Колчанова Ю.С. Конструирование советской технической интеллигенции в 1930-е годы: дискурсы и практики // Культура и власть в СССР. 1920–1950-е годы: Материалы IX международной научной конференции. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – С. 156–168.
2. Золотарев О.В. Сталинская модернизация и советская интеллигенция // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. – 2018. – № 3. – С. 45–52.
3. Меметов В.С., Комиссаров В.В. Советская интеллигенция в советской историографии: еще раз о проблеме дефиниций // Интеллигенция и мир. – 2014. – № 4. – С. 12–21.
4. История России: Учебно-практический справочник / Под ред. А.В. Сидорова. – М.: Аксиома, 2015. – 512 с.
5. Tromly B. Making the Soviet Intelligentsia: Universities and Intellectual Life under Stalin and Khrushchev. – N.Y.: Cambridge University Press, 2014. – 295 p.
6. Осин Р.С. Советский патриотизм и пролетарский интернационализм в пропаганде 1930-1940-х гг. // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 6. – С. 61–67.
7. Кафтанов С.В. О патриотизме советской интеллигенции. – М.: Правда, 1950. – 48 с.
8. Беседа И.В. Сталина с Л. Фейхтвангером. 8 января 1937 г. // Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. – М.: МФД; Материк, 2005. – С. 437–449.
9. Пыжиков А. Как Сталин превращался в русского патриота // Аргументы Недели. – 2014. – 24 ноября. – URL: <https://argumenti.ru/history/2014/11/378418> (дата обращения: 26.03.2026).
10. Haimson L.H. Three Generations of the Soviet Intelligentsia // Foreign Affairs. – 1959. – Vol. 37, No. 2. – P. 235–246.

УДК 94(57)

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕТСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В КРАСНОЯРСКЕ В 1946 – 1956 ГГ.

Сентябова Мария Викторовна, кандидат исторических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
m.v._redko@mail.ru

Аннотация. В статье освещаются вопросы организации служб охраны детского здоровья в Красноярске в послевоенное десятилетие. Используя данные о динамике развития системы детского здравоохранения Красноярска, автор анализирует изменения в инфраструктуре и кадровом обеспечении системы детского здравоохранения и дает оценку их влиянию на показатели здоровья детей. Показано что в то, несмотря на улучшение доступности и качества медицинской помощи, в деле охраны детского здоровья в Красноярске оставались актуальными проблемы роста заболеваемости инфекционными болезнями, что требовало дальнейшего совершенствования системы детского здравоохранения.

Ключевые слова: детское здравоохранение, 1946 – 1956 гг., история Красноярска, история Сибири, охрана материнства и детства, педиатрическая служба

ORGANIZATION OF CHILDREN'S HEALTHCARE IN KRASNOYARSK IN 1946-1956.

Sentyabova Maria Viktorovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
m.v._redko@mail.ru

Abstract. The article highlights the organization of child health services in Krasnoyarsk in the post-war decade. Using data on the dynamics of the development of the children's healthcare system in Krasnoyarsk, the author analyzes changes in the infrastructure and staffing of the children's healthcare system and assesses their impact on children's health. It is shown that, despite the improvement in the availability and quality of medical care, the problems of increasing the incidence of infectious diseases remained relevant in the protection of children's health in Krasnoyarsk, which required further improvement of the children's healthcare system.

Keywords: children's healthcare, 1946-1956, history of Krasnoyarsk, history of Siberia, maternity and childhood care, pediatric service

В современной российской исторической науке наблюдается рост интереса к проблеме истории здравоохранения. Показатели здоровья нации неразрывно связаны с уровнем социально-экономического развития общества, особенно если речь идет о детском здоровье, поскольку дети более восприимчивы к условиям внешней среды.

В последние годы появилось много исследований, посвященных организации служб детского здравоохранения и охраны детства в советский период. Так, вопросы организации педиатрической службы в СССР в довоенный период изучали И.В. Егорышева [1] и С.А. Шер [2]. Исследование В.Ю. Альбицкого и А.А. Баранова [3] посвящено детскому здравоохранению в годы Великой Отечественной войны, а работа Н.В. Коваль, А.Л. Устинова [4] – послевоенному периоду. Вопросы организации системы детского здравоохранения в Сибири затрагивались в исследованиях Е.Н. Афанасовой [5], Е.Н. Семеновой [6] и И.В. Орлова [7]. Проблемы охраны детства в Красноярском крае изучала Н.А. Баранцева [8], в Хакасии - О.В. Папина [9] и Н.Р. Фахрутдинова [10]. Однако многие вопросы организации детского здравоохранения на региональном уровне в советские годы до сих пор остаются не изученными.

Настоящее исследование посвящено проблемам работы служб охраны детского здоровья в крупном провинциальном промышленном городе Красноярске в сложных социально-экономических условиях послевоенного десятилетия. В этот период работа медицинских служб города в целом испытывала ряд трудностей. За годы Великой Отечественной войны в тыловых регионах СССР в целом и в Красноярске в частности сильно снизился уровень материального и медикаментозного обеспечения больниц. Одновременно, рост численность населения Красноярска в связи с эвакуацией предприятий в тыл и мобилизацией сельской молодежи в рамках трудового фронта привел к существенному росту нагрузки на медицинские учреждения. Результатом этого стали существенные проблемы с доступностью медицинской помощи для жителей города.

В послевоенное десятилетие сеть организаций охраны детского здоровья в Красноярске переживает существенную трансформацию, связанную как с количественным ростом, так и со структурной перестройкой. В 1946 г. в городе работали две детских соматических больницы и одна инфекционная больница. Кроме того, при взрослых больницах действовали два детских инфекционных и три соматических отделения [11, лл. 369об.]. В целом в медучреждениях города для обслуживания детей было выделено 115 соматических и 200 инфекционных коек [11, л. 370]. Осенью 1949 г. после выхода постановления Совета Министров СССР «Об упорядочении сети и установлении единой номенклатуры учреждений здравоохранения» начался процесс реорганизацию медицинских учреждений, который в сфере детского здравоохранения проявился в закрытии детских отделений во взрослых больницах и переводе соответствующего коечного фонда в специализированные детские больницы. К 1950 г. в Красноярске действовали уже две детские инфекционные больницы и 4 соматических. Также продолжало работу одно детское инфекционное. Коечный фонд детского здравоохранения насчитывал 200 инфекционных и 205 соматических коек. [12, лл. 194, 195об, 196.]. К 1954 г. количество соматических детских больниц выросло до 5, а вот число инфекционных не изменилось. Коечный фонд составляли 291 соматическая койка и 225 инфекционных, то есть то есть в целом общий коечный фонд детского здравоохранения вырос, но не сильно [13, лл. 2, 4об].

При этом количество медицинского персонала увеличивается весьма существенно. Если в 1946 г. в Красноярске работали 40 врачей-педиатров, то в 1950 г. это число выросло до 65, а к 1954 г. – до 117. Существенно увеличивается и охват детей медицинским наблюдением в детских учреждениях. Если в 1946 г. в детских яслях города работали 23 медицинские сестры, а в школах – всего 3, то к 1950 г. их число увеличивается до 37 и 18 соответственно. К 1954 г. за здоровьем детей в яслях Красноярска следят уже 88 медсестер, а в школах города – уже 22 [11, лл. 378об, 379; 12, лл. 208об, 209; 13, лл. 11об, 12об].

Существенной трансформации в исследуемый период подверглась и система первичной медицинской помощи детям. В первые послевоенные годы основным звеном этой системы были смешанные детско-женские консультации, действовавшие как отдельные медучреждения. В 1946 г в городе насчитывалось 5 объединенных детских и женских консультаций и только две исключительно детские [11, л. 259]. Однако после реорганизации осенью 1949 г. объединенные детские и женские консультации были разъединены и присоединены разным учреждениям: женские консультации – роддомам, детские – детским больницам. Поэтому к 1950 г. в Красноярске насчитывалось 7 исключительно детских консультаций, из них 3 оставались самостоятельными учреждениями, а 4 работали при детских больницах [12, л. 201].

Изменения также затронули структуру и количество педиатрических врачебных участков. В 1946 г. таковых насчитывалось 11, причем из этого числа 7 обслуживали детей младших возрастов, 2 предназначались для старшего возраста, и 2 обслуживали детей всех возрастов. К 1949 г. число педиатрических участков выросло до 30, большинство из которых, именно 17, были выделены на обслуживание детей младшего возраста, 9 – для старшего возраста, и 4 являлись смешанными. Структурная реорганизация 1949 г. в этой сфере

выразилась в переориентации педиатрических участков в сторону общих, обслуживающих детей всех возрастов. Отдельные участки для детей старшего возраста закрывались. в 1950 г. в Красноярске работало уже 35 педиатрических участков для детей всех возрастов, но ещё сохранялось 5 участков для малышей. К 1954 г. число педиатрических участков в городе выросло до 54, и все они обслуживали детей независимо от возраста [11, л. 256об; 12, лл. 33, 198об; 13, л. 3об]. В то же время с 1948 г. в поликлиниках появляются отдельные кабинеты, предназначенные для лечения подростков. В 1949 г. в Красноярске работало 2 подростковых кабинета, в 1950 г. их число выросло до 4, а в 1954 г. – до 5 [11, л. 25; 12, л. 198об; 13, л. 4об].

Развитие сети детского здравоохранения приводит к существенному улучшению ситуации с обеспечением населения медицинской помощью. Это наглядно проявляется в снижении показателей детской и младенческой смертности. Если в 1950 г. в Красноярске уровень младенческой смертности составлял 164 детей на 1 000 родившихся, то к 1955 г. он сократился до 70 на 1 000 родившихся [14, л. 234].

Но вот ситуация с детской заболеваемостью демонстрировала не такие хорошие показатели. В первой половине 1950-х гг. наблюдался довольно высокий уровень распространения инфекционных заболеваний среди детей Красноярска. Если в 1950 г. в городе было отмечено 3 379 случаев заболевания корью, то в 1954 г. их было уже 6 422. Количество случаев скарлатины за тот же период увеличилось с 1 318 до 2 081, коклюша – с 992 до 1 908, то есть стало больше почти в два раза. Почти ежегодно наблюдались вспышки одной или нескольких острых инфекционных болезней [15, л. 11].

Рост заболеваемости у детей Красноярска прослеживается и при сравнении количества случаев госпитализации в инфекционных и соматических больницах, а также больничной смертности. В 1946 г. в соматических детских больницах и больничных отделениях города из всех госпитализированных детей после излечения было выписано 2 396, а скончалось 176. К 1954 г. эти показатели составили 4 295 вылечившихся и 213 умерших детей соответственно. Увеличение случаев госпитализации объясняется ростом численности детей за счет увеличения количества жителей и роста территорий Красноярска. При этом наблюдается явное снижение соотношения между числом пролеченных и числом умерших детей. что свидетельствует о существенном росте уровня оказания медицинской помощи в детских больницах города.

В то же время в детских инфекционных больницах и отделениях Красноярска в 1946 г. из всех госпитализированных детей выписано было 2 313 детей, скончалось – 60. К 1954 г. этот показатель составил 5 076 и 80 детей соответственно [11, л. 255; 13, лл. 4об], что также демонстрирует существенно снижение уровня смертности от инфекций. Одновременно явно видно, что если в 1946 г. количество случаев госпитализации в инфекционных и соматических детских больницах было довольно близким, то 1954 г. число госпитализаций детей с инфекционными заболеваниями существенно превышает число детей с соматическими. Даже с учетом фактора роста численности населения Красноярска в исследуемый период хорошо видна тенденция к преобладающему росту инфекционной заболеваемости у детей по сравнению с соматической.

Это ярко проявилось распространении среди детей такого заболевания как туберкулез, что отразилось на росте соответствующих медицинских структур. Если в 1946 г. для лечения туберкулеза у детей в больницах Красноярска было выделено 169 коек, то к 1950 г. это число увеличивается до 196, а к 1954 г. – до 227 [11, л. 255; 12, л. 196, 13, л. 4об]. Одновременно выросло число пациентов в детском противотуберкулезном санатории: от 674 в 1945 г. до 858 в 1950 г. [11, л. 375об; 12, л. 203об.]. В то же время наблюдаются серьезные успехи в увеличении охвата новорожденных вакцинацией противотуберкулезной вакциной БЦЖ. Если в 1946 г. в роддомах и больницах Красноярска было вакцинировано 27,9 % новорождённых, то к 1954 г. этот показатель вырос до 89,9 % [11, л. 258; 15, л. 15].

Как видно из всего вышесказанного, за первое послевоенное десятилетие система охраны детского здоровья в Красноярске пережила серьезные количественные и

качественные изменения. Расширение охвата населения сетью учреждений детского здравоохранения, а также увеличение количества медицинских работников, занятых в этой сфере, способствовали увеличению качества медицинской помощи детям, что проявлялось в снижении показателей младенческой смертности и детской смертности в больницах города. В то же время к концу исследуемого периода в Красноярске по-прежнему оставался нерешенным целый ряд проблем в сфере охраны материнства и детства. Уровень детской заболеваемости инфекционными болезнями и особенно туберкулезом оставался высоким, а охват населения педиатрической помощью не успевал за ростом численности горожан, что свидетельствовало о необходимости продолжать работу по совершенствованию системы детского здравоохранения.

Список литературы

1. Егорышева И.В. Охрана материнства и младенчества в первые годы деятельности народного комиссариата здравоохранения РСФСР. / И.В. Егорышева. // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. – 2015. – №7. – С. 29-36.
2. Шер, С.А. Уроки истории становления амбулаторно-поликлинической помощи детям в СССР (1930-1940 гг.) / С.А. Шер // Педиатрическая фармакология. – 2020. – Т. 17. – № 3. – С. 213-218.
3. Альбицкий, В.Ю. Охрана здоровья детей в годы Великой Отечественной войны / В.Ю. Альбицкий, А.А. Баранов, С.А. Шер // Вопросы современной педиатрии. – 2020. – Т. 19. – № 1. – С. 12-19.
4. Коваль, Н. В. Состояние советской педиатрии в поствоенный период (середина 1940-х - середина 1960-х гг.) / Н.В. Коваль, А.Л. Устинов // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения: Материалы V Международной научно-практической конференции молодых учёных и студентов. – Екатеринбург, 2020. – С. 902-907.
5. Афанасова Е.Н. Реализация социальной политики Советского государства в области охраны материнства и детства в 1920-1930-е гг. (по материалам Восточной Сибири): автореф. дис. ... док. истор. наук. / Е.Н. Афанасова. – Улан-Удэ, 2020. – 50 с.
6. Семенова, Е.Н. Медицинская помощь детям в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны / Е.Н. Семенова // Исторический журнал: научные исследования. – 2020. – № 6. – С. 22-30.
7. Орлова, И.В. Охрана материнства и младенчества в Восточной Сибири в 1920-е годы / И. В. Орлова // Альманах сестринского дела. – 2015. – Т. 8. – № 1. – С. 22-24
8. . Баранцева, Н. А. Охрана материнства и младенчества в Красноярском крае (1920-1930-е гг.) / Н. А. Баранцева // Шестые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения. – Иркутск, 2012. – С. 109-114.
9. Папина, О. В. Развитие системы охраны материнства и детства в послевоенный период в Хакасии / О.В. Папина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 7. – С. 29-32.
10. Фахрутдинова, Н.Р. Политика охраны материнства и детства в РСФСР в 1950-1980 годах и её региональные проявления / Н.Р. Фахрутдинова // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2017. – № 22. – С. 129-131.
11. ГАКК, Ф.Р. 1384, Оп. 4, Д. 13.
12. ГАКК, Ф.Р. 1384, Оп. 4, Д. 19.
13. Городской архив Красноярска, Р-1024, Оп. 2а. Д. 181.
14. ГАКК, Ф.Р. 1300, Оп. 12, Д. 385.
15. ГАКК, Ф.Р. 1300, Оп. 12, Д. 338.

УДК 930.2

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОФЕССОРА Б.Э. ПЕТРИ

Шкарлет Валерия Андреевна, специалист по УМР
Братский государственный университет, Братск, Россия
madaakat@mail.ru

Аннотация. В статье приводится описание основных методов и методологических принципов исследовательских работ иркутского этнографа Б.Э. Петри при изучении коренных малочисленных народов. Выделяются три этапа, которые способствовали разработке и совершенствованию рассматриваемых методик: доиркутский, работа в Иркутском государственном университете, сотрудничество с Комитетом Севера.

Ключевые слова. Б.Э. Петри, этнография, научная школа, методология, коренные малочисленные народы

METHODS AND METHODOLOGICAL PRINCIPLES IN ETHNOGRAPHIC RESEARCH BY PROFESSOR B.E. PETRI

Shkarlet Valeriya Andreevna, Specialist in EMW
Bratsk State University, Bratsk, Russia
madaakat@mail.ru

Abstract. The article describes the main methods and methodological principles of the research work of Irkutsk ethnographer B.E. Petri in the study of indigenous peoples. There are three stages that contributed to the development and improvement of the methods under consideration: pre-Irkutsk, work at Irkutsk State University, and cooperation with the Committee of the North.

Keywords. B.E. Petri, ethnography, scientific school, methodology, indigenous peoples

Первые шаги национальной политики советской власти по отношению к коренным малочисленным народам севера (или малым народам) заложили фундамент для начальных преобразований. Это стало возможно благодаря осмысленному подходу к проблеме ассимиляции. Одним из решений стало создание региональных комитетов и привлечение когорты ученых, занимавшихся этнографическими и антропологическими исследованиями. Среди них можно выделить фигуру профессора Бернгарда Эдуардовича Петри – иркутского этнографа, антрополога, археолога, руководителя Иркутского областного музея и основателя научной археологической и этнографической, палеонтологической [1, 70] школы.

Формированию Б.Э. Петри как ученого «доисторического» периода способствовал ряд факторов. Первым можно назвать семью и образование: отец – антрополог и профессор Петербургского университета; мать – служитель Кунсткамеры. Окончательное закрепление Б.Э. Петри в науке произошло с получением диплома после обучения на естественнонаучном факультете географического отделения в Петербурге. Значительный вклад в становлении Б.Э. Петри как самостоятельного научного работника, в разработку им собственных научных методов внес Музей антропологии и этнографии, сыграло роль и покровительство академика В.В. Радлова, а также сказались три экспедиции в Прибайкалье. Благодаря этому на момент приезда в Иркутск Б.Э. Петри стал видным представителем классической эволюционистской этнографии.

С 1918 г., работая сначала приват-доцентом, а позже и профессором в Иркутском государственном университете, Бернгард Эдуардович одновременно трудился в трех неразрывно связанных направлениях: первое – преподавательское – чтение лекций для

студентов, популяризация этнографического и археологического знания; второе – непосредственно научное, в которое вошла научная деятельность, сотрудничество с Восточно-Сибирским отделением Российского географического общества (далее – ВСОРГО) и археологические экспедиции (с 1923 по 1934 гг.). Третьим направлением можно считать ведение кружка «Краеведение» (ранее «Народоведение»), ставшего костяком его научной школы [2, 65], к которой принадлежали выдающиеся ученые: А.П. Окладников, М.М. Герасимов, Г.Ф. Дебец, Л.Н. Иваньев, П.П. Хороших и др. [3, 11; 2, 66]. Особенность формирования этого кружка заключалась в организации его вокруг личности Б.Э. Петри, а не в географическом расположении Иркутска или в признании его научным и культурным центром Сибири. Поэтому ошибочно называть школу «иркутской» [4, 37]. Однако стоит отметить, что даже несмотря на авторитет Б.Э. Петри как организатора кружка, некоторые его участники, к примеру, А.П. Окладников и М.М. Герасимов, «относились к его научным разработкам, выводам, предложениям, к его поведенческим особенностям очень неоднозначно, вплоть до неприятия» [4, 37].

Методики, принципы преподавания и ведения исследовательской работы базировались на особенностях уже сложившейся научно-исторической атмосферы Сибири и, в частности, Иркутска, а также на личных качествах профессора Б.Э. Петри. Иркутск являлся местом, где ученые имели возможность избежать последствий политической нестабильности и Гражданской войны. Помимо Б.Э. Петри профессорско-преподавательский состав включал в себя множество представителей научной интеллигенции из центральной части России и соседних губерний. Это же в свою очередь определило демократичность и независимость [4, 36] в выборе области научного познания и сферу деятельности для студентов, что, несомненно, привлекало их. Данный принцип был главенствующим в работе со студентами и у Б.Э. Петри.

Многими историками Сибирь рассматривалась как огромный неизученный пласт информации об истории края и местного коренного населения. Поэтому доминирующими положениями в исторической научно-исследовательской работе стали географические, археологические, антропологические и этнографические изыскания.

Сам Б.Э. Петри называл себя «дарвинистом по методам исследования» [3, 11], поэтому выбрал предметом изучения человека, его культурные и религиозные стороны жизни. Поскольку он видел своей целью реконструкцию прошлого коренных малочисленных народов, восстановление их происхождения и заселения Сибири, то выявил для себя неразрывную связь археологии, этнографии и антропологии, обозначив их совокупность понятием «этнология». Вместе с этим использовался термин «народоведение» [5, 10; 3, 11].

Главные преподавательские требования Б.Э. Петри – самостоятельность исследования и недопущение компилятивных работ. Эти требования распространялись на системный процесс сбора археологического материала студентами в полевых условиях, камеральную работу с находками, анализ, завершение публичным выступлением с обсуждением и публикацией работы в научных журналах ВСОРГО. Для корректного изучения поселений, которым Б.Э. Петри уделял пристальное внимание, так как считал их предметом наиболее четкого отображения исторического пути развития малых народов, разработал и издал «Программу исследования стоянок под открытым небом» [6, 39]. Следуя программе, используя географические и природно-климатические особенности местности, студенты собирали информацию, в том числе и для реконструкции хозяйственной деятельности и быта. Археологические находки становились экспонатами в музее Б.Э. Петри и пополнялись всеми, кто выезжал в экспедиции, в основном самим Б.Э. Петри и участниками «народоведческого» кружка [5, 30; 2, 74]. Студенты на практических занятиях разбирали и регистрировали коллекции [5, 14]. Именно собирание коллекции по культуре, хозяйству, быту, шаманству и др. осветило малоизученные аспекты быта коренных малочисленных народов.

При этом музей делал возможным осуществление преподавательской деятельности

нестандартным способом: лекционные занятия Б.Э. Петри и других преподавателей проводились именно в нем, экспонаты музея использовали в качестве наглядного «пособия».

Сотрудничество с Комитетом Севера стало новой главой научной жизни Б.Э. Петри.

С апреля 1925 г. возглавил Иркутское отделение Комитета. Это же ознаменовало отход от «доистории» [5, 38], поскольку программа Комитета задала новый ориентир, изменив объект и методы этнографических исследований. Теперь гуманитарная наука служила сугубо практическим целям и получила новый термин – «государственная этнография».

Комитет Севера поставил задачи, суть которых сводилась к «советизации» жившего тогда коренного населения и приобщению к социалистической (плановой) экономике через окультуривание и изменение вида хозяйств. Стоит отметить, что при этом отсутствовали или сильно устарели точные статистические данные о местоположении малых народов, способах ведения хозяйства. По этой причине региональным отделениям (местным комитетам) и привлеченным к этому делу ученым-этнографам приходилось заново собирать информацию [7, 2-3].

Несмотря на объемное проектное финансирование со стороны правительственных структур, научные деятели на практике осознали особенность сложившейся ситуации – патерналистских реформ, направленных на малые народы, отставших во всех сферах деятельности, не избежать. Условием для предотвращения вымирания малых этнических групп должно было стать выяснение характера культурно-хозяйственного быта, а также подготовка рекомендаций по проведению патерналистских реформ [5, 37; 8, 119].

В рамках практико-ориентированной научной деятельности Б.Э. Петри осуществил разработку теоретических и практических концепций, которые впоследствии трансформировались в систематизированную базу новых знаний о коренных малочисленных народах Иркутской области и инструментарий для ее исследований. Он одним из первых применил статистический метод в этнографии [2, 78]. Методология складывалась преимущественно эмпирически и адаптировалась под практические задачи в процессе экономических и землеустроительных экспедиционных обследований. [9, 4]. В ходе экспедиции Б.Э. Петри был разработан «метод сплошного обследования», который предполагал использование широкого спектра заранее разработанных утвержденных техник для изучения как можно большего числа представителей выбранной группы [4, 41]. Согласно методу, исследование фокусировалось на обособленных этнографических группах, признанных самостоятельным народом. Но при этом Б.Э. Петри ошибочно полагал их полную изоляцию без процессов культурной ассимиляции. Например, экспедиция 1926 г. к окинским сойотам обнаружила и зафиксировала неравномерность в хозяйстве и культуре под влиянием ассимиляции бурят [5, 38]. Таким образом, разделение малых народов в рамках четких границ по географическому и национальному признаку для сбора и систематизации статистических данных, которое предполагает авторский метод Б.Э. Петри, не представляется в полной мере осуществимым [2, 70-71].

По изложенным в трудах Б.Э. Петри результатам экспедиций видно, что метод предполагал детальный разбор землепользования, промыслов, типа хозяйств, торговли, медицины, социальной девиации и культурных особенностей, способных помешать или ускорить процесс интеграции, давал четкое понимание материального и социального положения коренного населения. Б.Э. Петри пришел к выводу о необходимости рекомендательных программ вроде «Проект культбазы для малых народов Сибири» [10] для «безопасного» перехода коренных малочисленных народов в новую социалистическую жизнь. С первой же страницы он дает оценку: «Ясно, что туземцы севера сами не перейдут к новым формам хозяйства, а их надо перевести. Ясно, что предоставление их самим себе поведет их, именно теперь, к полному вымиранию... Мы должны подготовить к этому туземцев, так как иначе, застав их врасплох, она может довершить дело их уничтожения» [10, 1].

По задумке Б.Э. Петри переход к оседлому образу жизни у кочевых племен должен был пройти постепенно, возможно, через этапы, так как у некоторых изучаемых народов (сойотов) уже имелся частичный переход к другому виду хозяйства. В силу того, что пушной промысел и оленеводство являлись основными видами хозяйства, то имело смысл не насильно заставить перейти на новый, а рационализировать старый [10, 2]. Помочь с регулированием в вопросе оседлости должна была культбаза: «Культбаза это есть место, где зарождается туземная оседлость и где собраны все учреждения, обслуживающие туземцев» [11, 5]; «Это есть центр охотхозяйства» [10, 3]. В структуру входила школа, врачебный пункт, пекарня и жилище для осевших туземцев.

Деятельность Комитета Севера была прекращена в 1935 г., этнография объявлена буржуазной наукой, а ранее намеченные «мягкие» реформы остались нереализованными. Несмотря на то, что задачи Комитета Севера ставились по инициативе высшего руководства и имели прагматическую экономическую направленность, взаимодействие Комитета с этнографами позволило собрать ценные и ранее неизвестные сведения о коренных малочисленных народах, заложило основы для будущих исследований.

Жизнь Бернгарда Эдуардовича Петри закончилась в 1937 г. Его обвинили в шпионаже и приговорили к расстрелу. В 1956 г. был реабилитирован посмертно. Б.Э. Петри вошел в историю как видный этнограф и археолог, чье наследие включает собственную научную школу. Б.Э. Петри выстроил комплексную или всестороннюю научную и педагогическую работу со студентами из разных аспектов наук, тесно связанных между собой. Ввел в науку новые археологические и этнографические методики обследования, которые позже применил на практике и усовершенствовал. Его вклад отмечен оригинальными авторскими взглядами и методиками, несмотря на некоторую спорность последних.

Список литературы

1. Сирина, А. А. Институализация археологии в Иркутске: палеоэтнологическая секция ВСОРГО (1925–1929) / А.А. Сирина // Известия Лаборатории древних технологий. – 2020. – № 4. – С. 70-85.
2. Сирина, А. А. Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э. Петри / А. А. Сирина – Текст: непосредственный // Репрессированные этнографы. Выпуск I. Издание второе / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Москва: «Восточная литература», 2002. – С. 57-80. – ISBN 5-02-018346-6.
3. Сирина, А. А. Бернгард Эдуардович Петри / А. А. Сирина // Известия Лаборатории древних технологий. – 2004. С. 10-13.
4. Иванов, А. А., Калихман, А. Д., Калихман, Т. П. Б.Э. Петри в истории Саянского перекрестка / А. А. Иванов, А. Д. Калихман, Т. П. Калихман. – Иркутск: Издательство «Оттиск», 2008. – 260 с. – ISBN 978-5-93219-200-9.
5. Сирина, А. А. «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы / А. А. Сирина – Текст: непосредственный // А. А. Сирина «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы. – Москва – Иркутск, 2013. – С. 7-48.
6. Китова, Л. Ю. Палеоэтнологическая школа Б.Э. Петри/ Л. Ю. Китова // У истоков советских археологических школ (1918–1950). Материалы Международной научной конференции. – 2023. – С. 38-40.
7. Петри Б.Э. Очерки жизни и быта карагас/ Б. Э. Петри. – Иркутск: Издательство «Власть Труда», 1926. – 89 с.
8. Рагулина, М. В. Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Сибири: тенденции и парадоксы развития/ М. В. Рагулина // Известия ИГУ. Серия: Науки о Земле. – 2014. – Т.7. – С. 116-128
9. Рагулина, М. В. Методы этноэкономических исследований коренных малочисленных народов Сибири в преддверии коллективизации/ М. В. Рагулина // Вестник евразийской науки. – 2015. – № 5. – 14 с.
10. Петри Б. Э. Проект культбазы для малых народов Сибири/ Б. Э. Петри. – Томск, 1928. – 10 с.
11. Петри Б. Э. Бюджет у карагасского хозяйства/ Б. Э. Петри. – Иркутск, 1928. – 72 с.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 6. ИННОВАЦИИ В ВЕТЕРИНАРНОЙ МЕДИЦИНЕ И БИОТЕХНОЛОГИИ

Вахрушева Т.И. ПОСТМОРТАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА ПРИЧИН СМЕРТИ КУР СОДЕРЖАЩИХСЯ В ЧАСТНЫХ ХОЗЯЙСТВАХ	3
Донков С.А. ГИСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МЯСНОГО ПРОДУКТА КАТЕГОРИИ А «КОЛБАСА ДОКТОРСКАЯ» С ПРИМЕНЕНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОГО АНАЛИЗА ЦИФРОВЫХ ФОТОГРАФИЙ	7
Донкова Н.В. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОХОТНИЧЬЕ-ПРОМЫСЛОВЫХ ПТИЦ	12
Егоров И.В., Мельцов И.В. СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ЗАРАЗНЫХ БОЛЕЗНЕЙ ЖИВОТНЫХ В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ	16
Ковальчук Н.М. АНАЛИЗ МОНИТОРИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОВЯДИНЫ, СВИНИНЫ И МЯСА ПТИЦ	20
Козина Е.А. ДИНАМИКА МАССЫ ТЕЛА ЩЕНКОВ ПОРОДЫ БИШОНФРИЗЕ В ПОДСОСНЫЙ ПЕРИОД	25
Колосова О.В. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ЛАЗЕРОТЕРАПИИ ПРИ ЛЕЧЕНИИ ЗАБОЛЕВАНИЙ СУХОЖИЛЬНО-СВЯЗОЧНОГО АППАРАТА У ЛОШАДЕЙ	30
Коновалов К.Л. МИКРОКРИСТАЛЛИЧЕСКАЯ ЦЕЛЛЮЛОЗА – МОДЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ФИЗИОЛОГИЧЕСКИ ИНЕРТНОЙ ДОБАВКИ ИЗ БИОПОЛИМЕРОВ РАСТЕНИЙ	33
Коновалов К.Л., Смолин С.Г. ВКЛЮЧЕНИЕ В РАЦИОН КОРМЛЕНИЯ КРОЛИКОВ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ФИТОГЕННОЙ ЦЕЛЛЮЛОЗНОЙ АГРЕГИРОВАННОЙ ДОБАВКИ	37
Лефлер Т.Ф., Шадрогин Д.А. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ХОЗЯЙСТВЕННО - ПОЛЕЗНЫХ КАЧЕСТВ ПЧЁЛ КАРПАТСКОЙ И СРЕДНЕРУССКОЙ ПОРОД В УСЛОВИЯХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ	42
Мантатова Н.В., Бадмаев Ц.-Д.М ЛЕЧЕНИЕ МАСТИТОВ КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА ГОЛШТИНСКОЙ ПОРОДЫ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ УСЛОВИЯХ	46
Пашенко О.А., Бордюгова С.С., Коновалова О.В., Зайцева А.А., Белянская Е.В. ВНЕДРЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ХАССП ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ РЫБНЫХ ПРЕСЕРВОВ	51
Саражакова И.М., Сулайманова Г.В. МАССАЖ КАК МЕТОД ОТДЕЛЕНИЯ ПОСЛЕДА	57
Хибатуллин Д.Ш., Дерхо М.А. МИКРОБНЫЙ ПЕЙЗАЖ СЛЕПОЙ КИШКИ ЦЫПЛЯТ-БРОЙЛЕРОВ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ	61

СЕКЦИЯ 7 ЭКОНОМИКА, МЕНЕДЖМЕНТ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ АПК

Аникиенко Н.Н., Савченко И.А. ТЕНДЕНЦИИ ПРОИЗВОДСТВА МОЛОКА В МИРЕ	64
Арзуманян М.С. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ	68
Бендик Н.В., Полковская М.Н. ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИРКУТСКОМ ГАУ	73
Брит А.А., Павлов К.В., Голубцов Г.В. РАЗРАБОТКА ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ПРИЗНАКОВОЙ КОЛЛЕКЦИИ ОБРАЗЦОВ КАРТОФЕЛЯ	77
Бронов С.А., Вайман М.А., Никонов Д.А., Зазнобина А.В. АВТОМАТИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ МОДЕЛЕЙ ОТДЕЛЬНЫХ БЛОКОВ В МОДЕЛЬ ИССЛЕДУЕМОГО ОБЪЕКТА В СИСТЕМЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ДИНАМИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ	81
Бронов С.А., Фролов Д.М. СТЕНД ДЛЯ АНАЛИЗА И МОНИТОРИНГА ТРАФИКА IP-ТЕЛЕФОНИИ С ПРИМЕНЕНИЕМ КОНТЕЙНЕРНОЙ ВИРТУАЛИЗАЦИИ DOCKER	85
Ван Чжаосян, Лукиных В.Ф. СТРУКТУРИРОВАНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ИНСТРУМЕНТОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ТОВАРОДВИЖЕНИЯ В АРХИТЕКТУРЕ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ РЕГИОНА	89
Вяткина Г.Я., Фомина Л.В., Литвинова В.С. БЛАГОПОЛУЧИЕ ПЕРСОНАЛА КАК ИНДИКАТОР ВНУТРЕННЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	97

Габараев Д.Д., Озерова М.Г. СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАВИСИМОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕН НА ЗЕРНО ОТ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ (НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)	101
Елистратова П.Н., Печенкина В.В. РАЗВИТИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ФОРМЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ	104
Еремеев С.Д., Шевченко М.Н. СЦЕНАРНЫЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ)	109
Ермакова И.Н., Гаврилова О.Ю., Шаропатова А.В. АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНУТРИХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЕРТИКАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В МОЛОЧНОМ СКОТОВОДСТВЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ	114
Квитка Д.Е., Буданова Н.В. ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЛИНГА НА БАЗЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ В АПК	118
Клюхина Н.Б., Чепелева К.В. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ	124
Клюхина Н.Б., Чепелева К.В. СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ КОМПЛЕКСА ПРОДВИЖЕНИЯ ПРОДУКЦИИ ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ	128
Ковальчук Д.Е., Аникиенко Н.Н. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОГО РЫНКА ОВОЩЕЙ	133
Кочелорова Г.В. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА	138
Литвинова В.С., Фомина Л.В., Вяткина Г.Я. ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ РУКОВОДИТЕЛЯ	143
Марышева Ю.В., Афанасьева А.А. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	147
Паршуков Д.В. ВЛИЯНИЕ СУБСИДИЙ АПК НА ДОХОДЫ РЕГИОНАЛЬНОГО БЮДЖЕТА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ	151
Полковская М.Н., Бедник Н.В. ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭМУЛЯТОРОВ ФГИС В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ИРКУТСКОГО ГАУ	156
Полковская М.Н., Томсон И.А. НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ	160
Ревунов А.А., Шалевская Е.Ю. ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭКОНОМИКЕ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, УПРАВЛЕНИИ И ОБРАЗОВАНИИ	163
Тюрина М.А., Шевцова Л.Н., Амбросенко Н.Д. КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ	167
Фролов И.В. МОДЕЛЬ ИНТЕГРАЦИИ МАЛЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В СИСТЕМУ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ: ПРАКТИКА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ	172
Фролова О.Я., Кузьмина Г.И. ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ СИСТЕМЫ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	178
Ху Яньхун, Лукиных В.Ф. СТРУКТУРА МЕТОДОВ ФОРМИРОВАНИЯ РЫНКА ЛОГИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ	183
Худолей О.В. РОЛЬ ИННОВАЦИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА	191
Чжоу Ян, Лукиных В.Ф. СТРУКТУРА МЕТОДОВ ФОРМИРОВАНИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В ЦЕПЯХ ПОСТАВОК	195
Шаропатова А.В., Гаврилова О.Ю., Ермакова И.Н. ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОТРАСЛИ МОЛОЧНОГО СКОТОВОДСТВА	204
Шевченко М.Н., Квитка Д.Е. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ МОТИВАЦИИ ТРУДА В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ В УСЛОВИЯХ АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА	208
Ян Чуньмин, Лукиных В.Ф. ОСНОВЫ МЕТОДОЛОГИИ КОНВЕРГЕНЦИИ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	214

СЕКЦИЯ 8. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андреева Ю.В. ПЕРВИЧНЫЕ И ВТОРИЧНЫЕ ПРИЗНАКИ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПРОБАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА	221

Бабак Е.В., Бабак Ю.Н. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ	224
Бертовский Л.В., Курбатова С.М. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ПРАВОСУДИЯ	229
Дадаян Е.В. К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВОСПОЛНЕНИЯ ВЫПОЛНЕННОГО ОБЪЕМА РАБОТ В СИТУАЦИИ ОТСУТСТВИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ, ВЫПОЛНЕННОГО ОБЪЕМА РАБОТ В АКТАХ ПРИЕМА-ПЕРЕДАЧИ	232
Ерахтина Е.А. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: ПОТЕНЦИАЛ, РИСКИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ И ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ ЭПОХИ DEERFAKE	235
Курбатова С.М. «СЫВОРОТКИ ПРАВДЫ» – ОТ ПСИХОАКТИВНЫХ НАРКОТИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ ДО НЕЙРОТЕХНОЛОГИЙ	241
Летягина Е.А. ЭМОДЗИ КАК СПОСОБ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ СУБЪЕКТА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ	244
Максуров А.А. ХАРАКТЕРИСТИКА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	249
Осипова Е.С. О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА АВИАПЕРЕВОЗЧИКОМ В СЛУЧАЕ ЗАДЕРЖКИ РЕЙСА	254
Селезнев В.М. ВЗГЛЯД НА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ РЕГЛАМЕНТИРОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА: МЕЖДУ КОНСУЛЬТАЦИЕЙ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ	257
Селезнев В.М. СУЩНОСТЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	261
Середа О.В. К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА	265
Сторожева А.Н. К ВОПРОСУ О ДОСУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ ОБРАЩЕНИЯ К ФИНАНСОВОМУ УПОЛНОМОЧЕННОМУ ПОТРЕБИТЕЛЕМ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ	270
Ткаченко А.В. ЗНАЧЕНИЕ НАУКИ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ДЛЯ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	273
Фастович Г.Г. ФОРМИРОВАНИЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	279
Харебин Д.Д. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	283
Червяков М.Э. К ВОПРОСУ О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ, ОБРАЗУЮЩИХ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДМЕТА ТЕОРИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	290
Широких С.В. ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВКЛЮЧЕНИЯ СТРАХОВОЙ СТАЖ ПЕРИОДА УХОДА ЗА ДЕТЬМИ	298

СЕКЦИЯ 9. СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Баринова С.Г. ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ (СВЯТООТЕЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И УНИКАЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ	302
Бармашова Т.И. ПРОБЛЕМА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В КОНЦЕПЦИИ АПОЛОГИИ ДУШИ К.Г. КАРУСА	306
Демина Н.А. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БУДУЩЕГО РОССИИ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ	310
Конникова Л.Ю. ЭТИКА «ДОСТОИНСТВА» ПРОТИВ ЭТИКИ «ДОСТАТКА»: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ	313
Круглова И.Н. К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ ФИЛОСОФИИ, ИЛИ: ВОЗМОЖНА ЛИ РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ?	316
Ма Синьйю' Круглова И.Н. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ	320
Романов М.П. САКРАЛЬНОЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: КЛЮЧЕВАЯ ИДЕЯ Э. ДЮРКГЕЙМА	327
Самарин А.С. ЭТИКО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ МАКСИМАЛИЗМ РУССКОЙ МЫСЛИ И ВЫЗОВ АНТИЧНОГО СКЕПТИЦИЗМА	330
Холонина Н.В. ОБРАЗ РУССКОГО РАДИКАЛА НАЧАЛА XX ВЕКА	335

Шакир Р.А. «НЕМОТА НАШИХ ЛИЦ»: АПОКАЛИПТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ НИКИТЫ СЮНДЮКОВА	339
СЕКЦИЯ 10. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ	
Баранова И.С. ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ РОССИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	352
Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БАЛЬНЕОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ СИБИРИ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	358
Ганчар А.И. ПРОЕКТ УЧРЕЖДЕНИЯ ВИЛЕНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1863)	364
Ганчар А.И. ПРОЕКТ УЧРЕЖДЕНИЯ РУССКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПОЛОЦКЕ (1872 Г.): ЗАБЫТАЯ АЛЬТЕРНАТИВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ	367
Ганчар Н.П. РОЛЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ ОБ ОТКРЫТИИ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ В Г. НОВОГРУДКЕ МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ)	371
Гулярян А.Б., Лобкова Н.А. КРУЖКИ СИОНИСТОВ ВНЕ ЧЕРТЫ ОСЕДЛОСТИ В НАЧАЛЕ XX В. (НА МАТЕРИАЛЕ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)	377
Латышева Е.О., Митясова С.А. ОТ ФАЛАНСТЕРА К ПРАВОЗАЩИТНОЙ ПРАКТИКЕ: КРАСНОЯРСКИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. В. ПЕТРАШЕВСКОГО	381
Павлюкевич Р.В. СТРУКТУРА ПОГОЛОВЬЯ СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ В 1953-1965 ГГ.	384
Рубан А.А., Гонина Н.В. ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЭЛИТАРНОГО МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГГ.	387
Селезнев А.В. ПОНЯТИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ И НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ В СССР В 1930–1950-Е ГОДЫ	392
Сентябова М.В. ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕТСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В КРАСНОЯРСКЕ В 1946 – 1956 ГГ.	398
Шкарлет В.А. МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОФЕССОРА Б.Э. ПЕТРИ	402

НАУКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Материалы Международной научно-практической конференции
(16–17 апреля 2026 года)

SCIENCE: EXPERIENCE, PROBLEMS, DEVELOPMENT PROSPECTS

Materials of the International Scientific and Practical Conference
(April 16–17, 2026)

ЧАСТЬ 2 / PART 2

Ответственные за выпуск:

А.В. Коломейцев, М.В. Горелов, Д.Д. Харебин

Редакционная коллегия:

Д.Д. Харебин – ведущий специалист Управления науки и инноваций
ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ

В.С. Литвинова – канд. с.-х. наук, ведущий специалист Управления науки и инноваций
ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ

Электронное издание

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка и дизайн – Д.Д. Харебин